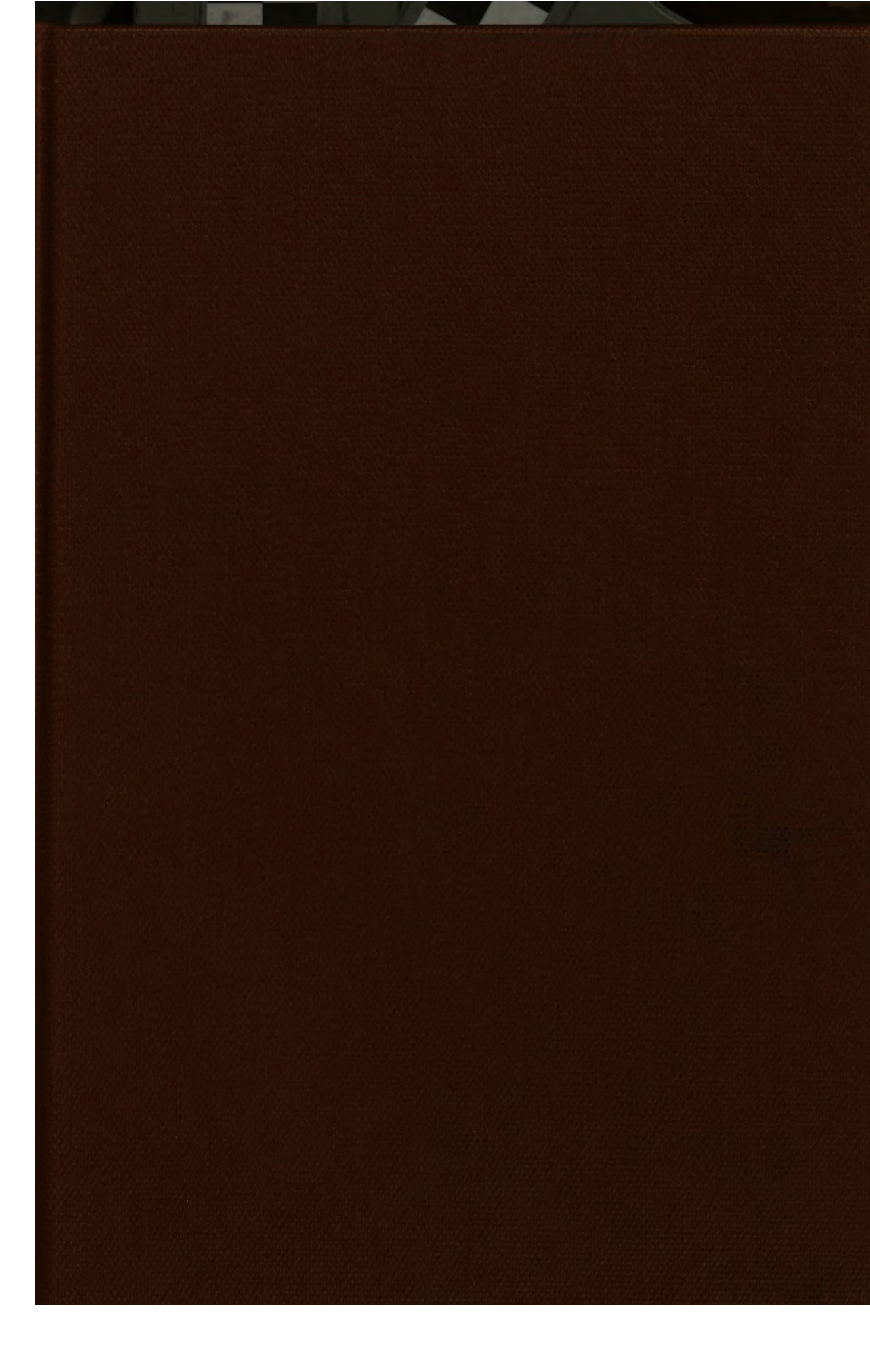




Годъ XIV-й. № 5.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

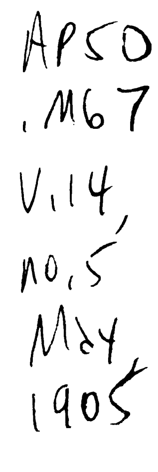
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.





Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1905 года.

335…

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТР

1. БОРЬБА ЗА ТИХІЙ ОКЕАНЪ. Переводъ съ польскаго. **К. Л. Піотровскаго** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДУХЪ ГОРЪ. (Изъ Маріи Конопницкой). **Е. Чернобаева** 15
3. БОРЬБА ДУШЪ Романъ **Густава Гейерстама**. Пер. со шведскаго **З. Зеньковича**. (Продолженіе). Часть вторая . 17
4. СТИХОТВОРЕНІЯ: ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ. **Г. Галиной**. *** **Л. М. Васильевскаго** 46
5. КЪ ТРЕХСОТЛѢТІЮ «ДОНЪ-КИХОТА». **Александра Евлахова** 47
6. МУЖЪ ЧЕСТИ. Повѣсть. **И. Потапенка** 70
7. ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. (Къ полуторавѣковому юбилею: 1755—1905). (Продолженіе). **С. Ашевскаго** 112
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЫ. **Дмитрія Ц.** 137
9. ИТОГИ АНТИСЕМИТИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ. **Р. М. Бланка**. 138
10. ВЪ ИТАЛИИ. Очерки. **Тана** 160
11. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ. **В. Тотоміанца** . . 177
12. ПОЛОЖЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ ВЪ РЯДУ НАУКЪ. Проф. **И. Г. Оршанскаго** 186
13. ЛЕГЕНДЫ. **А. Немоевскаго**. (Переводъ съ польскаго). . 209
14. СИХОТВОРЕНІЕ. Быть можетъ, мы послѣдніе пѣвцы. **Дмитрія Ц.** 232

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА. (1805—1905 гг.). **Вл. Кранихфельда**. 1
16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Группировка партій въ Россіи—Высочайшій указъ 17-го апрѣля.—Постановленія всероссійскаго съѣзда промышленниковъ по рабочему вопросу—Хроника. 20
17. КЪ ВВЕДЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРАХОВАНІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ. **Л. Клейнборта** 44
18. ПО ПОВОДУ. (Изъ жизни въ провинціи). Нѣсколько фактовъ.—Нарождающіяся группы правой.—Есть ли у насъ правая?-

стр.
Откуда слово «крамола»?—Галлерея портретовъ политическихъ младенцевъ.—Снова губернская «литература». — Настроеніе «простыхъ русскихъ людей». **I. Ларскаго** 58
19. ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. («Вопросы Жизни»—апрѣль.—«Русское Дѣло», № 3.—«Вѣстникъ Европы»—апрѣль). 70
20. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Марокскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Новый германскій министръ.—Австро-венгерскій кризисъ.—Критское возстаніе.—Македонское движеніе.—Шведско-норвежскій споръ.—Докладъ въ германскомъ колоніальномъ обществѣ.—«Китай для китайцевъ».—Новое пораженіе министерства Бальфура.—Толки о мирѣ. 80
21. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Мадьярскій и чешскій вопросы и ихъ значеніе для будущей роли Австріи.—Послѣ мукденской катастрофы.—Африканецъ о европейской цивилизаціи въ Африкѣ.—«Маффіа».—Японскіе солдаты. . . 94
22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Холера. Прорытіе Симплонскаго туннеля. **В. Аг.** 101
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы, критика и исторія искусства.—Юридичечкія науки.—Финансы и статистика.—Философія.—Исторія и географія.—Естествознаніе и земледѣліе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 127
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДЖОНЪ МОРТОНЪ, НИЩЕНСТВУЮЩІЙ АПОСТОЛЪ. Романъ **У. Б. Максуэлля** Пер. съ англійскаго **Л. Сердечной**. 133
26. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. **Р. Розенберга.** Переводъ съ нѣмецкаго **О. Ѳ. Павловской**, подъ редакціей проф. исторіи искусствъ **А. А. Павловскаго**. 129

БОРЬБА ЗА ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

Переводъ съ польскаго. **К. Л. Піотровскаго.**

I.

Земли у Тихаго океана.

Въ высшей степени правдоподобно, что послѣдніе 25 лѣтъ прошлаго столѣтія были концомъ четырехсотлѣтняго періода, который начался съ открытіемъ Америки. Съ географически-соціальной точки зрѣнія его можно назвать *атлантическимъ*, такъ какъ разсадникомъ культуры, которымъ прежде было побережье Средиземнаго моря, сдѣлались страны, прилежащія къ Атлантическому океану; страны эти положили начало существующимъ до сихъ поръ націоналистическимъ и торговымъ формамъ капиталистическаго строя.

Возрастающія матеріальныя потребности пріобрѣли рѣшающее вліяніе на образованіе и взаимную борьбу политическихъ, національныхъ и общественныхъ группъ, такъ какъ обмѣнъ матеріальныхъ благъ въ значительной степени вліяетъ на образованіе внѣшней политики и обусловливаетъ возникновеніе или паденіе большихъ государствъ.

Обѣ эти формы вліяютъ другъ на друга. Обмѣнъ продуктовъ связанъ съ существованіемъ извѣстныхъ торговыхъ путей. Большіе торговые пути—эти артеріи хозяйственной жизни—пріобрѣтаютъ міровое значеніе: они даютъ направленіе внѣшней политикѣ и образуютъ главную арену для соперничества цивилизацій.

Какъ въ прошломъ буржуазно-націоналистическомъ періодѣ Атлантическій океанъ и окружающія его страны были очагомъ культурной жизни, такъ точно теперь Тихій океанъ становится центромъ международныхъ сношеній, а слѣдовательно и внѣшней политики.

Періодъ господства Средиземнаго моря продолжался 4000 лѣтъ; періодъ Атлантическаго океана—только 400. Культурные же результаты находятся въ обратномъ отношеніи къ продолжительности этихъ періодовъ: сравнительно короткій атлантическій періодъ гораздо глубже повліялъ на образованіе міровыхъ отношеній, чѣмъ продолжительный періодъ Средиземнаго моря. Дальнѣйшее накопленіе матеріальныхъ благъ ускоряетъ ходъ культурнаго развитія.

Начинающемуся теперь періоду Тихаго океана предстоитъ, повидимому, оказать непродолжительное, но интенсивное вліяніе на міровыя отношенія.

Съ 1884 года Азія и Африка были частью политически преобразованы, частью вступили на путь преобразованій; умирающія государства утратили уже свою независимость или находятся на пути къ этому; разрозненныя экономическія силы были объединены такой организующей работой, какой до тѣхъ поръ не видѣлъ міръ. А вѣдь это — едва только начало эпохи, чреватой послѣдствіями!

Тихій океанъ занимаетъ почти половину всей водной поверхности земного шара. Онъ имѣетъ видъ треугольника, вершиной котораго служитъ Берингов проливъ, сторонами—западное побережье Америки и восточное—Азіи; основаніемъ же—Австралія, Новая Зеландія и многочисленныя группы стрововъ.

Эти обширныя пространства отличаются отъ побережій другихъ морей изобиліемъ минераловъ и особенно благородныхъ металовъ. Не говоря уже о Трансваалѣ, мы находимъ въ новѣйшее время залежи драгоцѣнныхъ металловъ исключительно въ Австраліи и на западномъ берегу Америки.

Золото, привезенное въ Европу изъ Мексики, Перу и областей, прилегающихъ къ Панамскому перешейку, Кортецомъ, Пизарро и другими испанскими завоевателями, значительно способствовало низверженію феодализма въ Западной Европѣ и положило начало меркантилизму буржуазно-націоналистической эпохи.

Въ половинѣ XIX-го вѣка калифорнскія и австралійскія залежи золота сдѣлались колыбелью крупнаго капитализма; онѣ сдѣлали Сѣверную Америку страной крупной промышленности, уничтожили рабство въ южныхъ странахъ, отвели видную роль Тихому океану, породили броженіе въ восточной Азіи и привели Россію во Владивостокъ и Портъ-Артуръ.

Однимъ изъ первыхъ политиковъ и экономистовъ, которые очень скоро почувствовали и правильно оцѣнили открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи, былъ Карлъ Марксъ. Вотъ что онъ писалъ въ январѣ 1850 г.:

«Переходимъ къ Америкѣ. Наиболѣе важнымъ событіемъ, еще бо̀льшей важности, чѣмъ даже революція, является здѣсь открытіе калифорнскихъ золотыхъ пріисковъ. Уже послѣ восемнадцатимѣсячной разработки можно предвидѣть, что это открытіе принесетъ болѣе крупные результаты, чѣмъ самое открытіе Америки... Калифорнское золото течетъ рѣкой по Америкѣ и восточному побережью Тихаго океана и вовлекаетъ некультурные еще народы въ сферу міровой торговли, въ сферу культурной жизни. Міровая торговля въ третій разъ мѣняетъ свое направленіе. Значеніе, какое имѣли въ древности Тиръ, Кареагенъ, Александрія, въ средніе вѣка—Генуя, Венеція, въ

новѣйшее время—Лондонъ и Ливерпуль, пріобрѣтаютъ теперь Нью-Іоркъ, Санъ-Франциско. Центръ тяжести международныхъ сношеній, сосредоточенныхъ въ средніе вѣка въ Италіи, въ новѣйшее время въ Англіи, перешелъ теперь въ центральные штаты Сѣверной Америки... Благодаря золоту Калифорніи и энергіи янки, оба побережья Великаго океана сдѣлаются такими же промышленными центрами, какимъ въ настоящее время является западный берегъ Атлантическаго океана отъ Бостона до Новаго Орлеана. Тогда Тихій океанъ будетъ играть такую же роль, какую теперь играетъ Атлантическій, въ древніе и средніе вѣка Средиземное море — роль великаго воднаго пути для міровыхъ сношеній» (Mehring. «Aus dem literarischen Nachlass», 3 т., стр. 443—444).

Природными богатствами изобилуетъ все западное побережье Америки: Аляска, англійская Колумбія (имѣетъ лучшій въ мірѣ уголь), Невада, Монтана, Колорадо. Китай, Корея и Японія обладаютъ такими же богатствами. Русская тихоокеанская эскадра пользовалась японскимъ углемъ. Залежи желѣза и каменнаго угля въ Китаѣ такъ значительны, что могутъ создать промышленность, нисколько не уступающую европейской и американской, которая къ тому же будетъ располагать дешевыми рабочими руками.

Все это—щедро надѣленныя природой и еще неиспользованныя земли, куда стекаются накопленные въ капиталистическихъ странахъ и ищущіе помѣщенія капиталы.

Всѣ эти причины обусловили значительное усиленіе судоходнаго движенія по Тихому океану. Около двѣнадцати пароходныхъ линій прорѣзываютъ теперь Тихій океанъ между Америкой и Азіей... Онѣ соединяютъ Гавайскіе острова съ Калифорніей, Австралію съ Азіей, Америкой и всѣми большими островами; они устанавливаютъ сообщеніе Японіи съ Китаемъ, Южной Азіей, Филиппинскими островами, Индіей, Австраліей и Европой; они же соединяютъ Аляску съ портами Западной Америки. Тамъ, гдѣ еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ были только зачатки торговли, а порты были для нея закрыты, тамъ теперь у береговъ материка и острововъ и на рѣкахъ Азіи толпится множество иностранныхъ судовъ. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ суда, ведущія торговлю съ Азіей, обогнувъ мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надежды, направлялись вдоль американскаго или азіатскаго побережій, останавливались въ разныхъ мѣстахъ, ведя мѣновую торговлю, чтобы послѣ одного или двухъ лѣтъ плаванія вернуться въ родную гавань.

Теперь во всѣхъ портахъ есть быстроходные пароходы, выходящіе изъ нихъ въ строго опредѣленные дни и поддерживающіе прямое сообщеніе. Въ такихъ портахъ, какъ Владивостокъ, Іокогама, Тянь-тзинь, Шанхай, Гонъ-конгъ, можно ежедневно найти отъ 25-ти до 50-ти пароходовъ, принадлежащихъ различнымъ обществамъ, какъ, напр.: Pacific Mail, Canada Pacific, Northern Pacific, Oriental and Cali-

fornia, Oriental and Peninsula, общ. Сибирской желѣзной дороги или Nippon Insen Kaisha (Японское почтовое пароходство). Послѣднее изъ указанныхъ обществъ, второе по величинѣ, имѣетъ сотни судовъ, изъ которыхъ 83 парохода, и поддерживаетъ сношенія со всѣми портами Японіи, Китая, Кореи и Сибири; оно имѣетъ рейсы въ Калькутту, на Филиппинскіе и Гавайскіе острова, въ Австралію и Америку (Bancfort New Pacific. .New-York. 1900, стр. 1).

Вслѣдствіе всего этого острова, гавани, проливы, лежащіе на торговыхъ путяхъ, сдѣлались предметомъ особаго вниманія великихъ державъ. Такъ какъ обмѣнъ товаровъ цивилизованнаго, т.-е. основаннаго на частной собственности, міра находится въ рукахъ людей, видящихъ другъ въ другѣ лишь алчныхъ грабителей, то неудивительно, что за торговымъ флотомъ всегда слѣдуетъ военный. Оба эти флота требуютъ угольныхъ станцій и удобныхъ стоянокъ. Съ этой цѣлью производится захватъ острововъ.

Англія захватила группы острововъ: Фиджи, Тонга, Питкернъ, Такелау, Фениксъ, Эллисъ, Джильберъ, Соломонскіе, Санта-Крупъ и др. Франція присвоила въ 1880 г. Таити и Рада, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ линію Панама — Австралія; спорные пункты между нею и Англіей въ вопросѣ о Гебридскихъ островахъ разсматриваетъ особая коммиссія.

Германія захватила Новую Гвинею, архипелагъ Бисмарка, сѣверную группу Соломона, Маршаль, Каролинскіе, Маріанскіе, Палоу и Самоа; тѣ же стремленія вызвали занятіе Кіао-Чао. Соединенные Штаты заняли острова: Гавайскіе (1897 г.), Филиппинскіе (1898 г.), Гуанъ; купили за 8 милліоновъ долларовъ Панамскій каналъ, прорытіе котораго начато Лессепсомъ, и когда правительство Колумбіи воспротивилось ихъ вліянію, они вызвали возстаніе и отдѣленіе департамента Панамы, который въ одну ночь сдѣлался самостоятельною республикой (октябрь 1903 г.).

Идея канала, соединяющаго два океана, такъ же стара, какъ и открытіе Америки: Колумбъ предпринялъ свое путешествіе съ цѣлью отыскать новый путь въ Азію, такъ какъ прежній—черезъ Средиземное море—сталъ небезопаснымъ вслѣдствіе турецкихъ завоеваній. Съ 1528 года занимались вопросомъ о прорытіи Панамскаго канала испанцы, англичане, американцы, голландцы и французы; однако, только послѣ открытія калифорнскихъ золотыхъ розсыпей на этотъ планъ было обращено болѣе серьезное вниманіе; осуществленіемъ своимъ онъ обязанъ испано-американской войнѣ (1898 г.), которая знаменовала собою вступленіе Соединенныхъ Штатовъ на путь колоніальной политики: каналъ этотъ долженъ облегчить Америкѣ распространеніе на Тихій океанъ ея военнаго и экономическаго могущества.

Японія оцѣнила все значеніе Тихаго океана еще въ 80-хъ годахъ; по симоносекскому мирному договору (1895 г.) она получила островъ

Формозу, который въ качествѣ стратегическаго пункта господствуетъ надъ линіей Америка—Гонъ-Конгъ.

Россія заняла въ 1859 г. Сахалинъ, господствующій надъ сѣверной Японіей, портъ Владивостокъ, охраняющій устья Амура (1860 г.), Манчжурію и Портъ-Артуръ (1896—1900 г.) и по мѣрѣ развитія мореплаванія на Тихомъ океанѣ она пролагала сибирскую желѣзную дорогу все дальше на востокъ къ берегамъ Великаго океана.

II.

Великія державы и Восточная Азія.

Политика Англіи въ Восточной Азіи вначалѣ руководилась только торговыми интересами. Англичане хотѣли установить постоянное торговое сообщеніе между Индіей и Восточной Азіей. Первымъ шагомъ къ этой цѣли было занятіе острова Сингапура (1819 г.), на которомъ городъ того же имени сдѣлался однимъ изъ наиболѣе оживленныхъ центровъ міровой торговли. Главнымъ средствомъ къ развитію Сингапура служила свободная торговля, главнымъ предметомъ вывоза изъ Индіи былъ опій. Китайское правительство, убѣдившись во вредномъ вліяніи на организмъ этого наркотика, воспротивилось его ввозу. Слѣдствіемъ этого была война изъ-за опія (1840 г.), составляющая одну изъ самыхъ темныхъ страницъ англійской исторіи. Китайцы сдались и, на основаніи нанкинскаго мирнаго договора (1842 г.), отдали англичанамъ Гонъ-Конгъ и открыли для международной торговли пять городовъ: Кантонъ, Амои, Фушу, Нингпо и Шанхай. Война эта вызвала возстаніе тайпинговъ, вспыхнувшее черезъ нѣсколько лѣтъ и продолжавшееся до 1864 г. Во время этого возстанія, которое теперь признается попыткой національнаго возрожденія, былъ убитъ англійскій миссіонеръ и захваченъ небольшой англійскій корабль; послѣднее вызвало англо-французскую экспедицію, закончившуюся занятіемъ Пекина (1860 г.). Въ 1885 г. англичане заняли островъ Портъ-Гамильтонъ у южнаго побережья Кореи; онъ долженъ былъ служить базой для флота противъ Россіи (Dilke. «Present Condition of European Politikes», стр. 175). Когда Китай получилъ отъ Россіи увѣреніе въ сохраненіи неприкосновенности Кореи въ томъ случаѣ, если и Англія дастъ подобное же увѣреніе, тогда Англія возвратила Китаю Портъ-Гамильтонъ, причемъ между нею и Китаемъ былъ заключенъ союзъ противъ Россіи (1887 г.). Во время японско-китайской войны Англія считалась союзницей Китая. Союзъ этотъ кончился въ ноябрѣ 1897 г., когда Россія заняла Портъ-Артуръ и заставила удалиться оттуда англійскія военныя суда.

Дальнѣйшія событія, наступившія въ Восточной Азіи въ послѣдніе годы XIX-го вѣка, привели англійскую дипломатію въ полное замѣшательство. Лордъ Сольсбери былъ дипломатомъ старой школы,

занимавшійся спеціально восточнымъ, т.-е. балканскимъ вопросомъ. Всѣ прочіе вопросы разрѣшались исключительно эмпирическимъ путемъ. Гладстонъ и Росбери, бывшіе во главѣ министерства съ 1892 г. по 1895 г., такъ же мало понимали роль Тихаго океана, какъ Сольсбери и его современники или предшествующіе дипломаты: Горчаковъ, Бисмаркъ, Кавуръ, Нессельроде, Метернихъ, которые всѣ воспитывались въ традиціяхъ восточнаго вопроса, національной борьбы, буржуазной революціи и аристократической реакціи. Этотъ періодъ закончился въ 1880 г. Все, что было послѣ—имперіализмъ, соціализмъ, восточно-азіатскій вопросъ,—было для нихъ непроницаемой тайной.

Россія стала расширять свои восточно-азіатскія границы почти одновременно съ Англіей. Въ 40-хъ годахъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ Н. Н. Муравьевъ. Онъ построилъ въ 1849 г. на Камчаткѣ крѣпость Петропавловскъ, а въ 1850 г.— Николаевскъ у устья Амура. На основаніи айгунскаго договора съ Китаемъ (май 1858 г.), онъ получилъ весь лѣвый берегъ Амура отъ рѣки Аргуни до Тихаго океана; черезъ два года къ Россіи перешелъ усурійскій край, расположенный у Тихаго океана между Амуромъ и Усури; въ томъ же году (1860) былъ построенъ Владивостокъ. Въ 1875 г. русскіе поселились на островѣ Сахалинѣ, принадлежавшемъ Японіи; въ томъ же году Сахалинъ перешелъ къ Россіи, взамѣнъ чего Японія получила Курильскіе острова.

Этотъ обмѣнъ, который Японія приняла не совсѣмъ добровольно, а также поведеніе русскихъ во время совмѣстнаго владѣнія Сахалиномъ—вотъ ближайшія причины взаимнаго нерасположенія обѣихъ державъ.

Для полноты исторіи поступательнаго движенія Россіи на Востокѣ послужатъ еще нижеслѣдующія хронологическія данныя. Въ 1864 г. послѣ долгой борьбы были покорены народы Кавказа; въ 1865 г. была присоединена Туркестанская область; въ 1866 г.—Бухара, въ 1868 г.—Самаркандъ, на 1873 г. приходится борьба съ Хивой, на 1876 г.—занятіе Кокана, на 1878 г.—Балха, на 1879 г.—включеніе въ составъ имперіи туркменовъ, и наконецъ, въ 1884 г., занявъ Мервъ, Россія сдѣлала шагъ въ своемъ поступательномъ движеніи противъ Индіи. Когда англичане стали возмущаться занятіемъ Мерва, Сальсбери назвалъ это «мервностью» (mervousness). Годъ спустя Россія была уже у границы Афганистана и заняла Пенидехъ.

Въ то время какъ англичане окончательно еще не уяснили себѣ политику Россіи, японцы все болѣе и болѣе давали себѣ въ ней отчетъ. Въ 1894 г. вступилъ на престолъ Императоръ Николай II, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года, по окончаніи китайско-японской войны, давшей Японіи Портъ-Артуръ и Ляодунскую область, Россія вмѣстѣ съ Германіей и Франціей оказала давленіе на Японію; слѣдствіемъ этого было оставленіе Японіей Ляодунскаго полуострова. Мотивы своего

вмѣшательства Россія опредѣлила слѣдующей нотой: «Занятіе Японіей Ляодунскаго полуострова не только угрожало бы столицѣ Китая, но и сдѣлало бы иллюзорной независимость Кореи. Поэтому мы считаемъ занятіе Ляодунской области препятствіемъ къ сохраненію мира въ Восточной Азіи». Это вмѣшательство было началомъ раздѣла Китая. Результаты его были слѣдующіе. Въ декабрѣ 1896 г. графъ Касинни, тогдашній русскій посолъ въ Пекинѣ, заключилъ съ Ли-хунчангомъ договоръ, обезпечивающій постройку манчжурской желѣзной дороги Харбинъ—Портъ-Артуръ. Черезъ годъ Германія захватила Кіао-чао, Россія—Портъ-Артуръ. Франція расширила свое вліяніе на южный Китай. Во время боксерскаго движенія Россія заняла Манчжурію, которую должна была эвакуировать въ три шести мѣсячныхъ срока, оставивъ только военную стражу при манчжурской желѣзной дорогѣ. Послѣднимъ срокомъ было 8-ое сентября (н. с.) 1903 г. Черезъ 8 лѣтъ послѣ симоносекскаго мира были закончены постройки Сибирской и Манчжурской желѣзныхъ дорогъ; Портъ-Артуръ, укрѣпленный 53-мя фортами и 600 пушками, былъ преобразованъ въ первоклассный военный портъ, и, кромѣ того, въ рукахъ Россіи очутилась вся Манчжурія и Корея. Лѣтомъ 1903 г. адмиралъ Алексѣевъ былъ назначенъ намѣстникомъ Дальняго Востока; японцы сочли это рѣшающимъ шагомъ со стороны Россіи, имѣющимъ цѣлью усилить ея господство на восточно-азіатскомъ побережьи Тихаго океана. Такъ какъ они уже давно были къ этому готовы, то заключили съ Англіей договоръ еще въ 1902 г., обезпечивающій Японіи союзницу на случай войны съ Россіей. Въ іюлѣ 1903 г. начались переговоры съ русскимъ правительствомъ, которые продолжались до 21-го анваря 1904 г.

III.

Японская «Бѣлая книга».

Оффиціальныя сношенія начались 15-го іюля 1903 г. нотами, переданными японскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Камурой японскому посланнику въ Петербургѣ Курино. Онѣ гласили: «Японское правительство съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за развитіемъ событій въ Манчжуріи и считаетъ теперешнее положеніе серьезнымъ. Пока правительство могло надѣяться, что русское правительство выполнитъ обязательства, вытекающія изъ договора съ Китаемъ и другими державами, до тѣхъ поръ оно сохраняло выжидательное положеніе. Однако вновь предпринятые Россіей въ Пекинѣ шаги и предъявленныя китайскому правительству требованія доказываютъ, что Россія скорѣе имѣетъ въ виду укрѣпить свое положеніе въ Манчжуріи, чѣмъ уйти изъ нея; усиленная же дѣятельность на корейской границѣ вызываетъ серьезныя опасенія въ томъ, какъ далеко простирается честолюбіе Россіи. Безсрочное, постоянное занятіе Россіей Манч-

журіи создаетъ положеніе, опасное для Японіи и ея интересовъ; занятіе это нарушило бы принципъ равновѣсія экономическихъ отношеній всѣхъ державъ и неприкосновенность Китая. Еще болѣе важнымъ является то, что Японія будетъ постоянно угрожаема, если Россія утвердится на границѣ Кореи, которая въ такомъ случаѣ совсѣмъ подпадетъ подъ ея вліяніе. Корея же составляетъ весьма важный пунктъ японской оборонительной линіи. Независимость Кореи составляетъ необходимое условіе нашего мира и безопасности, такъ какъ Японія имѣетъ тамъ важные политическіе и экономическіе интересы, которыми она не можетъ ни подѣлиться съ какой-либо другой державой, ни передать ихъ. Поэтому японское правительство рѣшило начать по этому вопросу откровенные и дружественные переговоры съ русскимъ правительствомъ, чтобы придти къ взаимному соглашенію по вопросу, который причиняетъ намъ столько огорченій.

«Выражая вамъ свое довѣріе, правительство предлагаетъ вамъ вести переговоры съ русскимъ правительствомъ. Оно поручаетъ вамъ начать ихъ съ графомъ Ламсдорфомъ и вручить ему слѣдующую ноту:

«Японское правительство, увѣренное, что и вы желаете устранить причины возможныхъ въ будущемъ недоразумѣній, готово приступить вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ къ разсмотрѣнію восточно-азіатскаго вопроса, чтобы точно разграничить сферы нашихъ интересовъ. Если вы намѣрены въ принципѣ принять нашъ выводъ, то японское правительство готово изложить свой взглядъ на существо и предѣлы предлагаемаго соглашенія».

18-го іюля Курино отвѣтилъ, что онъ исполнилъ порученіе, и что графъ Ламсдорфъ изъявилъ готовность принять предложеніе японскаго правительства.

Тогда баронъ Камура сообщилъ по телеграфу, что основой переговоровъ должны служить слѣдующія положенія:

«1) Обоюдное обязательство сохраненія независимости Китая и Кореи, а также сохраненія принципа свободной торговли для всѣхъ національностей.

«2) Взаимное признаніе преимущественныхъ интересовъ Японіи въ Кореѣ и исключительно желѣзнодорожныхъ — Россіи въ Манчжуріи. Японія можетъ предпринимать мѣропріятія для охраненія своихъ интересовъ въ Кореѣ, Россія же для охраненія своихъ интересовъ въ Манчжуріи, поскольку они согласуются съ пунктомъ первымъ.

«3) Ни Японія, ни Россія не могутъ предпринимать мѣръ, которыя могли бы стѣснить развитіе экономическихъ интересовъ въ ихъ сферахъ. Россія обязуется не препятствовать Японіи проводить корейскую желѣзную дорогу въ Южной Манчжуріи.

«4) Обѣ державы обязуются посылать въ сферы своего вліянія только такое количество войскъ, какое необходимо для поддержанія

порядка, и отзывать ихъ обратно, какъ только они исполнятъ свое назначеніе.

«5) Россія признаетъ за Японіей исключительное право давать совѣты корейскому правительству, помогать ему въ проведеніи реформъ и оказывать поддержку военной силой.

«6) Настоящимъ договоромъ уничтожаются всѣ предшествующіе».

11-го августа 1903 г. Курино извѣстилъ въ Токіо, что вышеизложенныя условія пересланы намѣстнику Алексѣеву въ Портъ-Артуръ на разсмотрѣніе. Ламсдорфъ полагалъ, что слѣдуетъ отклонить предложеніе японскаго правительства о соединеніи Корейской желѣзной дороги съ Манчжурской; прочіе пункты онъ считалъ подлежащими обсужденію. Прошло пять недѣль прежде, чѣмъ послѣдовалъ отвѣтъ русскаго правительства.

23-го августа Камура сообщилъ по телеграфу о полученіи отъ русскаго правительства слѣдующей отвѣтной ноты:

«1) Обоюдное обязательство сохраненія независимости и неприкосновенности Кореи.

«2) Россія признаетъ преобладающее значеніе интересовъ Японіи въ Кореѣ и ея право давать корейскому правительству совѣты при проведеніи реформъ гражданской администраціи.

«3) Россія обязуется не препятствовать развитію экономическихъ интересовъ Японіи въ Кореѣ.

«4) Съ этой цѣлью Японія можетъ посылать въ Корею войска, но только предварительно увѣдомивъ Россію и притомъ лишь въ такомъ количествѣ, какое необходимо; выполнивъ намѣченную задачу, она должна отозвать войска обратно.

«5) Обоюдное обязательство не пользоваться ни одной частью Кореи для стратегическихъ цѣлей и не устраивать никакихъ укрѣпленій на ея побережьи.

«6) Обоюдное обязательство считать нейтральною часть Кореи, лежащую сѣвернѣе 38-го градуса широты, куда не можетъ ни одна изъ договорившихся державъ посылать войска.

«7) Японія признаетъ Манчжурію внѣ сферы своей компетенціи».

Изъ этой ноты видно прежде всего, что Россія уклонилась отъ какого бы то ни было обсужденія вопроса о Манчжуріи, какъ будто эта послѣдняя находилась подъ покровительствомъ Россіи. Японія требовала отъ Россіи не эвакуаціи Манчжуріи, но признанія надъ ней верховныхъ правъ Китая. Она требовала признанія международныхъ договоровъ, заключенныхъ между Китаемъ и державами. Россія не приняла этого обязательства. Она согласилась признать, какъ это допускалось и другими договорами, преобладающее значеніе Японіи въ Кореѣ. Русская нота ставила вопросъ такъ, какъ онъ былъ по-

ставленъ до 15-го іюля. Эти двѣ ноты показываютъ, какая пропасть образовалась между обоими правительствами черезъ 8 лѣтъ послѣ симоносекскаго мира.

IV.

Основная точка зрѣнія.

Недостаточно осуждать войну изъ принципа—нужно понимать ея историческую необходимость, заключающуюся въ извѣстныхъ условіяхъ.

Великіе мыслители, которыхъ создала буржуазія въ періодъ своего расцвѣта, были выразителями идеологіи этой буржуазіи и надѣялись, что когда эта послѣдняя одержитъ побѣду,—въ мірѣ восторжествуютъ не только свобода, равенство и братство, но и вѣчный миръ. Мы знаемъ теперь, въ чемъ состояло заблужденіе этихъ идеологовъ. Побѣда буржуазіи не была тождественна съ уничтоженіемъ классовыхъ противорѣчій,—она была только побѣдой одного господствующаго класса надъ другимъ, который господствовалъ прежде. Побѣдоносная буржуазія нисколько не думала объ установленіи свободы и братства, но заботилась только о томъ, чтобы обезпечить себѣ какъ можно большую долю прибавочной стоимости, создаваемой трудящимся классомъ или, если возможно, присвоить ее цѣликомъ. Охваченная этимъ корыстнымъ стремленіемъ, буржуазія выбрасывала за бортъ одинъ за другимъ идеалы своихъ великихъ мыслителей. Однако, несмотря на это, изъ всѣхъ произведеній буржуазной идеологіи идеалъ вѣчнаго мира существовалъ дольше другихъ. Крупная промышленность—въ отличіе отъ прежнихъ формъ капиталистическаго производства—требуетъ мира, чтобы имѣть возможность развиваться какъ можно шире. Благодаря этому съ наступленіемъ эпохи крупной промышленности мечты о вѣчномъ мирѣ (говоримъ «мечты», пока будутъ существовать классовыя противорѣчія) появились въ новой версіи. Извѣстно, съ какой убѣжденностью знаменитый историкъ манчестерства Т. Бокль предсказывалъ постепенное уменьшеніе войнъ и, наконецъ, полное ихъ прекращеніе именно вслѣдствіе развитія крупной промышленности.

Хотя для крупной промышленности, согласно всѣмъ историческимъ условіямъ ея существованія, необходимъ миръ, тѣмъ не менѣе она не можетъ его упрочить по той простой причинѣ, что сама опирается на существующія противорѣчія классовъ; а антагонизмъ между народами (точнѣе—между ихъ классами) вытекаетъ именно изъ этихъ противорѣчій. Войны являются результатомъ борьбы, которую ведутъ между собою господствующія группы, стремясь захватить возможно болѣе удобные и обширные міровые рынки; поэтому войны до тѣхъ поръ не могутъ быть устранены, пока крупная промышленность будетъ нуждаться въ міровомъ рынкѣ. Противъ этого факта безсильны всѣ заклинанія и угрозы, и приходится признать, что разнаго рода

патріоты, которые въ различныхъ странахъ подымаютъ крикъ за увеличеніе флота, въ концѣ концовъ больше понимаютъ свой «лучшій изъ міровъ», чѣмъ буржуазное общество, пропагандирующее идеи мира.

Слѣдуетъ ли отсюда, что мы признаемъ войну исторической необходимостью, противъ которой не нужно бороться? Нисколько. Подобный упрекъ былъ бы такъ же лишенъ смысла, какъ и тотъ, что мы признаемъ историческую необходимость классовыхъ интересовъ лишь на томъ основаніи, что, не ограничиваясь банальными и голословными осужденіями, стараемся понять эти противорѣчія, чтобы тѣмъ энергичнѣй и успѣшнѣй бороться съ ними. Мы признаемъ не безусловную необходимость войны, какъ таковой, но ея историческую необходимость въ рамкахъ современнаго классового общества, и этимъ мы отличаемся отъ буржуазныхъ мечтателей мира, напоминающихъ того героя, который хотѣлъ вытащить себя изъ болота за свои собственные волосы. Историческія явленія тогда только могутъ быть побѣждены, когда будетъ понята въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ историческая необходимость, ихъ обусловившая. Рабочій классъ только тогда сдѣлался сильнымъ противникомъ капитализма, когда понялъ его историческую необходимость, зависящую отъ обстоятельствъ и времени. То, что сказано о войнѣ вообще, относится и къ каждой войнѣ въ частности. Было бы безполезной тратой времени пытаться предотвратить всѣ ужасы войны общими фразами и моральными сентенціями о мирѣ; тѣмъ не менѣе мы осуждаемъ ее съ возможной рѣшительностью, признавая ее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какіе порождаетъ капитализмъ. Мы стараемся изучить и использовать внѣшніе контуры господствующихъ группъ такъ же точно, какъ и ихъ внутренніе контуры. Въ классовыхъ столкновеніяхъ буржуазіи съ остатками феодальнаго дворянства мы не сочувствуемъ ни одной изъ борющихся сторонъ; но это не значитъ, что мы остаемся равнодушными зрителями; напротивъ, насколько позволяютъ намъ наши убѣжденія, мы стараемся способствовать побѣдѣ буржуазіи, такъ какъ въ капиталистическомъ обществѣ въ отношеніи къ феодальнымъ пережиткамъ буржуазія является носительницей болѣе высокой культуры и побѣда ея составляетъ важный шагъ по пути къ низверженію культурой же самой буржуазіи.

V.

Источники могущества.

Такимъ образомъ, разсматривая войны какъ столкновенія господствующихъ классовъ, борющихся за міровые рынки, необходимо признать, что война является высшимъ испытаніемъ жизненныхъ силъ и организующихъ способностей ведущаго войну класса и косвенно—на-

рода. Проявленныя въ такихъ случаяхъ достоинства могутъ служить истиннымъ показателемъ жизнеспособности даннаго народа. Эти достоинства ясно проявляются и въ другихъ областяхъ, въ которыхъ будутъ работать побѣдители и побѣжденные. Господствующее нынѣ убѣжденіе, что «золото сопутствуетъ желѣзу, а торговля—военному флоту» не слѣдуетъ понимать вульгарно въ томъ смыслѣ, что удачныя войны ведутъ къ экономическому расцвѣту; этимъ хотятъ только сказать, что побѣдители на войнѣ побѣждаютъ и въ торговлѣ, если ей предаются съ такой-же энергіей. Разсматривая этотъ вопросъ исторически, мы видимъ, что часто война слѣдовала за торговлей, и за желѣзомъ—золото, а не наоборотъ.

Въ морской и сухопутной войнѣ, продолжающейся уже болѣе года, неизвѣстное до недавняго времени восточно-азіатское государство проявило неодолимую энергію и жизнеспособность. Доказательствомъ его духовной энергіи служатъ опредѣленныя стремленія къ намѣченной цѣли, отсутствіе всякихъ иллюзій, рѣшительность дипломатическихъ дѣйствій и военная отвага. Это—тѣ же самыя качества, которыя 40 лѣтъ тому назадъ дали возможность господствовавшему тогда въ Японіи классу уничтожить феодализмъ, вступить въ эпоху «мейджи» (просвѣщенія), какъ японцы называютъ время отъ 1867 г., и создать промышленное государство.

Откуда эта энергія? Невольно напрашивается слѣдующая гипотеза.

Господствовавшій въ средніе вѣка феодализмъ до того времени, когда онъ сталъ обезземеливать и закрѣпощать крестьянъ, имѣлъ гораздо больше общаго съ аграрнымъ коммунизмомъ, чѣмъ съ системой частнаго хозяйства. Экономическій гнетъ былъ едва замѣтенъ, а политическое насиліе, которое позднѣе съ такой силой начало оказывать свое вліяніе на положеніе рабочаго населенія, возникло лишь вмѣстѣ съ денежнымъ хозяйствомъ. Пока продуктовъ сельскаго хозяйства нельзя было мѣнять на деньги, до тѣхъ поръ не было основанія ухудшать положеніе крестьянъ. Насколько здорово и свободно было тогда крестьянское населеніе—доказываютъ тогдашнія крестьянскія войны въ Англіи, Германіи и Франціи. Лишь съ наступленіемъ денежнаго хозяйства крестьяне были лишены земли и свободы. Истинно здоровыми должны быть люди, такъ энергично протестовавшіе противъ экономическаго и политическаго гнета. Однако, побѣда осталась на сторонѣ феодализма и крѣпостного права. Ужасны были послѣдствія этого положенія для крестьянъ, сельскихъ рабочихъ и городского пролетаріата; въ нищетѣ и приниженности гибла ихъ энергія. Чѣмъ дольше продолжался феодализмъ, чѣмъ дольше было младенчество буржуазіи, тѣмъ меньше было энергіи и закаленности у рабочаго населенія. Небезынтересно предположить, что представлялъ бы собой рабочій классъ, если бы денежное хозяйство явилось одно-

временно съ современной техникой, если бы періодъ, предшествующій крестьянскимъ войнамъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ промышленной эволюціи и переходъ отъ феодализма къ современной промышленности обошелся бы безъ человѣческихъ страданій. Народы были бы богаче тѣмъ количествомъ психической и физической энергіи, которое было потрачено во время господства крѣпостного права и начальнаго собиранія земель.

Такой именно процессъ произошелъ въ Японіи. До 1854 г. она была далека отъ міровыхъ отношеній и денежнаго хозяйства; феодализмъ оставлялъ крестьянамъ значительную долю автономіи. Когда же затѣмъ Японія открыла свои порты для міровой торговли и завела у себя денежное хозяйство, когда палъ феодализмъ. на смѣну ему тотчасъ же пришла современная промышленность. Въ исторіи Японіи совершенно отсутствуетъ періодъ, обнимающій въ Европѣ новѣйшее время, періодъ полнаго угнетенія трудящейся массы.

Японія сразу перешла отъ среднихъ вѣковъ къ современной жизни. Народъ сохранилъ свою энергію, а притѣсненіе крестьянъ и корыстолюбіе не успѣли еще нравственно испортить дворянъ и феодаловъ.

Нашу гипотезу подтверждаютъ факты, приводимые Катаямой, вождемъ рабочаго класса въ Японіи. Отецъ Катаямы былъ крестьянскимъ старостой. Эта почетная должность оставалась въ его роду въ теченіе 200 лѣтъ. На обязанности главы общины лежало улаженіе споровъ, возникавшихъ между помѣщиками и крестьянами. Старосты изъ рода Катаямы почти всегда рѣшали дѣла въ пользу крестьянъ. Такой способъ веденія дѣлъ свидѣтельствуетъ о мягкости крѣпостныхъ отношеній и о свободолюбіи крестьянъ. У Катаямы хранятся акты и протоколы этихъ дѣлъ, которые онъ издастъ, вѣроятно, на англійскомъ языкѣ. Это будетъ исторія сословныхъ отношеній японскаго народа.

Дальнѣйшимъ доказательствомъ правильности этой гипотезы служатъ сообщенія англійской печати изъ Японіи, которыя говорятъ о душевномъ спокойствіи и равновѣсіи японскаго населенія. Корреспондентъ «Daily News», который, какъ австраліецъ, не любитъ и боится японцевъ, разсказываетъ объ удивительной веселости дѣтей японскихъ бѣдняковъ, «этихъ маленькихъ желтыхъ язычниковъ».

Кромѣ того, нужно прибавить, что Японія—островное государство, со всѣхъ сторонъ окруженное моремъ. «Особенной любви къ морской жизни здѣсь нѣтъ, но зато здѣсь дѣйствуютъ на народный духъ великія свойства моря. Далекій горизонтъ вліяетъ на характеръ народовъ, живущихъ у моря, вырабатываетъ въ нихъ мужество, выносливость и дальновидность. Эти народы значительно повліяли на расширеніе значенія судовъ въ политической жизни. Безграничное море расширяетъ міросозерцаніе не только купца, но и государственнаго

мужа. Только море способно создать могущество міровой державы» (Ratzel).

Однако, знаменитый нѣмецкій географъ упустилъ изъ виду еще одинъ факторъ, вліяющій на народы, живущіе на островахъ. Увѣренность въ своихъ границахъ и политическая безопасность ведутъ къ національной и политической свободѣ, хотя и можетъ случиться, что отдѣльные граждане окажутся менѣе свободолюбивы, чѣмъ въ континентальныхъ государствахъ. Такъ, напримѣръ, средній англичанинъ можетъ быть менѣе свободолюбивымъ, чѣмъ средній французъ, нѣмецъ или русскій интеллигентъ, но, какъ государство, какъ нація, англичане гораздо болѣе независимы, чѣмъ жители другихъ странъ, такъ какъ, благодаря своему островному положенію, они могутъ вести внутреннюю политическую борьбу, не боясь вмѣшательства посторонних правительствъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, причины вѣры въ собственныя силы, увѣренности въ достиженіи цѣлей, непоколебимой рѣшимости и изумительной энергіи японскаго народа и его дипломатіи. Народъ этотъ еще молодой, и недостатокъ опытности заставляетъ его быть слишкомъ осторожнымъ во многихъ критическихъ положеніяхъ. Не мало въ немъ еще восточной неподвижности, и въ его дѣйствіяхъ нѣтъ той быстроты, которая характеризуетъ современную жизнь.

Не менѣе важны для пониманія вопроса качества, проявленныя во время войны русскими. Могущество Россіи заключается въ ея несокрушимой vis inertiae, въ громадности и неподвижности многовѣковаго организма. Въ кровопролитныхъ сраженіяхъ подъ Ляояномъ и на Шахэ *) обнаружились тѣ же черты русскаго характера, что и въ цорндорфскомъ сраженіи (1758) или въ бородинской битвѣ. То, что пишетъ Т. Карлейль въ «Исторіи Фридриха II» (томъ V, стр. 361, нѣм. изд.) о цорндорфскомъ сраженіи, можетъ быть сказано и о Ляоянской битвѣ. «Новый Тезей и Минотавръ... Фридрихъ собираетъ къ Цондорфу кавалерію и пѣхоту. Русскій Минотавръ присматривается къ нему своими большими, налившимися кровью глазами. Половина Минотавра разбита, но силы Тезея уже истощены. Что дѣлать съ другой половиной великана, который снова воскресъ и принялъ новую форму?.. Нигдѣ и никогда не было отмѣчено такой выносливости, какую выказали русскіе».

Къ Ляоянской битвѣ примѣнимо также то, что пишетъ В. Дитфуртъ въ своей монографіи о бородинскомъ сраженіи. Послѣ кровопролитнаго боя, въ которомъ русскіе потеряли 50—60 тысячъ человѣкъ, разбитая армія отступила спокойно и въ порядкѣ. Французамъ не досталось ни пушекъ, ни обоза.

---

*) Статья эта была написана до боя подъ Мукденомъ.

Положеніе Оямы на Шахэ было инымъ, чѣмъ положеніе Наполеона подъ Москвой.

Японскій главнокомандующій имѣетъ не только сухопутное, но и морское сообщеніе Въ случаѣ пораженія путь отступленія у него обезпеченъ. Если бы, напримѣръ, Нельсонъ былъ разбитъ подъ Трафальгаромъ, французы пріобрѣли бы господство на морѣ на долгое время,—и въ такомъ случаѣ планъ наполеоновскаго похода былъ бы иной. Тогда онъ раздѣлилъ бы свои силы на двѣ части, изъ которыхъ одну повелъ бы на Москву черезъ Варшаву, а другую послалъ бы по сѣверному побережью Франціи, Голландіи, черезъ Нѣмецкое море въ Ригу и оттуда—къ Москвѣ. Рига сдѣлалась бы тогда стратегическимъ пунктомъ, куда французы свозили бы изъ покоренныхъ странъ оружіе, теплую одежду и провіантъ. Рига могла бы служить Наполеону въ качествѣ оборонительной позиціи. Принужденный къ отступленію послѣ пожара Москвы, онъ долженъ былъ бы проложить себѣ только одну дорогу къ Ригѣ, гдѣ къ нему присоединились бы свѣжія силы. Тутъ бы онъ расположился на зимнія квартиры. Причиной катастрофы Наполеона при отступленіи послужило то обстоятельство, что у него была только одна коммуникаціонная линія, которой завладѣли русскіе.

Ту роль, которую играла для Наполеона дорога Парижъ—Москва, теперь играетъ для Оямы дорога Фузанъ—Мукденъ; и чѣмъ была бы для Наполеона дорога Рига—Москва, тѣмъ теперь для Оямы дѣйствительно служитъ—Дальній—Портъ-Артуръ—Мукденъ.

Японскій генеральный штабъ несомнѣнно изучалъ походъ Наполеона, почему и ведетъ армію хотя медленно, но увѣренно...

ДУХЪ ГОРЪ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Духъ мощныхъ горъ зоветъ меня,
Я слышу зовъ отрадный:
— Иди! здѣсь есть сіянье дня
И тишь въ тѣни прохладной.
Здѣсь замокъ мой изъ мглы и тучъ,
Просторный и чудесный;
Здѣсь чище солнца яркій лучъ
И ближе сводъ небесный.

Въ ущельяхъ брызги росъ легли,
Какъ пыль, на мохъ зеленый,
И бьетъ родникъ, какъ нервъ земли,
Звеня струей студеной.
Возьми каскадъ всѣхъ струнъ моихъ,
Настрой на ладъ мой лиру
И съ пѣсней чашу слезъ людскихъ
Неси отсюда міру.
Подслушай шумъ въ лѣсу моемъ
И грохотъ непогоды,
И пусть ударитъ, словно громъ,
Въ сердца напѣвъ свободы!
Въ мое молчанье погрузись,
Какъ въ ночь на днѣ могилы,
И вновь свободно взвейся въ высь
И славь живыя силы!
Взлети надъ всѣмъ и надъ собой,
Къ тому приникни слухомъ,
Что было жизнью и борьбой,—
И будь свободенъ духомъ.
Внизу и вихрь, и шумъ, и громъ,
И все, что бушевало,
А ты войди въ мой вѣчный домъ,
Гдѣ жизнь беретъ начало.
Тамъ нѣтъ уютныхъ тихихъ гнѣздъ,
Въ живыхъ волнахъ эѳира,
Но ясно смотрятъ очи звѣздъ
И внятенъ голосъ міра.
Быть можетъ, ты увидишь тамъ
Восходъ зари прекрасной
И все, что грезилось вѣкамъ,
Охватишь мыслью властной.
Впередъ же! Выше! Путь далекъ,
Но есть огонь стремленья,
И ты найдешь живой цвѣтокъ
И слезъ, и вдохновенья.

Е. Чернобаевъ.

БОРЬБА ДУШЪ.

Романъ Густава Гейерстама.

Пер. со шведскаго **З. Зеньковичъ.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Быстро катится ночной скорый поѣздъ: его однообразный грохотъ дѣйствуетъ, какъ тишина...

Но Кристіанъ Мордтманъ не спитъ. Въ купэ рядомъ спитъ фрю Берта, а наверху надъ нею помѣщается Юнгве. Лежитъ Кристіанъ и думаетъ, что съ каждымъ свисткомъ паровоза онъ все ближе подвигается къ Стокгольму. Онъ уже не помнитъ, когда думалъ такъ ясно и хладнокровно.

Послѣ былого заблужденія настоящее положеніе казалось ему полнымъ покоемъ и хотя занимавшія его мысли были не изъ веселыхъ, все-таки онѣ были пріятнѣе того невыносимаго напряженія, въ какомъ онъ жилъ, пока не улеглось нервное возбужденіе.

Бываетъ иногда въ часы безсонницы, что человѣкъ начинаетъ наслаждаться своимъ состояніемъ. Мысль работаетъ яснѣе, воображеніе становится живѣе, чувства дѣлаются воспріимчивѣе. Часы идутъ—нѣтъ сна, а время не кажется долгимъ.

Лежитъ Кристіанъ Мордтманъ безъ сна и чувствуетъ приближеніе Стокгольма, куда онъ пріѣхалъ юношей, гдѣ растратилъ свои иллюзіи, ради того, чтобы овладѣть самой несбыточной—богатствомъ.

Ему кажется, что онъ самъ стоитъ на мѣстѣ, а большой городъ подвигается все ближе. Ровно, безъ толчковъ катится поѣздъ, одинокая крошечная комнатка дышитъ покоемъ; мягкій зеленый свѣтъ струится сквозь зеленую занавѣску, которой задернутъ газовый фонарь.

До странности ясно думаетъ онъ о томъ, что ему грозила душевная болѣзнь. Но мысль эта у него не носитъ того характера, который свойственъ здоровымъ людямъ, такая вещь не кажется ему чудовищ-

*) См. „Міръ Божій", № 2, февраль 1905 г.

ной, невозможной. Онъ думаетъ объ этомъ такъ же просто, какъ если бы дѣло шло о всякой другой болѣзни, которой онъ счастливо избѣгъ.

«Все было слѣдствіемъ того неестественнаго напряженія, въ которомъ я жилъ, — думаетъ онъ, — слѣдствіемъ того, что я, — съ тѣхъ поръ, какъ сознаю себя взрослымъ человѣкомъ, — никогда не отдыхалъ, никогда не щадилъ своихъ силъ. Все это я вновь пережилъ тамъ въ горахъ, когда думы, безсвязныя, безобразныя, томились въ моемъ мозгу, возбуждали меня, а дикія, нелѣпыя рѣчи пугали Берту. Однако, можетъ быть, именно потому, что я могъ говорить, я и избавился отъ нихъ». Кристіанъ на минуту закрываетъ глаза, словно ему тягостно думать объ этомъ... Снова поднимаетъ онъ взоръ на газовый фонарь подъ зеленымъ колпакомъ. «Какихъ глупостей, должно быть, наслушалась Берта!» улыбаясь думаетъ онъ. Вдругъ странное воспоминаніе всплыло у него въ мозгу. Вѣдь, было время, когда онъ серьезно думалъ о томъ, что, разбогатѣвъ, вернется къ наукѣ. Неужели онъ дѣйствительно останавливался на подобной мысли? Конечно, онъ ясно помнитъ. Потомъ онъ забылъ о своемъ намѣреніи, да и времени не было вспоминать.

А теперь мысль эта не казалась ему невозможной или нелѣпой. «Это еще можно осуществить», говорилъ онъ. Отчего бы не бросить все, не отдаться наукѣ, которая была его первой любовью?.. Быть можетъ, это возбудитъ любопытство, покажется донъ-кихотствомъ? Не все ли равно?.. Жизнь, которой онъ живетъ, мало даритъ ему радости.

Кристіанъ думалъ такъ, но въ то же время сознавалъ, что этому не суждено быть. Именно теперь компанія находится въ затруднительномъ положеніи, даже болѣе — переживаетъ кризисъ. Нѣкоторыя бумаги были заложены, конечно, это тайна. Быть можетъ, найдутся люди, которые такой способъ сочтутъ не вполнѣ корректнымъ. Но они или принадлежатъ къ числу завистниковъ, или къ числу тѣхъ людей, которые сами никогда не были лицомъ къ лицу съ опасностью и не знаютъ, на что̀ рѣшились бы сами, если бы имъ пришлось бороться за честь.

Мордтманъ сталъ думать о томъ, что̀ сказала бы его жена, если бы только узнала, какъ шатко ихъ положеніе?.. И передъ нимъ всталъ изъ прошлаго образъ жены, молоденькой женщины, съ кроткой преданностью въ чертахъ, которая со временемъ исчезла. Онъ чувствуетъ, что она ускользнула отъ него.

Одновременно онъ вспомнилъ о томъ, что жена его разсказывала о себѣ самой. Значитъ, справедливо то, что женщина можетъ утратить душевное равновѣсіе, что любовь въ ея сердцѣ можетъ изгладиться, если мужъ не проявилъ необходимой чуткости въ то время, когда она ждала своего ребенка, особенно, если это первый.

Воспоминанія становились все яснѣе, отчетливѣе... Трижды во время разговора она возвращалась къ этому предмету, а въ послѣдній разъ говорила очень пространно. Между прочимъ упомянула имя Торстена Аабеля. Кристіанъ ни разу не призадумался надъ тѣмъ, насколько все это серьезно. Теперь онъ вспомнилъ разговоръ и понялъ, что въ то время не обратилъ на него вниманія, потому что не владѣлъ собою.

«Я былъ ненормаленъ,—думалъ онъ.—Я понималъ только то, что занимало мои мысли. Къ счастью, она не поняла этого, дала собственное толкованіе и толкованіе ошибочное».

Вообще Мордтманъ мало думалъ о женщинахъ. Ему представлялось вполнѣ естественнымъ, что женщина идетъ за своимъ мужемъ, живетъ его интересами и для него. Въ равной же мѣрѣ казалось ему естественнымъ, что мужъ не можетъ входить въ интересы своей жены и жить для нея. Онъ думалъ объ этомъ и со спокойною грустью сознавалъ, что при такомъ положеніи вещей жена его была несчастна. Но тотчасъ же мысль эта смѣнилась другою. «А я самъ развѣ счастливъ? Она сама справится. Я не могу помочь ей».

На минуту мысль замерла, онъ услышалъ грохотъ колесъ и стукъ машины. Вдругъ его мозгъ озарила холодная, короткая, какъ молнія, мысль: «Постигнетъ меня неудача, я застрѣлюсь». Въ слѣдующій моментъ мысль исчезла сама собою и онъ опять лежалъ и слушалъ.

Новыя картины смѣнили прежнія.

Все это Мордтманъ воспринималъ не послѣдовательно, но неясно, какъ сонъ, но въ то же время отчетливѣе, чѣмъ обыкновенно. Все это дѣлалось само собой и мысли успокаивали его, хотя и были вовсе не изъ пріятныхъ или веселыхъ. Съ грустью думалъ онъ обо всемъ и, наконецъ, у него ясно формулировалось желаніе въ формѣ вопроса: отчего все это не пришло, когда онъ ѣхалъ въ первый путь, а является теперь, когда онъ возвращается къ работѣ, къ суетѣ? И опять онъ самъ же созналъ всю невозможность этого.

Вѣдь больной человѣкъ, какимъ онъ былъ тогда, не могъ думать такъ спокойно и ясно, какъ думаетъ онъ теперь.

Кристіанъ улыбнулся такой ребяческой самокритикѣ, повернулся на бокъ и заснулъ, убаюканный однообразнымъ грохотомъ поѣзда и чувствуя во снѣ приближеніе города.

II.

На утро Мордтманъ уже сидѣлъ въ своей конторѣ и снова видѣлъ себя въ привычной обстановкѣ, которая въ его глазахъ отожествлялась съ работой, одиночествомъ, возбужденіемъ и интересомъ.

По стѣнамъ тѣ же полки, мебель краснаго дерева, которую онъ такъ любилъ, толстый коверъ, заглушавшій шаги,—все на своемъ мѣстѣ.

Подлѣ стола стоялъ денежный шкафъ, кассиръ только что передалъ ему ключи, въ каминѣ трещали дрова и горѣлъ яркій огонь.

Въ эту минуту Мордтманъ не сомнѣвался, что все, казавшееся ему мрачнымъ, запутаннымъ, наконецъ, разъяснится. У него въ работѣ фантазія и разсудокъ шли рука объ руку, дополняя, обостряя, изощряя другъ друга. У такихъ людей все зависитъ отъ настроенія, они одинаково могутъ служить искусству и деньгамъ. Просыпаясь утромъ, они чувствуютъ, каковъ будетъ день. Если ихъ предчувствіе сулитъ удачу, нужно воспользоваться такимъ днемъ. Современные дѣльцы этого типа знаютъ это очень хорошо и часто, пользуясь своимъ случайнымъ преимуществомъ, достигаютъ результатовъ, которые другимъ кажутся непостижимыми, да въ сущности, по здравому смыслу, такими и являются.

Въ такомъ бодромъ, ясномъ настроеніи просмотрѣлъ Мордтманъ почту и на минуту задумался. Потомъ всталъ, подошелъ къ двери, открылъ ее и выглянулъ въ просторную общую комнату конторы, гдѣ работали трое мужчинъ и одна женщина. Они сидѣли за высокими конторками за стеклянными, оправленными полированной бронзой, ширмами. Названіе «Мордтманскій банкъ», брошенное какъ-то шутя, мимоходомъ по торжественному случаю, впослѣдствіи пріобрѣло право гражданства. Когда-то онъ мечталъ о томъ, чтобы осуществить на дѣлѣ эту шутку. Теперь дѣло шло о томъ, чтобы сохранить то, что есть, не дать рухнуть дѣлу.

— Каспаръ Лундбергъ,—произнесъ начальникъ вѣжливымъ, спокойнымъ тономъ, какимъ всегда обращался къ подчиненнымъ.

Мужчина уже съ просѣдью, съ парой ясныхъ, умныхъ глазъ, освѣщавшихъ лицо, обросшее короткой густой бородою, съ низкимъ лбомъ, обрамленнымъ торчащими волосами, поднялся со своего мѣста, твердой походкой направился въ кабинетъ директора и закрылъ за собою дверь.

— Садитесь,—пригласилъ Мордтманъ, садясь самъ,—и разскажите мнѣ все, что я долженъ знать.

Каспаръ сѣлъ напротивъ начальника и началъ докладъ. Онъ прекрасно зналъ Мордтмана и, конечно, при первой же встрѣчѣ съ нимъ утромъ, понялъ, что значитъ это самоувѣренное выраженіе лица.

Пользуясь этимъ настроеніемъ, Лундбергъ рѣшилъ сказать какъ можно больше, даже все. Вѣдь, онъ только служащій и не несетъ никакой отвѣтственности. Но дальше онъ молчать не могъ, зная, куда все это ведетъ. Онъ тщательно выбиралъ слова, приберегая къ концу самыя вѣскія доказательства, чтобы не быть прерваннымъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ сказать самое важное.

На этотъ разъ Мордтманъ слушалъ внимательнѣе, чѣмъ обыкновенно, и когда говорившій остановился на минуту перевести духъ, онъ замѣтилъ медленно и выразительно:

— Да, утѣшительнаго мало. А каково ваше мнѣніе?

Каспаръ Лундбергъ, человѣкъ умный, опытный въ дѣлахъ, разсудительный, осторожный, мало обращалъ вниманія на людскіе толки или на внѣшность. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на дѣла, и на все, что сюда относилось, на людей и на жизнь. Поговаривали, что онъ втихомолку создалъ себѣ прочное положеніе.

— Ревизоры частнымъ образомъ говорили мнѣ, что они считаютъ необходимымъ въ этомъ году не выдавать дивиденда,—сказалъ онъ.— Того же мнѣнія держусь и я.

Директоръ не вспылилъ, какъ ожидалъ кассиръ, а только опустилъ глаза и коротко отвѣтилъ:

— Вѣдь, это равносильно признанію собственной несостоятельности.

Кассиръ почувствовалъ, что самъ начинаетъ горячиться.

— Отнюдь нѣтъ!—началъ онъ.

Тутъ Кристіанъ Мордтманъ всталъ.

— Я знаю, что вы хотите сказать,—перебилъ онъ.—Вы уже говорили объ этомъ. Послушайся мы васъ, мы не выдавали бы дивиденда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И акціонеры, какъ шмели, вились бы вкругъ меня.

Когда директоръ всталъ, поднялся и кассиръ. Онъ чувствовалъ, что въ эту минуту, быть можетъ, рѣшается вопросъ «быть или не быть» для фирмы, кассиромъ которой онъ состоялъ со времени ея основанія.

«Если бы мы пріостановили платежи раньше, намъ не нужно было бы дѣлать этого теперь», хотѣлось ему отвѣтить, но онъ сдержался и сказалъ:

— Если выдача будетъ рѣшена, нужно иначе заключить книги. Вамъ это, конечно, извѣстно.

Мордтманъ готовъ былъ вспылить, но хорошее расположеніе духа, съ которымъ онъ всталъ, удержало его. Онъ ласково посмотрѣлъ на кассира, дружелюбно потрепалъ его по плечу и замѣтилъ:

— Нужно достать денегъ. Это не разъ уже являлось раньше.

На этотъ разъ Лундбергъ не былъ расположенъ сдаться. Его маленькіе глазки рѣзко глядѣли съ волосатаго лица.

— Слишкомъ часто,—сухо замѣтилъ онъ.

— Я желалъ знать ваше мнѣніе,—отвѣтилъ директоръ,—и далъ высказать его. Но есть вещи, которыхъ вы не знаете и знать не можете.

Вслѣдъ за этимъ кассиръ Лундбергъ вернулся къ своей конторкѣ и долго сморкался и кашлялъ, прежде чѣмъ принялся за работу. А Кристіанъ Мордтманъ шагалъ по кабинету, думая о томъ, что послѣднія слова, сказанныя имъ кассиру, была неправдой. Въ сущности въ этомъ крупномъ предпріятіи кассиръ зналъ гораздо больше, чѣмъ директоръ. «Будь онъ на моемъ мѣстѣ,—думалъ Мордтманъ, пожалуй, положеніе было бы иное».

Впервые Мордтманъ почувствовалъ, что вся эта работа, кредитъ, акціи, общественное мнѣніе представляли нѣчто большее, нежели онъ думалъ. Самъ онъ вызвалъ къ жизни этотъ дѣйствительный и призрачный міры, которые наполняли его книги и давали ему все, кромѣ денегъ. Чтобы овладѣть ими, ему опять нужно начать бѣготню по богатымъ людямъ, нужно создавать новыя комбинаціи, писать новыя бумаги, перерабатывать все снова. Онъ ясно сознавалъ, что долго такъ длиться не можетъ. Рано или поздно это раскроется, и за искусно возведеннымъ зданіемъ обнаружится сѣть самообмана и явнаго мошенничества, сѣть настолько запутанная, что даже въ ней не разобраться самому опытному глазу, не опредѣлить, гдѣ кончается самообманъ и начинается настоящее мошенничество.

Когда это случится, онъ окажется одинокимъ, покинутымъ, будетъ мишенью ненависти и презрѣнія всего того свѣта, чьи законы онъ попралъ, названіе «Мордтманскій банкъ» станетъ браннымъ словомъ, равносильнымъ обману, грабежу, надувательству.

Тутъ его мысль прервалась, и свѣтлое утреннее настроеніе опять вернулось. «Ну, до этого не дойдетъ,—проборматалъ онъ.—Все это преувеличеніе, плодъ воображенія. Искусство въ томъ, чтобы не представлять себѣ весь міръ въ черномъ свѣтѣ».

Съ этою мыслью онъ телефонировалъ женѣ, чтобы его не ждали домой обѣдать.

Такъ началъ Кристіанъ Мордтманъ свой первый день въ столицѣ.

Телефонный звонокъ засталъ фру Берту во время обхода квартиры. Она немножко устала съ дороги, а отсутствіе мужа было довольно обыденной вещью.

На нее возвращеніе подѣйствовало совсѣмъ иначе, чѣмъ на мужа, и она никакъ не могла отдѣлаться отъ ощущенія новизны.

Она чувствовала рѣзкій переходъ отъ холода и тишины къ морю свѣта и къ гулу людскихъ голосовъ. Противоположность тишины предъидущихъ недѣль и окружающей обстановки, снова опутавшей ее сѣтью привычекъ, была столь рѣзка и разительна, что ей казалось непостижимымъ, какъ такія противорѣчивыя впечатлѣнія могли улечься въ ея душѣ въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ.

Фру Берта вернулась отъ телефона изъ комнаты мужа и взглядъ ея упалъ на бюро. Оно такъ и стояло открытымъ, какъ въ минуту отъѣзда. Все было вычищено, нигдѣ ни пылинки. На подносѣ лежалъ четырехъ угольный, толстый, хорошо заклеенный конвертъ. Фру Берта взяла его и замѣтила, что онъ захватанъ грязными руками. Странный контрастъ составляло письмо съ чистымъ, свѣтлымъ подносомъ, на которомъ лежало. На конвертѣ стояло имя фру Берты и адресъ былъ надписанъ карандашомъ.

Долго стояла она съ письмомъ въ рукахъ. Тотъ самый человѣкъ, воспоминаніе о которомъ всплыло въ ея душѣ нѣсколько дней тому

назадъ, который нѣкогда сдѣлалъ ей столько добра и потомъ своимъ преступленіемъ причинилъ столько горя, тотъ самый человѣкъ встрѣтилъ ее теперь, безъ колебаній открывалъ ей всю душу, чтобы она знала все, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ заключенія и захочетъ увидѣться съ нею. Что здѣсь встрѣчаетъ ее?

Неужели опять тѣ же мысли, что посѣщали ее тамъ въ горахъ?.. Казалось, она опять слышитъ ихъ шопотъ: «Помни, мы существуемъ не для игры, а для жизни. Въ первомъ случаѣ мы будемъ лишь обузой, а то и врагами. Въ послѣднемъ мы станемъ твоими лучшими друзьями».

Въ нерѣшительности Берта опустила письмо. Оно какъ будто жгло ей руки. Грубымъ, безобразнымъ пятномъ казалось оно на темнокрасномъ деревѣ. Оно казалось некрасивымъ, какъ иногда бываетъ сама правда. Хотя Берта и очень хотѣла поскорѣе узнать содержаніе письма, она не могла рѣшиться прочесть его.

«Лучше подожду, пока все во мнѣ успокоится, — думала она.— Сегодня я слишкомъ утомлена».

Первый день прошелъ. Миновало еще три дня. Мордтманъ уходилъ рано утромъ и возвращался поздно вечеромъ. Жена видѣла его только мелькомъ, урывками, но не могла не замѣтить, что съ каждымъ днемъ онъ становился все угрюмѣе и нервнѣе.

Толстое письмо, попрежнему нераспечатанное, лежало въ ящикѣ подъ замкомъ. Оно лежало, какъ символъ воспоминанія о томъ, что нѣкогда наполняло душу Берты. Если бы она была таже, что прежде, она не превозмогла бы любопытства и прочла бы. Теперь она хранила письмо, какъ сокровище, которое боятся испортить. Если его прочесть безъ благоговѣнія, второпяхъ, пожалуй, оно не дастъ того, что могло бы дать.

Въ одинъ прекрасный день случилось нѣчто, заставившее Берту такъ забыть о письмѣ Аабеля Торстена, что она едва сознавала, что получила его. Произошло это за утреннимъ завтракомъ. Мордтманъ по обыкновенію сидѣлъ съ газетой за чашкой кофе, просматривая самыя важныя вещи и оставляя подробности до завтрака. Онъ былъ погруженъ въ чтеніе, какъ вдругъ отбросилъ газету, наскоро докончилъ завтракъ и поднялся.

Берта увидѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ и на вискахъ надулись жилы.

— Ты боленъ?—быстро спросила Берта.—Или что-нибудь случилось?

Мордтманъ не обернулся.

— Негодяи!—пробормоталъ онъ вполголоса, грозя кулакомъ.—Не читай! Не думай! Не безпокойся! Будь весела! Смѣйся надъ этимъ. Къ счастью, вся исторія не стоитъ вниманія.

Онъ стоялъ уже въ передней и застегивалъ шубу, какъ вдругъ со шляпой въ рукѣ вернулся въ комнату.

— Прочти, если хочешь,—замѣтилъ онъ болѣе спокойнымъ то-

номъ.—Не скажи я того, что я только что сказалъ, ты не могла бы и предположить, что статья опасна для меня. Она написана безупречно. Но я посмотрю, нельзя ли ее обжаловать.

Съ этими словами Кристіанъ повернулся и вышелъ. Жена только подивилась, какъ быстро онъ овладѣлъ собою... Щелкнулъ замокъ, и Берта осталась одна.

Она притянула газету къ себѣ и развернула ее. Черезъ минуту она отыскала статью, смутившую покой ея мужа, и прочла ее. Это было длинное экономическое разсужденіе съ массой иностранныхъ словъ, едва понятныхъ Бертѣ. Тамъ говорилось о предстоящемъ кризисѣ, причемъ ловко были вставлены замѣчанія о недостаткѣ солидности, какимъ отличаются предпріятія, созданныя и руководимыя дилетантами.

Тонъ былъ довольно рѣзкій, хотя форма необычайно осторожная и учтивая; если вѣрить автору, — между стокгольмскими дѣльцами трудно встрѣтить честнаго, надежнаго человѣка. Берта нѣсколько разъ перечла статью, тщетно пытаясь проникнуть въ истинный смыслъ. Статья дышала угрозой. Въ ней упоминалось страховое общество Мордтмана. Говорилось о многихъ вещахъ. Говорилось между прочимъ о томъ, что въ непродолжительномъ времени событія прольютъ свѣтъ на все это.

На что? Берта вспомнила взволнованное лицо мужа и то, какъ онъ быстро вернулъ себѣ самообладаніе.

Его усталые глаза, устремленные на нее, молили о пощадѣ, несмотря на рѣзкій тонъ; его слова, которыми онъ старался изгладить впечатлѣніе отъ своего раздраженія, не успокоили ее.

Берта видѣла эти глаза, смотрѣвшіе на нее съ газетныхъ столбцовъ, изъ хаоса намековъ, недоговоренныхъ словъ, непонятныхъ техническихъ терминовъ, и уронила газету на столъ, и ее снова наполнилъ страхъ, мучившій ее, все возрастая, послѣднее время. Въ эту минуту Берта не думала ни о банкротствѣ, ни о скандалѣ. Она вѣрила въ Мордтмана, какъ вообще женщина вѣритъ въ того человѣка, отъ котораго она требуетъ силы и превосходства. Она чувствуетъ, что вѣра эта поколебалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ почва ускользнула у нея изъ-подъ ногъ. Съ неописуемымъ ужасомъ читаетъ она въ усталыхъ, устремленныхъ на нее, глазахъ мужа: «Не полагайся на меня. Кристіанъ Мордтманъ уже не тотъ, что былъ, онъ уже не тотъ человѣкъ, который могъ брать на себя всякое бремя, могъ подчинять людей, побѣждать трудности».

При этой мысли все вокругъ Берты освѣтилось какимъ-то новымъ холоднымъ свѣтомъ...

«Мнѣ не на кого положиться,—думала она,—не у кого просить помощи».

Берта вспомнила, что есть еще одинъ исходъ. Она пошла прямо

къ телефону и потребовала квартиру доктора Лохнера; онъ лечилъ ея мужа, а послѣ возвращенія изъ санаторіи она еще не видѣлась съ нимъ. «Онъ долженъ найти средство. Вѣдь, онъ врачъ». Ей отвѣтили, что докторъ будетъ въ три часа. Въ три часа! Какъ долго! Чего ни случится за это время?

Берта ходитъ изъ комнаты въ комнату, ищетъ, чѣмъ бы успокоить свою мысль.

Она зоветъ кухарку заказываетъ ей обѣдъ. Поливаетъ цвѣты и берется за вышиванье. Откладываетъ его и садится за рояль, пробуетъ играть Шопена. Но звуки терзаютъ ей душу и она тщетно ищетъ какой-нибудь работы. Но для нея давно уже нѣтъ работы. Ей не на чѣмъ успокоиться. Юнгве рано утромъ собралъ свои книги и ушелъ въ школу, сегодня въ первый разъ.

Одиночество тяжело давитъ душу, тяжелое небо повисло надъ водною гладью, которая раскинулась тамъ внизу, уходя далеко къ югу... Солнце въ туманѣ, кругомъ холодно, сѣро. Берта почувствовала холодную дрожь. Ей холодно, хотя у нея за спиною ярко топится печь, а на дворѣ оттепель; ей холодно, словно кровь въ ея жилахъ остыла разъ навсегда. Ее охватываетъ нетерпѣніе и ей кажется немыслимымъ пережить эти четыре часа.

«Я не могу такъ долго ждать, — думаетъ она. — Тогда я и такъ все узнаю... Мнѣ не выдержать»...

Она не отдаетъ себѣ отчета, куда влечетъ ее собственная мысль. Въ раздумьи вглядывается она въ газетные столбцы, смутившіе ея покой, перечитываетъ ихъ, и все таки ничего не понимаетъ, чувствуя только, что ей и мужу грозитъ какая-то опасность. Но не это хочетъ она знать. Несчастье снести у нея хватитъ силъ, а только не *то*, что она прочла въ усталомъ взглядѣ Кристіана.

Все, только не это.

III.

Чтобы скоротать время, Берта взялась за письмо лежавшее въ ящикѣ стола, но не распечатавъ, опустила на столъ.

Изъ темной дали прошедшаго встала фигура человѣка, и теперь Берта не скрываетъ, что было время, когда она могла сказать, что любитъ Торстена. Зачѣмъ я не дала ему понять этого?—думаетъ она. Неужели я была «сожжена» уже тогда? Или во мнѣ говорило чувство долга? Снова видитъ она передъ собою Торстена, видитъ такимъ, какимъ онъ былъ, и думаетъ, какъ онъ долженъ измѣниться. Сталъ чужимъ, отталкивающимъ, грубымъ.

Если при немъ велся пошлый разговоръ, онъ могъ вдругъ вспылить, выйти изъ себя, нарушить общее настроеніе. Никто не зналъ, какія чувства питаетъ къ нему Торстенъ. Много враговъ создало Тор-

стену это отсутствіе притворства, которое принято называть простотой. Но онъ не обуздалъ себя въ этомъ отношеніи. Онъ страдалъ отъ излишней фамиліарности, но не умѣлъ держать людей на почтительномъ разстояніи, слишкомъ онъ былъ искренній и сердечный человѣкъ. Его веселость была своего рода маской, а живость часто вводила людей въ заблужденіе, потому что скрывала меланхолію.

Торстенъ любилъ развлеченія, умѣлъ пользоваться минутой, но не отказывался и отъ излишествъ. Въ своей жаждѣ забвенія и наслажденій онъ увлекалъ за собою всѣхъ отъ мала до велика.

Бертѣ иногда казалось, что душа его сжигалась въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ. Онъ былъ душою общества, жилъ той жизнью, какой живутъ только у насъ на сѣверѣ. У него была масса друзей, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ всякій стремится назвать друзьями, потому что одно ихъ присутствіе сообщаетъ блескъ и веселье. Онъ жилъ безпечно, словно весь міръ былъ созданъ къ его услугамъ. Ничто, кромѣ наслажденій, не привлекало его.

А, между тѣмъ, вкругъ него оставалось пустое пространство. Никто не умѣлъ жертвовать собою для другихъ такъ, какъ онъ. Мордтманъ не былъ первымъ опытомъ Торстена: онъ неоднократно имѣлъ возможность убѣдиться, что тотъ, кто даетъ черезчуръ много, всегда страдаетъ. «Да, и я отблагодарила его такимъ же образомъ», подумала Берта.

Онъ разливалъ радость вокругъ себя, но самъ былъ одинокъ.

Вокругъ него была пустота. Онъ шелъ своей дорогой, словно не имѣя возможности взять для себя хоть что-нибудь изъ благъ жизни.

Тѣмъ, кого онъ любилъ, онъ отдавалъ себя всего, и, казалось, за этимъ міромъ, для него ничто и никто не существуетъ. О себѣ онъ говорилъ очень легко и на свое одиночество смотрѣлъ, какъ на нѣчто вполнѣ естественное. Въ глубинѣ души это, конечно, не могло не огорчать его.

Берта снова пытается вскрыть конвертъ, и останавливается: въ памяти у нея встаетъ новое воспоминаніе.

Однажды вечеромъ Торстенъ сидѣлъ у нея въ кабинетѣ. Онъ волновался болѣе обыкновеннаго, то и дѣло обрывалъ рѣчь и молчалъ, какъ будто онъ былъ поглощенъ посторонними мыслями и не могъ ихъ побороть. Вдругъ онъ нагнулся, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Берта видитъ его взглядъ, горящій, вопросительный и безнадежный въ то же время.

Ей нечего было отвѣтить, нечего дать. Она сознаетъ, что знала, что сказалъ этотъ безмолвный взглядъ, и наслаждалась этимъ сознаніемъ, пока онъ ничего не требовалъ.

Теперь ея счастье было разрушено, и въ отвѣтъ она могла только выдернуть руку и покачать головой. Торстенъ понялъ безъ словъ и долго сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, не въ силахъ говорить.

Потомъ, повидимому, безъ усилія, поймалъ оборванную нить разговора. А о маленькой безмолвной сценѣ они никогда не говорили. Случай этотъ отнюдь не испортилъ ихъ дружбы. Торстенъ и на этотъ разъ далъ, ничего не получая въ замѣнъ. При этомъ воспоминаніи глаза Берты наполнялись слезами, хотя душа ея полна безпокойства и о себѣ она давно не можетъ плакать.

А вотъ еще сцена.

Торстенъ Аабель опять у нея въ кабинетѣ. Съ ними Юнгве.

Прошелъ цѣлый годъ, она чувствовала себя окруженной любовью этого человѣка, который ничего не требовалъ и только давалъ. Онъ всегда стремился къ ней на помощь, дарилъ ее неусыпнымъ вниманіемъ и теплымъ сочувствіемъ, причемъ все это выходило у него легко и естественно, словно иначе и быть не могло.

Торстенъ въ креслѣ читалъ вслухъ французскій романъ. Юнгве перелистывалъ иллюстрированный журналъ. Книга была изъ числа тѣхъ, которыя неохотно читаются вслухъ по-шведски. Глаза Торстена горѣли. Она какъ сейчасъ видитъ его длинную, худую фигуру; его некрасивое лицо все дышитъ однимъ удовольствіемъ. Юнгве вышелъ, Торстенъ отложилъ книгу въ сторону и зажегъ сигару.

Тутъ Берта прямо, спокойно, безъ околичностей высказала мысль, которая давно была у нея.

— Тебѣ нужно меньше пить, Торстенъ.

Онъ не удивился, не обидѣлся.

Берта замѣтила только, какъ затуманились его глаза, какъ будто тема была ему очень непріятна, и онъ сказалъ быстро, съ легкимъ удареніемъ:

— Отчего? Нужно же чѣмъ-нибудь развлекаться человѣку.

Вспоминала это фру Берта и опять почувствовала, что не можетъ вскрыть письма. Ей казалось, что Торстенъ призракомъ встанетъ съ этихъ листковъ и напомнитъ ей о томъ, что ей такъ хотѣлось бы забыть.

Берта не смѣетъ прочесть письма, не можетъ даже смотрѣть на него. Дрожащими руками кладетъ она его опять въ тотъ самый ящикъ, гдѣ оно лежало до времени ея пріѣзда. Ни о чемъ не думая, стоитъ она у окна и смотритъ на улицу, томительно ожидая, когда пройдетъ время, когда она узнаетъ, что—безразлично... Знать—единственное ея желаніе. Все лучше, чѣмъ эта мучительная неизвѣстность.

VI.

Берта въ раздумьи стояла у окна, когда въ передней раздался звонокъ. Черезъ минуту вошла горничная съ визитной карточкой. Фру Берта взяла ее и взглянула, ни о чемъ не думая, съ явнымъ намѣреніемъ отказать. Тутъ взоръ ея упалъ на карточку: «Шарлота Аабель, вдова ректора».

Берта ничуть не измѣнилась. Она была до такой степени поглощена собственными мыслями, что ей пришло въ голову, что именно этого-то она и ожидала.

Чтобы увидѣться съ этой женщиной, она цѣлый день бродила взадъ и впередъ, не смѣя, не въ состояніи думать о себѣ. Въ душѣ у нея опять ожило воспоминаніе о Торстенѣ Аабелѣ. Она вспомнила, какъ Торстенъ разсказывалъ ей о своемъ отцѣ, старомъ ректорѣ, умершемъ въ маленькомъ городкѣ. Вспомнила, какъ Торстенъ уѣхалъ туда, какъ вернулся. Случилось это какъ разъ послѣ разрыва съ Мордтманомъ. Онъ сидѣлъ у своего друга и говорилъ объ отцѣ, о его смерти. Изъ его живого, яркаго разсказа Берта ясно представляла себѣ кладбище за городскими воротами, квартиру ректора, гдѣ Торстенъ увидѣлъ свѣтъ. «Я никогда не былъ для матери тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть,—говорилъ Торстенъ.—И это не моя вина. Она хотѣла видѣть меня священникомъ или чиновникомъ, я не могъ этого, и отношенія между нами оборвались. Порою мнѣ казалось—она ненавидитъ меня. Со смертью отца что-то измѣнилось въ насъ обоихъ. Какъ-то само собою вышло, что я попросилъ ее переѣхать ко мнѣ, и она согласилась». Къ этому воспоминанію присоединилось еще другое воспоминаніе о маленькой старушкѣ съ рѣзкими чертами, въ простомъ платьѣ, которую она видѣла на тюремномъ дворѣ.

— Попросите барыню въ гостиную! — быстро сказала фру Берта. И тутъ же добавила:—если кто-нибудь—до пріѣзда доктора—будетъ меня спрашивать,—меня нѣтъ дома.

Минуту спустя въ комнату вошла мать Торстена, еще бодрая женщина, лѣтъ шестидесяти - семидесяти; сѣдые волосы обрамляли ея лицо, на которомъ волненія и горе отразились сѣтью морщинъ. Но онѣ были такъ тонки, что невольно приходило въ голову, что юность долго боролась со старостью.

На этотъ разъ Бертѣ показалось, что выраженіе лица было мягче, чѣмъ въ прошлый разъ.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая гостьѣ руку. — Очень рада васъ видѣть.

— Да, мнѣ очень трудно было собраться къ вамъ, — отвѣтила старушка и со спокойнымъ достоинствомъ сѣла.

Берта невольно удивилась, что приходъ матери ея друга именно сегодня, въ сущности, казался ей вполнѣ естественнымъ.

— Мой сынъ писалъ вамъ,—продолжала старушка,—не удивляйтесь, что я пришла. Я чувствую, вы не удивлены, и очень вамъ благодарна.

— Откуда вы знаете, что Торстенъ писалъ мнѣ?

— Онъ самъ сказалъ.

— Часто вы бываете у него?—спросила фру Берта.

— Какъ только можно,—отвѣтила старушка.—Но я никогда не

вижусь съ нимъ наединѣ. Сначала мнѣ трудно было привыкнуть видѣть его среди... арестантовъ.—Съ минуту она искала слова.—Но, пожалуй, это и хорошо,—продолжала она:—перестанешь считать себя лучше другихъ. Но при такихъ условіяхъ не много скажешь. Тѣсная комната полна народу, да и часовой тутъ же. Всѣ говорятъ громко... Какъ-то разъ онъ шепнулъ мнѣ, что есть письмо. Никто не замѣтилъ. Я не позволила бы себѣ безпокоить васъ,—закончила она.

Въ глазахъ мелькнула искорка, но губы были плотно сжаты, какъ будто онѣ разучились улыбаться.

Берта подумала о большомъ письмѣ, которое нераспечатаннымъ лежитъ у нея въ ящикѣ, и поняла, что мать должна думать, что оно прочтено. Безмолвно встала она, прошла въ кабинетъ и тихонько разорвала конвертъ. Осторожно вынула письмо, перевернула его, опять вложила въ конвертъ и вынесла старушкѣ.

— Только мы съ вами и прочтемъ его,—ласково замѣтила она при этомъ.

Глаза фру Аабель наполнились слезами, она, повидимому, пыталась что-то сказать, но не смѣла, и быстро поднялась.

Вдругъ Берта вспомнила о предстоящемъ разговорѣ, объ одинокихъ часахъ ожиданія.

— Удивительно, что вы пришли сегодня,—заговорила она, лихорадочно подыскивая слова.—Не посидите ли вы еще минутку? Поговоримъ о васъ самихъ, о... вашемъ сынѣ?—добавила она съ разстановкой.—Онъ былъ другомъ и мнѣ, и мужу моему.

Старушка смущенно оглядѣлась.

— Вотъ ужъ скоро четыре года, какъ я ни съ кѣмъ не говорю,—сказала она.

— Неужели?—воскликнула Берта.—У васъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ знакомыхъ?

— Очень мало. Да съ ними я не могла бы говорить.

Грустное чувство охватило Берту и предъ нею снова всталъ нѣкогда знакомый образъ. Все глубже и глубже погружалась она въ сѣть своихъ думъ, и все, что она говорила, слышала, видѣла, казалось ей не то сномъ, не то далекой дѣйствительностью. «Я когда-то прежде пережила все это или видѣла во снѣ!»

— Поговорите же со мной,—сказала она.

Старушка сидѣла, перебирая полы своей накидки. Тутъ Берта замѣтила, что забыла всѣ правила гостепріимства. Съ почтительной нѣжностью она помогла фру Аабель снять накидку и изумилась, до чего старушка оказалась мала въ своемъ гладкомъ черномъ платьѣ, застегнутомъ старинной кораловой въ золотѣ брошкой. Берта не могла не замѣтить контраста, какой составляла комната съ этой бѣднодѣтой, чинной старушкой.

Мать выслушала все, что Берта могла сказать хорошаго объ ея

сынѣ; черты ея нѣсколько прояснились, но отпечатокъ недовѣрія не исчезалъ.

— Вы очень любите его и очень съ нимъ близки,—замѣтила она подъ конецъ.

При этихъ словахъ на лицѣ ея мелькнула тѣнь подозрѣнія, но тотчасъ угасла, а сама она отвернулась, будто боясь себя выдать.

Инстинктомъ женщины Берта угадала мысль своей гостьи и поняла, что та сидитъ здѣсь съ отвращеніемъ.

— Я понимаю, что вы думаете,—тихо замѣтила она,—понимаю, что вамъ тяжело быть въ обществѣ такой женщины, какой вы меня считаете. Но повѣрьте, фру Аабель, Торстенъ для меня былъ всегда только хорошимъ, вѣрнымъ другомъ.

Старушка выпрямилась, пристально посмотрѣла Бертѣ въ глаза и сказала:

— Простите меня, и награди васъ Господь за то, что вы такъ говорите со мной.

Минуту спустя она продолжала:

— Для меня здѣсь много непонятнаго, а вамъ, быть можетъ, кажется страннымъ, что существуютъ такіе люди, какъ я. Сперва я думала, что мнѣ лучше было бы оставаться тамъ у себя. Я чувствовала себя старомодной, отставшей отъ вѣка. Всю жизнь я прожила въ нашемъ маленькомъ городкѣ, въ Стокгольмѣ была всего одинъ разъ и такъ давно, что не узнала его. Мужъ мой былъ ректоромъ (фру Мордтманъ вѣрно слыхала объ этомъ), и у насъ въ домѣ мало читали о томъ, что васъ интересуетъ. Слишкомъ трудно намъ было слѣдить за жизнью: она идетъ такъ быстро. У насъ просто не хватало духу... Мы читали только старыя книги, а изъ того, что дѣлалось на свѣтѣ, мы знали лишь о школьныхъ экзаменахъ да о программахъ. Заведеніе наше было пятиклассное, а мужъ мой умеръ, скоро уже пять лѣтъ... Мнѣ кажется, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Я, конечно, больше бы знала, не будь я настолько моложе своего мужа и не живи мы такъ далеко. Мнѣ и въ голову не приходило, что я могу покинуть наши мѣста. Тамъ была рѣка, было сѣверное сіяніе были долгія, темныя, зимнія ночи... Но Ульрикъ умеръ, и Торстенъ пріѣхалъ домой. Онъ увидѣлъ, какъ я одинока, ему стало жаль меня и онъ сталъ звать меня съ собою.

Фру Берта вспомнила, что Торстенъ какъ-то однажды говорилъ о своей матери; въ ту же минуту и старушка прервала себя и быстро спросила:

— Торстенъ когда-нибудь говорилъ обо мнѣ?

— Да,—протянула фру Берта.—Только немного.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не много радости онъ видѣлъ отъ меня.

Она говорила съ трудомъ, и голосъ слегка дрожалъ, когда она продолжала:

— Меня всегда огорчало, что изъ Торстена ничего не вышло. Мы столько потратили на него и были сильно разочарованы, что онъ не ищетъ себѣ никакого мѣста. Экзаменъ онъ сдалъ, а въ результатѣ жилъ въ двухъ комнаткахъ, окруженный своими книгами. Я какъ-то высказала ему это, онъ ничего не отвѣтилъ, но я думаю, не простилъ мнѣ. Съ того дня мы не видѣлись до смерти его отца.

Фру Аабель вздохнула и послѣ долгаго молчанія добавила:

— Онъ уговорилъ меня пріѣхать къ нему. Потомъ произошло все остальное.

— Вы на прежней квартирѣ?—спросила фру Берта.

— Да,—отвѣтила старушка.—Я сдала всѣ комнаты, кромѣ одной. Къ счастью (когда несчастье разразилось), мебель была моей... Я сижу одна и думаю обо всемъ, что мнѣ приходится видѣть и слышать, и чѣмъ больше я думаю, тѣмъ, повидимому, меньше понимаю. Какъ могло все это случиться? Какъ Торстенъ могъ измѣниться въ такой мѣрѣ? Я знаю, каждому приходится бороться, знаю, что Господь посылаетъ намъ испытанія и мы должны нести ихъ съ покорностью. Но я не понимаю, какъ Богъ можетъ посылать намъ *такія* несчастья. Всѣ эти годы я старалась побороть въ себѣ это сомнѣніе—и не могла.

Судорога пробѣжала по лицу старушки и, какъ тихо она ни говорила, въ голосѣ ея прозвучала жесткая нота, какъ будто она кого-то обличала, вызывала на судъ.

— Почему не уѣхали вы домой, къ себѣ?—вставила фру Берта.— Вѣдь, вамъ тяжело было одной переживать все это время?

— Я хотѣла дождаться сына,—отвѣтила гостья.—Хоть теперь хотѣла я стать для него тѣмъ, чѣмъ желала быть и чѣмъ не была раньше. Я хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что я здѣсь и жду его. Инстинктъ говорилъ мнѣ, что онъ будетъ чувствовать себя менѣе одинокимъ. Я бываю у него и онъ знаетъ, что есть человѣкъ, который никогда отъ него не откажется.

Она помолчала съ минуту и на ея старомъ лицѣ отразилась смѣсь твердой воли и жгучаго страданія.

— Я страдала съ нимъ заодно. Я взяла на себя часть его грѣха и несла это бремя. Вы, можетъ быть, и не понимаете меня,—вѣдь, вы здѣсь прожили всю жизнь и вы здѣсь дома. Я старуха и, конечно, мнѣ пора бы перестать грустить... На далекомъ сѣверѣ, дальше, чѣмъ вы бывали, лежитъ старый ленсмайскій дворъ. За нимъ шумитъ лѣсъ, а внизу бѣжитъ рѣка и поетъ. Оттуда меня привезли въ маленькій городъ, гдѣ я и вышла замужъ. Туда съ тоской стремилась я все время своего замужества. Въ зимніе вечера въ нашемъ домѣ бывало очень весело, шумно, пили, играли въ карты, у насъ собирался цвѣтъ городского общества, и когда Торстенъ сталъ студентомъ, онъ принималъ участіе въ кутежахъ, пѣлъ, говорилъ на

радость старикамъ. Тогда мнѣ и въ голову не приходило, что тутъ закладывался фундаментъ того, что вышло впослѣдствіи. Радость была мнѣ незнакома. Я много думала въ то время. Не въ моей власти было изгнать пьянство, мой мужъ былъ главою дома и обращался со мною, какъ съ ребенкомъ.

Въ теченіе тридцати лѣтъ мнѣ казалось, что у насъ въ домѣ корчма и въ ней выросъ Торстенъ. Когда онъ въ послѣдній разъ уѣзжалъ изъ дому, какой-то голосъ говорилъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на несчастье, и, какъ видите—мнѣ пришлось дѣлить его съ нимъ.

Вы не можете понять этого. Вы не слышите голосовъ. Вы не понимаете шелеста лѣса, не понимаете шума рѣки, не слышите ея пѣсни, лишь только закроете глаза и останетесь одна. Для васъ все имѣетъ иное значеніе, чѣмъ для меня. Вѣдь, для васъ окружающее составляетъ постоянную дѣйствительность и гораздо болѣе естественную, чѣмъ то, что я говорила.

Теперь я понимаю это,—вѣдь, я здѣсь уже очень давно. Однако, много потребовалось времени, чтобы начать понимать; много увидѣла я прежде, чѣмъ повѣрила своимъ глазамъ. Я видѣла столько, что сначала никакъ не могла понять, къ чему Торстенъ просилъ меня пріѣхать. Быть можетъ, онъ и раскаивался уже въ этомъ. Можетъ быть, оно просто поторопился, сожалѣя о моемъ одиночествѣ. Кромѣ него, вѣдь, у меня не было дѣтей. Мнѣ, однако, казалось, что въ душѣ у него было тоже, отъчего я никоимъ образомъ не могла отдѣлаться. Ему иногда хотѣлось отдохнуть и въ такія минуты онъ любилъ меня, любилъ старую мебель, которую помнилъ съ дѣтства...

Только дома Торстенъ бывалъ не часто и о себѣ говорилъ неохотно. А когда оставался дома, то обыкновенно сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ.

Часто писалъ онъ и по ночамъ, а если уходилъ изъ дому, то часто возвращался очень поздно! Чего-чего не передумала я за то время, чего-чего не поняла! Старухи много понимаютъ, фру Мордтманъ, особенно когда имъ приходится всматриваться, вслушиваться въ то, чего не видятъ и не слышатъ другіе... Когда онъ говорилъ о друзьяхъ, онъ говорилъ о васъ и о вашемъ мужѣ. Васъ обоихъ онъ любилъ больше всѣхъ, и я радовалась, когда онъ бывалъ у васъ, хотя и не знала вашихъ отношеній.

Побывавъ у васъ, онъ всегда приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, сплю ли я.

Онъ бывалъ тогда въ хорошемъ настроеніи, садился ко мнѣ на постель (я всегда рано ложилась спать, не могла отвыкнуть!), говорилъ что ему жаль меня,—я постоянно одна и, вѣрно, скучаю.

Иногда онъ возвращался уже подъ утро.

Я лежала и ждала его, но заговорить объ этомъ не имѣла мужества.

Я боялась, какъ бы онъ не ушелъ отъ меня. Его натура не терпѣла гнета.

Рано онъ поднимался съ постели, рано принимался за работу. Иногда я просто не понимала, когда онъ спитъ. Когда онъ приходилъ, я прислушивалась къ его шагамъ. Такая ужъ у меня привычка. То же дѣлала я и при жизни мужа. Мой образованный Торстенъ былъ истиннымъ сыномъ своего отца. Я видѣла, какой онъ росъ блѣдный, чахлый, видѣла, какъ послѣ такихъ ночей дрожали у него руки. Я все видѣла, фру Мордтманъ, видѣла и понимала. Пьянымъ я никогда его не видѣла. Когда я слышала, что онъ топчется въ передней, разговариваетъ самъ съ собою, я не подавала виду, что не сплю. Я тихо лежала и ждала, когда онъ пройдетъ къ себѣ и ляжетъ, слѣдила, когда въ замочной скважинѣ потухнетъ свѣтъ. Какъ-то ночью я прокралась къ нему и загасила горѣвшую свѣчу, но на него не взглянула,—не хотѣла видѣть его въ такомъ видѣ. Меня онъ, конечно, не слышалъ,—слишкомъ крѣпко спалъ.

Фру Берта сидѣла совсѣмъ блѣдная; разсказъ старушки заставилъ ее забыть о себѣ.

— Да, какъ ни далеко заходилъ онъ, его добрая, мягкая душа не очерствѣла.

Я знаю это, хотя могло казаться иначе... Съ нимъ что-то произошло за нѣсколько лѣтъ до послѣдняго несчастья. Онъ никогда не говорилъ объ этомъ. Но я увѣрена, что какая-то связь съ директоромъ Мордтманомъ существуетъ. Съ тѣхъ поръ Торстенъ не могъ слышать его имени. Онъ говорилъ только о васъ. Теперь я сказала вамъ все; быть можетъ, все это очень неучтиво съ моей стороны, но, право, вполнѣ естественно.

Фру Аабель смолкла и вопросительно смотрѣла на свою собесѣдницу.

— Мой мужъ и Торстенъ разошлись,—отвѣтила фру Берта на молчаливый вопросъ.—И не Торстенъ былъ виноватъ.

Мучительно-задумчивое выраженіе мелькнуло на морщиннистомъ лицѣ старушки. Очевидно, объясненіе было нѣсколько неожиданно, но все-таки облегчило ее.

— Нѣтъ,—замѣтила она,—этимъ недостаткомъ Торстенъ не страдалъ и многое прощалъ тѣмъ, кого любилъ. Если онъ оставлялъ друга, значитъ этотъ долго и несправедливо мучилъ его. Я много думала обо всемъ этомъ, и времени у меня было достаточно. И думать больше мнѣ было не о чѣмъ. Однако худшее было впереди: на его пути явилась женщина. Онъ разсказалъ мнѣ объ этомъ, когда было уже поздно, когда несчастье совершилось. Я видѣла эту женщину одинъ разъ. Она пришла къ Торстену, и я открыла ей дверь, никого другого не было. Она была очень хороша собой, очень нарядна, но улыбка у нея была злая, а глаза свѣтились холоднымъ блескомъ. Больше я

ея не видѣла, но могу представить себѣ, когда угодно. Вы ее знали?

— Нѣтъ,—сказала фру Берта.—Торстенъ никогда не говорилъ мнѣ о ней.

— Она была замужняя и дѣти были, много даже,—продолжала старушка.—Мужъ жилъ съ нею, значитъ она не была разведенная, и у нихъ Торстенъ часто бывалъ. Онъ никогда не говорилъ о нихъ иначе, какъ въ самомъ добродушномъ тонѣ. Но я не вѣрила ему. Онъ былъ ослѣпленъ, я видѣла это, онъ жилъ въ постоянномъ опьянѣніи. Поздно возвращался, рано вставалъ. Онъ всегда былъ нѣсколько блѣденъ, но теперь кожа его сдѣлалось сѣрой, черты обострились. Часами ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, я слышала его шаги. Еслибъ вы знали, каково мнѣ было, фру Мордтманъ. Знаете, какъ все произошло? Онъ разсказалъ мнѣ это въ послѣдній ужасный вечеръ, когда онъ пришелъ домой, и ушелъ не досказавъ. Знаете вы, какъ это произошло?

Она завлекла его, и поддерживала въ немъ надежду на любовь. Какъ настоящій мазурикъ, она зазывала его къ себѣ въ домъ; въ сущности она не любила его, а только играла имъ, писала ему письма, цѣловала его.

Часто видѣла я, какъ онъ съ часами въ рукахъ ждалъ звонка, и бѣжалъ, словно дѣло шло о жизни и смерти, а потомъ телефонировалъ, что вернется поздно. А сколько было писемъ! Я узнала ея почеркъ, прежде чѣмъ удостовѣрилась, кому онъ принадлежитъ.

Онъ напоминалъ мнѣ ея злую, жестокую улыбку. Тянулось это два года, два долгихъ года. Съ каждымъ днемъ я меньше узнавала его, его будто подмѣнили. Онъ жилъ въ вѣчномъ напряженіи, и всюду носилъ съ собою безпокойство. Онъ жертвовалъ всѣмъ, чтобы только жить той жизнью, на которую у него не было средствъ. Онъ занималъ, выдавалъ векселя; а когда уже взять было негдѣ, укралъ и сдѣлалъ подлогъ.

Старушка остановилась. Портретъ Торстена, нарисованный наивной кистью его матери, вызвалъ въ памяти Берты воспоминаніе о семействѣ, среди котораго она неоднократно встрѣчала Торстена въ обществѣ. Барыня производила впечатлѣніе настоящей mangeuse d'hommes, и фру Берта однажды даже предостерегла Торстена относительно дурного общества. Онъ отвѣтилъ шуткой, но насупился, замолчалъ и утратилъ хорошее расположеніе духа.

— Неужели онъ не понималъ, какую роль играетъ?—спросила Берта.

Старушка задумчиво глядѣла передъ собою.

— Порою мнѣ казалось, что онъ понимаетъ. Но навѣрное я не знаю. Я думаю онъ былъ черезчуръ легкомысленъ, чтобы желать понять, и слишкомъ влюбленъ, чтобы отказаться отъ надежды. Онъ отдавалъ ей деньги, которыя воровалъ. Представляете вы себѣ это? Мужъ ея былъ человѣкъ небогатый и она брала у Торстена, чтобы

скрывать отъ мужа свои безумныя траты. Да ей вообще было что скрывать. Когда все раскрылось, Торстенъ пошелъ къ ней и просилъ ему помочь. Даже до этого унизился. Знаете, что она сдѣлала? Она указала ему на дверь, позвала мужа, и предъ нимъ уличила Торстена въ обманѣ въ шантажѣ. Она вела крупную игру, потому что боялась. А мужъ вѣрилъ ей, а можетъ быть не зналъ, чему вѣрить. Во всякомъ случаѣ ему было удобнѣе держать сторону жены. Съ этимъ Торстенъ и ушелъ.

Берта слушаетъ и представляетъ себѣ человѣка, котораго она нѣкогда такъ чтила, ставила такъ высоко.

— Бѣдный Торстенъ!—вырвалось у нея.

— Да, бѣдный,—поддержала мать.—Онъ жилъ въ грязи, и зрѣніе его было недовольно ясно, чтобы увидѣть эту грязь.

Берта взглянула на старушку и изумилась, какое у нея умное и здоровое лицо.

— Откуда вы все это знаете? Какъ стали вы такой умной, проницательной?—чуть было не спросила она.

Фру Аабель заговорила дальше.

— Мнѣ казалось, что среди неправды и правды есть нѣчто простое, нѣчто, въ чемъ никто не можетъ сомнѣваться. Странно думать о такихъ вещахъ. Все, чего я не знала, разсказалъ мнѣ Торстенъ въ послѣдній вечеръ.

Онъ пришелъ ко мнѣ и впервые за два года я узнала его. Какъ ребенокъ подошелъ онъ ко мнѣ, а когда взглянулъ на меня, съежился и заплакалъ.

На сколько положеніе было дурно, я не понимала, не могла понять, но видѣла, что дѣло плохо.

Я дала ему выплакаться и не задавала вопросовъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ со мною. Я взяла его руку и старалась, какъ умѣла, успокоить его.

Тутъ онъ и разсказалъ мнѣ все, что я вамъ сейчасъ разсказала. Только о своемъ подлогѣ умолчалъ онъ. Онъ промолчалъ, потому что зналъ, что признайся онъ мнѣ, я помогу ему. На это у меня хватило бы. Но онъ не хотѣлъ, чтобы я отдала все и осталась бы сама безъ гроша. Онъ заставилъ меня повѣрить, что горюетъ только о своемъ позорномъ отношеніи къ этой женщинѣ: у нея онъ и былъ въ послѣдній вечеръ, но объ этомъ онъ мнѣ ничего не сказалъ, я узнала объ этомъ только на слѣдствіи. Утромъ, когда онъ ушелъ, меня охватилъ страхъ, что я никогда его не увижу.

А знаете куда онъ пошелъ? Въ полицію и заявилъ о себѣ. Цѣлый день ждала я его, пока не узнала, что случилось. А когда узнала, я уже была одна. Всѣ эти годы меня неотступно преслѣдуетъ вопросъ: какъ могъ онъ сдѣлать это? Все было кончено, жить было нечѣмъ, единственно вѣра поддерживала меня.

*

Берта взглянула на старушку и перевела взглядъ съ ея блестящихъ глазъ на худыя, усталыя, много работавшія руки. Она не могла оторваться отъ этихъ рукъ: онѣ такъ грустно спокойно и тихо лежали на колѣняхъ старой матери. Сколько тяжести онѣ вынесли и никогда не отказывались отъ работы.

— О какой вѣрѣ вы говорите?—спросила она.

Старушка многозначительно улыбнулась.

— Это старая вѣра и состоитъ она въ томъ, что никто не можетъ имѣть больше, чѣмъ у него есть. Тотъ, кто живетъ уединенно, какъ мы, не заимствуетъ свою вѣру отъ другихъ; мы не знаемъ даже, годится ли наша вѣра для кого-нибудь, кромѣ насъ. Священники и люди, среди которыхъ Торстенъ жилъ, быть можетъ, и не оцѣнятъ ее. Это вѣра въ то, что все имѣетъ свой смыслъ. И тамъ, гдѣ мы его не видимъ, мы должны искать его. А гдѣ не можемъ его найти, должны создать его, хотя бы намъ пришлось украсть его съ неба.

— Въ этомъ ваша вѣра?—спросила фру Берта.

— Да,—сказала старушка и поднялась;—я жду ея исполненія. Если она меня обманетъ, я не стану дожидаться его возвращенія, не пойду ему навстрѣчу.

Старушка протянула хозяйкѣ руку.

Берту опять поразило, какая она маленькая сгорбленная, и ей больно было отпустить ее такъ. Но тутъ взглядъ ея упалъ на часы и мысль ея немедленно обратилась къ ожидавшему ее разговору. Дрожь пробѣжала по тѣлу, сочувствіе къ ближнему отодвинулось на задній планъ, подавленное эгоистическимъ желаніемъ дѣйствовать для себя.

Отъ фру Аабель не ускользнула перемѣна, происшедшая въ лицѣ ея собесѣдницы, но она не поняла ея причины.

Подобно большинству застѣнчивыхъ людей, она, разъ начавъ говорить, была полна благодарности своей прекрасной собесѣдницѣ за ея вниманіе къ себѣ, и за то, что она была другомъ ея сына.

Она взяла со стола письмо, положила его въ карманъ платья и тщательно его поправила.

— Письмо это, — сказала она,—разскажетъ мнѣ все, что я хочу знать, скажетъ—побѣдитъ моя вѣра или нѣтъ. Я не для себя вѣрю, а для него, для моего согрѣшившаго сына.

Но Берта уже не слышитъ ее. Напрягая все вниманіе она прислушивается ко всякому шороху въ передней, ждетъ не дождется, когда старушка уйдетъ, чтобы ей самой успѣть собраться съ мыслями.

Каминные часы пробили три, когда фру Аабель вышла въ переднюю и горничная помогла ей одѣть старую накидку и старомодную шляпу. Съ глубокой благодарностью поклонилась она еще разъ и вышла. За долгіе годы она впервые чувствовала себя счастливой,—наконецъ-то она поговорила, поговорила съ человѣкомъ, который любитъ ея сына.

Со вздохомъ облегченія вернулась фру Берта въ гостиную. То, что ей пришлось услышать показалось ей сномъ, неважнымъ, безсодержательнымъ. Она проснулась.

V.

Въ передней мордтманской квартиры стоитъ докторъ Лохнеръ и обтираетъ заиндѣвѣвшіе усы. Это стройный господинъ съ нѣсколько угрюмымъ видомъ, какъ будто онъ много думалъ и много видѣлъ въ жизни; его спокойный, испытующій взглядъ подчиняетъ и внушаетъ довѣріе въ одно и то же время. Онъ, видимо, утомленъ; здороваясь съ хозяйкой, онъ невольно озирается, какъ будто съ цѣлью убѣдиться, не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь, одни ли они въ комнатѣ.

Берта поняла его мысль и поспѣшно замѣтила:

— Мы можемъ подняться ко мнѣ,—тамъ никто намъ не помѣшаетъ.

Она провела доктора въ кабинетъ и, едва они сѣли, спросила:

— Вы, докторъ, читали сегодняшнюю газету?

Докторъ утвердительно кивнулъ.

— Вѣрите вы тому, что тамъ написано?—живо продолжала она.

Какъ докторъ, Лохнеръ привыкъ къ самымъ удивительнымъ вопросамъ со стороны паціентовъ, а потому ничѣмъ не обнаружилъ своего изумленія: очевидно, дѣло шло не объ обычной консультаціи.

— Мнѣ трудно объ этомъ судить,—осторожно отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ,—откровенно настаивала фру Берта. — Вы мужчина и, по крайней мѣрѣ, понимаете, въ чемъ дѣло. Я дважды прочла статью и все-таки ничего не усвоила. Значитъ ли это, что мужъ мой банкротъ? Или это простая инсинуація?

Докторъ смутился, но, видя, что отвѣтить нужно, старается обойти вопросъ.

— Я не такъ понялъ статью. По моему, въ ней говорится просто о затруднительномъ положеніи.

Отвѣтъ фру Берты звучитъ раздраженіемъ.

— Развѣ вы не можете говорить со мною просто и прямо? Развѣ вы не понимаете, что если я спрашиваю объ этомъ, значитъ мнѣ нужно знать это прежде всего. Угодно вамъ теперь отвѣтить мнѣ?

Докторъ сразу сдѣлался серьезенъ, сталъ еще сосредоточеннѣе. Онъ положилъ руку фру Бертѣ на плечо и тихо сказалъ:

— Я не могу вамъ дать точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но слухи ходятъ, и дурные.

Фру Берта кивнула, словно желая сказать: «Это я поняла», и тотчасъ же задала слѣдующій вопросъ:

— Что думаете вы о здоровьѣ моего мужа? Я знаю,—вы видѣлись съ нимъ.

На лицѣ доктора опять появилось то же задумчивое, испытующее выраженіе, свойственное врачамъ, которые по опыту знаютъ, что не всякую правду можно сказать въ глаза.

Избѣгая взгляда Берты, онъ отвѣтилъ:

— Теперь онъ спокойнѣе и значительно крѣпче. Вы знаете, что онъ прибѣгалъ къ морфину? Правда, въ небольшихъ дозахъ, но все-таки это опасно. Безъ вопроса съ моей стороны онъ сказалъ мнѣ, что въ горахъ только три раза дѣлалъ себѣ вспрыскиванія. По собственной же иниціативѣ онъ возвратилъ мнѣ шприцъ и попросилъ его спрятать. Изъ нашего разговора я вынесъ такое впечатлѣніе, что можно надѣяться на улучшеніе.

Берта поднялась съ разочарованнымъ видомъ и устало замѣтила:

— Вы говорите не все, что думаете. Неужели вы не понимаете, что въ настоящую минуту я желаю знать только правду, правду во что бы то ни стало.

— Что хотите вы, чтобы я вамъ сказалъ?

— Все.

Докторъ улыбнулся.

— Слишкомъ много для человѣка. Этого никто не можетъ.

Но Берта не сдавалась.

— Отвѣтьте мнѣ, докторъ, на одинъ вопросъ,—продолжала она.— Въ состояніи ли мой мужъ вынести ударъ, который намъ угрожаетъ? Выдержитъ ли его душевное состояніе?

Самообладаніе покинуло Берту. Она такъ настойчиво требовала отвѣта, что докторъ былъ побѣжденъ. Онъ тоже всталъ, и вся книжная премудрость, весь долголѣтній опытъ пропали. Голосъ его звучалъ новой силой, все лицо дрожало отъ глубокого сочувствія. Онъ зналъ, что держитъ въ рукахъ человѣческую судьбу; застѣнчивый, впечатлительный отъ природы, онъ отбросилъ требованія привычной сдержанности и приличій.

— Всего сказать вамъ я не могу,—сказалъ онъ,—но скажу, что знаю. Ударъ, котораго вы ждете, опасенъ для него, долженъ быть опасенъ. Его необходимо щадить. Разумѣется, онъ раньше насъ съ вами зналъ, что это случится. Къ счастью, онъ, непонятнымъ для меня путемъ, все-таки сталъ крѣпче.

— Вы полагаете, онъ зналъ объ этомъ еще до Рождества?—спросила Берта.

— Трудно утверждать, но вѣроятіе есть. Было бы неестественно предположить обратное.

— А насколько опасна нервозность, о которой вы говорите?

Слова обгоняли другъ друга; пристально, не мигая, смотрѣли другъ на друга эти два человѣка, говорили громко, горячо, словно въ раздраженіи.

— Она можетъ быть очень опасна.

— А насколько?

— Она можетъ повлечь самые печальные результаты.

— Вы подразумѣваете душевную болѣзнь? Вѣрьте, я словъ не боюсь

— Если вы настаиваете—да. Возможность психоза существуетъ но, я думаю, его поддержитъ его темпераментъ.

— Онъ уже былъ душевно-больнымъ или былъ близокъ къ этому состоянію передъ отъѣздомъ въ санаторію. Вы знали это и отпустили меня съ больнымъ человѣкомъ, которому грозило сумасшествіе и ни слова мнѣ не сказали. Неужели вы имѣли на это право?

— Сядьте, фру Мордтманъ,—сказалъ докторъ.

Лицо его стало совершенно блѣдно, а глаза загорѣлись страннымъ фосфорическимъ блескомъ.

Онъ заставилъ Берту сѣсть, все существо его дышало такой силой убѣжденія, что побѣдило ея безпокойство. Покорно, какъ дитя, опустилась фру Мордтманъ на диванъ и, какъ загипнотизированная, слушала его.

— Слушайте,—началъ докторъ,—забудьте, что я врачъ. Думайте просто человѣкъ, другъ, родственникъ, который хочетъ разъяснить вамъ то, чего вы не понимаете. Вѣрьте моей искренности. Знай я даже все, что мнѣ извѣстно теперь, я не поступилъ бы иначе. Вспомните какъ я настаивалъ на томъ, чтобы вы взяли съ собою сидѣлку. Ей я сказалъ бы все. Всего я не зналъ тогда, какъ знаю теперь.

Онъ отеръ платкомъ выступившій на лбу потъ. Берта не отрывала глазъ отъ его рта.

— Часто очень трудно бываетъ сказать, здоровъ человѣкъ или боленъ. Много народу всю жизнь балансируютъ на границѣ безумія но никогда не переступаютъ ее. Знаете ли, съ какимъ зломъ намъ всего больше приходится бороться? Съ профанаціей даннаго вопроса Нѣтъ ни здравомыслящихъ, ни сумасшедшихъ, претенціозно заявляютъ невѣжды и полуобразованные въ этомъ направленіи люди; нѣтъ ни здоровыхъ, ни больныхъ, нѣтъ ни нормальныхъ, ни ненормальныхъ Слово «сумасшедшій» сдѣлалось у насъ кличкой. Быть душевно-больнымъ не то же, что быть больнымъ физически. Это позорное клеймо исключающее человѣка изъ жизни и общества. Быть душевно-больнымъ, по мнѣнію многихъ, хуже, чѣмъ совершить преступленіе. По своей жестокости люди боятся душевно-больныхъ, по своему невѣдѣнію они относятся къ нимъ свысока. Даже самые просвѣщенные порою испытываютъ извѣстный страхъ въ сосѣдствѣ съ душевно больнымъ. Они какъ будто боятся заразиться. И страхъ этотъ имѣетъ нѣкоторыя основанія.

— На чемъ основаны ваши опасенія?—тихо замѣтила фру Берта

— На многомъ. Если я стану вамъ излагать все подробно, мы проговоримъ гораздо дольше, чѣмъ вы въ состояніи вынести. Я полагаю что д-ръ Мордтманъ однажды пережилъ потрясеніе и не имѣлъ вре

мени какъ слѣдуетъ оправиться. Я буквально говорю—не имѣлъ времени. Я разспрашивалъ о немъ и пришелъ къ заключенію, что вся его жизнь была сплошное напряженіе, вызвавшее страшное переутомленіе.

Онъ работаетъ воображеніемъ гораздо больше, чѣмъ мыслью. Все, съ чѣмъ ему приходится соприкасаться, принимаетъ огромные размѣры и онъ самъ является центромъ всего великаго. Да въ немъ и есть доза извѣстнаго величія. Бѣда въ томъ, что онъ склоненъ къ раздумью. Тысячи признаковъ указываютъ на это.

Въ минуты наибольшаго напряженія глаза его кажутся усталыми. Я не знаю, конечно, о чемъ онъ тогда думаетъ, но могу предположить. Не смотря на многолѣтній успѣхъ, онъ никогда въ него не вѣрилъ. Это замѣтно, едва онъ начинаетъ говорить. Быстрымъ потокомъ льется его рѣчь, онъ сыплетъ теоріями, раскрываетъ всю душу и среди этого вихря можно подмѣтить, что его душу гложетъ, какъ червякъ дерево, одна мысль о себѣ и собственной судьбѣ. Не я одинъ наблюдалъ это. Развѣ вы сами не замѣчали того-же?

— Да, отвѣтила фру Берта. Во время жизни въ санаторіи онъ меня нѣсколько разъ пугалъ именно такъ, какъ вы говорите.

— Да. Онъ утратилъ равновѣсіе. Этимъ многое объясняется. Теперь при условіи покойной домашней жизни, нужно надѣяться,—все пойдетъ хорошо. На время, по крайней мѣрѣ. Разумѣется, необходимо избѣгать излишка алкоголя и развлеченій.

— Вы думаете, это тоже играетъ роль?

— Къ сожалѣнію, да, фру Мордтманъ.

— Усталый человѣкъ, по ночамъ фантазирующій о своей судьбѣ, (онъ дѣлаетъ это, я знаю объ этомъ изъ его собственныхъ словъ, а по вашему лицу я понялъ, что и вамъ это извѣстно) не переноситъ нашей формы общественности.

Она можетъ свести человѣка съ ума. Однако, пожалуйста, не преувеличивайте значенія моихъ словъ. Вашъ мужъ не боленъ. Онъ страдалъ навязчивыми идеями, временами, вѣроятно, терялъ способность управлять своими поступками.

Но черезъ границу онъ никогда не переходилъ. Въ настоящую минуту это всего важнѣе.

Фру Берта подняла глаза и докторъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что на лицѣ ея отразилась спокойная сила и ясная рѣшимость.

— Что же теперь предпринять? спросила она.

— Ничего. Потому-то я и не хотѣлъ говорить прежде времени. Все еще можетъ обойтись. Но вы должны быть наготовѣ, если понадобитесь ему. Не обижайтесь, если онъ не обнаружитъ къ вамъ большого довѣрія. Возможно, что это окажется выше его силъ. Поймите слова буквально. Таково его душевное состояніе. Какъ ни жестоко вы страдаете, онъ страдаетъ гораздо больнѣе. Не забывайте этого!

Новое жуткое чувство охватило Берту: послѣднія слова доктора пробудили въ ней воспоминаніе о томъ времени когда душа ея еще не очерствѣла, когда она еще не успѣла закалить себя.

Она смотритъ въ глубь прошлаго и въ ней пробуждается воспоминаніе о любви, согрѣвавшей ея сердце, наполнявшей ея жизнь.

Въ ея собственной груди тѣснится крикъ тоски и ужаса...

Правда, которую она такъ стремилась узнать, окутала ее тишиной, и она, не задаваясь вопросомъ о томъ, раскаивается ли она и въ чемъ она раскаивается, снова обращается къ доктору и въ голосѣ ея звучитъ новое безпокойство.

— Вы полагаете, что мужъ мой давно уже такъ боленъ?

— Безспорно.

— Давно уже?

— Вы должны это знать лучше меня. Вы вѣрно можете припомнить, давно ли онъ такъ измѣнился внѣшне и внутренно. Не всегда вѣдь онъ былъ такимъ, какъ теперь.

Фру Берта встала и, сжимая руки, спросила:

— Неужели вы думаете, что человѣкъ долго можетъ выносить такую пытку? Неужели возможно, чтобы человѣкъ въ теченіе десяти-двѣнадцати лѣтъ могъ страдать, бороться съ душевной болѣзнью, мучиться всѣми муками ада, не будучи въ состояніи подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ.

— Къ сожалѣнію, да.

— Значитъ, человѣкъ становиться холоднымъ, недоступнымъ, замыкается въ самомъ себѣ... дѣлается равнодушнымъ ко всему окружающему, никого не любитъ, не нуждается ни въ чьей любви, становится угрюмымъ, всѣхъ мучитъ, требуетъ всего для себя... И все это оказывается маской, подъ которой скрывается невыразимая душевная мука? Неужели это возможно?..

— Да,—нерѣшительно отвѣтилъ докторъ, возможно.

Берта зарыдала и, закрывъ лицо руками, плакала долго, забывъ о томъ, что она не одна. Докторъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Онъ понималъ, что ему пришлось стать свидѣтелемъ горя, такого горя, когда врачъ обращается въ духовника, и не можетъ помочь.

Сперва онъ хотѣлъ попытаться утѣшить несчастную женщину, какъ утѣшаютъ сестру или друга.

Но онъ не посмѣлъ къ ней подойти.. Это горе исключало возможность вмѣшательства.

Докторъ Лохнеръ видѣлъ, что онъ ничего не можетъ измѣнить, а потому, не прощаясь, тихонько вышелъ изъ комнаты, потрясенный какъ человѣкъ, который часто видитъ страданіе и глубоко его понимаетъ. Фру Берта осталась одна.

VI.

Фру Берта не замѣтила, что докторъ ушелъ, не замѣтила, что онъ не простился съ нею. Въ душѣ ея царилъ полный хаосъ. Она утратила правильную точку зрѣнія даже на самое себя. То, что она считала вѣрнымъ, оказалось вопіющей неправдой. Она покончила разсчеты со своимъ мужемъ, подвела итогъ, какъ дѣлаютъ люди, когда сердце ихъ наполняется горечью. Все, что она дала ему, она записала ему на счетъ, а обратная сторона, помѣченная ея именемъ, оставалась чистой, гладкой, безъ пятнышка. Она отдала все, а не получила ничего.

Вдругъ словно вихремъ перевернуло страницу и на оборотной сторонѣ она увидѣла нѣчто новое, смыслъ чего еще не успѣла себѣ уяснить, до того поразила ее новизна.

Берта долго жила въ сознаніи своей полной невиновности, приписывала мужу всю несправедливость.

Въ данный моментъ она не въ состояніи забыть всей тоски, всего раздраженія, недовольства и душевнаго холода, среди которыхъ жила всѣ эти годы. Ей больно и она силится избавиться отъ этихъ воспоминаній. Ей больно при одной мысли. Неужели нужно вѣрить всему, что сказалъ докторъ?

«А гдѣ же докторъ? Онъ ушелъ? Или его и совсѣмъ здѣсь не было? Можетъ быть, это все только сонъ?»

Понемногу Берта очнулась. Она уже не плачетъ, но чувствуетъ сильнѣйшую усталость.

Сумерки спустились и окутали всю комнату. За тяжелыми портьерами чудятся призраки, голова Венеры за низенькимъ диванчикомъ сверкаетъ своей мертвой бѣлизной, а рѣдкое тиканье часовъ напоминаетъ о присутствіи духовъ.

Поспѣшно вскочила Берта и повернула электрическую кнопку, въ ту же минуту комната освѣтилась холоднымъ рѣзкимъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ полутоновъ. Это еще сильнѣе подѣйствовало на ея встревоженные нервы и еще сильнѣе напугало ее.

Тутъ фру Берта ясно и отчетливо вспомнила все, что произошло, поняла, что докторъ, мягкій и деликатный человѣкъ, оставилъ ее одну съ ея горемъ, вспомнила весь разговоръ—и мысль ея снова погрузилась въ тотъ кругъ, который казался ей давно изжитымъ и вполнѣ замкнутымъ. Ей представилось, что теперь все будетъ иначе, но что ей нужно много-много времени, чтобы сжиться съ этимъ. Безконечно много требуетъ отъ нея жизнь, а она думаетъ, что можетъ дать лишь очень мало. Но на душѣ у нея все-таки гораздо легче или, во всякомъ случаѣ, лучше. Словно она только что очнулась отъ долгого кошмара и испытываетъ пріятное сознаніе, что тяжесть, давившая ея грудь, упала, и она снова видитъ дневной свѣтъ.

Изъ передней донесся шумъ—это Юнгве вернулся изъ школы и раздѣвается. Фру Берта почувствовала нѣкоторое разочарованіе—только сынъ, а не мужъ!

Только сынъ!

Въ ту же минуту ея сознаніе прорѣзала мысль:

«Въ то время, когда я, одинокая, подавленная, ждала своего ребенка, Кристіанъ боролся съ собою. Быть можетъ, и онъ ждалъ меня, какъ ждала его я. Быть можетъ, и онъ, какъ я, написалъ мнѣ встрѣчный счетъ, быть можетъ, сердце его разбилось, не получивъ отвѣта? Быть можетъ, я могла бы избавить его отъ несчастья, если бы я во-время поняла?..»

Послѣднюю мысль она старается отбросить. Слишкомъ она ужасна. Смутно припоминается ей, что однажды мужъ ея говорилъ нѣчто подобное. Всѣ эти годы прошли, никому не принеся ни счастья, ни пользы.

Въ комнату вошелъ Юнгве и она вздрогнула при видѣ его. Его самая лучшая куртка изодрана, одинъ глазъ подбитъ и опухъ.

-- Что случилось?—спросила она.

На блѣдномъ лицѣ Юнгве застыло выраженіе упорной рѣшимости столь свойственное мальчикамъ, задѣтымъ за живое.

— Я дрался,—запальчиво отвѣтилъ онъ. Его губы дрожали и онъ едва сдерживалъ рыданія.

— Сегодня,—въ раздумьи замѣтила Берта, не будучи еще въ со стояніи понять.

— Никогда больше не пойду я въ школу,—подчеркнулъ мальчикъ.

— Что ты говоришь?

— Никогда больше не пойду я въ школу.

— Хорошо, но отчего?

Юнгве дрожитъ всѣмъ тѣломъ и сжимаетъ кулаки.

— Они говорятъ, что папа растратилъ чужія деньги. Они говорятъ, что онъ нечестный.

Берта подошла къ своему большому мальчику, обняла его, притянула къ себѣ и не знаетъ, что сказать, что сдѣлать.

— Юнгве,—наконецъ, вырвалось у нея.—Бѣдный, милый Юнгве!..

Но онъ высвободился изъ ея объятій и въ упоръ посмотрѣлъ на нее.

— Это правда?—спросилъ онъ.

— Какъ можешь ты вѣрить этому?—спросила, въ свою очередь, фру Берта.

Но Юнгве чувствуетъ нерѣшительность въ тонѣ матери, онъ желаетъ правды, а не утѣшеній.

— Значитъ, это правда?—вырвалось у него.

Волненіе превозмогло его силы. Все его дѣтское личико передернуло отъ ужасной муки, и онъ заплакалъ навзрыдъ. Его отчаяніе было такъ ужасно, что сама мать съ трудомъ осмѣлилась подойти къ нему.

Въ этой скорби чувствовался взрослый человѣкъ и острая мысль прорѣзала мозгъ фру Берты:

«До чего неестественно сложилась вся моя жизнь! Въ виду угрожающей намъ опасности я думала о себѣ, о мужѣ, думала объ общественномъ мнѣніи, но забыла робенка».

Съ обычной ясностью она видитъ и сознаетъ это, а мальчикъ растетъ на ея глазахъ и впервые является самостоятельною личностью, съ особою своею жизнью, съ собственной атмосферою, съ собственнымъ міромъ и со своею, другимъ недоступною, душою.

Какъ только она сознала это, въ душѣ ея проснулся новый инстинктъ, и она, не спрашивая умно или глупо, вѣрно или невѣрно она поступаетъ, отбросила всѣ пустыя формы, которымъ по привычкѣ или подъ давленіемъ свѣтскаго этикета, подчиняются даже тѣ, кто считаетъ себя свободными отъ предразсудковъ, и заговорила съ мальчикомъ, какъ со взрослымъ.

— Будемъ надѣяться, что это не такъ,—замѣтила она.—А если бы это оказалось справедливымъ,—нужно снести это несчастье, какъ всякое другое.

— Развѣ папа можетъ сдѣлать что-нибудь такое?—спросилъ Юнгве.

Въ его глазахъ горѣла фанатическая вѣра въ отца.

— Никто не избавленъ отъ искушеній,—отвѣтила Берта. Каждое слово жжетъ ее огнемъ, но она говоритъ все, что знаетъ, разсказываетъ о грозящей имъ опасности, о ходящихъ въ городѣ слухахъ. И свою рѣчь она закончила словами:

— Я не вѣрю этому, не хочу вѣрить. Но я поняла—именно сегодня,—добавила она съ разстановкой,—что папа долженъ знать—что бы ни случилось,—что мы его любимъ и не станемъ судить о немъ съ чужихъ словъ.

Пока мать говорила, мальчикъ перестаіъ плакать, успокоился, хотя все еще былъ блѣденъ.

Впервые Берта говорила серьезно съ мальчикомъ объ отцѣ. Каждый изъ нихъ чувствуетъ по своему, но для Юнгве ясно, что теперь онъ слышалъ правду. А такова ужъ власть правды, что (какъ бы ни была она горька) она всегда несетъ успокоеніе. Мальчикъ видитъ мать совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Словно они раньше не знали другъ друга. Въ дѣтскомъ стремленіи утѣшить, онъ гладитъ мать по щекѣ, а Берта съ изумленіемъ видитъ, что ея суровыя слова успокоили мальчика, и думаетъ, что до сихъ поръ она сама не чувствовала всей силы правды. Когда загорается эта звѣзда, всѣ блуждающіе огни вокругъ гаснутъ, всѣ тѣ блуждающіе огни, которымъ люди поклоняются подъ покровомъ красивыхъ именъ, боятся правды и ищутъ мишурныхъ огней. Берта чувствуетъ это, и съ благодарностью припоминаетъ все пережитое за эти дни, потому что правда пришла ей на помощь. Думаетъ она все это, и говоритъ дальше, объясняетъ все, что можетъ.

Юнгве смирно сидитъ, слушаетъ и изрѣдка вставляетъ вопросы. Часы пробили шесть и мать съ сыномъ сѣли за столъ.

— Папа не придетъ?—спросилъ Юнгве.

— Онъ вернется очень поздно... Сегодня у него очень много дѣла.

Мальчикъ кивнулъ.

Въ концѣ обѣда, онъ, какъ будто продолжая прерванный ходъ своей мысли, замѣтилъ:

— А я все-таки не пойду въ школу, пока все не разъяснится.

Мать посмотрѣла на него, и его нежеланіе показалось ей настолько серьезнымъ, что у нея не хватило духу ему проворѣчить. Безразлично, какъ это объяснятъ. Безразлично, какъ будетъ дѣло со школой.

— И нѣтъ надобности,—отвѣтила оиа.

Юнгве понялъ, что мать уважаетъ его волю. Онъ вспыхнулъ отъ счастья, но спокойно кивнулъ, какъ будто все это было совершенно естественно.

Новыя мысли и новое безпокойство охватили его. Его маленькій мірокъ разомъ измѣнился. Прощаясь съ матерью на ночь, онъ высказалъ свою затаенную мысль.

— Папа не можетъ поступать дурно,—сказалъ онъ.

Фру Берта поцѣловала его и въ эту минуту жизнь представилась ей странной и страшной смѣсью богатства и уродливости.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Весенній теплый дождь мнѣ вспомнился зимой...
Весенній теплый дождь сквозь листья молодыя,
Когда бѣгутъ-бѣгутъ потоки золотые,
Какъ нити бисера, прозрачною стѣной...
И пàхнетъ тополемъ, березкой и сосной.

* * *

Вь окно раскрытое веселый водопадъ,
Влетаетъ брызгами звеня и разсыпаясь,
И тянутся цвѣты навстрѣчу улыбаясь—
Цвѣты, глядящіе изъ комнатъ въ старый садъ,
И жадно пьютъ они, и дышатъ, и дрожатъ...
Весенній теплый дождь мнѣ слышится сквозь сонъ—
Сквозь долгій темный сонъ души моей усталой...
Не все еще зима тяжелымъ льдомъ сковала!
Пусть тучей снѣжною грозитъ мнѣ небосклонъ—
Мечту весеннюю убить не въ силахъ онъ!..

Г. Галина.

---

* * *

Исчезли груды снѣговыя
И по всему лицу земли
Шумѣли волны молодыя
И къ морю, вольныя, текли.
Но тамъ, гдѣ солнце не пригрѣло
И снѣга лучъ не растопилъ,
Лежалъ онъ кучей грязно-бѣлой,
Не умиралъ, но и не жилъ.
Весенній праздникъ за стѣнами,
Давно раскрыта дверь тюрьмы,
А онъ межъ вешними ручьями
Остался призракомъ зимы.

Л. М. Василевскій.

Къ трехсотлѣтію „Донъ-Кихота“.

„Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“.

Давно это было... Въ 1605 году въ городѣ Мадридѣ, «съ предварительнаго разрѣшенія испанской цензуры», вышла въ свѣтъ первая часть знаменитаго романа, названіе котораго теперь извѣстно всему образованному и необразованному міру, и который до сего дня читается любителями поэзіи, учеными спеціалистами и... дѣтьми. Однако, популярность темы едва ли не оказалась въ ущербъ непосредственному знакомству съ произведеніемъ геніальнаго испанскаго писателя, на котораго чаще ссылаются, чѣмъ дѣйствительно его знаютъ. Совершенно правъ извѣстный историкъ испанской литературны Тикноръ, говоря, что «много повсюду найдется лицъ, которыя высказываютъ свои мнѣнія о Донъ-Кихотѣ и его оруженосцѣ и толкуютъ о «донкихотствѣ», «зломъ Санчо» и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не читали романа Сервантеса и даже не знаютъ его содержанія» («Ист. исп. лит.», II, 131). Пусть настоящій, трехсотлѣтній юбилей послужитъ поводомъ напомнить о немъ нашимъ читателямъ.

I.

Не весела была жизнь Сервантеса *). Тяжелая борьба за существованіе, вѣчныя лишенія и страданія были безсмѣнными спутниками великаго человѣка. Но никогда еще его духъ, его вѣра въ себя и въ лучшее будущее не подвергались болѣе тяжкому испытанію, чѣмъ въ двадцатилѣтній періодъ его жизни, предшествовавшій появленію въ свѣтъ «Донъ-Кихота». Эти годы (1584—1605) были самымъ тяжелымъ для него временемъ, временемъ крушенія многихъ его идеаловъ, разочарованія жизнью и несбывшихся надеждъ. Но судьба готовила ему еще болѣе жестокій ударъ. Говорятъ, что, сильно нуждаясь въ

---

*) На русскомъ языкѣ имѣются два біографическихъ очерка Сервантеса—*О. Петерсонъ* (изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова, Спб., 1901 г.) и проф. *Л. Ю. Шепелевича*: „Жизнь Сервантеса и его произведенія“, Харьковъ, 1901—1904 г.

деньгахъ, онъ взялся собрать платежи въ деревнѣ Аргомасилья для монастыря ордена св. Іоанна въ Ла-Манчѣ. Эта неблагодарная коммиссія окончилась для него очень печально и еще болѣе неожиданно. Должники не только отказали въ уплатѣ слѣдуемыхъ денегъ, но и самого импровизированнаго «податного инспектора» посадили въ тюрьму, предварительно причинивъ ему много непріятностей. Здѣсь-то, въ тюрьмѣ, Сервантесъ и началъ, по его собственному признанію, писать свое великое произведеніе. Объ этомъ же съ радостью свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи къ продолженію «Донъ-Кихота» и врагъ Сервантеса — Авельянеда, презрительно добавляя: «Этимъ объясняются *промахи* (по испански выходитъ (игра словъ: yerros—промахи, ошибки и hierros—оковы) въ первой части труда автора, что онъ написалъ ее въ тюрьмѣ»... Народная молва прибавила отъ себя, что, брошенный безвинно и насильственно въ тюрьму, Сервантесъ въ негодованіи принялся за свой романъ и, мстя жителямъ Аргамасильи, сдѣлалъ своего полоумнаго гидальго, котораго первоначально намѣренъ былъ осмѣять, уроженцемъ этой деревни, совершающимъ свои первые безумные подвиги въ Ла-Манчѣ.

Насколько этотъ ходячій анекдотъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, сказать трудно. Но такъ или иначе, «Донъ-Кихотъ», по словамъ самого его автора, появился «на исходѣ многихъ, многихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ точно во снѣ, въ тишинѣ забвенія». Какъ ни ошибался Сервантесъ относительно значеніи своей книги, ставя выше ея свой рыцарскій романъ «Галатею» и комедіи, однако, не для пустого времяпрепровожденія или празднословія, не для увеселенія толпы принялся онъ за свой романъ. «Книга эта есть важное дѣло моей жизни», говоритъ авторъ во второй части романа. «Для меня одного родился Донъ-Кихотъ, какъ и я для него,—повторяетъ онъ то же въ концѣ:—онъ умѣлъ дѣйствовать, а я писать; мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и душу». Очевидно, у Сервантеса была какая-то своя цѣль,—цѣль серьезная, къ которой онъ сознательно шелъ. Дѣйствительно, въ самомъ началѣ своего романа, въ прологѣ, устами своего собесѣдника онъ заявляетъ, что его «сочиненіе имѣетъ цѣлью разрушить авторитетъ и господство рыцарскихъ книгъ среди образованныхъ и необразованныхъ», а заканчивая свой романъ, онъ совершенно опредѣленно подчеркиваетъ свою единственную цѣль: «У меня не было иного желанія, какъ предать посмѣянію людей лживыхъ и нелѣпыя рыцарскія исторіи, которыя, будучи поражены на смерть исторіей моего настоящаго Донъ-Кихота, стали уже прихрамывать и скоро навѣрное упадутъ совсѣмъ». Литературный противникъ Сервантеса, Авельянеда, признается, что, несмотря на ихъ враждебное отношеніе другъ къ другу, они собственно оба «стремились къ одной цѣли: уничтоженію пагубной привычки чтенія рыцарскихъ книгъ, столь распространенной у бездѣятельныхъ людей».

Такимъ образомъ, цѣль была поставлена и заявлена совершенно опредѣленно: осмѣять и уничтожить рыцарскія книги, «*нелѣпыя* рыцарскія исторіи». Казалось бы, дѣло ясное. Нашлись, однако, критики, которые не повѣрили въ этомъ Сервантесу. Въ своей интересной, но далеко не безспорной книгѣ «Донъ-Кихотъ Сервантеса» проф. Л. Шепелевичъ увѣряетъ, что Сервантесъ приступалъ къ своему роману съ цѣлью осмѣять «рыцарскіе нравы» (стр. 19) и даже «рыцарскіе идеалы», «рыцарство, какъ таковое» (стр. 159). Это странное непониманіе романа и еще болѣе странное навязываніе автору цѣли, о которой онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, такъ какъ Сервантесъ весьма опредѣленно говоритъ лишь объ осмѣяніи *рыцарскихъ исторій, т.-е. книгъ*. Стало быть, дѣло идетъ объ осмѣяніи *литературныхъ*, а никакъ не рыцарскихъ нравовъ. Если встать на эту точку зрѣнія, которая намъ представляется единственно правильной, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ и проф. Шепелевичъ, «у Сервантеса положительные идеалы сводились къ рыцарскимъ» и въ сущности онъ всю свою жизнь «былъ рыцаремъ въ лучшемъ значеніи этого слова: съ мечомъ и перомъ онъ отстаивалъ христіанскій рыцарскій идеалъ въ различные періоды своей жизни»... Скажемъ даже больше: задавшись упомянутой выше цѣлью, Сервантесъ вовсе не думалъ осмѣивать и рыцарскій романъ, какъ таковой, — онъ возсталъ только противъ извѣстнаго *направленія* въ литературѣ, которое, какъ онъ прекрасно понималъ, развращало вкусъ и воображеніе читателей, — возсталъ противъ извращеній рыцарскаго романа, которыя ему, какъ глубокому реалисту, были противны. Тикноръ съ грустью замѣчаетъ, что «Донъ-Кихотъ» до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству. Возставая противъ критиковъ, которые навязываютъ Сервантесу свои собственныя цѣли, онъ ссылается на слѣдующія слова Д. Висенте Сальвà, какъ лучшее выраженіе его собственнаго мнѣнія: «Сервантесъ не имѣлъ намѣренія осмѣять рыцарскіе романы въ ихъ сущности, но только изгнать изъ нихъ нелѣпости и невѣроятности, и онъ, собственно говоря, написалъ только новый романъ въ томъ же родѣ, уничтожившій всѣ предшествовавшіе, потому что былъ безконечно выше ихъ» *)... Что это такъ, что Сервантесъ не имѣлъ намѣренія «осмѣять рыцарскій романъ, какъ таковой, въ его сущности», — это видно изъ того, что уже послѣ окончанія «Донъ-Кихота», почти наканунѣ своей смерти, онъ пишетъ снова рыцарскій романъ «Персилесъ и Сехисмунда».

Тургеневъ сильно ошибался, полагая, что этимъ послѣднимъ своимъ романомъ Сервантесъ «заплатилъ дань тому, надъ чѣмъ самъ посмѣялся» **). Его «пародія» имѣла цѣлью лишь «предать осмѣянію нелѣпыя рыцарскія исторіи», извращенія рыцарскаго романа.

*) Ochoa. „Apuntes para una Biblioteca“. Paris. 1842. II, 723—740.

**) „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“.

Почему же эта цѣль могла быть «главнымъ и важнѣйшимъ дѣломъ» его жизни?.. Почему Сервантесъ родился для Донъ-Кихота? Почему они составляютъ вмѣстѣ «одно тѣло и одну душу»?.. Біографія Сервантеса и исторія его родины—однѣ могутъ дать намъ ключъ къ пониманію этихъ таинственныхъ признаній автора «Донъ-Кихота».

Во времена Сервантеса рыцарскій романъ (особенно «Амадисъ Галльскій») пользовался громадной популярностью и пустилъ очень глубокіе корни во всѣхъ слояхъ испанскаго общества. Несмотря на то, что рыцарскія времена уже давно миновали, «политическое прошлое Испаніи настраивало эту страну и въ XVI в. въ героическомъ и рыцарскомъ духѣ» *).

Эти традиціи политическаго прошлаго создали особое міросозерцаніе, которое, дѣйствительно, трудно иначе назвать, какъ рыцарскимъ. Но «когда жизнь перестала питать содержаніе этого міросозерцанія, осталась пустая безсодержательная форма, продолжавшая долго влачить свое существованіе послѣ исчезновенія фактической основы» **). Этому способствовала та богатая рыцарская литература, на которой воспиталось нѣсколько поколѣній испанскаго общества, на которой воспитался и самъ Сервантесъ. Такимъ образомъ, ко времени появленія «Донъ-Кихота» уже необходимо отличать въ испанскихъ бытовыхъ условіяхъ *литературныя вліянія* отъ дѣйствительности. Послѣдняя далеко не такова, какою она рисуется въ тогдашнихъ рыцарскихъ романахъ, какою все еще она представляется средневѣковымъ Амадисамъ, проспавшимъ наступленіе новаго времени. Въ ихъ сумасбродной головѣ «мѣсто дѣйствительности занимаютъ миражи». Вотъ почему «истинные подвиги сдѣлались театральными упражненіями». Уже давно болѣе зоркіе люди замѣтили въ нихъ это несоотвѣтствіе «идеаловъ» съ «дѣйствительностью», несоотвѣтствіе тѣмъ болѣе рѣзкое и странное, что идеалы эти витали въ области не будущаго, а уже прошедшаго. Многіе понимали нелѣпость кодекса этихъ «идеаловъ прошедшаго», нашедшихъ свое яркое выраженіе въ «Амадисѣ», Тикноръ приводитъ рядъ отрицательныхъ отзывовъ испанцевъ объ «Амадисѣ» и вообще рыцарскомъ романѣ, начиная уже съ XV-го вѣка. Lopez de Agalá замѣчаетъ, что онъ потерялъ много времени попусту въ чтеніи Амадисовъ и Ланцелотовъ; Гонсаль Фернандесъ Овіедо (XV-ый вѣкъ) такъ отзывается о рыцарскихъ романахъ: «Святымъ было бы совѣтомъ, чтобы перестали читать, а также продавать эти книги Амадиса», которыя онъ называетъ «пустыми книгами». Въ томъ же смыслѣ говоритъ о рыцарскихъ книгахъ и Луисъ де Гранада въ своемъ знаменитомъ трактатѣ «Simbolo de la Fe», удивляясь, какъ могутъ читать эти «вымышленныя и лживыя», «пустыя сочиненія,

---

*) Проф. Шепелевичъ. „Донъ-Кихотъ Сервантеса“.

**) Ibidem.

сопровождаемыя неправдоподобными эпизодами». Почти то же самое въ различныхъ выраженіяхъ повторяютъ: Pedro Mejia, Vives, Guevara, Diego Graciano, Juan de Baldes, Francizco de Portugal и др. *) (XVI-ый XV-ый вв.). Таковы были отзывы лучшихъ людей Испаніи того времени о рыцарскихъ романахъ и даже «лучшей изъ всѣхъ книгъ, которыя когда-либо были сочинены въ этомъ родѣ» — «Амадисѣ Галльскомъ», которую цирульникъ въ «Донъ-Кихотѣ» находитъ возможнымъ «простить, какъ единственную въ своемъ родѣ», и не предавать сожженію.

Параллельно съ этими отзывами частныхъ лицъ, литераторовъ, мы видимъ жалобы всего общества и мѣры, которыя, начиная съ XVI ст., испанское правительство принимаетъ противъ рыцарскихъ книгъ. Извѣстно, что къ 1553 г. относится знаменитый декретъ Карла V, запрещающій печатать и продавать рыцарскіе романы въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи; а въ 1555 г. сами кортесы настойчиво добивались такого же запрещенія относительно самой Испаніи. Мало того, въ своей петиціи къ императору кортесы просили не только запретить печатаніе рыцарскихъ романовъ, но и сжечь всѣ раньше напечатанные экземпляры ихъ. И общество, такимъ образомъ, и правительство понимали вредъ рыцарскихъ романовъ. Несомнѣнно, рыцарство въ это время было уже только «модой», «книжнымъ идеаломъ», продолжавшимъ жить въ головахъ немногихъ «безпочвенныхъ» мечтателей. Связь рыцарской литературы съ жизнью, съ дѣйствительностью была давно уже порвана. Тѣмъ настоятельнѣе была необходимость борьбы съ этой вредной «модой». Въ числѣ самыхъ ревностныхъ борцовъ за правду оказался Сервантесъ. Мы говорили уже, что въ свое время и онъ отдалъ дань всеобщему увлеченію рыцарскими романами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его «Галатея». Кромѣ того, каждая строчка «Донъ-Кихота» указываетъ на весьма близкое знакомство его автора съ литературой рыцарскихъ романовъ. Пеллисеръ, Клеменсинъ и другіе комментаторы «Донъ-Кихота», детально изучившіе его, говорятъ намъ, что высокопарная манера изложенія, напыщенный слогъ романа, масса отдѣльныхъ эпизодовъ, въ которыхъ Сервантесъ пародируетъ рыцарскіе романы, изобличаютъ въ немъ поразительнаго знатока ихъ. Въ XX главѣ I-ой части романа упоминается нѣкій Гасабалъ изъ Галаора, причемъ Сервантесъ добавляетъ, что это имя только одинъ разъ встрѣчается въ исторіи Амадиса Галльскаго. Громаднаго труда стоило провѣрить это показаніе, но Боуль преодолѣлъ всѣ трудности, и оказалось, что Сервантесъ правъ **).

---

*) См. каталогъ рыцарскихъ книгъ Vizente Saloa: „Catalogo bibliografico de los libros de cabellerias publ. en el Repertorio Americano". London. 1827, а также каталогъ Гайанса.

**) Письмо къ Перли о новомъ классическомъ изданіи „Донъ-Кихота" London. 1777. 4-to p., 25.

Вредъ, приносимый обществу нелѣпыми рыцарскими романами, былъ Сервантесу ясенъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Свой взглядъ на современную ему испанскую литературу онъ высказываетъ въ I-ой главѣ «Донъ-Кихота». Онъ говоритъ о полномъ отсутствіи въ рыцарскихъ романахъ всякаго внутренняго содержанія и внѣшнихъ достоинствъ; о праздности, пустотѣ мысли, отсутствіи положительныхъ знаній и любви къ упорному труду, какъ результатахъ чтенія этихъ вредныхъ книгъ. Эти результаты грозили быть еще болѣе серьезными въ будущемъ, и вотъ причина, заставившая Сервантеса взяться за перо съ цѣлью уничтожить съ корнемъ эту заразу. Съ этой минуты уже будущій романъ сталъ самымъ важнымъ дѣломъ его жизни, его плотью и кровью, его тѣломъ и душой.

Ничто не дѣйствуетъ такъ убійственно на людей, какъ насмѣшка. Еще Шиллеръ говорилъ, что ни одинъ политикъ, ни одинъ государственный дѣятель, ни одинъ самый строгій законъ не могутъ сдѣлать того, что сдѣлаетъ одна злая насмѣшка: казаться смѣшнымъ самое ужасное для человѣка. На этомъ дѣйствіи насмѣшки основаны всѣ такъ называемыя пародіи. Желая осмѣять «Исторію Государства Россійскаго», Пушкинъ написалъ свою знаменитую «Лѣтопись села Горохина», которая есть не что иное, какъ смѣшная пародія на «Исторію» Карамзина. Къ этому средству прибѣгали и прибѣгаютъ неоднократно въ литературномъ мірѣ. Средство это, несомнѣнно, было вполнѣ пригодно и для той указанной цѣли, которую своимъ романомъ преслѣдовалъ Сервантесъ. Надо думать, что его «Донъ-Кихотъ» былъ задуманъ именно какъ пародія на рыцарскій романъ вообще и на «Амадиса» въ частности. Многое заставляетъ насъ въ этомъ убѣдиться. Самъ Сервантесъ неоднократно подчеркиваетъ, что его рыцарь особенно усердно подражалъ Амадису и его подвигамъ. Дѣйствительно, какъ указано и въ упомянутой книгѣ проф. Шепелевича, «наибольшее число всѣхъ эпизодовъ романа Сервантеса, гдѣ послѣдній пародируетъ тѣ или другіе моменты рыцарскаго романа, падаетъ на Амадиса Галльскаго». Авторъ приводитъ (II, стр. 28—32) цѣлый рядъ такихъ общихъ мѣстъ и аналогій, свидѣтельствующихъ о зависимости «Донъ-Кихота» отъ «Амадиса», сообщаетъ, что число ихъ могло бы быть значительно умножено. Въ концѣ VIII гл. «Донъ-Кихота» Сервантесъ категорично заявляетъ, что онъ первоначально задумалъ и планъ своего романа по аналогіи съ «Амадисомъ» и съ этой цѣлью предполагалъ тоже раздѣлить его на 4 книги, какъ Амадисъ. Однако сходство романовъ дальше внѣшности, очевидно, не идетъ и по существу никакой реальной аналогіи между ламанчскимъ рыцаремъ и сказочными героями бретонскаго и другихъ цикловъ нѣтъ—пишетъ проф. Шепелевичъ: внѣшній міръ, окружавшій «Донъ-Кихота», и міръ рыцарскихъ романовъ не имѣютъ никакихъ общихъ чертъ; нѣтъ никакой аналогіи между условіями, въ которыхъ находились царственные Амадисы, и тѣми, которыя окружали бѣднаго ламанчскаго гидальго» (стр. 19).

На этомъ противоположеніи по существу и построена пародія. Какъ пародію Сервантесъ задумалъ свое произведеніе и, какъ извѣстно, настолько успѣшно выполнилъ даже свою ближайшую, чисто-литературную задачу осмѣянія ложной формы романа, что послѣ появленія «Донъ-Кихота» не было написано ни одной рыцарской книги и, за весьма немногими исключеніями, перестали перепечатываться старыя. (См. Клеменсинъ, предисловіе къ изд. 1833 г.). Болѣе того: изъ коментаріевъ къ «Лузіадамъ» 1637 г. узнаемъ, что онѣ уже и не читались, какъ нѣкогда: «no son tan leido» (Faria y Sonsa, Lus. Canto VI, fol. 138). Мы видѣли, что почва была уже подготовлена задолго до появленія «Донъ-Кихота». Нуженъ былъ только послѣдній, сильный ударъ, чтобы, какъ говоритъ проф. Шепелевичъ, «въ настроеніи публики произошла эволюція, значительный подъемъ вкуса къ правдивому и изящному: наслажденія «Донъ-Кихотомъ» исключаютъ наслажденія Амадисами и Пирантами».

Надежда не только не обманула великаго поэта, но результаты превзошли всѣ его ожиданія. Романъ переросъ тѣ рамки, которыя были намѣчены ему авторомъ, и въ итогѣ получилась широкая, захватывающая картина испанской жизни XVI — XVII в. По словамъ Тикнора, романъ Сервантеса носитъ на себѣ «глубочайшій отпечатокъ національнаго характера» испанскаго народа, которымъ онъ и объясняетъ всеобщую, почти безпримѣрную въ исторіи литературы, любовь націи къ этому художественному произведенію. «Нѣтъ ни одного испанца, которому Сервантесъ былъ бы совершенно неизвѣстенъ», сообщаетъ Inglis, и это вполнѣ совпадаетъ съ показаніемъ Тикнора, который, по его собственнымъ словамъ, даже въ самыхъ низшихъ слояхъ испанскаго общества не могъ найти никого, кто бы выказалъ полное незнакомство съ Донъ-Кихотомъ и Санчо-Пансой. Но въ «Донъ-Кихотѣ» есть сторона еще болѣе удивительная, чѣмъ ея національный характеръ,—сторона, обусловившая популярность испанскаго романа у другихъ народовъ и сдѣлавшая его міровымъ произведеніемъ.

Къ разсмотрѣнію различныхъ толкованій «Донъ-Кихота» съ общей точки зрѣнія мы теперь и обратимся.

II.

«Тяжело слышать,—писалъ Тикноръ по поводу различныхъ толкованій «Донъ-Кихота» и задачи, которую поставилъ себѣ авторъ,—что искреннее признаніе великаго человѣка черезъ два столѣтія послѣ его смерти подвергается сомнѣнію представителями черезчуръ утонченной критики». Эти послѣдніе, поясняетъ онъ, слишкомъ расширили цѣль написанія «Донъ-Кихота», въ которомъ видѣли контрастъ между поэтическимъ и прозаическимъ, между героизмомъ и величіемъ, являющимися чистой иллюзіей, съ одной слороны, и холоднымъ эгоизмомъ—съ другой, составляющимъ настоящую и дѣйствительную

основу жизни. Между тѣмъ, по его мнѣнію, вѣкъ Сервантеса вовсе «не былъ склоненъ къ сатирѣ столь философскаго и общаго характера», такъ что упомянутые «слишкомъ утонченные критики» увлеклись въ сторону чисто «метафизическихъ заключеній» *). То же самое высказываетъ и проф. Стороженко: «Критика безсознательно или сознательно навязала Сервантесу свои собственные вопросы и сдѣлала его отвѣтственнымъ за нихъ». «Оторвавшись отъ исторической почвы и ставъ на философскую точку зрѣнія, она увидала въ произведеніи Сервантеса аллегорію, а въ созданныхъ имъ типахъ—символъ борьбы идеализма съ реализмомъ, поэзіи съ прозой и т. д.» въ сборникѣ статей—«Изъ области литературы» М. 1902.

Необходимо разсмотрѣть, чѣмъ вызваны эти упреки по адресу критики и насколько они справедливы. Было время, когда никто еще не подвергалъ сомнѣнію «искреннее признаніе великаго человѣка». С. Эвремонъ, Бодмеръ и другіе писатели XVII и XVIII вв. понимали его романъ такъ, какъ есть, по непосредственному впечатлѣнію: «не мудрствуя лукаво», они поняли «Донъ-Кихота», какъ типъ отрицательный, смѣялись надъ нимъ отъ души и никакого затаеннаго смысла въ романѣ не искали. Но съ начала XIX вѣка въ критику вообще и въ критику «Донъ-Кихота» въ частности, подъ вліяніемъ философіи Канта, начинаютъ вторгаться «метафизическія заключенія». Уже Бутервекъ высказалъ мысль, что Сервантесъ преслѣдовалъ своимъ романомъ какую-то болѣе высшую цѣль, чѣмъ ту, въ которой признается онъ самъ; что, соотвѣтственно этому, «Донъ-Кихотъ» не отрицательный типъ, а наоборотъ—герой, энтузіастъ и другъ человѣчества. А. В. Шлегель далъ то опредѣленіе сущности романа, которое сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ всѣхъ послѣдующихъ критикъ «Донъ-Кихота». Это опредѣленіе—контрастъ поэтическаго энтузіазма и житейской прозы—развилъ Сисмонди въ своей работѣ: «De la littérature du midi de l'Europe». Смыслъ романа Сервантеса—вѣчный контрастъ между поэтическимъ и прозаическимъ въ человѣческой жизни; Донъ-Кихотъ — возвышенный, благородный характеръ, который съ житейской точки зрѣнія такъ часто кажется смѣшнымъ. Итоги жизни—постоянныя неудачи, несчастія другихъ и посрамленіе злосчастнаго героя. Тщета величія духа—удѣлъ нашей жизни; иллюзія—единственное спасеніе, да и то на время. «Вотъ почему,—поясняетъ Сисмонди,—многіе считаютъ «Донъ-Кихота» печальнѣйшей книгой на свѣтѣ: ибо мораль, вытекающая изъ нея, въ высшей степени печальна». Послѣдующая критика «Донъ-Кихота» представляетъ дальнѣйшее логическое развитіе тѣхъ же основныхъ мыслей. Шеллингъ толковалъ его, какъ конфликтъ идеализма съ реализмомъ; Гегель, какъ осмѣяніе идеи рыцарства въ самыхъ возвышенныхъ его

---

*) Т. Ист. исп. л. II, 119—135.

проявленіяхъ; Гейне, какъ сатиру на восторженность человѣческую вообще. Само собою разумѣется, разъ Донъ-Кихотъ былъ признанъ типомъ положительнымъ, отвѣтственность за всѣ его смѣшныя положенія, за неудачи его жизни должны были падать на автора. Такъ и поняло романъ большинство поэтовъ, приписавшихъ Сервантесу недостойную цѣль осмѣять въ лицѣ Донъ-Кихота благородный энтузіазмъ, стремленіе къ добру, правдѣ, справедливости и героизму, безумную мечту идеалиста—воплотить въ жизни свои возвышенные идеалы. «Не сожалѣніе чувствовалъ я,—говоритъ Уордсвортъ, англійскій поэтъ *),—къ человѣку, преслѣдующему такія цѣли, но скорѣе благоговѣніе, и думалъ, что на днѣ слѣпого и восторженнаго безумія лежитъ глубокая мудрость».

Еще болѣе рѣзко выразилъ это негодованіе по адресу автора за осмѣяніе благороднаго «рыцаря печальнаго образа» Байронъ, въ своемъ «Донъ-Жуанѣ»: «Изъ всѣхъ романовъ, мною читанныхъ, «Донъ-Кихотъ», безспорно, самый печальный и тѣмъ болѣе печальный, что онъ возбуждаетъ въ насъ улыбку. Его герой совершенно правъ, онъ стремится къ правдѣ; его цѣль наказать злыхъ и сражаться съ сильными за слабыхъ. Безумье заключается въ его добродѣтели, но тѣмъ не менѣе его приключенія имѣютъ печальный исходъ, и еще печальнѣе нравственный урокъ, вытекающій изъ этой поистинѣ эпической поэмы. Возстать противъ несправедливости, помогать слабымъ, отмщать за ихъ обиды и наказывать негодяевъ,—развѣ эти благородныя стремленія, подобно старой сказкѣ, должны быть отнесены къ празднымъ грезамъ нашего воображенія? Развѣ стремленіе къ славѣ сквозь всѣ препятствія можетъ быть предметомъ шутки? Да и что такое Сократъ, если не мудрый Донъ-Кихотъ?.. Своимъ смѣхомъ Сервантесъ положилъ конецъ рыцарству въ Испаніи; одной эпиграммой онъ отсѣкъ правую руку своей родинѣ. Со времени изданія Донъ-Кихота Испанія произвела мало героевъ. Таково было пагубное дѣйствіе произведенія Сервантеса. Успѣхъ его былъ купленъ дорогой цѣной нравственнаго упадка его родины» **).

Нѣсколько иначе отнесся къ автору «Донъ-Кихота» В. Гюго. По его мнѣнію, Сервантесъ тоже «осмѣялъ идеализмъ и представилъ существованіе его невозможнымъ, но на днѣ его лежатъ слезы и въ глубинѣ души онъ на сторонѣ Донъ-Кихота, какъ Мольеръ на сторонѣ Альцеста»... Наконецъ, въ наиболѣе полномъ и законченномъ видѣ аллегорическое толкованіе «Донъ-Кихота» и символическое пониманіе его типовъ является въ знаменитой статьѣ Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» ***).

*) „Prélude“, кн. 5.

**) „Д.-Ж.“, п. 13.

***) Къ нему примыкаютъ въ той или иной степени изъ русскихъ критиковъ „Донъ-Кихота“: В. Карелинъ, Авсѣенко, Мережковскій.

Итакъ, подводя итоги, большинство критиковъ «Донъ-Кихота», не довольствуясь буквальнымъ пониманіемъ романа, склонно толковать его аллегорически. Повидимому, они впадаютъ въ прямое противорѣчіе съ мнѣніемъ на этотъ счетъ самого автора, на что и опираются критики другой категоріи—ученые pur sang, протестуя противъ возможности такого пониманія. Справедливо ли это, однако?

Давно сказано, что литература не принадлежитъ нераздѣльно писателямъ, и значеніе созданныхъ ими образовъ часто переростаетъ ту ближайшую задачу, которую они сами себѣ ставили. Признанія самого автора, изученіе источниковъ его творчества, психологіи и т. д. не могутъ быть единственнымъ критеріемъ для оцѣнки значенія художественнаго произведенія. Пусть эстетическая и философская критика всегда заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю субъективизма, она столь же законна, какъ и чисто-научная критика, ограничивающая свою область фактической стороной дѣла и возстановленіемъ условій происхожденія того или другого произведенія искусства. Это двѣ разныя области, которыя могутъ и должны сосуществовать. Какъ извѣстно, еще Платонъ вложилъ въ уста Сократа вполнѣ вѣрное замѣчаніе, что весьма часто великіе писатели сами не сознаютъ тѣхъ великихъ идей, которыя, по непосредственному вдохновенію, они влагаютъ въ свои произведенія.

Весьма возможно, что и Сервантесъ самъ не имѣлъ въ мысляхъ никакихъ символовъ, никакой аллегоріи при созданіи «Донъ-Кихота», но мы-то ихъ можемъ видѣть. Поступать такъ вовсе не значитъ, какъ это думаетъ Тикноръ, «подвергать сомнѣнію признаніе великаго человѣка» и уклоняться въ сторону «метафизическихъ заключеній»... Не «признаніе» Сервантеса подвергаемъ мы сомнѣнію, а *сознаніе имъ самого себя*, если можно такъ выразиться. Поэтому мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія сторонниковъ исключительно исторической оцѣнки художественнаго произведенія, а въ частности такого отношенія къ «Донъ-Кихоту», которое заслоняло бы его общее, идейное значеніе.

Геніальный художникъ самъ не замѣтилъ, какъ задуманная пародія-сатира постепенно перешагнула намѣченныя вначалѣ границы и въ конечномъ результатѣ дала чудную картину бытовой жизни Испаніи конца XVI и начала XVII вѣка. На фонѣ этой картины выступаютъ люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ и убѣжденій, самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Мы видимъ въ этой пестрой толпѣ герцогскую чету, монаховъ и пастуховъ, крестьянъ и студентовъ, разбойниковъ и трактирщиковъ. Но не ихъ изображеніе авторъ имѣлъ исключительно въ виду. Они сами выступаютъ въ картинѣ какъ бы нарочно для того, чтобы яснѣе оттѣнить двѣ основныя фигуры романа—любимыхъ дѣтей Сервантеса: Донъ-Кихота и Санчо-Пансу. Только для нихъ заставляетъ онъ жить и дѣйствовать всѣхъ этихъ типичныхъ представителей испанскаго народа; только для нихъ развертывается передъ глазами автора весь этотъ калейдоскопъ ис-

панской жизни... Что же это за люди, ради которыхъ автору пришлось тщательно вырисовывать столько другихъ фигуръ, захватить широкой кистью столько постороннихъ явленій?.. И если эти двѣ группы: рыцарь и его оруженосецъ—съ одной стороны и остальная масса типовъ—съ другой, до извѣстной степени контрастируютъ, сознательно противопоставлены одна другой, то какая была цѣль этого противопоставленія? Не выходила ли она за предѣлы простого осмѣянія рыцарскихъ романовъ,—цѣли, въ которой единственно сознается самъ авторъ. Внимательному читателю ясно, что Сервантесъ смѣется не только надъ своимъ «сумасшедшимъ» героемъ: его тонкая, едва уловимая иронія захватываетъ все на пути, задѣваетъ все смѣшное и низкое въ человѣческой жизни. А потому стоять исключительно на узко-«исторической» точкѣ зрѣнія не представляется возможнымъ.

Итакъ, что же такое Донъ-Кихотъ?.. По толкованію одного изъ нашихъ критиковъ романа крайняго направленія, г. Львова *), это просто-напросто помѣшанный **), который «принялъ нелѣпость за истину»: его идеалъ, взятый изъ рыцарскихъ романовъ, «оставаясь во всей своей чистотѣ, былъ нелѣпъ». Соотвѣтственно этому онъ готовъ назвать Донъ-Кихотомъ вообще «всякаго человѣка, который приметъ какую-нибудь нелѣпую идею за истину, не идею новую, а идею старую, отмѣненную, и станетъ проводить ее съ упрямствомъ сумасшедшаго въ какой бы то ни было сферѣ: въ жизни, въ наукѣ или въ искусствѣ; для собственной ли славы или для пользы другихъ—все равно» (стр. 70). Такъ ли это, въ самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли Донъ-Кихотъ «помѣшался на рыцарствѣ не въ первоначальной его чистотѣ, а на искаженномъ рыцарствѣ?..» Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Сервантесъ. Уже приближаясь къ 50-лѣтнему возрасту, Донъ-Кихотъ «до того пристрастился къ рыцарскимъ книгамъ, что въ чтеніи ихъ проводилъ дни и ночи, и кончилъ тѣмъ, что мозгъ его разстроился и онъ сошелъ съ ума: ему то и дѣло грезились поединки, битвы, волшебники, бури, любовь, раны и тому подобный сумбуръ, наполнявшій его любимыя книги. Онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ всего этого такъ сильно, что для него въ цѣломъ мірѣ не существовало рѣшительно ничего, достойнаго большаго довѣрія» (I, стр. 1). Но на этомъ сумасшествіе его не остановилось. «*Рехнувшись окончательно*, *герой нашъ задумалъ одно изъ самыхъ безумныхъ предпріятій*, *какія приходили когда-либо въ голову полоумнымъ*: ему казалось необходимымъ, какъ для собственной славы, такъ для блага и славы родной страны своей, *сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ* и, рыская по свѣту на конѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, ища приключеній, *карая зло*, *возстановляя правду*, *защищая гонимыхъ и сирыхъ*, пускаясь, наконецъ, въ самыя ужасныя приключенія, покрыть себя неувядаемой славой» (ib). Итакъ, карать зло, возстановлять правду,

*) „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ и мнѣніе о нихъ Тургенева“.

**) Такого же взгляда держится и Д. Петровъ (отзывъ о книгѣ г. Шепелевича. „Ж. М. Н. П.“ 1903 г.).

защищать гонимыхъ и сирыхъ—это одно изъ самыхъ безумныхъ предпріятій, какія когда-либо приходили въ голову полоумнымъ. Если это—безуміе, то, конечно, совсѣмъ иного рода, чѣмъ волшебники и «тому подобный сумбуръ», и очень многіе не поняли глубокой ироніи Сервантеса надъ человѣкомъ, повѣрившимъ въ возможность осуществленія на землѣ торжества абсолютной правды, любви и справедливости, надъ безумнымъ идеалистомъ, мечтающимъ о возстановленіи на землѣ утеряннаго «царства Божія». Во второй книгѣ эта мысль выступаетъ еще яснѣе. «Я не мудрецъ,—говоритъ о себѣ Донъ-Кихотъ (II, стр. 1),—я хочу только указать міру, въ какой степени заслуживаетъ онъ порицанія, не прилагая усилій къ возстановленію тѣхъ временъ, когда орденъ странствующаго рыцарства былъ во всемъ своемъ блескѣ и славѣ. Но, право, нашъ извращенный вѣкъ не достоинъ того великаго счастья, какимъ могли похвалиться прежніе вѣка, когда странствующіе рыцари принимали на себя *защиту королевствъ*, *охрану молодыхъ дѣвушекъ*, *освобожденіе сиротъ*, *наказаніе заносчивыхъ поработителей и награжденіе смиренныхъ*»... «Теперь лѣнь и изнѣженность торжествуютъ надъ бдительностью и трудомъ, праздность надъ дѣятельностью, порокъ надъ добродѣтелью, заносчивость надъ заслугами, военныя теоріи надъ практикой». Когда Донъ-Лоренсо сознается Донъ-Кихоту, что онъ никогда не слыхалъ ничего о «наукѣ странствующаго рыцарства» и проситъ разъяснить ему, въ чемъ она заключается,—Донъ-Кихотъ говоритъ, что она «совмѣщаетъ въ себѣ всѣ науки въ мірѣ», а кромѣ того «обладающій ею долженъ имѣть *самыя глубокія познанія въ законахъ*, *чтобы утверждать правосудіе и справедливость среди всего человѣчества*» (II, стр. 18). «Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ,—поясняетъ онъ,—что *всѣ умственныя и нравственныя совершенства должны быть сосредоточены въ его умѣ и сердцѣ*... *Онъ долженъ быть* неизмѣнно вѣренъ Богу и своей дамѣ, цѣломудренъ въ помыслахъ, скроменъ въ рѣчахъ, щедръ и отваженъ въ дѣлѣ, терпѣливъ въ несчастіяхъ, милосердъ къ бѣднымъ и, наконецъ, *долженъ неизмѣнно*, *до конца*, *стоять за правду*, *хотя бы это стоило ему самой жизни: вотъ начала*, *создающія хорошаго странствующаго рыцаря*»... Донъ-Кихота ни мало не трогаетъ то, что Донъ-Лоренсо сомнѣвается въ существованіи когда-либо странствующихъ рыцарей. «Большинство людей,—говоритъ онъ,—какъ и вы, не хочетъ вѣрить... Изнѣженность, лѣнь, роскошь и низкія удовольствія торжествуютъ теперь въ наказаніе за наши грѣхи»... Самъ Донъ-Кихотъ, какъ дитя, беззавѣтно вѣритъ въ этотъ когда-то существовавшій на землѣ золотой вѣкъ, и ничто не можетъ разубѣдить его въ этомъ. Дѣйствительность слишкомъ мрачна, пошла и неприглядна; судя по настоящему, будущее не обѣщаетъ тоже ничего хорошаго, и въ этой вѣрѣ въ идеальное прошедшее единственная возможность примиренія съ жизнью... Чѣмъ больше необходимости въ этомъ примиреніи, тѣмъ сильнѣе потребность слѣпой вѣры. Донъ-Кихотъ только одинъ изъ многихъ. «Золотой вѣкъ,—читаемъ мы у Достоевскаго,—мечта

самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но за которую люди отдавали всю свою жизнь и всѣ свои силы» *). Такой именно мечтой была для Донъ-Кихота эпоха странствующаго рыцарства и вотъ почему онъ самъ слѣпо вѣритъ въ нее и заражаетъ этой вѣрой другихъ; вотъ почему, когда она разбита, ему ничего не остается, какъ только умереть; жизнь безъ нея уже не имѣетъ смысла, не имѣетъ цѣли. Если возможно взрослаго человѣка-идеалиста, слѣпо вѣрящаго въ невозможное, сравнить съ ребенкомъ, то Донъ-Кихотъ, повѣрившій своимъ книгамъ, это именно ребенокъ, увлекшійся романами Майнъ-Рида, Купера или Жюля Верна, принявшій вымыселъ за дѣйствительность и задумавшій бѣжать въ Америку къ индѣйцамъ.

Такіе взрослые - дѣти чрезвычайно сильно могутъ дѣйствовать на окружающихъ, они захватываютъ своей вѣрой, своимъ энтузіазмомъ. «Я почти готовъ и самъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ,—говоритъ хозяинъ корчмы, гдѣ остановился Донъ-Кихотъ, въ разговорѣ со священникомъ,—и чувствую такой приливъ жизни и бодрости, что, кажется, прогоняю даже свою старость»... Но трактирщикъ—не ребенокъ: онъ прекрасно понимаетъ, что нельзя «вѣрить всему, что написано въ этихъ книгахъ», какъ это дѣлаетъ, по замѣчанію Карденіо, Донъ-Кихотъ. Онъ «вовсе не намѣренъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ», такъ какъ находитъ, что *«всѣ обычаи этого благороднаго ордена уже отжили свой вѣкъ»*. Такимъ образомъ, что ясно для окружающихъ, людей здраваго практическаго смысла, то скрыто отъ глазъ Донъ-Кихота. (Мы уже видѣли, что жизнь странствующаго рыцаря для него не цѣль, а средство для возстановленія правды на землѣ: «мое призваніе—говоритъ онъ мальчику,—заключается въ томъ, чтобы странствовать по землѣ, возстановляя правду и мстя за обиды»... Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ попытки Донъ-Кихота въ этомъ направленіи терпятъ полную неудачу. Онъ борется съ вѣтряными мельницами, нападаетъ на мирныхъ путешественниковъ, терпитъ самъ побои, дѣлается жертвой всевозможныхъ мистификацій: корчму принимаетъ за замокъ, мѣха съ виномъ за злыхъ чудовищъ, стадо барановъ за толпы враговъ... похоронную процессію за шайку злодѣевъ). Мало того, судьба, повидимому, смѣется надъ бѣднымъ рыцаремъ: думая дѣлать добро и стоять за правду, онъ «на каждомъ шагу совершаетъ несправедливости и, въ концѣ концовъ, даже вредитъ тѣмъ, кому хочетъ оказать помощь». Конечно, это происходитъ не потому, что «рыцарскіе идеалы Донъ-Кихота, какъ это думаетъ проф. Стороженко, такъ же устарѣли, какъ и его оружіе, что его храбрость и самоотверженіе оказываются совершенно ненужными въ XVI вѣкѣ и *въ особенности* (?) *въ той формѣ, въ которой онъ ихъ предлагаетъ міру*»... Рыцарскіе идеалы Донъ-Кихота не могли устарѣть и, конечно, никогда не устарѣютъ: это вѣчные идеалы, которыми живетъ чело-

*) „Подростокъ“.

вѣчество; это была цѣль жизни и Донъ-Кихота. Что же касается средствъ, которыми онъ стремился къ этой цѣли, т.-е. той формы, въ которой онъ предлагаетъ эти идеалы міру, то здѣсь, конечно, г. Стороженко правъ: въ этой формѣ храбрость и самоотверженіе Донъ-Кихота оказываются совершенно ненужными въ XVI вѣкѣ, но *именно въ этой формѣ*, а не «въ особенности» въ ней. Самъ проф. Стороженко справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ,что «не энтузіазмъ къ добру и правдѣ осмѣянъ авторомъ Донъ-Кихота, а *нелѣпая форма проявленія этого энтузіазма*, его каррикатура, навѣянная рыцарскими романами и не соотвѣтствующая духу времени»... Въ этомъ все и дѣло: «въ вѣчность отошли тѣ *условія*, при которыхъ боролись и торжествовали странствующіе рыцари». Многіе—не одинъ Донъ-Кихотъ—этого не замѣчали, за внѣшней формой не замѣчали исчезновенія внутренняго содержанія. Въ этомъ-то и заключается трагикомизмъ Донъ-Кихота—въ «анахронизмѣ», въ «*средневѣковомъ* идеализмѣ» (какъ хорошо выразился г. Мережковскій) сумасшедшаго ламанчскаго рыцаря, живущаго уже въ *новое время*; въ его увлеченіи «*книжнымъ* идеаломъ», не имѣющимъ уже примѣненія къ дѣйствительности. Донъ-Кихотъ, по удачному выраженію проф. Стороженко, это—Амадисъ, заснувшій послѣ одного изъ своихъ подвиговъ на нѣсколько столѣтій и проспавшій паденіе феодализма, водвореніе новаго государственнаго порядка и наступленіе эпохи возрожденія наукъ; проснувшись, онъ продолжаетъ то, на чемъ засталъ его сонъ, не замѣчая, что времена измѣнились... Такимъ образомъ, комизмъ его, или, вѣрнѣе, трагикомизмъ, происходитъ отъ взаимнаго непониманія живущаго въ прошедшемъ рыцаря и далеко впередъ ушедшей дѣствительности...

Но если въ этомъ причина трагикомизма Донъ-Кихота, то причина его *трагизма* кроется въ другомъ, болѣе серьезномъ, болѣе глубокомъ и роковомъ противорѣчіи: въ противорѣчіи между *абсолютной* правдой, къ которой стремится Донъ-Кихотъ, и той *условной* житейской правдой, которой, какъ маской, прикрыли мы нашу жизнь... Здѣсь иронія Сервантеса звучитъ уже, какъ горькій «смѣхъ сквозь слезы». Мы напомнимъ одинъ эпизодъ романа, раскрывающій передъ нами это противорѣчіе: это эпизодъ съ преступниками, которыхъ Донъ-Кихотъ освобождаетъ отъ стражи, и встрѣча его со стрѣлками святой Германдады. «Стрѣлки настойчиво требовали, чтобы имъ передали Донъ-Кихота связаннаго по рукамъ и ногамъ, какъ того требовала служба королю и св. Германдадѣ, во имя которыхъ они просили помощи противъ этого грабителя на большихъ и малыхъ дорогахъ. Слушая это, Донъ-Кихотъ только презрительно улыбался и, сохраняя все свое достоинство, ограничился слѣдующими словами: «Приблизьтесь, необразованная сволочь! Приблизьтесь ко мнѣ! *Возвратить свободу закованнымъ въ цѣпи, освободить арестантовъ, поднять упавшихъ, помочь нуждающимся, облегчить страдальцевъ,—это вы называете грабежомъ на большихъ дорогахъ! О, сволочь! О, презрѣнные люди,*

недостойные по своему тупоумію, чтобы небо открыло вамъ сокровища, заключаемыя въ себѣ странствующимъ рыцарствомъ: васъ слѣдуетъ только заставить понять всю великость преступленія, которое вы совершаете, не умѣя уважать присутствіе—что я говорю?—тѣни странствующаго рыцаря. Приблизьтесь, невѣжественные грубіаны, а не слуги правосудія; приблизьтесь вы, грабящіе прохожихъ съ разрѣшенія св. Германдады» (I, стр. 45). Эта страстная филиппика Донъ-Кихота противъ условностей и лжи, опутавшихъ нашу жизнь и заставляющихъ насъ видѣть бѣлое чернымъ и обратно, поразительно напоминаетъ не менѣе страстныя рѣчи Норы Ибсена противъ того же зла, разъѣдающаго нашу жизнь, когда она отказывается повѣрить въ существованіе законовъ, которые могли бы карать дочь за попытку спасти отца или жену—за попытку спасти мужа... Увы! Она убѣждается, что такіе «формальные» законы дѣйствительно существуютъ. Противъ этой «формальной» правды боролся и Донъ-Кихотъ, но, какъ это почти всегда бываетъ, она его осилила...

Очень часто, въ возраженіе противъ излишней идеализаціи Донъ-Кихота, ссылаются на многіе факты, доказывающіе его тщеславіе, самомнѣніе, хвастливость, эгоизмъ и даже корыстолюбіе... Послѣднее безусловно невѣрно. Если, говоря о вѣтряныхъ мельницахъ, Донъ-Кихотъ убѣждаетъ Санчо, что «добыча отъ нихъ послужитъ началомъ ихъ обогощенія», то это онъ дѣлаетъ вовсе не съ «эгоистической цѣлью самообогощенія», какъ кажется, напримѣръ, г. Львову: это не болѣе, какъ средство подѣйствовать на Санчо; Донъ-Кихотъ бросаетъ эти слова какъ бы между прочимъ, для большей убѣдительности, главная же его цѣль—«истребленіе этого сквернаго исчадія съ лица земли есть великая заслуга передъ Богомъ»... Что касается другихъ указанныхъ недостатковъ Донъ-Кихота, то они отмѣчены вѣрно. Несомнѣнно, что не одна безкорыстная любовь къ человѣчеству побуждаетъ его стремиться къ достиженію на землѣ высшей правды: онъ не меньше думаетъ и о своей собственной славѣ. Какъ у всѣхъ людей—замѣчаетъ г. Мережковскій («Вѣчн. спутники»)—у Донъ-Кихота любовь къ людямъ смѣсь глубокаго чувства съ мелочнымъ тщеславіемъ и суетностью, и если здѣсь насмѣшка, то надъ человѣкомъ вообще, надъ несовершенствомъ его природы. Насмѣшка же здѣсь есть несомнѣнно, ибо Сервантесъ слишкомъ тонкій психологъ, слишкомъ правдивый художникъ, чтобы обойти какую-нибудь отрицательную черту человѣка, тѣмъ болѣе идеальнаго въ другихъ отношеніяхъ... Вообще же остается въ силѣ, что Донъ-Кихотъ, по мысли автора и по выполненію, лицо, дѣйствительно, идеальное. Говорятъ, что лучшей характеристикой человѣка можетъ служить его любовь къ женщинѣ. Въ этомъ отношеніи Донъ-Кихотъ выше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было. Любовь его къ Дульсинеѣ — говоритъ по этому поводу Тургеневъ—«идеально чиста: до того идеальна, что онъ даже не подозрѣваетъ, что предметъ его страсти вовсе не существуетъ, до того чиста, что когда Дульсинея является передъ

нимъ въ образѣ грубой и грязной мужички, онъ не вѣритъ свидѣтельству своихъ глазъ и считаетъ ее превращенной злымъ волшебникомъ»... Возражая противъ такого пониманія любовнаго чувства Донъ-Кихота, г. Львовъ писалъ, что Донъ-Кихотъ любитъ вовсе не Дульсинею, а свою мечту. Это совершенно вѣрное замѣчаніе и не только по отношенію къ Донъ-Кихоту, но и ко всѣмъ людямъ вообще. Еще недавно въ одной изъ газетъ сообщались глубокія слова покойнаго А. П. Чехова: «любовь это—когда кажется то, чего нѣтъ»... Каждый человѣкъ всегда болѣе или менѣе идеализируетъ предметъ своей любви: одинъ менѣе, другой болѣе. Донъ-Кихотъ не былъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи, и потому замѣчаніе г. Львова не возраженіе Тургеневу. Напротивъ, оно еще болѣе убѣждаетъ насъ въ глубокомъ знаніи человѣческаго сердца и его тончайшихъ движеній, которое въ каждой строчкѣ своего романа проявляетъ великій испанскій писатель.

Удивительный характеръ ламанчскаго рыцаря выступаетъ еще рельефнѣе при сопоставленіи съ его знаменитымъ оруженосцемъ, сопоставленіи, къ которому самъ Сервантесъ прибѣгаетъ невольно, заставляя совмѣстно дѣйствовать и безумствовать этихъ двухъ чудаковъ. «Казалось, говоритъ онъ, они вылиты въ одной формѣ, такъ что безумныя выходки господина безъ глупостей слуги не стоили бы ни гроша». По справедливому замѣчанію Тикнора (II, 130), Сервантесъ умѣло развиваетъ характеры Донъ-Кихота и Санчо-Панса, «въ удачномъ контрастѣ и противоположности которыхъ заключается богатый матеріалъ для его оригинальнаго юмора и не малая часть того, что во всемъ романѣ является наиболѣе замѣчательнымъ». Не всѣ критики, подобно Тикнору, согласны видѣть въ Санчо «контрастъ» и «прямую противоположность» Донъ-Кихоту. Отказавшись видѣть въ Донъ-Кихотѣ «исключительно идеалиста и защитника старыхъ, отжившихъ идеаловъ, утопическихъ началъ жизни», проф. Шепелевичъ протестуетъ и противъ возможности «изъ Санчо-Пансы дѣлать контрастъ его господина, представителя исключительно буржуазнаго, реальнаго, притомъ нормальнаго отношенія къ жизни». «Санчо, продолжаетъ, онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться *антиподомъ* своего господина, а наоборотъ, изобличаетъ много сходства съ нимъ—сходства, которое становится тѣмъ ярче, чѣмъ ближе сходится (sic!) онъ съ рыцаремъ». Но, подчеркивая еще разъ (157), что «характеры рыцаря и оруженосца... чужды внутренняго противорѣчія, усматриваемаго великимъ поэтомъ» Генрихомъ Гейне, проф. Шепелевичъ, намъ кажется, нѣсколько противорѣчитъ себѣ, отмѣтивъ ранѣе (156) въ характерѣ Санчо «преобладаніе *разсудочнаго* элемента». Если поставить это въ связь съ другой чертой «ненормальности», сумасшествія Донъ-Кихота, какъ основного свойства его характера, то противорѣчіе его самому себѣ станетъ еще болѣе очевиднымъ. Очевидно, что «сумасшествіе», «ненормальность» суть лишь крайнія проявленія натуры энтузіаста, въ противоположность именно чрезвычайной разсудительной, «трезвенной»

натурѣ, какимъ очерченъ Санчо. Уже одно то, что Донъ-Кихотъ не замѣчаетъ своего «сумасшествія» и считаетъ себя нормальнымъ человѣкомъ, тогда какъ Санчо нисколько, ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что его господинъ «помѣшанный, совсѣмъ по настоящему помѣшанный», ужъ одно это развѣ даетъ право считать оба выставленные типа до нѣкоторой степени антиподами! Да еще какими антиподами! Трудно и представить болѣе яркое «внутреннее противорѣчіе». Одинъ живетъ своимъ внутреннимъ міромъ, нисколько не считаясь съ окружающей обстановкой, другой очень и очень даже считается съ нею, ни на минуту не удаляясь отъ земли... А юморъ Санчо-Пансы, этотъ трезвый, здоровый юморъ—это ли не контрастъ горячаго энтузіазма Донъ-Кихота?.. Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса—это революціонеръ и оппортунистъ, это идеалистъ и скептикъ... Едва ли можно согласиться и съ тѣмъ, что «интимная связь Донъ-Кихота съ Санчо-Пансой объясняется не привлекательной силой энтузіазма, а добротой и человѣчностью, свойственными рыцарю и оруженосцу, и ихъ старой дружбѣ» (стр. 157). Мы скорѣе согласны съ извѣстнымъ поэтическимъ толкованіемъ Гейне: «У него голубиное сердце—сознается самъ Санчо, говоря о Донъ-Кихотѣ: никому онъ зла не сдѣлаетъ, а всѣмъ только добро, и никакой въ немъ хитрости нѣтъ. Ребенокъ можетъ убѣдить его средь бѣла дня, что наступила ночь. За эту-то доброту я и люблю его пуще зеницы ока и не могу его бросить, сколько бы онъ ни сумасбродствовалъ»... Уже въ этомъ одномъ признаніи можно видѣть всю разницу въ характерахъ Донъ-Кихота и его оруженосца. Вѣдь у послѣдняго, во всякомъ случаѣ, не голубиное сердце, и ребенокъ его не убѣдитъ въ томъ же. А «доброта» Донъ-Кихота, о которой говоритъ Санчо, это уже вѣдь не простая, не *разсудочная* доброта, которой, дѣйствительно, обладаетъ Санчо: это—доброта, увлекающаяся до самозабвенія, доброта энтузіаста, потому и *увлекающая*. Если Санчо такъ же добръ, какъ Донъ-Кихотъ, то почему, спрашивается, онъ такъ увлеченъ своимъ господиномъ; почему, не сомнѣваясь даже въ его «сумасшествіи», онъ слѣпо слѣдуетъ за нимъ? «Я признаю,—говоритъ онъ,—что если бы у меня была хоть капелька смысла, я бы уже давно бросилъ своего господина»... Не очевидно ли, что онъ имъ *увлеченъ*, несмотря на непрестанные протесты здраваго смысла. Не потому-ли г. Шепелевичъ и не находитъ «цѣльности» въ характерѣ Санчо-Пансы, что онъ *мѣняется* подъ вліяніемъ Донъ-Кихота? Однако, возможно ли было допустить, что, бы Санчо-Панса находясь въ общеніи съ такимъ идеалистомъ, энтузіастомъ, подчиняясь его вліянію, могъ остаться вполнѣ неизмѣнно самимъ собой?..

III.

Читая и перечитывая безсмертный романъ Сервантеса, вовсе не надо быть «черезчуръ утонченнымъ критикомъ», чтобы, даже неза-

мѣтно для себя, «расширить цѣль» написанія «Донъ-Кихота». Въ слишкомъ яркихъ краскахъ выступаетъ контрастъ между «безумными выходками господина и глупостями слуги», съ одной стороны, и житейски-умными людьми—съ другой. Двухъ чудаковъ окружаютъ все удивительно серьезные люди, трезво смотрящіе на жизнь, «здраво» оцѣнивающіе окружающую дѣйствительность, свысока или насмѣшливо смотрящіе на ихъ чудачества и безумства.

И, однако, смѣясь самъ надъ ними, авторъ невидимо смѣется и надъ претенціозной серьезностью людей, надъ тѣмъ «дѣловымъ бездѣліемъ», которое презиралъ и лѣнивецъ Обломовъ. «Каждый день,— замѣчаетъ съ иронической улыбкой Санчо,—видишь въ мірѣ новыя удивительныя вещи: шутки превращаются въ серьезныя дѣла и насмѣшки оказываются осмѣянными»... Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы и, неизвѣстно, кто еще окажется болѣе правъ передъ судомъ Верховной Истины: формальная ли, самоувѣренная правда, трезвый реализмъ и лицемѣрная мораль, или самая слѣпая вѣра въ высшую правду, самый безумный идеализмъ, иногда приносящіе несчастіе окружающимъ и всегда тому, кто въ нихъ повиненъ...

Какъ часто легковѣріе Донъ-Кихота служило предметомъ забавы «трезвымъ реалистамъ»!.. Герцогская чета и весь ея штатъ отъ души смѣялись надъ рыцаремъ и его оруженосцемъ и, чтобы наслажденіе было полнымъ, изощрялись въ придумываніи разныхъ злыхъ шутокъ, которыя продѣлывали надъ ними ко всеобщему удовольствію... Но... «кто знаетъ, можетъ быть, насмѣшки были такъ же безумны, какъ тѣ, надъ которыми они смѣялись, а герцогъ и герцогиня были меньше, чѣмъ на волосъ, отъ явной глупости, такъ какъ они тратили столько усилій, чтобы вышутить двухъ глупцовъ?!» Такъ или иначе, поэтъ не скрылъ отъ насъ ни своего горькаго смѣха надъ послѣдними, ни своей глубокой ироніи надъ первыми... Если съ житейской точки зрѣнія несчастенъ Донъ-Кихотъ, повсюду терпящій неудачи и побои, всѣми высмѣиваемый, то едва ли счастливы и окружающіе его «трезвые люди», изо дня въ день изживающіе себя, какъ поденщики, работающіе изъ-за куска насущнаго хлѣба, «тратящіе каждый день какъ каждый рубль», подобно Штольцу,—утомленные, скучающіе и недовольные... И странное дѣло!.. Смѣясь надъ Донъ-Кихотомъ и Санчо-Пансой, прикрываясь этимъ наружнымъ смѣхомъ, всѣ они въ душѣ завидуютъ имъ и даже любятъ ихъ. Дѣйствительность такъ сурова, жизнь такъ холодна и непривѣтлива, и они счастливы хоть на минуту «согрѣться» около этихъ беззаботныхъ мечтателей. Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса «вырвались изъ рамокъ нашей условной жизни» и потому-то по своему счастливы: по крайней мѣрѣ, они свободны, а «свобода,—по словамъ Донъ-Кихота,—самое драгоцѣнное изъ благъ, дарованныхъ небомъ человѣку: ничто не сравнится съ нею»...

До послѣдняго момента своей жизни Донъ-Кихотъ безусловно счаст-

ливъ: онъ живетъ своей вѣрой, своей идеей—водворенія на землѣ «золотого вѣка», торжества вѣчной правды, любви и справедливости. Не одинъ «безумецъ» мечталъ объ этой химерѣ и не одна иллюзія разбилась о камни суровой дѣйствительности. Разбились объ эти камни и иллюзіи наивнаго мечтателя изъ Ла-Манча. Глубоко-трагична картина «Донъ-Кихота», надъ которой такъ плакалъ въ дѣтствѣ Гейне, когда, разбитый, выбитый изъ сѣдла и поверженный на землю рыцаремъ Серебряной Луны, бѣдный Донъ-Кихотъ продолжалъ прославлять свою даму и молилъ врага о смерти... Но еще печальнѣе послѣдняя сцена, когда, окруженный близкими, бѣдный «рыцарь печальнаго образа» доживалъ свои послѣднія минуты, когда онъ, зная, что уже смерть неизбѣжна, внезапно прозрѣлъ и понялъ свое «безуміе», понялъ, что онъ боролся поистинѣ съ мельницами и баранами, что эпоха странствующихъ рыцарей прошла и никогда не вернется, а съ нею вмѣстѣ никогда не вернется и та высшая правда, ради которой, какъ истинный рыцарь, онъ отдалъ свою жизнь. Онъ понялъ, что онъ вовсе не Донъ-Кихотъ Ламанчскій, а «просто гидальго Алонсо Кихада, названный Добрымъ за его кроткій нравъ», о чемъ уже слабѣющимъ голосомъ онъ возвѣщаетъ окружавшимъ его смертный одръ... Санчо лучше всѣхъ понимаетъ причину смерти Донъ-Кихота. Когда послѣдній проситъ у него прощенія за то, что въ порывѣ безумства увлекъ и его, выставивъ его на показъ людямъ такимъ же полоумнымъ, какимъ былъ самъ,—Санчо заливается слезами и прибѣгаетъ къ послѣднему средству. «Не умирайте, мой добрый господинъ, живите, живите еще много лѣтъ; вѣрьте мнѣ: величайшая глупость въ мірѣ, если человѣкъ ни съ того, ни съ сего умираетъ, когда никто не думаетъ его убивать, безо всякаго настоящаго повода, отъ одной только безысходной скорби»... Напрасно при поддержкѣ баккалавра Карраско пытается Санчо поднять упавшій духъ своего господина, напрасно трогательными по своей наивности и дѣтскому простодушію доводами пытается убѣдить его въ томъ, чему самъ ни на минуту не вѣритъ. Донъ-Кихотъ умеръ, потому что умерла его вѣра, его идея: ему не зачѣмъ больше жить!.. Подобно самому Сервантесу, онъ на смертномъ одрѣ убѣдился, что вся его жизнь была лишь «долгое неблагоразуміе» и, уходя изъ нея, «уносилъ на плечахъ камень съ надписью, въ которой читалось разрушеніе его надеждъ»... Такъ поступила съ нимъ суровая рука дѣйствительности, которая не жалѣетъ никакихъ надеждъ и иллюзій. Но Сервантесъ глубокій реалистъ: онъ знаетъ, что смерть это еще лучшее, что ожидаетъ мечтателя-идеалиста, героя-борца въ нашемъ нищемъ духомъ мірѣ: есть еще худшее и болѣе ужасное—поруганіе. Тургеневъ не безъ основанія видѣлъ «глубокій смыслъ» въ той безобразной сценѣ, когда незадолго передъ смертью Донъ-Кихота стадо свиней топчетъ его ногами. «Попираніе свиными ногами,—говоритъ онъ,—встрѣчается всегда въ жизни Донъ-Кихотовъ именно передъ ея концомъ; это—послѣдняя дань, ко-

торую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманію. Это—пощечина фарисея. Потомъ они могутъ умереть: они прошли черезъ весь огонь горнила, завоевали себѣ безсмертіе, и оно открывается передъ ними»... Безсмертіе это—заслуженное, ибо если безуміе—борьба съ великанами, которыхъ не существуетъ, то не такое же безуміе ли борьба вообще, вѣчная, непрекращающаяся борьба человѣчества изъ-за идеаловъ, ради достиженія истины: «Вѣдь кто знаетъ: можетъ быть, и истины тоже нѣтъ, какъ великановъ?» можно спросить вмѣстѣ съ Тургеневымъ... А вѣдь ради нея, этой истины, борются и жертвуютъ жизнью!.. Вѣчное и общечеловѣческое никогда не совпадало и никогда не совпадетъ съ временнымъ и преходящимъ, и первое всегда было и будетъ «безуміемъ» передъ пристрастнымъ судомъ послѣдняго... Сервантесъ прекрасно противопоставилъ эти два никогда не совпадающія и всегда враждующія начала жизни, и въ этомъ именно заключается аллегорія и символизмъ его великаго произведенія. «Донъ-Кихотъ» не простой романъ извѣстнаго времени изъ мѣстной жизни, а громадная аллегорія. Такой романъ могъ увлечь современниковъ, могъ создать ему славу въ отечествѣ, но онъ не могъ бы пережить три столѣтія, интересъ къ нему не возрасталъ бы съ каждымъ годомъ, онъ не сдѣлался бы достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ. «Донъ-Кихотъ» это—символизированная въ образномъ выраженіи скорбь о трагической, а часто и трагикомической, роли въ нашемъ мірѣ идеализма, благородныхъ порывовъ, мечтаній и иллюзій. Этого Сервантесъ, можетъ быть, и не хотѣлъ сказать, но онъ это сказалъ, и вотъ почему его романъ не только живетъ еще въ наше время, но будетъ жить вѣчно, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, пока сама жизнь будетъ иллюстраціей этой общечеловѣческой эпопеи...

IV.

«Перо—языкъ души—говоритъ Сервантесъ:—что задумаетъ одна, то воспроизводитъ другое; если поэтъ безупреченъ въ своей жизни, то онъ будетъ безупреченъ и въ своихъ твореньяхъ» (II, стр. 16). Такъ или иначе, сознательно или безсознательно, авторъ всегда, по его мнѣнію, высказывается въ своемъ произведеніи. Это болѣе чѣмъ справедливо по отношенію къ самому автору «Донъ-Кихота». Правда, «обладая достаточнымъ количествомъ ума, знанія и искусства, чтобъ говорить о дѣлахъ всего міра», подобно мнимому мавританскому историку «Донъ-Кихота», настоящій его «историкъ постоянно принужденъ удерживать себя въ тѣсныхъ предѣлахъ своего разсказа» (II). Но все же «перо—языкъ души», и вотъ почему въ «тѣсные предѣлы своего разсказа» авторъ сумѣлъ вмѣстить не только великую аллегорію, но и свои затаенныя мысли, свои литературные и соціальные взгляды,

«свои мечты о жизни и счастіи людей» *)... Не даромъ эта книга была «важнѣйшимъ дѣломъ жизни» ея автора; недаромъ они составляютъ другъ съ другомъ «одно тѣло и одну душу». Сервантесъ—сынъ своего времени, типичнѣйшій человѣкъ эпохи возрожденія. Полная терпимость и свобода личности написаны на его знамени. Будучи испанцемъ по плоти и крови, Сервантесъ не увлекся, однако, проповѣдью религіознаго фанатизма, подобно многимъ своимъ современникамъ, въ числѣ которыхъ были такіе великіе умы, какъ Кальдеронъ и Лопе де-Вега. Напротивъ, въ этомъ пунктѣ взгляды испанскаго писателя совпадаютъ со взглядами передовыхъ людей возрожденія—Эразма, Рабле и др. Онъ жестоко высмѣиваетъ католическое духовенство и монаховъ, пользующихся своимъ исключительнымъ положеніемъ въ обществѣ и полагающихъ, что «на свѣтѣ дѣлать больше нечего, какъ вторгаться въ чужіе дома и стараться забрать въ свои руки хозяевъ» (II, 32)... За пятьдесятъ лѣтъ до появленія «Тартюфа» Сервантесъ совершенно опредѣленно намѣчаетъ фигуру этого благочестиваго мужа... Мы встрѣчаемъ въ «Донъ-Кихотѣ» и другую выходку противъ монаховъ, когда метръ д'отель предостерегаетъ за обѣдомъ Санчо-Пансу, губернатора острова Бараторіа, отъ кушаній и напитковъ, принесенныхъ монахинями. «Мнѣ кажется,—замѣчаетъ онъ,—что вашей милости не слѣдовало бы кушать ничего изъ того, что стоитъ на этомъ столѣ: большая часть этихъ кушаній принесена монахинями, а позади креста прячется, говорятъ, чортъ» (II, 472). Сервантесъ, какъ человѣкъ умный, прекрасно понималъ, что вся эта монашествующая и шатающаяся братія только распространяетъ въ обществѣ невѣжественныя суевѣрія и внѣшнія обрядности, ничего общаго не имѣющія съ истинной религіозностью. Еще въ повѣсти «Rinconete y Cortadillo» онъ указывалъ на то, что всѣ воры и мошенники набожнѣйшіе люди, строго исполняющіе католическіе обряды и поминутно призывающіе Бога и святыхъ, чтобы спастись отъ людского правосудія. Теперь, въ Донъ-Кихотѣ, устами своего героя, онъ говоритъ: «Намъ дана свободная воля, которой не могутъ насиловать никакія волхованія и травы... и то, что приготовляютъ нѣкоторыя женщины по глупости и нѣкоторые мужчины изъ плутовства...—чистѣйшій вздоръ» (I, 22). Соотвѣтственно этому, однимъ изъ первыхъ актовъ Санчо, когда онъ сдѣлался губернаторомъ, было повелѣніе, чтобы нищіе, вымаливая милостыню, не пѣли про чудеса, «достовѣрности которыхъ они не въ состояніи доказать», ибо «Санчо казалось, что чудеса эти вымышлены» (II, 51)... А такихъ чудесъ, «примѣтъ» и «предзнаменованій» измышлялось и распространялось, конечно, не мало въ Испаніи XVI—XVII вѣка, если и теперь еще есть мужчины, которые сочиняютъ ихъ «изъ плутовства», и женщины, которыя вѣрятъ имъ «по глупости». «Всѣ случайности—

*) Стороженко. „Философія Донъ-Кихота".

поучаетъ Донъ-Кихотъ,—обыкновенно называемыя въ народѣ предзнаменованіями, должны казаться благоразумному человѣку не болѣе какъ счастливыми случайностями. Между тѣмъ одинъ суевѣръ, выйдя утромъ изъ своего дома и встрѣтившись съ францисканскимъ монахомъ, спѣшитъ возвратиться назадъ, словно онъ встрѣтилъ чудовищнаго тигра. Другой разсыпаетъ на столѣ соль и становится задумчивъ и мраченъ, точно природа обязалась предувѣдомлять человѣка объ ожидающихъ его несчастіяхъ. Благоразумный человѣкъ и христіанинъ не долженъ судить по этимъ пустякамъ о намѣреніяхъ неба»... Немудрено, что съ такими идеями объ истинномъ христіанствѣ и истинной религіозности «Донъ-Кихотъ» попалъ въ «index expurgatorius»!.. Другіе взгляды Сервантеса тоже обличаютъ въ немъ передового человѣка своего времени. Сервантесъ—врагъ войны и завоевательной политики. Подобно Рабле и Эразму, онъ допускаетъ только войну оборонительную. Обнажать же оружіе «за пустяки, за шалости и шутки, которыя могутъ скорѣе разсмѣшить, чѣмъ оскорбить, право, друзья мои, это въ высшей степени безумно» (II, 27). Высшимъ достоинствомъ человѣка авторъ «Донъ-Кихота» считаетъ не высокое происхожденіе, а его нравственныя качества. «Гордись, Санчо, своимъ низкимъ происхожденіемъ,—говоритъ рыцарь оруженосцу,—и не стыдись сознаваться, что ты происходишь изъ крестьянской семьи. Видя, что ты самъ не краснѣешь отъ этого, никто никогда и не заставитъ тебя отъ того краснѣть. Старайся быть лучше смиреннымъ праведникомъ, чѣмъ высокомѣрнымъ грѣшникомъ... Если ты изберешь добродѣтель своимъ руководителемъ и постановишь всю славу свою въ добрыхъ дѣлахъ, тогда тебѣ нечего будетъ завидовать людямъ, считающимъ принцевъ и другихъ знатныхъ особъ своими предками. Кровь наслѣдуется, а добродѣтель пріобрѣтается и цѣнится такъ высоко, какъ не можетъ цѣниться кровь» (II, 42). Нельзя безъ удивленія въ настоящее время читать тѣ страницы романа, гдѣ Донъ-Кихотъ даетъ совѣты отправляющемуся на губернаторство Санчо-Пансѣ. Глубокая политическая мудрость и нравственная высота рыцаря сквозятъ здѣсь въ каждой строчкѣ:

«Никогда не руководись закономъ произвола, который въ такой милости у невѣждъ, воображающихъ себя очень умными и проницательными».

«Смягчая законъ, дѣлай это подъ тяжестью состраданія, но не подарковъ» и т. п.

Напомнимъ кстати и извѣстное письмо Донъ-Кихота къ Санчо-Пансѣ (II, 51):

«Не издавай слишкомъ много правилъ и приказовъ, а когда издаешь, старайся, чтобы они были хорошими, и въ особенности, чтобъ ихъ соблюдали и исполняли, ибо приказы, которыхъ не соблюдаютъ, все равно, что не изданы; они показываютъ, что правитель, имѣвшій до-

статочно ума и власти для изданія ихъ, не обладаетъ ни силой, ни мужествомъ для ихъ проведенія. Предназначенные устрашить и никогда не исполняемые законы—подобны чурбану, царю лягушекъ, устрашившему ихъ сначала своимъ видомъ, но впослѣдствіи пренебреженному и презираемому до того, что лягушки стали вскакивать ему на шею».

«Остерегайся проявлять корыстолюбіе, жадность, пристрастіе къ женщинамъ..., ибо стоитъ только твоимъ подчиненнымъ узнать твои слабости, какъ всѣ будутъ бить по этимъ струнамъ, пока не повергнутъ тебя въ пучину гибели» и т. д.

Недаромъ было признано, что правленіе Санчо на островѣ Баратоpіа—это язвительная сатира на власть, на тѣхъ «высокопоставленныхъ нигилистовъ», которые «живутъ безъ всякихъ принциповъ», «прекрасно понимаютъ данныя имъ судьбою привилегіи и умѣло эксплоатируютъ ихъ», благодушіе которыхъ не нарушается ни угрызеніями совѣсти, ни голосомъ искренняго страданія, и въ которыхъ вызываютъ негодованіе самыя естественныя проявленія человѣческихъ чувствъ *)...

Немногіе, оставляя свой высокій постъ, могутъ, положа руку на сердце, сказать подобно Санчо: «Нагимъ я туда вступилъ и нагимъ ухожу оттуда. Хорошо или дурно я управлялъ, этому есть свидѣтели, которые скажутъ то, что хотятъ. Я разрѣшалъ сомнительные вопросы, я разсуживалъ тяжбы, я ничего ни у кого не взялъ и не воспользовался никакими выгодами»... Немногіе точно также, извѣдавъ роскошь и великолѣпіе послѣ голода и холода, могутъ, подобно Донъ-Кихоту, сохранить въ душѣ своей любовь къ свободѣ и независимости:

«Свобода, Санчо,—сказалъ Донъ-Кихотъ, покидая герцогскій замокъ,—есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ неба людямъ. Ничто не сравнится съ нею: ни сокровища, заключенныя въ нѣдрахъ земли, ни сокровища, скрытыя въ глубинахъ моря. За свободу человѣкъ долженъ рисковать своей жизнью, такъ какъ рабство есть величайшее несчастіе, какое только можетъ постигнуть человѣка. Ты видѣлъ изобиліе и роскошь, которыми мы пользовались въ покинутомъ нами замкѣ? И что же? Среди этихъ изысканныхъ блюдъ и замороженныхъ напитковъ мнѣ казалось, что я страдаю отъ голода, потому что я не могъ ими пользоваться съ тою свободой, какъ если бы они принадлежали мнѣ. Обязанность благодарить за благодѣяніе и милость, которыя получаешь, какъ бы сковываетъ умъ, не давая ему свободнаго полета. Счастливъ тотъ, кому небо дало кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только небо и никого другого»...

Александръ Евлаховъ.

---

*) Шепелевичъ. „Донъ-Киходъ Сервантеса“.

МУЖЪ ЧЕСТИ.

Повѣсть.

I.

Умеръ инспекторъ гимназіи. Вѣсть разнеслась по городу и вызвала всеобщее изумленіе. Изумились и гимназисты, и ихъ учителя.

Человѣкъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ каждый день появлялся въ опредѣленные часы въ извѣстныхъ мѣстахъ, проявлялъ энергію, требовалъ, внушалъ, взыскивалъ. И все это онъ дѣлалъ такъ регулярно и основательно, какъ будто это составляло необходимое условіе его существованія. И потому казалось, что онъ безсмертенъ. По крайней мѣрѣ, никому не приходило въ голову, что онъ можетъ когда-нибудь умереть.

И онъ умеръ внезапно. Вчера еще бѣгалъ онъ по гимназическому корридору, заглядывалъ въ классы, въ залъ для занятій, чѣмъ-то былъ недоволенъ въ спальнѣ, словомъ функціонировалъ. И вотъ наступила ночь, и его не стало.

Причиной было сердце. У него не только было сердце, но оно держало въ рукахъ его жизнь, а онъ велъ себя такъ, какъ будто жизнь ему обезпечена на вѣчныя времена.

Инспекторъ Федоръ Ивановичъ Меркуловъ не былъ злымъ или свирѣпымъ. У него только была странная, какая-то недружелюбная манера. Все казалось, что онъ хочетъ сдѣлать зло, а между тѣмъ онъ зла не дѣлалъ больше того, какое обязанъ былъ дѣлать по должности.

И вотъ происходили торжественныя похороны. Множество гимназистовъ шли парами, впереди маленькіе, потомъ все больше и больше и наконецъ позади усатые «дылды», какъ ихъ называлъ покойный инспекторъ. Затѣмъ шелъ учительскій персоналъ, потомъ родители и всякая любопытная публика изъ горожанъ. Кортежъ составился внушительный, какъ будто хоронили любимца или героя.

Но лица у всѣхъ были равнодушныя, холодныя, и даже вдова, шедшая позади самаго гроба и по традиціи поддерживаемая подъ руки родственниками, почему-то не плакала, а только смотрѣла

въ землю, опустивъ голову. Было такое впечатлѣніе, какъ будто хоронили не человѣка, а инспектора, только инспектора.

Тутъ же рядомъ съ вдовой шелъ директоръ Василій Андреевичъ Корнъ. Онъ, однако, не былъ нѣмцемъ, а если и былъ, то очень давно, такъ что уже не осталось никакихъ слѣдовъ. Высокій, плечистый, громоздкій, съ умѣреннымъ животомъ, онъ шелъ величаво, ни на секунду не роняя своего достоинства.

Несмотря на то, что была большая толпа и люди безпрестанно толкали другъ друга, вокругъ Корна образовалось и все время сохранялось пустое пространство. Никто не смѣлъ приблизиться къ нему, какъ будто его ограждали невидимые ангелы.

Лицо у него было такое, что его можно было считать и чисто русскимъ, и чистокровнымъ тевтономъ. Это дѣлала красивая свѣтлая окладистая борода,—она такъ пріятно гармонировала съ правильными чертами его лица. Въ глазахъ его было что-то мягкое, хотя въ тоже время и сдержанное.

Учителя шагали кучно на почтительномъ растояніи отъ директора. Такъ было въ жизни, въ гимназіи, такъ было и здѣсь.

Толпа шла въ молчаніи. Хоръ изъ гимназистовъ пѣлъ протяжное пѣснопѣніе, пѣлъ лѣниво, уныло, нестройно и какъ то нелѣпо.

Но молчаніе было только видимое, изъ приличія. Нельзя было на похоронахъ громко разговаривать. Однако, шедшіе рядомъ тихонько бесѣдовали. Гимназисты и преподаватели гадали объ одномъ и томъ же: кто теперь будетъ инспекторомъ? Перебирали всѣхъ преподавателей и всѣмъ казалось, что нѣтъ подходящаго.

Были умные и глупые, добрые и сердитые, но никто не совмѣщалъ всѣхъ качествъ, необходимыхъ для инспектора. Покойный совмѣщалъ всѣ эти качества и отправлялъ свою должность идеально.

Кто же? развѣ пришлютъ кого-нибудь со стороны, изъ другого города. Это было общее мнѣніе. Такъ точно думали и родители и другіе граждане, интересовавшіеся дѣлами гимназіи.

Директоръ думалъ о томъ же. Онъ долженъ былъ рекомендовать кого-нибудь изъ учительскаго персонала и онъ теперь перебиралъ въ своемъ умѣ всѣхъ, на нѣкоторое время останавливаясь на каждомъ. Изъ заслуженныхъ онъ могъ назвать только трехъ: учителя латинскаго языка Таранова, учителя географіи Многоцвѣтова и историка Роскошнаго. Но Многоцвѣтовъ слишкомъ слабъ, болѣзненъ, онъ часто пропускаетъ уроки и подозрительно кашляетъ. Историкъ Роскошный у начальства считается почему-то краснымъ, хотя директоръ Корнъ рѣшительно не понимаетъ, откуда явилось такое мнѣніе о Роскошномъ. А о Тарановѣ и думать нечего. Да, именно, о Тарановѣ даже и помышлять не стоитъ.

Директоръ такъ думалъ и не приводилъ себѣ никакихъ дока-

зательствъ того, что о Тарановѣ и думать нечего, и ему это было ясно. Точно такъ же думали и другіе.

Одинъ изъ гимназистовъ старшаго класса шепнулъ другому на ухо:—а что, если вдругъ Таранова назначатъ?—такъ сосѣдъ посмотрѣлъ на него, какъ на больного.

— Развѣ ты думашь, что тамъ сидятъ сумасшедшіе?

Ну, а остальные были слишкомъ молоды, служили по два, по три года и имѣли самые незначительные чины.

Такъ никто и не могъ догадаться, кто будетъ назначенъ инспекторомъ. Больше всего склонялись на сторону историка Роскошнаго. Онъ преподавалъ уже 18 лѣтъ и былъ статскій совѣтникъ. Голова у него была сѣдая, хотя усы были черные.

Человѣкъ онъ былъ энергичный, живой, подвижной и дѣловитый. Онъ много давалъ уроковъ—въ мужской и женской гимназіи и еще въ частныхъ училищахъ и въ домахъ. Учительскимъ трудомъ онъ нажилъ себѣ изрядный домъ трехэтажный, который давалъ доходъ. У него дѣйствительно были всѣ шансы, но мѣшала репутація.

Никто даже хорошенько не могъ объяснить, но это было несомнѣнно и онъ самъ зналъ это и, хотя тоже не понималъ, за что, но слегка гордился этимъ.

Преподавалъ онъ исторію по программѣ, ни мало не отступая отъ нея. Правда, онъ любилъ разсказывать историческіе анекдоты и очень былъ доволенъ, когда ученики смѣялись. Это заставляло его иногда пускать въ ходъ красныя словца, для чего онъ впадалъ въ легкомысліе. На его урокахъ бывало весело. Должно быть, это и сдѣлало ему репутацію, которая теперь, по общему мнѣнію, должна была помѣшать ему сдѣлаться инспекторомъ.

Кладбище было за городомъ, шли медленно и мучительно долго. Гимназисты, простоявшіе уже обѣдню, проголодались и утомились. Лица у всѣхъ были мрачныя, вытянутыя. Но это кончилось. Дошли.

Было уже четыре часа, когда гробъ опустили въ могилу. Рѣчей никакихъ не было. Вышло холодно, сухо и формально. Отсюда гимназисты разошлись по домамъ.

Нѣкоторое время гимназія обходилась безъ инспектора и, къ общему удивленію, никакихъ потрясеній отъ этого не произошло. Все совершалось обычнымъ чередомъ. Но въ то же время всѣ были проникнуты ожиданіемъ и неизвѣстностью. Кто будетъ назначенъ? И вотъ наконецъ это совершилось.

II.

Недѣли черезъ три послѣ похоронъ прежняго инспектора директоръ Корнъ, пересматривая обычную ежедневную корреспон-

денцію, среди казенныхъ пакетовъ нашелъ одинъ изъ такого мѣста, которое требовало въ высшей спепени почтительнаго отношенія къ себѣ. И онъ оказалъ ему полное почтеніе, осторожно подрѣзавъ край пакета костянымъ ножичкомъ, и бережно, точно боясь уронить изъ него хоть одну букву, вынулъ бумагу и развернулъ.

То, что онъ прочиталъ, очевидно превышало силы его пониманія, потому что онъ, дочитавъ до конца, вернулся къ началу и опять внимательно, медленно, съ разстановкой прочиталъ.

Потомъ онъ положилъ бумагу на столъ, поднялъ голову и оглядѣлся на обѣ стороны, какъ будто желалъ убѣдиться, что здѣсь нѣтъ свидѣтелей его недоумѣнія.

Онъ откинулся на спинку кресла и нѣсколько разъ пожалъ плечами. Бралъ въ руки бумагу, и снова прочитывалъ ее и, находя тамъ все одно и тоже, опять изумлялся и недоумѣвалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и довольно долго и неспокойно ходилъ по кабинету, но и въ это время не разъ подходилъ къ столу, бралъ въ руки бумагу и заглядывалъ въ нее. Казалось, онъ рѣшилъ выучить ее наизусть.

Въ передней комнатѣ, которая была чѣмъ-то вродѣ канцеляріи, смирно сидѣлъ письмоводитель Грузинскій, не производя своимъ присутствіемъ ни малѣйшаго шума. Въ обычное время онъ обладалъ характеромъ живымъ, любилъ поговорить и говорилъ со всѣми, кто только позволялъ ему это. Но когда въ кабинетѣ сидѣлъ директоръ, онъ, какъ самъ говорилъ, «предавался абсолютному воздержанію», старался совсѣмъ не двигаться и упорно молчалъ.

Но вотъ тамъ началось движеніе, шаги, говоръ. Директоръ сейчасъ же сообразилъ, что это перемѣна, учителя кончили свои уроки и собирались въ учительской, для чего всѣ они должны были пройти черезъ канцелярію.

Прошло минутъ пять и шумъ затихъ, всѣ уже, значитъ, прошли, сидятъ въ учительской и усиленно курятъ.

Директоръ позвонилъ, влетѣлъ курьеръ Ананія и остановился на порогѣ, вытянувъ руки по швамъ.

— Что, Иванъ Арнольдовичъ здѣсь?—спросилъ директоръ.

— Они тутъ, въ учительской. Сейчасъ пройшли,—отвѣтилъ Ананія, принадлежавшій къ хохлацкому племени.

— Попроси Ивана Арнольдовича ко мнѣ.

Вошелъ Роскошный, статная живописная фигура, съ длинными, чуть чуть посѣдѣвшими волосами, съ красивыми крупными чертами лица и смѣлыми живыми глазами. Чуть-чуть началъ онъ расползаться вширь, стало обозначаться брюшко, это портило его.

— Я просилъ васъ, Иванъ Арнольдовичъ,—мягко и деликатно сказалъ директоръ.—Вотъ тутъ извѣстіе есть. Вотъ.

Онъ пододвинулъ бумагу къ Роскошному, тотъ взялъ и сталъ читать. Глаза его вдругъ неимовѣрно расширились. Но онъ тотчасъ же спохватился и убралъ съ своего лица какое бы то ни было опредѣленное выраженіе.

— Что вы на это скажете?—спросилъ директоръ.

— Да вѣдь что бы я ни сказалъ, все равно это такъ останется.—Видимо избѣгая прямого отвѣта, сказалъ Роскошный.

— Конечно, такъ. Мы обязаны принять распоряженіе высшаго начальства, но мы можемъ между собою по крайней мѣрѣ относиться къ нему критически.

— Но это почти безполезно,—замѣтилъ Роскошный.—А позвольте спросить, Василій Андреевичъ, почему именно мнѣ вы пожелали сообщить объ этомъ назначеніи?

Директоръ чуть чуть смутился.—Да я и самъ не знаю, почему.—Откровенно отвѣтилъ онъ:—такъ... очень ужъ это странно и я растерялся.

— Если вы думаете, что я мѣтилъ на это мѣсто, то, смѣю васъ увѣрить, вы ошибаетесь. Ну, что-жъ... Позвольте поздравить васъ, Василій Андреевичъ, съ новымъ помощникомъ.

— Это будетъ очень, очень трудно,—сказалъ Корнъ.

— Да, это будетъ ужасно... Простите, Василій Андреевичъ, у меня сейчасъ урокъ и я еще успѣю выкурить папиросу.

Роскошный пошелъ въ учительскую. Здѣсь было многолюдно. Онъ обвелъ всѣхъ взглядомъ, на секунду останавливая свой взглядъ на каждомъ изъ присутствовавшихъ и убѣдился, что здѣсь нѣтъ того, о комъ онъ сейчасъ думалъ.

— Могу васъ поздравить, господа, съ новымъ инспекторомъ.—сказалъ онъ, закуривая папиросу.

Всѣ прекратили разговоръ. Посыпались вопросы.

— Поздравляю васъ съ инспекторомъ—Осипомъ Матвѣевичемъ Тарановымъ!

— Тарановъ?

Всѣ были огорошены, всѣ смотрѣли на Роскошнаго недовѣрчиво, какъ бы ожидая, что онъ сейчасъ разсмѣется и скажетъ: «нѣтъ, господа, я пошутилъ».

Но Роскошный не смѣялся, а очень сосредоточенно курилъ папиросу. Раздался звонокъ, призывавшій къ урокамъ. Учителя заторопились. Роскошнаго еще тормошили вопросами, но онъ никакихъ подробностей не зналъ.

Во время перемѣны, какими-то непонятными путями, во всѣхъ классахъ уже стало извѣстно, что инспекторомъ назначенъ Осипъ Матвѣевичъ. На гимназистовъ отъ этой новости напала какая-то паника. Всѣмъ мерещилось въ этомъ назначеніи что-то зловѣщее. И надо сказать правду, оно было необычайно.

III.

Среди учениковъ седьмого класса отличался наружностью одинъ, казавшійся болѣе взрослымъ, чѣмъ другіе. Онъ былъ высокій, плечистый, мужественный, сильный, у него росли усы, густые, темные. Учился онъ не особенно бойко, но рѣдко имѣлъ двойку и безпрепятственно переходилъ изъ класса въ классъ.

Однако, по лѣтамъ онъ былъ не старше товарищей, ему, какъ и другимъ, было восемнадцать лѣтъ. Усы начали рано расти у него и это было его несчастіемъ. Благодаря имъ, отъ него требовали какого-то особеннаго благородства, солидности, разсудительности, и то, что другимъ прощалось, ему ставили на видъ, говоря:

— Какъ вамъ не стыдно? У васъ усы... Вы должны подавать примѣръ другимъ.

Во время слѣдующей перемѣны онъ былъ центральнымъ лицомъ группы, которую составлялъ почти весь классъ.

— Теперь тебѣ будетъ хорошо, Тарановъ... Тебя не будутъ такъ преслѣдовать,—сказалъ одинъ изъ товарищей.

У Таранова—такъ была его фамилія—въ глазахъ сверкнулъ огонь.—Ты думаешь?—какъ-то сжавъ челюсти, отвѣтилъ онъ:—Ну, такъ ты его не знаешь. Вотъ увидите, господа, онъ мнѣ жить не дастъ... Онъ меня заѣстъ.

И у него было такое мрачное и злобное лицо, что товарищамъ сдѣлалось непріятно говорить съ нимъ.

Ученикъ седьмого класса Матвѣй Тарановъ представлялъ для своихъ товарищей загадку. Удивительно неровный былъ у него характеръ. Иногда онъ приходилъ изъ дома въ гимназію веселый, добрый, милый и тогда со всѣми былъ ласковъ, шутилъ, смѣялся, старался оказать услугу. Но это бывало рѣдко

Гораздо чаще онъ являлся въ гимназію злой и тогда въ глазахъ его горѣлъ нехорошій непріятный огонь. Въ такіе дни, если къ нему подходили и заговаривали, онъ рычалъ и отвѣчалъ ругательствами. При малѣйшемъ несогласіи онъ лѣзъ въ драку и это было для всякаго опасно, потому что у него были очень сильныя руки. И если врагъ попадался въ эти руки, онъ безжалостно комкалъ его и причинялъ боль.

И никто не понималъ, почему у него такой неровный характеръ. Всѣ говорили, что онъ странный. И классъ относился къ нему тоже странно: иногда любили его, иногда боялись и даже ненавидѣли.

Товарищи не умѣли вникать въ глубину вещей, а потому не понимали, какъ можетъ Тарановъ не радоваться своему новому исключительному положенію. Сынъ инспектора!

Каковъ бы ни былъ учитель латинскаго языка, какъ бы ни былъ онъ придирчивъ, суровъ, но все же на положеніи его сына отразится благопріятно его инспекторство. Къ нему всѣ будутъ относиться снисходительно, и учителя, и воспитатели, и даже самъ директоръ.

И классъ былъ того мнѣнія, что Матвѣй Тарановъ просто проявляетъ свой дурной характеръ.

Но самъ Матвѣй прекрасно зналъ, что инспекторство его отца послано, какъ онъ думалъ, «на его голову».

Учитель Тарановъ въ гимназіи былъ извѣстенъ, какъ строгій, требовавшій доподлиннаго знанія латинской грамматики, неукоснительно ставившій двойки и единицы. Въ совѣтѣ преподавателей его знали, какъ человѣка недоступнаго какимъ бы то ни было соображеніямъ гуманности, жалости, неуклонно исполнявшаго каждое слово, каждую букву программы и правилъ.

Но никто не зналъ его домашней жизни и семейныхъ отношеній. Его всегда видѣли на своемъ посту. Приходилъ онъ въ гимназію ровно за пять минутъ до того часа, когда начинался его урокъ.

Онъ являлся въ учительскую и, молча подавъ руку всѣмъ присутствовавшимъ, садился за столъ и прочитывалъ телеграммы въ мѣстной газетѣ. Ихъ хватало ему ровно на пять минутъ, когда раздавался звонокъ, приглашавшій на урокъ.

Еще не успѣлъ замолкнуть звонокъ, онъ уже поднимался и уходилъ.

Съ учителями у него не было никакого общенія, онъ не различалъ ни старыхъ, ни молодыхъ, ни горячихъ, ни спокойныхъ, ни консервативныхъ, ни либеральныхъ. У него не объ чемъ было съ ними говорить. Ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не водилъ знакомства, ни у кого изъ нихъ не бывалъ и никого изъ нихъ не принималъ у себя.

Послѣ звонка учителя еще оставались въ учительской, докуривая свои папиросы. Тарановъ не курилъ вовсе.

Въ гимназіи онъ былъ учителемъ латинскаго языка уже семнадцать лѣтъ. За это время онъ ни разу не былъ боленъ и не пропустилъ ни одного урока. На уроки же онъ являлся точь въ точь въ часъ, какъ было назначено. Такимъ образомъ, за семнадцать лѣтъ онъ не пропустилъ ни одной минуты.

Внѣшность у него была всегда такая, какъ будто онъ собрался идти къ причастію. Хорошо вычищенный вицъ-мундиръ, аккуратно возобновляемый каждые два года, щеки начисто выбритыя, усы, густые и имѣвшіе наклонность торчать, подстрижены, довольно густые сѣдые волосы на головѣ смазаны помадой и тщательно прилизаны.

Движенія его были умѣренны, безъ торопливости, безъ лишней суетливости. Говорилъ онъ только тогда, когда это было нужно, коротко, безъ лишнихъ словъ, и именно то, что прямо относилось къ дѣлу.

Словомъ, это былъ безупречный преподаватель во всѣхъ отношеніяхъ. За нимъ не числилось ни одного грѣха, ни одной ошибки. Онъ ни разу во всю свою преподавательскую дѣятельность не получилъ замѣчанія отъ директора или другого начальства.

Осипъ Матвѣевичъ Тарановъ никогда не сердился. Никто не видѣлъ на его большомъ лбу хмурой складки, никто не слышалъ отъ него возвышеннаго голоса, никто не помнилъ такого случая, чтобы онъ вышелъ изъ себя. Всегда ровный, всегда одинаковый, онъ дѣлалъ свое дѣло спокойно и величественно. Отмѣтки въ класномъ журналѣ, поставленныя его рукой, совсѣмъ не походили на отмѣтки другихъ учителей: это были, конечно, тѣ-же пять цифръ арабскаго изображенія, иногда подкрѣпленныя плюсомъ или минусомъ, но въ то время, какъ у другихъ эти цифры своими очертаніями выражали различныя душевныя настроенія того, кто ихъ писалъ, цифры, написанныя рукою Осипа Матвѣевича ничего не выражали.

Учитель исторіи Роскошный часто выходилъ изъ себя и ставилъ плохую отмѣтку какъ-то съ налета, вслѣдствіе чего въ такихъ случахъ цифры у него выходили разгонистыя, длинныя, и лежали совсѣмъ бокомъ, въ болѣе же спокойномъ состояніи онъ ставилъ цифры короткія, круглыя, аккуратныя.

Математикъ Фуксъ, не смотря на то, что былъ нѣмецъ, что какъ бы обязывало его къ выдержкѣ и спокойствію, нерѣдко, когда ученикъ путалъ, приходилъ въ бѣшенство и не писалъ, а влѣплялъ единицу и при этомъ обязательно дѣлалъ въ журналѣ чернильный кляксъ. Другіе преподаватели то же такъ или иначе изображали свое настроеніе въ отмѣткахъ.

У Таранова цифры всегда были одинаковыя и писалъ онъ ихъ медленно, старательно, съ сознаніемъ всей ихъ важности и значительности. Онъ начиналъ ихъ тонкимъ штрихомъ, на срединѣ сильно надавливалъ, а внизу опять переходилъ въ тонкій, а написавъ цифру, послѣ нея обязательно ставилъ точку. И эта точка была не случайная, она означала у него, что отмѣтка, написанная его рукой въ журналѣ, дѣло конченное, безповоротное, ее уже нельзя измѣнить, не смотря ни на какія обстоятельства.

Такъ это и было. Онъ ни разу въ жизни не перемѣнилъ поставленной отмѣтки.

И вотъ, не смотря на то, что Тарановъ никогда не сердился и не выходилъ изъ себя, его имя въ устахъ воспитанниковъ звучало зловѣще. Его уроки для гимназистовъ были настоящимъ под-

вигомъ. Послѣ нихъ они чувствовали себя утомленными, обезсиленными.

Посторонній наблюдатель совсѣмъ не смогъ бы объяснить этого, если бы ему пришлось провести часъ на урокѣ Таранова.

Все шло чинно и гладко. Тарановъ никогда не дѣлалъ замѣчаній ученикамъ по поводу шума или разговора. Онъ никому ничѣмъ не грозилъ. Онъ только отъ времени до времени бралъ въ руки перо и повидимому безъ всякаго повода дѣлалъ какія-то отмѣтки въ журналѣ. Это значило, что онъ кого-то въ чемъ-то замѣтилъ и занесъ это въ журналъ.

И никто не могъ бы сказать, что поводовъ не было,—поводы всегда были и виноватый сейчасъ же это сознавалъ.

Однако ему рѣдко приходилось отмѣчать въ журналѣ несовершенство учениковъ,—на его урокахъ ученики сидѣли вытянувшись, устремивъ глаза на кафедру. Они напряженно слѣдили за каждымъ своимъ движеніемъ. Никто не смѣлъ облокотиться на парту, подпереться рукой, повернуть голову къ сосѣду, шепнуть что-нибудь на ухо. Каждый зналъ, что подобное отступленіе отъ правилъ тотчасъ же запечатлѣется въ журналѣ и будетъ имѣть свои послѣдствія, потому что Тарановъ потомъ на совѣтѣ защититъ всѣ свои отмѣтки и не уступитъ изъ нихъ ни одной черты.

И это напряженное состояніе въ продолженіи часа выжимало изъ учениковъ всю нервную силу. Послѣ урока латинскаго языка они уже никуда не годились. Они становились вялыми, память у нихъ ослабѣвала, урокъ, выученный вчера, куда-то улеталъ изъ головы и учитель, явившійся на смѣну послѣ Таранова, только разводилъ руками, изумляясь тупости цѣлаго класса.

— Что это, господа, васъ всѣхъ точно полѣномъ по головѣ пришибло?—говорилъ иной изъ нихъ.

— У насъ былъ урокъ Осипа Матвѣевича,—объясняли ученики.

— А, это другое дѣло.

И учитель, если онъ былъ хорошо настроенъ, принималъ это во вниманіе и дѣлался снисходительнѣе.

И теперь, когда во всѣхъ классахъ стало извѣстно, что инспекторомъ назначенъ Тарановъ, всѣ гимназисты, какъ одинъ человѣкъ, ужаснулись передъ предстоящей судьбой. Учительскіе пріемы Таранова, перенесенные въ инспекторство, представлялись чѣмъ-то гораздо худшимъ всѣхъ пытокъ, о какихъ только слышали ученики отъ учителя исторіи.

А когда они послѣ уроковъ пришли домой и сообщили эту новость тамъ, ужасъ охватилъ ихъ родителей.

Всѣ почувствовали, какъ будто, по приказанію высшаго начальства, ихъ дѣтей отдали на медленное съѣденіе тиграм.

———

IV.

Директоръ Корнъ никакъ не могъ успокоиться. Назначеніе Таранова инспекторомъ давно уже было совершившимся фактомъ. Осипъ Матвѣевичъ вступилъ въ должность, изъ своей частной квартиры переселился на казенную, въ гимназію, и былъ его сосѣдомъ по лѣстницѣ.

Оба они жили во второмъ этажѣ, двери ихъ квартиръ находились одна противъ другой, мѣдныя дощечки съ обозначеніемъ ихъ именъ и должностей день и ночь не сводили глазъ другъ съ друга.

А Корнъ все безпокоился, и безпокойство его было внутреннее, а главное—одинокое.

Онъ никому не могъ сказать о немъ. Не смотря на его въ сущности добрый характеръ, между нимъ и учителями стояло холодное пространство и всему виной было его званіе и положеніе. Онъ не могъ и не имѣлъ права становиться съ ними на одну доску, онъ долженъ былъ держать себя выше.

Онъ никому изъ нихъ не сдѣлалъ зла, но онъ могъ его сдѣлать, въ его распоряженіи для этого было достаточно власти.

Но главное, самый предметъ былъ такого тонкаго свойства, что съ нимъ надо было обращаться осторожно.

Съ одной стороны—Тарановъ былъ назначенъ высшимъ начальствомъ, съ другой же, и это самое важное, Тарановъ обладалъ всѣми качествами для того, чтобы въ гимназіи былъ порядокъ. А вѣдь это все, что требуется. И Корнъ теперь могъ быть спокоенъ: порядокъ будетъ.

Покойный инспекторъ былъ довольно строгъ. Но у него были нервы. Инспекторскія обязанности очень раздражаютъ нервы, и онъ часто сбивался съ пути твердости и необходимаго, по крайней мѣрѣ внѣшняго, спокойствія.

Случалось, что онъ выходилъ изъ себя, кричалъ, преувеличивалъ вину ученика, ему, Корну, приходилось разбирать недоразумѣнія. Вмѣшивались родители и нерѣдко бывали правы.

При Тарановѣ ничего подобнаго не могло быть. Можно сказать съ увѣренностью, что у Таранова никто не будетъ правъ, кромѣ его самого.

И все-же директоръ Корнъ безпокоился. Его, по существу добрая, душа предчувствовала много такого, чего онъ теперь и назвать еще не могъ. Ему чудился стонъ, который издавала вся гимназія, и онъ заранѣе видѣлъ свое безсиліе. Тарановъ никогда ничего не уступитъ. И такъ какъ онъ всегда правъ, то Корнъ видѣлъ свою директорскую персону въ самомъ жалкомъ положеніи.

До сихъ поръ онъ все-таки былъ высшей инстанціей, которая въ жестокихъ случаяхъ вносила нѣкоторое смягченіе, теперь это кончилось. И ему придется или примириться съ этимъ, или вступить въ борьбу.

Но вступить въ борьбу съ Тарановымъ, этой неуязвимой гранитной скалой, ему не по силамъ. Онъ разобьетъ себѣ лобъ, а гранитная скала останется недвижимой.

Вотъ почему безпокоился директоръ Корнъ.

Между тѣмъ Тарановъ дѣйствительно переѣхалъ на казенную квартиру. Это сдѣлалось не сразу, такъ какъ нѣкоторое время ее занимала семья прежняго инспектора.

Но наконецъ ее выселили. Квартиру вымыли, вычистили, сорвали со стѣнъ обои и наклеили новые и стали перевозить вещи новаго инспектора.

Обитатели гимназическаго дома были изумлены характеромъ этихъ вещей. Никто изъ нихъ никогда не бывалъ въ квартирѣ Таранова; если даже къ нему какъ-нибудь письмоводитель приходилъ по дѣламъ, то онъ принималъ его въ сѣняхъ. Онъ не любилъ, чтобы посторонняя нога переступала порогъ его семейнаго святилища.

И теперь всѣ увидѣли эту обстановку. Два ломовыхъ возка вмѣстили ее вполнѣ свободно. Это было что то старинное, до послѣдней степени подержанное, давнымъ давно вышедшее изъ моды, выцвѣтшее, полинявшее.

Можно было сказать съ увѣренностью, что эта обстановка была пріобрѣтена Тарановымъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда онъ вступалъ въ бракъ и обзаводился своимъ домомъ, да и то вѣроятно по случаю, и съ тѣхъ поръ не обновлялась.

Это былъ первый уголокъ интимной жизни Таранова, открывшійся постороннему глазу.

Кромѣ того, всѣ близко разглядѣли его жену и дочь. Были у него еще старшіе сынъ и дочь, сына звали въ честь самого Таранова Осипомъ, а дочь Варей, но они не жили дома. Сынъ состоялъ на службѣ въ телеграфной конторѣ, а дочь была замужемъ въ другомъ городѣ.

Жена Таранова была женщина лѣтъ сорока двухъ, но на видъ казалась безконечно старше. Высокая, тонкая, съ впалой грудью, она была худа и блѣдна, лицо ея было покрыто морщинками, а волосы на половину посѣдѣли.

На этомъ старообразномъ лицѣ были однако удивительно красивые молодые глаза, но и они были испорчены застывшимъ въ нихъ выраженіемъ какого то скорбнаго страха.

Дочери Таранова было лѣтъ семнадцать. Высокая и тонкая, какъ мать, она и лицомъ походила на нее, но лицо это было мо-

лодо и красиво, а въ глазахъ постоянно свѣтилось выраженіе неувѣренности и робости.

Переѣзжали молча и когда устанавливали мебель, въ квартирѣ было тихо. Не было того оживленія и шума, какимъ обыкновенно сопровождаются такія событія. Все дѣлалось по предначертаніямъ самого Осипа Матвѣевича. Дамы говорили между собой вполголоса, и все это имѣло такой видъ, будто еще живые люди переселялись въ склепъ.

V.

Матвѣй не принималъ участія въ заботахъ переѣздки. Когда на старой квартирѣ появились гимназическіе сторожа и приступили къ уборкѣ вещей, онъ зашелъ въ свою комнату, захватилъ лежавшій на столѣ большой карманный ножъ съ множествомъ придатковъ,—пилой, ножницами, вилкой, брусскомъ,—отыскалъ на днѣ сундука начатую четверку табаку и, боязливо озираясь, спряталъ ее въ карманъ. Это было единственное имущество, которое онъ считалъ своимъ, остальное,—платье бѣлье, книги, тетради, его не интересовало и онъ предоставлялъ другимъ возиться съ этимъ.

Затѣмъ онъ отправился пѣшкомъ въ гимназію, забрался въ пустую квартиру, сѣлъ на подоконникѣ и такъ сидѣлъ, пока не кончилась переборка.

Матвѣй обладалъ удивительной способностью молчать по нѣсколько часовъ кряду. Онъ могъ молчать, глядя въ упоръ въ лицо человѣка, который задавалъ ему вопросы. Случалось такъ, что товарищъ или сестра полчаса добивались отъ него отвѣта на какой-нибудь простой житейскій вопросъ. Онъ смотрѣлъ совершенно спокойно и упорно молчалъ.

И только потомъ, когда уже на него махнули рукой, потерявъ всякую надежду, и собирались уйти, онъ останавливалъ.

— Погоди. Ты спрашиваешь, гдѣ ключъ отъ моего письменнаго стола? Онъ у меня въ карманѣ, вотъ возьми.

Онъ научился дѣлать это только въ послѣдніе годы и научилъ его этому самъ Осипъ Матвѣевичъ.

Прежде, въ дѣтскіе годы, Матвѣй былъ въ высшей степени живой, отзывчивый, любознательный мальчикъ. Еще не раскусивъ своего отца, онъ то и дѣло приставалъ къ нему съ вопросами. Его тогда интересовалъ весь міръ и пылкая голова его была полна недоумѣній.

— Папа, отчего луна бываетъ круглая, а потомъ вдругъ уменьшается, уменьшается? Отчего она только съ одной стороны уменьшается, словно таетъ?—спрашивалъ онъ.

— Это ты узнашь, когда поступишь въ первый классъ гимназіи. Это относится къ физической географіи. Не слѣдуетъ преждевременно обременять свой мозгъ излишними познаніями,—спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей разумности отвѣчалъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Папа, зачѣмъ Петръ Великій велѣлъ сбрить бороды боярамъ? Развѣ бороды мѣшали? Всѣ святые были съ бородами...

— Объ этомъ узнаешь въ третьемъ классѣ на урокахъ русской исторіи,—отвѣчалъ Осипъ Матвѣевичъ.

Пока Матвѣй былъ «въ періодѣ фактовъ», онъ не придавалъ значенія такимъ отвѣтамъ отца. Ему было немного странно и смѣшно, что отвѣты на всѣ его вопросы какъ-то заранѣе распредѣлены по классамъ, какъ будто его вопросы кто-то уже раньше зналъ.

Но когда ему стало шестнадцать лѣтъ, его умъ занялся вопросами другого порядка. Онъ началъ спрашивать отца о томъ, почему такая несправедливость, что кухаркинъ сынъ Васька бѣгаетъ цѣлые дни по двору босой безъ шапки, не умѣетъ даже читать по складамъ, а вотъ онъ, Матвѣй, ходитъ въ гимназію и учится латинскому и греческому языкамъ? Зачѣмъ директоръ Корнъ прогналъ съ мѣста письмоводителя, когда онъ такъ бѣденъ и у него жена съ маленькими дѣтьми?

И тутъ уже происходило что-то совсѣмъ необыкновенное. Осипъ Матвѣевичъ—это большею частью бывало во время обѣда—услышавъ такіе вопросы, обыкновенно поворачивалъ голову въ сторону жены и говорилъ:—Анна, передай мнѣ соль, пожалуйста.

Затѣмъ, получивъ соль, солилъ кушанье, хотя бы оно въ этомъ и не нуждалось, и продолжалъ ѣсть, пережевывая пищу медленно и основательно.

Матвѣй, воображая, что отецъ не дослышалъ, повторялъ свой вопросъ.

Тогда Осипъ Матвѣевичъ замѣчалъ подъ столомъ кошку и съ укоромъ обращался къ Аннѣ Григорьевнѣ, своей женѣ.

— Непріятно, когда во время обѣда подъ ногами возится кошка.

Кошку ловили и убирали, а Матвѣй оставался безъ отвѣта.

Иногда Анна Григорьевна вмѣшивалась, хотя и несмѣло— какимъ-то надорваннымъ дрожащимъ голосомъ:

— Тебя, Осипъ Матвѣевичъ, Матюша спрашиваетъ.

Осипъ Матвѣевичъ на секунду останавливалъ на ней свой ледяной взглядъ, подъ вліяніемъ котораго она нѣмѣла и затѣмъ молча продолжалъ ѣсть. Матвѣй опять оставался безъ отвѣта.

Осипъ Матвѣевичъ въ этихъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, дѣйствовалъ на основаніи твердыхъ принциповъ. Все содержимое его головы, всѣ мысли, какія рождались въ ней, всѣ впе-

чатлѣнія, какія поступали въ нее изъ внѣшняго міра, все это тотчасъ же само собою распредѣлялось по отдѣламъ программы, вродѣ той, по которой преподавались науки въ гимназіи.

Все у него было распредѣлено по возрастамъ: вотъ это понятіе надлежитъ воспринимать не ранѣе восемнадцатилѣтняго возраста, слѣдовательно, пятнадцатилѣтнему юношѣ этимъ обременять свой умъ не слѣдуетъ, и онъ молчалъ, не желая дѣлать того, что не слѣдуетъ. А вотъ то можетъ знать только зрѣлый человѣкъ лѣтъ тридцати. Это же совсѣмъ не подлежитъ объясненію, какъ могущее вредно отразиться на направленіи мыслей; есть вещи, которыя человѣку совсѣмъ не надлежитъ знать.

Все это было предрѣшено, во всемъ этомъ Осипъ Матвѣевичъ былъ убѣжденъ, а потому, когда Матвѣй задавалъ вопросы, выходившіе изъ его возраста, Осипъ Матвѣевичъ молчалъ, не желая тратить усилій на объясненіе несвоевременныхъ понятій.

И вотъ Матвѣй съ возрастомъ сталъ обращать вниманіе на это молчаніе отца. Сперва онъ въ такихъ случаяхъ краснѣлъ и терялся и не зналъ, что дѣлать. А потомъ оскорбился и озлобился.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ неудачныхъ вопросовъ, онъ однажды спросилъ отца, сверкая глазами:

— Почему вы мнѣ не отвѣчаете?

Осипъ Матвѣевичъ отвѣтилъ:—Потому, что ты задаешь вопросы, не подлежащіе отвѣту; подобные вопросы не должны возникать въ головѣ шестнадцатилѣтняго мальчика.

— А если возникаютъ?—задорно спросилъ Матвѣй.

— Разумный долженъ побороть ихъ въ себѣ усиліемъ воли.

Когда Матвѣй впервый разъ услышалъ это изреченіе, оно ему понравилось. Особенно его плѣнило слово «разумный». Это понятіе казалось ему почему-то почетнымъ и большимъ и онъ принялся было поборать рождавшіяся въ его головѣ мысли усиліемъ воли.

Но изъ этого ничего не выходило. Онѣ лѣзли одна передъ другой. И онъ еще нѣсколько разъ задавалъ отцу вопросы, которые не должны были возникать въ его головѣ, а Осипъ Матвѣевичъ отвѣчалъ на нихъ гробовымъ молчаніемъ.

Тогда Матвѣй окончательно разозлился, его охватила настоящая злоба и онъ далъ себѣ обѣтъ молчать.

Должно быть, въ это время и во всемъ его характерѣ произошла перемѣна, потому что вдругъ онъ лишился всей своей живости и веселости и сдѣлался угрюмъ, упоренъ и злобенъ. Онъ проявилъ удивительную твердость. Онъ былъ тогда въ пятомъ классѣ.

Явившись въ гимназію, онъ мрачно посмотрѣлъ на своихъ товарищей и на ихъ обычные вопросы не отвѣтилъ ни слова.

Кто бы ни подошелъ къ нему, съ чѣмъ бы ни обратился, онъ смотрѣлъ на него и молчалъ. Нѣкоторые обижались, злились, бранились, но его это не трогало.

Начались уроки. Пришелъ учитель математики Фуксъ и вызвалъ его къ доскѣ и задалъ ему задачу. Матвѣй взялъ въ руки мѣлъ и, записавъ задачу, началъ рѣшать ее. Онъ писалъ цифры молча и все шло исправно. Но вотъ онъ сдѣлалъ ошибку, учитель остановилъ его.

— Погодите, Тарановъ. Почему это у васъ *а* квадратъ плюсъ *2 аб*... Вы можете объяснить?

Матвѣй не отвѣтилъ ни слова. Очевидно понявъ свою ошибку, онъ стеръ ее губкой и началъ писать дальше правильно.

— Хорошо,—сказалъ учитель.—Теперь объясните мнѣ формулу.

Матвѣй молчалъ.

— Почему же вы молчите? Вы только что писали ее и правильно примѣнили къ задачѣ. Значитъ, вы знаете.

Матвѣй опять взялъ мѣлъ и правильно написалъ формулу.

— А сказать не можете?

Молчаніе.

— Послушайте, Тарановъ,—сказалъ учитель—вы больны... У васъ, можетъ быть, горло болитъ или языкъ или зубы?

Матвѣй не произнесъ ни слова.

— Ступайте, садитесь,—съ раздраженіемъ сказалъ учитель и прибавилъ:—Богъ знаетъ что такое.

Слѣдующій урокъ былъ французскій языкъ. Таранова не вызвали, но зато на третьемъ урокѣ исторіи Роскошный диву дался. Онъ вызвалъ Матвѣя Таранова, который всегда хорошо учился по исторіи. Тарановъ поднялся и молчалъ.

— Ну-съ,—сказалъ Роскошный,—и такъ... вы вѣроятно когда-нибудь начнете?

Отвѣтомъ было молчаніе.

— Вы, можетъ быть, не знаете урока?

Матвѣй не пошевельнулся и не произнесъ ни слова.

— Что же это съ вами, господинъ Тарановъ?

Матвѣй и на это не откликнулся.

— Господа,—обратился Роскошный ко всему классу,—вы не знаете, что такое съ Тарановымъ?

— Онъ сегодня все время молчитъ. Намъ не отвѣчаетъ и по математикѣ молчалъ.

— Странно. И лицо у васъ, Тарановъ, не такое, какъ всегда. Садитесь.

Роскошный послѣ урока отправился въ учительскую и тамъ заявилъ прямо Осипу Матвѣевичу.

— Какъ странно! Вашъ сынъ потерялъ способность говорить. Товарищамъ не отвѣчаетъ на вопросы, мнѣ урока не отвѣтилъ, хотя онъ всегда хорошо знаетъ и вообще разговорчивъ. По математикѣ, говорятъ, молчалъ.

— Да, да,—подтвердилъ учитель математики,—меня это очень поразило. Что это значитъ, Осипъ Матвѣевичъ?

— Не знаю. У меня онъ будетъ говорить,—сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Онъ только по латински разговариваетъ; вотъ что значитъ сынъ учителя латинскаго языка!—съ острилъ молодой учитель словесности, Макаровъ.

Но Осипъ Матвѣевичъ не обратилъ вниманія на его остроту. Онъ никогда не спорилъ и не возражалъ.

Слѣдующій урокъ въ классѣ былъ латинскій. Осипъ Матвѣевичъ не сразу вызвалъ Матвѣя, а сперва спросилъ трехъ другихъ учениковъ, затѣмъ по обыкновенію возгласилъ:

— Тарановъ Матвѣй.

Матвѣй всталъ.

— Переводи,—сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.

Матвѣй не сдѣлалъ даже движенія взять книжку.

— Чтобы переводить, надо имѣть передъ собой книгу,—замѣтилъ Осипъ Матвѣевичъ:—Ну?

Матвѣй не обнаружилъ никакой перемѣны.

— Можетъ быть, я невнятно говорю: возьми книгу и переводи.

Матвѣй Тарановъ остался неподвиженъ. Тогда Осипъ Матвѣевичъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ нему.—Матвѣй,—внушительно произнесъ онъ и близко посмотрѣлъ ему въ лицо хорошо знакомымъ Матвѣю холоднымъ и полнымъ безпощадной угрозы взглядомъ. Но Матвѣй устоялъ и не моргнулъ глазомъ.

— Я ставлю тебѣ ноль. Ты будешь говорить дома,—сказалъ Осипъ Матвѣевичъ, возвращаясь на свое мѣсто и, можетъ быть, въ первый разъ ученики услышали въ его голосѣ нѣкоторое раздраженіе. Матвѣй сѣлъ и урокъ продолжался.

По всей гимназіи разнеслась молва о томъ, что Матвѣй Тарановъ не разговариваетъ. Школьники смотрѣли на него съ опасливымъ любопытствомъ, иные дразнили его, нарочно забрасывая его вопросами.

Узналъ директоръ и велѣлъ ему идти къ доктору. Докторъ совершенно безплодно провозился съ нимъ полчаса и нашелъ, что у него все здорово—и горло, и языкъ, и зубы.

Когда Матвѣй пришелъ изъ гимназіи домой, Осипъ Матвѣевичъ уже былъ тамъ. Столъ былъ накрытъ для обѣда.

Осипъ Матвѣевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Анна Гри-

горьевна и сестра Матвѣя Лиза находились въ гостиной, терпѣливо ожидая сигнала къ обѣду. Этимъ сигналомъ обыкновенно былъ выходъ Осипа Матвѣевича изъ кабинета и его возгласъ:

— Обѣдать!

Тогда тащили супъ, дамы выходили въ столовую и занимали свои мѣста и начинался обѣдъ.

Теперь часъ сигнала уже прошелъ. Обыкновенно обѣдали въ четыре часа. Матвѣй часто запаздывалъ, но Осипъ Матвѣевичъ былъ аккуратенъ, не признавалъ отступленій и никогда не ждалъ. На этотъ разъ онъ почему-то пропустилъ уже двадцать минутъ.

Когда Матвѣй вошелъ въ квартиру, изъ кабинета послышался ровный металическій голосъ:

— Матвѣй, ступай сюда.

Матвѣй положилъ книги, снялъ пальто и вошелъ въ кабинетъ.

— Скажи пожалуйста, почему это ты молчалъ въ гимназіи? Развѣ ты потерялъ даръ слова?

Матвѣй не двинулся съ мѣста, на лицѣ его не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, но онъ не вымолвилъ ни слова.

— Гм... Значитъ это продолжается... Гм...

Это «гм.» выходило у Осипа Матвѣевича похожимъ на легкое рычаніе и обозначало внутреннее нетерпѣніе, которое онъ не позволялъ себѣ выражать болѣе ясно.

— Гм... Тебя признали здоровымъ... Слѣдовательно нѣтъ разумной причины. А отсюда слѣдуетъ выводъ, что это злонамѣренный капризъ, демонстрація... Противъ кого? Противъ меня, демонстрація противъ отца? Я предупреждаю тебя, что подобныя вещи наказуемы... Намѣренъ ты отвѣчать мнѣ?

Матвѣй непоколебимо молчалъ.

— Гм... Значитъ, не намѣренъ... Хорошо.

Онъ сдѣлалъ движеніе къ двери и, пройдя мимо Матвѣя, вышелъ въ столовую.

— Обѣдать!—громко сказалъ онъ и сейчасъ же явилась горничная съ чашкой дымившагося супа и пришли Анна Григорьевна и Лиза. Но онѣ обѣ смотрѣли тревожно на Осипа Матвѣевича и на Матвѣя, стоявшаго въ дверяхъ кабинета. Въ возгласѣ слышалась какъ бы чрезмѣрная металличность. А у Осипа Матвѣевича всякая новая черта, всякая прибавка что-нибудь обозначала. Дамы сѣли, сѣлъ и Осипъ Матвѣевичъ.

— Садись,—сказалъ онъ Матвѣю, который, предупрежденный о наказуемости, нерѣшительно стоялъ. Онъ занялъ свое мѣсто и развернулъ салфетку.

— Но...—началъ Осипъ Матвѣевичъ и остановился. Онъ всегда дѣлалъ многоточіе послѣ но.—Но... Матвѣй не желаетъ обѣдать.

Онъ желаетъ только сидѣть за столомъ и смотрѣть, какъ мы будемъ питаться.

Дамы съ тревожнымъ недоумѣніемъ подняли головы и взглянули на Матвѣя.

— Я вѣдь говорю правду, Матвѣй?—прибавилъ Осипъ Матвѣевичъ.

Матвѣй не откликнулся. Онъ только вновь свернулъ салфетку.

— Молчаніе знакъ согласія!—сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.— Итакъ, онъ не будетъ ѣсть! И вообще онъ не будетъ ѣсть, пока не выразитъ желанія.

— Матвѣй, почему ты молчишь?—страдательнымъ голосомъ спросила Анна Григорьевна.

— Но... если онъ не отвѣчаетъ мнѣ, то какія же есть основанія думать, что онъ отвѣтитъ тебѣ,—сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.

Матвѣй дѣйствительно не отвѣтилъ и обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Послѣ обѣда Анна Григорьевна пришла къ нему и умоляла его заговорить. Она плакала. Но Матвѣй не сказалъ ни слова.

Ему очень хотѣлось заговорить съ матерью и больно было видѣть ея слезы, но онъ выдержалъ характеръ и устоялъ.

Теперь онъ каждый день питался урывками, остатками, а чаще всего уходилъ къ старшему брату и ѣлъ у него дешевую колбасу. Прошло двѣ недѣли. На Матвѣя Таранова въ гимназіи махнули рукой. Въ классѣ учителя не спрашивали его. Его конечно исключили бы, если бы онъ не былъ сыномъ Таранова. Теперь же старались просто не замѣчать этого. И нѣмые могутъ учиться.

Но вотъ однажды на урокѣ исторіи Матвѣй поднялся и громко, отчетливо сказалъ:

— Иванъ Арнольдовичъ, спросите меня за двѣ недѣли.

У всего класса вырвался возгласъ удивленія: а!

— Ну, вотъ вы, наконецъ, заговорили, Тарановъ,—сказалъ Роскошный.—Вотъ и прекрасно. Ну, объясняйтесь.

Матвѣй превосходно разсказалъ все, что было пройдено за двѣ недѣли, и получилъ пятерку.

Быстро разнеслось по гимназіи, что Матвѣй Тарановъ заговорилъ. Въ этотъ день всѣ учителя спросили его. Онъ оказался на высотѣ. Только Осипъ Матвѣевичъ игнорировалъ это обстоятельство и на своемъ урокѣ точно не замѣчалъ Матвѣя. Послѣ уроковъ, Матвѣя позвали къ директору.

— Послушайте, Тарановъ... Мнѣ сказали, что вы, наконецъ, повели себя какъ должно. Вы хорошо всѣмъ отвѣчали. Что же это было?

— Это я нарочно сдѣлалъ, Василій Андреевичъ,—отвѣтилъ Матвѣй.

— Нарочно? Но зачѣмъ? По какимъ побужденіямъ вы могли рѣшиться на такую вещь?

— Василій Андреевичъ... Я, Василій Андреевичъ... Простите...

И у Матвѣя вдругъ хлынули изъ глазъ слезы.

Директоръ успокаивалъ его.—Но, все-таки, все-таки, я хотѣлъ бы объяснить себѣ.

— Василій Андреевичъ,—дрожащимъ голосомъ говорилъ Матвѣй,—вы не знаете нашей жизни... Никто не знаетъ нашей жизни... У насъ въ домѣ какая-то могила... У насъ всѣ мертвые, всѣхъ похоронилъ заживо мой отецъ... И вотъ онъ, когда я обращаюсь къ нему съ вопросами—мало ли какіе вопросы приходятъ въ голову, къ кому же обратиться, какъ не къ отцу? Онъ молчитъ, какъ нѣмой, какъ будто и не слышитъ. Такъ вотъ это я ему на зло. Я хотѣлъ выдержать характеръ и выдержалъ... Не знаю, почему это ему легко, а мнѣ было очень, очень трудно... Я измучился за эти двѣ недѣли.

— Да... Вотъ что!..—сказалъ Корнъ.—Очень это сложно... Не такъ это просто... Тяжелый человѣкъ Осипъ Матвѣевичъ, но онъ честный человѣкъ и образцовый преподаватель. Такъ ужъ вы въ другой разъ этого не дѣлайте, Тарановъ. Иначе мы можемъ быть поставлены въ большое затрудненіе.

Матвѣй не повторялъ своего опыта, но онъ больше не задавалъ отцу никакихъ вопросовъ. Съ этого времени онъ былъ въ домѣ, какъ жилецъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ почти ни одного слова не сказалъ съ Осипомъ Матвѣевичемъ.

VI.

Устроеніе новаго казеннаго помѣщенія было окончено. Вся обстановка Тарановыхъ была расчитана на пять маленькихъ комнатъ, да и въ тѣхъ было пустовато. Не было ничего лишняго, все только самое необходимое.

Осипъ Матвѣевичъ строго держался взгляда, что излишество въ какой бы то ни было области представляетъ собою развратъ, т.-е. отклоненіе отъ правилъ нравственности.

Здѣсь было семь большихъ комнатъ съ высокими потолками, съ огромными окнами и на этомъ блестящемъ фонѣ старенькая скудная мебель бывшаго учителя латинскаго языка, нынѣ инспектора, производила жалкое безотрадное впечатлѣніе. Но Осипъ Матвѣевичъ не признавалъ этого. Съ видомъ исполняющаго высокія обязанности онъ командовалъ курьерами, вносившими и разставлявшими мебель, самъ ходилъ съ молоткомъ и вбивалъ въ стѣны гвозди для зеркалъ и фотографическихъ карточекъ. Онъ никому не довѣрялъ, и когда Анна Григорьевна хотѣла сама

разставить свои вещи въ гостиной и спальнѣ, онъ строго остановилъ ее:

— Долженъ быть одинъ планъ, ибо для двухъ плановъ потребовался бы двойной составъ мебели.

И она предоставила ему обставлять спальню по его «плану». И затѣмъ въ этой квартирѣ началась жизнь.

Это была жизнь унылая, молчаливая. На всемъ лежала тяжелая печать желѣзной воли Осипа Матвѣевича, лежала, какъ надгробная плита надъ склепомъ.

Все это проявлялось удивительно своеобразно. Требованіе подчиненія, чтобы все дѣлалось по его «плану», нравственное насиліе, угрозы, непріятныя сцены по этому поводу, все это уже прошло и въ этомъ не было надобности.

Женился Осипъ Матвѣевичъ, когда ему было тридцать лѣтъ и тогда онъ былъ уже совершенно готовъ и законченъ. Онъ выбралъ себѣ въ жены Анну Григорьевну не случайно, а присмотрѣвшись и всячески примѣрившись къ ней.

Это было въ другомъ городѣ, гдѣ онъ началъ свою учительскую карьеру. Онъ всегда былъ такого мнѣнія, что жена должна быть стройна, красива, величественна и у Анны Григорьевны были всѣ данныя для этого. Она была стройна и красива, а въ будущемъ обѣщала сдѣлаться величественной. Этого не вышло, но это уже не его вина. И великіе умы впадаютъ въ ошибки.

Въ домѣ ея родныхъ она проявляла характеръ мягкій, уступчивый, податливый и это Осипъ Матвѣевичъ принялъ во вниманіе, такъ какъ онъ, вступая въ бракъ, собирался быть «главой» безъ малѣйшаго послабленія.

Такимъ образомъ, по внѣшнимъ и внутреннимъ даннымъ, Анна Григорьевна вполнѣ удовлетворяла его требованіямъ. Онъ зналъ, что она была влюблена въ него. Тогда онъ былъ привлекательнымъ молодымъ человѣкомъ, на хорошемъ счету у своего начальства, къ нему относились съ почтеніемъ. Дѣло происходило въ уѣздномъ городѣ, гдѣ ея отецъ былъ врачомъ. Привлекательные люди съ хорошимъ положеніемъ въ этомъ городѣ были большой рѣдкостью и это были элементы, изъ которыхъ составилась ея влюбленность.

Ему нравилось, что будущая жена его питаетъ къ нему такое поэтическое чувство; самъ же онъ видѣлъ въ ней только красивую жену, подходящую къ его требованіямъ, и питалъ къ ней то, что могъ питать и ко всякой другой красивой женщинѣ, будучи молодымъ человѣкомъ.

Поэзія чувства ему была недоступна, онъ не нуждался въ ней и не признавалъ ее для себя.

Но когда онъ, женившись, началъ шагъ за шагомъ подчинять

своей волѣ Анну Григорьевну, обнаружилось, что онъ далеко не всѣ ея качества принялъ въ разсчетъ.

У Анны Григорьевны оказалась хрупкая, тонко чувствующая душа. Каждая его грубость, каждая попытка оказать давленіе на ея волю наносили рану этой душѣ.

Правда, она была слаба, она не могла противодѣйствовать этой желѣзной силѣ; она уступала, но уступала, будучи раненой.

И Осипъ Матвѣевичъ, къ своему глубокому разочарованію, скоро убѣдился, что въ домѣ у него происходитъ непрерывное страданіе. Сперва это его раздражало, но потомъ онъ рѣшилъ, что очевидно иначе и быть не можетъ, и пересталъ обращать на нее вниманіе.

Особенно рельефно выступили эти страданія, когда появились и стали подростать дѣти. Вся ихъ жизнь, отъ рожденія до взрослыхъ лѣтъ, была рядомъ мученій для Анны Григорьевны.

Она относилась къ дѣтямъ съ невѣроятной нѣжностью, прощала имъ всякія погрѣшности, всячески желала имъ добра и въ то же время видѣла, что Осипъ Матвѣевичъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжное зло.

Никогда не видѣла она на его лицѣ улыбки, радости или умиленія при видѣ дѣтей. Онъ также спокойно, сосредоточенно смотрѣлъ на нихъ, какъ въ ученическія тетради, которыя поправлялъ, ставя въ нихъ двойки.

Ихъ кормили, одѣвали, обучали, это было для него такими же обязанностями, какъ хожденіе въ гимназію и даваніе уроковъ.

Для дѣтей онъ не признавалъ никакихъ слабостей и не допускалъ для нихъ исключеній и уступокъ. Когда же старшей дочери его, Варѣ, исполнилось двадцать лѣтъ, онъ совершенно опредѣленно и тономъ безповоротнымъ сказалъ ей:

— Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ. Ты должна уже выходить замужъ. Женщина должна осуществлять свое назначеніе. Наконецъ, наступаетъ возрастъ, когда обязанности родителей по отношенію къ дѣтямъ кончаются.

Онъ сказалъ это, какъ свое глубокое убѣжденіе. А старшая дочь его Варя обладала душой, точь-въ-точь такою же, какая была у Анны Григорьевны—чувствительной и хрупкой. Въ этихъ словахъ она почувствовала упрекъ и ясный намекъ на то, что содержаніе ея представляетъ для него бремя.

Оскорбленная этимъ намекомъ, она, не имѣя жениховъ, потому что въ домѣ у нихъ никто не бывалъ, взяла первое предложеніе шестидесятилѣтняго акцизнаго чиновника, который былъ ей непріятенъ, и не только ушла изъ дома, а уѣхала въ другую губернію, куда перевели ея мужа. Оттуда Анна Григорьевна постоянно получала письма о неудачной жизни.

Но дѣвушки сравнительно мало испытывали на себѣ «планъ» Осипа Матвѣевича. Зато судьба сыновей создавалась въ полной зависимости отъ этого плана.

Старшій сынъ его, Осипъ, не отличался хорошими способностями и плохо учился. Въ пятомъ классѣ онъ былъ оставленъ на второй годъ. Осипъ Матвѣевичъ сказалъ ему:

— Я не обязанъ и не въ состояніи содержать тебя въ двойномъ объемѣ. Въ теченіе этого года ты долженъ самъ изыскивать средства. Когда перейдешь въ шестой классъ, я опять буду содержать тебя.

Осипу было уже семнадцать лѣтъ, но онъ ничего не умѣлъ дѣлать, какъ только возиться съ учебниками и то довольно безплодно. Онъ хорошо зналъ, что просить отца безполезно: Осипъ Матвѣевичъ еще никогда не мѣнялъ своего рѣшенія.

Попробовалъ онъ было поговорить съ директоромъ, но тотъ только развелъ руками и сказалъ, что, такъ какъ у него есть отецъ, получающій опредѣленное содержаніе, то онъ не имѣетъ права претендовать на казенную помощь.

Директоръ, однако-жъ, попытался поговорить съ Осипомъ Матвѣевичемъ. Тотъ посмотрѣлъ на него своими безстрастными, ледяными глазами и сказалъ:

— Я васъ очень благодарю, Василій Андреевичъ, за полезное указаніе, но позволю себѣ поступать въ моихъ семейныхъ дѣлахъ сообразно моимъ понятіямъ.

И директоръ ничего не могъ возразить. Каждый имѣетъ право поступать сообразно своимъ понятіямъ.

Тогда Осипъ Тарановъ, до тѣхъ поръ мягкій и добродушный, вдругъ оскалилъ зубы и сказалъ Осипу Матвѣевичу:

— Я не считаю васъ отцомъ. Вы мнѣ первый и единственный врагъ. Я когда-нибудь отомщу вамъ... Помните это.

Осипъ Матвѣевичъ даже усомъ не повелъ. Онъ повернулся къ нему спиной и ушелъ въ свой кабинетъ.

Осипъ Тарановъ ушелъ изъ дому, долго бѣдствовалъ, но ни разу не обратился къ отцу. Наконецъ, онъ поступилъ въ телеграфисты и теперь получалъ жалованья 35 рублей въ мѣсяцъ.

Онъ любилъ свою мать и сестру и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Матвѣемъ. Но видѣться съ ними часто онъ не могъ. Прямо въ домъ отца являться онъ не хотѣлъ. Сюда онъ приходилъ съ кухни, въ тѣ часы, когда былъ увѣренъ, что Осипа Матвѣевича нѣтъ дома.

А Осипъ Матвѣевичъ вычеркнулъ его изъ своей души и никогда не вспоминалъ о немъ.

Всѣ эти обстоятельства, одно за другимъ, наносили раны чув-

ствительной душѣ Анны Григорьевны, и вотъ почему изъ нея не выработалась величественная женщина.

Это была забитая, заглохшая женщина. Съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась женой Осипа Матвѣевича, она не испытала ни одной счастливой минуты. Влюбленность ея прошла быстро, такъ какъ она скоро разглядѣла его и въ сердцѣ ея были холодъ и пустота. Она быстро состарилась и какъ бы засохла въ своемъ непрестанномъ горѣ.

Лиза была странная дѣвушка. Она родилась послѣ всѣхъ и начала сознательно смотрѣть на міръ, когда странныя дикія отношенія въ семействѣ уже вполнѣ опредѣлились и ея душа даже не испытала того юношескаго подъема, тѣхъ порывовъ, какіе пережили ея старшіе братъ и сестра.

Уже съ девяти лѣтъ у нея какъ-то безпомощно опустились руки и изсякла всякая энергія. На жизнь она смотрѣла испуганными глазами человѣка, всегда ожидающаго самаго худшаго и готоваго ко всему. Умъ ея плохо развивался. Она сидѣла около матери, у которой давно ужъ было покончено съ умственнымъ развитіемъ. Анна Григорьевна потеряла вкусъ къ книгамъ, порвала всякія связи съ жизнью и ничѣмъ не могла помочь Лизѣ.

Лиза была въ прогимназіи, но училась совсѣмъ плохо и еле-еле дошла до третьяго класса. Никто не поощрялъ ея. Когда она оставила прогимназію и засѣла дома, Осипъ Матвѣевичъ посмотрѣлъ на это, какъ на законное и естественное дѣло, онъ даже не возбуждалъ вопроса о продолженіи ея ученія.

И она осталась дома, помогая матери въ шитьѣ и въ хозяйствѣ. Въ ея характерѣ и въ міропониманіи и теперь было много дѣтскаго, она была вполнѣ безпомощное существо и Анна Григорьевна смотрѣла на нее со страхомъ: если ее оставить одну, она непремѣнно погибнетъ. Лиза рѣшительно ни на что непригодное существо.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ Тарановъ сдѣлался инспекторомъ, въ гимназіи водворилось такое настроеніе, какое бывало въ отдѣльныхъ классахъ на урокахъ латинскаго языка.

Но тогда напряженіе испытывалъ одинъ классъ и только въ предѣлахъ урока, во время перемѣнъ онъ отдыхалъ, какъ и на урокахъ другихъ преподавателей. Это было тяжело, но выносимо.

Теперь вся гимназія, всѣ классы, всѣ поголовно учащіеся непрерывно испытывали это напряженіе. Осипъ Матвѣевичъ дѣйствительно цѣликомъ перенесъ свою систему на инспекторство.

Онъ появлялся въ гимназическомъ корридорѣ и проходилъ

вдоль его неспѣшной походкой, ему совершенно были чужды обычные пріемы надзирающихъ людей. Онъ не подсматривалъ, не старался внезапно вырости изъ-подъ земли, но онъ почти всегда былъ среди учениковъ.

Его взглядъ на обязанности, какъ на нѣчто провиденціальное, связывающее человѣка по рукамъ и по ногамъ, дѣлалъ и его самого каторжнымъ работникомъ.

Съ момента, когда ученики показывались въ гимназическомъ дворѣ и корридорѣ, онъ уже былъ на ногахъ и затѣмъ цѣлый день толкался въ разныхъ пунктахъ гимназическаго помѣщенія.

Обязанности инспектора въ его пониманіи выражались такъ: слѣди и карай и такимъ образомъ поддерживай порядокъ. Правила поведенія для учениковъ даны, остается только соблюдать ихъ. Никакихъ другихъ задачъ онъ не признавалъ и не преслѣдовалъ.

Казалось, онъ считалъ, что гимназія со всѣмъ этимъ многочисленнымъ персоналомъ, со всѣми учащимися создана единственно для того, чтобы въ ней былъ порядокъ. Для этого порядка, а не для чего другого, изъ года въ годъ поступали сюда новички, для него же обучались дѣти и юноши въ восьми классахъ.

И вотъ онъ, проходя по корридору, слѣдилъ за тѣмъ, нѣтъ ли гдѣ безпорядка.

Въ первое время его инспекторства ученики остерегались и какъ бы пробовали бороться съ нимъ. Когда онъ появлялся на дальнемъ концѣ корридора, во всѣхъ классахъ раздавалось: «Тарановъ идетъ, Тарановъ...» И всѣ подтягивались. Но такъ какъ онъ былъ всегда и вездѣ и ничто не ускользало отъ его взгляда и замѣчанія, то эти предосторожности сдѣлались просто безполезны. И напряженное безпрерывное наблюденіе надъ самими собою и вѣчный непрестанный страхъ попасть въ книгу замѣчаній держали учениковъ въ тискахъ.

Притомъ же этотъ страхъ былъ далеко не напрасенъ. За пять мѣсяцевъ было уже нѣсколько жертвъ. И дѣлалось это у Таранова чрезвычайно просто и какъ-то естественно.

Виноватыхъ среди учениковъ было сколько угодно. По крайней мѣрѣ половина гимназіи курила табакъ, многіе уходили отъ обѣдни, не будучи въ состояніи выстаивать длинную службу. Живущіе въ пансіонѣ тайно ходили въ театръ и возвращались не обычнымъ путемъ—черезъ ворота, а перелѣзали черезъ каменную ограду. Взрослые гимназисты тихонько влюблялись въ гимназистокъ и разными незаконными ходами переписывались, встрѣчались на бульварѣ и говорили о высокихъ матеріяхъ, въ то же время пожимая другъ другу руки. Все это были преступленія перваго ранга, и отъ нихъ воспитанники, несмотря на всѣ хитро-

сти, не могли отказаться. Только больше пускалось въ ходъ хитрости и обмана и больше было риску.

При прежнемъ инспекторѣ гимназистовъ часто ловили во всѣхъ этихъ преступленіяхъ и инспекторъ выходилъ изъ себя, кричалъ, грозилъ, но все же въ концѣ концовъ брало верхъ пониманіе, что всѣ эти грѣхи поправимы и дѣло ограничивалось какимъ-нибудь лишеніемъ отпуска или заключеніемъ въ карцерѣ. Но это были слабые люди, которые, очевидно, не понимали, что такое обязанности.

Тарановъ же строго держался преподанныхъ правилъ: въ первый разъ замѣчаніе, во второй разъ публичный выговоръ, въ третій—выговоръ съ оповѣщеніемъ родителей и такъ далѣе, вплоть до исключенія. И онъ уже восемь человѣкъ провелъ черезъ всѣ эти стадіи.

Директоръ Корнъ, не любившій рѣшительныхъ мѣръ, всегда возражалъ:

— Помилуйте, Осипъ Матвѣевичъ, вѣдь это жестоко.

Возражали и преподаватели. Въ особенности Роскошный любилъ говорить на совѣтѣ противъ дѣятельности Таранова.

— Съ нѣкоторыхъ поръ,—говорилъ онъ,—наша гимназія превратилась въ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ. Собственно говоря, и насъ, старыхъ преподавателей, слѣдовало бы посадить въ тюрьму, ибо мы около двадцати лѣтъ фабрикуемъ этихъ преступниковъ.

— Господа,—спокойно говорилъ на это Тарановъ:—вы всѣ безспорно остроумны. Я же остроумія не ищу, я желаю только дѣйствовать сообразно закону и я васъ только спрашиваю: законно это или нѣтъ?

Всѣ должны были сознаться, что законно. Жертва была проведена чрезъ всѣ стадіи, указанныя правилами, отъ простого замѣчанія черезъ выговоръ съ оповѣщеніемъ родителей, съ высиживаніемъ положенныхъ часовъ въ заключеніи и такимъ образомъ дошла до послѣдней стадіи—исключенія. Больше ничего не оставалось.

— Укажите мнѣ другую мѣру, если вы ее знаете,—говорилъ Тарановъ,—что же касается меня, то я уже исчерпалъ всѣ мѣры, указанныя закономъ. Если же вы, господа, желаете опровергнуть законъ, то благоволите подать объ этомъ ваши докладныя записки въ установленномъ порядкѣ.

Никто разумѣется никакихъ записокъ не подавалъ. Всѣ очень хорошо знали, что подобная записка рикошетомъ отозвалась бы на судьбѣ и карьерѣ подавшаго ее. И волненіе и возмущеніе отдѣльныхъ членовъ совѣта ограничивалось только словесными заявленіями.

Директоръ же Корнъ совершенно ослабѣлъ. Въ директоры онъ попалъ, въ сущности благодаря какому-то случайному ходу, оказавшемуся благопріятнымъ для него. Это было при другомъ сосоставѣ высшаго органа, правившаго гимназіями. Никакихъ особыхъ заслугъ за нимъ не числилось и онъ это очень хорошо зналъ.

Можетъ быть, онъ остается на директорскомъ мѣстѣ, только благодаря тому, что объ этомъ никто не думаетъ. Вступить въ борьбу съ такимъ сильнымъ, настойчивымъ, ничего не умѣющимъ уступать противникомъ, какъ Тарановъ, не значитъ ли это напомнить о себѣ и можетъ быть потерять директорство.

А ему было хорошо на директорскомъ мѣстѣ и выходить въ отставку на пенсію онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія.

Такъ это и шло. Въ гимназіи былъ порядокъ. Въ сердцахъ гимназистовъ непрерывный трепетъ. Не проходило мѣсяца, чтобы совѣту не предложили рѣшать вопросъ объ исключеніи кого-нибудь. И, такъ какъ это былъ законъ,—преступникъ до этого уже прошелъ всѣ стадіи наказаній, то совѣтъ, возмущаясь и негодуя, малодушно постановлялъ такъ, какъ требовалъ Тарановъ.

VIII.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Осипъ Матвѣевичъ предался своимъ инспекторскимъ обязанностямъ, въ его квартирѣ жилось легче.

Онъ являлся въ двѣнадцать часовъ во время большой перемѣны, наскоро завтракалъ и убѣгалъ. Потомъ, послѣ уроковъ, въ четыре часа, его можно было видѣть за обѣденнымъ столомъ. Послѣобѣденнаго отдыха онъ себѣ никогда не позволялъ. И въ прежнее время онъ считалъ это распущенностью. «Для сна существуетъ ночь, день же для работы», обыкновенно изрекалъ онъ. Все остальное время онъ проводилъ на своемъ посту.

При гимназіи былъ пансіонъ, который много доставлялъ ему работы, гораздо больше, чѣмъ наблюденіе за учениками въ классные часы. Пороки проявлялись именно въ часы, свободные отъ обязательныхъ занятій.

Въ эти часы ученики ходили въ растегнутыхъ блузахъ, забывали надѣвать пояса, тайно курили, читали книги, не входящія въ списокъ дозволенныхъ, употребляли крѣпкія слова, тихонько удирали изъ гимназіи въ гости и, что еще хуже, въ театръ и мало ли еще куда.

И все это требовало неусыпнаго вниманія. Разнымъ воспитателямъ и надзирателямъ Осипъ Матвѣевичъ не довѣрялъ. Эти люди исполняютъ свои обязанности изъ-за жалованья, это наемники. Только ему было свойственно сознаніе долга.

И онъ возился до ночи, и только, когда воспитанники, послѣ общей молитвы, уходили въ спальню, онъ являлся домой и сейчасъ же ложился въ постель.

Такимъ образомъ въ домѣ теперь не висѣла туча этой желѣзной воли, покорявшей себѣ каждую мысль, каждый вздохъ его обитателей. Правда, эти обитатели въ значительной степени уже утратили способность откликаться на впечатлѣнія внѣшняго міра, но все же можно было замѣтить, какъ эти застывшія души понемногу оттаивали и оживлялись.

Больше всего облегченіе отразилось на Лизѣ. Робкая, забитая, она какъ-то растерялась въ своихъ желаніяхъ и жила, какъ во снѣ. Всегда у нея было такое чувство, что ничего нельзя, и если бы она чего-нибудь захотѣла, то оттуда, изъ кабинета, сквозь стѣны проникнетъ въ ея душу холодный стальной взглядъ и все заморозитъ. И въ ея слабенькой душѣ была вѣчная несмѣняемая тревога. Теперь это смягчилось, улеглось.

Въ южномъ городѣ рано наступала весна. Уже въ концѣ февраля растворяли окна и въ нихъ врывались теплые лучи солнца.

У Лизы была своя комната, два окна изъ нея выходили въ небольшой садъ, гдѣ гуляли и играли гимназисты. Во время перемѣны и послѣ обѣда здѣсь стоялъ шумъ. Десятки крикливыхъ голосовъ, сливаясь въ какой-то нестройный хоръ, похожій, на галдѣніе стаи воронъ, наполняли воздухъ.

Лиза растворяла окно и, протянувшись на немъ во всю ширь подоконника, просиживала такъ цѣлые часы. Она съ любопытствомъ и съ завистью смотрѣла на то, какъ гимназисты, маленькіе и взрослые, шумно и оживленно двигались, дрались, играли въ мячъ, а иные собирались группами и спорили.

Ее тоже давно уже замѣтили, но поглядывали на нее только издали, опасаясь близко подойти къ этому «инспекторскому достоянію».

И Лизѣ было досадно, что она такъ далека отъ нихъ, ей казалось, что они ее презираютъ.

Вѣтви акацій уже зазеленѣли, изъ подъ-земли выползла свѣжая молодая трава и подросла. Быстро шло возрожденіе природы. Появились какіе то новые ароматы, сочные и прянные, раздражавшіе душу, пробуждавшіе въ ней новые невѣдомые порывы.

Лиза до сихъ поръ видѣла людей только издали. Ихъ домъ былъ холоденъ и нелюдимъ и уже одинъ видъ этого множества людей, и все молодыхъ, подвижныхъ, веселыхъ, такъ близкихъ и въ то же время такъ далекихъ, пробуждалъ въ ней волненіе.

А весенніе ароматы, чарующіе теплые золотые лучи солнца заставляли ея сердце биться усиленно.

Это было томительное состоянiе. Иногда на нее находила мучительная тоска и она казалась себѣ такой одинокой и ничтожной, совсѣмъ погибшей и забытой, и тогда на глазахъ ея навертывались слезы. Иногда она плакала по цѣлымъ часамъ. И съ каждымъ днемъ все явственнѣе въ душѣ ея созрѣвало желанiе дружескаго слова, ласковаго взгляда, теплой ласки, а можетъ быть чего-нибудь и побольше, о чемъ она даже и думать не умѣла, но что волновало ея грудь.

Она давно уже замѣчала, что среди взрослыхъ гимназистовъ одинъ чаще другихъ смотрѣлъ въ ея сторону и взглядъ его дольше останавливался на ней. Это былъ высокiй худощавый юноша съ прiятнымъ смуглымъ лицомъ, на которомъ издали горѣли глаза. На его верхней губѣ чуть чуть пробивались темные усики, а когда онъ, разгоряченный во время игры, снималъ фуражку, она видѣла его густые непокорные кудри.

Сложенъ онъ былъ довольно нестройно. У него были длинныя ноги и слишкомъ длинныя руки, нѣсколько впалая грудь и оттого спина его казалась слегка сутуловатой.

Онъ и игралъ рѣдко, видимо уставая и часто во время какой-нибудь бѣготни садился на скамейку и отдыхалъ.

Лиза пристально слѣдила за нимъ, никогда не выпуская его изъ вида и изучила всѣ его внѣшнiя привычки. Что то странное чувствовала она къ этой незнакомой фигурѣ, какъ будто въ глубинѣ души у нея таилась вѣра, что онъ ей не такъ далекъ и чуждъ, какъ это кажется.

А онъ все чаще и чаще взглядывалъ въ ту сторону, гдѣ были окна инспекторской квартиры и все дольше не отводилъ отъ нея глазъ.

Случалось, что въ разгарѣ игръ и шума вдругъ въ садикѣ появлялась слишкомъ хорошо знакомая ей фигура ея отца. И все смолкало тогда, гимназисты какъ-то съеживались. Бѣгавшiе съ разгона останавливались, какъ вкопанные, сидѣвшiе вставали, разговаривавшiе замолкали.

Какъ они его боятся! Почему такъ всѣ боятся этого человѣка? И она тоже боится его, какъ самого страшнаго и опаснаго, какъ смерти.

Тогда и онъ, отмѣченный ею, вставалъ и его длинныя руки опускались по швамъ, какъ у солдата, а худое нездоровое лицо дѣлалось блѣднымъ. Должно быть, онъ боялся отца больше всѣхъ. Она сама страдала отъ этого убiйственнаго страха и потому сочувствовала ему.

И вотъ однажды онъ осмѣлился. Нужна была для этого большая рѣшимость. Вѣдь она—«инспекторское достоянiе».

Вышло это удивительно странно. Послѣ перемѣны раздался

звонокъ, призывавшій на уроки, гимназисты одинъ за другимъ стали уходить изъ сада и садъ опустѣлъ и ей показалось, что не осталось въ нємъ ни одного человѣка. И вдругъ отъ толстаго ствола дерева отдѣлилась фигура. Лиза взглянула и узнала отмѣченнаго ею молодого человѣка.

Она пристально слѣдила за его движеніями и вдругъ, къ своему изумленію, увидѣла, что онъ сперва внимательно оглядѣлся во всѣ стороны, а потомъ, широко шагая своими длинными ногами и переступая черезъ кусты и камни, направился прямо къ ней. Сердце у нея страшно забилось и дыханіе сдѣлалось прерывистымъ и она сама не знала, отчего,—оттого ли, что можетъ быть сейчасъ исполнится ея завѣтное, тайное, непостижимое для нея самой желаніе, или оттого, что она боялась за него и за себя.

И почему то передъ ея умственными очами встала во весь ростъ фигура ея отца и его ледяные глаза смотрѣли прямо на нее.

А молодой человѣкъ приближался. Вотъ уже онъ въ нѣсколькихъ шагахъ, вотъ онъ остановился и приподнялъ фуражку. Ужъ теперь не было никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ остался и рисковалъ для нея.

Онъ что-то говорилъ, а у нея кровь стучала въ головѣ, и заглушала его слова. На его блѣдныхъ щекахъ появился густой румянецъ, онъ улыбался и показывалъ свои бѣлые большіе зубы. Она теперь видѣла, что лицо у него пріятное, и она дѣлала страшное усиліе, чтобы утишить этотъ ужасный стукъ крови въ вискахъ и услышать его слова.

— Развѣ вы не слышите?

Это она наконецъ услышала и покраснѣла. Въ самомъ дѣлѣ, онъ можетъ принять ее за глухую.

— Нѣтъ, я слышу, только не все...—Тихимъ дрожащимъ голосомъ отвѣтила она.

— Я остался, чтобъ поклониться вамъ и познакомиться съ вами,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Мерси...—безпомощно промолвила Лиза.

— Вы ничего не имѣете противъ?—спросилъ онъ.

— Я ничего, только... Только... вы развѣ не знаете...

— Вашего папу? Отъ него все равно не убережешься. Я такъ рѣшилъ. Видите, я долго не рѣшался. Вѣдь я давно смотрю... Вы, должно быть, замѣтили... Ну, вотъ рѣшился... Моя фамилія Броницынъ. Я живу въ пансіонѣ... Я въ седьмомъ классѣ. А васъ какъ зовутъ?

— Лизой...

— Вы должно быть ужасно скучаете, вы всегда на этомъ мѣстѣ. У васъ никто не бываетъ?

— Нѣтъ. Я очень скучаю...

— Такъ мы знакомы?—уже совсѣмъ расхрабрившись, спросилъ Броницынъ.

— Да,—отвѣтила Лиза.—Уходите, вдругъ прибавила она, замѣтивъ во дворѣ черезъ калитку сада фигуру, похожую на учителя.—Тамъ кто-то смотритъ.

Броницынъ оглянулся и разглядѣлъ проходившаго черезъ дворъ учителя исторіи Роскошнаго. Въ первую минуту онъ инстинктивно струсилъ, а потомъ успокоился.

— Это учитель исторіи. Онъ не опасенъ,—сказалъ онъ,—онъ никогда не доноситъ... Я уйду. Но въ другой разъ приду. До свиданія.

Онъ опять приподнялъ фуражку и смѣшно зашагалъ своими нелѣпыми длинными ногами съ большими ступнями.

Лиза поднялась и скрылась въ окнѣ. Теперь уже кровь такъ властно прилила къ ея головѣ и застучала, заклокотала, что у нея голова закружилась. Она едва успѣла прилечь на кровать, иначе упала бы.

Какое-то новое невѣдомое чувство охватило ее, какая-то могучая струя изъ другого міра, съ которымъ она до сихъ поръ не соприкасалась, но по которомъ втайнѣ билось ея сердце, пахнула на нее и захватила въ свой потокъ. Броницынъ, котораго она даже не разглядѣла какъ слѣдуетъ, сталъ ей милъ, дорогъ, близокъ, она влюбилась въ него, какъ влюбилась бы во всякаго, кто явился бы къ ней изъ того міра живыхъ людей и подошелъ бы къ ея окну и заговорилъ бы съ нею.

Но у Броницына были особыя качества, которыя прямо подѣйствовали на ея мягкое отзывчивое сердце. Онъ былъ такъ худъ, такія впалыя были у него щеки, такимъ грустнымъ огнемъ горѣли его глаза. Онъ, должно быть, очень боленъ или несчастенъ. Онъ пробудилъ въ ней жалость и это чувство больше, чѣмъ всякое другое, сблизило ее съ нимъ.

И съ этихъ поръ въ одной изъ комнатъ большой и пустынной квартиры инспектора загорѣлась новая жизнь. Въ робкихъ глазахъ молодой дѣвушки, забитой, задавленной строгимъ режимомъ, горѣлъ яркій огонь, такой радостный и жизненный. На щекахъ ея игралъ свѣжій румянецъ, какъ будто она не сидѣла съ утра до вечера въ комнатѣ, а много гуляла, двигалась и дышала свѣжимъ воздухомъ; и никто не подозрѣвалъ этого.

Лиза довѣрчиво относилась къ своей матери. Но у нея какъ то не было ничего, что она хотѣла бы ей сказать, и она не сдѣлала привычки повѣрять ей тайны. Притомъ тайна эта была такая опасная. Лизѣ казалось, что вмѣстѣ съ тайной и ея жизнь виситъ на волоскѣ. И она одиноко хранила ее въ своемъ сердцѣ.

*

IX.

Броницынъ жилъ въ гимназическомъ пансіонѣ съ самаго младшаго класса. Родители его были состоятельные помѣщики, верстахъ въ тридцати отъ города, къ нимъ онъ ѣздилъ во время зимнихъ праздниковъ, Пасхи и лѣтомъ. Остальное время онъ проводилъ въ пансіонѣ.

Въ городѣ у него были знакомыя семейства, но онъ не любилъ ходить къ нимъ. Все его существо было охвачено какой-то слабостью. Ему было лѣнь водиться съ людьми, надѣвать чистый мундиръ для этого, сидѣть въ гостяхъ, поддерживать разговоръ.

Ученіе доставалось не трудно, у него были хорошія способности и онъ легко переходилъ изъ класса въ классъ. Шалостей за нимъ никакихъ не числилось. Его не тянуло ни на улицу, ни въ театръ, двигался онъ мало, рѣдко даже принималъ участіе въ играхъ товарищей. Все его утомляло и все ему было лѣнь.

Часто его можно было видѣть въ залѣ за книгой, но и въ выборѣ книгъ сказывалась его неспособность добиваться и протестовать. Онъ читалъ только тѣ книги, какія были въ ученической библіотекѣ.

Онъ не курилъ, потому что у него грудь была слабая. Попытки товарищей соблазнить его пить пиво, когда они бывали въ городѣ, вино и даже водку, что позволяли себѣ взрослые, не имѣли успѣха. Все это отказывался принимать его больной организмъ.

Благодаря всему этому, ему не трудно было оставаться примѣрнымъ ученикомъ, но ему было уже восемнадцать лѣтъ, порывъ юной, только что зачинавшейся зрѣлости захватилъ его, и когда онъ увидѣлъ пару печальныхъ женскихъ глазъ въ окнѣ инспекторской квартиры, онъ тотчасъ помчался на нихъ, какъ мотылекъ на огонь.

Если Лиза влюбилась въ него уже послѣ того, какъ онъ подошелъ къ ея окну и поговорилъ съ нею, то онъ былъ влюбленъ уже тогда, какъ только первый разъ издали разглядѣлъ, что въ окнѣ виднѣется женская головка. А теперь, когда онъ разглядѣлъ ее ближе и убѣдился, что у нея красивое лицо, пріятный голосъ, и что она несчастна, судьба его сердца была сдѣлана. Теперь уже онъ былъ способенъ на самыя рискованныя предпріятія, на подвигъ, чтобы только свести свою красавицу съ окна и почувствовать ее близко около себя, пожать ея руку, посмотрѣть ей въ глаза. Въ его лѣнивой натурѣ обитала пылкая чувственная мечтательность.

Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подойти къ окну и поговорить съ Лизой хоть минутку. Замѣтили, что онъ часто

опаздывалъ на уроки. Учителя многое прощали ему ради его болѣзненности.

Но можно было замѣтить нѣчто худшее: когда послѣ общей молитвы всѣ гимназисты, распредѣлившись въ спальнѣ на кроватяхъ, предавались сну, послѣ напряженнаго утомительнаго дня, Броницынъ тихо-тихо поднимался съ постели, въ темнотѣ одѣвался и затѣмъ, ступая чуть слышно, пробирался къ выходу, затаивъ дыханіе, спускался по лѣстницѣ и выходилъ въ садъ. Здѣсь онъ подходилъ къ окну инспекторской квартиры и, прислонившись къ стволу дерева, терпѣливо ждалъ, вперивъ свои взоры въ окно, которое должно было отвориться.

А въ домѣ инспектора тоже происходило нѣчто таинственное. Осипъ Матвѣевичъ приходилъ домой послѣ десяти часовъ и, наскоро закусивъ, ложился спать. Засыпалъ ли онъ тотчасъ или какія-нибудь тревожныя мысли, можетъ быть, угрызенія совѣсти, мѣшали ему спать, никто этого не зналъ. Но онъ никогда не выходилъ изъ своего кабинета до утра.

Казалось, съ закрытіемъ двери, когда онъ входилъ въ нее вечеромъ, кончалась его связь съ внѣшнимъ міромъ, съ гимназіей, съ обязанностями.

Но въ домѣ еще послѣ этого происходила возня. Матвѣй иногда долго еще ходилъ по своей комнатѣ, повидимому безъ всякаго смысла. Анна Григорьевна, пользуясь тѣмъ, что Осипъ Матвѣевичъ больше не проявлялъ свою волю, дѣлала нѣкоторыя распоряженія прислугѣ на завтра.

Наконецъ, вездѣ гасли огни, квартира погружалась въ сонъ.

Въ комнатѣ Лизы огонь гасился раньше, чѣмъ въ другихъ комнатахъ. Лиза рано выражала желаніе спать и уходила къ себѣ. Она гасила огонь, но не ложилась спать. Она знала, что тамъ, въ саду, прислонившись къ дереву, дожидается Броницынъ и что онъ будетъ ждать хоть до утра.

И какъ только уже не было сомнѣнія, что въ домѣ всѣ уснули, она растворяла окно.

Ночи наступили дивныя, благоуханныя. Расцвѣли акаціи и дикіе цвѣты, свободно росшіе на грядахъ среди травы. Небо было усѣяно звѣздами, а луна была закрыта высокой стѣнкой казеннаго дома. Уголокъ, гдѣ было отворено окно, былъ затѣненъ и высокая фигура Броницына сливалась со стволомъ дерева, около котораго онъ стоялъ.

Вотъ отворилось окно и начался тихій разговоръ едва слышнымъ шопотомъ.

Они шептали другъ другу нѣжныя слова по нѣсколько часовъ къ ряду. Если-бы пылкія чувства могли довольствоваться этимъ, то они были бы самыми счастливыми людьми въ мірѣ. Но чув-

ства развиваются, идутъ впередъ, ихъ требованія растутъ и то, что сегодня казалось недосягаемымъ блаженствомъ, будучи достигнуто, завтра представляется обыкновеннымъ.

И они, имѣя возможность каждую ночь по нѣсколько часовъ къ ряду такимъ образомъ бесѣдовать, только страдали отъ этого.

У Лизы была слабая воля, въ ея головѣ никогда не созрѣвали рѣшительныя мысли, она могла бы страдать годы и никогда сама не рѣшилась бы на какой-нибудь шагъ.

Но у Броницына, въ то время, когда имъ овладѣло чувство, проснулись энергія и рѣшимость. Онъ словно переродился. Онъ больше не былъ лѣнивъ и неподвиженъ. Въ немъ теперь кипѣла жажда жизни и при томъ какая-то торопливая, нетерпѣливая жажда, какъ у человѣка, хранящаго въ своей груди предчувствіе недолгой жизни.

Такъ длилось съ мѣсяцъ. Служитель при ученической спальнѣ нѣсколько разъ уже замѣтилъ, что ночью кровать Броницына была пуста, и какъ-то разъ сказалъ ему:

— По ночамъ гуляете, Броницынъ... Какъ бы начальство не замѣтило...

У Броницына всегда были въ карманѣ небольшія лишнія деньги. Онъ что-то пробормоталъ о томъ, что ему не спится и что онъ любитъ смотрѣть на ночныя звѣзды, но на всякій случай ткнулъ служителю рублевую монету. Этимъ онъ не только купилъ его молчаніе, но нашелъ еще себѣ пособника. Служитель, разумѣется, прослѣдилъ, гдѣ онъ проводитъ часы, и въ душѣ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что его занимаетъ инспекторская дочь. Но это новое обстоятельство дало Броницыну толчекъ къ такому шагу, на который прежде ему трудно было бы рѣшиться. Онъ еще что-то подарилъ служителю и заговорилъ съ нимъ.

Повидимому, служитель имѣлъ большое вліяніе на горничную и кухарку инспектора. Прошла всего недѣля со времени разговора его съ Броницынымъ и вотъ онъ однажды шепнулъ ему:

— Ждите, панычъ... Сегодня, можетъ, и выйдетъ.

У Броницына въ груди все задрожало. Эта жажда почувствовать близко Лизу возросла у него до болѣзненныхъ размѣровъ. Это было проявленіе простой и властной чувственности, которая завладѣла имъ.

Лизѣ онъ до сихъ поръ ничего не сказалъ о своемъ предпріятіи. Онъ боялся, что она испугается, станетъ думать и убѣдитъ себя, что этого нельзя дѣлать. Онъ настолько уже узналъ ее, что могъ расчитывать на ея растерянность. Въ первую минуту она растеряется и подчинится непосредственному влеченію.

И вотъ онъ съ замираніемъ сердца, съ стѣсненнымъ дыханіемъ, оставилъ свою кровать, спустился по лѣстницѣ и вошелъ въ садъ.

X.

Лиза съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала, когда всѣ въ домѣ улягутся. Отворить окно и «шептаться» съ милымъ юношей, милымъ и невѣдомымъ, потому что она видѣла его почти только ночью стоящимъ подъ деревомъ, въ мѣстѣ, затѣненномъ высокой стѣной дома,—сдѣлалось для нея потребностью.

Она такъ мало знала его, она едва могла представить себѣ его голосъ, потому что они разговаривали безъ голоса, осторожнымъ шепотомъ. Но все равно, безъ этого она уже не могла жить. Если бы одинъ разъ ей помѣшали и она не растворила бы окно и не поговорила съ нимъ, она не спала бы ночь, страдала бы.

Каждый вечеръ онъ говорилъ ей:—Милая, неужели ты никогда не сойдешь въ садъ? Неужели я не пожму твои руки?

При этихъ вопросахъ сердце ея томительно замирало. Сойти въ садъ, говорить съ нимъ не издали, а близко, чувствуя его около себя, прижаться къ нему... Никому близость съ человѣкомъ не кажется такой очаровательной, какъ одинокому, а Лиза была совсѣмъ одинока въ этой большой казенной квартирѣ. Ее оставили на произволъ судьбы. Ею никто не занимался. Матвѣй смотрѣлъ на нее, какъ на существо съ слабымъ умомъ, почти какъ на дурочку. Анна Григорьевна видѣла въ ней вѣчное дитя, которому ничего не нужно, кромѣ крова, пищи и одежды.

Но страстно мечтая объ этой близости, она никогда не допустила бы мысли, чтобы самой рѣшиться дѣйствительно сойти въ садъ и стоять близко около Броницына. Такія мысли, въ которыхъ была бы рѣшительность на какое-нибудь самостоятельное движеніе, ей не приходили въ голову. Она могла только желать, страстно желать, томительно, тоскливо.

Въ домѣ всѣ улеглись. Погасъ огонь въ комнатѣ Матвѣя, который всегда ложился позже всѣхъ. Все затихло. Лиза подошла къ окну и растворила его. Она высунула голову и взглянула въ ту точку, гдѣ она привыкла находить Броницына и ей показалось, что стволъ дерева стоялъ одинъ, рядомъ съ нимъ никого не было. Она прислушалась, никто не произносилъ ни слова.

— Ты здѣсь?—осторожнымъ шопотомъ спросила она.

Отвѣта не было. Значитъ, онъ не пришелъ, можетъ быть что-нибудь случилось... Его встрѣтили, идущаго по лѣстницѣ, остановили, наказали.

А можетъ быть, Броницынъ заболѣлъ? Вѣдь онъ такой хилый.

Она гадала и такъ тоскливо ей было сознавать, что эту ночь она будетъ одинока. Она погрузилась въ свои слабыя несложныя мысли и вдругъ вся вздрогнула и вскочила на ноги.

Ей показалось, что кто-то осторожно нажалъ ручку двери въ ея комнату съ той стороны и что дверь уже отворилась.

Кто-то тихо на цыпочкахъ двигался къ ней. Помимо сознанія виноватости, Лиза почувствовала еще суевѣрный страхъ.

А вошедшая фигура подошла близко-близко къ ней и надъ ея ухомъ раздался шопотъ.

— Барышня... это я.

— Кто?—дрожащимъ шопотомъ спросила Лиза.

— Я, горничная Даша. Васъ тамъ въ саду дожидаются... Ужъ вы знаете, кто... У насъ всѣ спятъ... Можно сойтить... Никто и не замѣтитъ... Я постерегу... Пожалуйте въ садъ.

Лиза широко раскрыла глаза, Предложеніе застало ее въ расплохъ, оно такъ соотвѣтствовало ея тайнымъ мыслямъ и въ тоже время было такъ невѣроятно и опасно.

Даша, можетъ быть, зная ея нерѣшительность и безволіе, взяла ее за руку и тихонько потащила къ двери. Лиза очень слабо сопротивлялась. При мысли о возможности встрѣтить Броницына лицомъ къ лицу, жажда этой встрѣчи, ясное, можетъ быть даже грубое желаніе близости съ нимъ невыразимо взволновали ея кровь, отуманили ея голову и окончательно задавили въ ней слабую волю. И она шла вслѣдъ за Дашей.

Вотъ уже она вышла изъ своей комнаты, проходитъ мимо комнаты Матвѣя. Съ трепетомъ проходитъ она черезъ столовую, откуда дверь ведетъ въ комнату Осипа Матвѣевича. И все это въ глубокой темнотѣ. Вотъ кухня. На кровати спитъ или дѣлаетъ видъ, что спитъ, кухарка.

Дверь. Черная лѣстница. Они спускаются, Даша ведетъ ее. Они внизу, идутъ какими-то сложными ходами.

— Вотъ тутъ выходъ на улицу,—говоритъ Даша,—но мы пойдемъ другой дверью, въ садъ. Есть такая.

И вотъ онѣ въ саду. Даша легонько вытолкнула ее, а сама осталась въ тѣни.

— Идите такъ прямо вдоль стѣны! А я буду стеречь и ждать.

Лиза полусознательно шла вдоль стѣны и не знала, сколько времени она идетъ—минуту или вѣчность. Вотъ передъ нею выросла человѣческая фигура. Къ ней протянулись руки и она услышала чей-то тихій прерывистый голосъ:

— Лиза... Мой ангелъ!..

И онъ сжалъ ее всю въ порывистыхъ горячихъ объятіяхъ.

Что дальше произошло? Все то, что должно было произойти между двумя юными существами, охваченными первой страстью и почувствовавшими полную свободу первой близости.

Броницынъ носилъ въ своей груди зачатки болѣзни, которая

его истощала, но въ тоже время неимовѣрно обостряла его нервную возбудимость. На этой почвѣ страстная чувственность разгорѣлась неукротимымъ пламенемъ. Почувствовавъ въ своихъ объятіяхъ дѣвушку,—такую слабую, нѣжную и довѣрчивую, такую безпомощную, онъ не имѣлъ силы противодѣйствовать дикому порыву, охватившему его. Думать о послѣдствіяхъ, объ отвѣтственности, считаться съ требованіями разума и совѣсти, когда въ груди его, можетъ быть, уже только догораетъ жизнь... Всѣ другіе будутъ жить годы, десятки лѣтъ, будутъ брать счастье во всѣхъ его видахъ, а онъ, можетъ быть, завтра умретъ...

Онъ, конечно, не разсуждалъ такимъ образомъ, но этимъ сознаніемъ дышалъ весь его организмъ. Съ такимъ трудомъ досталось ему это свиданіе, столько въ немъ было риска и въ тоже время оно было для него такимъ неожиданнымъ подаркомъ судьбы, что отказаться отъ всѣхъ его благъ, отъ всего счастья, какое оно можетъ дать, онъ не былъ въ состояніи.

А она, пораженная всѣмъ, что такъ неожиданно произошло въ эту ночь и въ тоже время опьяненная и этой ночью и своимъ чувствомъ, которое такъ долго накоплялось и напрасно искало выхода, она не понимала, что съ нею, она сознавала только счастье быть близко къ нему, любимому, дрожать въ его крѣпкихъ объятіяхъ, принадлежать ему.

И она радостно шла на встрѣчу его жгучей ласкѣ, и до сихъ поръ нерѣшительная, колеблющаяся, безвольная, безъ тѣни колебанія отдавала ему себя всю.

Высокія акаціи и рядъ кустовъ цвѣтущей сирени совершенно скрывали ихъ. Окутанные темнотой ночи, видя только горячій блескъ глазъ другъ у друга, они чувствовали себя удаленными отъ людей, отъ всего міра.

Прошелъ часъ. Наступило отрезвленіе. Лиза вспомнила, кто она и что съ нею произошло. Ей вдругъ стало холодно и она начала дрожать.

Но это былъ уже трепетъ страха передъ тѣмъ, что случилось и что ее ожидаетъ въ будущемъ.

Насыщенное чувство молчало. Они сидѣли на скамейкѣ рядомъ. Броницынъ опустилъ голову. Можетъ быть, теперь она была полна тяжелыхъ мыслей раскаянія. Они довольно долго молчали. Онъ замѣтилъ, что Лиза дрожитъ.

— Ты дрожишь!—сказалъ онъ тихо.

— Мнѣ холодно,—отозвалась Лиза.—Я пойду...

— Иди... Тебя проводятъ... Ты придешь еще?

— Не знаю.

Она встала.

— Мнѣ страшно,—сказала она.—Что я сдѣлала, что я сдѣлала?

Броницынъ, у котораго былъ глубоко унылый видъ, встряхнулся и поднялъ голову.

— Не бойся. Я выйду изъ гимназіи и мы женимся... Видишь, мнѣ жить не долго... У меня грудь болитъ... Вотъ и сейчасъ болитъ. Такъ это надо поскорѣе. Вотъ братъ пріѣдетъ и я ему скажу... Я выйду изъ гимназіи и мы женимся... Ты не бойся.

Лиза смутно воспринимала его рѣчи. Продолжая дрожать отъ холода и страха, она, забывъ даже проститься съ нимъ, тихо двигалась по направленію къ тому мѣсту, гдѣ осталась Даша Она шла вдоль стѣны, смутно вспоминая, что это былъ ея путь, когда она шла сюда.

XI.

Никто, рѣшительно никто въ семьѣ Таранова не зналъ о событіяхъ, которыя переживала Лиза. Она была такая же тихая, молчаливая, какъ всегда. Только больше прежняго она проводила время въ своей комнатѣ.

Въ этой семьѣ какъ-то не развилось чувство общности. Обыкновенно, когда давятъ извнѣ, это чувство развивается и крѣпнетъ, люди стараются сплотиться, чтобы противостоять общему врагу. Но это только до тѣхъ поръ, пока насиліе не задавило личную волю каждаго и пока не потерялась еще надежда на успѣхъ.

Осипъ Матвѣевичъ довелъ свое дѣло до конца. Тяжелый молотъ его желѣзной воли угрожающе висѣлъ надъ головами всѣхъ членовъ семьи и всѣ знали, что этотъ молотъ неумолимъ. Когда захочетъ, когда это будетъ вытекать изъ его «плана», онъ непремѣнно съ налета опуститъ этотъ молотъ, и ударитъ онъ всею своею тяжестью непокорную голову и разобьетъ ее.

Такъ разбиты головы уже двухъ: дочери Вари и сына Осипа. Отдавъ Варю замужъ, Осипъ Матвѣевичъ никогда не интересовался ея судьбой. Внѣшнія данныя были вполнѣ удовлетворительны: мужъ ея былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, занималъ прекрасное мѣсто, получалъ отличное жалованье. Больше ничего не требовалось для счастья женщины.

Никогда также не справлялся Осипъ Матвѣевичъ о жизни его старшаго сына. Никогда у него не являлось желанія повидать его. Можетъ быть, онъ зналъ, что Осипъ изрѣдка появлялся въ домѣ съ чернаго хода, но ему это было безразлично.

Также точно онъ отнесется и къ другимъ, если по обстоятельствамъ и по «плану» онъ размозжитъ имъ головы своимъ желѣзнымъ молотомъ. Поэтому и защищаться и объединяться для защиты не было смысла. И каждый въ этомъ домѣ жилъ своей собственной жизнью.

Гораздо больше знали объ этой жизни посторонніе люди, жившіе внѣ квартиры инспектора. Кухарка и горничная, конечно,

не обладали идеальной сдержанностью и способностью хранить тайну. Служитель, покровительствовавшій имъ, тоже былъ скрытенъ только въ предѣлахъ возможности для человѣка его ранга. И подъ разными оговорками и честными словами они сообщали другой прислугѣ о тайныхъ отношеніяхъ инспекторской дочки съ Броницынымъ. Они конечно не знали подробно этихъ отношеній, до чего у нихъ дошло, но они прибавляли гораздо больше, чѣмъ знали, и на кухняхъ у живущихъ въ гимназіи говорили о томъ, что Броницынъ проникаетъ въ спальню инспекторской дочки и тамъ проводитъ ночи. Пока однако это ограничивалось кухнями.

А Лиза даже не могла сказать, что она переживаетъ: величайшее счастье или глубочайшее горе. Близкія отношенія укрѣпили ея чувство къ Броницыну. Знала она его нисколько не больше, чѣмъ въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ заговорилъ съ нею. Встрѣчались они часто, почти каждую ночь и проводили время въ темнотѣ, все въ томъ же защищенномъ деревьями мѣстѣ, гдѣ встрѣтились въ первый разъ. Она и теперь не разглядѣла его какъ слѣдуетъ.

Но она чувствовала въ немъ хорошаго и несчастнаго человѣка и была привязана къ нему искренно. Часы, которые она проводила съ нимъ, теперь уже безъ сопровожденія Даши спускаясь въ садъ, были для нея безконечно счастливыми часами, ее непрестанно мучили думы о томъ, что будетъ завтра и вообще въ будущемъ. Броницынъ сказалъ, что выйдетъ изъ гимназіи и женится на ней. О, конечно, она не сомнѣвается, что онъ это исполнитъ. Но развѣ это мыслимо? Развѣ отецъ согласится выдать ее за недоучившагося гимназиста? Да и что еще будетъ, страшно подумать...

И цѣлые дни, пока не наступалъ вечеръ и не спускалась темнота, она страдала.

И вотъ однажды, именно въ тѣ минуты, когда они почитали себя самыми счастливыми людьми въ цѣломъ мірѣ, случилось нѣчто страшное.

Какъ это произошло? При извѣстной наблюдательности можно было бы предусмотрѣть, но они не умѣли наблюдать.

Случилась какая-то ничтожная ссора въ подвальномъ этажѣ гимназіи, гдѣ помѣщались всякаго рода служителя съ своими семействами, и тотъ служитель, который оберегалъ ученическую спальню, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тайну Броницына, оказалъ несправедливость по отношенію къ другому, который давно мѣтилъ на спокойное и лучше оплачиваемое его мѣсто.

Подобныя ссоры часто происходили въ подвальномъ этажѣ гимназіи. Но ни одна изъ нихъ не вела къ такому вредному результату. На этотъ разъ обиженный служитель объявилъ, что онъ отомститъ. Обидчикъ сказалъ ему:—Посмотримъ! и показалъ

сильный кулакъ. Обиженный воспылалъ новой враждой и въ тоже утро отправился къ квартирѣ инспектора и на лѣстницѣ дождался, пока тотъ вышелъ. Тутъ онъ почтительно снялъ шапку и остановилъ Таранова.

— Что тебѣ?—хмуро спросилъ Осипъ Матвѣевичъ, не любившій, чтобы его останавливали на его пути.

— Дѣло имѣю... Большой важности!—сказалъ служитель.

— Большой важности? Говори.

— Какъ собственно я при водоносѣ состою...—началъ издалека служитель и Осипъ Матвѣевичъ сейчасъ же понялъ, что онъ хочетъ быть слишкомъ основательнымъ.

— Покороче, любезный, я дорожу временемъ. Ты говори главное.

— Главное дѣло такое, что не хорошо у насъ въ гимназіи.

— Что это значитъ?

— Иные гимназисты по ночамъ шляются. Изъ постелей встаютъ и уходятъ.

— Гм... Яснѣе, яснѣе... О комъ говоришь?

— Седьмого класса ученикъ Броницынъ.

— Что? Броницынъ? Не вѣрю.

— Правда. Онъ дѣйствительно тихаго поведенія, а только служитель тамъ не хорошъ... Взятку беретъ... Ну и... стало быть, сквозь пальцы... Вотъ онъ и уходитъ и не спроста...

— Что значитъ не спроста?

Тутъ служитель слегка замялся, у него рѣшительно не хватало смѣлости сказать Осипу Матвѣевичу про его собственную дочь и онъ увильнулъ.

— Не могу вамъ, Осипъ Матвѣевичъ, объяснить этого, а только извольте сами убѣдиться. Это бываетъ въ правомъ углу сада, тамъ, гдѣ сирень растетъ.

— Гм... Ладно... Ступай.

И Осипъ Матвѣевичъ, получивъ это сообщеніе, пошелъ дальше, а служитель тотчасъ же почувствовалъ, что совершилъ подлость и раскаялся, но не удавился, а ограничился тѣмъ, что безъ спросу ушелъ изъ гимназіи и цѣлый день пропьянствовалъ.

Осипъ Матвѣевичъ весь этотъ день совершалъ свои обязанности неукоснительно. Но всякій разъ, когда ему попадался Броницынъ, онъ пристально вглядывался въ его лицо. Онъ находилъ, что юноша въ послѣднее время осунулся, поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Только глаза у него какъ-то неестественно горѣли. И исторія, разсказанная служителемъ, казалась ему странной, почти невѣроятной. Куда можетъ ходить ночью этотъ больной юноша? И что онъ можетъ дѣлать ночью въ саду? Этотъ негодяй не сказалъ, что именно дѣлаетъ Броницынъ въ саду. Вздоръ это, конечно, но разъ онъ получилъ такое свѣдѣніе, онъ обязанъ провѣрить.

Когда кончились уроки. Осипъ Матвѣевичъ обратился къ одному изъ своихъ помощниковъ.

— У меня можетъ явиться къ вамъ дѣло сегодня ночью. Прошу васъ не ложиться спать, пока не извѣщу васъ.

Онъ хотѣлъ обставить дѣло наиболѣе законнымъ образомъ. Онъ вообще избѣгалъ всякихъ таинственностей.

Прошелъ и вечеръ. Ученики пошли на молитву, потомъ въ спальню и всѣ улеглись спать. И Осипъ Матвѣевичъ по обыкновенію пришелъ домой около десяти часовъ, съѣлъ свою простоквашу и отправился въ кабинетъ. Лиза, убѣдившись, что всѣ въ домѣ спятъ, обычнымъ путемъ прошла въ садъ, и произошла встрѣча.

Осипъ Матвѣевичъ около часу провелъ у себя въ кабинетѣ, затѣмъ вышелъ, никѣмъ незамѣченный, такъ какъ въ домѣ дѣйствительно всѣ спали и направился наверхъ, въ спальню воспитанниковъ.

Прежде всего онъ убѣдился, что служителя не было на его посту, онъ отлучился. Онъ безпрепятственно прошелъ въ спальню и дошелъ на цыпочкахъ до кровати Броницына и, къ своему изумленію, убѣдился, что кровать пуста. Она была смята. Одѣяло на ней лежало въ безпорядкѣ. Онъ осмотрѣлъ мѣсто: одежды и сапогъ не было.

Онъ тихонько вышелъ изъ спальни, спустился внизъ и постучался въ дверь своего помощника. Тотъ не спалъ и чутко прислушивался. Моментально была отворена дверь.

— У васъ,—строго сказалъ ему Осипъ Матвѣевичъ,—непорядокъ. Служителя не на мѣстахъ. Около спальни воспитанниковъ нѣтъ никого.

— Тамъ долженъ быть Фадѣевъ...

— Я не утверждаю, что онъ не долженъ быть. Я говорю, что его нѣтъ.

Надзиратель почувствовалъ, что это неблагопріятный моментъ для возраженій и самозащиты, и замолчалъ.

— Прошу васъ сопровождать меня. У васъ есть фонарь?

— Есть.

— Возьмите его съ собой и спички. Только не зажигайте.

«Кто этотъ несчастный, погибшій, кого мы будемъ ловить?» мысленно спросилъ надзиратель и взялъ фонарь и спички.

— Будемъ идти очень осторожно. Слѣдуйте за мной.

Они шли, какъ заговорщики, на цыпочкахъ и медленно ступая. Было совсѣмъ темно. Луна отсутствовала и звѣзды были прикрыты облаками. Надзиратель легонько держался за сюртукъ инспектора. Они вступили въ садовую калитку, которая тоже, дополняя безпорядокъ, была отворена настежь.

Они дошли до самыхъ кустовъ сирени и остановились. Они

стояли неподвижно, затаивъ дыханіе и прислушиваясь. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ раздавались тихіе сдержанные голоса.

«Гм... Значитъ, ихъ, по крайней мѣрѣ, двое», подумалъ Тарановъ.

Онъ разслышалъ отдѣльныя слова.

— Человѣкъ умираетъ, а любовь безсмертна... Я умру, но она останется съ тобой...—говорилъ одинъ голосъ.

Потомъ послышался другой:

— Не говори такъ... Я не могу слышать... Я боюсь этого... Я всего боюсь...

Это былъ почти шопотъ, но по какому-то неуловимому оттѣнку Тарановъ почувствовалъ, что это, должно быть, женщина.

«Неужели.. Неужели онъ посмѣлъ здѣсь?.. Въ предѣлахъ гимназіи?.. Какая-нибудь горничная»...

И все негодованіе человѣка, твердо знающаго, что такое долгъ, закипѣло въ немъ. Онъ нащупалъ руку помощника и неслышно взялъ у него коробку со спичками. Затѣмъ онъ вынулъ нѣсколько спичекъ и приготовилъ одну изъ нихъ.

Крадучись вдоль кустовъ сирени, онъ обошелъ ихъ и остановился на открытой аллеѣ. Здѣсь, онъ зналъ, въ нѣсколькихъ шагахъ была скамейка, и догадался, что разговоръ идетъ на скамейкѣ.

И вдругъ легкій трескъ и онъ зажегъ спичку. Освѣтилась скамейка и сидѣвшая на ней пара. Они сидѣли близко другъ къ другу. Онъ обнялъ ее талію, а другой рукой сжималъ ея руку.

Свѣтъ былъ такъ неожиданъ, такъ мало это походило на дѣйствительность, что оба они точно окаменѣли и на секунду замерли, не мѣняя своей позы.

Осипъ Матвѣевичъ разглядѣлъ только, что ихъ двое, что одна изъ нихъ женщина и что они сидятъ обнявшись. Тотчасъ зажглась другая спичка, потомъ свѣтъ въ фонарѣ, нѣсколько быстрыхъ шаговъ и инспекторъ съ помощникомъ стояли уже около скамейки.

Сидѣвшіе на ней спохватились, отодвинулись другъ отъ друга. Лиза низко опустила голову. Ее била лихорадка. Броницынъ всталъ и выпрямился.

— Вотъ чѣмъ занимаются ученики гимназіи въ ночные часы!— сказалъ Осипъ Матвѣевичъ...

И вдругъ рѣчь его пресѣклась. Онъ нагнулся впередъ и пристально разглядывалъ лицо женщины.

— Что? Что такое? Моя дочь? Лизавета? Броницынъ, что это значитъ? Что это значитъ, я васъ спрашиваю? Впрочемъ, вы мнѣ потомъ дадите объясненіе. Лиза, ступай прочь отсюда... Прочь!..—крикнулъ Осипъ Матвѣевичъ и притопнулъ ногой.

Лиза еще ниже опустила голову, закрыла лицо руками и, шмыгнувъ куда-то въ темноту, исчезла.

Помощникъ стоялъ съ опущенными руками и хлопалъ глазами. Онъ думалъ о томъ, что внезапное открытіе ставитъ его въ самое неловкое положеніе передъ инспекторомъ. Тарановъ, конечно, идя на развѣдки, не разсчитывалъ найти тамъ свою дочь.

Тарановъ сильно нахмурилъ брови и обратился къ Броницыну:

— Что это значитъ и какимъ образомъ это случилось? Какъ вы посмѣли?

Броницынъ промолчалъ.

Тарановъ повторилъ свои вопросы.

— Я не могу отвѣчать... Я слишкомъ взволнованъ. Все равно, я завтра выйду изъ гимназіи...

— Гм... выйду? Нѣтъ, ты не выйдешь, а тебя выключатъ... Послѣ такихъ вещей не уходятъ. Хорошо. Иди въ дортуаръ. Завтра будемъ разговаривать.

Броницынъ взялъ фуражку, которая лежала на скамьѣ и неровными шагами пошелъ по направленію къ гимназическому зданію.

— Вы свободны!—сказалъ Тарановъ, обратившись къ помощнику и передалъ ему фонарь.—Спокойной ночи.

Помощникъ взялъ фонарь и отправился во свояси, а инспекторъ нѣкоторое время оставался еще въ саду.

Онъ сѣлъ на скамейку, вынулъ платокъ и вытеръ выступившій на лбу потъ. Казалось, онъ задумался; можно было предположить, что неожиданная находка произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, не зналъ, какъ ему поступить. Это былъ совершенно исключительный случай. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Тарановъ твердо зналъ, какъ ему поступать.

Онъ просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, и Богъ знаетъ, что въ это время происходило въ его душѣ. Но если тамъ была борьба, то она кончилась для него побѣдой, потому что онъ съ рѣшительнымъ видомъ поднялся и твердой поступью отправился домой.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Къ полуторавѣковому юбилею: 1755—1905).

(*Продолженіе* *).

XII.

Благодаря стараніямъ Уварова и особенно Строганова, одновременно съ введеніемъ устава 1835 года подвергся обновленію и профессорскій персоналъ московскаго университета. Въ это время сошли со сцены такіе профессора, какъ Котельницкій, Снегиревъ, Ивашковскій, Смирновъ, Побѣдоносцевъ и др. Правда, далеко не всѣ комичные и отсталые профессора были удалены изъ университета, но зато вновь назначаемые профессора были люди въ большинствѣ случаевъ несравненно болѣе способные и лучше подготовленные къ своей дѣятельности. Это были или воспитанники «профессорскаго института», учрежденнаго въ Дерптѣ, или лица, докончившія свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ. При гр. Строгановѣ началась преподавательская дѣятельность такихъ профессоровъ, какъ Крюковъ, Рѣдкинъ, Никита Крыловъ, Грановскій, Бодянскій, Кавелинъ, Соловьевъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, не считая медиковъ, математиковъ и естествовѣдовъ, среди которыхъ также оказались выдающіяся личности.

Новые профессора, вопреки приведенному заявленію Погодина, подняли науку въ московскомъ университетѣ на такую высоту, на какой она тамъ раньше никогда не стояла, причемъ это не была сухая наука, отрѣшенная отъ жизни; это была наука, старавшаяся отвѣтить на основные вопросы бытія и могущественно вліявшая на нравственное развитіе учащейся молодежи. «Наши профессора,—говоритъ Герценъ,—привезли съ собою... горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и каѳедры для нихъ были свѣтлыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи».

До 1835 года въ профессорской корпораціи московскаго универси-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, апрѣль 1905 г.

тета наблюдалась болѣе или менѣе открытая борьба двухъ партій, русской и нѣмецкой. Эта національная вражда не прекратилась и при гр. Строгановѣ; по крайней мѣрѣ, удаленіе изъ университета Дядьковскаго приписываютъ интригамъ нѣмецкой партіи, имѣвшей не мало представителей на медицинскомъ факультетѣ и на физико-математическомъ отдѣленіи философскаго факультета. Но вражда русскихъ и нѣмцевъ при гр. Строгановѣ отошла на второй планъ, уступивъ первое мѣсто борьбѣ двухъ партій, образовавшихся въ средѣ русскихъ профессоровъ. Къ одной изъ этихъ партій принадлежали старые профессора, назначенные до Строганова, къ другой—принадлежали молодые ученые, явившіеся въ университетъ съ новыми научными взглядами и пріемами. Первая партія не совсѣмъ точно называлась славянофильской и считала своими вождями такихъ лицъ, какъ Давыдовъ, Погодинъ и Шевыревъ; вторая партія состояла изъ западниковъ, и во главѣ ея стояли сначала Рѣдкинъ, Крюковъ и Крыловъ, а впослѣдствіи Грановскій. Первая партія опиралась на покровительство Уварова, вторая поддерживалась гр. Строгановымъ, который относился къ вождямъ министерской партіи съ нескрываемымъ презрѣніемъ. По словамъ Соловьева, «онъ ихъ раскусилъ съ перваго же раза и возненавидѣлъ ихъ какъ людей: Давыдова онъ началъ презирать, какъ человѣка, изъ-за ордена и чина готоваго на все, Шевырева, какъ человѣка мелкаго и вмѣстѣ задорнаго, несноснаго, Погодина, какъ корыстолюбиваго, грязнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкаго, надменнаго».

Профессора противоположныхъ направленій сталкивались между собой и въ журналистикѣ, и въ московскихъ салонахъ того времени. Защита диссертацій, диспуты, избраніе новыхъ профессоровъ, даже публичныя лекціи также представляли удобные случаи для враждебныхъ столкновеній. Извѣстно, напримѣръ, какія пакости чинились Грановскому со стороны славянофильской партіи, которая хотѣла даже провалить его магистерскую диссертацію. Извѣстно также соперничество Шевырева съ тѣмъ же Грановскимъ на почвѣ публичныхъ лекцій.

Опираясь на молодыхъ профессоровъ, гр. Строгановъ не только проводилъ на каѳедры лицъ, враждебныхъ уваровской партіи, но и вступилъ въ борьбу съ такимъ отвратительнымъ наслѣдіемъ предыдущаго періода, какъ взяточничество, которое не прекратилось и послѣ 1835 года, несмотря на то, что содержаніе профессоровъ по новому уставу было увеличено почти втрое. Эта борьба вызвала, между прочимъ, удаленіе изъ профессорской среды въ 1840 году латиниста Кубарева, но язвы взяточничества, къ сожалѣнію, вполнѣ не искоренила. Въ этомъ позорномъ дѣлѣ оказался замѣшаннымъ даже одинъ изъ западниковъ, а именно Никита Крыловъ. «Сдѣлавшись деканомъ,—говоритъ Соловьевъ,—пользуясь огромнымъ авторитетомъ,

онъ началъ брать взятки, о чемъ понесся слухъ по Москвѣ». Слухъ этотъ былъ подтвержденъ женою Крылова, которая, не вытерпѣвъ его возмутительнаго обращенія, убѣжала въ августѣ 1846 года къ своей сестрѣ, бывшей замужемъ за Кавелинымъ, и «представила несомнѣнныя доказательства взяточничества» своего мужа. Профессора-западники не нашли возможнымъ терпѣть въ своей семьѣ такого нравственнаго урода и потребовали удаленія Крылова изъ университета. Грановскій, Рѣдкинъ и Кавелинъ прямо заявили, что не могутъ оставаться въ университетѣ вмѣстѣ съ Крыловымъ, и подали прошенія объ отставкѣ. Гр. Строгановъ былъ сильно раздосадованъ крыловской исторіей, доставившей не мало удовольствія уваровской партіи, и не успѣлъ покончить этого дѣла, такъ какъ вышелъ въ отставку. При Голохвастовѣ же Крыловъ «перекинулся къ Погодину» и удержался на профессорскомъ мѣстѣ, Рѣдкинъ и Кавелинъ покинули московскій университетъ, а Грановскій былъ удержанъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не отслужилъ казенныхъ денегъ, данныхъ ему на заграничную командировку для приготовленія къ профессурѣ.

Измѣна Крылова, уходъ Рѣдкина и Кавелина сильно ослабили партію западниковъ въ университетѣ, и при Голохвастовѣ для нея начались черные дни. Уваровская партія провела въ ректоры Перевощикова, «человѣка,—по свидѣтельству Соловьева,—чернаго, грубаго, взяточника, доносчика», который «стремился въ ректоры, чтобы удобнѣе брать взятки». Западники противились этому избранію всѣми силами, но потерпѣли полную неудачу. «Понятно,—говоритъ Соловьевъ *), что въ новомъ ректорѣ мы получили злого врага, начавшаго хлопотать, какъ бы выжить молодыхъ, Строгановскихъ, которые покрупнѣе, а другихъ скрутить. Онъ сталъ провозглашать, что мы опасные либералы, что насъ нельзя терпѣть, дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ у Уварова, у новаго генералъ-губернатора Закревскаго... Въ это время, когда черная Уваровская партія въ университетѣ торжествовала надъ Строгановскою, мы представляли гонимую церковь». Вражда съ Перевощиковымъ вызвала странное на первый взглядъ сближеніе профессоровъ-западниковъ съ инспекторомъ Шпейеромъ, который оказалъ имъ не малую услугу. «Благодаря ему,—говоритъ Соловьевъ,—Назимовъ утвердился въ мысли, что все было наврано на молодыхъ профессоровъ, которые вовсе не бунтовщики, и что ректоръ Перевощиковъ несправедливо гонитъ достойныхъ людей». Прямой и открытый Назимовъ не взлюбилъ Перевощикова и, когда выборный ректоръ былъ замѣненъ коронными, назначилъ на его мѣсто Альфонскаго, который удержался до самаго конца третьяго періода. «Это было, разумѣется, наше торжество, — говоритъ Соловьевъ, — ибо Перевощиковъ былъ нашъ врагъ, а за Альфонскаго мы стояли». Скоро западники одержали

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1896 г. № 4.

было новую побѣду: деканомъ историко-филологическаго факультета вмѣсто Шевырева былъ выбранъ Грановскій, но выборы эти были кассированы министерствомъ, и деканомъ попрежнему остался Шевыревъ, но уже по назначенію отъ правительства.

Хотя Альфонскій, по отзыву Соловьева, оказался «прекраснымъ коронымъ ректоромъ», въ томъ смыслѣ, что любилъ прежде всего спокойствіе и безъ крайней нужды не нарушалъ спокойствія профессоровъ, тѣмъ не менѣе роль университетскаго совѣта была сведена почти къ нулю. Это было время, когда, по словамъ Ешевскаго *), «совѣтъ собирался только для формы или для принятія къ свѣдѣнію и исполненію воли попечителя, когда протоколы подписывались не читанные, когда вмѣсто избраннаго совѣтомъ въ почетные члены Гумбольдта оказывался Л. В. Дубельтъ, и когда совѣтъ университета принужденъ былъ избрать также въ свои почетные члены тестя попечителя, извѣстнаго только по невѣжественной и дикой статьѣ о старомъ и молодомъ поколѣніи, написанной ad hoc». И послѣ Назимова «положеніе совѣта сдѣлалось только благовиднѣе, не выигравъ много въ дѣйствительномъ значеніи... Рядъ грустныхъ опытовъ убѣдилъ, что совѣтскія мнѣнія спрашивались больше изъ приличія, изъ вѣжливости, ради формы. Эти мнѣнія пропадали безслѣдно подъ сукномъ департамента или же искажались до неузнаваемости департаментскими или министерскими писцами». «Дѣло объ опредѣленіи преемника Рулье († 1858) по каѳедрѣ зоологіи,—говоритъ дальше Ешевскій—служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія совѣта. Подложное представленіе отъ имени совѣта было сдѣлано нѣкоторыми членами, по слабости подписано ректоромъ, по невѣдѣнію подкрѣплено ходатайствомъ попечителя и утверждено министромъ. Этимъ поддѣльнымъ постановленіемъ уничтожалась конкуренція для занятія вакантной каѳедры, и она была замѣщена человѣкомъ, котораго совѣтъ никогда не выбиралъ на эту каѳедру». Хотя подлогъ и былъ скоро обнаруженъ, но «дѣло кончилось безплоднымъ скандаломъ», и слабый ректоръ, бывшій игрушкой въ чужихъ рукахъ, остался на своемъ мѣстѣ. «Было бы странно,—продолжаетъ Ешевскій,—если бы при такомъ положеніи дѣлъ общіе интересы стояли на первомъ планѣ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, если бы частныя интриги, сдѣлки, личныя отношенія и выгоды не занимали огромнаго мѣста въ совѣщаніяхъ совѣта. Только тамъ, гдѣ въ дѣлѣ были личные интересы, совѣтъ выходилъ изъ своего апатичнаго состоянія, и начиналась ожесточенная борьба личныхъ отношеній». Но, кромѣ личной борьбы, и въ это время была еще борьба партійная, такъ какъ попрежнему существовали партіи «западниковъ» и «славянофиловъ», и вражда ихъ вредно отзывалась на университетскихъ дѣлахъ и вызывала справедливыя жалобы.

---

*) „Русская Старина“ 1898 г. № 6, с. 583.

Къ довершенію безурядицы, царившей въ совѣтѣ московскаго университета, Альфонскій былъ такъ слабъ, что не могъ поддерживать на засѣданіяхъ даже внѣшняго порядка. «Дѣла наши въ университетѣ,—писалъ Бѣляевъ Погодину 1-го апрѣля 1860 года,—очень тревожны, спорамъ и толкамъ нѣтъ конца, созываютъ по пяти засѣданій для одного предмета и сидятъ и спорятъ часовъ по пяти» (Барсуковъ, XVII, 252). Нѣкоторый порядокъ въ университетскомъ совѣтѣ установился только тогда, когда семнадцать профессоровъ составили тѣсно сплоченную группу, подвергавшую университетскія дѣла предварительному обсужденію на частныхъ собраніяхъ. «Этими вечерами,—говоритъ Ешевскій,—доставлялась возможность дружнаго дѣйствія, устранялись недоразумѣнія и разноголосицы... Дѣла были обсуживаемы заранѣе, мнѣніе было уже установлено и много безполезныхъ споровъ прекращалось само собой». Такъ приготовились московскіе профессора къ новымъ условіямъ университетской жизни, которыя были созданы уставомъ 1863 года.

XIII,

Изъ старыхъ профессоровъ историко-филологическаго отдѣленія, унаслѣдованныхъ отъ предыдущаго періода, кромѣ Каченовскаго и Давыдова, наибольшее вниманіе въ литературѣ студенческихъ воспоминаній удѣлено Погодину и Шевыреву. Погодинъ въ 1836—1844 годы занималъ каѳедру русской исторіи, а до того времени читалъ всеобщую исторію для словесниковъ и русскую для юристовъ. Личность Погодина совмѣщала такія рѣзкія противоположности, представляла такое странное сочетаніе добра и зла, что и въ настоящее время, когда мы имѣемъ цѣлыхъ два десятка томовъ его біографіи, трудно сказать вполнѣ опредѣленно, хорошій или дурной онъ былъ человѣкъ. Неудивительно, если въ воспоминаніяхъ его слушателей онъ обрисованъ такими же противоположными и трудно примиримыми чертами. По отзыву, напримѣръ, Гончарова, онъ читалъ исторію «скучно, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь невниманіе къ себѣ», и отъ времени до времени доставлялъ аудиторіи развлеченіе, задавая зазѣвавшемуся студенту вопросъ: «какое я послѣднее слово сейчасъ сказалъ?» Напускной паѳосъ и квасной патріотизмъ Погодина также не ускользали отъ вниманія студентовъ и, конечно, не вызывали ихъ сочувствія. Въ обращеніи со студентами Погодинъ, по словамъ Гончарова, былъ «педантически-условно-ласковъ и педантически-требователенъ».

Совершенно иначе отзывается о Погодинѣ другой студентъ первой половины тридцатыхъ годовъ, пострадавшій за свои политическія увлеченія Костенецкій. По словамъ Костенецкаго, Погодинъ «раскрылъ передъ студентами весь современный кругозоръ исторіи и внушилъ любовь къ этому самому интересному предмету знанія. На лекціяхъ

его, кромѣ студентовъ его факультета, всегда было множество студентовъ другихъ факультетовъ и даже постороннихъ слушателей, такъ что, несмотря на обширность аудиторіи, дѣлалось тѣсно, и студенты окружали даже профессорскій столъ... Студенты любили его до энтузіазма какъ за его прекрасныя лекціи, такъ и за то участіе, какое онъ всегда принималъ въ положеніи студентовъ, особенно бѣдныхъ, которымъ онъ старался найти средства къ ихъ существованію». Далѣе Костенецкій сообщаетъ, что, когда вышелъ первый томъ «Исторіи русскаго народа», студенты заподозрѣли Полевого въ похищеніи погодинскихъ лекцій и даже собирались поколотить его.

Такое же разногласіе относительно Погодина мы встрѣчаемъ въ отзывахъ его слушателей, принадлежащихъ къ числу нашихъ славянофиловъ. К. Аксаковъ говоритъ, что студенты въ большинствѣ случаевъ относились къ Погодину «враждебно», и удивляется его способности «возстановлять противъ себя всѣхъ». При такомъ отношеніи о какомъ-нибудь благотворномъ вліяніи профессора на студентовъ конечно, не могло быть и рѣчи. А Юрій Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій отзываются о Погодинѣ съ большимъ сочувствіемъ и приписываютъ его лекціямъ видную роль въ выработкѣ «новаго воззрѣнія на русскую исторію и русскую жизнь».

Еще рѣзче разногласіе въ той оцѣнкѣ, какую дали Погодину два другихъ его ученика, сдѣлавшихся знаменитыми профессорами и учеными. «Сколько прекрасная наружность Грановскаго,—говоритъ Соловьевъ,—приносила ему пользы, гармонируя съ его художественнымъ преподаваніемъ, привлекая къ нему женщинъ и мужчинъ, столько же вреда приносила Погодину его наружность, имѣвшая въ себѣ кромѣ дурного еще и неблагородное, отталкивающее. Мы пришли слушать Погодина съ предубѣжденіемъ относительно его нравственныхъ качествъ: онъ славился своею грубостью, цинизмомъ, самолюбіемъ и, особенно, корыстолюбіемъ». «Лекціи его,—продолжаетъ Соловьевъ,—не могли возбудить въ студентахъ восторга, сдѣлать изъ нихъ жаркихъ его поклонниковъ. Вотъ какъ онъ училъ: сначала мѣсяцъ, другой посвящался славянскимъ древностямъ, которыя читались буквально по Шафарику; потомъ профессоръ переходилъ къ подробному разсмотрѣнію вопросовъ о достовѣрности русскихъ лѣтописей и о происхожденіи варяговъ-руси... Остальное время Погодинъ проводилъ въ томъ, что приносилъ Карамзина и читалъ изъ него разныя мѣста»...

О Погодинѣ, какъ человѣкѣ, Соловьевъ былъ еще худшаго мнѣнія, чѣмъ о его профессорской дѣятельности.

Совершенно иначе изобразилъ Погодина Буслаевъ въ своей статьѣ «Погодинъ какъ профессоръ» *). «Михаилъ Петровичъ былъ отличный профессоръ, потому что человѣкъ онъ былъ прекрасный»—вотъ къ

---

*) „Мои досуги", ч. II. М. 1886 г.

какому выводу пришелъ Буслаевъ въ своей статьѣ. И въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Буслаевъ также говоритъ о «безграничной благодарности» Погодину за всѣ его попеченія и заботы.

Шевыревъ, ближайшій другъ и журнальный соратникъ Погодина, жалкій соперникъ Бѣлинскаго въ области литературной критики, занималъ каѳедру русской словесности около двадцати пяти лѣтъ (1833—1857) и, подобно своему другу, далеко не у всѣхъ студентовъ оставилъ хорошія воспоминанія. Гончаровъ съ благодарностью вспоминаетъ его «тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ» и его изящную рѣчь, хотя менѣе искреннюю и кипучую, чѣмъ у Надеждина. Буслаевъ также сохранилъ о Шевыревѣ самыя свѣтлыя воспоминанія и называетъ его «любимымъ и дорогимъ профессоромъ».

И Константинъ Аксаковъ говоритъ о выдающемся успѣхѣ первыхъ лекцій Шевырева, но не скрываетъ и того факта, что студенты довольно скоро разочаровались въ новомъ профессорѣ, хотя и не объясняетъ причинъ этого разочарованія. А главная-то причина заключалась въ томъ, что, говоря словами Соловьева, «Шевыревъ богатое содержаніе умѣлъ превратить въ ничто, изложеніе богатыхъ матеріаловъ умѣлъ сдѣлать нестерпимымъ для слушателей своимъ фразерствомъ и безтактнымъ проведеніемъ извѣстныхъ воззрѣній». По свидѣтельству Аѳанасьева, Шевыревъ постоянно проповѣдывалъ съ каѳедры, что русская натура выше всякой другой, что природа славянина многостороннѣе всякой другой, что «краеугольнымъ камнемъ русской исторіи, литературы и народнаго нашего характера была православная вѣра, забытая растлѣннымъ западомъ ради земныхъ выгодъ и разсчетовъ». Какъ извѣстно, и знаменитая фраза о «гніеніи запада» впервые пущена въ литературный оборотъ Шевыревымъ.

Съ неумѣлымъ проведеніемъ идей оффиціальной народности у Шевырева соединялись и разнаго рода странности, вызывавшія смѣхъ или, по крайней мѣрѣ, недовѣріе къ искренности профессора. «Иногда, по словамъ Аѳанасьева, онъ прибѣгалъ къ чувствительности: вдругъ среди умиленной лекціи появлялись на глазахъ слезы, голосъ прерывался и слѣдовала фраза: «но я, господа, такъ переполненъ чувствами... слово нѣмѣетъ въ моихъ устахъ»... и онъ умолкалъ минуты на двѣ». Чуть не каждый годъ Шевыревъ сообщалъ студентамъ такой фактъ: «когда я былъ въ Италіи, я нѣсколько разъ читалъ въ одномъ пустынномъ мѣстѣ стихи Пушкина, и всякій разъ выползали ящерицы и, наслаждаясь мелодіею этихъ стиховъ, тихо прислушивались къ моему голосу».

Шевыревъ старался сближаться со студентами, вступалъ съ ними въ бесѣды, знакомилъ ихъ съ новинками русской литературы, руководилъ ихъ чтеніемъ, поощрялъ ихъ стихотворные опыты и т. д. Фетъ упоминаетъ, хотя и глухо, о «постоянномъ и дорогомъ участіи» къ нему со стороны Шевырева и говоритъ, что ему «не разъ прихо-

дилось хвататься за спасительную руку Степана Петровича» и находить у него «нравственную пристань въ минуты молодыхъ бурь». Но особенною любовью студентовъ Шевыревъ не пользовался, да и не могъ пользоваться, какъ по общему направленію своей литературной и преподавательской дѣятельности, такъ и по своему личному характеру. По словамъ Аѳанасьева, «это былъ человѣкъ мелочно-самолюбивый, искательный, наклонный къ почестямъ и готовый подгадить». «Стоило только,—говоритъ Соловьевъ о Шевыревѣ,—немного, намѣренно или ненамѣренно, затронуть его самолюбіе, и этотъ добрый, мягкій человѣкъ становился звѣремъ, готовъ былъ васъ растерзать, и дѣйствительно растерзывалъ, если жертва была слаба». Полемика съ Бѣлинскимъ и вражда съ Грановскимъ также не могли увеличить число поклонниковъ Шевырева. Не даромъ ему была устроена враждебная демонстрація на магистерскомъ диспутѣ Грановскаго.

По странной ироніи судьбы неумѣренный патріотизмъ Шевырева былъ причиною удаленія его съ каѳедры по распоряженію верховной власти. На засѣданіи совѣта московскаго художественнаго общества 14-го января 1857 года гр. В. А. Бобринскій сталъ рѣзко порицать русскіе порядки и вызвалъ со стороны Шевырева упрекъ въ недостаткѣ патріотизма. Гр. Бобринскій возразилъ, что «Шевыревъ принялъ на себя неблагодарный трудъ быть защитникомъ всякой мерзости и подлости». Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ непечатными ругательствами, затронувшими семейную честь обоихъ соперниковъ, и ссора перешла въ драку, окончившуюся для Шевырева очень печально, такъ какъ гр. Бобринскій унаслѣдовалъ отъ Григорія Орлова атлетическое тѣлосложеніе. Результатомъ этого всероссійскаго скандала, очень юмористически разсказаннаго Тургеневымъ въ письмѣ къ Герцену, была отставка Шевырева *).

На юридическомъ факультетѣ самымъ замѣчательнымъ изъ числа «доморощенныхъ» профессоровъ, унаслѣдованныхъ отъ предыдущаго періода, былъ Морошкинъ, преподававшій почти четверть вѣка (1833—1857 г.) сначала исторію русскаго законодательства, а потомъ гражданское право и судопроизводство. Человѣкъ не глупый и знающій, онъ могъ иногда прочитать блестящую лекцію, но гораздо чаще онъ смѣшилъ студентовъ разнаго рода анекдотами, шутками, смѣхотворными выраженіями и quasi-учеными выводами. Напримѣръ, нужно было опредѣлить, что такое гражданское право. «Право—вѣщаетъ съ каѳедры Морошкинъ—это... это... не горшокъ щей, нѣтъ, это будетъ посложнѣй, тутъ вдругъ не разберешься». И вся лекція, по свидѣтельству Колюпанова, продолжалась въ томъ же тонѣ. «Гражданскую палату—говорилъ онъ по свидѣтельству Бестужева-Рюмина,—нельзя

---

*) См. Барсуковъ, т. XV, гл. 41. Батуринскій. „Герценъ, его друзья и знакомые", т. I, стр. 70—71.

отдать подъ судъ; это не секретарь Прохоръ Благодатный, не женится и не посягаетъ». Вообще, въ лекціяхъ, разговорахъ и даже печатныхъ трудахъ Морошкина дѣльныя мысли были перепутаны съ «совершеннѣйшимъ вздоромъ», какъ выражается Аѳанасьевъ.

На другихъ факультетахъ изъ числа старыхъ профессоровъ лучшими были, не считая Павлова, астрономъ Перевощиковъ, хирурги Альфонскій и Басовъ, анатомъ Страховъ, а изъ числа нѣмцевъ математикъ Брашманъ, химикъ Гейманъ, гинекологъ Рихтеръ, ботаникъ Фишеръ, окулистъ Эвеніусъ и нѣкоторые другіе. Но наряду съ дѣльными профессорами на нѣкоторыхъ каѳедрахъ удержались и такіе преподаватели, которые и въ предыдущемъ періодѣ были посмѣшищемъ въ глазахъ студентовъ, напримѣръ, Оболенскій и Васильевъ.

Наслѣдіемъ прошлаго былъ и профессоръ богословія Терновскій. По свидѣтельству К. Аксакова, «лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ». По словамъ Аѳанасьева, «нравственное богословіе почти ничѣмъ не отличалось отъ Филаретовскаго катехизиса, кромѣ обилія текстовъ», а на лекціяхъ по догматическому богословію можно было слышать такое глумленіе надъ разумомъ: «разумъ человѣческій весьма часто погрѣшаетъ, онъ несовершенъ, слабъ и потемняется мірскими суетами и соблазнами, а посему отметаемъ сей нечистый источникъ». Еще хуже были лекціи по логикѣ и психологіи, начатыя Терновскимъ въ 1850 году по закрытіи каѳедры философіи. По свидѣтельству Соловьева, Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставляя свою совершенную неподготовленность къ ней, но ему указали высочайшее повелѣніе, и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію.

Независимо отъ содержанія, даже и съ внѣшней стороны лекціи Терновскаго, вслѣдствіе гнусливаго голоса, производили непріятное впечатлѣніе. По характеру своему Терновскій, какъ аттестуетъ его Аѳанасьевъ, былъ «грубый, самолюбивый и вполнѣ проникнутый семинарскимъ духомъ попъ». На студентовъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ природныхъ враговъ, и вслѣдствіе строгости и придирчивости на экзаменахъ былъ «общимъ страшилищемъ», по выраженію Бестужева-Рюмина. Особенно щедро ставилъ онъ единицы тѣмъ студентамъ, которые рѣдко заглядывали въ его аудиторію; но и посѣтителямъ его снотворныхъ лекцій иногда приходилось не легче. Однажды, по словамъ Шестакова, онъ обратился къ тремъ студентамъ, которые смѣялись на его лекціи, и заявилъ: «я ставлю вамъ по нулю; ни къ репетиціи, ни къ экзамену васъ не допущу, такъ вы и останетесь на первомъ курсѣ». Еще строже слѣдилъ Терновскій за благочиніемъ въ университетской церкви, не стѣсняясь дѣлать и тамъ публичныя замѣчанія.

XIV.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются воспоминанія о новыхъ профессорахъ, начавшихъ свою преподавательскую дѣятельность при гр. Строгановѣ. Въ этой группѣ университетскихъ наставниковъ, явившихся «миссіонерами человѣческой религіи», первое мѣсто, безспорно, занимаетъ Грановскій, самый знаменитый изъ русскихъ профессоровъ. Не будучи выдающимся ученымъ, Грановскій и своими изящными лекціями, и своею высоконравственной и гуманной личностью, и даже своей наружностью производилъ на студентовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (1839—1855 гг.) необычайно сильное и благотворное вліяніе, о которомъ только приблизительно можно судить на основаніи литературы воспоминаній.

«Никого на свѣтѣ не зналъ я,—говоритъ Буслаевъ,—лучше Грановскаго, совершеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ». По словамъ Кавелина *), «трудно вообразить себѣ натуру болѣе гармоническую, болѣе сочувственную и болѣе обаятельную». «Съ увѣренностью можно было сказать,—заявляетъ Соловьевъ,—что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскому, любилъ отзываться о немъ дурно,—былъ человѣкъ дурной». «Были люди талантливѣе Грановскаго,—говоритъ Колюпановъ,—но никто не имѣлъ такого непередаваемаго и неотразимаго обаянія. Въ немъ было столько любви, примиренія и всепрощенія, что онъ всюду приносилъ съ собою какую-то необыкновенно свѣтлую, чистую и успокоительную атмосферу, гдѣ всякій дѣлался самъ и нравственнѣе, и добрѣе». Даже студенты-медики, по свидѣтельству Бѣлоголоваго, «привыкли видѣть въ Грановскомъ образецъ высокой нравственной чистоты и пріучились дорожить его мнѣніемъ, какъ мнѣніемъ самаго дорогого наставника молодежи».

Съ особеннею полнотою и законченностью прекрасная личность Грановскаго обнаруживалась въ его историческихъ чтеніяхъ. По свидѣтельству Кудрявцева **), «онъ умѣлъ говорить лучшимъ, благороднѣйшимъ человѣческимъ чувствамъ; онъ дѣйствовалъ на свою аудиторію симпатически... Всякій, слышавшій его на каѳедрѣ, выносилъ съ собою какое-то новое возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ большею душевною силою. Въ отвѣтъ на его рѣчь отзывались въ душѣ каждаго самые чистые инстинкты человѣческой природы... Воспитывать чувство правды въ другихъ, было для него святою обязанностью не только на каѳедрѣ, но и въ самой жизни. Молодыя, неиспорченныя сердца особенно хорошо понимали это нравственное превосходство души его, и потому влеклись къ нему такимъ

---

*) „Сочиненія Кавелина“, т. III. Спб. 1899 г.

**) „Сочиненія Кудрявцева“, т. II. М. 1887 г.

горячимъ сочувствіемъ». На лекціяхъ Грановскаго, по словамъ одного изъ послѣднихъ его слушателей, Обнинскаго, поступившаго въ университетъ въ 1855 году, «какъ-то незамѣтно, сами собою вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра».

Кромѣ непосредственныхъ учениковъ Грановскаго, необычайно благотворное нравственное вліяніе его лекцій засвидѣтельствовано такими лицами, какъ К. Аксаковъ и Герценъ. По словамъ Аксакова, Грановскій «воспитывалъ своихъ слушателей; онъ подымалъ ихъ надъ обыденной жизнью въ высшія сферы духа; онъ будилъ въ нихъ благородныя движенія и чувства». «Главный характеръ чтеній Грановскаго,—писалъ въ 1844 году Герценъ,—чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, – сочувствіе, готовое на все отозваться,—любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами».

Нравственное вліяніе лекцій Грановскаго было тѣмъ сильнѣе, что его изложеніе отличалось необычайной художественностью. Правда, съ внѣшней стороны рѣчь его не выдавалась особымъ изяществомъ: онъ говорилъ довольно тихо, шепелявилъ, присюсюкивалъ, заикался, проглатывалъ слова. «Но внѣшніе недостатки,—говоритъ Соловьевъ,—исчезали передъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ». «Изложеніе Грановскаго,—по мнѣнію Соловьева,—можно сравнить съ изящною картиною, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами». По отзыву другого замѣчательнаго русскаго историка, Бестужева-Рюмина *), «курсъ Грановскаго отличался изяществомъ построенія, сжатою картинностью изложенія. Это были очерки, но до того мастерскіе, что трудно приблизить къ нимъ чье-либо изложеніе». «Когда дѣло шло о великихъ историческихъ дѣятеляхъ,—говоритъ Кудрявцевъ,—казалось, не медленное слово ученаго, а вѣрный рѣзецъ художника проводилъ ихъ отчетливо-ясные очерки». По словамъ Н. Дмитріева, Грановскій «выводилъ историческихъ дѣятелей, какъ живыхъ, со всѣми ихъ думами, страстями, заблужденіями». Вообще, говоря словами Кавелина, «Грановскій былъ не столько ученымъ и педагогомъ, сколько художникомъ на каѳедрѣ. Дѣйствіе его на слушателей и окружавшихъ объясняется не строгой послѣдовательностью ученой аргументаціи, а тайной непосредственной убѣди-

---

*) „Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина". Спб. 1900 г. Изъ „Сборника" II отд. академіи наукъ, т. LXVII, № 4.

тельности самаго изящнаго, глубоко-прочувствованнаго изложенія». Недаромъ Грановскаго называютъ иногда Пушкинымъ каѳедры.

Въ какой обстановкѣ приходилось Грановскому читать свои вдохновенныя лекціи, можно судить по воспоминаніямъ Н. Дмитріева и Обнинскаго. «Глубокая тишина,—говоритъ Н. Дмитріевъ,—царствовала въ аудиторіи. Кругомъ на скамьяхъ, стульяхъ, столахъ, на самыхъ приступкахъ каѳедры тѣснились слушатели и скрипѣли перья. Но перья вдругъ умолкали подъ вліяніемъ какой-нибудь возвышенной мысли или изящнаго образа; самое дыханіе какъ будто мѣшало слуху; вся аудиторія превращалась въ беззвучный, напряженный слухъ, и еще торжественнѣе выступалъ тихій симпатическій голосъ профессора». По словамъ Обнинскаго, «громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшившими занять ближайшія мѣста... всѣ ступеньки, окружавшія каѳедру, были заняты; толпа виднѣлась и сзади каѳедры, и въ промежуткахъ между скамьями, и на подоконникахъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши; видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему-то необычному, праздничному, интересному».

Кромѣ лекцій благотворно вліяли на студентовъ и домашнія бесѣды Грановскаго, который былъ для всѣхъ доступенъ и готовъ былъ помочь всѣмъ и каждому совѣтами, книгами и деньгами. «По его книгамъ,—говоритъ Кудрявцевъ,—какъ и изъ его уроковъ, учились многія поколѣнія. Въ своемъ кабинетѣ онъ былъ какъ-то особенно простъ и исполненъ снисходительнаго вниманія къ вопросамъ и недоумѣніямъ, часто довольно наивнымъ, любознательной юности. Простоту своего обращенія онъ доводилъ до такой степени, что именно въ его присутствіи забывалось чувство умственнаго его превосходства. Съ двухъ трехъ разъ онъ умѣлъ внушить столько нравственнаго довѣрія къ себѣ, что самая неопытная мысль высказывалась передъ нимъ безъ всякаго внутренняго принужденія. Передъ его дружески-благосклоннымъ взглядомъ и ободрительнымъ выраженіемъ какъ будто исчезало различіе возрастовъ, ума, знанія, и окружающіе его молодые слушатели, несмотря на ихъ незрѣлость, казались сверстниками его—если не по уму, то по чувству».

Само собой понятно, что Грановскій пользовался среди студентовъ безпримѣрной популярностью и любовью. Любовь эта проявлялась при каждомъ удобномъ случаѣ и съ особенной силой обнаружилась во время защиты Грановскимъ магистерской диссертаціи 21-го февраля 1845 года. По словамъ Еленева, «едва Грановскій взошелъ на каѳедру, какъ раздалось оглушительное хлопанье въ ладоши. Затѣмъ каждое слово Грановскаго... и тѣхъ профессоровъ, которые его поддерживали, сопровождалось такимъ же взрывомъ рукоплесканій, а каждое возраженіе его оппонентовъ (Шевырева и Бодянскаго) встрѣчаемо было

шиканьемъ, топаньемъ ногъ и стукомъ стульевъ со стороны всей огромной толпы, состоявшей болѣе чѣмъ изъ 700 человѣкъ». По окончаніи же диспута студенты подняли Грановскаго на руки и вынесли изъ зала. «Когда Грановскій одѣлся,—по словамъ Колюпанова,—повторилась та же сцена: его несли черезъ весь дворъ вплоть до извозчика, а крики гремѣли, такъ что прохожіе останавливались».

Скоропостижная смерть Грановскаго отъ нервнаго удара 4-го октября 1855 года произвела потрясающее впечатлѣніе на его друзей, товарищей и учениковъ. «Легко себѣ представить наше горе, весь нашъ ужасъ,—говоритъ Обнинскій,—когда... по университету пронеслась грозная вѣсть, что Тимоѳей Николаевичъ внезапно скончался». Въ университетѣ прекратились лекціи, такъ какъ и профессора и студенты бросились на квартиру покойнаго. Студенты несли гробъ Грановскаго на рукахъ отъ университетской церкви черезъ весь городъ до Пятницаго кладбища. «Путь—по свидѣтельству Бодянскаго—былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями». На голову покойнаго студенты возложили вѣнокъ изъ лавровъ и миртовъ. «Никогда—говоритъ Тургеневъ—не забуду я этого длиннаго шествія, этого гроба, тихо колыхавшагося на плечахъ студентовъ, этихъ обнаженныхъ головъ и молодыхъ лицъ, облагороженныхъ выраженіемъ честной и искренней печали». Глубоко-прочувствованные некрологи столичныхъ газетъ разнесли печальную вѣсть по всей Россіи, и рѣдко гдѣ не вызвали глубокой и искренней печали. А затѣмъ стали появляться воспоминанія, статьи, стихотворенія, наконецъ, цѣлыя книги, посвященныя Грановскому, и передъ глазами потомства на мрачномъ фонѣ дореформенной Россіи все ярче и ярче выступаетъ незабвенный «профессоръ сороковыхъ годовъ», «Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека», по выраженію Никитенка, «другъ Истины, Добра и Красоты», говоря стихомъ Некрасова *).

Изъ другихъ профессоровъ философскаго факультета рядомъ съ Грановскимъ въ литературѣ воспоминаній чаще всего стоятъ Крюковъ и Кудрявцевъ. Крюковъ, занимавшій каѳедру римской словесности въ теченіе десяти лѣтъ (1835—1845), оставилъ по себѣ память основательнаго ученаго, краснорѣчиваго профессора и прекраснаго человѣка. О его «блистательныхъ» лекціяхъ читанныхъ частью по-русски, частью по-латыни, о его «до крайности выпуклыхъ и изящныхъ объясненіяхъ» съ благодарностью вспоминаютъ Буслаевъ, Соловьевъ, Полонскій, Фетъ, Шестаковъ и др. «Въ лекціяхъ... Крюкова,—говоритъ Шестаковъ,—оживала передъ нами величавая фигура древняго римлянина и весь римскій міръ вставалъ передъ глазами нашими и принималъ осязательную форму». Особенно восторженно отзывается о Крюковѣ

---

*) О Грановскомъ см. книгу Ч. Вѣтринскаго: „Грановскій и его время". Спб. 1905 г.

его ученикъ проф. Леонтьевъ въ «Біографическомъ словарѣ московскаго университета». «Самая наружность Крюкова — по словамъ Н. Дмитріева,—была необыкновенна и прекрасна... Вся фигура его носила на себѣ печать какого-то особаго изящества. Когда онъ входилъ на каѳедру, глаза всѣхъ невольно останавливались на его прекрасной физіономіи». Съ внѣшней стороны тщательно обработанныя лекціи Крюкова стояли гораздо выше вдохновенныхъ импровизацій Грановскаго. Но и въ блестящей, музыкальной рѣчи Крюкова, и въ его прекрасной наружности, и даже въ его характерѣ было что-то холодное. «Въ его привѣтливомъ обращеніи съ нами,—говоритъ Буслаевъ—чувствовалась сдержанная снисходительность». Благодаря этой холодности и сдержанности, Крюковъ, по словамъ Соловьева, «могъ внушать къ себѣ только большое уваженіе, не внушая сильной, сердечной привязанности». Точно также и лекціи Крюкова по своему нравственному воздѣйствію стояли ниже чтеній Грановскаго.

Гораздо ближе въ этомъ отношеніи стоялъ къ Грановскому его ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ, Кудрявцевъ, преподававшій всеобщую исторію въ теченіе десяти лѣтъ (1847—1857). «Эти два профессора,—говоритъ Бестужевъ-Рюминъ *),—взаимно дополняли другъ друга и сходились между собой въ томъ, что для обоихъ исторія имѣла воспитательный характеръ; оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать преимущественно на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны». Кудрявцевъ, подобно Грановскому, пользовался уваженіемъ и любовью своихъ товарищей и студентовъ. Какъ человѣкъ и товарищъ, по словамъ Соловьева, онъ «былъ чрезвычайно привлекателенъ: въ немъ было что-то святое... и какая-то очень пріятная, ласкающая теплота». По словамъ Обнинскаго, отъ него вѣяло «чѣмъ-то необыкновенно-чистымъ, дѣтски-наивнымъ, чѣмъ-то *не отъ міра сего*». Эта душевная теплота привлекала къ Кудрявцеву очень многихъ студентовъ, которые были усердными посѣтителями его домашнихъ бесѣдъ. «Простъ и радушенъ былъ его пріемъ,—вспоминаетъ Ешевскій **),—и кто изъ студентовъ разъ побывалъ у него, для того навѣрно это было только началомъ частыхъ посѣщеній». Неудивительно, что по смерти Грановскаго «осиротѣвшія студенческія симпатіи» всецѣло были перенесены на Кудряцева. Съ тревогой и опасеніями смотрѣли студенты на высокую, худощавую фигуру своего любимаго профессора, съ ввалившеюся грудью, съ безкровнымъ лицомъ и замогильнымъ голосомъ. Послѣ смерти Грановскаго эта тревога и боязнь за жизнь и здоровье Кудрявцева усилились еще болѣе. И дѣйствительно, черезъ два года, 21-го января 1858 года, Москва была свидѣтельницею новыхъ торжественныхъ похоронъ про-

*) „Біографіи и характеристики“. Спб. 1882 г. Біографія Ешевскаго.

**) „Русскій Вѣстникъ“ 1858 г., январь, книжка 2-я.

фессора. Несмотря на морозъ и глубокій снѣгъ, студенты на рукахъ несли гробъ Кудрявцева до самой могилы. Благодаря громадному стеченію провожавшихъ, похоронная процессія растянулась на двѣ версты.

Коротка была жизнь и профессорская дѣятельность и Ешевскаго, талантливаго ученика Грановскаго и Кудрявцева, унаслѣдовавшаго каѳедру своихъ учителей (1858—1865) и ту любовь, которою они пользовались среди студентовъ. «Не многимъ изъ преподавателей,— говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, — выпало на долю то горячее чувство любви, которое возбудилъ къ себѣ Ешевскій».

Еще болѣе блестящимъ метеоромъ промелькнулъ въ московскомъ университетѣ эллинистъ Печеринъ, прочитавшій нѣсколько лекцій въ 1836 году, затѣмъ эмигрировавшій и закончившій свое жизненное поприще священникомъ іезуитскаго ордена. По воспоминаніямъ Юрія Самарина и Буслаева, это былъ красивый, изящный и симпатичный молодой человѣкъ съ высокими дарованіями, обширными свѣдѣніями и художественнымъ изложеніемъ своихъ мыслей.

Грановскій, Кудрявцевъ, Крюковъ и Ешевскій умерли въ сравнительно молодомъ возрастѣ: первые два прожили сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, остальные не дожили и до сорока лѣтъ. Несравненно благосклоннѣе оказалась судьба къ двумъ другимъ выдающимся профессорамъ московскаго университета, къ Соловьеву и Буслаеву, преподавательская дѣятельность которыхъ началась въ сороковыхъ годахъ и продолжалась болѣе тридцати лѣтъ *).

Уже первыя лекціи Соловьева, по свидѣтельству Аѳанасьева, отличались «и свѣжестью взгляда, и фактическою полнотою», хотя и не производили на студентовъ такого чарующаго впечатлѣнія, какъ лекціи Грановскаго и Кудрявцева. Внѣшнимъ блескомъ лекціи Соловьева не отличались и впослѣдствіи. По словамъ В. О. Ключевскаго **), онъ «говорилъ отрывисто, точно рѣзалъ свою мысль тонкими удобопріемлемыми ломтиками». «Чтеніе Соловьевъ,—продолжаетъ тотъ же его ученикъ,—не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе; но оно заставляло размышлять. Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ... Лекція Соловьева далеко не была для насъ развлеченіемъ, но мы выходили изъ его аудиторіи безъ чувства утомленія». Происходило это оттого, что мысль Соловьева отличалась необыкновенной ясностью, всегда отливалась въ соотвѣтствующую форму и «чистымъ, полновѣснымъ зерномъ падала въ умы слушателей». «Соловьевъ,—говоритъ дальше Ключевскій,—давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройной нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ

*) Соловьевъ, занявъ каѳедру Погодина въ 1845 году, читалъ лекціи по русской исторіи до 1877 года. Буслаевъ явился на смѣну Давыдову въ 1847 году и оставилъ профессуру только въ 1881 году.

**) „Воспоминанія о студенческой жизни". М. 1899 г.

фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи... Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія. Онъ не давалъ слушателю ни одного крупнаго факта, не озаривъ его свѣтомъ этихъ идей. Благодаря этому, курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи, оказывалъ на насъ сильное методическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ». Возбуждая и развивая мышленіе студентовъ, лекціи Соловьева въ то же время дѣйствовали развивающимъ образомъ и въ нравственномъ отношеніи. «Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ,— говоритъ Ключевскій,—онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь къ языку древне-русскаго лѣтописца, «знаменіе правды Божіей»... Эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своей нравственной стороной, та же ученая связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, къ категоріямъ преступленія и возмездія. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ въ томъ простомъ смыслѣ, что не исключалъ изъ среды своихъ наблюденій мотивовъ и явленій нравственной жизни».

Читая лекціи, работая надъ своей многотомной «Исторіей Россіи», Соловьевъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ экономизировать время, успѣвалъ слѣдить за литературой «по всему кругу наукъ политическихъ и историческихъ», за текущими международными отношеніями, за русской литературой, даже за иностранной литературой путешествій. Не уклонялся также Соловьевъ и отъ служенія родному университету въ должности ректора и отъ борьбы съ врагами науки и академической свободы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полной противоположностью своему не менѣе знаменитому товарищу, Буслаеву, который почти не выходилъ за предѣлы своей спеціальности, брезгливо сторонился отъ всякой «политики» и уклонялся отъ всякихъ должностей. «Для меня, - говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— нѣтъ ничего скучнѣе, какъ тарабарская грамота политическихъ дебатовъ». «Что же касается,—говоритъ онъ дальше,—до университетской администраціи, которая по новому уставу (1863 г.) была ввѣрена совѣту... то она нисколько меня не интересовала. Всякіе протоколы, отношенія, резолюціи и другія канцелярскія бумаги были для меня тарабарскою грамотой, и я ни разу не соблазнился административною почестью декана или ректора, вполнѣ довольствуясь званіемъ только профессора, который отвѣчаетъ самъ за себя и ничего другого не хочетъ знать».

И студентамъ Буслаевъ, по свидѣтельству проф. Кирпичникова *),

*) См. его „Очерки по исторіи новой русской литературы".

доказывалъ, что, отдаваясь политикѣ, они уклоняются отъ своего прямого долга. Источникомъ всего дурного въ Россіи онъ считалъ невѣжество, а главнымъ лекарствомъ противъ этого зла — гуманитарныя науки. Но сторонясь отъ политики и университетскихъ дѣлъ, Буслаевъ тѣсно сближался съ учащейся молодежью на почвѣ научныхъ интересовъ, тогда какъ Соловьевъ сознательно уклонялся отъ такого сближенія, дорожа временемъ для своихъ ученыхъ занятій. У Буслаева были назначены опредѣленные дни, когда къ нему собиралась масса молодежи, получая отъ радушнаго хозяина книги, совѣты, указанія, угощеніе, уроки, матеріальную и нравственную помощь. За своихъ учениковъ Буслаевъ, по свидѣтельству Кирпичникова, «готовъ былъ душу положить». Если студентъ, избравшій его спеціальность, «попадалъ въ какую-нибудь исторію, конечно, не безнравственнаго характера, Буслаевъ на выручку ему пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, ѣздилъ, просилъ, кланялся (какъ никогда онъ не сталъ бы просить за родного сына) и нерѣдко спасалъ всю будущность молодого человѣка».

Будучи замѣчательнымъ ученымъ и добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, Буслаевъ въ то же время былъ и выдающимся лекторомъ. Изяществу его наружности, костюма и манеръ вполнѣ соотвѣтствовало и изящество его тщательно обработанныхъ лекцій. Каждая фраза Буслаева, по выраженію Кирпичникова, была «граціозна и гармонична». Какъ бы ни былъ далекъ предметъ его лекціи отъ современной жизни, «биткомъ набитая большая *словесная* аудиторія,—по свидѣтельству Ключевскаго, — едва замѣчала, какъ пролетали сорокъ урочныхъ минутъ». Вообще, если не для всѣхъ, то для очень многихъ Буслаевъ былъ идеаломъ профессора.

Яркій слѣдъ въ исторіи московскаго университета оставилъ и Тихонравовъ, занимавшій каѳедру исторіи русской литературы въ теченіе тридцати лѣтъ (1859—1889). Въ отношеніи научной продуктивности онъ стоялъ ниже Соловьева и Буслаева, тѣмъ не менѣе ему удалось создать цѣлую школу изслѣдователей древней русской литературы, и не столько своими изданіями древнихъ памятниковъ, сколько университетскими чтеніями, всегда тщательно обработанными, очень содержательными и крайне цѣнными съ методологической точки зрѣнія. «Лекція его,—говоритъ Ключевскій,—составлялась изъ трудолюбиво подобранныхъ и мастерски сложенныхъ подробностей, которыя осторожно обобщались и умѣренно освѣщались разсужденіями лектора. Нерѣдко она имѣла видъ изящной мозаики разнообразныхъ мелкихъ данныхъ, которыя своимъ подборомъ и расположеніемъ представляли такое послѣдовательное развитіе мысли профессора и живостью конкретныхъ чертъ сообщали предмету такую изобразительную наглядность, что, несмотря на свое обиліе, легко и стройно укладывались въ памяти слушателя... Всѣмъ этимъ, при его превосходной манерѣ

чтенія, лекціи его производили сильное методологическое впечатлѣніе». Подобно своему учителю Буслаеву, Тихонравовъ былъ очень доступенъ для студентовъ и готовъ былъ служить имъ совѣтами, лекціями, книгами, даже квартирой и одеждой. Но въ то же время, подобно Соловьеву, онъ не уклонялся отъ выборныхъ должностей и съ честью и рѣдкимъ гражданскимъ мужествомъ исполнялъ обязанности ректора въ такое тяжелое для Россіи и для русскихъ университетовъ время, какъ конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ (1877—1883).

Менѣе продолжительна и менѣе блестяща была профессорская дѣятельность слависта Бодянскаго и латиниста Леонтьева. Упрямый и грубый по характеру, несимпатичный по наружности, неуклюжій по манерамъ, живо напоминавшій гоголевскаго Собакевича, Бодянскій не отличался также краснорѣчіемъ и не пользовался особенной любовью студентовъ, хотя, безспорно, былъ полезнымъ профессоромъ и даже заслужилъ имя «Нестора русскихъ славистовъ». То же самое слѣдуетъ сказать и о Леонтьевѣ, извѣстномъ сотрудникѣ Каткова и главномъ виновникѣ насажденія въ Россіи «толстовскаго» классицизма. Онъ также былъ не казистъ по внѣшности и еще менѣе былъ мастеръ говорить, хотя лекціи его отличались содержательностью и даже увлекали слушателей. Но зато въ нравственномъ отношеніи Леонтьевъ былъ далеко ниже Бодянскаго.

По словамъ Соловьева, «Леонтьевъ былъ цѣпокъ во враждѣ, и здѣсь онъ былъ отвратителенъ по мелкости взгляда, по стремленію копаться въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ натуры человѣческой, обходя мѣста чистыя. Это былъ художникъ клеветы; всякій совершенно случайный поступокъ непріятнаго ему человѣка онъ перетолковывалъ въ дурную сторону и тутъ не робѣлъ ни передъ чѣмъ; наглость, до какой онъ могъ доходить въ клеветѣ, ошеломляла; честный человѣкъ поникалъ, совершенно падалъ духомъ на первое время; тутъ Леонтьевъ являлся адскимъ существомъ, ибо заставлялъ вѣрить въ силу зла Интрига—было первое и послѣднее слово Леонтьева» *).

Слѣдуетъ упомянуть, что и среди молодыхъ профессоровъ историко-филологическаго отдѣленія были очень жалкіе преподаватели вродѣ эллиниста Меншикова, «человѣка,—по отзыву Соловьева,—бездарнаго, невыносимаго на лекціяхъ и съ головой не очень стройно организованной». Особенно не посчастливилось въ сороковыхъ годахъ каѳедрѣ философіи. Сначала занималъ ее магистръ богословія Терновскій, братъ профессора богословія, но своими «усыпительными лекціями» онъ скоро возстановилъ студентовъ и былъ удаленъ изъ университета въ 1839 году. Послѣ Терновскаго каѳедра философіи пустовала шесть лѣтъ до назначенія извѣстнаго Каткова (1845—1850), который также оказался очень неудачнымъ профессоромъ. Правда,

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1896 г., № 4, стр. 23.

его лекціи по исторіи философіи нравились студентамъ и даже, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, «имѣли особое обаяніе», когда излагалась шеллингова система миѳологіи. Но зато лекціи Каткова по логикѣ и психологіи были изъ рукъ вонъ плохи. «Изложеніе его,—говоритъ Аѳанасьевъ,—отличалось безсвязностью и неясностью. Самъ онъ чувствовалъ этотъ недостатокъ, потому что почти каждую лекцію заключалъ словами: «конечно, для васъ это теперь не совсѣмъ ясно, но мы постараемся выяснить сказанное нами въ слѣдующее чтеніе», но дѣло оставалось только при обѣщаніяхъ. Самъ профессоръ чувствовалъ, что взялся не за свое дѣло. Онъ «по цѣлымъ полугодіямъ,—говоритъ Соловьевъ,—сказывался больнымъ и велъ ужасную жизнь: сидѣлъ взаперти въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая и не будучи боленъ физически». Только закрытіе каѳедры философіи избавило Каткова отъ этой нравственной пытки.

XV.

Изъ профессоровъ юридическаго факультета самымъ знаменитымъ былъ Никита Крыловъ, занимавшій каѳедру римскаго права тридцать семь лѣтъ (1835—1872). Въ нравственномъ отношеніи это былъ человѣкъ прямо ужасный. Соловьевъ *) называетъ его «человѣкомъ, чистымъ отъ всякихъ убѣжденій, нравственныхъ и научныхъ», способнымъ «на всякое безнравственное дѣло». Онъ былъ взяточникъ, пьяница, деспотъ въ семейной жизни. Вообще, «Крыловъ,—по словамъ Соловьева,—несмотря на свой умъ и на то гуманное общество, въ которомъ находился, не умѣлъ стереть съ себя нисколько деревенской и семинарской грязи, являлся олицетворенной грубостью, грязью, особенно тамъ, гдѣ ему не нужно было себя сдерживать внѣшними отношеніями, т.-е. дома, когда онъ былъ въ халатѣ... Когда онъ былъ не въ духѣ, то цинизмъ его въ присутствіи жены доходилъ до невоображаемой степени: онъ не удерживался отъ площадной брани, отъ самыхъ неделикатныхъ упрековъ».

Обращеніе Крылова со студентами было также грубое и безцеремонное: даже въ царствованіе императора Александра II онъ продолжалъ говорить студентамъ «ты», хотя и боялся «закатывать единицы» съ тою щедростью, съ какой онъ дѣлалъ это раньше. Нравственное безобразіе у Крылова соединялось съ физическимъ. По словамъ Соловьева, «это былъ маленькій человѣчекъ съ самыми непріятными, отталкивающими чертами лица, съ глазами, обыкновенно имѣющими какое-то ядовитое, хищное выраженіе», не говоря уже о грубыхъ, семинарскихъ манерахъ. Какъ ученый, Крыловъ, несмотря на глубокій умъ и блестящія способности, не оставилъ почти никакого слѣда

---

*) „Русскій Вѣстникъ" 1896 г., № 3.

въ наукѣ и, проживъ болѣе семидесяти лѣтъ, напечаталъ всего только одну рѣчь и одну критическую статью. Объясняютъ такой странный фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что науки своей онъ не любилъ и за развитіемъ ея мало слѣдилъ.

Несмотря на всѣ свои нравственные и научные минусы, Крыловъ былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ профессоровъ, а Бестужевъ-Рюминъ называетъ его даже «геніальнымъ профессоромъ». Онъ обладалъ блестящимъ даромъ изложенія, необыкновенно логичнаго, страстнаго, художественнаго, пластичнаго и въ то же время оригинальнаго. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ такіе выдающіеся слушатели Крылова, какъ кн. Черкасскій, Аѳанасьевъ, Колюпановъ, Бестужевъ-Рюминъ, Обнинскій, наконецъ, С. А. Муромцевъ и А. Ѳ. Кони, посвятившій памяти Крылова свои «Судебныя рѣчи». «Широкій умъ, образность выраженія, умѣнье понять,—говоритъ Бестужевъ-Рюминъ,—самыя тонкія черты института и выставить ихъ ярко—вотъ отличительныя черты Крылова... Его образцовая юридическая логика, яркая образность его языка памятны всѣмъ его слушателямъ: основы гражданскаго права запечатлѣвались въ памяти какъ-то сами собою». По словамъ Обнинскаго, «нерѣдко вся аудиторія грохотала раскатистымъ, неудержимымъ хохотомъ отъ выраженій, сопоставленій, жестовъ и мимики, которыми Никита Ивановичъ щедро уснащалъ свое изложеніе... Его мѣткій, сжатый, необыкновенно-образный языкъ не довольствовался словомъ: ему необходимы были еще и тѣлодвиженія. Онъ вертѣлся на своемъ креслѣ, упираясь въ ручки, ёрзалъ имъ по каѳедрѣ, рискуя слетѣть внизъ, стучалъ по пюпитру, комкалъ свой красный платокъ, а разъ, объясняя символизацію проявленія права собственности посредствомъ «наложенія руки», такъ размахнулся и треснулъ по своей табакеркѣ съ крикомъ «моя вещь!» что та кубаремъ покатилась на полъ и завертѣлась по паркету... Благодаря подобнымъ украшеніямъ и дивертисментамъ, сухой, отвлеченный, такъ далекій отъ дѣйствительности для нашей юной, неумѣлой концепціи предметъ слушался съ глубочайшимъ, постоянно освѣжаемымъ вниманіемъ». Такимъ же блестящимъ профессоромъ оставался Крыловъ до самаго конца своей преподавательской дѣятельности, о чемъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство его ученика и преемника по каѳедрѣ С. А. Муромцева, который называетъ своего учителя «профессоромъ-артистомъ».

Крыловъ, какъ ученикъ Савиньи, былъ представителемъ исторической школы въ юриспруденціи. Наиболѣе блестящимъ представителемъ философскаго направленія въ правѣ былъ гегеліанецъ Рѣдкинъ, читавшій энциклопедію права и русское государственное право (1835—1847 г.). Впослѣдствіи Рѣдкинъ эмансипировался отъ вліянія философіи Гегеля, но во время своего профессорства въ Москвѣ, по свидѣтельству Аѳанасьева, «онъ былъ истый гегелистъ; Гегеля онъ

уважалъ по преимуществу между всѣми германскими философами и по его началамъ построилъ всѣ свои лекціи... Всѣ лекціи его дѣлились на три части, изъ которыхъ каждая опять на три, и такъ далѣе». Искусственность и однообразіе системы, которой держался Рѣдкинъ въ своихъ чтеніяхъ, не всегда нравилась его слушателямъ, но развивающее значеніе его лекцій не подлежитъ сомнѣнію. «Лекціи Рѣдкина,— вспоминаетъ Бестужевъ-Рюминъ,—намъ были очень полезны, онѣ пріучали правильно мыслить; самая искусственность его изложенія... сильно способствовала развитію».

Свои лекціи Рѣдкинъ читалъ «съ ораторскимъ воодушевленіемъ» и обыкновенно заканчивалъ какой-нибудь громкой фразой. Такъ, напримѣръ, одна изъ его вступительныхъ лекцій, по свидѣтельству Колюпанова, заканчивалась словами: «ничего нѣтъ выше истины, и наука—пророкъ ея, но, какъ все святое и великое въ мірѣ, истина требуетъ подвига труднаго, самоотверженія беззавѣтнаго. Возьмите же крестъ вашъ и грядите по мнѣ!» Бестужевъ-Рюминъ слышалъ другую вступительную лекцію, которая кончалась обращеніемъ: «Придите, сыны свѣта и свободы, въ область свободы!» Лекціи Рѣдкина обыкновенно вызывали оглушительныя рукоплесканія, несмотря на то, что такія проявленія восторга въ то время были запрещены, а самъ ораторъ не пользовался любовью студентовъ за свою строгость и формализмъ. На первыхъ порахъ Рѣдкинъ производилъ такое сильное впечатлѣніе, что студенты ради его лекцій переходили съ другихъ факультетовъ на юридическій. Такъ поступили, между прочимъ, Колюпановъ и Бестужевъ-Рюминъ. Кромѣ ораторскаго воодушевленія Рѣдкинъ увлекалъ своихъ слушателей и своей эрудиціей, и своимъ либерализмомъ. Онъ открыто возмущался тѣмъ, что «у насъ людей продаютъ, какъ дрова», и открыто восхищался англійской конституціей. Колюпановъ даже заявляетъ, что «университетская молодежь, выходя изъ аудиторіи Рѣдкина, вся дѣлалась англоманами». Къ сожалѣнію, крыловская исторія отняла у московскаго университета этого выдающагося профессора.

Вмѣстѣ съ Рѣдкинымъ ушелъ и Кавелинъ, читавшій съ 1844 г. лекціи по исторіи русскаго законодательства и пользовавшійся большой популярностью среди студентовъ. Этотъ необыкновенно симпатичный, живой, отзывчивый и увлекающійся человѣкъ своими простыми, ясными, остроумными, но въ тоже время и содержательными лекціями привлекалъ массу слушателей. Особенно сильно дѣйствовала на студентовъ глубокая искренность молодого профессора. «Профессоръ,—говоритъ о Кавелинѣ Бестужевъ-Рюминъ,—былъ почти также молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрической искрой сообщалось студентамъ». По словамъ Колюпанова, «слушатели чувствовали, что передъ ними человѣкъ, который самъ дошелъ до того, что онъ говоритъ, ни у кого не заимствовалъ, и этому глубоко и искренно вѣритъ, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ».

Подобно Грановскому, Кавелинъ входилъ въ самое тѣсное общеніе со студентами и, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, «говорилъ черезчуръ откровенно». По словамъ Колюпанова, «въ свои отношенія къ студентамъ Кавелинъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и задушевной простоты, что передъ нимъ, такъ-сказать, всѣ являлись нараспашку, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго онъ могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга». Въ домашнихъ бесѣдахъ со студентами Кавелинъ чаще всего затрагивалъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство его посѣтителей были сыновьями помѣщиковъ, или «рабовладѣльцевъ», какъ выражался откровенный хозяинъ. «Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостного права,—говоритъ Колюпановъ,—имѣлъ гражданское значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; невольно болѣе или менѣе протестъ этотъ переходилъ на слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва».

Остальные профессора юридическаго факультета не оставили въ литературѣ воспоминаній такого блестящаго слѣда, какъ Крыловъ, Рѣдкинъ и Кавелинъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ свое время и пользовались популярностью среди студентовъ, напримѣръ: Бакстъ, Ѳ. Дмитріевъ, Капустинъ, Мильгаузенъ, Чичеринъ и др. Были также и плохіе профессора, среди которыхъ особенно выдаются Баршевъ и Орнатскій.

Сергѣй Баршевъ читалъ полицейское и уголовное право болѣе сорока лѣтъ (1835—1876) и на первыхъ порахъ былъ дѣльнымъ и полезнымъ преподавателемъ, но очень скоро остановился въ своемъ развитіи и превратился въ «ископаемаго» профессора. Лекціи его состояли въ чтеніи собственнаго руководства по уголовному праву и руководства своего брата по уголовному судопроизводству. Читалъ онъ вяло, сухо, темно, притомъ пискливымъ голосомъ; воодушевлялся онъ только тогда, когда рѣчь заходила о женщинахъ, къ которымъ онъ питалъ особенно враждебныя чувства. Въ его лекціяхъ, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, все было направлено къ оправданію уложенія о наказаніяхъ и защитѣ письменнаго судопроизводства. «Либерализмъ его,—говоритъ Аѳанасьевъ,—не простирался дальше квартальнаго». Онъ не только защищалъ смертную казнь, но оправдывалъ тѣлесныя наказанія и даже проповѣдывалъ, что хорошее обращеніе съ арестантами размножаетъ преступленія.

Скука пошлыхъ лекцій Баршева, направленныхъ къ оправданію существующаго, сдабривалась иногда не менѣе пошлыми примѣрами и анекдотами, которые составляли единственное добавленіе къ его пе-

чатному курсу. Особенно любилъ онъ приводить такой примѣръ: «Коли въ подворотню, вечернею порою, въ глухомъ переулкѣ, лѣзетъ мужиченко въ дырявомъ зипунишкѣ—какъ думаешь, зачѣмъ онъ туда лѣзетъ? ясное дѣло, что мужиченко затѣваетъ украсть бѣлье, развѣшанное на дворѣ для сушки. Ну, а коли въ ту же самую подворотню, такою же вечернею порою, полѣзетъ генералъ со звѣздою и въ лентѣ черезъ плечо? Заподозришь ли сего генерала въ покушеніи на кражу вышеозначеннаго бѣлья, развѣшаннаго для сушки? Отнюдь нѣтъ, а очевидно, что у его превосходительства завелися здѣсь любовныя шашни». Подобные примѣры онъ спрашивалъ даже на экзаменахъ. Одинъ студентъ усердно вызубрилъ къ экзамену лекціи Баршева, но получилъ двойку, потому что не зналъ вновь разсказаннаго анекдота о тещѣ профессора *).

Еще большимъ посмѣшищемъ юридическаго факультета былъ Орнатскій, преемникъ Рѣдкина на каѳедрѣ энциклопедіи права. По отзыву Бестужева-Рюмина, это былъ «нелѣпый педантъ: лекціями онъ возбуждалъ только смѣхъ, ибо, продиктовавъ самымъ дикимъ языкомъ нѣсколько предложеній, начиналъ объяснять ихъ скороговоркою, въ которой ничего понять было нельзя... На экзаменѣ онъ требовалъ буквальнаго повторенія своихъ словъ, и если параграфъ начинался съ «понеже», то нельзя было начать его другимъ словомъ». На лекціяхъ онъ часто бранилъ Рѣдкина, а учениковъ его называлъ «атеистами и революціонерами». Онъ не ограничивался оправданіемъ существующаго, подобно Баршеву: съ каѳедры его, по свидѣтельству Обнинскаго, «неистово раздавались... самая безшабашная хула, самыя отчаянныя проклятія всему «западному», всему человѣческому, всему научному. Особенною ненавистью профессора пользовались несчастныя Франція и Америка; авторитеты, великія историческія имена, великія завоеванія въ области мысли—все это безпощадно топталось ногами и разсыпалось, какъ это думалъ ораторъ, въ прахъ».

Изъ профессоровъ медицинскаго факультета самымъ знаменитымъ былъ, безспорно, Иноземцевъ, занимавшій каѳедру практической хирургіи въ теченіе четверти вѣка (1835—1859) и оставившій самыя свѣтлыя воспоминанія у цѣлаго ряда поколѣній учащейся молодежи.

Пользуясь громадной популярностью въ Москвѣ, какъ практическій врачъ **), имѣя обширную практику, Иноземцевъ никогда не пропускалъ своихъ клиническихъ лекцій и даже въ концѣ своей профессорской дѣятельности, по словамъ Бѣлоголоваго, «вносилъ въ нихъ столько пылкаго и молодого увлеченія и любви къ наукѣ, что невольно сообщалъ ихъ и своимъ слушателямъ». Съ увлеченіемъ наукой и талант-

*) „Критико-біографическій словарь“ Венгерова, II, 202.

**) „Слава Ѳедора Ивановича, какъ врача—по словамъ „смоленскаго дворянина“—была такъ громадна, что на него всѣ больные смотрѣли съ такою почти вѣрою, съ какой смотрятъ на чудотворную икону“.

ливымъ ея изложеніемъ у Иноземцева соединялась хорошая, хотя и односторонняя, клиническая практика, а также «искреннее и гуманное отношеніе къ больнымъ». И къ студентамъ Иноземцевъ относился «съ чисто-отеческой нѣжностью и каждому изъ обращавшихся къ нему, по словамъ Бѣлоголоваго, всегда былъ готовъ помочь искреннимъ и любовнымъ совѣтомъ. Онъ много помогалъ только что кончившимъ курсъ врачамъ тѣмъ, что охотно давалъ имъ позволеніе посѣщать свои домашніе пріемы, доставлялъ имъ частную практику, такъ что вокругъ него группировался цѣлый штабъ врачей, извѣстный въ Москвѣ подъ названіемъ «иноземцевскихъ молодцовъ». Вслѣдствіе горячности и пылкости своей южной натуры (Иноземцевъ былъ сынъ обрусѣлаго персіянина), онъ часто у постели больного грубо ругалъ недогадливыхъ студентовъ, называя ихъ «воронами» и «ротозѣями». «Но никто,—говоритъ Бѣлоголовый,—не думалъ обижаться на него за эти вспышки, потому что студенты знали добродушіе профессора и знали, что онѣ происходили въ немъ вслѣдствіе необыкновенной живости его темперамента, безъ всякаго намѣренія оскорбить ихъ».

Совершенную противоположность Иноземцеву и по наружности, и по характеру, и по отношенію къ студентамъ представлялъ профессоръ Оверъ, завѣдывавшій съ 1847 года терапевтической клиникой. Красивый и изящный французъ, онъ также имѣлъ громадную практику, но до того былъ поглощенъ ею, что, по свидѣтельству Бѣлоголоваго, «пріѣзжалъ въ клинику... разъ или два въ мѣсяцъ, всегда неожиданно, по дорогѣ между двумя визитами; являясь какъ метеоръ, онъ проходилъ въ свой кабинетъ, требовалъ къ себѣ адъюнкта, на котораго взваливалъ всецѣло занятія съ 4-мъ курсомъ, и черезъ 10 минутъ снова скрывался».

Въ общемъ, медицинскій факультетъ стоялъ ниже историко-филологическаго отдѣленія и юридическаго факультета, особенно въ концѣ періода. Большинство профессоровъ, по словамъ Бѣлоголоваго, не соотвѣтствовало своему высокому назначенію вслѣдствіе «невѣжественной отсталости въ преподаваніи своего предмета». Лекціи въ большинствѣ случаевъ читались «сухо и безъ всякой любви» къ наукѣ, по запискамъ, составленнымъ 15—25 лѣтъ тому назадъ и далеко не всегда подновляемымъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. «А такъ какъ—продолжаетъ Бѣлоголовый—практическихъ занятій для студентовъ въ то время, кромѣ анатомическихъ упражненій на трупахъ и больничныхъ визитацій, никакихъ не полагалось, то не было ни мѣста, ни повода къ болѣе тѣсному сближенію и обмѣну мыслей между преподавателями и слушателями, и послѣдніе были почти исключительно пріурочены къ изученію сухихъ профессорскихъ тетрадокъ».

Физико-математическое отдѣленіе, переименованное въ 1850 г. въ факультетъ, также не особенно процвѣтало въ третій періодъ исторіи московскаго университета. Среди новыхъ профессоровъ тамъ было

очень мало лицъ, оставившихъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ воспоминаній. Наиболѣе блестящимъ исключеніемъ былъ профессоръ Рулье, читавшій лекціи зоологіи около двадцати лѣтъ (1840—1858). Французъ по происхожденію, русскій по воспитанію, необыкновенно живой, веселый и остроумный, онъ, по свидѣтельству издателя «Русскаго Архива» *), «владѣлъ русскою рѣчью не хуже Грановскаго» и своими блестящими лекціями привлекалъ студентовъ со всѣхъ факультетовъ. «Если кто изъ профессоровъ, извѣстныхъ мнѣ — говоритъ г. Иловайскій—и походилъ характеромъ своего таланта на Грановскаго и во многомъ напоминалъ его образъ изложенія, такъ это по преимуществу Рулье». Недаромъ Колюпановъ заявляетъ, что во всѣ два года его обученія на физико-математическомъ отдѣленіи «единственнымъ утѣшеніемъ были лекціи Рулье по зоологіи».

Блестящимъ профессоромъ былъ и Линовскій, привлекавшій массу слушателей своими лекціями по сельскому хозяйству. Но этотъ молодой и многообѣщавшій профессоръ занималъ каѳедру только два года: въ 1846 году онъ былъ зарѣзанъ своимъ крѣпостнымъ слугой.

Отношеніе студентовъ къ профессорамъ и ихъ лекціямъ въ третьемъ періодѣ, особенно при гр. Строгановѣ, было гораздо нормальнѣе, чѣмъ раньше. Юрій Самаринъ, поступившій въ московскій университетъ въ 1834 году и имѣвшій возможность сравнить конецъ второго и начало третьяго періода, говоритъ, что послѣ 1835 года «студенты вообще стали прилежнѣе и постояннѣе заниматься лекціями», тогда какъ раньше даровитые студенты не отличались прилежаніемъ и на экзаменахъ были побиваемы «зубрилами». «Личныя отношенія профессоровъ къ студентамъ—продолжаетъ Самаринъ—были самыя тѣсныя и простыя, безыскусственныя. Ничто не препятствовало ихъ сближенію; студенты тянули къ профессорамъ, профессора — къ студентамъ, начальство не становилось поперекъ между ними. Существовало какое-то между ними живое общеніе и взаимодѣйствіе; профессора трудились для студентовъ, студенты, ничѣмъ не развлекаемые, слѣдовали за профессорами. Однимъ словомъ, существовалъ университетъ, какъ нѣчто самостоятельное, цѣльное, живое, прямо и непосредственно дѣйствовавшее на жизнь» **).

С. Ашевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) „Русскій Архивъ" 1896, № 10, стр. 295.

**) Въ февральской книгѣ, стр. 3, строка 11 сверху, напечатано: „одного и двухъ-трехъ кураторовъ"; надо: „одного директора и двухъ-трехъ кураторовъ". Въ мартовской книгѣ, стр. 118, строка 21 снизу, вмѣсто „начальника" должно быть „наставника"; стр. 125, строка 9 сверху, вмѣсто „обращеніе" должно быть „общеніе"; стр. 126, строка 11 сверху, вмѣсто неописаннаго надо „неотесаннаго"

СОНЕТЫ.

Есть грустная поэзія молчанья
Покинутыхъ, старинныхъ городовъ.
Въ нихъ смутный бредъ забытаго преданья,
Безмолвіе кварталовъ и дворцовъ.
Сонъ площадей... Сѣдыя изваянья
Въ тѣни аркадъ... Забвеніе садовъ...
А дни идутъ безъ шума и названья,
И по ночамъ протяженъ бой часовъ.
И по ночамъ, когда луна дозоромъ
Надъ городомъ колдуетъ и плыветъ,—
Въ немъ призрачно минувшее живетъ.
И женщины съ наивно-грустнымъ взоромъ
Чего-то ждутъ въ балконахъ, при лунѣ...
А ночь молчитъ и грезитъ въ тишинѣ.

* * *

Зловѣщій лязгъ заржавленныхъ оковъ,
Побѣдный кликъ борьбы и разрушенья,
Протяжный стонъ на пламени костровъ
И подвиги любви и вдохновенья,—
Въ моей душѣ смятенье всѣхъ вѣковъ
Заключено въ таинственныя звенья.
Добро и зло минувшихъ дѣлъ и словъ
Покорны мнѣ для ткани пѣснопѣнья.
Но я стою въ печали смутныхъ дней,
На рубежѣ туманнаго предѣла,
Я угадалъ намеки всѣхъ тѣней
И въ даль гляжу пытливо и несмѣло...
Я вижу свѣтъ невѣдомыхъ огней—
Но имъ въ душѣ молитва не созрѣла.

Дмитрій Ц.

ИТОГИ АНТИСЕМИТИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ*).

Для подведенія итоговъ германскаго антисемитизма настоящій моментъ очень подходящій.

Волненіе, поднятое этимъ движеніемъ въ германской имперіи, улеглось; страсти успокоились, уличный шумъ затихъ, газетная полемика прекратилась. Къ тому же настоящій годъ—годъ юбилейный для нѣмецкаго антисемитизма, праздновавшаго въ январѣ двадцатипятилѣтній юбилей политической дѣятельности своего «отца», отставного придворнаго проповѣдника Адольфа Штёкера.—Правда, 25 лѣтъ не очень много для историческаго движенія, но германскій антисемитизмъ пережилъ за это время почти все, что такое движеніе можетъ пережить: періодъ развитія, періодъ расцвѣта и періодъ упадка.—Многіе даже полагаютъ, что онъ вообще уже пересталъ жить: такъ мало о немъ теперь говорятъ, такъ тихо онъ самъ ведетъ себя въ послѣднее время.

---

*) Чтобы не пестрить текста частыми ссылками на литературу, мы приведемъ здѣсь наши главнѣйшіе источники: H. von *Treitschke*. „Ein Wort über unser Judenthum". Berlin 1881.—*Adolf Stöcker*. „Das moderne Judenthum in Deutschland, besonders in Berlin". Berlin 1880.—*Theodor Momsen*. „Auch ein Wort über das Judenthum". Berlin 1880.—*I. Neumann*. „Die Fabel von der jüdischen Masseneinwanderung". Berlin 1880.—*P. Lasarus*. „Unser Standpunkt". Berlin 1881.—*Maconlay's*. „Rede für die Emanzipation der Juden". Frankfurt a/M 1881.—*Ludwig Bamberger*. „Deutschtum und Judenthum". Leipzig 1880.—*Adolf Stöcker*. „Christlich-social. Politische Reden und Aufsätze".—*Ed. Hartmann*. „Judenthum in Gegenwart und Zukunft". Berlin 1885. „Judenfrage". Verhandlungen des preussischen Ahgeordnetenhaus am 20 und 22 Nowember 1880.—*Herman Bahr*. „Antisemitismus". Ein internationales Jnterwiew 1894.—*Theodor Fritsch*. „Antisemiten-Katechismus". Leipzig 1893.—„Antisemiten-Spiegel". Berlin 1900—1903.
„Antisemitische Korrespondenz". „Deutsche Soziale Blätter". Berlin und Leipzig 1886—1903. } Центральные органы антисемитической партіи.
„Mittheilungen aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus". Berlin. 1891—1903. „Antisemitisches Jahrbuch 1899 und 1900".—*Specht*. „Die Reichstagswahlen". Berlin 1898. „Tableau der Reichstagswahlen". Dresden 1898. „Vergleichende Uebersicht der Reichstagswahlen von 1898 und 1903". Berlin 1903. „Konservatives Handbuch". Berlin 1892. „Handbuch für national-liberale Wähler". Berlin 1897.—*E. Richter*. „Politisches A-B-C.-Buch„. Berlin 1901. „Statistik des deutschen Reiches" и проч.

Мы имѣемъ въ виду, конечно, только *политическiй антисемитизмъ*, антисемитизмъ въ формѣ политической партiи; въ другихъ своихъ формахъ антисемитизмъ и въ Германiи еще не закончилъ своей карьеры; но наше изслѣдованiе посвящено исключительно той формѣ антисемитизма, которая выражается въ политической агитацiи, въ созданiи особой политической партiи и въ правительственныхъ мѣропрiятiяхъ.

Этотъ видъ антисемитизма проявился въ Германiи въ особенно выпуклой и яркой формѣ. Германiя—родина политическаго антисемитизма, распространившагося отсюда въ другiя культурныя страны. Въ этомъ случаѣ Германiя совершенно особеннымъ образомъ выполнила свою миссiю «культуръ-трегерства», до того особеннымъ, что и наши русскiе нацiоналисты, вообще, какъ извѣстно, мало сочувствующiе нѣмцамъ, на этотъ разъ охотно послѣдовали за ними. Посмотримъ же, къ чему это движенiе привело нѣмцевъ.

I.

Начало антисемитическаго движенiя.

Начало изучаемаго нами движенiя восходитъ до середины 70-хъ годовъ. Въ 1875 году берлинская «Крестовая Газета» («Kreuz-Zeitung») напечатала свою знаменитую серiю статей подъ заглавiемъ «Эра Блейхредера, Кампгаузена и Дельбрюка». Помѣщенiе имени еврея Блейхредера на первомъ мѣстѣ имѣло символическое значенiе; оно означало, что въ Германiи господствуетъ эра «жидовская».—Въ этомъ благочестивая «Крестовая Газета» видѣла причину всѣхъ ужасныхъ бѣдствiй, постигшихъ Германiю. «Какихъ бѣдствiй?» спроситъ почтенный читатель, думавшiй, вѣроятно, до этой минуты, что семидесятые годы, послѣдовавшiе послѣ блестящихъ военныхъ и дипломатическихъ побѣдъ Германiи, оплодотворенные «миллiоннымъ дождемъ» французской контрибуцiи, во всѣхъ отношенiяхъ, были годами необычайнаго расцвѣта страны. Но «Крестовая Газета» знала то, чего другiе не знали. Въ качествѣ центральнаго органа прусской консервативной партiи она знала, какъ велики были бѣдствiя, постигшiя *эту партiю*, благодаря политикѣ Бисмарка, отстранившаго прусскихъ юнкеровъ отъ власти, которую они испоконъ вѣковъ считали своимъ заповѣднымъ имѣнiемъ *).

Тревога, забитая главнымъ органомъ консервативной партiи, нашла откликъ въ главномъ органѣ другой партiи, имѣвшей не менѣе

*) Промышленный кризисъ того времени, естественный и неизбѣжный послѣ усиленнаго напряженiя предпрiимчивости и всегда его сопровождающаго спекулятивнаго грюндерства, далъ этой партiи удобный предлогъ и много матерiала для агитацiи.

причинъ къ недовольству, чѣмъ первая. «Германія», центральный органъ католической партіи, съ радостью привѣтствовала открытый «Крестовой Газетой» походъ противъ евреевъ и съ своей стороны напечатала рядъ статей антисемитическаго характера. Католическая партія находилась тогда на военномъ положеніи по отношенію къ Бисмарку: это была пора «культуркампфа».

Но почему, спросятъ, консервативная и католическая партіи, имѣя счеты съ Бисмаркомъ, пошли на войну противъ евреевъ? Это произошло прежде всего оттого, что евреи играли въ то время значительную роль въ правительственной партіи. Главной опорой Бисмарка въ германскомъ рейхстагѣ въ то время была, какъ извѣстно, національ-либеральная партія, а во главѣ этой партіи находился еврей Ласкеръ. Конечно, и «Крестовая Газета», и «Германія» хорошо понимали, что личность Ласкера тутъ не при чемъ, а его еврейское происхожденіе еще менѣе, что рѣшающую роль играетъ *вся* партія, въ которой евреевъ было только нѣсколько единицъ, и что партія, въ свою очередь, находится подъ вліяніемъ всей массы ея избирателей (въ то время около 1½ милліоновъ), въ которой евреи теряются, какъ капли въ морѣ; но имъ нуженъ былъ популярный лозунгъ, способный взволновать народную массу, поэтому былъ поднятъ крикъ противъ евреевъ, завладѣвшахъ, по словамъ «Крестовой Газеты» и «Германіи», чуть ли не всей имперіей.

Таково было начало германскаго политическаго антисемитизма. Черезъ нѣсколько лѣтъ политическая констеляція измѣнилась и консервативная партія заключила миръ съ Бисмаркомъ.

Въ то же время національ-либеральная партія раскололась и ея лѣвое крыло, къ которому принадлежало большинство ея еврейскихъ членовъ, присоединилось къ оппозиціи.

Антисемитическая агитація консервативной партіи еще болѣе усилилась. Либеральная и демократическая оппозиція сильно тѣснила ее, народъ все болѣе терялъ довѣріе къ ней и ей угрожалъ полный разгромъ, если она не найдетъ средства привлечь къ себѣ вниманіе народныхъ массъ и возбудить ихъ противъ либеральныхъ партій. Поэтому она ухватилась за антисемитизмъ, который всегда находилъ живой откликъ въ народныхъ массахъ.

Бисмаркъ, связавшій свои интересы съ интересами консервативной партіи, не мѣшалъ ея агитація; нѣкоторые утверждаютъ, что онъ даже прямо покровительствовалъ антисемитическому движенію. Дѣйствительно, въ первый періодъ этого движенія, до 1881 года, въ то самое время, когда вся образованная Германія прямо была потрясена появленіемъ движенія, опиравшагося на самые варварскіе инстинкты народныхъ массъ и разрушавшаго самыя цѣнныя пріобрѣтенія германской культуры, когда всѣ выдающіеся представители нѣмецкаго общества—писатели, ученые, общественные и государственные дѣя-

тели, военные, дипломаты—спѣшили выразить свое порицаніе этому движенію, когда изъ самого императорскаго двора раздавались протестующія замѣчанія противъ антисемитизма: сначала со стороны наслѣдника престола («это позоръ для нашего столѣтія!»), затѣмъ со стороны императрицы, наконецъ, со стороны самого императора, огорченнаго впечатлѣніемъ, произведеннымъ антисемитической агитаціей на Западную Европу, въ особенности на Англію,—въ это самое время князь Бисмаркъ, его правительство и вся его администрація сохраняли удивительное спокойствіе и ни въ чемъ не стѣсняли необузданную агитацію антисемитическихъ демагоговъ даже послѣ того, какъ ея вліяніе обнаружилось въ уличныхъ нападеніяхъ на евреевъ и въ погромахъ (напр., въ Нейштетинѣ). Этотъ нейтралитетъ со стороны правительства, которое всегда очень охотно вмѣшивалось во все, что происходило въ странѣ, вызвало у всѣхъ подозрѣніе въ сочувствіи къ антисемитическому движенію со стороны Бисмарка, особенно усилившееся, когда Бисмаркъ сталъ получать многочисленныя привѣтствія отъ антисемитическихъ обществъ и собраній и принималъ ихъ любезно, съ выраженіемъ благодарности. Правда, когда по этому поводу въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ со стороны либеральной партіи, Бисмаркъ отвѣтилъ, что онъ только «изъ вѣжливости» благодарилъ за адресованныя ему привѣтствія; но всѣ знали, что Бисмаркъ только съ тѣми былъ вѣжливъ, кто ему былъ нуженъ, поэтому для всѣхъ было ясно, что антисемитическое движеніе зачѣмъ-то *нужно* князю.

Въ сочувствіи къ *принципамъ* антисемитизма князя Бисмарка, между тѣмъ, нельзя было подозрѣвать, для этого онъ былъ слишкомъ опытнымъ и умнымъ государственнымъ мужемъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ и іудеевъ, и эллиновъ, для того чтобы дѣлать большое различіе между ними. Всѣмъ извѣстно, что онъ имѣлъ много дѣловыхъ, пріятельскихъ и дружескихъ связей съ евреями, а свое принципіальное отношеніе къ еврейскому вопросу онъ незадолго передъ тѣмъ ясно выразилъ на берлинскомъ конгрессѣ. Это совпаденіе дебатовъ берлинскаго конгресса по еврейскому вопросу съ началомъ берлинскаго антисемитическаго движенія и контрастъ между принципами, лежащими въ основѣ этого движенія и принципами, выраженными самыми выдающимися государственными дѣятелями того времени, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Напомнимъ поэтому вкратцѣ относящіеся сюда дебаты и резолюціи берлинскаго конгресса *).

На этотъ конгрессъ всѣ великія державы прислали своихъ самыхъ выдающихся государственныхъ людей: Германія—своего канцлера, князя Бисмарка, и двухъ будущихъ канцлеровъ—князя Гогенлоэ и г. фонъ

*) Der Friede von Berlin und die Protokolle des Berliner Kongresses. Authentischer Text (Französisch). Berlin. 1878.

Бюлова; Австро-Венгрія — Андраши, Корали и Гейморле; Франція— Ваддингтона и графа Сентъ-Валлье, Англія—Биконсфильда, Салисбюри и Русселя; Россія—князя Горчакова, графа Шувалова и графа Убри, и т. д. Какъ извѣстно, конгрессъ, между прочимъ, разсматривалъ ходатайство балканскихъ народовъ, освободившихся во время русско-турецкой войны 1877 г. отъ турецкаго ига, о признаніи ихъ независимыми. Эти ходатайства были удовлетворены, *но подъ непремѣннымъ условіемъ соблюденія полнаго гражданскаго и политическаго равноправія для всѣхъ жителей этихъ странъ безъ различія вѣроисповѣданія*. Мотивы этого условія выразилъ французскій уполномоченный Ваддингтонъ при обсужденіи вопроса относительно Сербіи. Цитируемъ эту мотивировку по оффиціальному протоколу (р. 65).

«Г. Ваддингтонъ говоритъ, что Сербія, ходатайствующая о пріемѣ въ европейскую фамилію на равной ногѣ съ другими государствами, должна прежде всего признать принципы, лежащіе въ основаніи соціальной организаціи всѣхъ европейскихъ государствъ, и принять эти принципы, какъ необходимое условіе той чести, о которой она проситъ».

Князь Бисмаркъ первый присоединился къ предложенію Ваддингтона, затѣмъ къ нему присоединились делегаты Англіи, Италіи и Австро-Венгріи. Турецкіе представители не представили никакихъ возраженій. Только русскій уполномоченный, князь Горчаковъ, замѣтилъ, что онъ опасается, что требуемое равноправіе будетъ примѣняться, въ особенности въ Румыніи, о которой еще будетъ рѣчь, главнымъ образомъ, по отношенію къ евреямъ, которые, по его мнѣнію, въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ несомнѣнно заслуживаютъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, но въ Сербіи и Румыніи, точно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, много вредятъ коренному населенію.

Князь Бисмаркъ замѣтилъ на это, что, можетъ быть, именно правовымъ ограниченіямъ, которымъ евреи тамъ подвержены, и слѣдуетъ приписать роль евреевъ въ странахъ, упомянутыхъ княземъ Горчаковымъ.

Послѣ этого замѣчанія Бисмарка предложеніе Винддингтона было принято относительно Сербіи.

Черезъ нѣсколько дней тотъ же вопросъ обсуждался по отношенію къ Румыніи. Ваддингтонъ повторилъ свое предложеніе и замѣтилъ при этомъ, *что принципы равноправія всѣхъ гражданъ служатъ для культурныхъ націй не только вопросомъ чести, но также и залогомъ ихъ внутренняго мира. Князь Горчаковъ «всецѣло присоединился» къ словамъ Ваддингтона и президентъ констатировалъ единогласіе всего конгресса по этому вопросу.*

Такимъ образомъ, самые авторитетные представители европейскихъ государствъ единодушно признали полное равноправіе всѣхъ гражданъ безъ различія исповѣданія и національности элементарнымъ основаніемъ

соціальной и политической организаціи культурныхъ странъ. Благодаря вмѣшательству князя Горчакова было торжественно установлено, что и евреи отнюдь не должны быть исключены изъ этого принципа.

Это было въ серединѣ 1878 г.; въ концѣ того же года придворный проповѣдникъ Адольфъ Штекеръ положилъ начало «берлинскому движенію».

Конечно, князь Бисмаркъ не измѣнилъ такъ скоро своихъ взглядовъ на еврейскій вопросъ, но онъ имѣлъ одно время свои причины не мѣшать этому движенію.

II.

Составные элементы антисемитическаго движенія.

Какъ мы видѣли выше, движеніе было вызвано чисто партійными интересами, побужденіями партійной тактики; оно началось «сверху», не «снизу». Но расчитано оно было на низы народной массы.

Вожаки консервативной партіи расчитывали завоевать съ помощью антисемитизма довѣріе народныхъ массъ, у которыхъ они предполагали найти большое предрасположеніе къ нему. Нельзя удивляться этимъ расчетамъ прусскихъ юнкеровъ, относившихся всегда съ крайнимъ высокомѣріемъ къ народной массѣ, находящейся, по ихъ мнѣнію, на очень низкомъ культурномъ уровнѣ, сохранившей по ихъ мнѣнію варварскіе инстинкты и грубые предразсудки среднихъ вѣковъ, слѣпую ненависть ко всему незнакомому и чуждому. Неудивительно, что при такомъ отношеніи къ народу прусскіе юнкера считали антисемитизмъ наиболѣе подходящимъ для него идеаломъ. Они столь же не могли видѣть всей ошибочности своихъ расчетовъ, какъ и несправедливости своихъ взглядовъ на народъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и болѣе дальновидные представители общественнаго мнѣнія, чѣмъ прусскіе юнкера, сильно ошибались. Во всѣхъ политическихъ партіяхъ и въ самыхъ различныхъ слояхъ общества господствовало одно время мнѣніе о крайней воспріимчивости народной массы къ антисемитизму; весьма многіе думали, что разъ проникнувъ въ народъ, антисемитическая агитація быстро имъ овладѣетъ и вызоветъ такіе же страшные поступки, какими ознаменовались средніе вѣка. Эти опасенія, къ счастью, совершенно не оправдались; но они были вполнѣ понятны.

И въ современномъ культурномъ обществѣ есть много элементовъ, предрасположенныхъ къ антисемитизму.

Первое мѣсто занимаетъ духовенство. Духовенство всегда и вездѣ имѣетъ свои счеты съ евреями,—старые счеты, *очень старые,* но также и новые. Въ поводахъ для непріязненнаго отношенія христіанскаго духовенства къ евреямъ никогда не бываетъ недостатка, а въ наше время для этого имѣются особыя причины. Свободомысліе и невѣріе распространяются съ страшной быстротой, разрушая и уничто-

жая все, что пасторы заботливо и ревностно насаждаютъ и лелѣютъ. Въ этой разрушительной работѣ евреи имѣютъ свою долю, какъ всѣ другіе члены современнаго общества. Соразмѣрна ли эта доля съ долей евреевъ въ общемъ населеніи? Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ? А если кто и способенъ, то онъ, вѣроятно, предпочтетъ посвятить свои способности болѣе умнымъ вопросамъ.. Но какъ бы то ни было, участіе евреевъ въ разрушительной работѣ по отношенію къ религіи несомнѣнно замѣтно въ Германіи, и этого достаточно для того, чтобы взостановить ея духовенство противъ евреевъ вообще. Поэтому «отцомъ» антисемитическаго движенія въ Германіи былъ пасторъ Адольфъ Штекеръ, поэтому первая антисемитическая организація состояла главнымъ образомъ изъ пасторовъ и назвала себя «христіанско-соціальной партіей». Это все не случайности. Духовенство всегда имѣетъ тяготѣніе къ антисемитизму. Но его вліяніе на житейскія дѣла вообще очень слабо въ Германіи. Даже самые благочестивые изъ нѣмцевъ предоставляютъ пастору лишь заботу о *духовномъ благѣ*, а заботу о *тѣлесномъ благѣ* они оставляютъ за собою, въ собственныхъ рукахъ. Можно прямо сказать, что нѣмцамъ-протестантамъ вмѣшательство духовенства въ политику рѣшительно антипатично. Это чувство ярко выразилъ императоръ Вильгельмъ II словами: «Politische Pastoren sind ein Unding!»—«Политическіе пасторы это уродство!» *)

Рѣчи Штекера слушались охотно (онъ хорошо говоритъ), но его политическое вліяніе было незначительно. Его партія, «христіанско-соціальная», сгруппировала извѣстное число интересныхъ личностей, но народныя массы остались въ сторонѣ отъ нея; онѣ, повидимому, были согласны съ своимъ императоромъ, объявившимъ, что «христіанскій соціализмъ—безсмыслица». Главный потокъ антисемитическаго движенія направился въ другомъ направленіи, весьма отдаленномъ отъ пасторовъ и вообще отъ христіанства. Самые популярные антисемитическіе вожаки исповѣдовали такъ называемый «расовый антисемитизмъ». Врядъ ли стоитъ занимать здѣсь мѣсто характеристикой этого антисемитизма, въ которомъ, во всякомъ случаѣ, менѣе смысла, чѣмъ въ религіозномъ антисемитизмѣ. Его сущность извѣстна: зло, дескать, не только въ еврейской религіи, въ еврейскихъ привычкахъ, взглядахъ, нравахъ, но и въ самой еврейской расѣ, въ свойствахъ еврейскихъ нервовъ и въ формѣ еврейскаго черепа; поэтому изъ еврея не можетъ выйти ничего порядочнаго, хотя бы онъ отказался отъ своей религіи, бросилъ свою среду и совершенно смѣшался съ христіанскимъ населеніемъ. Эта дикая теорія нужна была «чистымъ» антисемитамъ для того, чтобы доказать, что нѣтъ другого разрѣшенія еврейскаго вопроса, помимо того рѣшенія, которое они предлагали, помимо изгнанія, если не истребленія евреевъ. Но,—ужаснется почтенный читатель,—если

*) Въ переданномъ гласности письмѣ Вильгельма II къ графу Гатцфельду.

принять эту теорію, то какъ же будетъ съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, какъ будетъ съ первыми христіанами, съ апостолами, съ самимъ основателемъ христіанства? Да, конечно, если послѣдовательно развивать теорію расоваго антисемитизма, то неизбѣжно нужно придти къ уничтоженію самыхъ священныхъ христіанскихъ традицій; это было очевидно и для «настоящихъ антисемитовъ», но оно ихъ не испугало и не остановило, какъ мы потомъ увидимъ.

Вернемся къ вопросу о составныхъ элементахъ антисемитическаго движенія.

Эти элементы, весьма разнообразные въ соціальномъ отношеніи, имѣли между собою одно общее: они всѣ находились въ тяжеломъ положеніи и всѣ не знали, какъ имъ изъ этого положенія выбраться. Ремесленники, которыхъ тѣснила, съ одной стороны, все совершенствующаяся фабрика, съ другой стороны все обостряющаяся конкуренція собственныхъ собратій; крестьяне, которыхъ тѣснили, съ одной стороны, тяжелые налоги, съ другой стороны конкуренція американскихъ, австралійскихъ и русскихъ крестьянъ; торговцы, которые не могли поспѣть за вѣкомъ и за своими болѣе проворными товарищами,—всѣ эти элементы мелкой буржуазіи, которые капитализмъ въ своемъ побѣдоносномъ движеніи впередъ безжалостно отстранялъ съ дороги, сбрасывая ихъ въ заросшіе старымъ бурьяномъ придорожные рвы исторической эволюціи. Всѣ эти элементы, которые никакъ не могутъ понять, почему именно *ихъ* исключаютъ изъ жизненнаго пира и именно въ то время, когда этотъ пиръ все болѣе и болѣе разыгрывается и становится все болѣе привлекательнымъ, всѣ они съ восторгомъ встрѣтили апостоловъ антисемитизма, облегчавшихъ душу измученныхъ непосильной борьбой лавочниковъ, булочниковъ, сапожниковъ и т. п. своимъ грознымъ бичеваніемъ виновницы всѣхъ золъ—свободной конкуренціи, и возбуждавшихъ самыя радужныя надежды своими обѣщаніями совершенно искоренить этого врага и всю его армію, состоявшую, по ихъ увѣреніямъ, главнымъ образомъ, изъ евреевъ *)...

Антисемитическая партія была партіей маленькихъ людей, мелкой и мельчайшей буржуазіи; она сама себя называла «Mittelstandpartei»—«партія средняго сословія». Часть этихъ людей, можетъ быть, дѣйствительно пострадала непосредственно отъ еврейской кокуренціи, потому что евреи, конечно, такъ же энергично борятся за свое существованіе и такъ же сильно конкурируютъ со своими соперниками, какъ всѣ другіе смертные; побѣжденный еврейской конкуренціей лавочникъ, ремесленникъ и т. д. пытался, конечно, сначала уложить съ своей сто-

---

*) Такъ, Штекеръ, напр., высказалъ: „въ необузданномъ капитализмѣ я вижу несчастіе нашего времени и поэтому... (я) противникъ новѣйшаго еврейства, служащаго его главнымъп редставителемъ". („Das moderne Judenthum u. s. m.", p. 93).

роны кого-нибудь изъ своихъ еврейскихъ или христіанскихъ соперниково; если онъ при этомъ имѣлъ успѣхъ, то онъ оставался приверженцемъ «свободной конкуренціи» и либерализма, но если онъ терпѣлъ неудачу, тогда онъ приходилъ въ ярость и стремительно мчался въ антисемитическую пивную или антисемитическое собраніе, гдѣ онъ зналъ, что найдетъ много товарищей по судьбѣ, которые его «поймутъ» и утѣшатъ... Но не всѣ антисемиты черпали свою ненависть къ евреямъ изъ несчастнаго личнаго опыта, многіе пришли къ этому по «теоретическимъ» соображеніямъ; избирательная статистика показываетъ даже, что самые большіе успѣхи антисемитическая агитація имѣла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреевъ очень мало или ихъ совсѣмъ нѣтъ... Мы еще вернемся къ этому интересному явленію.

Кромѣ этихъ элементовъ къ антисемитической партіи присоединились также элементы совсѣмъ иного рода, которыхъ, главнымъ образомъ, привлекали націоналистическія и шовинистическія тенденціи антисемитизма; это были «идеологи» и «идеалисты» особаго рода, для которыхъ идеаломъ служило то, *что есть*, или даже то, что было, такъ какъ для нихъ не существовало ничего болѣе великолѣпнаго, какъ ихъ собственное «я», или ихъ собственная нація (это «я» въ безконечной потенціи), въ самомъ первобытномъ, примитивномъ, неотесанномъ и неразвитомъ состояніи. Они поэтому стремились оградить и то и другое отъ всякаго посторонняго вліянія и очистить его отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Эти идеалисты на изнанку стали чрезвычайно многочисленны въ Германіи послѣ ея блестящихъ военныхъ, дипломатическихъ и экономическихъ побѣдъ, въ особенности въ военныхъ, аристократическихъ и бюрократическихъ сферахъ, а также въ студенчествѣ и вообще въ подрастающемъ поколѣніи. Находя въ антисемитическихъ теоріяхъ много сродственнаго этимъ идеямъ, наши «идеалисты» всей своей массой присоединились къ антисемитической партіи. Однако-жъ, они не долго въ ней оставались. Подводя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ итоги антисемитической агитаціи среди молодежи, редакція главнаго органа антисемитической партіи говоритъ: «антисемитическіе юношескіе союзы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Такъ, напр., «Союзъ нѣмецкихъ студентовъ». Въ рейхстагѣ на правой сторонѣ нѣтъ ни одного бывшаго члена этого союза, тогда какъ на лѣвой сторонѣ есть два такихъ члена: одинъ у свободомыслящихъ—г. фонъ-Герлахъ, другой у соціалъ-демократовъ—г. Гейне *). Впрочемъ, другіе антисемитическіе союзы также не оправдали надеждъ. Вообще всѣ приверженцы антисемитической партіи не оставались долго въ ея рядахъ; личный составъ партіи во все время ея существованія безпрерывно мѣнялся.

---

*) „Deutsch-sociale Blätter". 1903. Beilage № 10.

III.

Очеркъ развитія антисемитическаго движенія.

Непостоянство личнаго состава составляетъ характерную и интересную особенность германской антисемитической партіи. Партизаны политическаго антисемитизма рѣдко оставались ему вѣрными болѣе одного или двухъ избирательныхъ періодовъ (5—10 лѣтъ), и антисемитическая партія должна была постоянно перекочевывать изъ одного избирательнаго округа въ другой. За все 25-лѣтіе существованія политическаго антисемитизма въ Германіи ему удалось добиться представительства для рейхстага всего въ 24 различныхъ избирательныхъ округахъ; общее число депутатскихъ мандатовъ, перебывавшихъ за это время въ его владѣніи, составляетъ 48; въ среднемъ, значитъ, каждый округъ только впродолженіи двухъ легислатурныхъ періодовъ оставался подъ вліяніемъ антисемитической агитаціи. Между тѣмъ, избиратели призывались къ урнамъ въ теченіе этого 25-лѣтія *семь разъ*, а число всѣхъ избирательныхъ округовъ Германіи составляетъ 397; по этимъ цифрамъ можно измѣрить степень вниманія, оказаннаго антисемитическимъ идеаламъ нѣмецкимъ народомъ.

Первымъ открытымъ представителемъ антисемитизма въ германскомъ рейхстагѣ былъ Адольфъ Штекеръ, который съ 1881 г. до настоящаго времени, за исключеніемъ выборовъ 1893 г., неизмѣнно выбирался представителемъ избирательнаго округа Зигенъ-Виттенштейнъ. Штекеръ, однако-жъ, занимаетъ особое положеніе; онъ состоитъ членомъ консервативной партіи; «чистые» антисемиты не признаютъ его вполнѣ «своимъ», и въ 1893 г. даже выставили въ его округѣ особую кандидатуру и помѣшали его избранію. Горькая это была несправедливость къ отцу антисемитизма; но антагонизмъ между «дѣтьми» и «отцами» вообще очень рѣзко проявляется въ антисемитическомъ лагерѣ, и Штекеру, какъ и многимъ другимъ антисемитамъ болѣе солиднаго калибра, пришлось въ концѣ концовъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность за выходки «настоящихъ» антисемитовъ.

Вторымъ представителемъ антисемитизма въ рейхстагѣ, первымъ «настоящимъ» антисемитомъ, былъ докторъ Бёкель, выбранный въ 1887 г. въ Марбургѣ, округѣ кассельской провинціи, обнаружившей съ самаго начала движенія особую воспріимчивость къ антисемитизму и ставшей скоро однимъ изъ главныхъ его очаговъ. Выборы 1890 г. дали рейхстагу 6, а выборы 1893 года уже 16 представителей «чистаго» антисемитизма. Успѣхъ былъ значительный, но онъ сосредоточился лишь въ трехъ областяхъ имперіи, а именно: въ упомянутой уже кассельской провинціи, которая, имѣя всего 8 депутатскихъ мандатовъ, отдала 5 изъ нихъ въ руки антисемитовъ; въ сосѣднемъ съ

этой провинціей великомъ герцогствѣ Гессенъ, избравшемъ 3 антисемитовъ изъ 9 депутатовъ, и въ саксонскомъ королевствѣ, въ которомъ антисемиты, не владѣвшіе до тѣхъ поръ ни однимъ округомъ, сразу ихъ завоевали 6. Кромѣ того, на сторону антисемитовъ перешли округа Арневальде-Фридебергъ и Нейштетинъ, завоеванные «знаменитымъ» ректоромъ Альвардтомъ. Такія крупныя побѣды естественно придали антисемитическимъ дѣятелямъ много новой энергіи. Они развили свои организаціи и сдѣлали всѣ приготовленія для того, чтобы собирать всѣ плоды своей дѣятельности при слѣдующихъ выборахъ, которые должны были состояться въ 1898 г. Выборы состоялись, но они отнюдь не оправдали ожиданій антисемитовъ. Оказалось, что множество прежнихъ приверженцевъ антисемитизма уже опять къ нему охладѣли и перешли къ другимъ партіямъ. Очаги антисемитизма уже начали гаснуть. Кассельская провинція избрала только 4 антисемитовъ, вмѣсто 5 въ 1893 г., гессенское герцогство избрало двухъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, а саксонское королевство—трехъ, вмѣсто шести. Только округа Штекера и Альвардта остались вѣрны своимъ... идеаламъ. Всего антисемитическія партіи провели въ рейхстагъ при этихъ выборахъ 13 кандидатовъ, такъ какъ на ихъ сторону перешли два новыхъ округа: Апенраде-Фленсбургъ и Вальдекъ.

Результаты выборовъ 1898 года показали, что звѣзда политическаго антисемитизма уже перешла зенитъ и спускается къ горизонту; выборы 1903 г. окончательно подтвердили это. Правда, и на этихъ выборахъ антисемитическіе кандидаты одержали побѣду въ 10-ти избирательныхъ округахъ, но изъ нихъ ровно половина въ первый разъ пришла къ антисемитизму, тогда какъ прежніе антисемитическіе округа почти всѣ отъ него отвернулись. Кассельская провинція выбрала на этотъ разъ только двухъ антисемитовъ, саксонское королевство—только одного, а гессенское великое герцогство не выбрало больше *ни одного* антисемита. Эти факты показываютъ, какъ незначительно и недолговѣчно было вліяніе политическаго антисемизма на нѣмецкій народъ. Въ самый разгаръ народнаго увлеченія антисемитизмомъ общее число антисемитическихъ избирателей составляло только очень маленькую долю всего количества избирателей германской имперіи; на послѣднихъ выборахъ эта доля составляла только 2,6% всѣхъ избирателей, принимавшихъ участіе въ выборахъ. Въ абсолютныхъ цифрахъ число антисемитическихъ избирателей составляло по оффиціальной статистикѣ (исключающей изъ счета голоса, полученные Штекеромъ, какъ членомъ консервативной партіи):

Въ 1887 году		11.663	избирателей.
» 1890 »		47.536	»
» 1893 »		263.861	»
» 1898 »		284.250	»
» 1903 »		244.543	»

Обратимся теперь къ программѣ антисемической партіи по отношенію къ еврейскому вопросу.

§ 19 программы объединенныхъ антисемитическихъ фракцій требуетъ *):

«Отмѣну равноправія живущихъ въ Германіи евреевъ и подчиненіе ихъ особому законодательству о чужестранцахъ; въ особенности исключеніе евреевъ изъ всѣхъ оффиціальныхъ и вліятельныхъ положеній, составленіе статистики о евреяхъ, живущихъ въ Германіи, запрещеніе въѣзда въ Германію иностраннымъ евреямъ, запрещеніе убоя скота по еврейскому обряду, научное изслѣдованіе еврейскихъ религіозныхъ предписаній относительно ихъ содержанія и ихъ обязательности». Требуя отмѣны существующаго законодательства о евреяхъ, антисемиты, однако-жъ, воздерживаются отъ указанія тѣхъ законовъ, которыми оно могло бы быть замѣнено; требованіе обращенія съ евреями, какъ съ иностранцами въ сущности ничего не говоритъ, такъ какъ права иностранцевъ именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ евреи, по утвержденіямъ антисемитовъ, имѣютъ особенно вредное вліяніе, какъ-то: въ торговлѣ, промышленности и свободныхъ профессіяхъ, мало отличаются отъ правъ коренного населенія. Это врядъ ли ускользнуло отъ вниманія составителей программы, точно такъ же какъ и то, что именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ евреи не пользуются гражданскимъ равноправіемъ, еврейскій вопросъ принимаетъ особенно жгучія формы; если тѣмъ не менѣе составители программы не шли дальше въ своихъ требованіяхъ, то, вѣроятно потому, что они знали, что нѣмецкій народъ не послѣдовалъ бы за ними.

«Что вообще можно сдѣлать?—замѣтилъ князь Бисмаркъ въ бесѣдѣ съ однимъ австрійскимъ политическимъ дѣятелемъ. — Мѣры, вродѣ варфоломѣевской ночи или сицилійскихъ вечерь, сами антисемиты, вѣроятно, не рѣшатся предложить. Изгнать евреевъ мы также не можемъ, не причиняя тяжелаго вреда нашему національному благосостоянію». Эти простыя соображенія доступны самому простому уму, поэтому антисемиты не могли идти дальше въ своихъ требованіяхъ. «Отецъ» антисемитизма А. Штекеръ и до этихъ требованій не дошелъ: онъ требовалъ только ограниченія числа судей-евреевъ и удаленія еврейскихъ учителей изъ народныхъ школъ **). Консервативная партія съ своей стороны многократно заявляла, что равноправіе евреевъ, гражданское и политическое, должно быть сохранено ***). За это радикальные антисемиты прозвали консерваторовъ — «*когон*серваторами»

---

*) „Deutsch-Soziale Blätter“ 1895 г., 31 октября.

**) „Das moderne Judenthum in Deutschland“ von A. Stöcker, p. 19—20.

***) Напр., при дебатахъ объ антисемитизмѣ въ прусскомъ ландтагѣ и германскомъ рейхстагѣ; также въ партійномъ руководствѣ — „Konservatives Handbuch“.

(«*Cohn*servative») *). Но антисемиты тутъ, очевидно, были совершенно неправы: среди консерваторовъ и въ Пруссіи несомнѣнно больше ненавистниковъ евреевъ, чѣмъ ихъ друзей, но прусскіе консерваторы, во всякомъ случаѣ, болѣе умны, чѣмъ прусскіе антисемиты; они лучше знаютъ исторію и лучше понимаютъ государственные интересы, чѣмъ послѣдніе: они знаютъ, что, пріятно это или непріятно, но евреи не могутъ быть изгнаны изъ Германіи, что необходимо сроднить ихъ съ общимъ населеніемъ и что это недостижимо безъ равноправія. Но и у антисемитической партіи требованія ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ только въ началѣ движенія играли главную роль. Правительственная «Сѣверо-Германская Газета» уже въ 1893 году обратила вниманіе на то, какъ извѣстный антисемитическій агитаторъ ректоръ Альвардтъ постепенно расширялъ свою боевую программу:

«Сначала,—говоритъ газета въ своемъ номерѣ отъ 3-го іюля 1893 года,—онъ воевалъ противъ евреевъ, потомъ противъ евреевъ и юнкеровъ, въ новѣйшее время—противъ князей и поповъ, юнкеровъ и жидовъ, и денежной буржуазіи». И Альвардтъ не составлялъ исключенія въ этомъ отношеніи. Другой очень популярный агитаторъ, первый «настоящій» антисемитъ рейхстага, глава самой многочисленной антисемитской фракціи, докторъ Бёкель, писалъ въ 1894 году въ своей газетѣ «Reichsherold»: «Жадный до денегъ крупный капиталистъ, еврей онъ или нееврей, это безразлично, есть ангелъ-губитель нашего народа» **).

А въ слѣдующемъ году, въ 1895, мы находимъ въ другомъ очень вліятельномъ антисемитскомъ органѣ, въ «Freideutschland», издававшемся профессоромъ Ферстеромъ, слѣдующія характерныя замѣчанія: «не всякій богачъ жуликъ и не всякій бѣднякъ—человѣкъ почтенный; есть исключенія, но исключенія лишь подтверждаютъ правило»; и затѣмъ еще: «это, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: каждый милліонеръ довелъ до нищенства по крайней мѣрѣ одну тысячу жителей» ***). Въ 1895 г., наконецъ, антисемитическая газета «Deutscher General Anzeiger» писала: «Развѣ это правильно, чтобы графъ или владѣлецъ майората распоряжался *тысячами*, тогда какъ другой смертный не имѣетъ ровно никакой собственности? Князь Плессъ владѣетъ 150.764 морганами земли, герцогъ фонъ-Ратиборъ—131.360 морганами. *Пускай консерваторы научатся прежде всего дѣлать различіе между насильственной и дѣйствительной собственностью»*.

Очевидно, что соприкосновеніе съ народной массой показало антисемитскимъ агитаторамъ, что и тѣ народные слои, которые вполнѣ сочувствуютъ походу противъ евреевъ, понимаютъ, что евреи не составляютъ единственной причины всѣхъ золъ угнетающихъ нѣмецкій на-

---

*) Когонъ—Cohn—считается въ Германіи типичной еврейской фамиліей.

**) „Mittheilungen des Vereins zur Abwehr des Antisemitismus“, Jahr 1894, p. 166.

***) Id. Jahr 1895, p. 30.

родъ, что, во всякомъ случаѣ, есть еще много другихъ причинъ, не менѣе заслуживающихъ вниманія, чѣмъ еврейскій вопросъ. Поэтому программа объединенной антисемитической партіи, выработанная въ концѣ 1895 г., содержитъ цѣлый рядъ требованій общаго политическаго и соціальнаго характера, среди которыхъ собственно антисемитическія требованія занимаютъ только маленькое мѣсто; изъ 19 пунктовъ этой программы только одинъ послѣдній касается еврейскаго вопроса. Остальные пункты содержатъ разнаго рода средства къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и мелкаго чиновничества, не имѣющіе никакого специфически—антисемитскаго характера. Эти пункты интересны для насъ въ томъ отношеніи, что бросаютъ свѣтъ на характеръ народныхъ слоевъ, на которыхъ антисемитическая партія опиралась или на опору которыхъ она расчитывала. Мы уже отмѣтили выше, что это были, главнымъ образомъ, ремесленники, мелкіе торговцы, крестьяне и т. п. представители «средняго сословія», которыхъ положеніе дѣйствительно далеко не напоминало «золотую середину», хотя, конечно, евреи въ этомъ не болѣе виноваты, чѣмъ чистокровные нѣмцы. Антисемитическая партія и сама чаще всего именовала себя «партіей средняго сословія» (Mittelstandspartei). Мы говоримъ «чаще всего», потому что антисемитическая партія весьма часто мѣняла свое имя, точно такъ же, какъ и свою программу. Это тоже весьма характерное обстоятельство: вожаки, повидимому, все время чувствовали, что у нихъ нѣтъ твердой почвы подъ ногами; они старались укрѣпить эту почву разными искусственными средствами нѣсколько разъ они перестраивали свои организаціи сверху до низу, но все было напрасно: они оставались на ползучемъ пескѣ и не могли создать ничего прочнаго, органическаго. Составъ антисемитическихъ избирателей, какъ мы уже видѣли, мѣнялся безостановочно, приверженцы антисемитизма очень скоро отворачивались отъ него... Партія, понятно, употребляла всѣ усилія, чтобы удержать этихъ бѣглецовъ, она то гналась за ними, суля имъ новыя и новыя прелести, то снова возвращалась назадъ для новаго пересмотра и новаго: «совершенствованія» программы и организаціи. Это и было причиной постоянной смѣны программъ и фирмъ у антисемитической партіи.

При зарожденіи политическаго антисемитизма «отецъ» его назвалъ партію «христіанско-соціальной». Это было очень невинное, пожалуй, даже очень красивое имя; если императоръ Вильгельмъ II назвалъ его «безсмысленнымъ» («Christlich-sozial ist Unsinn!»), то это, вѣроятно, потому, что духъ этой партіи такъ же мало соотвѣтствовалъ ея девизу, какъ и характеръ ея основателя—его внѣшности и манерамъ *). Вторая антисемитическая партія, основавшаяся, независимо отъ Штекера, въ 1881 г. на конгрессѣ въ Дрезденѣ, также выбрала себѣ очень

---

*) Штекеръ красивый старикъ съ серебристыми, бѣлыми волосами и пріятнымъ мягкимъ голосомъ и „тонкимъ“, „деликатнымъ“ обхожденіемъ.

приличную фирму: «Deutsche Reform-Partei»—«Нѣмецкая партія реформы». Слова «антисемитъ» она избѣгала такъ же, какъ Штекеръ; это слово еще считалось тогда всѣмъ образованнымъ обществомъ неприличнымъ *). Лишь въ 1886 году антисемиты рѣшились выступить на политическую сцену подъ ихъ собственнымъ именемъ. Въ этомъ году антисемитическая партія организовалась на конгрессѣ въ Касселѣ въ «Всеобщій нѣмецкій антисемитическій союзъ». Но уже черезъ три года, въ 1889 г., партія нашла нужнымъ опять измѣнить фирму: она присоединяетъ къ ней популярное слово «соціально» и принимаетъ названіе «Нѣмецкой соціальной антисемитической партіи». Докторъ Бёкель горячо возставалъ на конгрессѣ противъ этой перемѣны и требовалъ принятія имени «Антисемитическая народная партія»; онъ чувствовалъ, что слово «соціально» призвано прикрыть слово «антисемитически», которое рискуетъ потерять всякое значеніе, поэтому онъ сильно негодовалъ, называя перемѣну фирмы обманомъ и предательствомъ, и затѣмъ ушелъ съ конгресса вмѣстѣ съ 12—15 товарищами.

И дѣйствительно, антисемитическая партія стала съ этого времени все болѣе и болѣе примѣшивать общіе соціальные вопросы къ чисто антисемитическимъ, а при выборахъ 1893 года, при которыхъ партія имѣла такой большой успѣхъ, *соціальные вопросы уже играли главную роль въ ея агитаціи.* Поэтому вскорѣ послѣ этихъ выборовъ слово «антисемитъ» совершенно исключается изъ партійной фирмы. Самъ докторъ Бёкель долженъ былъ уступить, и его собственная партія, названная согласно его желанію «Антисемитической народной партіей», переименовалась въ «Нѣмецкую партію реформъ». Въ октябрѣ 1894 г. обѣ фракціи опять соединились надъ именемъ «Нѣмецко-соціальной партіи реформъ» («Deutsch-sociale Reform-Partei»), сохранившемся до настоящаго времени. Такимъ образомъ, чистый антисемитизмъ уже въ 1893 г. начинаетъ тускнѣть. Не долго онъ сіялъ на политическомъ горизонтѣ! Первый «чистый» антисемитъ появился въ рейхстагѣ въ 1887 году, а въ 1893 году «чистые» антисемиты уже начинаютъ скрываться, несмотря на то, что ихъ число увеличилось въ рейхстагѣ до 16 душъ.

IV.

Антисемитическая партія и избиратели.

Чтобы понять это странное на первый взглядъ явленіе, необходимо присмотрѣться къ тому, гдѣ и какъ антисемитическіе депутаты добыли свои мандаты въ рейхстагѣ.

Что касается мѣста, то изъ всѣхъ 16 мандатовъ, добытыхъ антисемитами при выборахъ 1893 г., какъ уже отмѣчено было, 3 прихо-

*) Либерманъ фонъ-Зонненбергъ, извѣстный вождь антисемитической партіи, самъ разсказываетъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ было „почти позорно и опасно называться антисемитомъ“ „Deutsch-soziale Blätter, J. 1893, p. 2).

дятся на гессенское герцогство, 5—на кассельскую провинцію (Гессенъ-Нассау), 6—на саксонское королевство и два на всю остальную Германію. Послѣдніе два мандата завоеваны были пресловутымъ Альвардтомъ, отъ котораго сами антисемиты вскорѣ отреклись, какъ отъ человѣка, потерявшаго способность отличать добро отъ зла и разумное отъ безсмысленнаго *); округи избравшіе его своимъ представителемъ, принадлежатъ къ самымъ отсталымъ уголкамъ восточной Пруссіи; нѣмецкіе антисемиты не согласились бы считать сочувствіе этихъ округовъ къ антисемитическому движенію характернымъ для послѣдняго. Мы поэтому оставимъ ихъ безъ вниманія и ограничимся разсматриваніемъ тѣхъ областей, приверженностью которыхъ антисемиты гордятся,—признанныхъ «очаговъ» антисемитизма.

Сколько въ этихъ областяхъ вообще евреевъ?

По переписи 1890 г. на каждую сотню общаго населенія приходилось евреевъ:

Въ гессенскомъ герцогствѣ	2,57
» провинціи Гессенъ-Нассау	2,68
» саксонскомъ королевствѣ	0,27

При такой незначительности еврейскаго элемента въ общемъ мѣстномъ населеніи трудно внушить взрослымъ людямъ убѣжденіе, будто въ евреяхъ лежитъ главная причина всѣхъ несчастій, постигающихъ каждаго отдѣльнаго нѣмца или весь нѣмецкій народъ и будто съ исчезновеніемъ евреевъ исчезнутъ и всѣ бѣдствія; антисемитическіе агитаторы именно тутъ, въ этихъ областяхъ, гдѣ они были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи, и почувствовали необходимость расширить свою программу. По какимъ именно причинамъ антисемитическая агитація встрѣтила здѣсь болѣе живой откликъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, мы разбирать не будемъ, потому что и эти области, какъ уже было упомянуто, скоро охладѣли къ антисемитизму, причины, слѣдовательно, были неглубокаго, случайнаго свойства. Существенный практическій интересъ имѣетъ слѣдующій вопросъ: отъ какихъ партій избиратели приходили къ антисемитизму и къ какимъ партіямъ они отъ него *уходили*? Списки депутатовъ рейхстага за все время его существованія показываютъ, что въ Гессенѣ округа, завоеванные антисемитической партіей, принадлежали прежде *націоналъ-либеральной* партіи, въ кассельской провинціи—*націоналъ-либераламъ и консерваторамъ, а въ саксонскомъ королевствѣ всѣ шесть округовъ, завоеванныхъ антисемитами въ 1893 г., принадлежали передъ тѣмъ консервативной партіи*; точно также округа Альвардта принадлежали прежде консерваторамъ **). Та-

*) „Катехизмъ" антисемитовъ высказался объ Альвардтѣ: „онъ какъ будто находится подъ господствомъ чувства: глубже погрязнуть въ тину, въ которую мы попали, все равно нельзя!" (Th. Fritsch. „Antisemiten-Katechismus"), 25-te Auflage (1893), p. 341.

**) См. „Tableau der Reichstagswahlen von 1871—1898 г.", Dresden, 1898 г., bei Schönfeld.

кимъ образомъ, прогремѣвшая на весь міръ побѣда нѣмецкихъ антисемитовъ якобы надъ евреями и еврействующими партіями оказывается въ дѣйствительности побѣдой демагогическаго антисемитизма надъ умѣреннымъ и крайнимъ консерватизмомъ. Такъ было въ 1893 г., то же самое происходило при предшествовавшихъ и послѣдующихъ выборахъ.

Понятно, что эти результаты должны были произвести на консерваторовъ удручающее впечатлѣніе: они надѣялись, что антисемитизмъ отвлечетъ народныя массы отъ либеральныхъ и радикальныхъ партій, а вмѣсто того онъ привлекъ къ себѣ почти исключительно бывшихъ консервативныхъ избирателей и такимъ образомъ еще болѣе ослабилъ консервативную партію. Либералы и радикалы, конечно, не пощадили бѣдныхъ консерваторовъ отъ ѣдкихъ замѣчаній и горькихъ насмѣшекъ надъ ихъ «ошибкой», но ничего нельзя было сдѣлать, истина была у всѣхъ на виду, и сама «Крестовая Газета» должна была ее признать: «дѣйствительно, писала она послѣ выборовъ 1893 г. (30 іюля 1893 г.), радикальные антисемиты отняли на этотъ разъ у своихъ противниковъ съ лѣвой стороны только одинъ округъ, главные ихъ успѣхи были насчетъ консерваторовъ».

Особенно дорого поплатились за свою спекуляцію съ антисемитизмомъ, какъ мы видѣли, саксонскіе консерваторы, поэтому они первые порвали связь съ своими опасными союзниками. Когда въ концѣ 1893 г. Саксонія приступила къ выборамъ депутатовъ въ свой ландтагъ, антисемиты предложили консервативной партіи возобновить союзъ, но это предложеніе было отклонено и центральный органъ саксонской консервативной партіи «Vaterland» такъ мотивировалъ этотъ отказъ: «*Реформисты* (изъ антисемитической «Нѣмецко-соціальной партіи реформъ») *преслѣдуютъ цѣли, съ которыми человѣкъ монархическаго и патріотическаго образа мыслей долженъ бороться до послѣдней крайности.* Заключеніе союза съ демократической партіей реформъ было бы отреченіемъ отъ консервативныхъ принциповъ. Реформисты могли бы заключить союзъ съ соціалъ-демократами, не измѣняя своимъ принципамъ, но не съ консерваторами».

Вотъ въ какую компанію попали нѣмецкіе консерваторы, ослѣпленные своей ненавистью къ либерализму и страхомъ передъ соціалъ-демократіей. А между тѣмъ они были предупреждены многими выдающимися членами консервативной партіи, а также и самимъ имперскимъ правительствомъ. Въ 1892 г. извѣстный органъ имперскаго правительства—«Nordeutsche Allgemeine Zeitung» писала: «*Антисемитизмъ въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ настоящее время, въ болѣе сильной степени подкапываетъ основные принципы консервативной политики, чѣмъ какая-либо другая партія, не исключая и соціалъ-демократиаеской*... Цѣли антисемитизма, въ ихъ настоящемъ видѣ, не достижимы на законномъ пути. *Ихъ осуществленіе вызвало бы переворотъ, можетъ быть, еще болѣе глубокій, чѣмъ тотъ, который*

проектируетъ соціалъ-демократія». Пресловутая панацея противъ соціализма была въ глазахъ правительственнаго органа болѣе опасной и болѣе вредной, чѣмъ то зло, отъ котораго она, по мнѣнію недальновидныхъ политиковъ, должна была спасти государство.

Имперскій канцлеръ, графъ Каприви, такъ же не разъ высказывался въ этомъ духѣ. Такъ, 12-го декабря 1892 г. онъ сказалъ въ засѣданіи рейхстага, что «не можетъ понять, какъ патріоты могутъ принимать участіе въ этомъ (антисемитическомъ) движеніи». Болѣе обстоятельно графъ Каприви высказался по этому вопросу 30-го декабря 1893 г., также на засѣданіи рейхстага:

«Опасность,—сказалъ онъ,—лежитъ въ томъ, что въ концѣ концовъ перестаютъ *различать*. Круги, къ которымъ вы обращаетесь (ораторъ обратился въ сторону антисемитическихъ депутатовъ), часто нерасположены, быть можетъ также неспособны, дѣлать различія; но въ нихъ пробуждается чувство, что тутъ идетъ берьба съ *капиталомъ*. Такимъ образомъ ненависть человѣка направляется *противъ капитала, какъ таковаго*. Вы не удержите движенія, если оно будетъ продолжаться, при еврейскомъ капиталѣ, - оно обратится противъ капитала вообще... Антисемиты не тѣ люди, которые способны были бы руководить этимъ движеніемъ и сдерживать его; если антисемитическое движеніе пойдетъ дальше, то оно присоединится къ той суммѣ недовольства, которое собралось въ большомъ бассейнѣ... Всякое возбужденіе недовольства въ настоящее время—благо для соціалъ-демократіи. Она имѣетъ самый широкій потокъ, и всѣ маленькіе ручейки, которые исходятъ отъ васъ (антисемитовъ), втекаютъ въ концѣ концовъ въ этотъ потокъ... Куда въ самомъ дѣлѣ ведетъ антисемитизмъ? Чего хочетъ онъ?—*Онъ—предтеча соціалъ-демократіи*!»

Эти слова имперскаго канцлера потому заслуживаютъ особаго вниманія, что дальнѣйшая исторія антисемитическаго движенія въ Германіи подтвердила ихъ самымъ блестящимъ образомъ. Антисемиты дѣйствительно сыграли роль *загонщиковъ* для нѣмецкой соціалъ-демократіи. Народныя волны, возбужденныя агитаціей антисемитическихъ демагоговъ, стремительно неслись къ соціалъ-демократическому потоку, принявшему въ короткое время такіе размѣры, о которыхъ сами соціалъ-демократы не мечтали. Тѣ маленькіе ручейки, которые вначалѣ оставались во владѣніи антисемитовъ, также большей частью въ концѣ концовъ соединились съ главнымъ потокомъ народнаго движенія, съ главнымъ собирательнымъ бассейномъ народнаго недовольства,—съ соціалъ-демократіей. Все въ точности произошло такъ, какъ предсказалъ графъ Каприви. Это явленіе имѣетъ чрезвычайный историческій интересъ, мы поэтому остановимся на немъ подольше.

Антисемитическое движеніе, какъ извѣстно, возникло первоначально въ Берлинѣ и долго носило названіе «берлинскаго движенія». Его политическая цѣль была ясно очерчена иниціаторомъ движенія, Адольфомъ Штекеромъ; она состояла въ освобожденіи столицы имперіи

отъ господства свободомыслящей партіи и въ передачѣ этого господства во власть консервативной партіи. Первый приступъ имѣлъ мѣсто при выборахъ 1881 г. Но онъ не имѣлъ успѣха: свободомыслящіе отстояли всѣ избирательные округа Берлина (6). При второмъ натискѣ, при выботахъ 1884 г., позиція свободомыслящихъ пошатнулась, и они потеряли два округа. Но мѣсто свободомыслящихъ въ этихъ округахъ заняли не консерваторы, а *соціалъ-демократы*. То же самое повторилось при выборахъ 1887 и 1890 гг. Въ 1893 г., когда антисемитическая агитація достигла своего апогея, свободомыслящая партія потеряла въ Берлинѣ еще три избирательныхъ округа. Ихъ преемниками опять были *соціалъ-демократы*. При выборахъ 1898 г. свободомыслящимъ удалось отобрать у соціалъ-демократовъ два мандата, такъ что изъ шести берлинскихъ мандатовъ три оказались во владѣніи свободомыслящихъ и три у соціалъ-демократовъ; но въ 1903 году они принуждены были возвратить эти округа соціалъ-демократамъ. Во всемъ Берлинѣ они удержали за собой только одинъ округъ—самый маленькій (4); но и этотъ округъ, самый аристократическій округъ всей имперіи, въ которомъ находится императорскій дворецъ, всѣ высшія правительственныя учрежденія, самые крупные банки Берлина и виллы самыхъ знатныхъ и богатыхъ его жителей, даже этотъ округъ удалось отстоять отъ соціалъ-демократовъ *только благодаря дружной поддержкѣ свободомыслящихъ со стороны консерваторовъ и антисемитовъ*.

Такъ окончилась попытка передать реакціи господство надъ Берлиномъ: Берлинъ бросился въ объятія соціалъ-демократіи! Непосредственно передъ началомъ «берлинскаго движенія», при выборахъ 1878 года соціалъ-демократія имѣла на своей сторонѣ 56.164 столичныхъ избирателей; черезъ 25 лѣтъ ихъ уже было въ четыре раза больше, именно 218.238; Берлинъ сталъ «краснымъ»!

Такъ было въ Берлинѣ, на родинѣ политическаго антисемитизма; то же самое произошло во всѣхъ очагахъ антисемитической агитаціи. Относящіяся сюда данныя, выраженныя въ сухихъ, достовѣрныхъ цифрахъ, не допускающихъ никакихъ сомнѣній, сгруппированы были послѣ выборовъ 1893 г. въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (въ № отъ 29 іюня 1893 г.).

Сопоставивъ избирательные округа, въ которыхъ антисемитическая агитація велась съ особымъ усердіемъ, съ относительнымъ развитіемъ въ тѣхъ же округахъ соціалъ-демократической партіи, органъ имперскаго канцлера нашелъ слѣдующіе результаты:

Въ главномъ очагѣ антисемитической агитаціи, въ саксонскомъ королевствѣ, антисемиты усерднѣе всего дѣйствовали во 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 21 избирательномъ округѣ *); и съ большимъ успѣхомъ:

*) Избирательные округа отмѣчаются оффиціально номерами; мы приведемъ дальше также и ихъ наименованія.

изъ этихъ 8 округовъ шесть перешли на ихъ сторону, отвергнувъ своихъ прежнихъ многолѣтнихъ представителей—консерваторовъ. Но въ то же время успѣхи соціалъ-демократіи были въ тѣхъ же самыхъ округахъ значительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Саксоніи. Число соціалъ-демократическихъ избирателей возросло въ этихъ округахъ, по сравненію съ выборами 1890 г., на *27*%, тогда какъ въ тѣхъ округахъ Соксоніи, въ которыхъ антисемиты слабо работали, это возрастаніе составляло въ среднемъ *лишь* $7^1/_2$%.

Приведемъ абсолютныя цифры:

№№	НАЗВАНІЕ ОКРУГА.	Число соціалъ-демократическихъ избирателей.	
		Въ 1890 году.	Въ 1893 году.
2	Löbau	3.458	4.466
3	Bautzen	3.868	3.622
4	Dresden	11.670	14.420
5	„	13.427	15.035
6	„	12.737	15.650
7	Meissen	7.906	8.410
8	Pirna	3.922	7.989
21	Annaberg	3.486	6.918
		60.474	76.510

Во второмъ и третьемъ очагѣ антисемитической агитаціи, въ гессенскомъ герцогствѣ и сосѣдней съ нимъ Гессенской провинціи результаты были точно такіе же: въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ антисемитическая агитація была слабая, число соціалъ-демократическихъ избирателей увеличилось за три года на 9%, тамъ же, гдѣ эта агитація велась усиленно, это повышеніе составляло *28*%.

Въ другихъ частяхъ Германіи антисемитическая агитація только въ отдѣльныхъ пунктахъ достигала извѣстной интенсивности; повсюду она сопровождалась исключительнымъ ростомъ соціалъ-демократической партіи.

Такъ, въ Ганноверской провинціи эта агитація велась относительно интенсивно только въ двухъ мѣстахъ: въ самомъ Ганноверѣ и въ Геттингенѣ. И въ результатѣ число соціалъ-демократическихъ избирателей возросло тамъ на 25%, тогда какъ въ остальныхъ округахъ Ганноверской провинціи это возрастаніе составляло только 9%.

Въ Тюрингіи антисемитическая партія сосредоточила свою агитацію въ городахъ Айзенахѣ и Мейнингенѣ; число соціалъ-демократическихъ избирателей увеличилось: въ Айзенахѣ *въ три раза* — въ 1890 г. 691 избиратель, въ 1893 г. 2.469 избирателей; въ Мейнингенѣ въ 18 разъ—въ 1890 г. 146, въ 1893 г. 2.646 избирателей.

Столь многочисленные факты, относящіеся притомъ къ самымъ разнороднымъ областямъ Германіи, не могутъ быть приписаны случайнымъ причинамъ: они представляютъ закономѣрный продуктъ политической психологіи народныхъ массъ. Мы видѣли, что имперскій канцлеръ, графъ Каприви, предвидѣлъ эти результаты; да и не одинъ онъ. Уже много лѣтъ раньше него было высказано, что «антисемитизмъ есть ничто иное, какъ соціализмъ глупыхъ людей», слово, распространившееся такъ быстро и столько разъ повторявшееся многочисленными выдающимися людьми, что невозможно болѣе установить его автора,—обычная судьба мѣткихъ замѣчаній. Несомнѣнно, что антисемиты во многихъ случаяхъ играли роль «загонщиковъ» для соціалъ-демократіи или роль, напоминающую роль «шритмахеровъ» на велосипедныхъ гонкахъ: они «разрѣжали» воздухъ, «отнимали» противный вѣтеръ, уничтожили сопротивленіе и такимъ образомъ облегчали соціалъ-демократіи трудное движеніе впередъ. Особенно блестяще антисемиты выполнили эту роль въ Саксоніи, гдѣ они постепенно вытѣснили консерваторовъ изъ *всѣхъ избирательныхъ округовъ* рейхстага, передавъ ихъ одинъ за другимъ соціалъ-демократической партіи; въ настоящее время изъ 23 саксонскихъ избирательныхъ округовъ 22 принадлежатъ соціалъ-демократамъ и только одинъ еще находится въ «управленіи» у антисемитовъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ этотъ главный очагъ антисемитизма превратился въ главный очагъ революціонной соціалъ-демократіи.

Во всей Германіи число соціалъ-демократическихъ избирателей, составлявшее непосредственно передъ появленіемъ политическаго антисемитизма, при выборахъ 1878 года, 437.158, возросло послѣ 25 лѣтъ антисемитической агитаціи до колоссальной цифры въ 3.010.771, достигнувъ 31,7% всѣхъ избирателей Германіи, принявшихъ участіе въ выборахъ.

Такъ-то политическій антисемитизмъ выполнилъ роль «плотины», задерживающей напоръ соціально-революціонныхъ идей, предназначенную ему его иниціаторами и покровителями.

Въ дѣйствительности эти идеи въ концѣ концовъ завладѣли не только бывшими антисемитическими избирателями, но также и многими бывшими антисемитическими агитаторами и теоретиками. Въ соціалъ-демократической партіи находится теперь не мало выдающихся представителей буржуазной интеллигенціи, принадлежавшихъ прежде къ антисемитической партіи. Укажемъ, для примѣра, на извѣстнаго адвоката Вольфганга Гейне, нынѣ члена соціалъ-демократической фракціи рейхстага, стоявшаго когда-то во главѣ извѣстной антисемитической организаціи: «Verein deutscher Studenten»; укажемъ на бывшаго пастора Гере, избраннаго на послѣднихъ выборахъ соціалъ-демократическимъ депутатомъ рейхстага и вышедшаго изъ школы самого «отца» и основателя антисемитизма, пастора Адольфа Штекера; укажемъ также на другого ученика Штекера, бывшаго одно время его

правой рукой и ближайшимъ сотрудникомъ, который теперь рядомъ съ пасторомъ Науманомъ (тоже ученикъ Штекера) стоитъ во главѣ партіи «національныхъ соціалистовъ», имѣющей много точекъ соприкосновенія съ соціалъ-демократической партіей.

«Національные соціалисты» имѣютъ для насъ особый интересъ, представляя собою метаморфозу, черезъ которую прошли многіе интеллигентные, добронамѣренные и честные антисемиты, прежде чѣмъ они превратились въ соціалъ-демократовъ. Большинство національныхъ соціалистовъ, собственное ядро ихъ партіи, начали свою политическую карьеру въ кругахъ, группировавшихся вокругъ Штекера, въ средѣ «христіанскихъ соціалистовъ». Когда ихъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ превысилъ тотъ невысокій уровень, который послѣдніе занимаютъ въ партіи христіанскихъ соціалистовъ, и ихъ усилія увеличить интересъ этой партіи къ соціальнымъ вопросамъ оказались тщетными, они вышли изъ нея; часть ихъ сейчасъ же присоединилась къ соціалъ-демократіи, но большинство организовалось въ особую партію «національныхъ соціалистовъ», во главѣ которой сталъ даровитый и краснорѣчивый пасторъ Фридрихъ Науманъ. Почти цѣлое десятилѣтіе національные соціалисты ревностно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ боролись за свои идеалы; но народная масса не удостоила ихъ никакого вниманія, и они остались въ положеніи генераловъ безъ арміи. Въ концѣ концовъ они сами убѣдились въ тщетности своихъ усилій и присоединились—всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ—къ той части либеральной партіи, которая обнаруживаетъ нѣкоторые интересы къ соціальнымъ вопросамъ («Свободомыслящій союзъ»). Они называютъ себя теперь «соціалъ-либералами»; отъ соціальнаго либерализма до соціальнаго демократизма разстояніе незначительное и несомнѣнно, что многіе изъ нынѣшнихъ «соціалъ-либераловъ» скоро перешагнутъ это разстояніе и присоединятся къ соціалъ-демократіи (отдѣльныя личности уже сдѣлали это).

А между тѣмъ національные соціалисты сгруппировали въ своей партіи изрядное число выдающихся общественныхъ дѣятелей и ученыхъ; повидимому, они и среди чиновничества, занимающагося соціальными вопросами, имѣютъ много приверженцевъ. Такимъ образомъ, не только народныя массы, но даже и значительная часть интеллегенціи, подчасъ цвѣтъ ея, присоединились или приблизились при содѣйствіи антисемитизма къ соціалъ-демократіи.

Таковы 25-лѣтніе итоги антисемитической агитація въ политическомъ отношеніи. Посмотримъ теперь на итоги этой агитаціи въ другихъ отношеніяхъ.

Р. М. Бланкъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ИТАЛІИ

Очерки.

Когда я слишкомъ долго остаюсь въ каменныхъ нѣдрахъ большого столичнаго города, мною постоянно овладѣваетъ назойливая и нетерпѣливая тоска. Мнѣ начинаетъ казаться, что я запертъ въ обширной каменной темницѣ, вымощенной гранитомъ и закованной въ крѣпостную ограду. Фонари на улицахъ мерцаютъ, какъ корридорныя лампы, высокія крыши домовъ смыкаются, какъ сводъ, и городовые на перекресткахъ молчатъ, какъ тюремщики, и стерегутъ арестантовъ, чтобы они не убѣжали на просторъ.

И мнѣ кажется тогда, что эта многолюдная толпа, которая кипитъ на улицахъ, какъ расплодившаяся тля, и расползается во всѣ стороны, какъ гигантская амеба, толпа грубая, наглая, мучительно-плоская, которая читаетъ вздорныя газеты и дружно подхватываетъ каждый нелѣпый слухъ, которая любитъ скандалы, бьетъ пойманнаго вора и постоянна готова отдать первому встрѣчному авантюристу свою кровь и свои послѣдніе гроши, что эта безчисленная и неосмысленная масса есть все человѣчество и что, кромѣ нея, нѣтъ ничего на землѣ.

Тогда мнѣ становится уныло и темно, ибо въ человѣчествѣ моя вѣра и я гляжу сквозь нее, какъ сквозь широкое окно, изъ мрачнаго настоящаго въ свѣтлое и легкое будущее.

Никто не можетъ жить на землѣ безъ упованія и безъ вѣры. Но мы не вѣримъ въ благодатную мудрость природы и не вѣримъ, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ. Мы знаемъ, что міръ скверенъ и жестокъ, а природа бездушна и расточительна. Земная жизнь начинается крикомъ боли и кончается агоніей, лучшія радости ея поставлены природой, какъ ловушки, для самыхъ грубыхъ цѣлей и автоматическихъ расчетовъ, и даже въ самой душѣ человѣческой гнѣздятся звѣриныя страсти, злоба и жадность, и слѣпое самосохраненіе.

Но тѣмъ не менѣе мы вѣруемъ въ силу человѣческаго духа, мы уповаемъ, что человѣчество выростетъ само изъ себя, какъ выростаетъ дерево изъ подземнаго корня, и завладѣетъ міромъ и пересоздастъ

его по своему разуму и желанію и пересоздастъ само себя, чтобы сравняться съ образомъ и подобіемъ Божіимъ, который носится предъ его глазами, какъ зовущій впередъ идеалъ. Тогда люди будутъ жить на землѣ счастливые и безсмертные, какъ боги, и райское блаженство— какъ старая басня предъ тѣмъ, что когда-нибудь будетъ, дѣйствительно будетъ на землѣ.

Такова наша вѣра, и кто помрачитъ эту вѣру, тотъ прегрѣшаетъ противъ Духа Святого и лучше было бы надѣть ему жерновъ на шею и бросить его въ глубокій омутъ.

Но когда я слишкомъ долго живу въ большомъ столичномъ городѣ, я самъ начинаю прегрѣшать противъ этой вѣры и изъ-за лѣса каменныхъ трубъ перестаю видѣть просвѣтъ въ свѣтлое небо будущаго. Тогда мнѣ хочется сдѣлать шагъ въ сторону и посмотрѣть издали на этотъ городъ и толпу, такъ чтобы докучливыя подробности слились вмѣстѣ и общія черты вѣчнаго плана выступили изъ-подъ налипшей грязи. Послѣ того я начинаю видѣть что эта толпа идетъ по предустановленному пути и совершаетъ, помимо своего вѣдома, даже противъ своей воли, часть великой общей работы, необходимой для осуществленія столь же великой общей цѣли, ибо въ конечномъ счетѣ нѣтъ ничего ненужнаго и самое безцѣльное дѣйствіе не пропадаетъ даромъ. Сильные и слабые, добрые и злые вносятъ свой вкладъ въ общую сокровищницу накопляемой энергіи, знанія и труда.

И если моей душѣ еще не стало легче, я дѣлаю новый шагъ и гляжу на человѣчество уже сквозь историческую даль. Тогда настоящее исчезаетъ и прошедшее обнажается, то невидимое прошлое, которое уже совершилось и исчезло, и между тѣмъ существуетъ и живетъ въ настоящемъ. И вмѣсто живыхъ людей, способныхъ ежеминутно на капризъ и предательство, по улицамъ города движутся призраки, уже окончившіе свое земное поприще, и я слѣжу за ними съ интересомъ, но безъ опасенія, и черпаю въ этомъ зрѣлищѣ твердость и готовность ждать, ибо на ихъ костяхъ зиждется исторія и эти мертвые люди надежнѣе, чѣмъ живые.

Земные пути извилисты и судьбы многообразны. Есть страны, прошлое которыхъ говоритъ громче настоящаго. Ихъ земля, какъ неизгладимая скрижаль, на которой вписана древняя, но вѣчно юная лѣтопись.

Во главѣ ихъ Италія, эта зеленая гробница, гдѣ человѣчество три раза отцвѣтало и снова расцвѣтало безсмертнымъ голубымъ цвѣткомъ духовной радости и просвѣтленія. Тамъ бывшія судьбы человѣчества еще сверкаютъ мозаичной картиной, на фонѣ неувядающей зелени, среди благовонныхъ апельсиновыхъ рощъ, на вышкахъ пребрежныхъ утесовъ, обрызганныхъ синими волнами, пѣнистыми, игривыми и капризными какъ юныя нереиды, дочери синяго моря. Тамъ порывы безсмертнаго духа высѣчены въ твердомъ и бѣломъ мраморѣ и мраморъ этотъ такъ

прекрасенъ, что блескъ его разсѣеваетъ дальнюю мглу и бросаетъ пророческій лучъ въ сонное и невѣдомое будущее.

Италія ограждена Альпами и Средиземнымъ моремъ. Торный путь въ Италію лежитъ черезъ Ривьеру, эту огромную международную гостинницу, устроенную по дачному, на тепломъ южномъ воздухѣ, но со всѣми новѣйшими усовершенствованіями по кухонной, лакейской и картежно-увеселительной части, быть можетъ, для того, чтобы переходъ къ прекрасной и безмолвной античной старинѣ казался еще чудеснѣе и слаще.

Ривьера.

Въ Марсели наверху горы стоитъ старинный храмъ Богородицы на Стражѣ. На площадкѣ передъ церковью, надъ самымъ обрывомъ, красуется высокая позолоченная Дѣва. Ея мѣдные глаза глядятъ на море съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно стерегутъ что-то идущее вдали.

Въ церкви было тихо и темно и вѣяло особымъ холодомъ, который держится въ необитаемомъ мраморѣ даже въ жаркіе лѣтніе дни. Мимо меня прошла кучка малолѣтнихъ семинаристовъ подъ предводительствомъ жирнаго попа съ пробритой головой, но въ такой косматой шляпѣ, что она походила скорѣе на плохо остриженный парикъ. Они прошли въ алтарь и тотчасъ же исчезли въ одномъ изъ боковыхъ проходовъ.

Въ лѣвомъ пролетѣ церкви на видномъ мѣстѣ стоялъ огромный образъ Богородицы на Стражѣ. Предъ нимъ висѣло множество приношеній: золотыя и серебряныя руки и сердца, литые изъ золота пальцы. Это были посильныя замѣны тѣхъ больныхъ членовъ, которымъ Всеблагая Дѣва вернула прежнее здоровье. У подножія картины стояло нѣсколько деревянныхъ костылей, оставленныхъ разслабленными, которые тоже получили здѣсь исцѣленіе. Сверху на металлическихъ цѣпочкахъ спускались изображенія лодокъ и судовъ. Ихъ было много и во всѣхъ углахъ церкви они висѣли, какъ новыя лампады, ощетинивъ свои игрушечныя мачты, покрытыя позолотою и пылью. Стѣны церкви пестрѣли мраморными пластинками, объяснявшими въ такихъ же пыльно-золотыхъ словахъ смыслъ и значеніе этихъ даровъ: «Я просила Дѣву о помощи, и она услышала меня»; «Богородица, избавь насъ отъ внезапныхъ бурь!»; «Посвящаю Дѣвѣ Маріи моего сына Марка!».

Прямо предъ образомъ висѣлъ на бронзовой проволокѣ длинный двухтрубный пароходъ, сработанный съ любовью и тщаніемъ, вплоть до мелкихъ гвоздиковъ на его обшивкѣ. Напротивъ, пластинка на стѣнѣ гласила: «Такой же точно пароходъ Богородица спасла отъ бурь».

Это было царство древняго и незыблемаго авторитета. Мнѣ вспомнился Діогенъ, нѣкогда разсматривавшій въ такомъ же точно храмѣ жертвенныя и обѣтныя пластинки спасенныхъ моряковъ и вопрошавшій о тѣхъ, которые погибли въ крушеніяхъ. Съ того времени прошло три тысячи лѣтъ, но эта финикійская твердыня стояла непоколебимо и не хотѣла уступить ни одной іоты изъ своего магическаго рецепта. На зло сомнѣнію, наводнившему міръ, она совершала свои элементарныя чудеса съ такой же увѣренностью, какъ будто земля все еще держалась на четырехъ столбахъ и звѣзды были подвѣшены къ небу, какъ церковныя лампады.

Мнѣ стало скучно въ этой католической гробницѣ. Я вышелъ на паперть, и блескъ южнаго солнца ослѣпилъ меня еще ярче прежняго и я почувствовалъ себя въ центрѣ жгучей, кипящей и прекрасной жизни.

У ногъ моихъ разстилался огромный южный городъ, застроенный высокими домами и прорѣзанный извилистыми улицами. Цѣлый лѣсъ мачтъ поднимался надъ пристанью и море блистало вдали, слегка взволнованное поднимавшимся вѣтромъ.

И вдругъ я ощутилъ то странное чувство, которымъ человѣческая масса привлекаетъ къ себѣ одинокое человѣческое сердце съ такою же силой, какъ магнитная гора привлекаетъ небольшую желѣзную иглу. Мое недавнее человѣконенавистничество исчезло безслѣдно и мнѣ захотѣлось окунуться на самое дно человѣчества, погрузиться съ головой въ волны его страстей, увидѣть лицомъ къ лицу всю сложность пороковъ, прикасаться къ нимъ плечами и, быть можетъ, пройдя мимо, унести съ собой частицу стихійной жажды бытія, которою человѣческая толпа насквозь трепещетъ и дышитъ.

Я спустился на подъемной машинѣ и пошелъ внизъ по Канебьерѣ, главной марсельской улицѣ, сплошь уставленной лавками и ресторанами.

«Если бы въ Парижѣ была Канебьера, онъ былъ бы маленькій Марсель!» говорятъ марсельцы, но въ сравненіи съ Парижемъ на главной марсельской артеріи было слишкомъ много пыли и слишкомъ мало зелени. Прохожихъ было довольно, но все это были приказчики, лавочники и мелкіе чиновники того тускло-культурнаго типа, который повсюду одинъ и тотъ же, отъ Камчатки до мыса Доброй Надежды.

Пройдя по Канебьерѣ до конца, я свернулъ влѣво къ старой пристани. Она окаймила съ трехъ сторонъ бассейнъ грязной воды, наполненный сотнями судовъ, деревянныхъ и неуклюжихъ, лежавшихъ другъ возлѣ друга, какъ черепахи, грѣющіяся на солнцѣ.

Здѣсь было очень шумно и людно. Вереницы огромныхъ телѣгъ, высоко нагруженныхъ мѣшками и ящиками, тянулись двумя длинными потоками отъ пристани къ вокзалу и отъ вокзала къ пристани. Возчики, ободранные и полураздѣтые, въ огромныхъ кожанныхъ лаптяхъ и красныхъ фригійскихъ шапкахъ, переругивались при встрѣчахъ, же-

стикулируя съ непостижимою живостью. Впрочемъ трудно было сказать съ увѣренностью, ругаются ли они или мирно переговариваются по своимъ дѣламъ.

На самой дорогѣ мальчишки играли въ камешки, женщины съ растрепанными волосами и грязнымъ лицомъ тутъ же на улицѣ чинили бѣлье, вязали сѣти или кормили грудью младенцевъ. Изъ простонародныхъ ресторановъ пахло оливковымъ масломъ и пресловутой bouillabaise, рыбной ухой съ чеснокомъ и шафраномъ, составляющей національное блюдо южной Франціи. Отъ всего Марселя пахло чѣмъ-то острымъ и зловоннымъ, и отравленное дыханіе средиземнаго города ударило мнѣ въ лицо вмѣстѣ съ рѣзкими крыльями начинавшагося мистраля.

Черезъ часъ мы летѣли на всѣхъ парахъ, направляясь къ столицѣ Ривьеры. Съ правой стороны у насъ было море, изъѣвшее прибрежные утесы, море спокойное и картинное, отливавшее у мысовъ такимъ неожиданнымъ блескомъ, ярко-голубымъ, какъ растворъ индиго. Слѣва былъ непрерывный садъ и чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился прекраснѣе, расцвѣчивался золотыми яблоками зрѣлыхъ апельсиновъ на скромномъ сѣро-зеленомъ фонѣ узкихъ масличныхъ листьевъ. Вѣтви персиковыхъ деревьевъ были осыпаны бѣлымъ цвѣтомъ. Изгороди розовыхъ кустовъ были покрыты алыми цвѣтами и въ разсѣлинахъ утесовъ сидѣли купы кактусовъ пыльныхъ, колючихъ и сухихъ, похожихъ на клубокъ зеленыхъ змѣй, застывшихъ у дороги. И тѣмъ не менѣе эта прекрасная природа не производила впечатлѣнія и только скользила мимо, какъ бездушная декорація. Тонкая полоса прибрежныхъ садовъ была слишкомъ искусственна, пестрые цвѣты постоянно смыкались въ правильныя клумбы, розовые кусты тянулись прямыми рядами и даже пальмы, пересаженныя съ далекихъ тропиковъ, утратили свою стройность и превратились въ нескладныя бочки, покрытыя зеленой черепицей и увѣнчанныя вѣеромъ зеленыхъ перьевъ, похожимъ на хвостъ попугая, увеличенный въ тысячу разъ. Все это была та же дачная красота, предназначенная для привлеченія иностранцевъ, и когда нашъ поѣздъ быстро пролеталъ мимо, даже цвѣтущія миндальныя вѣтви, въ общемъ заговорѣ съ пальмами и людьми, заглядывали къ намъ въ окна и настойчиво повторяли: «Видите, какъ здѣсь хорошо! Останьтесь и возьмите полный пансіонъ!»

Ницца считается самымъ красивымъ городомъ Ривьеры, но главная красота ея въ гостинницахъ. Ихъ множество, онѣ расположены на холмѣ Симье и по обѣ стороны рѣки Пальона, и вдоль Англійской дороги, отъ Замковой горы вплоть до мыса Калифорніи. Онѣ блистаютъ зеркальными стеклами, пестрыми колоннами и аристократической рекламой, выписанной крикливыми буквами на дверныхъ вывѣскахъ, но даже въ этомъ видѣ внушающей почтеніе нетитулованной толпѣ.

Въ такомъ-то отелѣ нѣкогда останавливалась королева Викторія. Поэтому цѣны за комнату не спускаются ниже двадцати франковъ въ

день. Другіе отели до такой степени обставлены титулами и громкими именами, что простому смертному страшно даже приблизиться къ ихъ священному порогу, но великолѣпный швейцаръ улыбается такъ гостепріимно и выражаетъ полную готовность уступить вамъ «тѣ самые аппартаменты» за нѣкоторую надбавку къ платѣ.

Изъ иностранцевъ преобладаютъ лавочники англійскіе, американскіе и нѣмецкіе. Впрочемъ, подъ вліяніемъ обстановки они чувствуютъ себя тоже немножко «его сіятельствомъ» и на лицѣ у каждаго окаменѣла корректность, достойная самыхъ изысканныхъ и отдаленныхъ предковъ. Люди съ доподлинными предками живутъ веселѣе, и недаромъ въ Ниццѣ идетъ такая крупная игра, не уступающая по размѣрамъ даже княжеству Монако.

Вся Ницца построена для иностранцевъ. Къ ихъ услугамъ каменная набережная, вытянувшаяся на пять верстъ и какъ будто изваянная изъ одного куска, пышное казино, сады и морскія купанья. Старый карнавалъ, быстро отживающій вѣкъ во всей Италіи, процвѣтаетъ въ этомъ увеселительномъ городѣ и каждую весну пестрѣетъ цвѣточными играми и потѣшными огнями.

Городской муниципалитетъ заботливо снаряжаетъ самыя затѣйливыя колесницы, создаетъ гигантскія маскарадныя хари и выставляетъ ихъ на потѣху для знатныхъ гостей. И когда я проходилъ по главной площади города за нѣсколько дней до начала празднествъ, въ центрѣ ея я наткнулся на огромную звѣриную пасть, сдѣланную изъ папки и алебастра. Она посмотрѣла на меня, какъ новый сфинксъ, съ такимъ плотояднымъ и безшабашнымъ выраженіемъ. Вмѣсто цвѣтовъ она была украшена гирляндой изъ человѣческихъ лицъ. Все это были хитрыя, довольныя жизнью, смѣющіяся рожи,—растакуэры съ усами, завитыми въ колечко или отточенными какъ шило, легкія дамы въ огромныхъ шляпахъ, ухарски сдвинутыхъ на сторону, лакеи, переодѣтые въ Пьеро, съ мучнымъ мѣшкомъ на головѣ. И мнѣ показалось, что предо мною олицетвореніе всей Ривьеры, разгульной и преуспѣвающей, сдѣлавшей себѣ доходную статью изъ размаха своей души и подъ шумъ средиземной волны прилежно стригущей шерсть съ иностранцевъ.

Впрочемъ, не всѣ жители посвящены въ тайны этого прекраснаго занятія. Рядомъ съ роскошнымъ казино, выдвинувшимся далеко въ море на своихъ крѣпкихъ подпорахъ изъ кованнаго желѣза, я видѣлъ группу рыбаковъ, которые копошились съ ранняго утра по поясъ въ водѣ, собирая мелкими сачками морскихъ клоповъ, которые употребляются для наживки удочекъ при ловлѣ макрели. Вода, даже средиземная, была очень холодна въ это время года и лица рыбаковъ посинѣли отъ озноба. Вообще, ловля морскихъ клоповъ не отличается особыми пріятностями. А барыши, которые эти люди извлекали изъ своего промысла, не превышали трехъ франковъ въ день, не считая ревматизма.

На вершинѣ Замковой горы, почти въ центрѣ города, лежитъ старинное кладбище. На самомъ верху его поднимается пирамида Гамбетты. Она сложена изъ погребальныхъ щитовъ и украшена траурными девизами и у подножія ея раскинуты вѣнки густыхъ иммортелей. Могилы уходятъ отъ пирамиды террасами внизъ и на одной изъ террасъ стоитъ писатель, вылитый изъ темной мѣди, звонкой и твердой, какъ колоколъ его умолкнувшихъ рѣчей. Его задвинули въ темный уголъ, откуда не видно ни моря, ни простора земли и съ трехъ сторонъ его обступаютъ зеленыя насыпи, похожія на стѣны погреба, покрытыя зеленой плѣсенью. Скучно ему стоять здѣсь одному среди чужихъ людей!.. Лобъ его хмурится, онъ поднимаетъ голову, какъ будто хочетъ заглянуть черезъ край стѣны, туда, въ темную даль Во всей фигурѣ его одно непреклонное усиліе и послѣ смерти своей онъ еще напрягаетъ волю и творитъ безмолвныя заклинанія, направляя взгляды на востокъ.

Чего ты хочешь, скиталецъ, скажи! Хочешь ли ты сойти съ пьедестала и обратить къ намъ прежнюю молніеносную рѣчь, или призываешь великую страну сойти, въ свою очередь, съ гранитнаго подножія и заговорить по твоему внятнымъ человѣческимъ языкомъ? Или ты ожидаешь ночи, чтобы покинуть свою одинокую гору и спѣшить туда, въ гости къ милой родинѣ?..

Не торопись, старый мечтатель! Ночь еще длинна и разсвѣтъ ползетъ впередъ такъ медленно, такъ бурно и уныло...

Статуя не говоритъ ни слова, только лобъ ея хмурится, мѣдные глаза мечутъ молніи и губы раскрываются, какъ для упрека.

Монако.

Настоящей столицей Ривьеры является Монте-Карло и даже не самый городъ, а пестро-украшенный дворецъ, гдѣ совершается игра въ рулетку. Дворецъ этотъ оказываетъ даже на значительномъ разстояніи странное притягательное дѣйствіе на досужихъ и денежныхъ туристовъ, разрушая предустановленные маршруты и роковымъ образомъ вовлекая людей въ свою безпокойную орбиту. Я видѣлъ даже въ Сорренто за Неаполемъ соотечественниковъ, которые вдругъ начинали нервничать, сердиться на всѣхъ окружавшихъ, говорить о пустотѣ итальянской жизни и черезъ два-три дня уѣзжали въ княжество Монако отдохнуть и освѣжиться.

Игорный дворецъ стоитъ на высокомъ берегу, окруженный большимъ садомъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ послѣднее слово особой, крикливой, кафешантанной роскоши. Ночью его огромные электрическіе фонари далеко озаряютъ море и кажутся рядами маяковъ, которые разгульная Ривьера выставила на приманку всему земному шару. Каждая эпоха имѣетъ свои постройки. Средніе вѣка воздвигли на этомъ берегу храмъ во славу Хранительной Дѣвы; современность по-

строила храмъ во славу номерной вертушки и ежедневно возглашаетъ свою новую молитву: «Faites vos jeux, messieurs!».

Весь стиль игорнаго дворца, вольный и пестрый, отражается въ отдѣлкѣ фасада, въ картинахъ и статуяхъ, украшающихъ стѣны залъ, и даже въ цвѣточныхъ клумбахъ, разбитыхъ у входа. Въ такомъ стилѣ прилично строить легкіе театры, танцклассы и другія еще болѣе теплыя мѣста.

Княжескій дворецъ, который бѣлѣетъ на горѣ повыше картежнаго притона, построенъ совсѣмъ въ другомъ стилѣ. Въ немъ нѣтъ ни одного лишняго украшенія или завитушки и онъ напоминаетъ скорѣе монастырь, построенный для сожительства мирныхъ и черныхъ братьевъ, чѣмъ княжеское обиталище.

Этотъ бѣлый дворецъ выражаетъ особую идею монакскаго княжества, которая состоитъ въ томъ, что князь Альбертъ-Гонорій-Карлъ, извлекающій свой бюджетъ изъ этого двусмысленнаго международнаго скопища, для того, чтобы не утонуть въ его острыхъ струяхъ, считаетъ своей обязанностью являться порядочнымъ человѣкомъ и единственнымъ джентльменомъ этого грѣшнаго берега. Послѣдній монакскій князь, двадцать четвертый по счету, зашелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что сталъ настоящимъ служителемъ музъ Ураніи и Кліо. Онъ занимается астрономіей, собираетъ большой музей, производитъ изысканія въ области морской фауны, даже созываетъ въ своемъ дворцѣ ученые съѣзды изъ самыхъ избранныхъ представителей науки. Онъ былъ дрейфусаромъ, едва ли не единственнымъ во всемъ княжествѣ Монако. Еще одинъ шагъ, и онъ явится единственнымъ республиканцемъ среди своего вѣрноподданническаго ультрамонархическаго населенія.

Я не знаю, помнитъ ли еще князь Альбертъ-Гонорій, что въ его владѣніяхъ существуетъ такая соблазнительная штука, какъ рулетка. Объ этомъ, впрочемъ, заботится откупщикъ господинъ Бланъ со своимъ зятемъ Роланомъ Бонапартомъ и, кромѣ того, совѣтъ княжества. Совѣтъ не забываетъ о рулеткѣ ни на минуту и даже считаетъ своимъ долгомъ оберегать толстыхъ Монегасковъ, жителей княжества, отъ заразительной приманки. Въ передней залѣ казино вывѣшено объявленіе, строго-настрого воспрещающее «своимъ» доступъ внутрь и всякое участіе въ игрѣ. Зато Монегаски поступаютъ въ привратники и лакеи и нанимаются въ городовые для охраненія порядка и самоубійцъ. Чинно прохаживаясь на перекресткахъ, эти опереточные мушкатеры щеголяютъ своими странными мантиліями и полосатыми чулками и какъ будто собираются пропѣть свой куплетъ и уйти въ боковую дверь.

Когда мы вошли въ казино, игра была въ полномъ разгарѣ. Несмотря на ранній часъ, всѣ пятнадцать столовъ были заняты. Около каждаго стола стоялъ тѣсный рядъ играющихъ и толпа зрителей, которые, впрочемъ, тоже дожидались подходящей минуты и вдохновенія,

чтобы поставить ставку. Всего въ залѣ могло быть болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Многія дамы были въ бриллiантахъ и умопомрачительныхъ туалетахъ, но наряды ихъ сидѣли какъ-то небрежно, ибо демонъ игры не оставляетъ достаточно времени даже для заботы о своемъ лицѣ и наружности. Вездѣ слышалась иностранная рѣчь, итальянская, англійская и русская, и я долженъ сказать, что послѣдняя раздавалась здѣсь гораздо чаще, сравнительно даже съ Парижемъ и Ниццей.

Играющіе представляли поразительное зрѣлище, какое трудно найти даже на биржѣ, въ разгарѣ азартной игры па повышеніе. Всѣ они съ неудержимымъ задоромъ толкали другъ друга и лѣзли впередъ поближе къ завѣтному столу. Каждый держалъ въ рукахъ деньги, бѣлые пятифранковики, желтые золотые, шелестящіе банковые билеты, и протягивалъ ихъ черезъ голову своихъ сосѣдей. Зоркій крупье, впрочемъ, подхватывалъ на лету любое приказаніе и ставилъ деньги на указанный номеръ, послѣ чего обыкновенно другой крупье загребалъ лопаткой ставку и сбрасывалъ ее въ ящикъ, приложенный подъ рулеткой для сбора барышей. Даже выигрыши не разбирались такъ ретиво, и однажды на скромную ставку въ пять франковъ, удвоенную на зеленомъ столѣ, совсѣмъ не нашлось хозяина. Какъ будто главное стремленіе этой разгоряченной толпы было въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе швырнуть свои деньги на край этой зеленой бочки Данаидъ, и результатъ интересовалъ ихъ меньше, чѣмъ самое ощущеніе риска.

Почти ежеминутно затѣвались споры изъ-за мѣстъ, иногда изъ-за пары серебряныхъ монетъ, на которыя предъявляли одновременное притязаніе два рыцаря азартной игры съ потертой физіономіей и въ поношенномъ сюртукѣ съ лоснящимися обшлагами и швами.

Я сдѣлалъ два тура по огромнымъ заламъ, гдѣ игорные столы казались архипелагомъ острововъ, раскинутыхъ по паркету. Въ самой дальней залѣ играли на двухъ столахъ въ «тридцать и сорокъ». Это была игра еще азартнѣе и крупнѣе рулетки. Здѣсь не принимались ставки меньше золотого и вмѣсто серебряныхъ монетъ мелькали яркіе стофранковики, похожіе на большіе желтые рубли. Большая часть играющихъ состояла изъ англосаксовъ съ обоихъ береговъ Атлантики, которые, не морщась, проигрывали огромныя суммы. Болѣе бѣдныя націи постоянно приливали къ этимъ англосаксонскимъ твердынямъ, но тотчасъ же отливали обратно, какъ волны, разбивающіяся объ утесъ.

На дворѣ стоялъ сіяющій южный полдень, но зеркальныя окна были тщательно затянуты сторами, и когда я попробовалъ отодвинуть немного край драпировки, высокій лакей остановилъ меня со строгимъ видомъ. Рулетка не признавала ни дня, ни ночи, она замкнулась въ самой себѣ и уединилась отъ внѣшняго міра, и яркій электрическій свѣтъ, обливавшій зеленые столы и отражавшійся на лощеныхъ стѣнахъ, казался какъ будто исходящимъ отъ этой обезумѣвшей

массы людей, трепетавшей напряженіемъ одной изъ самыхъ неосмысленныхъ страстей, на которыя способно человѣчество.

Въ центральной залѣ у одного изъ столовъ толпа была такъ велика, что она выдвинулась на средину и загородила проходъ между двумя главными дверьми. Я присоединился къ ней почти непроизвольно и послѣ нѣкоторыхъ боковыхъ движеній, приблизился къ самой линіи стульевъ, окружившихъ плотнымъ рядомъ зеленое полотно рулетки. Рядомъ съ толстымъ крупье, важно возсѣдавшимъ на своемъ высокомъ деревянномъ тронѣ, сидѣлъ американецъ, маленькій, корявый, съ сѣрымъ лицомъ и жидкими бурыми волосами. Онъ какъ будто только что всталъ изъ-за конторки въ какомъ-нибудь мелкомъ банкѣ на улицѣ Бродвей въ Нью-Іоркѣ и его короткій пиджакъ только подчеркивалъ впечатлѣніе. Но въ несвѣжей манишкѣ его рубахи сіялъ крупный солитеръ, который иногда, при внезапномъ поворотѣ этого нескладнаго тѣла, сверкалъ, какъ маленькій острый глазъ, и этотъ блескъ придавалъ американскому писцу въ глазахъ толпы особое, почти мистическое очарованіе. Это былъ какъ будто грубый идолъ кафровъ, украшенный крупнымъ камнемъ изъ самородной розсыпи.

Американецъ игралъ въ большую. Предъ нимъ лежалъ бумажникъ, раздувшійся отъ пачки тысячныхъ билетовъ, затиснутыхъ въ его объемистое нутро. Каждыя десять минутъ онъ доставалъ изъ пачки одинъ билетъ и бросалъ его крупье для размѣна на звонкую монету. Рядомъ съ бумажникомъ лежала груда золота, которая расползлась въ стороны и разсыпалась монетами, какъ куча булыжника, брошенная на столъ. Американецъ ставилъ на нумера. Онъ бралъ золото кучками, сколько захватятъ пальцы, и помѣщалъ его на расчерченную клѣтками полоску, которая составляетъ сердца рулетки. У него было два любимые номера, 52 и 14. Эти числа вѣроятно выражали возрастъ его самого и его молоденькой дочери, сидѣвшей рядомъ. Такая метода ставить «на годы» очень популярна среди игроковъ въ рулетку.

Американецъ окружалъ свои «годы» золотыми укрѣпленіями по всѣмъ угламъ и по всѣмъ полямъ сосѣднихъ клѣтокъ. Онъ ставилъ также на удалую, не считая денегъ и не обращая вниманія на номеръ. Рука его не уставала передвигать золото и даже, когда крупье уже раскрывалъ ротъ для того чтобы крикнуть: Ren ne va plus! онъ еще дѣлалъ торопливое движеніе, чтобы поставить послѣднюю ставку.

Часто одинъ или два изъ его номеровъ выигрывали, но все-таки каждый разъ лопатка крупье загребала большую часть его золота такъ безцеремонно, какъ будто это были опавшія листья, и сбрасывала ихъ въ ящикъ съ сухимъ звономъ, какъ кучу разноцвѣтныхъ камешковъ. Но деревянное лицо американца не измѣнялось ни на іоту. Онъ доставалъ новый билетъ, мѣнялъ его на золото и снова принимался разставлять его по клѣткамъ и номерамъ.

Американскій игрокъ привезъ съ собою всю семью и усадилъ ее за игорный столъ, какъ будто за табльдотъ ресторана. Рядомъ съ

нимъ сидѣлъ его сынъ, бѣлобрысый и долговязый, одѣтый съ дешевымъ шикомъ, купленнымъ въ парижскомъ модномъ магазинѣ. Онъ тоже ставилъ деньги кучками на два номера, какъ отецъ, но вмѣсто золота ставки его состояли изъ серебряныхъ пятифранковиковъ. Его номера были 29 и 22, вѣроятно, тоже представлявшіе чьи-то годы. Предъ нимъ на столѣ не было денегъ и онъ держалъ ихъ ссыпанными въ карманахъ. Иногда, когда онъ поворачивался на стулѣ слишкомъ рѣзко, отъ него раздавался слабый звонъ, какъ будто онъ былъ закованъ подъ платьемъ серебряной цѣпью. По другую сторону американца сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати съ свѣжимъ лицомъ и золотистыми кудрями, подвязанными голубой лентой. Игра ей видимо, надоѣла. Однажды она даже оставила свое мѣсто и отошла отъ стола, но потомъ снова вернулась. Время отъ времени она вынимала монету и бросала ее на столъ, не обращая вниманія, на какое мѣсто упадетъ ея ставка. Быть можетъ, именно поэтому она постоянно выигрывала и передъ ней накопилась на столѣ цѣлая горка серебра. Она, очевидно, не знала, что съ нимъ дѣлать и попробовала передвинуть его въ отцовскую сторону, но онъ досадливо отмахнулся и быстро отодвинулъ деньги на прежнее мѣсто.

За дѣвочкой сидѣла какая-то сѣрая дама, быть можетъ, гувернантка или компаньонка, которая вовсе не играла. Игроки однако уступили ей мѣсто съ готовностью. Если бы этотъ американскій крезъ привелъ съ собой цѣлую толпу ирокезовъ, они очистили бы мѣсто и для нихъ, изъ уваженія къ его бумажнику и золотымъ ставкамъ.

Кругомъ стола царствовала тишина. Публика сосредоточенно глядѣла на дѣятельныя руки американца. Только изрѣдка, когда особенно большая куча денегъ падала въ ящикъ рулетки, въ рядахъ зрителей пробѣгалъ ропотъ, какъ порывъ вѣтра. Многіе, впрочемъ, торопились ставить и свои деньги, очевидно, увлекаемые примѣромъ и побуждаемые безсознательнымъ стремленіемъ провалиться въ одну и туже бездну вмѣстѣ съ этимъ золотымъ водопадомъ. Одна длинная англичанка, похожая на залежавшуюся миногу, даже перегнулась прямо черезъ голову набоба, для того чтобы поставить свою серебряную монету на среднее поле.

— S'il vous plait, monsieur!—сказала она въ видѣ оправданія, но съ такимъ ужаснымъ акцентомъ, что даже сѣрая гувернантка неодобрительно повернулась въ ея сторону.

— Шш!—публика замахала на нее руками, какъ будто она совершила оскверненіе святыни.

— Play (играю)!—повторила минога уже прямо по-англійски.

Красивая француженка, сидѣвшая напротивъ американца, очаровательно улыбнулась и сказала очень ясно глазами: «Не обращайте вниманія на эту тварь. Вотъ я, напримѣръ, не такая, совсѣмъ напротивъ».

Но американецъ не обратилъ вниманіе на этотъ безмолвный монологъ. На лицѣ его выступило выраженіе деревянной скуки. Эта адская

игра не доставляла ему, видимо, даже достаточно сильныхъ ощущеній. Онъ проигралъ въ теченіе часа около двадцати пяти тысячъ франковъ, но на американскую мѣрку это совершенные пустяки. Въ бытность мою въ Нью-Іоркѣ Реджинальдъ Вандербильтъ проигралъ въ притонѣ Аллена двѣсти тысячъ долларовъ въ одну ночь, а банкиръ Джесси Льюисонъ—больше шестисотъ тысячъ долларовъ въ теченіе зимняго сезона, что не помѣшало имъ сохранить лучшія отношенія съ гостепріимнымъ хозяиномъ притона.

Руки американца, продолжавшія машинально бросать золото на полотно рулетки, стали раздражать меня. Чтобы не смотрѣть на нихъ, я принялся разсматривать окружавшія меня лица.

Уже давно я замѣтилъ, какъ безобразны человѣческія лица, когда ихъ разсматриваешь въ большой толпѣ. Разнообразіе носовъ, толстыхъ, вздернутыхъ или хищно изогнутыхъ, тупыхъ лбовъ, выдающихся кадыковъ, массивныхъ или длинныхъ челюстей, косматыхъ бородъ или усиковъ, завитыхъ въ такое подленькое колечко, какъ свиной хвостикъ, дѣйствуетъ на меня всегда подавляющимъ образомъ. Какъ будто я попалъ въ музей уродовъ или на выставку типовъ вырожденія.

Откуда беретъ человѣчество такія вульгарныя, тупыя, оскорбляющія зрѣніе лица? Каждое отдѣльное лицо имѣетъ свою прелесть и своеобразное выраженіе, но въ массѣ они представляются раскрашенными масками, даже красивыя черты кажутся аномаліей и какъ будто искажаются новой, еще невѣдомой судорогой.

Человѣческая толпа какъ будто имѣетъ особое лицо, низкое и безобразное и оно составляетъ, повидимому, истинное выраженіе ея собирательной души.

И разсматривая толпу игроковъ, окружавшихъ это проворно вертящееся колесо, я спрашивалъ себя съ удивленіемъ, какая таинственная сила привела ихъ сюда и соединила вмѣстѣ въ общемъ чувствѣ жаднаго и почтительнаго преклоненія предъ этимъ золотымъ мѣшкомъ, автоматически самоопоражнивавшимся въ бездонный ящикъ рулетки? Приманки, выставленныя на показъ въ этомъ подломъ мѣстѣ, были черезчуръ несложны и не могли назваться даже элементарными, ибо чувство элементарнаго самосохраненія должно было бы закрыть всѣ эти зіяющіе кошельки. Для всѣхъ было очевидно, что эта кафешантанная роскошь, картины, люстры, паркетные полы, толстые привратники, все это куплено на деньги, обобранныя у кліентовъ рулетки, что все населеніе княжества, вмѣстѣ съ полосатой стражей и ученымъ княземъ во главѣ, питается и процвѣтаетъ за тотъ же самый счетъ. Почему это простое соображеніе вмѣсто того, чтобы отталкивать, еще больше привлекаетъ толпу? Откуда берется ея легковѣріе, чѣмъ оно питается?

Недавно Тереза Эмберъ, парижская «великая Тереза», при помощи банальныхъ уловокъ, заимствованныхъ изъ фельетоннаго романа, собрала сотню милліоновъ съ ростовщиковъ, нотаріусовъ, сводниковъ и

другихъ столь же недовѣрчивыхъ и насквозь прожженныхъ дѣльцовъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что если выпустить сегодня Терезу на волю, то самая цифра собранныхъ ею милліоновъ послужитъ для нея новой рекомендаціей и дастъ ей возможность возобновить свои операціи въ не менѣе широкихъ размѣрахъ. Ни грамотность, ни гласность не помогаютъ противъ общественнаго легковѣрія, и напрасно оптимисты противопоставляютъ древнему баснословію новѣйшій скептицизмъ. Одна современная реклама, расточительная и безстыдная, стоитъ всѣхъ античныхъ оракуловъ и гаданій, вмѣстѣ взятыхъ, ибо оракулы, по крайней мѣрѣ, опирались на вѣру въ божественную силу; реклама же зиждется въ вѣчно неустойчивомъ, но воистину чудесномъ равновѣсіи, на простой и плоской лжи, одинаково явной и для сочинителей, и даже для читателей.

Въ прошломъ году въ Нью-Іоркѣ разыгралась одна изъ очень обычныхъ исторій. Двое рыцарей индустріи, не имѣя ни гроша за душой, основали акціонерное общество подъ названіемъ «Быстрая Нажива» и пообѣщали публикѣ платить 10% въ недѣлю съ внесеннаго вклада. Деньги тотчасъ же полились рѣкой и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ достойные товарищи собрали около милліона долларовъ. Разумѣется, они платили проценты аккуратно и самые ранніе вкладчики выручили обратно почти всѣ свои взносы. И если бы полиція не вмѣшалась, операція приняла бы грандіозный характеръ. Между прочимъ, даже личная секретарша главнаго «директора», которая, казалось, должна была бы понимать истинное положеніе дѣлъ, тоже соблазнилась процентомъ и внесла сто долларовъ, изъ которыхъ успѣла получить назадъ только тридцать. По моему мнѣнію, для того, чтобы повѣрить, что какой-то никому неизвѣстный маклеръ будетъ платить 500% въ годъ на внесенный капиталъ, нужно легковѣріе, гораздо большее чѣмъ для вѣры въ Юпитера и всѣхъ олимпійскихъ боговъ, тѣмъ болѣе, что вѣра въ Юпитера достается человѣчеству безъ прямой платы, а вѣра въ «Быструю Наживу» требуетъ немедленнаго взноса наличности.

Это новое суевѣріе, безъ почвы и корней, родится на улицахъ нашихъ ужасныхъ городовъ, которые собираютъ людей въ одно общее стадо, но дѣлаютъ ихъ болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ звѣри въ лѣсу, и сами превращаются въ пустыни, многолюдныя и многошумныя, но глухія къ каждому стону человѣческаго горя и къ каждому крику о помощи.

Пока я предавался такимъ размышленіямъ, чья-то незнакомая рука легла на мое плечо.

— Попросите, пожалуйста, крупье, — произнесъ сзади меня чистымъ русскимъ говоромъ убѣдительный голосъ,—чтобы онъ положилъ мои деньги на нечетъ.

Другая рука вложила пятифранковую монету въ мою полуоткрытую ладонь.

Я живо обернулся. Предо мной стоялъ соотечественникъ самаго несомнѣннаго типа. Въ свою очередь онъ издали узналъ по моей спинѣ, что я русскій.

Послѣ того какъ крупье должнымъ образомъ забралъ поставленную нами монету, мы отошли въ сторону и мало-по-малу разговорились. Соотечественникъ былъ одѣтъ въ партикулярное платье, но даже подъ сѣрымъ пиджакомъ въ немъ можно было узнать строевого офицера. Онъ былъ родомъ изъ Сибири и служилъ десять лѣтъ въ Туркестанѣ, на самой памирской границѣ. Послѣдніе пять лѣтъ онъ былъ начальникомъ охотничьей команды, уходилъ въ глубину Памирскихъ горъ, жилъ на снѣгу въ палаткѣ, избивалъ тигровъ и кабановъ. Жалованье его накапливалось въ банкѣ и къ концу десятилѣтія достигло пяти тысячъ рублей.

Тогда памирскій немвродъ взялъ свои деньги и отправился путешествовать. Онъ объѣздилъ всю Россію и Европу, былъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ кабачкахъ на парижскомъ Монмартрѣ, въ вѣнскомъ Рингъ-театрѣ, въ Генуѣ, въ Женевѣ, въ Ниццѣ.

Голова его до такой степени была переполнена разнородными впечатлѣніями, что они нейтрализовали другъ друга, какъ интерферирующіе лучи, и взаимно погружались въ забвеніе. Пять тысячъ растаяли, какъ масло на огнѣ, и теперь у путешественника не было ни гроша въ карманѣ, и монета, отданная нами въ жертву колесу, составляла его послѣднее достояніе. Онъ, впрочемъ, не очень унывалъ, ибо предусмотрительно оставилъ въ Вѣнѣ триста рублей на обратный путь въ Туркестанъ. Больше всего его огорчало, что ему нечего проигрывать въ рулетку. Онъ не только не создавалъ себѣ никакахъ иллюзій насчетъ возможности выигрыша, но напротивъ, какъ будто ставилъ задачей проиграть какъ можно больше.

— Пріѣду въ Кокмаковъ,—сокрушался онъ,—станутъ меня спрашивать, сколько, молъ, денегъ проигралъ въ рулетку, а я что скажу? «У меня молъ, на рулетку всего и было пятьдесятъ франковъ». Развѣ ужъ соврать, прибавить,—какъ по вашему?

У памирскаго немврода было двое знакомыхъ въ игорномъ залѣ, вѣроятно пріобрѣтенныхъ такимъ же непосредственнымъ пріемомъ. Мы отыскали ихъ у стола съ правой стороны, гдѣ они съ увлеченіемъ проигрывали свои деньги въ рулетку. Это были рослые молодые люди, красивые и здоровые и, повидимому, тоже непривычные къ партикулярному платью. Оба они были въ сильномъ проигрышѣ, одинъ успѣлъ спустить шесть тысячъ франковъ и собирался идти до конца своихъ рессурсовъ. Видя такой крупный итогъ, памирскій охотникъ даже поблѣднѣлъ отъ зависти и вдругъ почувствовалъ такое отвращеніе къ этой залѣ, толпѣ и игрѣ, что предложилъ мнѣ выйти вмѣстѣ съ нимъ на чистый воздухъ. Мы сошли съ крыльца и пошли по аллеѣ. Голова моя кружилась отъ рѣзкаго перехода между чудовищной атмосферой рулетки и благоуханіемъ южнаго сада. По временамъ во мнѣ

возникала странная иллюзія. Мнѣ чудилось, что небесный сводъ покрывается лѣпными украшеніями и задергивается занавѣсями, и солнце спускается надъ зеленой лужайкой, какъ электрическая люстра надъ зеленымъ столомъ.

Мы стали спускаться внизъ, поближе къ морскому берегу. Здѣсь стрѣляютъ,—сказалъ туркестанецъ, привлеченный звуками пальбы.— Пойдемте, посмотримъ!

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и подошли къ закрытой террасѣ. Прямо подъ нами, на площади, выложенной дерномъ, происходилъ голубиный тиръ. Двѣ желѣзныя западни посрединѣ открывались съ математической правильностью. Легкія бѣлыя тѣни взметывались въ воздухѣ. Также правильно раздавались выстрѣлы изъ невидимой для насъ глубины. Собака выбѣгала впередъ и подбирала судорожно трепетавшую птицу. Это походило на какую-то чудовищную машину, придуманную для механическаго воспроизведенія охоты, и какъ нельзя болѣе подходило ко всему этому подмалеванному и раззолоченному мѣсту съ его игорной механикой и оптовымъ разжиганіемъ страстей.

При видѣ голубинаго спорта туркестанецъ искренно возмутился, впрочемъ въ довольно спеціальномъ направленіи.

— Ахъ, подлецы!—негодовалъ онъ:—такъ собаку портить. Самихъ бы ихъ потыкать мордами въ эту птицу подлую.

— Нѣтъ, уѣду отсюда!—круто заключилъ онъ и повернувъ по аллеѣ, пошелъ назадъ по направленію къ выходу.

Я думалъ, что онъ отправляется въ свою гостинницу складывать вещи на дорогу, но дойдя до дверей казино, онъ на минуту остановился, потомъ, какъ будто привлекаемый невидимой силой, поднялся вверхъ и вошелъ внутрь.

Я тоже поднялся по дорогѣ и, минуя рядъ цвѣточныхъ клумбъ, пышно устроенныхъ и какъ будто даже позолоченныхъ подъ стать игорному стилю, прошелъ въ глубину сада. На краю обрыва надъ гранитной лѣстницей стояла круглая бэсѣдка. Предъ бесѣдкой чуть журчалъ фонтанъ. Маленькая сѣрая птичка сидѣла на краю мраморной чаши и пила воду. Напившись, она вспорхнула на ближайшее дерево и защебетала такъ громко и радостно, какъ будто разсказывала кому-то свою недавнюю любовь.

Въ бесѣдкѣ стоялъ человѣкъ и, обратившись лицомъ къ морю, смотрѣлъ вдаль. Онъ былъ молодъ и строенъ, платье его было хорошо сшито, но по нѣкоторымъ мелкимъ подробностямъ его наряда, по формѣ его шляпы и резиновымъ вставкамъ башмаковъ, я предположилъ, что онъ тоже русскій. Онъ стоялъ неподвижно и прямо, и высоко держалъ голову, и тѣмъ не менѣе во всей его фигурѣ было что-то пришибленное, осунувшееся внизъ. Лицо его было опушено мягкой бѣлокурой бородкой и большіе сѣрые глаза глядѣли впередъ такимъ мутнымъ, неподвижнымъ, растеряннымъ и въ то же время безсознательнымъ взглядомъ. Такъ смотритъ человѣкъ, заболѣвшій маляріей или только что приговоренный судомъ къ каторжнымъ работамъ.

Очевидно, этотъ одинокій скиталецъ представлялъ оборотную сторону широкой золотой монеты, сверкающей въ игорномъ гербѣ Монако.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ призраковъ, которые такъ тихо и безслѣдно исчезаютъ съ игорнаго горизонта и которые не являются потомъ, какъ тѣнь Банко, смущать дѣловую суету великаго торжища рулетки.

Я встрѣтилъ этого человѣка еще два раза въ тотъ же самый день. Вторая встрѣча произошла въ началѣ вечера, когда, еще разъ посѣтивъ казино, я отправлялся обѣдать въ знакомый ресторанъ на другомъ концѣ игорнаго города. Человѣкъ въ мягкой шляпѣ стоялъ на углу улицы предъ богатымъ ювелирнымъ магазиномъ и разсматривалъ кольца и браслеты тѣмъ же тупымъ, какъ будто безсознательнымъ взглядомъ.

Третья встрѣча произошла на три часа позже, когда измученный толкотней по этому пышному притону, я отправлялся, наконецъ, на вокзалъ къ поѣзду, уходившему за Альпы. Призракъ опять стоялъ предъ вѣтриной магазина, но этотъ магазинъ былъ оружейный и за его стеклами были выставлены кинжалы и револьверы.

Эти три встрѣчи запомнились мнѣ, какъ три акта театральнаго представленія, три послѣдовательныхъ этапа короткой «Жизни игрока».

Не знаю, какое рѣшеніе приняла въ ту ночь блуждающая мысль призрака въ мягкой шляпѣ и попало ли его дѣйствіе въ списокъ «различныхъ происшествій» на слѣдующее газетное утро. Я молча прошелъ мимо него и направился къ вокзалу. Казино попрежнему сіяло ослѣпительными огнями. Почти машинально я поднялся на крыльцо и прошелъ внутрь. Быть можетъ, мнѣ хотѣлось, чтобы поверхъ этой туманной фигуры, блуждающей во535 мракѣ, легло послѣднее яркое и шумное впечатлѣніе. Несмотря на поздній часъ, игра не ослабѣвала. Дюжина колесъ вертѣлась взапуски, собирая золотую жатву. Толпа брала приступомъ мѣста у столовъ и во всѣхъ четырехъ концахъ раздавались тѣ же лихорадочно возбуждающіе оклики:

„Faites vos jeux, messieurs,
Rien ne va plus!“

На другое утро я былъ въ Генуѣ, на большомъ загородномъ кладбищѣ, которое такъ красиво называется по итальянски «Святымъ Полемъ». Кладбище это составляетъ лучшее украшеніе города. Оно расположено на высокомъ ровномъ холмѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на городъ и на морской заливъ. Оно разбито квадратомъ и окружено высокой двухъэтажной аркадой. Четыре стороны аркады наполнены памятниками и статуями, изваянными изъ мрамора и бронзы. Все это созданія новаго времени и почти ни одна могила не заходитъ дальше начала XIX-го вѣка, но на этихъ благородныхъ памят-

никахъ видно, что современное итальянское искусство еще таитъ въ себѣ часть того художественнаго огня, который два раза обезсмертилъ Флоренцію и Римъ.

Статуи на кладбищѣ считаются тысячами. Это цѣлое населеніе, огромная мраморная толпа и она явилась мнѣ во сто кратъ благороднѣе и чище живой толпы игроковъ, наполнявшихъ Монако. Эти бѣлыя лица были такъ таинственно строги, такъ торжественно прекрасны. Вмѣсто того, чтобы безпорядочно толпиться вокругъ игорнаго стола, эти люди стояли въ художественныхъ группахъ, и каждая складка ихъ платья дышала спокойствіемъ и красотой.

Эти мраморные люди хранили важное безмолвіе, но чистыя линіи ихъ тонко-очерченныхъ лицъ говорили достаточно краснорѣчиво. Ни единое дыханіе жадности и себялюбія не оскверняло неподвижныхъ гробницъ. Всѣ эти безмолвныя жены любили своихъ мужей, дѣти жалѣли и тосковали о родителяхъ, цѣлыя семьи стояли тѣсными братскими рядами и никакое предательство не могло нарушить ихъ родственную пріязнь. Вмѣсто мелочей жизни и ея звѣриныхъ страстей, надъ этими мраморными поколѣніями властвовалъ идеалъ, несложный, наивный, унаслѣдованный по преданію, но все же идеалъ, поскольку онъ доступенъ широкой общественной массѣ. Она выковала его въ горнилѣ страданій, лицомъ къ лицу съ послѣднимъ актомъ житейской драмы, которая проходитъ, какъ фарсъ, и только натыкаясь на смерть, превращается въ трагедію, и увѣковѣчила его здѣсь въ твердомъ мраморѣ и бронзѣ. Никакая измѣна не грозила этому идеалу, ибо въ основаніи памятниковъ были заложены кости усопшихъ и мертвые люди надежнѣе, чѣмъ живые.

У одного изъ боковыхъ входовъ огромная темно-мраморная смерть сжимала костлявыми руками молодую дѣвушку, которая тщетно старалась оторвать отъ себя эти страшныя костлявыя руки. Это былъ тотъ неизбѣжный порогъ, которымъ нужно было вступать въ это прекрасное обиталище мертвыхъ, но внутри его даже смерть являлась побѣжденной и преображенной, какъ бѣлая бабочка, вылетѣвшая изъ пыльнаго кокона, и легкокрылая душа, парившая на облакѣ своихъ развѣянныхъ одеждъ на высотѣ большого барельефа и стремившаяся въ пространство, была какъ будто символомъ и залогомъ новой жизни, готовой брызнуть, какъ свѣтлый ключъ, изъ-подъ перегнившихъ корней тяжелой, черной и похороненной смерти.

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ.

I.

Бюрократія есть господство класса профессіональныхъ чиновниковъ, находящихся въ іерархической зависимости другъ отъ друга. Эта зависимость дѣлаетъ изъ бюрократіи, когда она многочисленна, силу, тяжело ложащуюся на государственный бюджетъ и обыкновенно препятствующую прогрессу страны.

Въ своемъ двухтомномъ «Cours d'economie politique» *) профессоръ В. Парето утверждаетъ, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ богатства Англіи и Швейцаріи служитъ, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, то обстоятельство, что число чиновниковъ и профессіональныхъ политикановъ въ обѣихъ странахъ очень не велико. Благодаря послѣднему, классъ чиновниковъ не отвлекаетъ отъ производства богатствъ большей части жизненныхъ силъ Англіи и Швейцаріи. Противоположная причина содѣйствуетъ увеличенію нищеты въ Испаніи и Италіи.

Конечно, между бюрократіями отдѣльныхъ странъ есть нѣкоторая разница. Эта разница изрѣдка клонится въ пользу той или другой бюрократіи. Такъ, германская бюрократія отличается трудолюбіемъ, но въ общемъ счастливы тѣ государства, которыя свободны отъ многочисленной бюрократіи. Такими государствами являются Швейцарія и Англія, гдѣ, вслѣдствіе развитія общественнаго самоуправленія и децентрализаціи, бюрократія играетъ ничтожную роль.

Изъ всѣхъ государствъ въ Западной Европѣ наиболѣе многочисленной бюрократіей обладаетъ Франція. И потому это обстоятельство разсматривается независимыми представителями французской націи, какъ своего рода внутренняя опасность, отъ которой нужно избавиться.

Въ послѣднее время все чаще раздаются голоса противъ непроизводительной траты рабочихъ силъ въ канцеляріяхъ, силъ, нужныхъ для увеличенія народнаго богатства путемъ земледѣлія и промышленности. Исписанная канцелярская бумага получила отъ французскихъ беллетристовъ презрительную кличку—paperasse.

Въ произведеніи одного изъ современныхъ французскихъ писателей г. Леконта,—«Les cartons verts» («Зеленыя папки»), приведена характе-

*) Paris, 1900, томъ II, стр. 390.

ристика занятій французскихъ чиновниковъ, въ весьма нелестномъ для нихъ освѣщеніи. Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа, Эдгаръ Лоріола, поступивъ на службу по необходимости, ради жалованья, уже заранѣе готовился къ тому, что его ожидаетъ много непріятнаго,—«но ему и во снѣ не снились тѣ нелѣпыя занятія», которыя пришлось выполнять на службѣ. Всѣ словно играли какую-то невѣроятную комедію. Оказалось, что одинъ только новичокъ (Варамбонъ) выдѣлялся своимъ усердіемъ и старые служаки въ бюро относились къ нему съ нескрываемымъ недовѣріемъ. «Дѣйствительно,—пишетъ авторъ,—въ министерствахъ крайне снисходительны, даже несмотря на зависть, къ товарищамъ, которые гуляютъ, веселятся, достигаютъ успѣха и денегъ на сторонѣ, но не прощаютъ тѣмъ, которые не думаютъ скрывать своего бюрократическаго честолюбія и реформаторскихъ поползновеній».

А вотъ какъ описываются занятія главнаго начальника того департамента, въ которомъ служили Эдгаръ и Варамбонъ, — Иссахаръ: «забравшись въ свой комфортабельный кабинетъ, обставленный казенною мебелью, отапливаемый казенными дровами, преспокойно составлялъ рапорты о частныхъ экспертизахъ, приносившихъ ему немалыя деньги. Вдобавокъ, это дѣлалось въ служебные часы, оплачиваемые также изъ государственной казны. Должность въ министерствѣ путей сообщенія увеличивала его престижъ инженера. Финансовыя и промышленныя товарищества, желая прикрыться авторитетомъ его оффиціальнаго званія, поручали ему множество экспертизъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ надувалъ государство, утягивая у него рабочее время, Иссахаръ, вдобавокъ, заставлялъ лучшаго переписчика въ канцеляріи по два, по три раза въ недѣлю переписывать набѣло свои длиннѣйшіе рапорты, и подчиненный, обрадовавшись случаю угодить начальнику, пускалъ для него въ ходъ все свое каллиграфическое искусство» *).

Варамбонъ изобрѣлъ проектъ реформы въ управленіи, которая могла бы привести... къ сокращенію штатовъ. Онъ наивно подноситъ свой проектъ Иссахару, но вмѣсто ожидаемаго «поощренія по службѣ» подвергается опалѣ и въ концѣ концовъ умудренный чиновничьимъ опытомъ Иссахаръ совершенно переиначиваетъ предложенный проектъ, сводя его не къ сокращенію, а къ умноженію праздныхъ лицъ, занятыхъ въ бюро полученіемъ жалованья... Это, конечно, фикція для вящаго изобличенія чиновничества. Франція вполнѣ сознаетъ зло, которое представляетъ развившаяся въ ней не въ мѣру бюрократія, и она энергично борется съ этимъ зломъ, встрѣчающимъ все же естественное противодѣйствіе въ избирательныхъ формахъ правленія. Но рутина все-таки велика и только благодаря широкому распростра-

*) Цитуемъ по русскому переводу романа, напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Иностр. Литер.“ за 1901 г.

нію во Франціи гласности удается постепенно ее подтачивать и наивозможно обезвредить.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ г. Беранже, даннымъ, касающимся спеціально французской бюрократіи *).

Послѣ цѣлаго ряда общественныхъ переворотовъ и политическихъ кризисовъ во Франціи одна вещь осталась неприкосновенной—администрація. Администрація пережила королей, создавшихъ ее для своей пользы. Она пережила конвентъ, централизовавшій ее въ своихъ видахъ. Она пережила императора, придавшаго ей военную аллюру. Однимъ словомъ, французская бюрократія безсмертна. Странное явленіе: въ странѣ, гдѣ власть была такъ эфемерна, бюро служило крѣпостью, для которой ураганы вѣковъ были ни почемъ.

Но то, что прежде имѣло нѣкоторый raison d'être, не соотвѣтствуетъ своею организаціею духу новаго времени. Администрація начала вырождаться, и это вырожденіе называется кризисомъ французской бюрократіи. Бюрократія перестала соотвѣтствовать народнымъ нуждамъ. Даже напротивъ, тяжелымъ бременемъ легла она на французскій народъ. Число чиновниковъ во Франціи доходитъ въ настоящее время до 500.000. За половину прошлаго столѣтія французская бюрократія и расходы на нее росли въ такой прогрессіи:

Въ	1846	году	было	188.000	чин.	пол.	245	мил. фр.
»	1853	»	»	217.000	»	»	260	» »
»	1873	»	»	285.000	»	»	340	» »
»	1886	»	»	350.000	»	»	484	» »
»	1896	»	»	416.000	»	»	627	» »

Въ то время какъ населеніе Франціи увеличилось только на 10%, количество чиновниковъ увеличилось на 110%, а сумма жалованья — на 150%. Чиновники поглощали въ 1846 г. десятую часть бюджета, въ 1896 же году шестую. Тѣмъ не менѣе, ихъ жалованье равняется въ среднемъ 1.400 франкамъ въ годъ, т.-е. не превосходитъ заработка средняго рабочаго. Ужасающій ростъ французской бюрократіи въ XIX столѣтіи **) находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Между 1846 и 1896 г. было создано 228.000 новыхъ чиновниковъ, но большая ихъ часть пришлась на министерства народнаго просвѣщенія, почтъ и телеграфовъ. Составъ министерства народнаго просвѣщенія возросталъ такъ:

Въ	1846	году	было	41.370	чиновн.
»	1853	»	»	47.509	»
»	1873	»	»	119.518	»
»	1896	»	»	120.988	»

*) „Revue des Revues", 15 января 1899 г.

**) Если вѣрить Левассеру, то въ 1789 году во Франціи было еще больше чиновниковъ, чѣмъ теперь.

Число учителей, равнявшееся въ 1846 году 40.000, достигло при третьей республикѣ 110.000.

Составъ министерства почтъ и телергафовъ возрасталъ такъ:

Въ	1846	году было	18.617	чинови.
»	1858	» »	27.486	»
»	1873	» »	33.824	»
»	1896	» »	67.949	»

Но и въ этомъ случаѣ увеличеніе числа чиновниковъ (почти на 50.000) находитъ нѣкоторое оправданіе. Почта, телеграфъ и телефонъ, сдѣлавшись значительными факторами въ жизни французской республики, потребовали своего расширенія.

Что не находитъ никакого оправданія, такъ это увеличенія количества чиновниковъ въ другихъ министерствахъ, если вспомнить характеристику Леконта, данную французской бюрократіи. Третья республика много сдѣлала для расширенія народнаго образованія и средствъ сношенія, но не упростила бюрократическаго механизма и не уничтожила канцелярщины, влекущей за собою массу непроизводительныхъ расходовъ. Авторъ, у котораго мы взяли предыдущія цифры, старается оправдать ростъ французскаго чиновничества, но и онъ находитъ, что, по крайней мѣрѣ, 50.000 чиновниковъ нельзя приткнуть ни къ какому мало-мальски раціональному занятію, что нельзя извинить содержанія этихъ тунеядцевъ за счетъ государства. «Не являются ли они паразитами въ бюджетѣ? Не создаются ли они административной дегенераціей и вліяніемъ политикановъ? Однимъ словомъ, не достойны ли эти 50.000 вновь пришедшихъ, присоединенные къ нѣсколькимъ тысячамъ старыхъ чиновниковъ, совершеннаго устраненія отъ дѣлъ?» *).

«Какъ только начинаешь детально изучать механизмъ отдѣльныхъ министерствъ,—говоритъ Беранже,—тотчасъ бросается въ глаза слѣдующій фактъ: центральныя бюро въ Парижѣ поглощаютъ бюджетъ и персоналъ совершенно непропорціональный съ услугами, оказываемыми этими бюро» **). Еще въ 1871 году коммиссія, состоявшая изъ 33 членовъ, нашла, что число чиновниковъ центральной администраціи огромно и что работа каждаго чиновника въ отдѣльности почти сводится къ нулю. Далѣе, она нашла, что содержаніе министровъ обходится государству очень дорого. Поэтому, коммиссія предложила на половину сократить штатъ парижскихъ чиновниковъ и предназначить въ государственное пользованіе большинство министерскихъ домовъ. Несмотря на приговоръ коммиссіи, бюрократія продолжала расти. Между тѣмъ какъ въ 1871 году центральная администрація поглощала 14 милліоновъ франковъ и занимала 3.900 служащихъ, въ 1881

---

*) „Revue des Revues“, 15 января 1899 г., стр. 135.

**) Ibid., стр. 138.

году она поглощала уже 18 милліоновъ и занимала 5.000 чиновниковъ, наконецъ, въ 1896 году она поглощала большую сумму въ 20 милліоновъ и занимала 6.000 чиновниковъ.

Служба въ центральной администраціи кажется парижской буржуазіи необычайно привлекательной. И надо сознаться, что трудъ чиновника центральной администраціи крайне легокъ и непродолжителенъ. Онъ встаетъ въ 8 часовъ утра, въ 9 приходитъ въ бюро, уходитъ изъ бюро обѣдать въ 11 часовъ, возвращается къ 2 часамъ и приходитъ къ себѣ домой къ 4 часамъ. «Вотъ и конченъ административный день. Что сдѣлалъ чиновникъ за это время? Онъ прочелъ газеты, написалъ свои письма, принялъ въ бюро друзей, позанялся литературой или поболталъ съ сослуживцами, позѣвалъ отъ скуки, покурилъ и помечталъ. Иногда ему приходится подскоблить какую-нибудь бумагу, сдѣлать напоминаніе налогоплательщику. Онъ счастливъ; всѣ ему завидуютъ; онъ получаетъ въ годъ 3.900 франковъ; получитъ пенсію и будетъ украшенъ орденомъ» *).

Еще ярче, чѣмъ Беранже, изображаетъ стремленіе француза сдѣлаться чиновникомъ уже много разъ цитированный нами Леконтъ: «Смѣшная и грустная комедія. Вся Франція благоговѣетъ передъ казеннымъ мѣстомъ. Полчища безразсудныхъ людей, покидая кормилицу-землю, деревню, гдѣ съ небольшими расходами можно вырастить многочисленную семью, очертя голову кидаются въ большіе города, чтобы подъ гнетомъ городскихъ условій одеревенѣть въ горькомъ одиночествѣ. Отказываться отъ красоты и радости свободнаго труда, чтобы приковать себя къ машинальной работѣ, которая мало-по-малу подтачиваетъ ваше достоинство мыслящихъ существъ. Какъ немногіе въ этой массѣ чиновниковъ и кандидатовъ въ чиновники замѣчаютъ, насколько унизительна эта безумная погоня за рабскимъ ярмомъ, какъ гадко это отреченіе отъ умственной дѣятельности, отъ самостоятельнаго труда и свободы. Радуясь вѣрному обезпеченію, эти люди не догадываются, что добровольно подрываютъ корни собственной жизни. Лишь послѣ долгихъ лѣтъ безотраднаго существованія убѣждаются они въ томъ, что канцелярская служба съѣла ихъ счастье и здоровье. Позднее отрезвленіе. Когда оно приходитъ, они оказываются безнадежными инвалидами» **).

Откуда же взялась французская бюрократія? Когда она возникла? Нѣкоторые полагаютъ, что бюрократія со всѣми ея недостатками есть продуктъ первой имперіи. По ихъ мнѣнію, Наполеонъ I превратилъ Францію въ обширный бюрократическій организмъ. Это не совсѣмъ вѣрно: Наполеонъ, ликвидировавшій конвентъ, только урегулировалъ, милитаризировалъ и націонализировалъ безформенную кучу службъ, уже существовавшихъ при абсолютной монархіи. Монархи стараго ре-

*) „Revue des Revues", 15 января 1899 г., стр. 138.

**) „Вѣстн. Ин. Лит.", декабрь 1901 г., стр. 202.

жима не имѣли бюджетовъ, но имѣли удовольствія. Ихъ фавориты, ихъ метрессы, ихъ замки, ихъ войны заставляли дѣлать долги и разоряли ихъ. Они создали тогда, при помощи своихъ законниковъ и «статсъ-секретарей», службы (offices), давшія возможность сыновьямъ разбогатѣвшихъ буржуа дѣлаться во имя короля нотаріусами, актуаріусами, стряпчими, судьями, взимателями податей и т. д. Идеаломъ молодыхъ буржуа стараго режима сталъ титулъ «officier royal», пріобрѣтаемый ими иногда очень дорогой цѣной. Такое стремленіе богатой молодежи очень повредило французской торговлѣ и промышленности. Какъ разъ въ это время наслѣдственныя династіи англійскихъ и голландскихъ купцовъ экономически завоевали міръ. Напрасно великій финансистъ Кольберъ пробовалъ уничтожить зло. Напрасно умолялъ онъ короля упразднить безполезныя должности. Людовикъ XIV, нуждавшійся въ деньгахъ для своихъ празднествъ и завоеваній, былъ глухъ къ мольбамъ своего министра. Онъ еще болѣе увеличилъ число чиновниковъ, чтобы пополнить свою казну. Итакъ, искусственное созданіе должностей политической властью очень старо. Монархія практиковала его много интенсивнѣе имперіи Наполеоновъ и третьей республики. Прежде короли увеличивали количество чиновниковъ для своего обогащенія, впослѣдствіи политики дѣлали то же самое для усиленія своего вліянія.

Г. Беранже приводитъ нѣсколько средствъ борьбы съ бюрократіей. Во-первыхъ, онъ предлагаетъ сократить незаконную власть министровъ, запретивъ имъ произвольное увеличеніе кабинетовъ. Затѣмъ нужно преобразовать центральную администрацію, сокративъ фантастическое количество чиновниковъ бюро, ихъ помощниковъ, редакторовъ, инспекторовъ, контролеровъ, комиссаровъ, совѣтниковъ и т. д., наполняющихъ министерства и парализирующихъ дѣло негодной, исписанной бумагой (papecasserie) и маніей къ контролю. Централизацію по областямъ нужно замѣнить централизаціей по департаментамъ и округамъ, т.-е. уничтожить административныя единицы, потерявшія смыслъ вотъ уже болѣе 60 лѣтъ, уничтожить выборы по округамъ, замѣнивъ ихъ областными и корпоративными выборами, уничтожить большинство окружныхъ чиновниковъ, свести количество префектовъ, академическихъ инспекторовъ, епископовъ, главныхъ инженеровъ, директоровъ почтъ и регистраціи съ 90 къ 12—15 для каждой изъ этихъ обязанностей, одними словомъ, превратить теперешнюю сложную централизацію въ упрощенную. Далѣе Беранже предлагаетъ добросовѣстно ревизовать колоніальную администрацію и, наконецъ, не давать чиновникамъ никакого предпочтенія передъ другими гражданами и реформировать образованіе буржуазіи.

Всѣ перечисленныя средства не представляютъ въ отдѣльности ничего особенно затруднительнаго для приведенія ихъ въ исполненіе. Но дѣло въ томъ, что они крѣпко связаны между собой и примѣненіе одного средства тотчасъ же повлечетъ за собой другое. Бюрокра-

тія слишкомъ опутала своею сѣтью Францію и трудно избавиться отъ нея полумѣрами. Печальный примѣръ этой, въ общемъ, передовой страны служитъ хорошимъ предостереженіемъ для тѣхъ государствъ, которыя надѣваютъ на себя петлю бюрократизма. Развитой бюрократизмъ настолько силенъ, что съ нимъ трудно бороться даже демократіи. Только широкое развитіе децентрализаціи самоуправленія, коопераціи и самодѣятельности въ связи съ усиленіемъ рабочей партіи, можетъ избавить Францію отъ бюрократической опасности.

II.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись Россіи, русской бюрократіи, напрашивающейся для сравненія съ французской. «Современная Франція съ ея парламентскимъ режимомъ—самое бюрократическое, послѣ Россіи, государство современной Европы» *). Итакъ, русской бюрократіи принадлежитъ, что касается ея численности, пальма первенства въ Европѣ, а можетъ быть и во всемъ мірѣ. Еще во времена Николая I однихъ столоначальниковъ было 30.000, которые, собственно говоря, и управляли Россіей. Съ тѣхъ поръ какъ численность бюрократіи, такъ и ея оплата увеличились. Въ генеральскомъ только рангѣ гражданскихъ чиновниковъ состоитъ около 3.000 лицъ **). Во что обходится народу содержаніе арміи чиновниковъ можно судить по тому, что нигдѣ высшая бюрократія не получаетъ такихъ огромныхъ окладовъ, какъ въ Россіи. Оффиціально, т.-е. по штату, русскіе министры получаютъ по 13.000 рублей въ годъ. Но на дѣлѣ это не такъ. Не говоря о томъ, что большинство ихъ получаетъ жалованья болѣе, иногда до 40.000 рублей, всѣ министры имѣютъ даровые дома или квартиры и дачи съ даровою прислугой, получаютъ арендную плату, совершаютъ поѣздки и путешествія на казенный счетъ и имѣютъ суммы въ безотчетное распоряженіе, доходящія до 60.000 рублей. «Министерскіе» же оклады получаютъ инженеры казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Директора департаментовъ съ разными добавочными, остаточными, арендными и пр., получаютъ не менѣе 10.000 рублей; иные получаютъ и свыше 15.000 руб., не считая стоимости казенныхъ квартиръ. Наконецъ, многіе второстепенные чиновники въ министерствахъ получаютъ по 3, 10 и 15.000 рублей ***).

Будучи столь многочисленна и пользуясь властью и деньгами, русская бюрократія живетъ, по мѣткому выраженію В. М. Гессена, въ особомъ, ею же созданномъ, мірѣ; у нея свои интересы, свои идеи и даже свой языкъ. Никогда ни одна серьезная реформа не была задумана и осуществлена у насъ бюрократіей. Косность, а вмѣстѣ съ тѣмъ самовластіе и, такъ сказать, олигархичность бюрократіи выражена у насъ, въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія политической свободы, гораздо

*) В. М. Гессенъ. „Вопросы мѣстнаго управленія", Петербургъ, 1904 г., стр. 13.

**) „Современная Россія". Петербургъ, 1889 г., стр. 146.

***) „Современная Россія". Петербургъ, 1889 г., стр. 149.

рѣзче, чѣмъ на Западѣ. «Въ другихъ странахъ,—говоритъ Кавелинъ,—талантъ и знанія могутъ проложить себѣ дорогу черезъ университетъ, литературные и ученые труды, печать, адвокатуру, парламентскую дѣятельность. У насъ и кафедра, и литература, и наука, и печать, и даже наша бѣдная земская и городская служба отданы въ кабалу администраціи, которая имъ враждебна по принципу, держитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ изъ страха, чтобы онѣ не обратились во враждебную ей силу»*)...

По словамъ г. Гессена, чѣмъ рѣзче олигархичность бюрократіи, тѣмъ сильнѣе бюрократическій духъ—разновидность аристократической «чести», господствующей въ ея средѣ. У насъ, въ Россіи, непроходимая пропасть отдѣлятъ чиновныхъ отъ нечиновныхъ. Наша бюрократія — наиболѣе самоувѣренная изъ всѣхъ. Къ общественному мнѣнію она относится съ презрительнымъ равнодушіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выноситъ критики. Во имя престижа власти, она заботливо прячетъ отъ непосвященныхъ взоровъ свои заблужденія и преступленія. Этотъ престижъ особенно охраняется введенною бюрократіей предварительной цензурой. «Кромѣ отличительныхъ свойствъ,—говоритъ далѣе г. Гессенъ,—присущихъ бюрократіи вообще—русской бюрократіи присуще еще особое, наиболѣе отрицательное свойство, не всегда и не въ такой мѣрѣ встрѣчающееся въ бюрократіи Запада. Мы имѣемъ въ виду отсутствіе чувства законности, отсутствіе уваженія и страха передъ закономъ. Русская бюрократія наименѣе стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ, и, тѣмъ не менѣе, усмотрѣніе вопреки закону нигдѣ не практикуется въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ, именно, у насъ. Историческіе пороки нашей бюрократіи—неуваженіе къ человѣческой личности, взяточничество, грубость и насильственность административныхъ пріемовъ—возникли на почвѣ самовластія, на почвѣ неуваженія къ закону» **).

При такихъ моральныхъ качествахъ нашей бюрократіи многочисленность ея болѣе чѣмъ не желательна. Между тѣмъ, она у насъ не сокращается. По свидѣтельству анонимнаго автора (отнюдь не либерала) «Современной Россіи», чиновниковъ у насъ вдвое больше, чѣмъ необходимо. Только на почтѣ чиновники работаютъ въ размѣрахъ, похожихъ на трудъ служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ, въ остальныхъ же вѣдомствахъ чиновничій трудъ сводится къ минимуму. Если выключить куреніе папиросъ, завтраки, чтеніе газетъ, разговоры о винтѣ, о повышеніяхъ и наградныхъ, «то едва ли на долю чиновниковъ останется болѣе одного или двухъ часовъ производительнаго труда. Есть учрежденія, гдѣ чиновники даже никогда не ходятъ на службу подъ предлогомъ, что они имѣютъ серьезныя служебныя занятія на дому. Вычислено самыми опытными дѣльцами, что небольшое дѣло требуетъ въ Петербургѣ на свое окончаніе не менѣе года» ***).

*) Цитировано по В. М. Гессену: „Вопросы мѣстнаго управленія“, стр. 20.

**) „Вопросы мѣстнаго управленія“, стр. 22.

***) „Современная Россія“, стр. 150.

Авторъ только что процитированной нами книги находитъ, что продолжительность занятій въ администраціяхъ можно, по крайней мѣрѣ, удвоить. Между тѣмъ, правительство поступаетъ иначе. Чѣмъ хуже и лѣнивѣе составъ чиновниковъ извѣстнаго учрежденія, тѣмъ болѣе создаютъ параллельно разныя коммиссіи и возлагаютъ работы на разныхъ причисленныхъ и состоящихъ. Такимъ образомъ, бюрократія разростается, а вмѣстѣ съ нею увеличивается число лицъ, кормящихся на счетъ государственнаго бюджета и затѣмъ получающихъ пенсіи отъ государства не только для себя, но и для своего семейства.

Переходя къ мѣрамъ сокращенія количества чиновниковъ въ Россіи, авторъ, будучи самъ, повидимому, бюрократомъ, рекомендуетъ одни палліативы, изъ которыхъ главнымъ является позволеніе чиновникамъ поѣдать другъ друга. Нужно «предоставить каждому учрежденію сокращать число своихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы освобождающееся жалованье раздѣлялось между остающимися, причемъ трудъ послѣднихъ пропорціонально увеличивался бы. Мѣра эта требуетъ однако осторожности и извѣстной послѣдовательности. Осторожность должна вытекать изъ того обстоятельства, что классъ чиновниковъ явился у насъ не самъ собою, а созданъ правительствомъ. И теперь все высшее образованіе въ Россіи направлено исключительно для фабрикаціи чиновниковъ и казенныхъ спеціалистовъ» *). Затѣмъ, тотъ же авторъ для сокращенія переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновничества, предлагаетъ, чтобы казенныя учрежденія оплачивали свою корреспонденцію. Оплата корреспонденціи поведетъ не только къ уменьшенію канцелярскаго многописанія, но и къ ясности счетоводства и вѣрности оцѣнки стоимости почтовой регаліи. При оплатѣ казенной корреспонденціи деньгами изъ канцелярскихъ суммъ сейчасъ же уменьшится и число ненужныхъ бумагъ, писать будутъ короче и на болѣе удобной бумагѣ; такимъ образомъ сразу получится сбереженіе и времени, и чиновниковъ, и канцелярскихъ матеріаловъ.

Конечно, все это палліативы, не могущіе оказать должнаго вліянія на сокращеніе бремени отъ чиновничества. Какой, напримѣръ, толкъ отъ того, что вознагражденіе упраздненныхъ самими же чиновниками коллегъ будетъ распредѣляться между упраздняющими. Сокращеніе расходовъ на бюрократію этимъ достигнуто не будетъ. А какъ чиновники могутъ сами рѣшить, кого изъ нихъ, какъ безполезнаго, упразднить, разъ большинство ихъ является безполезными? Главными мѣрами противъ бюрократической опасности въ Россіи являются не эти, а другія, въ числѣ которыхъ мы назовемъ только широкую политическую свободу, самоуправленіе и самодѣятельность.

В. Тотоміанцъ.

---

*) „Современная Россія“, стр. 151—2.

ПОЛОЖЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ ВЪ РЯДУ НАУКЪ.

Глава I.

Взаимная связь психическаго и матеріальнаго міра.

Все знаніе человѣка и всѣ науки, входящія въ составъ этого знанія, распадаются на двѣ обширныя области. Однѣ науки имѣютъ своимъ содержаніемъ изученіе окружающаго насъ міра, въ составъ котораго входитъ и вся физическая природа человѣка — это область естествознанія. Другая группа наукъ обнимаетъ все касающееся духовной стороны человѣческой жизни, его умственныя и моральныя силы и продукты этихъ силъ — философію, мораль, этику, языковѣдѣніе и всю исторію человѣческаго рода.

Въ центрѣ этого цикла субъективныхъ и гуманитарныхъ наукъ, стоитъ психологія, наука, имѣющая своей задачей дать описаніе и составить инвентарь всѣхъ богатствъ человѣческаго духа, стремящаяся проникнуть въ тайны зарожденія и развитія духовныхъ явленій,

Принято говорить, что психологія есть наука о душѣ человѣка и высшихъ животныхъ.

Естественно прежде всего задать себѣ вопросъ: «что же такое душа человѣка?» На этотъ вопросъ имѣются различные отвѣты, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія расматривается духовная природа человѣка.

Въ отличіе отъ естествознанія, въ области субъективныхъ наукъ еще не окончилась и понынѣ старая борьба между двумя направленіями—метафизическимъ и научнымъ или раціональнымъ. Естествознаніе давно уже освободилось отъ вѣры въ какую-то сущность вещей. Когда физикъ, химикъ, или вообще натуралистъ говоритъ о матеріи, онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ объектъ, доступный его органамъ чувствъ, объектъ вѣсомый и измѣримый. О какой-то сверхчувственной матеріи, недоступной будто бы ни прямо, ни косвенно нашему воспріятію, нѣтъ больше и рѣчи. Не то мы видимъ въ психологіи, гдѣ встрѣчаются еще изслѣдователи, допускающіе существованіе какой-то особой субстанціи или силы, которая лежитъ будто бы въ основѣ и служитъ первоисточникомъ всѣхъ духовныхъ явленій. Съ

точки зрѣнія такихъ психологовъ - метафизиковъ всѣ отдѣльные моменты нашей духовной жизни, т.-е. отдѣльныс образы, мысли суть лишь отдѣльныя проявленія скрытой таинственной души, которая является чѣмъ-то цѣльнымъ и нераздѣльнымъ. Однако большинство психологовъ въ наше время уже отказались отъ такого взгляда на душу и ограничиваютъ задачу научной психологіи изученіемъ тѣхъ явленій нашей психики, которыя доступны нашему внутреннему воспріятію.

Это не значитъ, однако-жъ, чтобы нужно было совершенно исключить изъ психологіи самое выраженіе «душа», нужно только условиться, что понимать подъ этимъ терминомъ.

Сопоставляя между собою всѣ различные способы пониманія термина «душа», мы находимъ въ нихъ одно имъ всѣмъ общее значеніе—чего-то цѣлаго, въ одно и то же время и противоположнаго каждому душевному явленію въ отдѣльности и общаго всѣмъ этимъ послѣднимъ. Въ этомъ именно чисто-эмпирическомъ и описательномъ смыслѣ мы и будемъ употреблять впредь это выраженіе «душа».

Психологи имѣютъ право эксплоатировать понятіе о душѣ, соблюдая при этомъ тѣ научныя предосторожности, которыми руководятся физики, когда пользуются понятіемъ о матеріи, и памятуя, что внѣ отдѣльныхъ психическихъ элементовъ нѣтъ особой, независимой души, какъ нѣтъ особой матеріи, отдѣльной отъ ея конкретныхъ проявленій.

Итакъ, психологія есть описательная наука, занимающаяся изученіемъ свойствъ отдѣльныхъ психическихъ явленій, взаимной ихъ связи и ихъ зависимости какъ отъ нашей организаціи, такъ и отъ окружающей среды.

Приступая къ изученію какого-либо отдѣла изъ области психологическихъ явленій, необходимо считаться съ тѣми исключительными условіями, въ которыхъ находится психологія сравнительно съ естествовѣдѣніемъ. Физикъ, ботаникъ и вообще всякій натуралистъ можетъ прямо и непосредственно приступить къ изложенію своего предмета, психологъ же находится въ необходимости, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ описанію и анализу отдѣльныхъ психическихъ явленій, установить цѣлый рядъ общихъ положеній относительно особенностей психическихъ явленій вообще и особенностей метода ихъ изученія.

На чемъ основано такое различіе между изученіемъ психологіи и естествовѣдѣнія? Вотъ на чемъ: каждый человѣкъ, на какой бы ступени развитія онъ ни находился, даже совершенно невѣжественный, все же невольно всю свою жизнь занимается изученіемъ окружающей природы. Уже дитя, почти съ первыхъ дней своей жизни, дѣлаетъ наблюденія надъ окружающими предметами и знакомится со свойствами и формами тѣхъ вещей, съ которыми онъ соприкасается.

Вся жизнь человѣка проходитъ въ непрерывномъ пользованіи сво-

ими органами чувствъ, т.-е. въ наблюденіи и опытѣ. Самая скудная и ограниченная въ духовномъ смыслѣ жизнь какого-нибудь пастуха немыслима безъ обширнаго запаса знаній окружающихъ его явленій природы. Правильность, порядокъ и законность послѣдней извѣстна человѣку даже на низшей ступени его развитія. Вотъ почему каждый, приступающій къ систематическому изученію какого-либо класса явленій природы, уже является въ значительной степени подготовленнымъ какъ со стороны запаса предварительныхъ знаній, такъ и со стороны метода наблюденій природы и, наконецъ, со стороны общаго запаса свѣдѣній о законахъ природы.

Совершенно въ иномъ положеніи находимся мы по отношенію къ нашему духовному міру. Огромное большинство людей не только не обладаетъ достаточнымъ навыкомъ въ анализѣ своихъ собственныхъ душевныхъ явленій, но многіе наврядъ ли подозрѣваютъ, въ чемъ заключаются особенности такъ называемаго самонаблюденія и чѣмъ оно отличается отъ метода изученія окружающей насъ природы.

Весьма мало найдется людей, которые имѣли бы ясное представленіе объ общихъ свойствахъ психической жизни, и еще меньше такихъ, которые бы ясно сознавали существованіе законовъ, коимъ подчиняется нашъ душевный міръ. Мы оказываемся подчасъ совершенно неподготовленными къ изученію психическихъ явленій. И это совершенно естественно. Наше знакомство съ окружающей природой составляетъ для насъ обязательное условіе нашего существованія: знакомство же съ психическимъ міромъ есть лишь предметъ роскоши, и самая потребность въ этомъ знакомствѣ является уже на довольно поздней стадіи развитія человѣческой культуры. Долгое время въ исторіи человѣчества каждый человѣкъ представлялъ для другого лишь интересъ грубой физической силы, какъ возможный врагъ или союзникъ. И лишь новѣйшему времени принадлежитъ честь безкорыстнаго стремленія проникнуть въ душу ближняго.

Въ силу этихъ причинъ всякой попыткѣ ознакомить начинающихъ съ душевнымъ міромъ человѣка должно предшествовать предварительное опредѣленіе и освѣщеніе всей психической области явленій, а равно выясненіе методовъ самонаблюденія.

Первый, самый общій вопросъ, съ котораго должно начаться такое введеніе въ психологію, заключается въ слѣдующемъ: есть ли что-нибудь общее между духовнымъ міромъ человѣка и матеріальной природой, и имѣется ли между ними какое-либо взаимодѣйствіе?

Существованіе послѣдняго, т.-е. тѣснаго взаимнаго вліянія природы на духовный міръ человѣка и обратно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Какъ только мы подходимъ близко къ сферѣ духовныхъ явленій, мы убѣждаемся, что на нихъ нельзя смотрѣть какъ на изолированную и обособленную отъ матеріальной природы область. Напротивъ того,

весь строй человѣческой жизни, особенно на высшихъ ступеняхъ культуры, представляетъ собою не что иное, какъ тѣсное и почти неразрывное сплетеніе матеріальныхъ и физическихъ факторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не состоитъ ли всякій актъ сознательной человѣческой жизни изъ двухъ моментовъ—изъ воздѣйствія окружающей природы на человѣка и изъ обратнаго воздѣйствія человѣка на природу въ видѣ реакціи? Внутренняя психическая работа, сопровождающая это матеріальное взаимодѣйствіе между человѣкомъ и природой и руководящая этимъ взаимодѣйствіемъ, также состоитъ изъ двухъ моментовъ—изъ впечатлѣнія и волевого акта. Но оба эти момента сознанія лишь отражаютъ въ психикѣ основные два физическіе момента—воздѣйствіе среды и реакцію индивида. Нѣтъ сомнѣнія, что самая тѣсная, неразрывная связь соединяетъ дѣйствія среды съ впечатлѣніемъ и волю съ реакціей.

Можно представлять себѣ различнымъ образомъ взаимное осношеніе психическихъ факторовъ и физическихъ: такъ, можно ихъ считать вполнѣ обособленными, либо можно въ нихъ видѣть различныя стороны одного и того же процесса, но во всякомъ случаѣ фактически они неразрывно связаны между собою, фактически психическая жизнь является какъ бы спутникомъ физической. Сознаніе какъ бы внѣдряется между двумя конечными матеріальными фазами, между воздѣйствіемъ среды и реакціей животнаго организма, и раздвигаетъ эти фазы. Мы не можемъ себѣ представить ни одного человѣческаго разумнаго акта жизни безъ строгаго соотвѣтствія между сознаніемъ и физическимъ процессомъ. Предположимъ, напр., что впечатлѣніе не вполнѣ строго и точно отражаетъ въ себѣ свойства внѣшняго предмета, т.-е. его отношенія къ интересамъ жизни индивида. Въ этомъ случаѣ и реакція не можетъ быть точная, т.-е. не можетъ быть вполнѣ цѣлесообразнаго приспособленія со стороны субъекта къ данному внѣшнему воздѣйствію. Такимъ же образомъ малѣйшая ошибка въ сознательномъ актѣ воли отразится неминуемо на степени точности и цѣлесообразности матеріальной реакціи индивида. Словомъ, физическое приспособленіе нашего организма къ окружающей средѣ, составляющее суть всей дѣятельности и культурной жизни человѣка неразрывно связано съ психикой и сознаніемъ.

Чтобы сдѣлать эту связь еще нагляднѣе стоитъ лишь вспомнить, что большая часть актовъ человѣческой жизни состоитъ не изъ непосредственныхъ, немедленно за впечатлѣніемъ слѣдующихъ дѣйствій, а отдалены большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени отъ впечатлѣнія. Въ теченіе всего того періода времени, которое протекаетъ между внѣшнимъ стимуломъ или поводомъ и будущимъ, иногда отдаленнымъ, дѣйствіемъ, послѣднее существуетъ лишь въ психической формѣ въ сознаніи, не обнаруживаясь внѣшнимъ матеріальнымъ образомъ до наступленія извѣстнаго момента. Въ теченіе всего этого пе-

ріода образъ, планъ, или какъ говорятъ психологи, представленіе будущаго дѣйствія способно развиваться, видоизмѣняться подъ вліяніемъ внутренней духовной жизни даннаго субъекта. И всѣ эти измѣненія въ судьбѣ психологическаго образа предопредѣляютъ судьбу и форму будущаго матеріальнаго волевого акта.

Но едва ли не самое блестящее доказательство той связи, которая соединяетъ душевный міръ человѣка съ внѣшней природой, заключается въ нашей способности предвидѣть будущіе факты и будущія воздѣйствія на насъ окружающей среды. Значительное число актовъ человѣка, особенно на высшихъ ступеняхъ его культурной жизни имѣетъ характеръ не реакціи на уже полученное впечатлѣніе и воздѣйствіе среды, а, наоборотъ, представляютъ собою предупредительныя реакціи на возможныя, ожидаемыя въ будущемъ, воздѣйствія и впечатлѣнін. Пахарь, засѣвающій осенью свое поле въ ожиданіи будущаго весенняго тепла, рыболовъ, заготовляющій зимою снасти, оба руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ предвидѣніемъ будущихъ перемѣнъ въ окружающей природѣ. Разумѣется, оба они дѣйствуютъ такъ на основаніи прошлаго опыта, пережитыхъ впечатлѣній и вѣры въ повтореніе въ будущемъ того, что имѣло мѣсто въ прошломъ. Все же формула приспособленія человѣка къ природѣ въ этихъ случаяхъ является какъ бы въ обратномъ видѣ—психическій факторъ предшествуетъ дѣйствію, а реальное впечатлѣніе является заключительнымъ звеномъ цѣпи внутреннихъ и внѣшнихъ приспособленій.

Въ этой серіи случаевъ, основанныхъ на предвидѣніи, особенно видную роль играетъ точность совпаденія внутренняго, психическаго акта предвидѣнія съ ожидаемыми внѣшними событіями. Весь строй соціальной жизни держится и на точности предвидѣнія, и на вѣрѣ людей въ эту точность. А такая вѣра, подтверждаемая ежедневно и ежечасно въ теченіе вѣковъ, можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ неразрывной, внутренней связи между всѣмъ строемъ нашей душевной жизни и закономѣрнымъ порядкомъ окружающой насъ природы.

Связь эта обнаруживается также въ распаденіи человѣческой жизни на двѣ половины: день и ночь. Въ сущности можно сказать, что человѣкъ живетъ сознательной психической жизнью только въ теченіе дня, ночью же, во время сна, онъ живетъ одной лишь растительной жизнью. Несмотря на незначительное уклоненіе отъ этого типа въ культурной части общестна, все же въ общемъ человѣческая жизнь представляетъ ритмическое чередованіе двухъ періодовъ—психической и растительной жизни, совпадающихъ съ ритмомъ жизни окружающей насъ природы, т.-е. чередованіемъ дня и ночи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каковы бы ни были внутреннія, физіологическія причины, обусловливающія наступленіе сна у человѣка, самое явленіе сна есть въ концѣ концовъ результатъ приспособленія нервно-психической ор-

ганизаціи къ ритму явленій физической природы. Съ полнымъ правомъ можетъ психологъ сказать, окидывая однимъ взглядомъ генезисъ сознанія, что не только растительная жизнь, но и сознаніе есть продуктъ солнечной энергіи.

Вліяніе окружающей природы на внутренній строй человѣческаго духа въ самыхъ различныхъ его уголкахъ давно констатировано всѣми изслѣдователями генезиса человѣческой мысли, вѣрованій, миѳовъ, творчества и проч. Обоготвореніе звѣздъ обитателями пустыни, поклоненіе крупнымъ небеснымъ свѣтиламъ, огню, морю и проч. физическимъ стихіямъ, представляетъ собою продуктъ такого взаимодѣйствія обоихъ факторовъ окружающей природы, съ одной стороны, и творческихъ силъ человѣческаго духа—съ другой.

Но едва ли не самымъ характернымъ проявленіемъ того, какъ отражается строй природы въ сознаніи представляется общее всѣмъ первобытнымъ религіямъ признаніе двухъ основныхъ категорій божества—добраго и злого начала. Въ этой двойственности справедливо видятъ этическое начало въ религіи, а между тѣмъ не трудно убѣдиться, что дуализмъ этотъ, въ свою очередь, отражаетъ въ себѣ два способа воздѣйствія природы на жизнь человѣка. Сама природа на каждомъ шагу, при всякомъ нашемъ соприкосновеніи съ ней является въ двойственной роли—то какъ наша кормилица, защитница, словомъ благодѣтельница, то опасной, враждебной силой. Вслѣдствіе этого и самыя отвѣтныя реакціи человѣка на воздѣйствія окружающаго міра, такъ называемые рефлексы, также, въ свою очередь, сложились въ два типа: одни, стремящіеся фиксировать, желательныя, благопріятныя для человѣка воздѣйствія природы и другіе, оборонительные рефлексы, имѣющіе своимъ назначеніемъ оказать сопротивленіе вреднымъ вліяніямъ среды.

Такова основная физіологическая формула реакціи человѣка на природу. Удивительно ли, что этотъ же самый принципъ приспособленія къ условіямъ нашего существованія легъ безсознательно въ основу духовной оцѣнки всѣхъ внѣшнихъ силъ природы, и не естественно ли, что мы всю природу дѣлимъ на благопріятныя и враждебныя намъ силы? Первобытныя вѣрованія человѣка, представляющія собою смѣшеніе религіи, философіи, поэзіи и этики, вполнѣ воспроизводятъ этотъ дуализмъ человѣческаго міросозерцанія—воздѣйствія природы превращаются въ сознаніи человѣка въ обоготвореніе человѣкомъ двухъ силъ—добра и зла.

Сознаніе и психическая жизнь неразрывно связаны съ физической природой не только въ своемъ общемъ строѣ; въ каждомъ элементѣ нашего сознанія обнаруживается эта связь и переплетеніе субъективнаго и объективнаго. Каждое наше ощущеніе, образъ, мысль и вообще любое психическое явленіе есть лишь переработка и отраженіе того внѣшняго, чисто физическаго стимула, который вызвалъ къ

жизни данное психическое явленіе. Прошло уже безвозвратно то время, когда думали, будто мы знаемъ или постигаемъ самую природу окружающихъ насъ предметовъ или явленій. Все наше знаніе есть лишь догадка наша о свойствахъ природы; догадки эти мы основываемъ на томъ вліяніи, какое природа оказываетъ на нашу нервную систему и на тѣхъ процессахъ, которые вызываются въ нашемъ мозгу дѣйствіемъ окружающихъ насъ предметовъ.

Ясное дѣло, что каждый моментъ и актъ нашего знанія и нашего сознанія зависитъ отъ нашей собственной организаціи, и что всякое знаніе есть лишь реакція нашей организаціи на внѣшнюю природу. Таковъ смыслъ той теоріи, которая утверждаетъ, что всякое наше знаніе относительно, т.-е. выражаетъ отношеніе наше къ природѣ и природы къ намъ. Въ концѣ концовъ знаніе и вся духовная жизнь человѣка, его сознаніе, а также и его дѣйствія являютъ собою внутреннее приспособленіе къ окружающей природѣ. Сознаніе оказывается неразрывно связаннымъ какъ съ внѣшней средой, такъ и съ организаціей человѣка и, наконецъ, съ жизнью человѣческой, т.-е. съ ея воздѣйствіемъ на природу.

Вотъ почему духовный міръ человѣка и его сознаніе могутъ быть изучаемы и постигаемы лишь въ неразрывной связи съ тѣми матеріальными корнями, изъ которыхъ оно, это сознаніе, выростаетъ и съ тѣми явленіями въ которыхъ оно проявляется. Психологія, какъ наука о чистомъ, изолированномъ сознаніи, не имѣетъ подъ собою почвы. Такое изолированное сознаніе можетъ намъ дать лишь отдѣльные моменты нашей духовной жизни, безъ начала и конца. Это будутъ слова, вырванныя изъ фразы. Только въ связи съ тѣми матеріальными условіями, которыя предшествуютъ сознанію, сопутствуютъ ему и слѣдуютъ за нимъ, анализъ субъективнаго сознанія получаетъ свое настоящее значеніе, свою полноту и жизненность.

Этимъ, однако-жъ, вовсе не умаляется значеніе субъективныхъ явленій сознанія, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Сознаніе въ цѣломъ и въ его отдѣльныхъ проявленіяхъ остается единственнымъ объектомъ изученія въ психологіи, задачей которой неизмѣнно остается изученіе формъ, свойствъ и взаимныхъ отношеній явленій сознанія. Въ такомъ опредѣленіи цѣли и задачи психологіи сходятся и старая и новая психологія. И теперь, какъ во всѣ времена, безъ элемента сознанія нѣтъ ни психологическаго наблюденія, ни психологіи. Но въ самомъ объемѣ изучаемыхъ явленій сознанія и въ отношеніи наблюдателя къ этимъ явленіямъ и въ методѣ изслѣдованія заключается огромная разница между старой школой психологовъ-эмпириковъ и новымъ направленіемъ естественно-научной психологіи.

Старая школа ограничивала почти исключительно кругъ изслѣдуемыхъ психическихъ явленій самоанализомъ, самонаблюденіемъ. Конечно,

этотъ самоанализъ также содержитъ въ себѣ до извѣстной степени продуктъ коллективнаго самонаблюденія всего человѣчества, но лишь косвеннымъ образомъ. Современное же направленіе въ психологіи рѣзко характеризуется болѣе объективнымъ изученіемъ явленій сознанія въ его проявленіи животныхъ, у больныхъ людей, въ жизни массъ—словомъ самый кругъ наблюденій несравненно шире прежняго, и матеріалъ его далеко выходитъ за предѣлы индивидуальнаго сознанія наблюдателя.

Исторія постепеннаго роста и развитія метода изученія психическихъ явленій представляютъ картину постепеннаго уменьшенія—субъективности, возрастанія научныхъ, объективныхъ пріемовъ въ психологіи и неуклоннаго приближенія пріемовъ психологіи къ методу физическихъ наукъ.

На начальной ступени знакомства человѣка со своимъ духовнымъ міромъ изслѣдователь имѣлъ въ своемъ распоряженіи одно лишь самонаблюденіе, или такъ называемое внутреннее наблюденіе, рѣзко отличающееся отъ того способа внѣшняго наблюденія, которое съ помощью органовъ чувствъ доставляетъ человѣку свѣдѣнія и сужденія объ окружающей природѣ. Свой духовный міръ человѣкъ находитъ въ себѣ непосредственно, повидимому мало нуждаясь для этого въ воздѣйствіи окружающей среды и въ посредничествѣ своего тѣла, т.-е. своихъ органовъ чувствъ, что казалось бы, должно было бы дать большія преимущества внутреннему воспріятію, т.-е. самонаблюденію. Различіе это съ перваго взгляда столь рѣзкое, оказывается однако-жъ на дѣлѣ не столь существеннымъ, и самыя преимущества непосредственнаго самонаблюденія оказываются при ближайшемъ анализѣ весьма сомнительными.

Въ сущности, какъ при самонаблюденіи, т.-е. при чисто психологическомъ анализѣ, такъ и при наблюденіяхъ надъ внѣшней природой, мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же сырымъ матеріаломъ, съ нашими ощущеніями, образами и другими психическими состояніями. Различіе между наблюденіемъ и самонаблюденіемъ заключается, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: въ самонаблюденіи мы искусственно отрѣшаемся на время отъ внѣшняго міра, какъ бы забываемъ на время прошлое и останавливаемся на своихъ ощущеніяхъ, которыя мы искусственно изолируемъ отъ внѣшней природы, съ которою они однако-жъ въ сущности неразрывно связаны.

При наблюденіи же окружающей природы, мы все время имѣемъ передъ нашими умственными глазами оба момента—и наши ощущенія, и внѣшнюю природу. Наблюденіе и изученіе природы есть поэтому прежде всего сравненіе, сопоставленіе и связь двухъ міровъ—внутренняго и внѣшняго, тогда какъ самонаблюденіе и чисто психологическій анализъ, ограниченный предѣлами внутренняго сознанія и разсматривающій психическія состоянія какъ нѣчто въ себѣ замкнутое, не

имѣетъ въ своемъ распоряженіи главнаго орудія изученія природы, сравненія.

Правда, уже съ самыхъ раннихъ шаговъ умственной жизни, человѣчество проявляетъ стремленіе превратить психологическія самонаблюденія въ наблюденія и сравненія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи служитъ установленіе связи между сознаніемъ и внѣшней его реакціей, т.-е. сознаніемъ и словомъ. Слово есть первая ступень внѣшней реализаціи и объектированія человѣческаго сознанія. Слово является мѣрой и эквивалентомъ ощущенія; слово же является главнымъ орудіемъ, съ помощью котораго созидается выработка не индивидуальнаго, а коллективнаго сознанія, а психологическій анализъ личнаго сознанія расширяется и превращается въ анализъ объектированнаго въ формѣ слова общечеловѣческаго сознанія. Благодаря этому, создана возможность сравнивать психическія явленія различныхъ ступеней сознанія, т.-е. изученіе сознанія дѣлается, подобно изученію природы, до нѣкоторой степени сравнительнымъ и относительнымъ.

Но безспорно наиболѣе существенный прогрессъ въ изученіи психическихъ явленій достигнутъ попытками современной психологіи установить связь и соотношеніе между сознаніемъ съ одной стороны и внѣшней средой, т.-е. раздражителями, источниками нашихъ впечатлѣній—съ другой. Сюда входитъ вся психо-физика, начало которой положено Веберомъ и Фехнеромъ. Этимъ шагомъ изученіе психологіи значительно приблизилось къ естествознанію, сдѣлалось болѣе сравнительнымъ и объективнымъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи явилось изученіе связи сознанія съ внѣшними реакціями или проявленіями сознанія въ различныхъ движеніяхъ. И, наконецъ, самая возможность опытовъ, экспериментовъ въ психологіи, явилась естественнымъ послѣдствіемъ большей объективности того матеріала, которымъ пользуется современная психологія. На нашихъ глазахъ изученіе души все болѣе приближается къ естествознанію, и каждый шагъ въ психологіи знаменуетъ собою стремленіе къ большему сближенію и сліянію изученія двухъ царствъ природы—физической и духовной.

Въ то время, какъ старая психологія разсматривала явленія сознанія, какъ неподвижныя, окаменѣлыя и законченныя формы, современная психологія стремится проникнуть въ самый процессъ зарожденія явленій сознанія, въ законы развитія формъ отдѣльныхъ элементовъ, какъ-то ощущеній, представленій и т. п. Въ современную психологію уже проникъ, если еще не самъ принципъ, то, по крайней мѣрѣ духъ постепенной эволюціи—то, что составляетъ самое цѣнное пріобрѣтеніе XIX вѣка въ біологіи, и самый могущественный рычагъ, приводящій въ движеніе все ученіе о жизни. Этотъ рычагъ обѣщаетъ въ будущемъ оказать тѣ же услуги въ области науки о душѣ, какъ онъ уже оказалъ въ біологіи вообще.

Едва ли нужно еще доказывать, что методъ изученія психологіи, въ своихъ основахъ, можетъ быть только тотъ самый, который уже далъ столь обильные плоды въ естествознаніи. Но, если нужно кого либо еще въ этомъ убѣждать, то самымъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу такого единства методовъ можетъ служить тотъ фактъ, что между психологіей и естествознаніемъ, между явленіями сознанія и природы вовсе не существуетъ той непроходимой пропасти, о которой часто говорятъ. Напротивъ того, внутренній міръ нашего сознанія и внѣшняя природа соединяются мостомъ, который состоитъ изъ такъ называемой безсознательной душевной жизни.

Какъ извѣстно, психическая жизнь человѣка далеко не исчерпывается одними явленіями нашего сознанія. Значительная часть душевной работы человѣка протекаетъ, не доходя до сознанія, то выступая наружу, т.-е. проявляясь въ дѣйствіяхъ, или же обнаруживая свое скрытое вліяніе на сознательные душевные процессы, то, наконецъ, при извѣстныхъ условіяхъ, входя на время въ сознаніе.

Когда усвоенное нами знаніе на время забывается, т.-е. выходитъ изъ нашего сознанія, чтобы при первой надобности всплыть въ сознаніи, мы говоримъ, что оно, это знаніе, сохраняется гдѣ-то въ нашей памяти все время, пока мы его не вспомнимъ; это значитъ, что образы, и не находясь въ нашемъ сознаніи, все же существуютъ въ нашей душѣ, но въ несознаваемомъ нами видѣ, т.-е. они находятся въ безсознательной области нашей души.

Когда мы, задумавшись, проходимъ мимо предмета или лица, не видимъ и не слышимъ, т.-е. не сознаемъ, это не мѣшаетъ намъ, однако-жъ, иногда вспомнить впослѣдствіи предметъ или лицо, не замѣченное нами. Это доказываетъ, что образы этихъ предметовъ или лицъ, хотя и не достигли нашего сознанія, все же вошли въ нашъ психическій міръ и гдѣ-то внѣ сознанія, или, говоря точнѣе, не въ сознаваемой формѣ, находились въ нашей психикѣ. Масса подобнаго рода фактовъ убѣждаетъ въ томъ, что сознаніе не есть единственная форма, въ которой находятся психическія явленія, и что послѣднія могутъ также существовать въ формѣ безсознательной. Другими словами: психическій міръ не исчерпывается однимъ сознаніемъ, а заключаетъ въ себѣ двѣ области— сознательную и безсознательную.

Тщательное изученіе этихъ явленій показало, что существуютъ различныя степени полноты и ясности сознанія, и въ такой же мѣрѣ имѣются и различныя степени и ступени безсознательнаго состоянія, т.-е. существуетъ длинный рядъ почти незамѣтныхъ переходовъ отъ вполнѣ яснаго сознанія до самыхъ глубинъ безсознательнаго состоянія.

Какъ говорятъ психологи, каждый образъ или представленіе, находящіеся въ нашей психикѣ, могутъ находиться либо въ самомъ освѣщенномъ, яркомъ пунктѣ нашего сознанія, такъ сказать, въ фокусѣ фотографическаго аппарата нашего сознанія, или у самаго предѣла

сознанія, у его порога, либо, наконецъ, далеко внизу отъ этого порога сознанія, гдѣ-то въ глубинѣ безсознательной области, на границѣ полнаго забвенія и психической смерти.

Наблюденія надъ безсознательными психическими явленіями открываютъ въ нихъ одну важную особенность, ту именно, что безсознательныя явленія находятся въ болѣе явной, такъ сказать, болѣе осязательной и непосредственной связи съ физической жизнью и всей нашей организаціей и съ отправленіями нервной системы. Зависимость эта притомъ же двойная: съ одной стороны, вся внутреняя жизнь нашего организма отражается гораздо больше и непосредственно на нашей безсознательной психической жизни, нежели на сознательной. Всякое колебаніе въ питаніи, въ кровообращеніи, въ нашей работѣ и т. п. оставляетъ прямой слѣдъ на безсознательной психической жизни, которая оказывается, слѣдовательно, въ гораздо болѣе тѣсной зависимости отъ нашей физической жизни, нежели область сознанія. Съ другой стороны, она, эта безсознательная психика, въ свою очередь, болѣе непосредственно и властно отражается на состояніи всей физической жизни организма; безсознательная психика вліяетъ больше, нежели сознаніе, на движенія тѣла, на питаніе, на кровообращеніе и на всѣ растительныя отправленія тѣла. Особенно же рѣзко выступаетъ зависимость автоматической, безсознательной психики отъ состоянія нервной системы, ея питанія, ея кровеобращенія и т. п.

Этимъ всего больше сближается область психологіи съ природой, и психологія, какъ наука, примыкаетъ къ естествознанію.

Конечно, этой связью, существующей между міромъ сознательнымъ и безсознательнымъ, отнюдь еще не разрѣшается неразрѣшимая пока проблема о внутреннемъ соотношеніи между явленіями сознанія и безсознательнаго. Пока остается все еще непостижимой тайной происхожденіе самого сознанія и его связь съ матеріальными процессами нервной системы. Все же въ фактахъ безсознательной психики мы находимъ опору для расширенія нашихъ взглядовъ на содержаніе духовной дѣятельности человѣка. Мы уже не въ правѣ больше смѣшивать психику съ сознаніемъ, т.-е. съ той областью, которая искони отождествлялась съ понятіемъ о душѣ.

Психика, очевидно, шире по своему объему области сознанія и сидитъ своими корнями въ матеріальныхъ отправленіяхъ всей организаціи человѣка, особенно же въ жизни и дѣтельности его нервно-мозговой системы.

Изложенныя замѣчанія приводятъ къ заключенію, что единственно вѣрный путь, какъ въ изученіи, такъ и въ изложеніи уже добытаго знанія о душѣ, заключается въ методахъ естествознанія и тѣхъ общихъ законахъ, которыми мы обладаемъ относительно физической природы.

При изученіи внутренняго міра человѣка и явленій сознанія не только слѣдуетъ руководиться, какъ путеводнымъ компасомъ наукой

о природѣ, но необходимо, плавая по темному міру духовныхъ явленій, держаться возможно ближе къ берегу, т.-е. не терять ни на минуту изъ виду фактовъ и законовъ физической природы и нашей собственной организаціи.

Экскурсіи въ область чистаго самонаблюденія и психологическаго анализа безопасны, т.-е. застрахованы отъ ошибокъ только въ тѣхъ предѣлахъ, пока мы остаемся привязаны канатомъ къ почвѣ, т.-е. къ наблюденію надъ природой.

Установивъ основную и исходную точку зрѣнія о неразрывной связи между душевными и физическими явленіями, мы ставимъ себѣ слѣдующій вопросъ: каковы свойства общія какъ психическихъ, такъ и физическихъ явленій и каковы различія между этими двумя половинами царства знанія?

Глава II.

Свойства, общія сознанію и природѣ.

Міръ духовный и физическій не только имѣютъ много точекъ соприкосновенія и находятся во взаимной связи, но обладаютъ многими общими элементами и свойствами.

Какъ извѣстно, ни одно матеріальное явленіе въ природѣ немыслимо безъ представленія о пространствѣ. Такъ, форма каждаго предмета есть не что иное, какъ видъ пространства; движеніе неразрывно связано съ пространствомъ, и, какъ извѣстно, современное естествознаніе стремится свести всѣ физическіе, химическіе и біологическіе процессы къ различнымъ видамъ движенія. Знаменитый Лапласъ мечталъ объ одной формулѣ, которая выразила бы всѣ процессы, совершающіеся въ природѣ. Поэтому является интересный вопросъ, насколько представленіе о пространствѣ находитъ себѣ примѣненіе въ области психическихъ процессовъ? Самонаблюденіе или непосредственный анализъ совершающихся въ насъ душевныхъ явленій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Разсматривая свои собственныя мысли, образы и другіе психическіе элементы, мы не въ состояніи представить себѣ эти образы обладающими пространственной формой. Точно также мы не можемъ думать о нихъ, какъ о явленіяхъ, отдѣленныхъ одно отъ другого пространствомъ. Сколько бы у насъ въ головѣ не толпилось мыслей и образовъ, мы ихъ можемъ всѣ вообразить какъ бы скученными. Чтобы представить ихъ раздѣльно, мы вынуждены прибѣгнуть къ представленію о времени. Такимъ образомъ, самонаблюденіе исключаетъ пространство изъ психическаго міра. Но этотъ приговоръ совершенно измѣняется, какъ только отъ самонаблюденія перейти къ слѣдующей фазѣ—къ анализу свойствъ психическихъ явленій у другихъ людей.

Въ сущности до тѣхъ поръ, пока человѣкъ ограничиваетъ свое

знакомство съ психическимъ міромъ предѣлами самонаблюденія, онъ получаетъ весьма неполное, зачаточное представленіе о психической жизни. Но положеніе рѣзко измѣняется, какъ только наблюдатель перенесется мысленно во внутренній міръ своего ближняго, исходя при этомъ изъ той гипотезы, на которой держится вся психологія, что все то, что совершается въ его собственной душѣ, происходитъ также и въ душѣ другихъ людей. Только благодаря этой безмолвной, всѣми предполагаемой и допускаемой вѣрѣ въ тождество душевной жизни всѣхъ людей, душа какъ бы вырывается изъ тѣсныхъ рамокъ индивидуальной жизни, переносится на все человѣчество и дѣлается, хотя до извѣстной степени, чѣмъ-то объективнымъ. Индивидуальное самонаблюденіе расширяется и превращается въ коллективное самонаблюденіе. Это послѣднее открываетъ въ нашей душевной жизни такія свойства и стороны, которыя ускользаютъ отъ индивидуальнаго самонаблюденія. Въ числѣ этихъ свойствъ, выступающихъ этимъ путемъ въ психикѣ, обнаруживается, хотя и косвенно, неизбѣжность элемента пространства въ психикѣ.

Если собственное сознаніе для обладателя его не нуждается въ пространствѣ, то зато сознаніе окружающихъ насъ людей неразрывно связано съ тѣлеснымъ представленіемъ объ этихъ людяхъ, т.-е. съ пространствомъ. Сознаніе другихъ людей помѣщается въ тѣлѣ этихъ другихъ людей, и если мы и говоримъ о мысляхъ и чувствахъ этихъ ближнихъ, какъ бы игнорируя физическую подкладку, то мы ни на одну минуту не забываемъ неразрывной связи этихъ мыслей и чувствъ со всей организаціей ихъ обладателей. Какъ въ обыденной, такъ и въ литературной и научной рѣчи постоянно встрѣчаются выраженія вродѣ «ростъ мысли», «распространеніе идей» и т. п., указывающія какъ глубоко въ насъ сидитъ безсознательная вѣра въ пространственность психическаго міра.

Въ сущности объективно разсматриваемая мысль, т.-е. не моя мысль, а мысль другихъ людей, можетъ быть, съ тѣмъ же правомъ разсматриваема пространственно, какъ всякое другое явленіе природы.

Мысль, занимающую умы милліоновъ людей, можно съ полнымъ правомъ считать пространственно большей, чѣмъ мысль, гнѣздящуюся въ головѣ одного человѣка. Но въ то же время не слѣдуетъ забывать, что субъективно, т.-е. въ сознаніи каждаго человѣка въ отдѣльности его собственный психическій міръ не можетъ быть размѣщенъ въ пространствѣ, а располагается только во времени.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что психическая жизнь другихъ людей, во-первыхъ, немыслима безъ пространства, и что, во-вторыхъ, коллективное сознаніе человѣка, какъ продуктъ коллективнаго самонаблюденія, также допускаетъ аналогично матеріальному міру простанственное размѣщеніе.

Далѣе намъ извѣстно относительно явленій матеріальнаго міра, что

они совершаются какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Что же касается психическихъ явленій, то, какъ уже было сказано, анализъ нашихъ личныхъ субъективныхъ состояній открываетъ чередованіе или теченіе психической жизни во времени. Это теченіе представляется нашему сознанію, какъ непрерывная смѣна однихъ образовъ мыслей и настроеній другими. Спрашивается, имѣютъ ли сами психическіе элементы, образы или ощущенія протяженіе во времени, или же они держатся только мгновеніе въ нашемъ сознаніи? Самонаблюденіе съ положительностью разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что каждое психическое явленіе отдѣльно взятое существуетъ нѣкоторое время въ сознаніи, и что величиною этого времени измѣняется интенсивность вниманія, т.-е. психической энергіи.

Въ психологіи до недавняго времени держалось ученіе, вполнѣ отрицавшее необходимость времени для образованія какого-либо психическаго явленія. Утверждали, будто само сознаніе и все въ немъ совершающееся возникаетъ мгновенно, и что образы, возникающіе въ нашей душѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ стимуловъ, не нуждаются во времени для своего формированія. Въ этой мгновенности души усматривали одно изъ доказательствъ яко бы независимости души отъ матеріальныхъ условій, т.-е. отъ организаціи вообще и отъ мозга въ частности.

Душа, говорили психологи, нуждается въ матеріальной подкладкѣ, т.-е. въ мозгѣ только какъ въ орудіи для притока извнѣ сырого матеріала, т.-е внѣшнихъ впечатлѣній, и для выполненія ея велѣній.

Еще въ 1848 году знаменитый физіологъ Іоганъ Мюллеръ говорилъ: «какъ нельзя сосчитать числа песчинокъ на берегу моря, такъ никогда не удастся измѣрить скорость или время возникновенія психическихъ образовъ».

Однако-жъ, нѣсколько лѣтъ спустя, ученикъ Мюллера, Гельмгольцъ, измѣрилъ эту скорость и нашелъ ее весьма незначительною. Онъ показалъ, что для того, чтобы замѣтить какой-либо внѣшній предметъ, т.-е. выработать образъ этого предмета, требуется у человѣка около $^{1}/_{10}$-й доли секунды.

Этимъ открытіемъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ ученію о полной автономіи психическаго міра и обнаружена была его темная связь съ физическимъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если для возникновенія духовнаго образа требуется время, то ясно, что здѣсь совершается какой-то матеріальный процессъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость времени для образованія психическихъ явленій еще болѣе сблизила духовный міръ съ матеріальнымъ, устранивъ одно изъ самыхъ глубокихъ различій, какое находили между этими двумя мірами. Отнынѣ мы знаемъ, что вся психическая жизнь, какъ и матеріальная, не только субъективно располагается во времени, но и объективно созидается, развивается во времени.

Посмотримъ теперь, есть ли въ психической жизни человѣка факторъ, соотвѣтствующій *движенію* въ мірѣ матеріальномъ? Строго говоря, уже одно отрицаніе пространственности субъективной психической жизни неизбѣжно влечетъ за собою непримѣнимость понятія о движеніи къ психическому міру, такъ какъ гдѣ нѣтъ пространства, нѣтъ мѣста движенію. Поэтому въ нашемъ сознаніи не можетъ быть и рѣчи о движеніи ощущеній, образовъ или мыслей въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ матеріальномъ мірѣ. Зато психическій міръ, разсматриваемый не субъективно, въ личномъ сознаніи, а въ коллективномъ сознаніи человѣчества, уже допускаетъ примѣненіе представленій о движеніи, такъ какъ въ этой сферѣ, какъ мы видѣли, возможно представленіе о пространственномъ размѣщеніи психическихъ явленій. Разъ мы допускаемъ, что мысль распространяется, стало быть она двигается.

Впрочемъ, возвращаясь снова къ субъективному, личному сознанію, мы имѣемъ основаніе, что и здѣсь дана возможность *движеній*, но лишь въ опредѣленномъ смыслѣ.

Попытаемся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы понимаемъ подъ словомъ «движеніе». Мы такъ свыклись съ механическимъ смысломъ этого слова, т.-е. съ тѣмъ, что оно означаетъ перемѣну положенія въ пространствѣ, что намъ даже трудно представить себѣ возможность другого рода пониманія этого термина. Но можно условиться понимать подъ терминомъ «движеніе» всякаго рода перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ какихъ либо явленій или предметовъ, совершенно не имѣя въ виду пространства. Съ такой точки зрѣнія можно говорить и о движеніи психическомъ въ томъ смыслѣ, что въ сознаніи одни психическіе элементы смѣняются другими, и что каждое ощущеніе и представленіе можетъ тянуться, т.-е. двигаться, во времени. Если принять во вниманіе, что сознаніе вообще связано съ перемѣнами, и что перемѣна представляетъ собою основу всякаго движенія, то все теченіе сознанія можетъ быть разсматриваемо, какъ непрерывное движеніе.

Если имѣть въ виду, что психическія явленія размѣщаются во времени, и что всякое сопоставленіе группы психическихъ образовъ возможно для насъ лишь въ формѣ цѣпи изъ прошлаго, настоящаго и будущаго, причемъ линія времени замѣняетъ собою пространство, то мы имѣемъ право признать существованіе движенія психическихъ явленій во времени.

Снова выступаетъ аналогія между матеріальнымъ міромъ и сознаніемъ, время является аналогомъ пространству, а психическое движеніе эквивалентомъ механическаго.

Идея о психическомъ движеніи уже давно пользуется правомъ гражданства въ психологіи. Германскій философъ Гербартъ нашелъ возможнымъ примѣнить къ психическому міру понятіе о скорости, силѣ движенія отдѣльныхъ представленій въ сознаніи. Онъ также пытался

ввести понятіе о массѣ, которой обладаетъ данное представленіе, и допускалъ, что при психическомъ движеніи отдѣльныхъ представленій эти послѣднія оказываютъ другъ на друга извѣстное давленіе.

По Гербарту взаимодѣйствіе различныхъ образовъ и представленій сводится къ законамъ механики—сложенія силъ. Разумѣется, такая попытка свести основные законы сознанія и психической жизни къ простымъ формуламъ механики должна была окончиться неудачей, уже по одному тому, что мы еще не обладаемъ мѣрой для измѣренія величины психической силы и величины представленій, а также и размѣра такъ называемаго психическаго движенія. Во всякомъ случаѣ важно то, что можно установить хотя отдаленную аналогію между явленіями сознанія и процессомъ движенія и взаимодѣйствія физическихъ силъ въ природѣ.

Если возможны нѣкоторыя сомнѣнія относительно существованія чего то аналогичнаго движенію въ психическомъ мірѣ, то не можетъ зато быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ психической жизни сознаніе на каждомъ шагу проявляетъ напряженность, энергію и работу.

Внутренній голосъ нашего самознанія на каждомъ шагу говоритъ намъ, что вся наша психическая жизнь есть постоянная арена какой то работы, траты какой-то невѣдомой энергіи, взаимной борьбы и взаимодѣйствія разнообразныхъ психическихъ явленій, факторовъ и силъ. Мысль, воля и чувство, образы, воспоминанія, стремленія, страсти непрерывно то борются между собою, то вызываютъ одни другія, то оказываютъ другъ на друга давленіе, дѣйствіе, то усиливаютъ и подкрѣпляютъ одинъ другого, то, наоборотъ, стремятся вытѣснить одни другихъ.

Непрерывающейся нитью тянется борьба отдѣльныхъ психическихъ явленій за господство въ сознаніи, за преобладаніе надъ «я», за управленіе волей и нашими поступками.

Мы явственно сознаемъ, что извѣстная мысль или чувство въ насъ то усиливается, т.-е. пріобрѣтаетъ большую напряженность и оказываетъ большее вліяніе на всю психику, то падаетъ, иногда совсѣмъ истощается. Словомъ, субъективно мы сознаемъ нашъ внутренній мірокъ, арену силъ, находящихся между собою, подобно силамъ внѣшней природы, въ состояніи борьбы и взаимодѣйствія.

Точно также мы вѣримъ, что проявленіе силы въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, ихъ стремительность и энергія обусловлены и въ насъ самихъ и въ другихъ людяхъ различной напряженностью и энергіей совершающихся въ сознаніи психическихъ актовъ; мы убѣждены въ строгомъ соотвѣтствіи физической энергіи съ духовной въ человѣческой дѣятельности.

Наблюдая воздѣйствіе людей другъ на друга, вліяніе, которое мысли, чувства и воля одного оказываютъ на душу другихъ людей,

мы также убѣждаемся, что въ этомъ вліяніи обнаруживается законъ передачи энергіи.

Одни люди обладаютъ большей, другіе меньшей силой воздѣйствія на другихъ; иныя мысли и чувства сильнѣе вліяютъ на окружающихъ людей, нежели другія. Жизнь и дѣятельность людей представляютъ самыя разнообразныя степени проявленія душевной энергіи, какъ въ чисто духовной, такъ и въ физической, т.-е. внѣшней формѣ.

Вся культура, техника и искусство человѣка, взятыя въ цѣломъ, представляются ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ работы духовныхъ силъ человѣка.

И размѣръ культурной работы какого-либо общества или народа служитъ для историка мѣриломъ духовной энергіи, которой данный народъ одаренъ.

Наконецъ, языкъ, этотъ коллективный умъ человѣчества, уже давно предупредилъ науку, создавъ длинный рядъ терминовъ и выраженій, указывающихъ на присутствіе элемента силы, работы, энергіи въ душѣ человѣка.

Выраженія: сильная, глубокая, мощная мысль, захватывающее чувство, насильственное представленіе, непреодолимая воля, неистощимая духовная энергія, производительная работа мысли, могучая и слабая личность и т. п., показываютъ, какъ глубоко сидитъ въ нашемъ сознаніи убѣжденіе, что нашъ духовный міръ, подобно физическому, есть не что иное, какъ арена и продуктъ проявленія особой психической энергіи.

До настоящаго времени не удалось еще найти способъ измѣренія душевной энергіи, еще не найдена единица послѣдней—разрѣшеніе этой проблемы составляетъ одну изъ главныхъ задачъ современной экспериментальной психологіи. И какъ мы ни далеки отъ этой цѣли, все же надежда на ея достиженіе не потеряна и составляетъ путеводную звѣзду, манящую къ себѣ психологовъ.

Весь окружающій насъ матеріальный міръ состоитъ изъ двухъ большихъ классовъ явленій: изъ такъ называемой неодушевленной, мертвой, или неорганической природы и изъ царства жизненныхъ явленій. Въ первой области царятъ механическіе и физическіе законы, здѣсь господство силъ; все богатство разнообразныхъ явленій сводится къ движенію въ различныхъ формахъ.

Въ области жизненныхъ явленій—въ растительномъ и жизненномъ царствѣ,—мы видимъ проявленіе болѣе сложныхъ силъ, нежели физико-механическія; процессы, составляющіе жизнь, уже не могутъ быть, по крайней мѣрѣ до настоящей минуты, сведены къ движенію. Самая же характерная особенность этого класса явленій заключается въ томъ, что въ нихъ обнаруживается въ различныхъ формахъ способность къ развитію и усовершенствованію въ опредѣленномъ направленіи. Эта тенденція къ развитію проявляется уже въ способности приспособленія

живыхъ существъ къ окружающей средѣ, поддерживается и фиксируется съ помощью наслѣдственности или передачи выработанныхъ приспособленій потомкамъ. Съ другой стороны, живыя существа, рядомъ со способностью измѣняться, обладаютъ и противоположной способностью—удерживать разъ установившійся типъ. На этихъ двухъ полюсахъ: устойчивости основного типа и тенденціи къ измѣняемости, держится та ось, вокругъ которой вращается весь циклъ развитія живыхъ существъ.

Однимъ изъ основныхъ проявленій закона развитія или эволюціи является ростъ индивидуумовъ и размноженіе, посредствомъ котораго природа разрѣшила задачу—примирить устойчивость индивида и его измѣняемость въ лицѣ потомковъ.

Въ общемъ, самой основной особенностью живой матеріи и живыхъ существъ оказывается способность къ прогрессивному измѣненію въ соотвѣтствіи съ условіями окружающей природы.

Обращаясь къ нашему духовному міру, естественно задать себѣ вопросъ, встрѣчаемъ ли мы и здѣсь нѣчто аналогичное явленіямъ жизни въ матеріальной природѣ?

Какъ ни парадоксально звучитъ этотъ вопросъ, но при внимательномъ анализѣ психическихъ явленій въ нихъ оказывается достаточно такихъ фактовъ, которые даютъ право отвѣтить на поставленный вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Внутренній, духовный міръ человѣка не есть нѣчто необходимое, а обнаруживаетъ на каждомъ шагу способность къ развитію. Каждая отдѣльно взятая мысль или чувство способно расти какъ въ размѣрѣ, такъ и въ силѣ. Одна мысль нерѣдко даетъ начало другимъ, что уже напоминаетъ процессъ размноженія. Вся индивидуальная душевная жизнь человѣка, отъ момента перваго проблеска сознанія въ душѣ ребенка до старости, не есть ли картина непрерывнаго наростанія и развитія нашей психики? Прогрессъ человѣческой культуры и историческое развитіе человѣка въ направленіи религіозномъ, умственномъ и эстетическомъ возможно лишь благодаря закону унаслѣдованія въ психической жизни, т.-е. переходу отъ родителей къ потомкамъ выработанныхъ способностей къ опредѣленнымъ явленіямъ сознанія.

Приспособленіе, въ свою очередь, есть также одно изъ основныхъ свойствъ психической жизни. Всѣ сложныя понятія, чувства, наклонности культурнаго человѣка вызваны воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій, какъ физическихъ, такъ и соціальныхъ, на духовную дѣятельность человѣка. Наши соціальныя потребности, инстинкты и привычки представляютъ собою явный продуктъ психическаго приспособленія нашего духа.

Такое же самое приспособленіе мы находимъ и въ предѣлахъ психики каждаго индивида. Каждый вновь возникающій въ нашей душѣ образъ развивается не независимо отъ всего нашего душевнаго строя

а складывается въ извѣстную форму, подчиняясь уже сложившемуся типу родственныхъ ему образовъ и душевныхъ явленій.

Несмотря на такую поразительную аналогію, какую представляютъ явленія эволюціи въ духовной сферѣ и въ физической природѣ, могло бы еще остаться нѣкоторое сомнѣніе, имѣемъ ли мы здѣсь дѣйствительно внутреннюю аналогію или кажущееся внѣшнее сходство? Сомнѣніе это должно уступить мѣсто твердому убѣжденію, когда мы вспомнимъ, что вся серія животныхъ существъ, стоящихъ духовно ниже человѣка, обнаруживаетъ также явственно процессы постепеннаго генетическаго развитія душевныхъ силъ, психической работы и психическихъ формъ, начиная съ низшихъ, едва сознательныхъ существъ и кончая животными, стоящими духовно уже довольно близко къ царю земли—человѣку.

Становится очевиднымъ, что развитіе матеріальныхъ формъ и психической жизни въ исторіи животнаго царства какимъ-то еще непонятнымъ для насъ образомъ неразрывно связано одно съ другимъ, и что, по всей вѣроятности, эволюція матеріальная и духовная представляютъ собою лишь двѣ стороны одного процесса.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, снова къ знакомому уже намъ тезису о взаимной связности обоихъ міровъ—тѣлеснаго и духовнаго и къ существованію общихъ обоимъ мірамъ началъ и принциповъ.

Наблюденія надъ явленіями, совершающимися въ окружающей насъ физической природѣ, открываютъ намъ въ ней два класса отношеній между явленіями—количественныя и качественныя.

Понятіе о количествѣ возникаетъ въ умѣ человѣка каждый разъ, когда передъ нами повторяется рядъ вполнѣ однородныхъ, т.-е. между собою во всемъ сходныхъ и сравнимыхъ предметовъ. Таковы, напримѣръ, случаи, когда нашъ взглядъ окидываетъ стадо животныхъ одной породы. Въ этой картинѣ, хотя каждый отдѣльный индивидъ и представляетъ нѣкоторыя особенности, но все же преобладаетъ, особенно при извѣстномъ разстояніи, впечатлѣніе однородности, тождественности и полной сравниваемости между собою отдѣльныхъ единицъ всей группы. Отсюда возникаетъ понятіе о количествѣ.

Понятіе о количествѣ всего яснѣе выступаетъ въ области движенія, такъ какъ части пространства или пути движенія оказываются всего легче сравнимыми и наиболѣе однородными явленіями природы. Выработкой этого понятія люди всего болѣе обязаны существованію во внѣшней природѣ множества однородныхъ, повторяющихся явленій и движеній, таковы: звѣзды, звѣри, деревья, правильное чередованіе дня и ночи и т. п.

Въ свою очередь, представленіе о качествѣ есть въ основѣ своей признаніе коренного различія между двумя или нѣсколькими явленіями, ихъ несравнимости, неоднородности. Таковы, напримѣръ, краски въ сопоставленіи съ звукомъ или животныя рядомъ съ растеніями и т. д.

Въ исторіи успѣховъ человѣческаго знанія можно подмѣтить тенденцію все болѣе и болѣе отыскивать и находить количество тамъ, гдѣ раньше предполагалось качественное различіе.

Успѣхи физики раскрываютъ передъ нами внутреннее родство между различными по внѣшности физическими явленіями. Такъ, между звуками различной высоты оказывается различіе лишь въ числѣ колебаній воздуха.

Химія разложила тысячи различныхъ одно отъ другого тѣлъ неорганической природы и доказала, что многія изъ этихъ тѣлъ, съ виду столь не схожихъ между собою, состоятъ изъ совершенно одинаковыхъ элементовъ, но лишь соединенныхъ въ различныхъ количественныхъ пропорціяхъ. Можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ всякая новая побѣда науки приводитъ къ установленію количественнаго отношенія тамъ, гдѣ до того предполагали качественное различіе.

Обращаясь къ міру психическому, къ явленіямъ сознанія, мы и здѣсь находимъ какъ качественныя различія, такъ и количественныя отношенія между отдѣльными явленіями нашей психики.

Когда намъ приходится разбираться въ нашихъ ощущеніяхъ, или представленіяхъ и, сопоставляя ихъ между собою, рѣшить, различаются ли они качественно или количественно, мы руководимся тѣмъ же масштабомъ, который намъ служитъ по отношенію къ окружающей насъ природѣ.

И тутъ, въ сознаніи, мы признаемъ качественно различными тѣ наши состоянія, которыя несравнимы между собою, разнородны.

Сопоставляя между собою свѣтовыя, цвѣточныя или зрительныя ощущенія съ ощущеніями звуковъ, мы никоимъ образомъ не находимъ возможнымъ сравнивать эти два ничего, повидимому, общаго между собою не имѣющихъ класса ощущеніи.

Звукъ и свѣтъ остаются въ сознаніи совершенно чуждыми другъ къ другу явленіями—для сознанія они явленія разныхъ категорій, т.-е. качественно различны.

Когда же мы сопоставляемъ въ сознаніи два вида свѣтовыхъ ощущеній, напримѣръ, красный и желтый свѣтъ, то, несмотря на все различіе этихъ двухъ ощущеній, мы замѣчаемъ въ нихъ и общія элементы—освѣщеніе и протяженіе. Иногда мы наблюдаемъ смѣшеніе двухъ ощущеній, образованіе среднихъ между ними. Вотъ почему такія два ощущенія уже не кажутся намъ различными по качеству, какъ цвѣтъ и звукъ.

Въ предѣлахъ одного и того же класса ощущеній, какъ, напримѣръ, краснаго цвѣта, мы различаемъ рядъ ступеней интенсивности, густоты окраски, различныхъ степеней ясности освѣщенія, и въ такихъ случаяхъ въ насъ складывается убѣжденіе, что всѣ эти ощущенія качественно тождественны и различаются между собою лишь количественно.

Поднимаясь выше, въ область болѣе сложныхъ психическихъ явленій, мы и тамъ находимъ качество и количество.

Чувства наши то рѣзко отличаются другъ отъ друга по характеру, какъ, напримѣръ, гнѣвъ и любовь, боль, страхъ и радость, или же представляются лишь различными ступенями одного и того же душевнаго состоянія, какъ, напримѣръ, радость, удовольствіе, надежда и различные виды эстетическаго удовольствія, напримѣръ: зрительное и музыкальное и т. п.

Періодичность движенія небесныхъ свѣтилъ, составляя первоисточникъ нашихъ представленій о времени и движеніи въ природѣ, служитъ въ то же время источникомъ понятія о числѣ и количествѣ какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ сознаніи. Здѣсь слита въ одно повторяемость и однородность внѣшняя и внутренняя, физическая и психическая. Здѣсь же зародышъ понятія о числѣ, которое въ одинаковой мѣрѣ охватываетъ и внѣшнюю природу, и міръ сознанія.

Психическій міръ человѣка есть арена дѣйствующихъ другъ на друга силъ, гдѣ имѣетъ мѣсто взаимодѣйствіе и движеніе отдѣльныхъ продуктовъ мысли и чувства.

Уже въ этихъ фактахъ непосредственно содержится положеніе, что духовный міръ представляетъ собою нѣчто связное, цѣлое, въ которомъ всѣ отдѣльные элементы, т.-е. единичные образы, понятія и т. п., находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи и самая перемѣна, въ нихъ совершающаяся, должна быть взаимно связана. Другими словами, въ нашемъ духовномъ мірѣ, какъ и матеріальномъ, долженъ господствовать суровый законъ причинности, въ силу котораго ни одна перемѣна не совершается безъ предшествующихъ ей перемѣнъ.

Уловить дѣйствіе законопричинности въ сознаніи оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. Уже одна кратковременность, быстрая смѣна психическихъ явленій въ сознаніи и внезапное появленіе въ сознаніи воспоминанія безъ видимаго повода составляетъ причину того, что отъ насъ часто ускользаетъ связь между двигающимися въ нашемъ сознаніи образами, а самое ихъ возникновеніе и исчезаніе кажется намъ игрой случая.

Сверхъ того, въ нашей духовной жизни есть нѣкоторыя особенности, маскирующія причинную связь и правильную послѣдовательность душевныхъ явленій. Мы говоримъ о той иллюзіи, которая побуждаетъ насъ вѣрить въ свободу нашей воли, т.-е. въ ея независимость отъ нашей душевной дѣятельности, отъ мотивовъ, чувствъ и т. п.

Психологи, допускающіе существованіе «свободы воли», не отрицали прямо ни внутренней связи всего того, что совершается въ нашей психикѣ, ни причинной послѣдовательности въ теченіи отдѣльныхъ душевныхъ актовъ.

Но, признавая существованіе «свободы воли», психологи этимъ выражаютъ ту мысль, что самый актъ выбора и рѣшенія есть процессъ особаго рода, въ которомъ, кромѣ входящихъ въ него отдѣльныхъ психическихъ элементовъ, какъ образы, идеи, чувства и т. п., еще участвуетъ особая сила, или особый психическій органъ—наше «я», которое придаетъ окончательное направленіе рѣшенію воли.

Самая гипотеза, допускающая существованіе особой силы и процессъ воли, управляющей отдѣльными психическими актами, выбирающая между ними, въ сущности не доказана. Можно объяснить выборъ и рѣшеніе, обнаруживающіеся въ актѣ воли тѣмъ, что въ борьбѣ отдѣльныхъ психическихъ факторовъ, конкурирующихъ въ каждый данный моментъ въ нашей душѣ, устанавливается по законамъ взаимодѣйствія психическихъ силъ равнодѣйствующее, которое и есть то, что мы ощущаемъ и внутри насъ и сознаемъ какъ особый актъ якобы свободной воли. Во всякомъ случаѣ внутренній голосъ нашего самосознанія говоритъ въ пользу «свободы», т.-е. противъ неумолимой причинной связи психическихъ явленій.

Другое, не менѣе серьезное, препятствіе, мѣшающее людямъ проникнуться вѣрой въ господство начала причинной связи въ духовномъ мірѣ, имѣется въ безсознательныхъ явленіяхъ. Постоянныя превращенія психическихъ состояній изъ сознательныхъ въ безсознательныя и обратно, забвеніе и воспоминаніе, иллюзіи и галлюцинаціи—все это вмѣстѣ взятое не даетъ установиться воззрѣнію, что міръ сознательный есть само въ себѣ замкнутое, связное цѣлое, въ которомъ все совершающееся опредѣляется собственными силами и процессами.

Съ этими фактами необходимо серьезно считаться. Очевидно, что, только расширивъ понятіе о психическомъ мірѣ, распространивъ его на безсознательную область, можно устранить всѣ сомнѣнія въ томъ, что весь міръ психическій, взятый въ цѣломъ, также строго подчиненъ закону причинной связя, какъ и міръ матеріальный.

Съ точки зрѣнія современной раціональной психологіи, которая видитъ въ психическомъ мірѣ отраженіе матеріальнаго, это само собою очевидно и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Если наши ощущенія зарождаются въ нашемъ сознаніи подъ воздѣйствіемъ внѣшняго міра и въ связи съ дѣятельностью нашихъ органовъ чувствъ и нервной системы; если безсознательная психическая жизнь есть результатъ автоматической работы мозга; если переходъ какого-либо психическаго явленія изъ сознательнаго состоянія въ безсознательное и обратно обусловленъ состояніемъ, т.-е. отправленіемъ нервныхъ центровъ, тогда понятно, что во всемъ теченіи психической жизни нѣтъ мѣста перерывамъ и скачкамъ, и вся она есть сплошная, нигдѣ непрерывающаяся цѣпь дѣйствія психическихъ и физическихъ силъ.

Въ этой цѣпи всякая перемѣна въ состояніи какого-либо психи-

ческаго явленія, будь то въ сознаніи или выше его, всякое появленіе въ сознаніи опредѣланнаго образа, чувства и т. п., усиленіе или ослабленіе этихъ явленій, ихъ временной переходъ въ состояніе несознаваемости, ихъ взаимодѣйствіе,—все строго подчинено законамъ психическихъ силъ, хотя и сами эти силы, и самый законъ ихъ взаимодѣйствія еще скрытъ отъ насъ.

Бѣглый обзоръ сферы психическихъ явленій привелъ насъ къ тому, что міръ психическій обнаруживаетъ многія основныя черты и свойства, характеризующія физическую природу. И тутъ и тамъ мы находимъ проявленіе дѣйствія внутреннихъ силъ—перемѣны, совершающіяся въ пространствѣ и во времени.

Въ сознаніи, какъ и въ природѣ физической, встрѣчаются черты, характеризующія явленія жизни, т.-е. развитія.

Понятія о количествѣ въ извѣстной степени также примѣнимы и къ духовному міру; наконецъ, психическая жизнь оказывается также подъ властью закона причинной связи, какъ и вся природа. Все это вмѣстѣ взятое даетъ право надѣяться, что рано или поздно таинственный міръ психическихъ явленій будетъ завоеванъ для науки. Пытливый умъ человѣка, укрѣпившись въ своей духовной побѣдѣ надъ физической природой, съ помощью того самаго оружія, т.-е. тѣхъ методовъ, которые помогли ему овладѣть знаніемъ законовъ природы, проникнетъ и въ тайны самыхъ сокровенныхъ родниковъ своего собственнаго духа.

Проф. **И. Г. Оршанскій.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛЕГЕНДЫ.

А. Немоевскаго.

(Переводъ съ польскаго).

Посланецъ.

Въ источникахъ египетскихъ, описывающихъ жизнь терапевтовъ у озера Мероса, найдена исповѣдь Уріеля о его хожденіи на Ливанъ.

Юноша, посланный настоятелемъ за цѣлебными травами, шелъ бодро и, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, весна расцвѣтала въ его душѣ. Взоръ его скользилъ по чистому голубому своду небесъ, который не омрачала ни одна тучка.

Онъ шелъ такъ, не спѣша, уже цѣлую недѣлю. И чѣмъ дольше шелъ, тѣмъ больше радость наполняла его душу. Онъ сближался мыслью съ каждымъ полевымъ цвѣткомъ, съ могучими деревьями, покрывающими склоны горъ, съ щебетаніемъ птицъ, съ говоромъ ручьевъ, съ напѣвомъ вѣтра.

Юные годы свои онъ провелъ надъ озеромъ въ мрачной кельѣ, выходя изъ нея только въ день, посвященный Господу. Глаза его никогда не видѣли міра, природы въ полномъ просторѣ. Суровая жизнь терапевтовъ, углубленныхъ въ изученіе тайны магическихъ силъ, стремленіе къ пріобрѣтенію знаній, выработка власти взгляда, власти прикосновенія и власти надъ чувствами—все это не могло служить утѣхой юности, весельемъ жизни, улыбкой счастья. Смѣхъ, веселье, радость какъ будто дремали въ глубинѣ души Уріеля, какъ скрытые источники.

Наставникъ, отправляя его въ путь, много говорилъ ему о назначеніи терапевтовъ. Онъ говорилъ ему о Богѣ-Покровителѣ отшельниковъ-врачевателей; говорилъ о той силѣ, которую онъ ниспосылаетъ имъ; о той помощи, которую они предназначены принести людямъ; о томъ, что они должны служить примѣромъ; о тѣхъ свойствахъ, которыя они обязаны въ себѣ воспитать, чтобы не утратить этой силы, а еще больше въ себѣ ее развить.

Уріель слушалъ сосредоточенно и во время долгаго пути много думалъ объ этомъ.

Но скоро онъ сталъ невольно прислушиваться къ шуму вѣтра, кедровъ и потоковъ. Онъ подолгу засматривался на синее небо и пламенное солнце, которое двигалось передъ нимъ; всматривался въ пригорки, долины, озера и рѣки. Мрачная келья все больше изглаживалась изъ его памяти. Онъ чувствовалъ себя, какъ птица, которая выпорхнула изъ клѣтки и въ первый разъ расправляла свои крылья; онъ чувствовалъ себя на волѣ среди природы, среди упоительнаго аромата и распускающейся всюду зелени.

Иногда ему чудились таинственныя, призрачныя явленія. Ему казалось, что онъ слышитъ надъ собой въ воздухѣ какіе-то голоса, которые ведутъ разговоры; то ему грезилось дивное пѣніе и нѣжное бряцаніе какихъ-то струнъ.

Онъ спалъ на мягкихъ мхахъ и ему часто снилось, что отворяются небеса и оттуда сыплется на него дождь бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ; онъ чувствовалъ ароматъ этихъ цвѣтовъ и во снѣ протягивалъ къ нимъ руки.

И во снѣ же онъ вспоминалъ, что онъ посланецъ. И казалось ему, что Господь отверзаетъ небеса и шлетъ своему посланнику эти благовонные цвѣты, чтобы радость всюду сопутствовала ему.

Потомъ онъ шелъ среди людскихъ селеній.

И опять сердце его дрогнуло новымъ, невѣдомымъ чувствомъ. Ему хотѣлось приблизиться къ этимъ пастухамъ, рыбакамъ, огородникамъ; его охватывала какая-то тоска, чувство одиночества, желаніе обмѣняться словами, взглядами, объятіями, подѣлиться слезами и смѣхомъ. Но его сдерживало предписаніе наставника, который строго приказалъ ему держаться вдалекѣ отъ людей, такъ какъ это было его первое путешествіе.

Не разъ онъ видѣлъ радость, и ему хотѣлось раздѣлить ее съ людьми. То снова онъ видѣлъ скорбь и страданія, и зналъ средства помочь имъ. Онъ зналъ, что старшіе изъ братьевъ ходили, когда было нужно, по странѣ, чтобы творить добро. Когда-нибудь и онъ будетъ ходить вмѣстѣ съ ними, будетъ приближаться къ людямъ и протягивать имъ руку помощи...

Прежде онъ не тосковалъ объ этомъ, потому что ему неизвѣстна была сладость сближенія съ людьми и дѣяній такого рода. Но теперь, когда онъ узналъ свободу, когда онъ очутился среди природы и взоръ его всюду встрѣчалъ людей, сожалѣніе пробудилось въ его душѣ и онъ подымалъ глаза вверхъ, туда, гдѣ слышались ему голоса, и спрашивалъ: неужели справедлива эта строгость наставника? Неужели не ускорится день его радости, его выступленія на дѣятельность? Неужели въ немъ не достаточно силъ, чтобы исполнить свою миссію, и онъ способенъ только заниматься собираніемъ травъ, сторонясь отъ привлекающихъ его душу человѣческихъ жилищъ?

Однажды онъ увидалъ маленькій городокъ, прилѣпившійся на

склонѣ горы, а за нимъ, въ долинѣ, около рѣчки, разбросанные домики, изъ которыхъ одинъ стоялъ одиноко, въ сторонѣ, среди миндальной рощи, осыпанной розовымъ цвѣтомъ.

Воздухъ былъ душенъ. Онъ сѣлъ подъ пальмой и задумался. Вдругъ на восточной сторонѣ неба блеснуло, и вслѣдъ за тѣмъ послышался отдаленный громъ.

Уріель поднялъ глаза. На горизонтѣ показалась темная туча, которая быстро приближалась и простиралась по небу, закрывая его чистую лазурь. Но внизу, на землѣ, все еще было спокойно; деревья стояли неподвижно, не колеблемые ни малѣйшимъ вѣтеркомъ.

Надвигалась буря. Уріель всталъ и началъ осматриваться, ища убѣжища. Наконецъ, онъ направился въ сторону того уединенно стоящаго домика.

Двери были открыты. Онъ заглянулъ внутрь. Домъ очевидно былъ пустъ и обитатели его были въ полѣ. Онъ не посмѣлъ войти въ пустое жилище людей и направился дальше. Но едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ въ тучахъ снова блеснула молнія и раздался ударъ грома, долго не смолкавшій. Онъ колебался, идти ли ему дальше или возвратиться назадъ, и съ минуту постоялъ въ раздумьи. Наконецъ, онъ вернулся и снова остановился передъ домомъ. Въ эту минуту на небѣ блеснула въ третій разъ молнія и ужасный громъ потрясъ воздухъ.

И въ этотъ же самый мигъ онъ увидалъ въ дверяхъ дома молодую дѣвушку, которая устремила на него вопросительный и удивленный взоръ, узнавая въ немъ пришельца изъ далекихъ странъ.

Красота ея привела его въ смущеніе, и лицо его покрылось живымъ румянцемъ. Онъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время, затѣмъ приблизился и произнесъ привѣтствіе. Она въ смущеніи порывисто дышала и также вся раскраснѣлась. И они стояли такъ другъ передъ другомъ, не зная, что имъ дѣлать и что говорить.

На небѣ загрохотало въ четвертый разъ. Тогда Уріель сдѣлалъ шагъ впередъ, оперся рукой о калитку и вступилъ въ разговоръ съ дѣвушкой.

Она оправилась немного отъ смущенія и стала ему отвѣчать. Затѣмъ она спросила, какъ его имя, чѣмъ онъ занимается и какъ называется тотъ край, изъ котораго онъ прибылъ.

Онъ отвѣчалъ, что зовутъ его Уріель, что прибылъ онъ издалека и что онъ посланникъ Того, Кто утвердилъ воды, простеръ голубой сводъ небесъ надъ міромъ и приказываетъ нести ближнему утѣшеніе въ горѣ.

Слова эти поразили ее. Она смотрѣла на него съ боязнью, почтеніемъ и любопытствомъ. Слухи о посланникахъ Божьихъ передавались изъ устъ въ уста, какъ легенды.

Теперь онъ въ свою очередь спросилъ ее, какъ ея имя, кто живетъ въ этомъ домикѣ и чѣмъ занимается.

*

Дѣвушка отвѣчала, что ее зовутъ Сунамисъ, а домъ принадлежитъ ея родителямъ, которые теперь въ виноградникѣ и заняты сборомъ винограда; она же осталась стеречь пустой домъ, такъ какъ родители вернутся только поздно ночью.

Тогда онъ снова сталъ говорить ей, что ищетъ убѣжища отъ надвигающейся бури, что это первое волненіе стихій за время его путешествія, что до сихъ поръ ему всюду сопутствовалъ зной и полное затишье, что онъ не приближался къ людямъ, такъ какъ это ему запрещено до извѣстнаго времени, а когда это время настанетъ, то Господь дастъ ему знакъ.

Въ ту минуту, когда онъ говорилъ эти слова, раздался новый ударъ грома, и молнія, прорѣзавъ тучи, вспыхнула яркимъ блескомъ и облила синимъ свѣтомъ лица обоихъ собесѣдниковъ.

Странное волненіе овладѣло дѣвушкой. Когда пришелецъ говорилъ, она всматривалась въ его прекрасное, безконечно кроткое лицо, на которомъ лежалъ отпечатокъ думъ, придававшій ему еще большую прелесть. Она всматривалась въ его покраснѣвшіе глаза, которые напоминали ей розоватые цвѣты яблони; въ его тонкую, какъ бы неземную фигуру, точно колеблющуюся и стремящуюся улетѣть.

И вдругъ она почувствовала, что онъ близокъ ея сердцу.

Ей захотѣлось узнать, зачѣмъ онъ посланъ; она просила его не уходить, такъ какъ въ тучахъ снова блеснула молнія и раздался громъ.

Тогда онъ вступилъ въ садикъ, гдѣ росли лиліи и, сорвавъ одну изъ нихъ, подалъ дѣвушкѣ.

Она опустила глаза и поцѣловала цвѣтокъ. Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ лицо ея омрачилось печалью и слезы заблестѣли на рѣсницахъ.

Онъ взялъ ея за руку и спросилъ, почему она молчитъ. Они стали снова разговаривать и она разсказала ему о своихъ родителяхъ, о нуждѣ, въ которой они живутъ, о бѣдности, отъ которой зависитъ рѣшеніе ея судьбы. Наконецъ она призналась, что часто вечерами ихъ домъ навѣщаетъ старый плотникъ, котораго всѣ знаютъ и уважаютъ за его доброту и справедливость, который такъ же бѣденъ, какъ они. Но онъ такой старый...

Проговоривъ это, она замолчала. Онъ же смотрѣлъ на нее и сжималъ ея руку.

Въ эту минуту на небѣ загрохотало въ шестой разъ. Ослѣпительная молнія прорѣзала темную тучу отъ востока до запада и грянулъ громъ, эхо котораго раскатилось далеко въ горахъ.

Уріель склонился надъ дѣвушкой и лицо его, озаренное блескомъ молніи, сіяло дивной, таинственной красотой и выражало порывъ. Сердце дѣвушки дрогнуло какой-то неопредѣленной тоской. Она начала шептать о его неожиданномъ появленіи, о бурѣ, которая надъ его головой, извергаетъ громъ и молніи. А потомъ шептала о тоскѣ, которая закралась въ ея сердце и никогда, быть можетъ, не пройдетъ.

Тогда онъ обнялъ ее и, приблизивъ еще больше свое лицо къ ея лицу, спрашивалъ, вѣритъ ли она ему, спрашивалъ также, развѣ она не хочетъ успокоиться и развѣ онъ не сталъ ей близкимъ за это короткое время.

Но она не рѣшалась отвѣчать, только опустила рѣсницы и наклонила лицо, горѣвшее яркимъ румянцемъ. Онъ же думая, что молчаніе ея зависитъ отъ другой причины, началъ снова говорить о своемъ назначеніи, поднялъ руку къ темнымъ тучамъ, которыя свинцовымъ сумракомъ затмили ясный свѣтъ дня; шепталъ ей все то, что пламенемъ жгло его уста и какъ вихрь рвалось изъ его души. Онъ приложилъ свое горѣвшее лицо къ ея пылавшей щекѣ и прижалъ ее еще крѣпче къ себѣ...

Вдругъ въ тучахъ загремѣло въ седьмой разъ. Блеснула короткая молнія и все снова погрузилось въ мракъ, только раскаты грома слышались долго и мощно, потрясая свинцовое небо и погруженную въ мракъ землю.

Вслѣдъ за этимъ ударомъ грома рванулъ вѣтеръ, закачалъ верхушки деревъ и съ вѣтвей миндальныхъ и гранатовыхъ деревьевъ начали сыпаться розовые цвѣты, лепестки которыхъ, носясь въ воздухѣ, падали на голову Уріеля, на лицо Сунамисъ.

Дѣвушка закрыла глаза; ею овладѣла внезапная дремота, она почувствовала изнеможеніе.

Но и въ этомъ полуснѣ она была такъ прекрасна, что Уріель всматриваясь въ нея, не слыхалъ шума бури надъ его головой, не замѣчалъ ни гнувшихся подъ напоромъ вѣтра кипарисовъ, ни падающихъ цвѣтовъ, ни блеска молніи на небѣ.

Отшельникъ съ береговъ озера Мероса, червь науки, инокъ-цѣлитель, магъ, испытывающій таинственныя силы, онъ почувствовалъ въ себѣ пробужденіе стихіи, которая искала родственныхъ стихій. И онъ находилъ ихъ въ этой красотѣ природы, въ лазури неба, въ шумѣ деревьевъ, благоуханіи цвѣтовъ и въ тѣхъ голосахъ, что слышались ему въ воздухѣ. Онъ нашелъ ихъ и въ этой внезапной бурѣ, которая охватила землю, въ блескѣ молній, въ раскатахъ грома. Онъ нашелъ ихъ въ этой чудной спящей дѣвушкѣ, возлѣ которой все еще лежала лилія, сорванная и поданная имъ ей такъ недавно.

Но въ этотъ мигъ въ немъ дрогнуло иное чувство; онъ посмотрѣлъ на пустой домъ, двери котораго стояли открытыми, припомнилъ слова дѣвушки, что родители ея вернутся только ночью; передъ глазами его всталъ образъ стараго плотника, который хотѣлъ раздѣлить съ ними свою бѣдность. Онъ сталъ вспоминать про себя тѣ слова, которыя нашептывалъ дѣвушкѣ, и то, что онъ говорилъ ей о своей миссіи; потомъ онъ задумался надъ тѣмъ, какъ она могла понять его и какъ надлежало это понимать.

И на него напалъ страхъ. Онъ отошелъ отъ спящей дѣвушки и

издали посмотрѣлъ на нее. Потомъ закрылъ лицо, опустилъ голову на грудь и задумался. Буря крѣпчала и мракъ все больше усиливался. Уріель дрожалъ, стараясь собрать свои мысли. Онъ обратилъ свои взоры на раскинутые по долинѣ домики, на городокъ, прилѣпившійся на склонѣ горы.

Дѣвушка все не просыпалась.

Имъ овладѣвалъ все большій страхъ. День смѣнился ночью; вѣтеръ, какъ разбушевавшаяся воздушная рѣка, стремился и ломалъ толстыя сучья деревьевъ.

Уріель началъ тихо, едва касаясь земли, отступать въ глубь кедроваго лѣса. Онъ оглядывался нѣсколько разъ назадъ. Дѣвушка все продолжала спать.

Но вотъ вѣтеръ внезапно измѣнилъ направленіе, разорвалъ тучу и очень скоро умчалъ ее за горизонтъ. Вверху снова показалось ясное голубое небо; на западѣ еще виднѣлся багряный дискъ солнца, которое до половины уже опустилось за гребни горъ. Въ воздухѣ начали кружиться съ веселымъ щебетаніемъ птицы. Несся свѣжій ароматъ лилій и цвѣтовъ миндальнаго дерева. Воздухъ былъ наполненъ чуднымъ благоуханіемъ.

Дѣвушка вздохнула, открыла глаза и оглядѣлась кругомъ съ недоумѣніемъ. Она не могла понять, продолжается ли сонъ, или дѣйствительность не прерывалась. Она не могла связать своихъ мыслей, образовъ, воспоминаній и дѣйствительности.

Казалось ей, что стояла она на порогѣ дома и увидала передъ собой юношу, который называлъ себя посланникомъ и явился среди молній и грома. Потомъ онъ привѣтствовалъ ее, сорвалъ лилію и подалъ ей.

Потомъ они говорили о небѣ, о землѣ, о трепетѣ сердецъ. Потомъ она почувствовала изнеможеніе... На небѣ сверкала молнія и гремѣлъ громъ. Потомъ она закрыла глаза.

И вотъ теперь открыла ихъ.

Вверху чистая лазурь неба, вдали заходящее солнце и нѣтъ никого около нея.

«Неужели это былъ сонъ?»

Но сердце ея еще трепещитъ и ударяетъ неровно. Она чувствуетъ еще на лицѣ своемъ дыханіе того, который называлъ себя посланникомъ...

«Такъ, значитъ, это была дѣйствительность?»

И она сидѣла такъ, задумавшись и опустивъ голову на грудь; изъ глазъ ея начали капать слезы. Они катились по блѣднымъ щекамъ, падали на грудь, на руки, на траву.

Слезы лились все обильнѣй и обильнѣй и, какъ чистыя капли дождя, дрожали на стебляхъ травы.

Между тѣмъ, послышались шаги; она подняла голову и сквозь слезы

увидала склонившагося надъ ней плотника, который тихо подходилъ къ дверямъ ихъ дома. Она закрыла руками лицо, склонила голову на траву, и разразилась слезами, рыданіями и мольбами къ Богу, который скрывался тамъ вверху, надъ ней, за чистой лазурью неба, и въ мудрости своей управлялъ судьбами міра.

Плотникъ, увидавъ ее плачущую и склонившуюся лицомъ къ землѣ, встревожился, подошелъ къ ней ближе и ласково проговорилъ:

— Что съ тобой, Сунамисъ?

Но въ отвѣтъ послышалось только рыданіе. Онъ испугался, положилъ ей на голову руку, наклонился къ ней и еще ласковѣе прошепталъ:

— Что съ тобой, моя дорогая Сунамисъ?

Тогда дѣвушка немного приподнялась, закрыла лицо волосами и, прижавъ свои дрожащія, холодныя уста къ его сморщенной рукѣ, начала обливать ее слезами и цѣловать...

Наставленіе.

Это была величественная фигура. Огромный ростъ, крѣпкій затылокъ и могучія плечи невольно вызывали въ памяти образъ Самсона, какъ его рисуетъ преданіе. Крупное лицо съ большими карими глазами, орлинымъ носомъ, опущенными книзу усами и рыжеватой, длинной, почти до пояса, бородой производило внушительное впечатлѣніе. Одежда на немъ всегда была дорогая, цвѣтная; голову покрывала повязка изъ драгоцѣнной ткани. Онъ выступалъ всегда чрезвычайно медленно, важно и, проходя по городу, никому не отвѣчалъ на поклоны. Гордость и чувство превосходства были неразлучны съ нимъ и заставляли его презирать чернь.

Звали его Іоилемъ. Въ синедріонѣ онъ выступалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась представительность. Онъ провозглашалъ приговоры, постановленія и дѣлалъ вразумленія народу.

Когда онъ стоялъ въ храмѣ на возвышеніи, онъ имѣлъ необыкновенно величавый видъ. Сильный голосъ его раздавался, какъ звукъ мѣдной трубы, которую заставляетъ звучать самый искусный виртуозъ. Содержаніе его рѣчи было всегда заранѣе строго формулировано и Іоилю никогда не приходилось ни добавлять, ни брать назадъ. Рѣчи эти сочиняли люди, свѣдующіе въ законѣ и владѣющіе превосходнымъ языкомъ; Іоиль же, произнося ихъ своимъ чудеснымъ голосомъ, придавалъ имъ еще больше торжественности. Поэтому-то, когда онъ начиналъ говорить, всѣ замолкали и слушали, и каждое его слово западало глубоко въ души всѣхъ. Такимъ образомъ, всѣ приговоры, извѣщенія, наставленія и отзывы, исходящіе отъ синедріона, народъ непосредственно связывалъ съ личностью Іоиля, приписывая ему самое важное значеніе среди семидесяти членовъ верховнаго совѣта. Съ тече-

ніемъ времени Іоиль и самъ началъ раздѣлять это убѣжденіе, и это совершилось тѣмъ легче, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ являлся передъ народомъ, другіе члены синедріона сопровождали его съ глубочайшимъ почтеніемъ, подавали пергаментъ и услуживали, чтобы такимъ способомъ придать еще болѣе важности тому, что онъ провозглашалъ.

Тогда Іоиль увѣровалъ въ свою великую мудрость и въ свое исключительное значеніе. Увѣровалъ и чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Ничто не мутило источника его мыслей. Прославленныя богатства его росли съ каждымъ днемъ. Дѣти его были здоровы, жили въ довольствѣ, были всѣми уважаемы и счастливы. И Іоилю казалось, что кого Богъ избралъ, тому Онъ пріумножаетъ блага земныя, чтобы избранный могъ исполнять волю Его.

И казалось ему также, что бѣдные—это жертвы собственныхъ грѣховъ или грѣховъ своихъ предковъ. Безъ причины и безъ грѣха никто, по его убѣжденію, не могъ быть бѣднымъ. Онъ не чувствовалъ за собой никакой вины, и былъ богатъ, а изъ среды бѣднаго люда то и дѣло кого-нибудь вели на судъ и наказывали. Судья Іоиль видѣлъ, что это были или воры, или клеветники, или прелюбодѣи, или клятвопреступники. Онъ видѣлъ, сколько тутъ было обмановъ, лжи, сколько несправедливостей, сколько покушеній на чужихъ женъ, сколько корыстолюбія и лжесвидѣтельствъ. Почему преступники выходили только изъ простого народа? Почему не оказывалось ни одного изъ ихъ класса? Поэтому понятіе о простомъ народѣ слилось въ его головѣ съ понятіемъ о грѣхѣ, и онъ презиралъ чернь, какъ презиралъ грѣхъ. Особенно же онъ не любилъ сборщиковъ податей, которые были извѣстны своей нечестностью. Однако-жъ, больше всего онъ ненавидѣлъ ихъ потому, что никогда не могъ отговориться отъ подати, которую очень не любилъ платить.

Въ храмъ онъ являлся по четыре раза въ день и молился такими словами:

«Благодарю тебя, Боже, что ты сотворилъ меня Іоилемъ, сыномъ Аздраила,—богатаго человѣка, сына Наскіеля,—богатаго человѣка, сына Іакова,—богатаго человѣка...

«А также благодарю тебя, Боже, за то, что ты далъ мнѣ большой ростъ, величавую осанку, которая пробуждаетъ въ людяхъ уваженіе. Что ты мнѣ далъ быстрый умъ, благородное сердце и прекрасный голосъ...

«Что ты даровалъ мнѣ быть праведнымъ, ни обманщикомъ, ни клеветникомъ, ни прелюбодѣемъ, ни отступникомъ, ни маловѣрнымъ...

«И еще благодарю тебя, Боже, что избралъ меня въ синедріонъ, поставилъ судьей, который судитъ другихъ, а самъ не судимъ.

«Благодарю тебя, Боже, что ты не сотворилъ меня простымъ человѣкомъ, бѣднымъ, глупымъ, злымъ, нечестивымъ...

«Что ты не создалъ меня ни пастухомъ, ни плотникомъ, ни погонщикомъ ословъ, ни продавцомъ жертвеннаго скота, ни слугой, ни мытаремъ, какъ тотъ, который стоитъ тамъ позади меня, бьетъ себя грудь и навѣрное говоритъ: «Боже, милостивъ будь ко мнѣ грѣшному»...

«И когда я размышляю о себѣ, то радуется душа моя и дивится, о Господи, Твоей мудрости, Твоему совершенству, Твоему распредѣленію и отдѣленію однихъ людей отъ другихъ.

«И изъ того, что Ты такъ поступилъ со мной, я вижу Твою милость ко мнѣ и буду ревностно исполнять законъ твой и буду карать всѣхъ, кого приведутъ на судъ ко мнѣ.

«Слава тебѣ, о Боже, на небесахъ! Ты—Тотъ, Который сотворилъ меня и поставилъ служить примѣромъ для людей! И имя Твое всегда будетъ среди людей, такъ какъ сыновья сыновей моихъ будутъ тебя благодарить за меня и будутъ возжигать на алтаряхъ тебѣ жертвы, которыя приноситъ народъ».

Послѣ этого онъ выходилъ изъ храма и возвращался черезъ городъ къ дому. Всѣ почтительно уступали ему дорогу, а онъ, въ своей славѣ и непогрѣшимости, выступалъ гордо, спокойно, самодовольно и непоколебимо.

Но вотъ случилось, что умеръ его отецъ, Аздраилъ, имѣвшій отъ роду почти сто лѣтъ и жившій въ Іерихонѣ, гдѣ у него было собственное имѣніе. Іоиль долженъ былъ отправиться туда для погребенія отца, совершенія предписанныхъ закономъ обрядовъ, а также для полученія наслѣдства.

Ему понравился этотъ городъ, лежащій на одномъ изъ притоковъ Іордана. Окрестности были очаровательны. Іоиль остался тамъ гораздо дольше, чѣмъ сначала расчитывалъ, и часто вечерами совершалъ одинъ прогулки въ глубь лѣсовъ и долинъ. Слава о немъ дошла и сюда, а такъ какъ жители хорошо знали размѣры его владѣній и неисчислимыя богатства его стадъ, то немудрено, что гость такой былъ предметомъ общаго вниманія.

Іоилю прискучили уже немного всѣ эти почести, тѣмъ болѣе, что смерть отца произвела на него глубокое впечатлѣніе. Онъ очень рѣдко думалъ о той минутѣ, когда ему придется разстаться съ міромъ. Теперь онъ вдругъ увидалъ, что въ лѣстницѣ поколѣній передъ самой ступенью Іоиля подгнила и рушилась ступень Аздраила. На него какъ будто повѣяло холодомъ смерти. Онъ хотѣлъ забыться и искалъ другихъ впечатлѣній среди пальмъ, фиговыхъ деревьевъ и рощъ. Иногда онъ доходилъ до самаго Іордана и тогда бралъ съ собой осла и погонщика.

Во время одной изъ такихъ прогулокъ онъ оставилъ осла и погонщика въ лѣсу, а самъ пошелъ къ Іордану, чтобы выкупаться. Но такъ какъ онъ былъ очень разгоряченъ и вспотѣлъ, то сѣлъ на берегу, чтобы прохладиться.

Тогда онъ увидѣлъ немного поодаль пастуха, который лежалъ, а стадо его приближалось къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Іоиль. Онъ крикнулъ пастуха, чтобы тотъ отогналъ стадо, а самъ немного отошелъ. Но пастухъ не двинулся съ мѣста на его зовъ.

Тогда Іоиль всталъ и началъ звать слугу, но тотъ повидимому не слыхалъ, потому что не отозвался.

Послѣ этого Іоиль подошелъ къ пастуху и еще разъ приказалъ ему отогнать стадо и самому удалиться вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ желаетъ купаться въ этомъ мѣстѣ.

Пастухъ, лежа, отвѣчалъ ему, что онъ этого не сдѣлаетъ, такъ какъ онъ сюда именно пригналъ стадо, чтобы его напоить и выкупать.

Іоиль спросилъ пастуха, знаетъ ли онъ его, Іоиля? Тотъ отвѣчалъ что совсѣмъ не знаетъ, кто бы такой онъ могъ быть.

Тогда Іоиль сказалъ ему свое имя, но пастухъ даже не пошевелился.

Іоиль началъ его бранить, но и это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на пастуха. Наконецъ онъ спросилъ его, у кого онъ находится на службѣ. Пастухъ отвѣчалъ, что у Аздраила. На это Іоиль крикнулъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ его хозяинъ, такъ какъ Аздраилъ умеръ и онъ получилъ наслѣдство послѣ него. Онъ приказалъ пастуху, чтобы тотъ исполнилъ требованіе, грозя въ противномъ случаѣ прогнать его со службы. Но пастухъ опять отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ, а знаетъ только свое стадо, и пока оно отдано его попеченію, онъ будетъ дѣлать то, что полезно стаду, а не то, что угодно Іоилю.

Іоиль былъ изумленъ. Такого ослушанія ему еще не приходилось встрѣчать. Самые важные люди въ столицѣ склоняли передъ нимъ головы, народъ слушалъ его слова съ почтеніемъ, священники подносили ему пергаменты, а тутъ вдругъ какой-то іорданскій пастухъ оказываетъ ему сопротивленіе, да еще вдобавокъ слуга его, бѣднякъ, простолюдинъ, котораго онъ можетъ каждую минуту, если захочетъ, прогнать со службы.

Гнѣвъ охватилъ его. Онъ снялъ верхнюю одежду и такъ какъ былъ силенъ, то рѣшилъ немедленно наказать собственноручно дерзкаго.

Онъ подошелъ къ нему и уже поднялъ руку надъ лежащимъ, когда внезапно выскочилъ на него кудлатый песъ пастуха, бросился ему подъ ноги и началъ его такъ кусать и хватать зубами, что Іоиль долженъ былъ отступить и обороняться отъ него.

Онъ кричалъ пастуху, чтобы тотъ отозвалъ собаку, кричалъ, что онъ отдастъ его подъ судъ за то, что онъ держитъ у себя такое животное, которое было въ общемъ пренебреженіи. Но пастухъ не обращалъ никакого вниманія на его слова и началъ напѣвать печальнымъ голосомъ:

„Онъ идетъ къ народу своему, идетъ бѣлый, свѣтлый, чистый...
Онъ идетъ въ бѣдности, безъ скипетра, безъ короны и безъ пурпурныхъ одеждъ...
Но въ очахъ его сила, въ голосѣ власть, на челѣ правда и въ сердцѣ любовь къ людямъ...
Онъ идетъ уже, идетъ избавитель, идетъ возвѣщенный, идетъ Мессія!"

Іоиль тѣмъ временемъ успѣлъ отойти настолько, что песъ пересталъ его преслѣдовать и, вернувшись къ своему хозяину, улегся у его головы. Голосъ пастуха раздавался по долинѣ между пальмами, между прибрежными камышами и несся по водѣ. Іоиль началъ прислушиваться, и его поразили слова пѣсни пастуха.

Въ эту минуту послышался шумъ голосовъ. Іоиль повернулъ голову и увидалъ на ближнемъ пригоркѣ толпу людей, которые взбирались на него и садились. На верхушкѣ холма стоялъ высокій дубъ, а подъ дубомъ сидѣлъ какой-то человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ былъ обращенъ къ Іоилю правой стороной и фигура его, ярко освѣщенная лучами заходящаго солнца, выдѣлялась на фонѣ неба.

Пастухъ, оставивъ на стражѣ своего пса, также отправился къ пригорку и смѣшался съ толпой.

Все это чрезвычайно удивило жителя столицы, и онъ, надѣвъ на себя снова верхнюю одежду, направился къ холму. Но какъ только онъ приблизился къ толпѣ, къ нему навстрѣчу вышли два человѣка и посмотрѣвъ на его богатую одежду и дорогую повязку, спросили, чего онъ здѣсь хочетъ? Тогда онъ отвѣтилъ имъ, что это онъ скорѣе долженъ спросить ихъ, что они дѣлаютъ среди его владѣній и пастбищъ.

На это отвѣчалъ ему одинъ изъ тѣхъ мужей, что они не знаютъ, кому принадлежатъ эти луга, и что, впрочемъ, это ихъ мало интересуетъ, такъ какъ они никакого вреда не дѣлаютъ и собрались слушать слово Божье.

Іоиль сказалъ имъ свое имя, но они отвѣчали, что имя это не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Тогда онъ объяснилъ имъ свое положеніе въ столицѣ и въ синедріонѣ. Они отвѣчали ему на это, что ему всего лучше вернуться туда, такъ какъ тамъ, вѣроятно, каждый воздастъ ему надлежащую честь, а здѣсь всѣ равны, кромѣ Бога, и нѣтъ такого человѣка, который былъ бы выше другихъ. Выше другихъ только тотъ, который наставляетъ ихъ,—ихъ учитель.

Іоиль приказалъ немедленно провести его къ тому учителю, но они возразили на это, что они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ учитель говоритъ сейчасъ съ народомъ и не слѣдуетъ мѣшать ему.

Тогда Іоиль началъ ихъ бранить и готовъ былъ даже поднять на нихъ руку, еслибъ не боялся всей этой шайки, которая, конечно, вступилась бы за своихъ и нанесла бы ему оскорбленіе. Поэтому онъ ограничился только бранью, не скупясь на самыя обидныя выраженія;

но они не отвѣчали на нихъ ни слова, только, сложивъ на груди руки, низко кланялись ему.

Видя, что такимъ способомъ ничего не достигнешь, онъ сунулъ руку подъ верхнюю одежду и вытащилъ оттуда двѣ монеты, чтобы дать каждому изъ нихъ. Но они отстранились отъ него, поднявъ вверхъ руки и показывая, что не примутъ взятки. Тогда Іоиль сталъ говорить, что онъ возьметъ ихъ къ себѣ на службу и дастъ хорошую плату. Они отвѣчали, что они для его службы не годятся, такъ какъ служатъ своему учителю. Послѣ этого Іоиль сталъ спрашивать, богатъ ли ихъ учитель, какія у него владѣнія, сколько стадъ? Они отвѣчали, что онъ не владѣетъ ничѣмъ и такъ же бѣденъ, какъ они.

Іоиль смотрѣлъ то на одного изъ нихъ, то на другого, ничего не понимая.

— Какъ же это такъ, вашъ учитель не имѣетъ никакого состоянія, а вы ему служите?—спросилъ онъ.

— Да, мы служимъ ему,—отвѣчали они.

— Ради чего? На что вы ему нужны? Какъ же онъ платитъ вамъ, не имѣя ничего?

— Онъ намъ ничего не платитъ и мы ничего не требуемъ, потому что только зовемся его слугами, но ни мы ему, а онъ намъ оказываетъ услугу.

— Ничего не понимаю изъ рѣчей вашихъ!

— Не дивимся этому, потому что очи твои еще не открылись и уста не отверзлись.

— Не вы ли ихъ мнѣ откроете?—возразилъ презрительно Іоиль.

— Не мы, но онъ, когда придетъ время и будетъ на то воля его.

— Когда будетъ воля его, а не моя?

— Да, господинъ.

— Кто же это далъ ему такую власть, что онъ можетъ поступать такимъ образомъ?

— Тотъ, кто на небѣ и кто властелинъ надъ всѣми нами и надъ тобой!—отвѣчали они, преклоняя со смиреніемъ головы.

Іоиль подумалъ съ минуту и затѣмъ обратился къ нимъ, грозя рукой.

— Вашъ учитель обманщикъ, бунтовщикъ; онъ не повинуется синедріону!

— Онъ повинуется Богу,—вставили оба мужа, кланяясь ему.

— Я на васъ донесу, я отдамъ васъ подъ судъ, вы будете наказаны.

— Ничего ты не сдѣлаешь намъ, господинъ, безъ воли его,—сказалъ одинъ изъ мужей, показывая рукой на пригорокъ въ сторону учителя.

— Я прикажу его, вашего учителя связать, вести въ городъ и доставить въ Іерусалимъ, прикажу его судить, бичевать прикажу его...

— Ничего ему не сдѣлаешь, господинъ, если не будетъ на то его воли.

Іоиль умолкъ. Онъ былъ совсѣмъ безсиленъ. Тогда онъ посмотрѣлъ еще разъ на того и другого, затѣмъ плюнулъ и возвратился къ рѣкѣ.

Онъ рѣшилъ однако-жъ по возвращенію въ городъ заняться этимъ дѣломъ, а теперь сталъ разыскивать въ лѣсу и звать своего проводника. Онъ посмотрѣлъ на солнцѣ: оно уже скрылось за горой. Онъ видѣлъ, какъ толпа постепенно рѣдѣла; наконецъ всѣ разошлись. Съ пригорка спустился пастухъ, погналъ стадо къ рѣкѣ, выкупалъ его и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ удалился. Ночной мракъ сталъ спускаться на долину Іордана. Іоилю становилось жутко и онъ проклиналъ неисправнаго проводника. Вернуться пѣшкомъ въ Іерихонъ онъ не могъ, потому что не зналъ дороги и могъ легко заблудиться; кромѣ того онъ вспомнилъ, что въ лѣсу водятся волки. Страхъ овладѣвалъ имъ все больше и больше; онъ сѣлъ у рѣки и весь дрожалъ.

Вдругъ онъ услыхалъ голосъ проводника, который погонялъ осла. Іоиль бросился навстрѣчу ему.

Слуга взялъ осла за поводъ и хотѣлъ помочь господину сѣсть на него, но тотъ вырвалъ у него изъ рукъ кнутъ и началъ бить его по плечамъ. Погонщикъ упалъ на колѣни, выставилъ плечи и при каждомъ ударѣ тихо стоналъ, снося терпѣливо побои.

Когда Іоиль, наконецъ, утомился, онъ приказалъ ему встать и подержать осла, пока онъ будетъ садиться.

Они направились въ глубь лѣса.

Ночная темнота, тишина лѣса и страхъ скоро усмирили гнѣвъ Іоиля. Онъ обратился къ погонщику и голосъ его звучалъ ласково.

— А что здѣсь въ лѣсу есть разбойники?

— Могутъ быть, господинъ.

— И могутъ на насъ напасть?

— Могутъ, господинъ.

— Что же они могутъ намъ сдѣлать?

— Ничего они намъ, господинъ, не сдѣлаютъ.

— Почему же такъ: могутъ напасть, а ничего не сдѣлаютъ?

— Потому что Богъ защищаетъ своихъ слугъ.

— Это меня. А развѣ тебя онъ убережетъ?

— Нѣтъ, господинъ, меня-то убережетъ. Тебѣ будетъ хуже.

— Ты дерзкій хвастунъ! Я прикажу тебя завтра наказать плетями.

— Сдѣлаешь, господинъ, что захочешь.

Іоиль умолкъ. Онъ не былъ доволенъ результатомъ разговора, помолчалъ еще съ минуту и затѣмъ сказалъ опять милостивымъ голосомъ.

— Прощаю тебѣ вину твою, потому что ты служишь мнѣ и провожаешь меня ночью.

— Благодарю тебя, господинъ.

— А что, въ лѣсу этомъ есть дикіе звѣри?

— Есть, господинъ.

— Они могутъ напасть на насъ?

— Могутъ, господинъ.

— И могутъ намъ вредъ причинить?

— Ничего они намъ не причинятъ, господинъ.

— Опять ты говоришь такъ, что я не понимаю.

— Богъ хранитъ своихъ слугъ, господинъ.

— Какъ же ты служишь Богу, глупецъ?

— Всей своей жизнью, господинъ.

— Жизнь твоя противна Богу.

— Нѣтъ, господинъ, жизнь бѣдныхъ не противна Бога.

— А чья же жизнь противна Богу?

— Жизнь богатыхъ, господинъ.

— Богатыхъ? Прикажу тебя завтра наказать плетями дважды—утромъ и вечеромъ!

— Твоя воля, господинъ.

Іоиль снова умолкъ, но на этотъ разъ еще болѣе недовольный оборотомъ разговора. Снова онъ смягчился и сказалъ:

— Я размыслилъ и прощаю тебѣ слова твои, потому что ты будешь оборонять меня отъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей. Но скажи мнѣ, кто научилъ тебя такъ говорить?

— Тотъ учитель, господинъ.

— Какой учитель?

Слуга замолчалъ, потому что испугался. Но Іоиль началъ его выпытывать настойчиво.

— Можетъ, тотъ, что былъ на пригоркѣ, окруженный народомъ? Да? Ты оставилъ меня и пошелъ его слушать? Прикажу тебя завтра три раза бичевать—утромъ, въ полдень и вечеромъ.

— Твоя воля, господинъ.

— Такъ-то ты исполняешь, притворщикъ, волю мою! Я тебѣ приказалъ служить мнѣ, а ты убѣгаешь съ осломъ, чтобы слушать рѣчи какого-то бродяги.

— Учителя, господинъ.

— Бродяги, говорю я; бродяги, который васъ бунтуетъ и будетъ представленъ на судъ. Зачѣмъ ты слушалъ рѣчи этого человѣка?

— Потому что хочу спастись и войти въ царство Божіе.

— А я не войду въ царство Божіе?

— Нѣтъ, господинъ, если не пойдешь по слѣдамъ его...

— Замолчи, глупецъ, и подгони осла, онъ всталъ и щиплетъ траву.

Погонщикъ крикнулъ на животное и оно поплелось дальше. Дорога становилась все круче, а мракъ все сгущался, такъ что ничего нельзя было различить. Только вверху виднѣлся маленькій кусочекъ неба, усыпаннаго звѣздами. Въ лѣсу царствовала тишина. Іоиль вздра-

гивалъ, ему становилось холодно. Онъ сложилъ руки на груди, склонивъ голову впередъ, вглядываясь въ темноту. И удивительно ему казалось, что погонщикъ не сбивается съ дороги, но съ такой увѣренностью гонитъ впередъ осла. Изъ глубины лѣса раздались крики какой-то птицы или звѣря. Іоиль не могъ разобрать, потому что жизнь природы была ему совершенно чужда. Снова началъ охватывать его страхъ и ему захотѣлось какъ можно больше расположить къ себѣ проводника, чтобы онъ охотнѣе защищалъ его въ случаѣ нужды. Онъ обратился къ нему:

— Чтобы ты узналъ всю мою великую доброту, то я и на этотъ разъ прощаю тебѣ вину. Но скажи мнѣ, какимъ образомъ ты узнаешь путь, какъ ты не сбиваешься съ дороги и какъ ты не боишься идти въ такой страшной темнотѣ и въ такомъ безлюдьѣ и служить мнѣ, да еще сохранять въ себѣ такой свободный духъ?

— Учитель мнѣ велѣлъ не бояться никого и ничего.

— Какъ, не бояться никого?

— Да, господинъ, никого.

— Даже и господъ своихъ?

— Да, господинъ, даже и господъ.

— Такъ ты не боишься меня?

— Нѣтъ, господинъ.

— Ты ненавидишь меня?

— Я люблю тебя, господинъ.

— Но почему же ты меня любишь?

— Потому что учитель велѣлъ любить каждаго, даже и тѣхъ, которые намъ причиняютъ зло. Онъ велѣлъ платить добромъ за зло...

Іоиль задумался надъ послѣдними словами погонщика и пришелъ къ заключенію, что на этотъ разъ услыхалъ рѣчь, выгодную для себя. Значитъ, учитель тотъ не велѣлъ мстить. А время для этого было самое подходящее.

— Такъ учитель не велѣлъ поднимать руку на господъ своихъ?

— Не говорилъ, что на господъ, но училъ, что мстить не слѣдуетъ.

— Такъ, значитъ, ты любишь меня?

— Люблю, господинъ.

— Это очень хорошо. Если тебѣ это велѣлъ твой учитель, хвалю его за это.

— Учитель спрашивалъ о тебѣ, господинъ.

— Да? Спрашивалъ обо мнѣ?

— И выговаривалъ тѣмъ двумъ ученикамъ, что они не привели тебя къ нему.

— Какъ? Меня привести къ нему? Это онъ долженъ былъ сойти ко мнѣ! Ты очень неосмотрителенъ въ рѣчахъ!

— И учитель тоже сказалъ, что онъ пойдетъ къ тебѣ.

— Вотъ видишь, я тебѣ справедливо сдѣлалъ выговоръ.

— Онъ хочетъ наставить тебя.

— Глупецъ! Не могъ онъ этого сказать, если достаточно разуменъ.

— Онъ такъ сказалъ, господинъ! Каждый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ и знатенъ, услышитъ его наставленіе, и синедріонъ также.

— Что? Какое наставленіе?

— Дивны бываютъ его наставленія.

Іоилъ схватилъ поводъ и пріостановилъ осла. Изумленіе его было такъ велико, что онъ не могъ говорить. Онъ никогда не слыхивалъ подобной дерзости. Но вокругъ него была лѣсная чаща, мракъ и время отъ времени раздавались голоса хищныхъ птицъ, поэтому онъ ничего не сказалъ, только съежился на хребтѣ осла и воздержался отъ всякаго разговора.

Вдругъ оселъ споткнулся разъ, другой. Погонщикъ остановилъ его и проговорилъ:

— Сойди, господинъ, съ осла.

Іоиль не слыхалъ. Тогда погонщикъ повторилъ еще разъ:

— Слѣзь, господинъ, и иди за мной пѣшкомъ, потому что скотина можетъ упасть, и ты ушибешься, если упадешь въ темнотѣ на дорогу.

Іоиль слѣзъ.

— Ступай за мной, господинъ, и держись ближе ко мнѣ. Скотина же пойдетъ за тобой и не останется позади изъ опасенія лѣсного звѣря.

И они отправились пѣшкомъ, подвигаясь по крутой тропинкѣ. Іоиль натыкался на камни и на корни кедровыхъ деревьевъ, исцарапалъ себѣ руки о кусты, запыхался, вспотѣлъ и чувствовалъ себя чрезвычайно несчастнымъ. Онъ проклиналъ въ душѣ эту прогулку къ Іордану съ неисправнымъ слугой: проклиналъ слугу за то, что тотъ, вмѣсто того, чтобы во-время явиться къ нему, слушалъ рѣчи какого-то безумца; проклиналъ и этого безумца, который доставилъ ему столько непріятностей. Онъ не воспользовался купаньемъ, все удовольствіе отъ прогулки пропало у него отъ нахальства пастуха и дерзкихъ рѣчей тѣхъ двухъ людей. А это путешествіе пѣшкомъ по лѣсу было просто несносно и сверхъ всякой мѣры непріятно для человѣка, который привыкъ ходить только по улицамъ столицы, гдѣ всѣ разступались передъ нимъ. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что это онъ, членъ синедріона, который держалъ рѣчи къ народу въ храмѣ и былъ самымъ важнымъ изъ важныхъ, что это онъ плетется теперь чрезъ темный лѣсъ, пѣшкомъ, исцарапанный, покрытый потомъ, положившись на усмотрѣніе ненадежнаго слуги, который только что въ разговорѣ такъ превозносилъ себя. И онъ, вздыхая, прищелкивая отъ огорченія языкомъ, спотыкался, тихонько бранился, шепталъ проклятья, но шелъ.

Вдругъ проводникъ остановился.

— Не видно бревна черезъ потокъ для перехода. Подожди меня

здѣсь, господинъ, а я пойду вверхъ по рѣчкѣ, и когда найду переходъ, то вернусь за тобой.

Іоиль испугался. У него блеснула мысль, что проводникъ хочетъ ему измѣнить; что онъ хочетъ убѣжать, а на него тѣмъ временемъ нападутъ разбойники, съ которыми слуга его сговорился. Но онъ боялся обнаружить такое подозрѣніе и всталъ молча подъ дерево.

Оселъ двинулся вслѣдъ за проводникомъ, пощипывая зубами листья съ кустовъ.

Проводникъ исчезъ въ темнотѣ и слышно было только, какъ онъ продирался сквозь заросли, но потомъ стало все тихо.

Потъ крупными каплями падалъ со лба Іоиля, онъ дышалъ тяжело и въ вискахъ у него стучало. Страхъ все сильнѣе охватывалъ его и у него начали стучать зубы, какъ въ лихорадкѣ.

Онъ нѣсколько разъ принимался звать проводника, но тотъ не отзывался. Голосъ Іоиля звучалъ въ лѣсу такъ странно, Іоиль пересталъ кричать. Съ каждой минутой ему становилось все страшнѣе въ этомъ одиночествѣ; онъ началъ тогда молиться и шепталъ такія слова:

«Боже, Ты, который вывелъ народъ Твой изъ пустыни, взгляни на лучшаго слугу Твоего и помоги ему...

«На Твоего лучшаго слугу. который не лихоимецъ, и если и клянется, то очень рѣдко...

«Который ни мытарь, ни злодѣй, ни корыстолюбецъ, ни богохульникъ, ни погонщикъ и не принадлежитъ къ черни...

«Который членъ синедріона, поучаетъ народъ, судитъ его и караетъ по предписаніямъ закона Твоего...

«Который долженъ быть Тебѣ пріятенъ, а Ты испытываешь его...

«Который принесетъ Тебѣ жертву на алтарь, а именно—одного голубя... Нѣтъ, Господи, двухъ, трехъ, четырехъ голубей!

«Прикажетъ зарѣзать козла и принести Тебѣ въ жертву.

«Двухъ козлятъ, ягненка... Развѣ этого недостаточно, Господи?

«Овцу и барана, только внемли мнѣ и разгони тьму...

«Господи, вола Тебѣ принесу въ жертву, собственнаго вола, собственнаго, а не выпрошеннаго у людей, изъ собственнаго стада... Господи, больше я не могу!»

Онъ кланялся, молился и просилъ, а страхъ все больше донималъ его дрожью и трепетомъ.

Вдругъ подулъ вѣтеръ и лѣсъ всколыхнулся. Разнесся таинственный зловѣщій шумъ и Іоилю казалось, что въ этомъ шумѣ онъ слышитъ какіе-то крики, шопотъ, звукъ мечей и бряцаніе разнаго оружія разбойниковъ.

Онъ упалъ на колѣни и закрылъ руками лицо.

Вѣтеръ уже пронесся по лѣсной чащѣ и начиналъ шевелить кусты. Одновременно съ этимъ небо затмилось, и Іоиль не видѣлъ даже ствола дерева, передъ которымъ молился.

Его охватилъ ужасъ и онъ думалъ, что настaлъ его послѣдній часъ. Тогда онъ началъ снова молиться, но уже иными словами.

«Господи, червь я въ сравненіи съ Твоей мощью...

«Червь, котораго не только стопа Твоя раздавить можетъ, но можетъ сожрать каждый звѣрь, раздавить каждое упавшее дерево и затопить каждый потокъ и каждый разбойникъ можетъ ткнуть ножомъ и лишить жизни...

«Грѣшникъ я, гордецъ, лгунъ и выставляю себя не такимъ, каковъ я есть...

«Сжигаю жертвы, которыя приноситъ народъ...

«Хвалю себя передъ Тобой въ молитвѣ, а не корю...

«Мытарь честнѣе меня молится...

«Но если Ты Богъ, если Ты Тотъ, Который дѣйствительно существуетъ, то взгляни на меня и помоги...

«Я исправлюсь, Господи... Совершу покаяніе въ храмѣ... всенародно, Господи... Посыплю голову пепломъ и буду провозглашать грѣхи свои...

«Господи, что же я могу еще больше сдѣлать?»

Вѣтеръ все усиливался, крѣпчалъ и рвалъ деревья. Толстыя сучья гнулись и страшно шумѣли.

Страхъ Іоиля все росъ и, наконецъ, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. Имъ овладѣло отчаяніе. Въ эту минуту вверху, надъ его головой захохотала какая-то птица и раздался протяжный ревъ звѣря.

Іоиль началъ съ отчаянія богохульствовать:

«Ты не сжалился надо мной, Господи, и не внялъ молитвѣ моей...

«Ты ли Богъ? Ты ли Господь?

«Оставляешь слугу Твоего въ мрачномъ лѣсу и среди дикихъ звѣрей...

«И правда! Сорокъ лѣтъ водилъ ты по пустынѣ Моисея со всѣмъ народомъ! Сорокъ лѣтъ!

«Какой же Ты Богъ?.. Нѣтъ, Ты не истинный Богъ».

И онъ плевалъ на землю, плевалъ на стволъ дерева, который былъ передъ нимъ, плевалъ на воздухъ, которымъ дышалъ, плевалъ въ небо, за которымъ скрывался Адонай.

Нѣтъ не Адонай, а развѣ сатана!

Вдругъ онъ почувствовалъ чью-то руку на своемъ плечѣ. Онъ вскочилъ съ земли, чтобы обороняться. Но въ темнотѣ обрисовался лобъ осла,—погонщикъ держалъ передъ нимъ за поводъ животное. Іоиль сѣлъ, и они отправились.

Вѣтеръ внезапно утихъ и изъ-за тучъ выплылъ мѣсяцъ. Синеватый свѣтъ облилъ лѣсъ. Сдѣлалось совсѣмъ свѣтло.

Іоиль теперь успокоился и молчалъ. Животное выступало удивительно бодро. Они продирались черезъ чащу кустовъ, и Іоиль услыхалъ шумъ потока. Скоро кустарникъ кончился и показался небольшой

ровъ, на днѣ котораго бурлила вода. Черезъ ровъ было перекинуто бревно, освѣщенное блескомъ мѣсяца. Животное вступило на него увѣреннымъ шагомъ и черезъ минуту было на другой сторонѣ потока. Лѣсъ порѣдѣлъ; они вышли на широкую дорогу. Вскорѣ показались стѣны Іерихона.

Іоиль всю дорогу молчалъ. Въ городѣ всѣ спали. Передъ домомъ богача было пусто; ни одинъ слуга не вышелъ ему навстрѣчу. Онъ быстро слѣзъ со спины осла и вошелъ на крыльцо.

Двери не были заперты. Онъ миновалъ сѣни, вошелъ въ спальню и, быстро сбросивъ съ себя одежду, легъ въ постель.

Онъ отдыхалъ. Кончились всѣ его мученія. Въ одинъ мигъ отъ страшной усталости онъ закрылъ глаза и уснулъ.

Онъ спалъ такъ крѣпко, что ни одно сонное видѣніе не тревожило его умъ.

Пробудился онъ довольно поздно, сѣлъ на постели и началъ размышлять.

Онъ припоминалъ про себя, гдѣ онъ теперь и гдѣ былъ. Прогуливался у Іордана, блудилъ по лѣсу, натерпѣлся великаго страха... И все изъ-за этого мерзкаго проводника. Три раза онъ обѣщалъ его наказать плетями и три раза простилъ его. Но онъ, вѣдь, не простилъ ему еще этого долгаго исканія переправы черезъ потокъ. А это было очень достойно кары, такъ какъ онъ, Іоиль, началъ отъ страха богохульствовать. А кто же былъ виноватъ въ этомъ богохульствѣ, какъ не тотъ негодный слуга? Развѣ не онъ ввелъ его въ искушеніе? Развѣ Іоиль когда-нибудь въ жизни богохульствовалъ?

Никогда еще дерзкое богохульство не сквернило его устъ.

А теперь? Его началъ охватывать гнѣвъ.

Онъ вспоминалъ слово за словомъ, что ему этотъ негодный погонщикъ осмѣливался говорить о томъ учителѣ и о Божіемъ заступничествѣ.

Да, онъ ставилъ себя выше его, Іоиля, члена синедріона!

Нѣтъ, это ослушаніе, дерзость, это преступленіе! Какую кару придумать ему за это?

Онъ хлопнулъ въ ладоши, чтобы позвать слугу, и ждалъ. Никто не являлся. Онъ хлопнулъ другой, третій разъ и, наконецъ, вышелъ самъ въ сѣни. Тамъ онъ наткнулся на одного изъ слугъ; тотъ вытаращилъ глаза...

— Какъ, это ты, господинъ?! А мы тревожились...

— Да, это я, глупецъ, и спалъ всю ночь дома, только вы ничего не знали объ этомъ. Разгоню васъ всѣхъ, выгоню вонъ, прикажу бить плетями...

— Твоя воля, господинъ,—отвѣчалъ поблѣднѣвшій слуга.

— Позови мнѣ сейчасъ же погонщика,—крикнулъ Іоиль.

Слуга не тронулся съ мѣста, вытаращилъ только еще больше глаза на своего хозяина.

*

— Ну поворачивайся же, негодяй!—грянулъ Іоиль и занесъ на него руку.

Слуга повернулся и выбѣжалъ.

Проходила минута за минутой. Іоиль былъ въ нетерпѣніи.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ сѣней во дворъ и увидалъ тутъ посланнаго имъ слугу, переговаривающагося съ другими.

— Гдѣ погонщикъ?—закричалъ имъ Іоиль грознымъ голосомъ.

Слуга, кланяясь ему въ поясъ, пролепеталъ:

— Господинъ мой... его нѣтъ...

— Значитъ, онъ убѣжалъ.

— Господинъ... и осла нѣтъ... Ты, вѣроятно, пѣшкомъ вернулся домой...

Кровь ударила въ голову Іоилю, страшный взглядъ метнулъ онъ на перетрусившаго слугу, какъ вдругъ въ воротахъ показался оселъ и вслѣдъ за нимъ погонщикъ.

Этотъ послѣдній увидавъ своего господина, подбѣжалъ къ нему, упалъ ему въ ноги и началъ умолять:

— Прости меня, господинъ мой, я заблудился въ лѣсу и не могъ тебя отыскать... я звалъ тебя... обѣгалъ весь лѣсъ и, наконецъ, разсудилъ, что ты вернулся домой пѣшкомъ...

Іоиль занесъ кулакъ надъ его головой и крикрулъ:

— Ты лжешь! Ты вернулся со мной ночью!

Погонщикъ вскочилъ на ноги. Онъ былъ страшно блѣденъ и глядѣлъ испуганными глазами. Наконецъ, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и проговорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Нѣтъ, господинъ, это не я... это не я... Это, навѣрное, ученикъ нашего учителя...

Іоиль раскрылъ широко глаза и оглядѣлъ всѣхъ слугъ. Всѣ они сложили руки и начали что-то шептать губами. Погонщикъ же продолжалъ:

— Ты, господинъ, можетъ быть, въ своемъ несчастьѣ просилъ у него помощи? Нѣтъ? Можетъ ты молился... А, можетъ, быть роптал̃ъ? Вотъ онъ тебя и наставилъ.

Іоиль началъ потирать рукой свой лобъ. Онъ посмотрѣлъ на осла, который имѣлъ очень изнуренный видъ, подтянутыя бока и позѣвывалъ; посмотрѣлъ на погонщика, на которомъ ночь и всѣ трудности пути оставили несомнѣнные слѣды; посмотрѣлъ на испуганныхъ слугъ, на домъ, на деревья.

Вдругъ онъ повернулъ къ себѣ въ опочивальню. Тамъ онъ сѣлъ на постель; время отъ времени дотрагивался рукой до своего лба; взглядъ его блуждалъ по стѣнамъ, по потолку, по паркетному полу.

— Что же это?—шепталъ онъ.—Что это такое? Что это?

И онъ просидѣлъ, погруженный въ свои думы, цѣлый день. Напра-

сно слуги входили къ нему узнать, не потребуетъ ли онъ отъ нихъ какихъ-нибудь услугъ.

Іоилъ просидѣлъ такъ на постели до самыхъ сумерекъ и только вечеромъ приказалъ позвать погонщика, замкнулся съ нимъ и очень долго о чемъ-то бесѣдовалъ.

И бесѣда ихъ продолжалась долго—до полуночи, до разсвѣта, до восхода солнца...

Жаворонокъ.

Изъ рисовыхъ полей выпорхнула сѣрая птичка и, чирикая время отъ времени, носилась въ воздухѣ низко надъ землей, то поднимаясь вверхъ, то снова опускаясь. Крылышки ея трепетали, вздымая волны прозрачнаго воздуха. Солнце, переваливъ за полдень, ярко сіяло на небѣ. Лазурный сводъ былъ чистъ, безъ малѣйшей тучки, безъ малѣйшаго туманнаго пятнышка. По долинѣ разносилось благоуханіе. Птичка описала нѣсколько круговъ, умолкла, снова прощебетала и снова умолкла. Ей было еще душно около земли.

Распластавъ крылышкн, нѣкоторое время она парила неподвижно въ воздухѣ; потомъ, вдругъ поднявъ грудь кверху, она быстро унеслась въ небо.

Радостный напѣвъ вырвался изъ ея пернатой груди. Но голосъ ея еще не звучалъ со всей полнотой, а звенѣлъ отрывисто. Она снова повисла неподвижно въ воздухѣ на распростертыхъ крылышкахъ и умолкла.

Кругомъ была тишина; голоса земли исчезали внизу. Вдругъ птичка начала трепетать крыльями и уноситься по прямой линіи вверхъ. Тогда изъ грудя ея вырвалась пѣсня, равной которой нѣтъ ничего въ природѣ.

Пѣсня росла по мѣрѣ того, какъ птичка поднималась надъ землей. Снизу уже не доносилось ни малѣйшаго шума и вверху была только одна чистая лазурь.

Птичка снова простерла крылья, повисла въ воздухѣ и снова замолкла. Солнце горѣло на небѣ, какъ огромное огненное пятно, разливающее блескъ на синеву небеснаго свода и словно растопляя его своимъ жаромъ.

Птичка начала опять бить крылышками въ воздухѣ, взбираясь перпендикулярно вверхъ. Изъ груди ея снова рвались звуки, пѣсня, восторгъ, упоеніе. Она исчезла совсѣмъ изъ виду, и люди слышали только этотъ дивный, прекрасный, таинственный и хватающій за сердце гимнъ, льющійся подъ самыми небесами.

Теперь птичка была на самой высшей точкѣ своего полета. Выставивъ вверхъ грудь, распластавъ крылышки и глядя въ небо, она своимъ звонкимъ голоскомъ воспѣвала всю эту необъятную ширь и

Того, кто создалъ этотъ голубой сводъ, по которому движется солнце, луна и звѣзды. Пѣсня птички звенѣла торжественно, вдохновенно, восторженно; она вся трепетала отъ упоенія. Еще разъ попробовала она подняться выше, чтобы запѣть еще громче и вложить въ пѣсню всю душу свою.

Но на глаза ея вдругъ опустилась какая-то пелена, ей стало трудно дышать; голосъ ея еще звучалъ, какъ замирающій звонъ серебрянаго колокольчика.

Безмѣрная тишина царствовала здѣсь вверху и тамъ внизу. Вдругъ птичка смолкла и начала опускаться къ землѣ. Ее охватила тревога, потому что она увидала, что на краю огненнаго щита солнца появилось какое-то темное пятно.

Птичка затрепетала, забила крылышками и уже не могла удержаться на высотѣ.

Между тѣмъ, въ воздухѣ начали появляться сначала оранжевыя. потомъ голубоватыя, потомъ фіолетовыя полосы.

Птичка еще разъ взглянула на солнце. Черное пятно уже значительно выросло и покрыло собой большую часть свѣтлаго диска, который началъ слегка багровѣть. Испуганный щебетъ вырвался изъ груди птички и она начала падать внизъ, какъ брошенный въ воздухъ камень. Ее обвѣяло вѣтромъ, какъ будто что-то ободрило ее, и она распустивъ крылышки, парила нѣкоторое время въ воздухѣ, описывая круги.

И снова взглянула она на солнце. И опять охватилъ ее страхъ. Она начала дрожать, потому что черное пятно росло, покрывало солнце, и только пламенное, кровавое кольцо трепетало еще вокругъ этого темнаго пятна.

Птичка, совершенно обезсиленная, молча опускалась къ землѣ, полумертвая, покрытая потомъ. И она падала внизъ долго, долго, пока не ударилась о густой слой воздуха: она оперлась на него крылышками и приспособилась летѣть внизъ.

Тогда она обратила взоръ свой къ землѣ и стала смотрѣть внизъ на горы, долины, деревья и потоки.

И глазамъ ея представилось удивительное зрѣлище.

Прямо подъ ней виднѣлась обнаженная гора, на которой толпилось множество людей. Страшный шумъ несся оттуда. Птичка боялась летѣть туда, боялась, что кто-нибудь броситъ въ нее камнемъ или поймаетъ ее. Но вдругъ толпа задвигалась и стала спускаться съ горы. Вскорѣ на горѣ осталось только нѣсколько человѣческихъ фигуръ.

Птичка порхнула еше ниже и стала смотрѣть.

Тогда глазамъ ея представилась слѣдующая картина.

На вершинѣ голой горы были распяты на бѣлѣющихъ столбахъ три человѣческія фигуры. У подножія средняго столба стояло на колѣняхъ нѣсколько женщинъ, двое мужчинъ и стражникъ съ мечомъ.

Всѣ они смотрѣли, не отрывая глазъ, на фигуру, висящую на этомъ крестѣ.

Птичка спустилась еще ниже и смотрѣла.

Человѣкъ, распятый на среднемъ крестѣ, поднялъ лицо вверхъ. Лицо его было блѣдно и покрыто блестящими каплями пота и крови, которыя стекали по глазамъ; посинѣвшія губы растрескались; на лбу виднѣлся терновый вѣнецъ, иглы котораго впились глубоко, образовавъ кровавыя раны на головѣ мученика. Съ лица этого былъ устремленъ на небо такой раздирающій душу взглядъ, что птичка затрепетала и начала спускаться внизъ.

Она вилась уже совсѣмъ близко надъ головой страдальца. Она чувствовала страхъ, боль, жалость; сердце ея билось изо всѣхъ силъ. Увидавъ мечъ въ рукѣ стражника, она хотѣла уже упорхнуть прочь, какъ въ эту минуту взглядъ ея снова упалъ на страшно измученное лицо. Она начала жалобно чиликать, затрепетала крылышками и повисла надъ головой, исколотой терновыми иглами; коснувшись грудью чела, залитаго кровью, она начала вырывать шипы, выклевывать иглы, бросая ихъ на землю, и съ послѣдней колючкой въ когтяхъ поднялась она къ небу, испуская жалобные крики.

Въ эту минуту черное пятно начало сходить съ солнечнаго диска, и въ воздухѣ снова сдѣлалось свѣтло.

Птичка вспорхнула вверхъ, поднимаясь все выше и выше. Она уже не смотрѣла больше на землю; ударяя крылышками о волны воздуха, она обращалась теперь къ небесамъ съ какою-то жалобой и негодованіемъ, съ какою-то неутолимою печалью, неся имъ вѣсть о томъ, что дѣлалось на землѣ.

Пѣсня птички росла и раздавалась все выше. Она сама уже исчезла изъ глазъ, но голосъ ея звучалъ такъ дивно, что несмотря на отдаленность люди съ удивленіемъ поднимали вверхъ глаза и даже, когда птичка совсѣмъ исчезла изъ вида, все еще смотрѣли, слушали и дивились.

Птичка уносилась все выше и выше, держа въ когтяхъ послѣднюю иглу изъ терноваго вѣнца и изливая въ пѣснѣ свою печаль.

И между людьми разошлась легенда, что птичка эта, поднявшись съ терновой вѣткой высоко въ небо, уже никогда не вернулась на землю.

Быть можетъ мы послѣдніе пѣвцы
Унылаго томленья,—
Судьба плететъ зеленые вѣнцы
Любви и возрожденья.
Какъ долгіе затворники темницъ,
Вы, пьяные отъ свѣта,
Услышите напѣвы новыхъ птицъ...
А наша скорбь допѣта.
Въ лучахъ зари померкнемъ и замремъ
Оборванною пѣсней...
И будетъ звукъ, пронизанный лучемъ,
Волшебнѣй и чудеснѣй.
Но радостно внимая красотѣ,
Вы, дѣти жизни чистой—
Поймите насъ, рожденныхъ въ темнотѣ,
Избравшихъ путь кремнистый!
Намъ грезились и солнце, и цвѣты,
И если мы стонали,—
Спросите ночь, губившую мечты,—
Ночь рабства и печали!

Дмитрій Ц.

ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА.

(1805—1905 гг.).

I.

9-го мая Германія торжественно чествуетъ память скончавшагося сто лѣтъ тому назадъ одного изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ сыновъ своихъ, Іоганна-Фридриха Шиллера.

«Исторія литературы,—читаемъ мы въ предисловіи къ послѣднему изданію сочиненій Шиллера на русскомъ языкѣ,—знаетъ нѣсколько поэтовъ болѣе геніальныхъ, всеобъемлющихъ и сильныхъ, чѣмъ Шиллеръ, но едва ли можетъ назвать она поэта болѣе симпатичнаго длинному ряду поколѣній. Шиллеръ, какъ человѣкъ, имѣлъ свои значительныя слабости и не подавлялъ современниковъ ни огнемъ пророческой вѣры, какъ Дантъ, ни необыкновенной широтой своего житейскаго опыта и ума, какъ Шекспиръ, ни всесторонностью гуманнаго развитія и сознаніемъ своей духовной силы, какъ Гёте, ни героической гордостью, какъ Байронъ, ни полнотою жизненной энергіи, какъ нашъ Пушкинъ... А все таки онъ самый симпатичный поэтъ и для нѣмцевъ и для не-нѣмцевъ» *)... Да, и для не-нѣмцевъ,—и для насъ, русскихъ, у которыхъ Шиллеру болѣе, чѣмъ какому бы то ни было иному иностранному поэту, посчастливилось и на даровитыхъ переводчиковъ, и на чуткихъ истолкователей. Начиная съ Жуковскаго, его переводили и переводятъ у насъ, стараясь какъ можно точнѣе передать всѣ тонкости его благороднаго, проникнутаго искреннимъ пафосомъ стиля; начиная съ Бѣлинскаго, русская критика добросовѣстно старалась уяснить читателю значеніе и роль этого космополитическаго художника.

Правда, на первыхъ порахъ переходъ Шиллера на русскую почву совершился при не совсѣмъ благопріятныхъ для него условіяхъ. Подъ перомъ перваго русскаго переводчика онъ появился у насъ въ такомъ несомнѣнномъ облаченіи романтизма, въ какомъ у себя на родинѣ онъ никогда и никому не

*) А. Кирпичниковъ. „Шиллеръ и его произведенія“, стр. LXVII въ I томѣ „Собранія сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей“. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901 г.

показывался. Въ истолкованіи перваго русскаго критика онъ былъ показанъ намъ не только не въ настоящемъ блескѣ своего художественнаго генія, но даже просто въ копоти «фейерверочнаго огня: *много шуму и треску, и мало толку»*, какъ зло характеризовалъ Бѣлинскій драму Шиллера «Коварство и любовь» за то, что ея «огонь вытекъ не изъ творческаго одушевленія объективнымъ созерцаніемъ жизни, а изъ ратованія противъ дѣйствительности». Но такъ случилось только на первыхъ порахъ. И нѣсколько лѣтъ спустя нашъ «неистовый Виссаріонъ», навсегда распростившись со своимъ увлеченіемъ правымъ гегеліанствомъ, отдаетъ Шиллеру всю кипучую страстность своего расположенія. «Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью!—пишетъ онъ Боткину въ 1840 г.— Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества!..»

Съ этой поры художественная дѣятельность Шиллера освѣщается для русскаго читателя и въ критикѣ, а подъ ея вліяніемъ и въ переводахъ съ несравненно большею полнотою, и личность поэта, освобожденная отъ навязанныхъ ей средневѣковыхъ одеждъ, обрисовывается для русскаго читателя во всемъ обаяніи ея идеалистическихъ свойствъ и оппозиціонныхъ настроеній.

Человѣкъ съ широкими разносторонними интересами и съ дѣятельной, хотя и осторожной обобщающей мыслью, Шиллеръ не создалъ своей школы, но и не примкнулъ къ чужой. У насъ очень охотно надѣляли его эпитетомъ романтика, въ то время какъ сами романтики не только не признавали въ немъ своего родоначальника, но даже заклеймили его презрительной кличкой филистера, кличкой, которую, впрочемъ, они съ расточительной щедростью раздавали направо и налѣво всѣмъ, несогласно съ ними мыслящимъ. Романтики сами считали себя чуть что не учениками Гёте, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Шиллеръ стоялъ къ нимъ несравненно ближе. Онъ гораздо острѣе чѣмъ Гёте, воспринималъ и гораздо ярче выражалъ то общее всѣмъ нѣмецкимъ романтикамъ настроеніе, которое тревожно останавливалось передъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ между безусловнымъ и условнымъ, между широтою идеала, съ одной стороны, и мѣщанской мелочностью дѣйствительности—съ другой. Онъ болѣзненно переживалъ это настроеніе, потому что—какъ самъ онъ формулировалъ—онъ, въ противоположность «наивному» объективизму Гёте, былъ «сантименталенъ», всегда и вездѣ въ своемъ творчествѣ противополагая себя природѣ и нигдѣ не сливаясь съ нею. Но здѣсь же, въ этой остротѣ настроенія, гдѣ заключается его близость къ романтикамъ, начинается и разладъ съ ними, отнимающій всякую возможность какихъ бы то ни было соглашеній. Въ то время какъ романтики единственное спасеніе отъ мучившаго ихъ разлада между идеаломъ и жизнью находили въ ироніи, «трансцендентальной насмѣшкѣ», по выраженію Фр. Шлегеля, которая проникала все философское и поэтическое міросозерцаніе школы, Шиллеръ стремится преодолѣть это противорѣчіе путемъ напряженной и непрерывной работы надъ выработкой положительнаго идеала. Въ этомъ смыслѣ онъ стоялъ не только внѣ романтизма, но и надъ нимъ, объединяя въ своемъ міросозерцаніи реалистическое и идеали-

стическое мышленіе. По справедливому замѣчанію Монтражи *), Шиллеръ признаетъ и то и другое, при условіи, чтобы одно дополняло другое, и утверждаетъ, что лишь взаимодѣйствіе двухъ геніевъ въ состояніи всецѣло отвѣчать разумному пониманію человѣчества. Противъ идеализма, противъ его исключительнаго и абсолютнаго господства въ философіи, Шиллеръ вполнѣ опредѣленно высказывается, напримѣръ, въ «Человѣческомъ знаніи», гдѣ онъ вышучиваетъ мечтателей, читающихъ въ книгѣ природы лишь то, что сами же они и вписали въ нее **). Но, вооружаясь противъ идеализма, когда онъ претендуетъ на безраздѣльное господство, Шиллеръ въ то же время беретъ его подъ свою защиту противъ эмпиризма, когда послѣдній, въ свою очередь, выступаетъ ужъ съ очень непомѣрными претензіями Вотъ что говоритъ онъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Умъ и Мудрость»:

„Хочешь-ли ты переплыть далекое мудрости море?
На посмѣяніе ума смѣло себя обреки:
Онъ, близорукій, лишь берегъ, тобою оставленный видитъ;
Онъ же не видитъ того, гдѣ тебя встрѣтитъ успѣхъ".

Вообще, тотъ, кто хочетъ говорить о Шиллерѣ долженъ говорить именно о немъ, а никакъ не о школѣ или системѣ. При ихъ помощи легко, быть можетъ, разобраться въ свойствахъ и качествахъ дюжиннаго дарованія, но онѣ неизбѣжно выведутъ на ложный путь при оцѣнкѣ крупнаго самостоятельнаго таланта, сильнаго своими индивидуальными особенностями.

Творецъ «Орлеанской Дѣвы», этой поистинѣ романтической драмы, Шиллеръ лишь одной стороной своего генія примыкалъ къ возникавшему въ то время въ Германіи романтическому направленію въ искусствѣ. И если все-таки его вліяніе на эту школу было значительно, если въ извѣстной степени его можно поставить во главу угла романтической школы, то, съ другой стороны, съ неменьшей долей справедливости его можно назвать и послѣднимъ эпигономъ античнаго искусства. Потому что увлеченіе его этимъ послѣднимъ было глубоко и искренно, потому что оно сказалось не только въ неудачной попыткѣ пересадить классическую драму на нѣмецкую почву, не только въ «Мессинской Невѣстѣ», не только даже въ его извѣстныхъ балладахъ на античныя темы, каковы «Ивиковы Журавли» и «Кольцо Поликрата», но и на содержаніи и построеніи многихъ произведеній послѣдняго періода его жизни. «Безъ Гомера и Софокла,—говоритъ Циглеръ,—были бы невозможны и немыслимы даже такія произведенія, какъ «Валленштейнъ» и «Вильгельмъ Телль», въ ихъ классической простотѣ и типичной пластикѣ, съ ихъ идейнымъ богатствомъ и трагической силой» ***).

---

*) Fr. Montragis. „L'esthetique de Schiller". P. 1890 г.

**) „Какъ! потому что читаешь въ ней то, что самъ произвольно
Въ ней написалъ, что ты свелъ въ группы явленья ея,
Нити свои протянулъ въ ея необъятномъ пространствѣ,
Думаешь ты, что твой умъ жалкій природу постигъ?"

***) „Die geistigen u. socialen Strömungen des XIX Jahrhunderts" von Th Ziegler. B. 1901. S. 25.

*

Пѣвецъ свободы, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ вынашивалъ въ сердцѣ своемъ ненависть къ тираніи и презрѣніе къ холопству. Эти чувства зародились въ немъ еще въ той іезуитско-казарменнаго типа школѣ, «военномъ питомникѣ», гдѣ маленькій виртембергскій властелинъ герцогъ Карлъ производилъ свои жестокіе педагогическіе опыты. Строгая военная дисциплина, какъ и весь казарменный режимъ герцогской школы не только не убили, но даже укрѣпили къ борьбѣ свободолюбивую душу мальчика. И на школьной скамьѣ, окруженный шпіонами и палачами, онъ задумываетъ и пишетъ книгу, которая, какъ онъ увѣрялъ своихъ товарищей, непремѣнно должна быть, подобно «Эмилю» Руссо, сожжена рукой палача. Книгой этой были «Разбойники»—драма, отъ первой и до послѣдней буквы проникнутая бурнымъ революціоннымъ настроеніемъ. Сожжена драма не была. Но такъ какъ герцогъ призналъ ее все же «лишенной вкуса», а вмѣстѣ съ тѣмъ и преступной, то автору драмы грозило нѣчто еще болѣе жестокое, а именно судьба другого даровитаго поэта, Шубарта, замученнаго Карломъ Виртембергскимъ въ заточеніи, если бы юный «полковой фельдшеръ» не сбѣжалъ предусмотрительно за предѣлы родного герцогства.

Напечатанная въ 1781 г., драма дорого обошлась ея автору, лишившемуся родины и осужденному на долгую скитальческую жизнь, но успѣхъ ея былъ громадный, и не въ одной только Германіи. Заграницей она больше всего по вкусу пришлась французамъ, къ революціонному настроенію которыхъ она особенно подходила. Французы переводили и передѣлывали драму, а въ 1792 г. они преподнесли ея автору почетный дипломъ на званіе гражданина французской республики. Порывъ былъ добрый и искренній, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе свойственной этому народу стремительности, дѣло не обошлось безъ недоразумѣній. Во-первыхъ, благодарные республиканцы нѣсколько ошиблись адресомъ, предназначивъ дипломъ «à Monsieur Gille (sic!) publiciste allemand», а во-вторыхъ—и это гораздо важнѣе—срокомъ. Къ этому времени революціонный пылъ Шиллера въ значительной степени остылъ, а казнь Людовика XVI-го представлялась ему такимъ жестокимъ попраніемъ принципа человѣчности, что дипломъ былъ рѣшительнымъ образомъ отвергнутъ. Этотъ случай, въ связи съ нѣкоторыми письмами и произведеніями поэта, даетъ поводъ нѣкоторымъ критикамъ отмѣчать коренное будто бы измѣненіе взглядовъ Шиллера къ этому времени на свободу человѣческой личности. Обыкновенно указываютъ при этомъ на «Пѣсню о колоколѣ»:

„Гдѣ буйныхъ силъ кипитъ возстанье,
Тамъ гибнетъ каждое созданье;
Гдѣ самовольствуетъ народъ,
Тамъ время бѣдствій настаетъ“ и т. д.

Мнѣніе о перерожденіи Шиллера изъ революціонера въ буржуазнаго филистера представляется намъ не только невѣрнымъ по существу, но прямо уродливымъ по своему полному несоотвѣтствію съ настоящимъ образомъ этой цѣльной и вѣрной себѣ натуры.

Дебютируя «Разбойниками», давшими ему почетное званіе гражданина французской республики, Шиллеръ заканчиваетъ, свою дѣятельность драматурга

послѣдней до конца доведенной пьесой «Вильгельмъ Телль». И эта лебединая пѣснь поэта, какъ и первое его твореніе, снова порождаетъ благодарный откликъ, прежде всего въ сердцахъ республиканцевъ, на этотъ разъ швейцарскихъ. Они пишутъ ему новый почетный дипломъ, дипломъ, который нельзя отвергнуть подобно французскому, потому что написанъ онъ—«Dem Sänger Tell's»—на дикой пирамидальной скалѣ, красиво подымающейся изъ зеленыхъ водъ Фирвальштедтскаго озера.

Уже эта почти однородная оцѣнка, вызванная почти однородными политическими настроеніями, въ достаточной степени указываетъ на постоянство основного настроенія и въ самомъ авторѣ.

Говорятъ, что «Вильгельмъ Телль» значительно уступаетъ «Разбойникамъ» въ силѣ вложеннаго въ нихъ боевого энтузіазма. И это утвержденіе мы считаемъ совершенно безспорнымъ. Въ такомъ смыслѣ разница между первой и послѣдней пьесой должна быть признана. Она есть, она чувствуется, но объяснить ее можно и не прибѣгая къ обвиненіямъ автора въ измѣнѣ. Въ первой своей драмѣ авторъ имѣлъ цѣлью обнаружить свои личныя настроенія, и при томъ настроенія бурной поры своей юности, въ послѣдней онъ имѣлъ дѣло съ вполнѣ опредѣленнымъ историческимъ сюжетомъ, или, вѣрнѣе, съ легендой, въ которой народъ воплотилъ свои политическіе идеалы. И если, такимъ образомъ, самъ матеріалъ ограничивалъ на этотъ разъ поэта въ выраженіи энтузіазма, то въ недостаткѣ вдохновеннаго паѳоса, того паѳоса, которымъ проникнуты были рѣчи Карла Моора въ «Разбойникахъ», маркиза Позы въ «Донъ-Карлосѣ», нельзя упрекнуть и послѣднюю драму, гдѣ отголоски названныхъ рѣчей ясно чувствуются въ страстныхъ словахъ Штауффахера:

„Нѣтъ, есть граница и тирановъ силѣ!
. . . .
Вернется первобытная пора,
Пора борьбы людей между собою.
Когда ничто помочь ему не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ.
Свое добро должны мы защищать;
Мы возстаемъ за милую отчизну,
Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей“.

Наконецъ, свободолюбіе, которое Шиллеръ сохранилъ неизмѣннымъ до гроба, онъ перенесъ лишь, вмѣстѣ съ неостывающимъ энтузіазмомъ, изъ политической въ другія сферы. И если г. Брауну сохраненіе за Шиллеромъ веймарской эпохи эпитета «пѣвца свободы» представляется «страннымъ и непонятнымъ недоразумѣніемъ», то для насъ никакого «недоразумѣнія», ни страннаго, ни непонятнаго, здѣсь нѣтъ. Г. Браунъ доказываетъ отсутствіе свободолюбія у Шиллера въ этотъ періодъ охлажденіемъ его къ политическимъ вопросамъ и злобамъ дня. «Кто хоть разъ,—говоритъ онъ,—внимательно вчитывался въ переписку Шиллера за это время, тому, конечно, бросилось въ глаза полное равнодушіе писателя къ тѣмъ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ, которыми онъ нѣкогда такъ страстно увлекался, равнодушіе поразительное въ писателѣ—современникъ французской революціи и Наполеона. Ни одобренія,

ни протеста мы въ его письмахъ не найдемъ. Одинъ только фактъ—судъ надъ Людовикомъ XVI—глубоко возмутилъ его и онъ собирался даже написать трактатъ въ защиту несчастнаго короля. Но на выполненіе этого намѣренія у него не хватило ни интереса, ни энергіи. Глубокое впечатлѣніе произвела на него и вѣсть о казни короля; съ этого момента онъ не въ состояніи былъ читать французскія газеты: такъ опротивѣли ему «эти низкіе палачи» (diese elenden Schinderknechte). Но, помимо того, борьба интересовъ, происходившая внѣ стѣнъ его рабочаго кабинета, событія дня, кризисъ, который переживало тогда европейское общество и, въ частности, Германія, не внушаютъ ему ни малѣйшаго участія. Онъ весь ушелъ въ свою литературную работу, поглощавшую всѣ силы его организма, уже боровшагося со смертельнымъ недугомъ» *).

Факты, отмѣчаемые почтеннымъ профессоромъ, конечно, безспорны. Но въ томъ единственномъ мотивѣ къ снисхожденію, какимъ обвинитель его считаетъ борьбу со смертельнымъ недугомъ, Шиллеръ не нуждается. Да, къ вопросамъ политической жизни онъ охладѣлъ, но охладѣлъ не потому, что свободолюбіе его подвергнуто было въ Веймарѣ сильному искушенію, а потому, что политическія панацеи утратили въ его глазахъ свое прежнее обаяніе. Весь неугасающій пылъ своего оппозиціоннаго настроенія онъ цѣликомъ перенесъ въ область, дѣятельности въ которой онъ отдалъ свою жизнь и свой геній,—въ искусство, въ которомъ одномъ человѣкъ, по его убѣжденію, празднуетъ свою свободу. Всякій воленъ соглашаться или не соглашаться съ Шиллеромъ въ этомъ вопросѣ, можно ставить ему въ упрекъ неумѣніе согласовать свое отношеніе къ задачамъ искусства и политики, но отнять отъ Шиллера слившійся съ его именемъ эпитетъ «пѣвца свободы» никто не въ правѣ, если бы даже оцѣнкѣ подлежалъ одинъ лишь веймарскій періодъ его литературной дѣятельности.

Мы сейчасъ перейдемъ къ оцѣнкѣ эстетическихъ воззрѣній Шиллера, но прежде раскроемъ значеніе еще одного эпитета, неизмѣнно связываемаго съ именемъ поэта.

Шиллера съ полною справедливостью называютъ индивидуалистомъ. Но, во всякомъ случаѣ, это не былъ индивидуалистъ того «чистаго» типа, какимъ былъ, напримѣръ, Гёте, который всегда и вездѣ, какъ характеризуетъ его Мейеръ **), сохранялъ презрительное отношеніе къ массамъ (immer aber und überall blieb Goethe der grosse Verächter der Menge), который изображалъ только самого себя и свое личное отношеніе къ событіямъ и людямъ. Часто, замѣчаетъ Мейеръ, это изображеніе было типичнымъ, а иногда онъ и самъ являлся типомъ своей эпохи. Въ «Вертерѣ», въ «Фаустѣ» онъ дѣйствительно выразилъ настроеніе тысячъ, но это все-таки были тысячи отдѣльныхъ индивидуумовъ, тогда какъ голосъ массъ оставался для него недоступнымъ.

---

*) Ѳ. Браунъ. См. Предисловіе къ „Вильгельму Теллю“ въ „Собраніи соч. Шиллера“, т. III, стр. 69.

*) „Die deutsche Literatur des XIX Jahrhunderts“. B. 1900.

«Пѣвецъ «Вильгельма Телля» понималъ этотъ голосъ. Требованіямъ большихъ общественныхъ группъ, идеямъ, которымъ по преимуществу усваивается названіе «идей времени», онъ предоставлялъ звучный инструментъ своей музы. Разумѣется, маркизъ Поза говоритъ языкомъ, какимъ при дворѣ Филиппа никто не могъ и дерзать говорить, но его устами высказывается цѣлое поколѣніе. Дать выраженіе живущимъ партіямъ, ярко и звучно формулировать то, что неясно еще чувствуется въ воздухѣ, такова роль, которую со временъ Лютера впервые въ Германіи взялъ на себя Шиллеръ. Наполнить поэзію страстями всего народа—вотъ чему училъ Шиллеръ и отъ чего нѣмцы со временъ реформаціи успѣли отвыкнуть. Даже его философская поэзія вовсе не была простымъ переложеніемъ въ стихи ученыхъ мнѣній—она являлась индивидуальнымъ выраженіемъ этическихъ и эстетическихъ потребностей партіи, времени, народа» *).

Эта характерная для Шиллера чуткость въ пониманіи настроенія массъ реализировалась въ его художественномъ творчествѣ въ удивительно тонкой композиціи сценъ, гдѣ выступаютъ и дѣйствуютъ массы. Не довольствуясь этимъ, онъ даже сдѣлалъ опытъ введенія античныхъ хоровъ въ современную драму и посвятилъ этому вопросу особый трактатъ. Ему нужна была на сценѣ «чувственно могущественная масса, которая поражала бы чувства своимъ наполняющимъ присутствіемъ, чтобы обнимать все прошедшее и будущее, отдаленные времена и народы, и, вообще, все человѣчество, чтобы извлекать великіе итоги жизни и высказывать правила мудрости» **).

Осуществить въ полной мѣрѣ эту свою мечту ему не удалось, но до извѣстной степени онъ подходилъ къ ея реализаціи почти во всѣхъ своихъ драмахъ, предоставляя массамъ, толпѣ, значительную роль въ нихъ. Такъ, даже въ юношеской драмѣ Шиллера живая, разнохарактерная толпа разбойниковъ, среди которой легко разсмотрѣть цѣлую лѣстницу умно задуманныхъ характеровъ, начиная отъ низкопробнаго мошенника Шпигельберга или несамостоятельнаго, инертнаго Шварца, не менѣе способствуютъ выясненію основной темы драмы, чѣмъ герои ея Карлъ и Францъ Мооры. Въ знаменитой валленштейновской трилогіи вся ея первая часть—«Лагерь Валленштейна»—такъ-таки прямо, цѣликомъ, и посвящена «хору», пестрому сброду, собранному съ разныхъ концовъ на службу подъ знамена фридландскаго герцога. По словамъ лицъ, видѣвшихъ эту единственную въ своемъ родѣ пьесу въ исполненіи знаменитыхъ ансамблемъ мейнингенцевъ, сцена съ перваго же момента захватывала зрителя, воскрешая передъ нимъ бурную, полную кипучаго и яркаго разнообразія жизнь цѣлой эпохи. Въ космополитическомъ хаосѣ военнаго лагеря, гдѣ, казалось, все объединено и нивелировано одной могучей, повелѣвающей его судьбами волей, вы постепенно начинаете различать отдѣльные голоса, индивидуализирующіе отношеніе къ событіямъ представителей разнообразныхъ народностей и общественныхъ группъ. Добродушный пищальникъ изъ отряда

*) Ibid., S. 5.
**) „Объ употребленіи хора въ трагедіи“.

Тифенбаха, насильно оторванный отъ мирныхъ занятій, видитъ досадную кутерьму там, гдѣ передъ привычнымъ къ боевой жизни паппенгейскимъ кирасиромъ встаютъ красивыя картины героическихъ подвиговъ, и т. д., и т. д. Хаосъ проясняется, и вы попадаете въ водоворотъ настоящей жизни, только очищенной художникомъ отъ ея случайныхъ элементовъ. Если мы вспомнимъ знаменитую сцену ночного совѣщанія на Рютли въ «Вильгельмѣ Теллѣ» или засѣданіе польскаго сейма въ «Дмитріѣ Самозванцѣ», то удивительное богатство натуры Шиллера, съумѣвшаго вмѣстѣ съ яркимъ индивидуализмомъ сочетать тонкую способность проникновенія въ психологію массъ и эпохъ, не будетъ нуждаться въ иныхъ поясненіяхъ и иллюстраціяхъ.

Мы подошли къ эстетическимъ трактатамъ Шиллера, которые Лоце по справедливости считаетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній нѣмецкой литературы за все время ея существованія.

Къ сожалѣнію, это «лучшее украшеніе нѣмецкой литературы» къ русской литературѣ совершенно не привилось. Ненормально сложившіяся формы нашей общественной жизни, въ которой оппозиціонная политическая мысль должна была пробивать себѣ самые несоотвѣтственные пути, вплоть до художественной критики, поэзіи и даже живописи, мало способствовали проникновенію къ намъ основной идеи Шиллера о самостоятельномъ значеніи искусства. Мы такъ освоились съ тѣмъ, что, за отсутствіемъ обычныхъ въ Европѣ средствъ политической и соціальной пропаганды, этой цѣли у насъ служатъ наименѣе заподозрѣнныя, а потому и наименѣе преслѣдуемыя отрасли литературной и художественной дѣятельности, что потеряли способность цѣнить искусство внѣ этой, навязанной ему служебной роли. Даже Шиллера, этого вдохновеннаго проповѣдника абсолютной свободы искусства, мы поняли и истолковали настолько «по своему», что его эстетическія воззрѣнія были представлены русскому читателю вывернутыми на изнанку. И въ этомъ невѣрномъ «перелицованномъ» видѣ рисовали намъ Шиллера не какіе-нибудь NN, имена которыхъ вмѣстѣ съ ихъ словесными упражненіями попадаютъ по отпечатаніи въ Лету, но даже такіе видные и авторитетные литературные критики, какимъ былъ, напримѣръ, покойный Н. К. Михайловскій. Вотъ въ какомъ видѣ представилъ Шиллера Михайловскій своей многочисленной аудиторіи.

«Главное—онъ (Шиллеръ) вѣчно стремился растворить эстетическое наслажденіе, подчинить его, отдать на службу нравственно-политическимъ цѣлямъ. Это замѣчательно выдающаяся, характернѣйшая черта Шиллера и какъ мыслителя, и какъ поэта, и какъ человѣка. Искусство онъ цѣнилъ чрезвычайно высоко, да и мудрено было бы ему цѣнить его иначе—ему, въ душѣ котораго былъ неисчерпаемый родникъ образовъ и пѣсенъ. Но высоту эту онъ полагалъ именно въ служебной роли искусства» *).

И это не случайная оговорка. Михайловскій, на нѣсколькихъ страницахъ дальше обстоятельно развивая свое истолкованіе поэта, не разъ затѣмъ повторяетъ и подчеркиваетъ приписываемую имъ Шиллеру мысль о служебной роли искусства.

---

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“. Спб. 1897 г., т. III, стр. 715.

А между тѣмъ, если до знакомства съ Кантомъ и нѣкоторое время спустя, въ періодъ изученія сочиненій кёнигсбергскаго отшельника, Шиллеръ и признаетъ подчиненную по отношенію *къ морали* (и только къ морали) роль искусства, то всѣ его послѣдующіе самостоятельные труды по вопросамъ эстетики, начиная съ трактата «Ueber Anmuth und Würde», какъ разъ именно сводятся къ защитѣ независимости искусства, къ утвержденію попранныхъ правъ чувственной природы человѣка, къ провозглашенію высшимъ закономъ человѣческаго существованія эстетическаго вмѣсто моральнаго принципа. Шиллеръ пытался обойти суровую монашескую мораль Канта указаніемъ на самостоятельную творческую способность человѣка. Эта способность должна провести все человѣчество изъ царства необходимости мимо царства долженствованія, гдѣ деспотически властвуетъ разумъ, въ міръ свободы, гдѣ ни одна сторона человѣческой природы не подавляется въ ущербъ другой, гдѣ человѣкъ можетъ развернуть всю полноту, все богатство своихъ освобожденныхъ силъ.

Теперь, когда русскій читатель получилъ въ изданіи Брокгауза-Ефрона возможность ознакомиться со всѣми эстетическими трактатами Шиллера въ безукоризненныхъ переводахъ, снабженныхъ къ тому же обстоятельной объяснительной статьей г. Э. Радлова *), намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь, на этихъ страницахъ, его эстетическую теорію. Къ тому же, на нашъ взглядъ, эта задача была бы въ высшей степени неблагодарной. Потому что блестки тонкихъ, вдохновенныхъ замѣчаній объ искуствѣ и красотѣ уложены Шиллеромъ въ довольно-таки неуклюжую въ общемъ систему, надъ которой властно тяготѣлъ авторитетъ Канта даже тамъ, гдѣ Шиллеръ боролся съ нимъ и побѣждалъ его.

Не о системѣ Шиллера, а по поводу нея хотѣлось бы намъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, причемъ мы думаемъ, что эти замѣчанія логически вытекаютъ изъ тѣхъ эстетическихъ положеній Шиллера, въ которыхъ онъ выступалъ наиболѣе самостоятельнымъ, наиболѣе освобожденнымъ отъ постороннихъ вліяній мыслителемъ.

II.

Съ извѣстной точки зрѣнія міръ можно разсматривать, какъ безконечно громадный рядъ появляющихся и исчезающихъ индивидуальностей, изъ которыхъ каждая на протяженіи короткаго, отведеннаго ей, времени стремится во что бы то ни стало реализировать свое право на жизнь. Иногда реализація эта происходитъ успѣшно, иногда индивидуумъ слабѣетъ, чахнетъ и гибнетъ преждевременно, изнемогши въ попыткахъ довести свою убогую жизнь до нормальнаго предѣла. Какія же условія нужны для того, чтобы индивидуумъ жилъ, а не чахъ, чтобы онъ успѣшно довелъ до конца свой жизненный путь?

*) См. „Воззрѣнія Шиллера на нравственность и эстетику", т. IV, стр. 206—217.

Нужны такія условія, въ которыхъ возможно широко можетъ развернуться и обнаружиться вся полнота его естественныхъ силъ. Внѣ этихъ условій самая богатая индивидуальность можетъ оказаться негодной для жизни, и даже чѣмъ богаче, чѣмъ разностороннѣе индивидуальность, тѣмъ гибель для нея, при ототсутствіи такихъ условій, неизбѣжнѣе.

Раскрыть всю полноту, все богатство своихъ индивидуальныхъ силъ,—вотъ основной законъ жизни, съ выполненіемъ или невыполненіемъ котораго совпадаетъ счастье или несчастье организма, и въ ряду живыхъ существъ, населяющихъ міръ, человѣкъ есть единственное существо, добровольно и сознательно уклоняющееся отъ выполненія этого всеобщаго закона; виновникомъ этого должно быть признано общество.

Каковы бы ни были причины возникновенія общества, каковы бы ни были цѣли, которыя преслѣдовали люди, создавая его, общество всегда и вездѣ имѣло одну и ту же тенденцію—подчинить себѣ личность во имя интересовъ цѣлаго. Оно вынуждаетъ личность обуздывать проявленіе своихъ страстей и склонностей; оно урѣзываетъ индивидальныя особенности своихъ членовъ, если эти особенности нельзя свести къ одному групповому знаменателю и утилизировать ихъ для общественной пользы. Личность дробится на мелкіе, ничтожные обломки, и этою цѣною сохраняется цѣлостность общества.

Первобытный человѣкъ, на котораго общественная жизнь не успѣла произвести давленія, слѣдуетъ еще указанному выше закону жизни. Есть просторъ проявить всѣ свои силы—онъ счастливъ; нѣтъ его—онъ несчастенъ. Ему незнакома раздвоенность современнаго человѣка; никакіе принципы, ни идеалы не мѣшаютъ ему жадно искать удовлетворенія своихъ страстей; никакія сомнѣнія не отравляютъ ему счастливыхъ минутъ сладкаго покоя, наступающаго за этимъ удовлетвореніемъ. Но вотъ онъ входитъ въ общество. Чтобы обезпечить порядокъ, чтобы сдѣлать возможною коллективную жизнь и дѣятельность, общество подчиняетъ его разнузданную природу самой суровой дисциплинѣ: того нельзя, другого не смѣй, третьяго не касайся, и за каждымъ нарушеніемъ слѣдуетъ жестокое наказаніе. Рѣжутъ носы и уши, вѣшаютъ, жгутъ, побиваютъ каменьями, но всѣ эти репрессаліи мало могли бы помочь устроенію общества, если бы, съ теченіемъ времени, въ рукахъ послѣдняго не оказалось иного болѣе дѣйствительнаго орудія. «Человѣкъ,—говоритъ Шиллеръ въ «Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка»,—обладаетъ способностью, такъ сказать, вкладывать свою мысль въ творческую дѣятельность природы: дѣло необходимости онъ превращаетъ въ дѣло своего свободнаго выбора, физическую необходимость возвышаетъ до необходимости нравственной». Вотъ благодаря этой-то способности изъ того хаоса правовыхъ и этическихъ положеній, какой представляетъ намъ, напримѣръ, еврейское законодательство Моисея, дифференцировалась отдѣльная вѣтвь—нравственность, и по мѣрѣ того, какъ общество, усложняя свои функціи, все болѣе и болѣе расширяло свои притязанія на индивидуальность эвоихъ членовъ, эти послѣдніе вносили въ свое собственное сознаніе также все болѣе и болѣе широкія требованія самоограниченія.

Между тѣмъ, тотъ страхъ наказанія, который переживала каждая личность, нарушавшая правовое постановленіе, теперь, путемъ воспитанія, пере-

ходитъ въ сознаніе личности въ формѣ тяжелаго, подавляющаго чувства совѣсти, которое дѣлаетъ нравственность едва ли не болѣе сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ личностью, чѣмъ право.

Итакъ, воля общества, дѣйствуя на сознаніе личности, пріобрѣтаетъ формъ нравственнаго закона, такъ сказать, защищеннаго совѣстью. Выражая идеалу самоотреченія, какого только можетъ требовать общество отъ личности, нравственность высшаго своего развитія должна была, конечно, достигнуть тамъ и тогда, гдѣ и когда личность была особенно подавлена обществомъ. Дѣйствительно, если практическій Римъ завѣщалъ намъ съ замѣчательной полнотой разработанные правовые кодексы, если роскошная Эллада завѣщала намъ неувядаемые цвѣтки искуства, то самыя полныя, самыя разработанныя ученія нравственности мы получили изъ Азіи и именно изъ тѣхъ временъ, когда приниженность личности доходила до высшихъ предѣловъ. Евреи, приниженные и подавленные долгимъ египетскимъ рабствомъ, дали замѣчательный кодексъ Моисея, а потомъ, послѣ долгихъ годовъ всякихъ униженій превращенные въ безправную римскую провинцію, завѣщали намъ недосягаемое ученіе Христа. Китайцы, подъ непрерывнымъ игомъ деспотовъ никогда не знавшіе гражданской свободы, подарили намъ глубоко нравственное ученіе Конфуція и, наконецъ, самъ великій Сакья-Муни родился и выросъ на тѣхъ роскошныхъ березахъ Ганга, гдѣ палящее солнце освѣщало, среди, можетъ быть, самой богатой, самой пышной природы, самое униженное, самое безправное существо въ мірѣ. Нравственность, такимъ образомъ, какъ бы спѣшила на помощь подавленной обществомъ личности и говорила ему: «Ты безправенъ, ты униженъ каждое проявленіе твоей самостоятельности, всякую вспышку твоей страсти общество караетъ жестокими законами; сама природа болѣзнями, страданіями и смертью какъ будто хочетъ подавить всѣ твои желанія. Но ты пойди навстрѣчу этимъ суровымъ требованіямъ; откажись добровольно отъ всѣхъ своихъ притязаній на личное счастье; отрекись отъ него навсегда самъ, и ты будешь свободенъ. Тебя общество стѣсняетъ и ограничиваетъ на каждомъ шагу; но ты отдай добровольно всѣ свои помыслы, всѣ свои думы обществу; уступай и жертвуй собой другимъ,—и будешь великъ».

Являясь, такимъ образомъ, отраженіемъ общественной воли въ индивидуальномъ сознаніи, нравственность подчинила ей не только свое содержаніе, но и формы. Подобно тому, какъ старое формальное право, не будучи въ силахъ въ каждомъ данномъ случаѣ принимать во вниманіе особенныя условія даннаго проступка, постановляло въ общей категорической формулѣ: «не воруй, не убивай», точно также и въ сознаніи каждаго отдѣльнаго человѣка мысль о необходимости того или другого поступка раскрывалась въ формѣ категорическаго абсолютнаго предписанія. Разъ нравственное сознаніе предписываетъ: «не лги»—лгать нельзя уже никому и ни подъ какимъ предлогомъ. «Fiat justitia—pereat mundus»—вотъ форма, въ какой оно высказываетъ свои требованія.

Если бы цѣль общества заключалась въ немъ самомъ, то чистымъ, ничѣмъ не задерживаемымъ, развитіемъ нравственности обусловливался бы и прогрессъ его. Съ этой точки зрѣнія, общество, въ которомъ каждая составляющая его

единица стремится слиться и быть поглощенной цѣлымъ, въ которомъ каждый всегда готовъ безъ спора поступиться своими личными интересами въ пользу цѣлаго,—было бы идеальнымъ. И дѣйствительно, были времена, когда такой именно идеалъ общества и представлялся умственному взору лучшихъ людей. Но такія времена прошли. Теперь для насъ аксіома, что общество—только средство; что цѣль его—благо личности, и что поэтому оно тѣмъ лучше, тѣмъ больше приближается къ идеалу, чѣмъ больше даетъ оно каждой личности возможности и простора раскрыть всю полноту, все богатство ея индивидуальныхъ силъ.

При такомъ измѣненіи взгляда на цѣли общества, должно неизбѣжно измѣниться наше отношеніе къ нравственности. Если раньше, когда общество представлялось самодовлѣющею цѣлью, нравственность была лучшимъ средствомъ воспитанія общественной личности, то теперь надо признать, что нравственность, съ ея безусловными требованіями самоограниченія, представляетъ весьма сильный тормазъ соціальному прогрессу. Одно ихъ двухъ: или общество есть самодовлѣющая цѣль, и тогда, въ интересахъ прогресса, надо воспитывать личность на принципахъ нравственности, пріучая ее вездѣ и всегда подавлять свои личныя склонности и желанія, или наоборотъ, цѣль общества есть благо личности, и тогда все, что подавляетъ личность, все, что заставляетъ ее суживать и ограничивать размахъ ея индивидуальныхъ силъ, будетъ вредить прогрессу, отклоняя общество далеко въ сторону отъ его основной задачи.

Но если, такимъ образомъ, мораль оказывается непригоднымъ средствомъ воспитанія, чѣмъ замѣнить ее? Оставить человѣка безъ всякой поддержки, безъ всякаго воспитанія, замѣчаетъ Шиллеръ, нельзя: въ немъ такъ много узко-эгоистическихъ, животныхъ инстинктовъ, что, будучи предоставленъ самому себѣ, онъ скоро разрушилъ бы всякій общественный порядокъ и превратилъ бы его въ разнузданную анархію, въ которой уже совсѣмъ не было бы элементовъ, связующихъ человѣка съ человѣкомъ. Критическая мысль для этой роли непригодна, потому что она только критическая, а не дѣйствующая сила.

«Разумъ—говоритъ Шиллеръ,—совершилъ все, что можетъ совершить, отыскавъ и выставивъ законъ; привести его въ дѣйствіе должна мужественная воля и живое чувство. Чтобы въ борьбѣ съ силами одержать побѣду, истина прежде всего должна стать силой и выставить своимъ представителемъ въ царствѣ явленій *склонность*, потому что склонности суть единственная движущія силы въ царствѣ явленій. Если истина до послѣдняго времени такъ мало обнаружила свою побѣдную силу, то виноватъ въ этомъ не умъ, не сумѣвшій раскрыть ее, а сердце, закрывшееся передъ ней, и склонность, не дѣйствовавшая ради нея. Откуда въ самомъ дѣлѣ эти еще всеобщіе предразсудки и это помраченіе при всемъ томъ свѣтѣ, который выставила философія и опытъ? Вѣкъ просвѣтился,—это значитъ, что найдены и оповѣщены знанія, которыя по меньшей мѣрѣ достаточны для исправленія нашихъ практическихъ принциповъ. Духъ свободнаго изслѣдованія разсѣялъ ложныя понятія, долгое время закрывавшія доступъ къ истинѣ, и подкопалъ фундаментъ, на которомъ воздвигли свои троны фанатизмъ и обманъ,—почему же мы попрежнему остаемся варварами?»

Вотъ когда на смѣну этики, сыгравшей и закончившей свою историческую миссію, выдвигается эстетика.

У насъ, въ Россіи, самая мысль о возможности и законности подобной замѣны должна представляться особенно дикой. Мы всѣ такъ свыклись съ представленіемъ объ искусствѣ, внѣ его служебной роли, какъ о пустой, безсодержательной формѣ; у насъ такъ недавно еще возбуждались вопросы о такъ называемой «тенденціозности» въ искусствѣ и даже о томъ, что выше: сапоги или Шекспиръ, что говорить объ искусствѣ, какъ о дѣятельности, имѣющей свои совершенно опредѣленныя задачи, свое совершенно опредѣленное содержаніе, приходится крайне осторожно.

Вся историческая жизнь русскаго человѣка вела къ тому, чтобы выработать и развить въ немъ нравственныя начала самоотреченія и подавить въ немъ потребности личной жизни, самосознаніе его индивидуальныхъ правъ. Шелгуновъ, перечисляя бѣдствія, постигшія до-петровскую Русь (а мы ужъ умолчимъ о Руси послѣ-петровской), говоритъ (ст. «Народный романтизмъ»): «Слѣдуетъ удивляться не тому, что русская судьба слагалась подъ такимъ страшнымъ гнетомъ, а тому, что наша славянская натура могла выносить столько бѣдствій. Такого мученичества не зналъ ни одинъ народъ Европы, ни одному изъ нихъ цивилизація не досталась такой дорогой цѣной...

«Что могъ,—спрашиваетъ онъ далѣе,—предпринять русскій человѣкъ противъ всѣхъ этихъ бѣдствій, обрушившихся на него съ неотразимостью рока? Его постоянно подавляютъ то усобицы князей, то нашествія половцевъ, печенѣговъ татаръ, литовцевъ, поляковъ, нѣмцевъ, крымскихъ татаръ, морозы, засухи, пожары, неурожай, голодъ и моръ разныхъ видовъ. Стихійно дѣйствуетъ Россія, подчиняясь закону инерціи и развивая свои славянскія основанія. Она защищается отъ насилія извнѣ—насиліемъ внутри, противопоставляетъ идеѣ рабства — идею рабства, идеѣ неравноправности — идею неравноправности, и идеѣ родовой славянской жизни—идею централизаціи, вытекающую изъ идеи власти и родового деспотизма». Послѣ-петровская Русь, какъ мы знаемъ, блистательно развила и осуществила эти идеи стараго времени, отмѣченныя Шелгуновымъ. Абсолютное самовластіе на правящихъ верхахъ, полное безправіе и приниженность всего, что находилось за этими верхами,—вотъ тѣ воспитательные элементы, среди которыхъ выросталъ русскій гражданинъ. Въ 18-мъ столѣтіи, однако, положеніе вещей нѣсколько измѣнилось. Дворцовые перевороты создали въ Россіи въ лицѣ вольнаго шляхетства фактическую силу, и этотъ моментъ, совпавшій съ освободительнымъ теченіемъ въ Западной Европѣ, былъ первымъ серьезнымъ толчкомъ къ тому, чтобы права личности, ея свобода, получили признаніе хотя бы въ умахъ высшихъ слоевъ общества.

Съ этого времени начинается исторія русской литературы, замѣнившая собою исторію поповскихъ проповѣдей и препирательствъ, занимавшихъ доселѣ русскую мысль. На Руси появляются поэты, художники, многіе изъ которыхъ теперь завоевываютъ себѣ славное, прочное имя и далеко за предѣлами нашего отечества. Но тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ русскимъ человѣкомъ впродолженіи столѣтій, который подавлялъ и принижалъ его, подчиняя всѣ его мысли, всѣ его чувства деспотически расправлявшемуся съ нимъ государствен-

ному строю, до послѣдняго времени продолжаетъ роковой тѣнью преслѣдовать его. Рабски молчали приниженные, оплеванные и опозоренные русскіе люди, и тѣ изъ нихъ, которые осмѣливались поднять свою руку противъ этой мертвящей тьмы, писали на своемъ знамени не *свое* право, не *свое* негодованіе, не *свое* счастье. Нѣтъ, поднимая руку на общественные устои, они, эти люди, вѣрные нравственнымъ традиціямъ прошлаго, даже въ борьбѣ съ обществомъ, сохраняютъ тотъ нравственный идеалъ самоотреченія, въ которомъ воспитало ихъ это самое общество. Это были апостолы новаго нравственнаго ученія, но пока еще не личные враги своего противника. Были у насъ яркіе свѣточи и въ области искусства, произведенія которыхъ (повторяемъ слова Вогюэ, сказанныя имъ о Достоевскомъ) «показывали намъ новую вселенную, натуры болѣе могучія, чѣмъ мы въ добрѣ и злѣ, болѣе сильныя въ желаніяхъ и страстяхъ», но и ихъ подстерегалъ роковой призракъ прошлаго. Кого не сразила преждевременно шальная пуля, кто не спился подъ гнетомъ противорѣчій своей собственной мысли, тотъ подвергался страшному риску проклясть всю свою прежнюю дѣятельность, всѣ свои идеалы и склонить выю подъ ярмо своего врага, какъ это сдѣлали Гоголь, Достоевскій, Толстой.

Гр. Л. Толстой, когда въ немъ достаточно ясно опредѣлился переходъ къ этическому міросозерцанію, весьма послѣдовательно сталъ въ отрицательное отношеніе къ своей прежней художественной дѣятельности. Не помню точно его слова, касающіяся этого вопроса, но общій смыслъ ихъ таковъ: исповѣдуя передъ читателями свои вольныя и невольныя прегрѣшенія, онъ огуломъ признаетъ всѣ свои художественныя произведенія безнравственными, достойными всякаго осужденія на томъ основаніи, что они составляютъ апоѳеозъ страсти; что часто даже безусловно порицаемые съ этической точки зрѣнія поступки человѣка являлись въ нихъ облитыми лучами поэзіи и возбуждающими поэтому невольное къ нимъ участіе. Этими словами вполнѣ опредѣляется взаимное отношеніе этики къ эстетикѣ. Съ точки зрѣнія строгой нравственности, искусство всегда было и продолжаетъ быть «бѣсовскимъ навожденіемъ», съ точки зрѣнія эстетики нравственность всегда была и продолжаетъ быть тяжелой обузой, задерживающей и подавляющей прогрессъ и свободу личности.

Что же, однако, кроется подъ общимъ понятіемъ искусства? «Игра нашихъ представительныхъ способностей»—отвѣчаетъ Спенсеръ,—нѣсколько варьируя Шиллера. Очень можетъ быть. Весьма вѣроятно, что и наука есть игра нашихъ мыслительныхъ способностей, но если такое опредѣленіе науки во всякомъ случаѣ будетъ неполно, то также неполно оно и по отношенію къ искусству. По толкованію Лаврова (въ «Опытѣ исторіи мысли»), искусство есть дѣятельность, преслѣдующая красоту формъ, но развѣ понятіе формы можетъ намъ дать сколько-нибудь опредѣленное представленіе объ искусствѣ? Развѣ мы можемъ представить себѣ или мыслить что-нибудь внѣ формъ? Развѣ форма не есть первый основной признакъ всего познаваемаго нами? Или, можетъ быть, точное опредѣленіе искусства состоитъ въ сочетаніи понятія: «форма» и признака «красивый»? Красивая форма. Если мы примемъ такое опредѣленіе, то для насъ должно исчезнуть всякое различіе между Шекспиромъ и сапогами, которые несомнѣнно имѣютъ формы, и формы иногда очень красивыя. Ясно,

что всѣ эти формальныя опредѣленія не могутъ дать намъ живого, яснаго представленія объ искусствѣ, и чтобы понять его, надо попытаться выяснить его содержаніе.

На первыхъ ступеняхъ развитія человѣка искусство всегда связано съ религіей. Религія есть основная, первоначальная форма человѣческаго самосознанія, первое проявленіе работающей мысли человѣка, и потому она содержитъ въ себѣ въ зародышахъ, въ потенціи, всѣ существующіе теперь виды духовной дѣятельности, выдѣлившіеся изъ нея впослѣдствіи путемъ постепенной диференціаціи. Религія и теперь въ значительной степени пользуется искусствомъ, и если искусство не отказываетъ ей въ своихъ услугахъ, то, слѣдовательно, въ ней, въ религіи, есть элементы, сродные искусству. Религія играетъ роль посредника между человѣкомъ и тѣмъ абсолютнымъ существомъ, выше, сильнѣе котораго не можетъ создать себѣ человѣческая фантазія, и въ этой своей роли она въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ своего характера, льститъ самолюбію человѣка, возбуждаетъ его самочувствіе, ставя лицомъ къ лицу съ его богомъ. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ рельефнѣе выдѣляется въ религіи эта ея сторона, тѣмъ охотнѣе искусство предлагаетъ ей свои услуги.

Слѣдя дальше за развитіемъ искусства, мы встрѣчаемся съ нимъ на пиршествахъ и празднествахъ, гдѣ ему въ самыя отдаленныя времена принадлежало почетное мѣсто. И здѣсь самочувствіе личности, оторванной на время отъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, отъ постоянныхъ столкновеній интересовъ личныхъ и общественныхъ, принимало наиболѣе интензивную форму, и искусство въ эти именно моменты онъ звалъ къ себѣ потому, что оно помогало ему еще глубже, еще полнѣе сознавать цѣну жизни и право на нее своей личности. Въ эти моменты отдыха, когда потребность счастья проявляется съ особенной силой, человѣкъ тѣмъ сильнѣе нуждается въ искусствѣ, что наслажденіе, доставляемое имъ, не требуетъ тѣхъ жертвъ, того напряженнаго прилежанія, какимъ покупаются другіе виды удовольствія. Оно одно даетъ намъ наслажденіе, «которое нѣтъ надобности прежде заработать, которое не требуетъ жертвы, не покупается раскаяніемъ» (Шиллеръ. «Основанія удовольствія, ощущаемаго отъ трагическихъ предметовъ»), и потому оно осязательно даетъ намъ почувствовать, что и мы имѣемъ право и можемъ быть счастливыми.

Чтобы найти прочное въ искусствѣ, предлагали (напр., Низаръ и Сенъ-Маркъ Жирарденъ) искать всеобщаго; мы скажемъ — ищите индивидуальнаго. Индивидуальность, ея право, ея свобода, ея прогрессъ, ея счастье—вотъ прямая цѣль искусства, и если вы постараетесь возстановить въ вашей памяти всѣ извѣстныя вамъ крупныя художественныя произведенія, то вы увидите, что всѣ они, къ какой бы эпохѣ и народности ни принадлежали, имѣютъ между собою нѣчто общее. Это общее—апоѳеозъ личности, составляющій ихъ содержаніе. Все подавленное, трусливое, малодушное, пресмыкающееся игнорируется искусствомъ, вслѣдствіе безсилія, которое тамъ проявляется, и наоборотъ «самое дьявольское дѣло» можетъ дать благодарную тему для эстетическаго произведенія, какъ скоро въ немъ, въ этомъ дѣлѣ, обнаружится сила личности. «До какой степени,—говоритъ Шиллеръ («О патетическомъ»),—въ эстетическихъ сужденіяхъ для насъ болѣе важна сила, чѣмъ направленіе силы, и свобода—

болѣе, чѣмъ законосообразность, все это становится яснымъ изъ того, что намъ пріятнѣе видѣть проявленіе силы и свободы насчетъ законосообразности, чѣмъ соблюденіе законосообразности въ ущербъ силѣ и свободѣ. Порочный человѣкъ начинаетъ насъ интересовать, какъ скоро ему приходится рисковать счастьемъ и жизнью для осуществленія своихъ злыхъ цѣлей; напротивъ того, вниманіе наше къ добродѣтельному ослабѣваетъ въ той самой пропорціи, въ какой онъ остается добродѣтельнымъ, благодаря своему благоденствію». Чувственную, жаждущую личнаго счастья, даже довольно невысокой пробы, Анну Каренину можно было окружить блистающимъ ореоломъ поэзіи, потому что эта была сила, открыто бросавшая перчатку обществу съ его нравственными требованіями, но могъ ли Тургеневъ не оставить среди дороги свою героиню—Лизу,—нашедшую примиреніе за могильными стѣнами монастыря? Правда, онъ и тамъ не совсѣмъ оставляетъ ее, и туда, въ монастырь, вводитъ онъ заинтересованнаго читателя, но зачѣмъ?—затѣмъ только, чтобы показать ему, какъ вздрогнули опущенныя рѣсницы глазъ Лизы, когда она проходила мимо Лаврецкаго; чтобы показать намъ послѣдній, замирающій протестъ молодой жизни, погубленной уродливыми требованіями общежитія. Да, монастырь, добродѣтель, тюрьма мало даютъ матеріала для художественныхъ произведеній; они эстетичны лишь постолько, посколько и тамъ можетъ раздаваться крикъ протеста личности противъ общественныхъ нормъ, посколько и тамъ могутъ бушевать страсти, закипать революціонные порывы.

Искусство, какъ говорится, конденсируетъ дѣйствительность; на возможно маломъ пространствѣ, на протяженіи возможно малаго количества времени оно собираетъ и раскрываетъ возможный maximum жизни, движенія и силы. «Такимъ образомъ,—говоритъ Альфредъ Фулье, по крайней мѣрѣ въ искусствѣ будетъ снова дано мѣсто, и большое мѣсто, для индивидуальностей, этихъ различныхъ волненій и отсвѣтовъ великой волны жизни, которая сначала какъ будто уносила ихъ какъ ни попало». Но какимъ же путемъ возможна эта конденсація дѣйствительности? При какихъ условіяхъ возможно собрать въ одномъ фокусѣ ту массу жизни, движенія и силы, какая необходима для такой конденсаціи? Отвѣтъ простой. Наблюдайте моменты борьбы: тамъ вы найдете высшее напряженіе жизненныхъ силъ; входите сами въ толпы сражающихся, и тамъ изъ первыхъ рядовъ берите отважнѣйшаго борца и пишите картину. Пишите смѣло, и пусть не тревожитъ васъ мысль о томъ, что неудачнымъ выборомъ борца вы можете оказать услугу партіи регресса. Этого не случится. Полюбите борца, какъ борца, кто бы онъ ни былъ по своимъ убѣжденіямъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, и вы создатите великое произведеніе. Искусство, служа выраженіемъ протеста личности противъ общественнаго гнета, выраженіемъ права ея на свободу и счастье, имѣетъ вполнѣ опредѣленное содержаніе,—и это содержаніе—человѣческая личность. Высѣкаетъ ли художникъ Венеру въ ея блистающей красотѣ, или горько задумавшагося Мефистофеля, пишетъ ли онъ сіяющую лучами духовной красоты Мадонну, или боярыню Морозову, съ ея искривленнымъ страданіемъ и фанатизмомъ лицомъ, рисуетъ ли онъ намъ сильнаго, мужественнаго Ахиллесса, или разбитаго жизнью пьянаго Мармеладова, вездѣ центромъ его художественной дѣятельности является человѣкъ, то

сильный, то страдающій, то красивый, то изломанный, но всегда имѣющій право на наше вниманіе и участіе потому только, что онъ человѣкъ. Этимъ содержаніемъ искусства опредѣляется и его направленіе: оно индивидуалистично, и революціонно, потому что личность человѣческая порабощена существуюшими формами общества, и сочувствіе къ личности, выраженное въ тѣхъ конденсированныхъ формахъ, какими располагаетъ искусство, должно неизбѣжно вызывать въ насъ чувство живого протеста противъ ея поработителя.

Говорятъ, искусство отживаетъ свое время, и Ренанъ, напримѣръ, категорически заявлялъ о регрессѣ искусства въ наше время, дѣлая единственное исключеніе въ пользу одной лишь музыки.

Въ доказательствахъ регресса искусствъ наиболѣе сильнымъ аргументомъ считается ссылка на скульптуру, которая никогда и нигдѣ уже не могла развиться до той силы, какую она имѣла въ древней Греціи. Намъ этотъ аргументъ представляется совсѣмъ неубѣдительнымъ. Искусство всегда такъ тѣсно связано съ формами жизни, изъ которой черпаетъ оно свой матеріалъ, что объясненія всякаго явленія въ сферѣ искусствъ надо искать въ жизни. Послѣ того, какъ Греція прекратила свое историческое существованіе, въ жизни другихъ народовъ нигдѣ не обнаруживалось особеннаго вниманія къ физической сторонѣ человѣческаго существованія. Напротивъ, общественныя формы вездѣ складывались такъ, что тѣло, какъ наиболѣе строптивая по отношенію къ общественному гнету сторона человѣка, признано было, наконецъ, естествомъ, враждебнымъ духу—другой сторонѣ, и мѣшающимъ человѣческому спасенію. Все болѣе и болѣе осуществляемое въ общественной жизни раздѣленіе труда являлось практическимъ выраженіемъ этой нравственной идеи. Тѣло человѣка уродовалось все болѣе и болѣе, и скульпторъ потерялъ всякую возможность собрать хотя бы по частямъ оригиналъ для выраженія идеала гармонически развитого, стройнаго человѣка. Венера Милосская теперь невозможна, но тѣмъ не менѣе тотъ, кто видѣлъ хотя бы работы Родена, найдетъ преждевременнымъ плачъ о погибели скульптуры.

Искусство—говорятъ намъ еще—падаетъ потому, что оно блѣднѣетъ; въ немъ все рѣже и рѣже появляются тѣ рѣзко очерченныя индивидуальности, которыя характеризуютъ искусство прошлаго времени. Не согласиться съ посылкой нельзя, но выводъ сдѣланъ навѣрно. Дѣйствительно, искусство все рѣже и рѣже прибѣгаетъ къ рѣзкимъ формамъ для осуществленія своихъ задачъ, но въ этомъ слѣдуетъ видѣть прогрессъ искусства, а не паденіе его. Древній индусъ для выраженія идеальной силы рисовалъ фигуру, имѣющую множество рукъ; современный художникъ для выраженія той же идеи силы прибѣгаетъ къ болѣ естественнымъ, реальнымъ, а слѣдовательно и болѣе блѣднымъ пріемамъ, но на насъ картина современнаго художника едва ли производитъ болѣе слабое впечатлѣніе, чѣмъ то, какое на индуса производило многорукое существо его художника. Формы искусства очень тѣсно связаны съ умственнымъ развитіемъ человѣка и съ его соціальнымъ положеніемъ. Чѣмъ уже умственный кругозоръ личности, чѣмъ сильнѣе гнетъ на него со стороны общества, тѣмъ, такъ сказать, невозможнѣе рисуется ей сила, свобода и счастье человѣка. «Самыя яркія мечты о свободѣ родятся въ тюрьмѣ»,—писалъ Шиллеръ,

оправдывая появленіе отважнаго республиканца Позы при дворѣ Филиппа. Ту же мысль высказываетъ и Гл. Успенскій, когда онъ, въ статьѣ «На старомъ пепелищѣ», обращается къ «гг. романистамъ» со слѣдующей пламенной тирадой:

«Пожалуйста, гг. романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы рабочему одинокому человѣку, еще гуще, еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголъ, откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите что есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ заправскимъ огнемъ... Не церемоньтесь поэтому, господа дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали... Пусть невинность въ вашихъ романахъ не продается ни за какія деньги; пусть бѣдная, умирающая съ голоду прачка будетъ въ вашихъ произведеніяхъ настолько невѣроятна, что не только не согласится продать себя, а напротивъ, вопреки всякимъ смысламъ, возьметъ и сожжетъ на свѣчкѣ, тутъ же, передъ глазами ея покупателя и передъ изумленными глазами читателя, банковый билетъ (смѣло пишите цифру и не церемоньтесь съ сотнями тысячъ и даже съ милліонами), который ей даютъ въ руки и который въ одну минуту можетъ возвеличить ее. Пусть она непремѣнно этотъ билетъ сожжетъ, а сама умретъ съ голоду... Такъ же невѣроятно и невозможно представляйте вы, гг. романисты, и всѣ другія человѣческія отношенія... Красота женщинъ должна изображаться особенно нелѣпо: грудь непремѣнно должна быть роскошна до неприличія; сравнивайте ее съ двумя огнедышащими горами, съ геркулесовыми столпами, съ египетскими пирамидами... Только такими невѣроятными преувеличеніями вы можете заброшенному въ безъисходную тьму одиночества человѣку дать приблизительное понятіе о томъ, что другимъ доступно въ настоящемъ безъискусственномъ видѣ дѣйствительной красоты»...

Съ развитіемъ критической мысли и болѣе свободныхъ общественныхъ учрежденій формы искусства теряютъ свою рѣзкость, что происходитъ вслѣдствіе того, что тотъ идеалъ человѣка, съ которымъ искусство главнымъ образомъ имѣетъ дѣло, все болѣе и болѣе приближается къ художнику, становится все болѣе и болѣе уловимымъ и яснымъ его вдохновенному взору. Но то, что теряетъ форма, выигрываетъ содержаніе. Искусство идетъ всегда рядомъ съ научной мыслью, и по мѣрѣ того, какъ послѣдняя открываетъ все новые и новые горизонты, распространяясь и въ глубь и въ ширь, искусство постоянно вводитъ въ свою область новые моменты индивидуальнаго счастья, расширяя личность и показывая ей красоту расширеннаго счастья, гдѣ интересы личности все больше и больше отожествляются съ интересами всего человѣчества. «Художественныя произведенія, — говоритъ Тэнъ — обусловливаются общимъ состояніемъ умовъ и нравовъ окружающей среды; это общее состояніе

развиваетъ въ людяхъ извѣстныя потребности, склонности, чувства, соединеніе которыхъ въ полномъ блескѣ въ одномъ лицѣ составляетъ *господствующій* характеръ». Воспроизведеніе этого господствующаго характера и составляетъ функцію искусства, ставящую его въ зависимость отъ тѣхъ завоеваній, которыя сдѣланы критическою мыслью, и намъ должны быть понятны теперь слова Гёте, который для созданія геніальныхъ произведеній рекомендовалъ слѣдующее условіе: наполняйте вашъ умъ и сердце, какъ бы ни были они обширны, идеями и чувствами вашего времени, и произведеніе не замедлитъ явиться. Наука, по крайней мѣрѣ, до нашего времени, способна къ безграничному росту, и искусство не могло игнорировать ея пріобрѣтеній, потому что тамъ, въ наукѣ, оно черпало новыя данныя для лучшей защиты своего дѣла—интересовъ индивидуальности.

Если бы наше воображеніе было настолько богато, что мы могли бы представить себѣ такія формы общежитія, гдѣ личность свободно могла бы раскрывать все богатство, всю полноту своихъ индивидуальныхъ силъ, гдѣ общественныя формы не грозили бы ей за то или иное проявленіе ея индивидуальныхъ требованій, мы могли бы представить себѣ и моментъ исчезновенія искусства, моментъ, когда и самое понятіе искусства должно быть передано историческимъ словарямъ. Но такую форму общежитія представить себѣ пока трудно, а потому дальнѣйшее развитіе искусства рисуется намъ въ такомъ видѣ, какъ рисовалось оно и Л. Фейербаху, теоретику той молодой Германіи, которая многими своими сторонами только развивала и пополняла Шиллера: «Рѣшительное сознаніе, перешедшее въ плоть и кровь,—писалъ Фейербахъ,— сознаніе, что человѣческое—божественно, конечное—безконечно, есть источникъ новой поэзіи и искусства, который по энергіи, глубинѣ и одушевленію превзойдетъ всѣ существующіе».

Мы не имѣли въ виду исчерпать здѣсь эстетическія построенія Шиллера построенія, отдѣльныя части которыхъ подвергались къ тому же болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ въ теченіе жизни поэта. Однако, надѣемся, что нашъ эскизный рисунокъ все же способенъ напомнить читателю симпатичный образъ поэта, который служилъ искусству съ религіознымъ вдохновеніемъ жреца, который, обращаясь къ художникамъ, не уставалъ напоминать имъ о ихъ высокомъ призваніи:

„*Достоинство людей* вамъ вручено судьбами!
Храните же его!“

Вл. Кранихфельдъ.

---

*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Группировка партій въ Россіи.—Высочайшій указъ 17-го апрѣля.—Постановленія всероссійскаго съѣзда промышленниковъ по рабочему вопросу.—Хроника.

Въ «Костромскомъ Листкѣ» напечатано слѣдующее извѣщеніе костромского предводителя дворянства: «Государю Императору 30-го марта сего года, во время представленія моего Ему въ царскосельскомъ дворцѣ, благоугодно было повелѣть сообщить чрезъ меня дворянству Костромской губерніи слѣдующія его слова: «Воля моя въ дѣлѣ созыва народныхъ представителей непреклонна, и министръ внутреннихъ дѣлъ прилагаетъ всѣ усилія къ скорѣйшему выполненію ея».

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ въ бесѣдѣ съ предсѣдателемъ саратовской губернской земской управы, г. Юматовымъ, категорически опровергъ, по сообщенію «Саратовскаго Дневника», распространившіеся слухи о томъ, будто работа совѣщанія растянется на полтора - два года; министръ твердо убѣжденъ, что работы будутъ закончены въ іюнѣ нынѣшняго года и, самое позднее, къ осени.

Такимъ образомъ, созывъ народныхъ представителей, несмотря на многочисленныя затрудненія и препятствія со стороны темныхъ силъ, приближается. Поворотъ назадъ, къ доброму старому времени бюрократическаго всевластія, уже невозможенъ; новыя формы политической и общественной жизни, очевидно, созрѣваютъ въ хаосѣ современной смуты. Это положеніе налагаетъ на русскій народъ чрезвычайно сложную и отвѣтственную задачу достойно подготовиться и сознательно отнестись къ предстоящему выбору первыхъ народныхъ представителей. Въ странѣ, гдѣ такъ долго царило невольное молчаніе о самыхъ жгучихъ жизненныхъ нуждахъ и потребностяхъ, гдѣ пытливая и искренняя политическая мысль должна была скрываться въ подполье и ограничиваться самой узкой сферой воздѣйствія, выборъ народныхъ представителей, несомнѣнно, является актомъ, благотворность котораго всецѣло обуловливается общею обстановкою выборовъ.

Многочисленныя резолюціи различныхъ общественныхъ собраній уже отмѣтили, что только полная свобода слова, собраній и союзовъ, при полной амнистіи лицъ, пострадавшихъ за религіозныя и политическія убѣжденія (первое теперь уже признано по указу 17-го апрѣля, см. ниже), можетъ обезпечить успѣхъ тому грядущему выборному учрежденію, которое должно будетъ ликвидировать грѣхи стараго режима и установить основы новаго государственнаго строя. Къ сожалѣнію, всѣ эти резолюціи до сихъ поръ остаются въ области благихъ пожеланій. Свобода устнаго и печатнаго слова, безъ которой немыслима сколько-нибудь широкая и открытая выборная агитація, не имѣетъ мѣста въ дѣйствительности, какъ и свобода собраній и союзовъ. Наоборотъ, именно въ послѣднее время положеніе печати снова сдѣлалось крайне шаткимъ и затруднительнымъ. Наиболѣе активныя и, быть можетъ, наиболѣе значи-

тельныя направленія народной мысли или совсѣмъ лишены возможности организовать литературное выраженіе и пропаганду своихъ взглядовъ, или обречены довольствоваться тѣми жалкими обрывками, которые проскальзываютъ сквозь игольное ушко цензуры. Въ такомъ же положеніи находится и свобода собраній и союзовъ. Въ тотъ моментъ, когда все населеніе обширной страны волнуется и томится въ предчувствіи грядущихъ преобразованій, на поверхность политической жизни стихійный процессъ втуренняго броженія выбрасываетъ лишь отдѣльныя резолюціи случайныхъ собраній чаще всего лишь представителей имущихъ слоевъ русскаго общества и, въ лучшемъ случаѣ, представителей разночинной интеллигенціи. Но и эти собранія организуются при самой унизительной обстановкѣ, подъ вѣчною опасностью немедленнаго и рѣшительнаго прекращенія полицейскими мѣрами. Завтрашніе избиратели и полноправные граждане сегодня должны прятаться, какъ преступники, или пристегивать свои резолюціи по вопросамъ государственнаго устройства къ докладамъ, напримѣръ, о судорогахъ затылка или о гессенскомъ жучкѣ. Даже существующія общественныя учрежденія, городскія думы и земскія собранія, встрѣтили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ энергичное противодѣйствіе попыткамъ обсуждать общегосударственные вопросы, несмотря на то, что такое обсужденіе, въ силу указа 18-го февраля, могло разсматриваться, какъ прямая обязанность общественнаго самоуправленія. Такимъ образомъ, съ одной стороны общество призывается къ участію въ законодательной работѣ; съ другой—знакомая желѣзная рука пригвождаетъ его къ мѣсту и не даетъ сдѣлать шага, чтобы откликнуться на призывъ. Русская жизнь продолжаетъ шутить горькія шутки.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованный 14-го апрѣля и обсужденный предварительно въ комитетѣ министровъ, пытается разсѣять странную неопредѣленность положенія, созданную столкновеніемъ новыхъ потребностей съ старыми формами. Онъ разъясняетъ границы правъ общества, учрежденій и частныхъ лицъ на подачу, согласно указу 18-го февраля, петицій, ходатайствъ и заявленій «о пользахъ и нуждахъ государственныхъ». Отвергая право различныхъ правительственныхъ учрежденій выступать съ политическими заявленіями, циркуляръ признаетъ, что органы общественнаго самоуправленія «само собой, могутъ теперь обсуждать вопросы общаго государственнаго значенія». Это право принадлежитъ, по толкованію министерства, также и различнымъ обществамъ и собраніямъ частныхъ лицъ. При этомъ циркуляръ указываетъ, что хотя собранія «самовольно образуемыхъ обществъ», въ силу оставшагося неприкосновеннымъ пресловутаго устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, не разрѣшаются, но «совмѣстное обсужденіе частными лицами видовъ и предположеній, касающихся государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія,—не должно быть затрудняемо». Эти указаніе, внося значительную опредѣленность въ вопросъ о правѣ собраній и заявленій, сопровождаются, однако, весьма существенными ограниченіями, которыя даютъ возможность мѣстной администраціи слишкомъ широко пользоваться предоставленными ей правами по предупрежденію и пресѣченію преступленій.

Циркуляръ запрещаетъ общественнымъ учрежденіямъ приглашать, для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ общегосударственнаго значенія, лицъ, не принадлежащихъ къ составу учрежденій. Обществамъ, дѣйствующимъ на основаніи особо утвержденныхъ уставовъ, запрещается публичное обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ рескриптомъ 18-го февраля, и преданіе гласности принятыхъ резолюцій.

Эти ограниченія возбуждаютъ сомнѣнія не только по существу, но и съ чисто формальной точки зрѣнія. Дѣйствующее законодательство предоставляетъ право предсѣдателямъ земскихъ и городскихъ собраній приглашать въ засѣданія для представленія объясненій свѣдущихъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу гласныхъ. Такое же участіе свѣдущихъ лицъ допускается и по отношенію къ различнымъ коммиссіямъ, выдѣленнымъ изъ своей среды органами общественнаго самоуправленія. Ограниченіе этихъ правъ, обусловленныхъ точными указаніями закона, могло бы послѣдовать только въ законодательномъ порядкѣ. Точно также и измѣненія уставовъ частныхъ обществъ, хотя бы въ смыслѣ отнятія у нихъ правъ публичности и гласности, могутъ быть достигнуты только въ порядкѣ, опредѣленномъ для каждаго общества его уставомъ, а не въ порядкѣ циркулярнаго распоряженія.

Что касается частныхъ собраній, то циркуляръ допускаетъ ихъ только въ томъ случаѣ, если они по своему многолюдству не угрожаютъ общественной тишинѣ и спокойствію или не имѣютъ цѣлью подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ имперіи. Нельзя, конечно, отрицать, что такой признакъ, какъ многолюдство, является слишкомъ относительнымъ и, во всякомъ случаѣ, не служитъ достаточнымъ основаніемъ подозрѣвать собраніе въ намѣреніи нарушить общественную тишину и спокойствіе. Кромѣ того, всякое собраніе въ закрытомъ помѣщеніи, пока оно остается собраніемъ, гдѣ только обсуждаются различные вопросы, едва ли и вообще можетъ угрожать общественному порядку. Поскольку же собраніе выходитъ на улицу и отъ словъ переходитъ къ дѣлу, оно перестаетъ быть собраніемъ и подчиняется дѣйствію существующихъ правилъ объ уличныхъ манифестаціяхъ. Поэтому, предварительное опредѣленіе полиціей характера, какой приметъ собраніе, вовсе не вызывается необходимостью, тѣмъ болѣе, что такое опредѣленіе всегда останется простымъ угадываніемъ.

Еще болѣе неопредѣленнымъ признакомъ для недопущенія собраній является обнаруженіе тенденціи ихъ подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ имперіи. Не говоря о томъ, что слово не имѣетъ возможности подорвать какую-либо силу, это ограниченіе открываетъ настолько широкій просторъ боязливому воображенію охранителей, привыкшихъ тревожно относиться ко всякому шороху въ обывательской средѣ, что право собраній легко можетъ свестись къ нулю.

Для того, чтобы населеніе дѣйствительно осуществило на дѣлѣ право собраній и обсужденія намѣченныхъ государственныхъ реформъ, необходимо установленіе совершенно иной, чѣмъ нынѣ, точки зрѣнія на различныя проявле-

нія общественной самодѣятельности. Система полицейскаго предупрежденія и пресѣченіи преступленій должна безусловно сойти со сцены и смѣниться системою судебной отвѣтственности гражданъ за свои дѣйствія. Только такимъ образомъ будетъ устраненъ произволъ и усмотрѣніе, которые до сихъ остаются въ первобытной неприкосновенности. Послѣдній циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, поскольку онъ исходитъ изъ старой точки зрѣнія, отнюдь не устраняетъ, поэтому, всевозможныхъ затрудненій и осложненій въ отвѣтственномъ и важномъ дѣлѣ подготовки населенія къ выборамъ народныхъ представителей.

Между тѣмъ, всѣ подобныя затрудненія въ особенности нежелательны потому, что они падаютъ главною тяжестью на широкіе слои народной массы, наиболѣе заинтересованной и наиболѣе нуждающейся въ полномъ освѣщеніи и разъясненіи назрѣвшихъ вопросовъ русской политической жизни. Въ то время, какъ болѣе подготовленные слои русскаго общества, несмотря на всѣ препятствія, широко пользуются и политической литературою, и живымъ общеніемъ масса до сихъ поръ обречена довольствоваться жалкими крохами съ политическаго стола и должна удовлетворять свои общественные запросы въ такой формѣ, которая, по существу, расчитана на узкій кругъ лицъ. Представители различныхъ отраслей промышленности, адвокаты, врачи, инженеры, журналисты, земскіе дѣятели,—всѣ, такъ или иначе, устраиваютъ собранія и организуются явочнымъ порядкомъ въ политическіе союзы. Ихъ «резолюціи» пестрятъ газетные столбцы. Но, за отдѣльными единичными исключеніями, мы не имѣемъ ни собраній, ни союзовъ, ни резолюцій главной массы завтрашнихъ избирателей—крестьянъ и рабочихъ. Безъ сомнѣнія, они не остаются равнодушными къ современному освободительному движенію; безъ сомнѣнія, они также находятся въ процессѣ выработки новыхъ политическихъ взглядовъ и держатся тѣхъ или другихъ мнѣній по очереднымъ вопросамъ русской жизни, но ихъ голосъ теряется въ подпольѣ, только изрѣдка прорываясь на поверхность и покрывая сдержанный шумъ либеральной суеты. Они не имѣютъ возможности выразить свои желанія даже въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ выражаются мнѣнія другихъ слоевъ населенія. Въ то время, какъ петербургскія газеты печатали отчеты о съѣздахъ адвокатовъ, журналистовъ, промышленниковъ и т. д., въ это же время онѣ сообщали и о нѣсколькихъ митингахъ, устроенныхъ петербургскими рабочими на улицахъ. Едва ли нужно говорить, что ни обстоятельность обсужденія вопросовъ, ни порядокъ собранія, ни неприкосновенность личности участниковъ не выигрываютъ при такой формѣ собранія.

Всѣ эти затрудненія только задерживаютъ и стѣсняютъ развитіе политической мысли народа, столь необходимое и важное въ переживаемый моментъ. И они тѣмъ болѣе излишни, что, въ конечномъ результатѣ, должны быть признаны безполезными. Политическая мысль населенія растетъ и обходитъ бюрократическія рогатки. Партіи образуются.

* * *

Партіи образуются. Мы говоримъ не о тѣхъ партіяхъ, которыя сложились раньше, мы говоримъ о новыхъ партіяхъ, кристаллизующихся въ недавно безформенной обывательской средѣ. Эти партіи еще не пріобрѣли законченныхъ очертаній; онѣ находятся in statu nascendi, но главныя линіи ихъ уже намѣчаются съ достаточною ясностью. Въ многообразіи многочисленныхъ политическихъ группъ, о возникновеніи которыхъ почти ежедневно сообщаютъ теперь газеты, легко уловить однородныя черты, легко выяснить зародыши большихъ и сплоченныхъ политическихъ партій. Партіи идутъ, къ партіямъ стремится русская общественная мысль. Слово и понятіе партія встрѣтили, наконецъ, должную оцѣнку въ нашемъ обществѣ. До самаго послѣдняго времени россійская политическая невоспитанность, слѣды которой, къ сожалѣнію, не изгладились и теперь, порождала крайне странное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ «партіямъ». «Партія» считалась чуть ли не синонимомъ односторонней и ограниченной обособленности, вредной для «общаго дѣла», «партійность» была синонимомъ узости, неспособности къ «широкому» взгляду на жизненныя задачи. Простодушные обыватели съ великолѣпною наивностью противопоставляли «людей живого дѣла» «людямъ партіи» Это первобытное отношеніе къ политическимъ группировкамъ исчезаетъ нынѣ какъ по мановенію волшебнаго жезла. Мы начинаемъ стремиться къ партійности, мы скорбимъ объ отсутствіи партій. Гг. Кузьминъ-Караваевъ и Родичевъ видятъ въ неорганизованности русскаго народнаго мнѣнія, въ отсутствіи у насъ прочныхъ политическихъ партій непреодолимое препятствіе къ примѣненію начала всеобщаго и прямого голосованія при предстоящихъ выборахъ народныхъ представителей. Гг. Шиповъ, Трубецкой, двадцать два предводителя дворянства какъ бы отвѣчаютъ на опасенія либеральныхъ земскихъ дѣятелей и на дѣлѣ показываютъ, что отсутствіе партій въ аморфной до настоящаго времени обывательской средѣ не является чѣмъ-то вѣчнымъ и можетъ быть немедленно восполнено энергичною и планомѣрною организаціею. Въ тоже время пробуждаются къ жизни и демократическіе элементы населенія и дѣятельно объединяются на идеѣ чистаго, обнаженнаго отъ всякихъ сословныхъ и крѣпостническихъ пережитковъ освобожденія личности. Эта партія, недавно опубликовавшая въ газетахъ свою программу, не является новымъ общественнымъ теченіемъ, хотя она и не сложилась еще въ опредѣленную и ясную величину. Политическою новинкою послѣднихъ дней, несомнѣнно, является національно-прогрессивная или народная партія, которая стремится къ объединенію консервативныхъ элементовъ страны.

Надо замѣтить, однако, что новая консервативная партія глубоко отличается отъ тѣхъ консерваторовъ, которые до сихъ поръ группировались вокругъ «Гражданина» и «Московск. Вѣдомостей». Г-да Грингмутъ и Мещерскій едва ли найдутъ мѣсто въ рядахъ новой политической группы. Сторонники Грингмута безусловно могутъ быть помѣщены на крайней правой нашихъ общественныхъсилъ, но ихъ вліяніе болѣе чѣмъ ничтожно. Эта «Вандея» «Московск. Вѣдомостей», которою они грозили еще къ началѣ пресловутой «весны»

кн. Святополка-Мирскаго, въ переводѣ на русскій языкъ и русскіе нравы оказалась просто «черною сотней». Программа этой партіи не подлежитъ обсужденію и оцѣнкѣ; она формулируется въ ясныхъ словахъ «Моск. Вѣд.» о томъ, что необходимо и можно, пока еще не поздно, «желѣзною рукою власти такъ встряхнуть презрѣнное общество, чтобы оно завыло отъ страха» *)...

Никакихъ другихъ желаній «Моск. Вѣд.» не имѣютъ, никакихъ реформъ онѣ не добиваются, ибо все идетъ прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, пока Грингмутъ получаетъ солидную субсидію въ видѣ платы за казенныя объявленія. «Русская народная партія» отнюдь не раздѣляетъ оптимизма московской реакціонной газеты. Она, во всякомъ случаѣ,—партія реформъ. Записка, составленная, по сообщенію «Нов. Времени», г. Н. Хомяковымъ и принятая на московскомъ съѣздѣ нѣкоторыхъ губернскихъ предводителей дворянства,—наиболѣе ясное и послѣдовательное до сихъ поръ изложеніе политическаго символа вѣры новой партіи—вполнѣ отрицательно относится къ существующему строю.

«За послѣднее десятилѣтіе,—гласитъ записка,—общественная мысль все болѣе и болѣе вникала въ существо историческаго хода развитія нашего отечества. Въ средѣ мѣстныхъ учрежденій и общественныхъ собраній со дня на день созрѣвало сознаніе того, что государственная жизнь Россіи идетъ путемъ не надлежащимъ. Сознаніе это привело къ явному осужденію всей совокупности полицейско-бюрократическаго строя.

«Переживаемыя нами событія показали, что общественное мнѣніе было право. Война обнаружила негодность нашего государственнаго хозяйства, а смута—наше духовное и гражданское нестроеніе. За истекшій годъ общественное самосознаніе, проявившееся въ цѣломъ рядѣ постановленій, ходатайствъ и адресовъ, сослужило великую службу Россіи». Но послѣ рескрипта 18-го февраля о созывѣ народныхъ представителей общественныя задачи измѣнились. «Время порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, ими порожденнаго, прошло. Теперь надлежитъ всѣмъ русскимъ людямъ объединиться на работѣ созидательной и тѣмъ откликнуться на призывъ царя. Люди порядка и законности, независимо отъ различія ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы. Но этого мало; вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя, что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба. Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія Нѣтъ сомнѣнія, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное.

«Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное

---

*) „Моск. Вѣд.“ № 78. Петербургскія письма.

осзнаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ. Западно-европейскія теоріи конституціонализма для многихъ соблазнительны, какъ соблазнителенъ всякій готовый, будто бы хорошо испытанный рецептъ, съ помощью котораго врачеваніе и нашего государственнаго недуга кажется наиболѣе легкимъ. Мы же думаемъ, что западно-европейскія формы государственности отнюдь не исключаютъ возможности иныхъ, ибо врядъ ли основательно полагать, что политическое творчество народовъ сказало свое послѣднее слово въ области государственнаго строительства. Мы признаемъ, что величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія, органически связанную съ ея духовными, бытовыми, географическими и иными условіями.

«Мы утверждаемъ, что проченъ будетъ лишь тотъ строй, который соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію большинства населенія, тотъ строй, который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ, а не путемъ искусственнаго, быть можетъ, даже насильственнаго насажденія новыхъ. Помимо сего, мы настаиваемъ на томъ, что самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ равной мѣрѣ нужды равноплеменнаго населенія Россійскаго государства и всѣхъ разнохарактерныхъ его классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности, для прекращенія смуты, для справедливаго удовлетворенія назрѣвшей общественной потребности и для обезпеченія лучшаго управленія Россіей. Указанное въ рескриптѣ 18 февраля народное представительство должно служить непосредственному приближенію къ государю народной мысли и общественнаго мнѣнія. Оно не должно, по примѣру конституціонныхъ учрежденій, ограничивать его самодержавной власти. Оно должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроэктовъ, составляемыхъ въ министерствахъ, оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными предъ государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ».

Таковы основныя идеи записки губернскихъ предводителей дворянства, ставшей отнынѣ важнымъ политическимъ документомъ. Эти идеи встрѣтили откликъ въ извѣстныхъ сферахъ и, между прочимъ, въ средѣ такъ называемаго меньшинства ноябрьскаго земскаго съѣзда въ Петербургѣ, объединившагося вокругъ бывшаго предсѣдателя московской губернской земской управы г. Шипова.

Какъ извѣстно, на ноябрьскомъ съѣздѣ земскихъ дѣятелей возникли серьезныя разногласія. Большинство членовъ съѣзда (71 человѣкъ) внесло въ десятый пунктъ резолюцій съѣзда, гласившій о необходимости «созданія и сохра-

ненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ», указаніе и на необходимость «правильнаго участія народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи».

Меньшинство же (27 человѣкъ съ г. Шиповымъ во главѣ) ограничилось заявленіемъ о необходимости «правильнаго участія въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія».

Резолюція большинства была составлена, придерживаясь терминологіи дворянской записки, въ строго конституціонномъ направленіи; резолюція меньшинства намѣчала «самобытный» путь государственнаго развитія.

На ноябрьскомъ съѣздѣ, происходившемъ подъ напряженнымъ бюрократическимъ давленіемъ, обѣ земскія группы не чувствовали особой надобности разграничивать свои политическія линіи. Но послѣ рескрипта 18-го февраля, когда изъ тумана неопредѣленнаго будущаго стали вырисовываться пріятныя очертанія купола, долженствующаго увѣнчать зданіе, земская оппозиція неизбѣжно должна была попытаться реализовать свои идеалы и, слѣдовательно, расколоться, ибо идеалы оказались различны. Г. Шиповъ и его сторонники вышли изъ состава общеземской организаціи, объединившейся на резолюціяхъ ноябрьскаго съѣзда, и приступили къ формированію собственной партіи на основахъ записки губернскихъ предводителей дворянства. Общее собраніе членовъ новой партіи еще предстоитъ; пока, на предварительномъ совѣщаніи ея руководителей, выработанъ только проэктъ главныхъ положеній «національно-прогрессивной» программы. По газетнымъ сообщеніямъ, въ немъ заключается шесть пунктовъ:

1) народное представительство должно быть организовано, какъ особое выборное учрежденіе—государственный земскій совѣтъ;

2) въ кругъ обязанностей государственнаго земскаго совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ, б) обсужденіе государственнаго бюджета, в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, государственному земскому совѣту предоставлено право возбужденія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ;

3) государственному земскому совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ, но министры отвѣтственны предъ государемъ, а не передъ народнымъ представительствомъ;

4) предсѣдатель государственнаго земскаго совѣта утверждается государемъ изъ избранныхъ кандидатовъ. Всѣ мнѣнія совѣта докладываются государю предсѣдателемъ совѣта;

5) народное представительсъво должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избраніи представителей, а на основѣ реорганизаціи представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части россійской имперіи;

6) представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно

быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ управленіи должны быть привлечены всѣ наличныя силы населенія.

Эти основныя положенія въ связи съ запискою губернскихъ предводителей дворянства составляютъ весьма опредѣленную формулу политическихъ стремленій національно-прогрессивной партіи. Въ ней еще много неяснаго, она еще слишкомъ обща, но дальнѣйшая конкретизація не можетъ внести ничего существенно новаго въ политическое credo московскихъ самобытниковъ.

Программа національно-прогрессивной партіи можетъ считаться окончательно установленной.

Каково же значеніе этой партіи?

Въ нашей печати ее встрѣтили, какъ «привидѣніе», какъ призракъ давно минувшихъ лѣтъ, случайно забредшій въ шумный міръ. «Записка губернскихъ предводителей дворянства, писалъ I. В. Гессенъ въ «С. О.» (№ 37), имѣетъ только историческій интересъ и лишена всякаго практическаго значенія».

Такое отношеніе къ національно-прогрессивной партіи является плодомъ недоразумѣнія, весьма нежелательнаго и вреднаго съ точки зрѣнія практической политики. Наша демократическая интеллигенція, хотя и прошла школу марксизма, быстро забыла, что ее обучали искать въ каждомъ политическомъ явленіи подпочвы соціальныхъ отношеній. Она оцѣниваетъ національно-прогрессивную партію исключительно какъ идейную группу и взвѣшиваетъ только ея романтическую словесную оболочку. Оболочка же эта цѣликомъ заимствована изъ эпохи сороковыхъ годовъ, у основоположниковъ славянофильства. «Царю—сила власти, землѣ—сила мнѣнія»—такова политическая формула славянофильства. К. Аксаковъ утверждалъ, что русскій народъ ищетъ не политической свободы, а свободы нравственной, свободы духа. «Всякое стремленіе народа къ государственной власти отвлекаетъ его отъ внутренняго пути и подрываетъ свободою политической, внѣшней, свободу духа, внутреннюю. Правительствомъ народъ быть не долженъ. Если народъ—государь, народъ—правительство, тогда нѣтъ народа». «Только при совершенномъ отреченіи народа отъ государственной власти, только при неограниченной монархіи, вполнѣ предоставляющей народу его нравственную жизнь, можетъ на землѣ существовать свобода истинная народа».

Эта особенность духа русскаго народа признается и московскою партіей, когда она говоритъ о необходимости самобытнаго творчества формъ политической жизни. Національно-прогрессивная партія вступаетъ въ полную солидарность съ славянофильскою доктриною. Поэтому ее и принимаютъ за историческое привидѣніе. Но романтическій плащъ не долженъ закрывать дѣйствительнаго содержанія новой партійной программы. Ея поэтическіе образы легко поддаются переводу на языкъ политической прозы, тѣмъ болѣе, что новые и самобытные пути московскихъ и иныхъ дворянъ не представляютъ ничего ни новаго, ни самобытнаго. «Гнилой Западъ» пережилъ тѣ настроенія и построенія, которыя теперь переживаетъ русское дворянство еще въ первой четверти XIX вѣка, въ

въ эпоху декоративнаго народнаго представительства и совсѣмъ недекоративной королевской власти.

Пруссія и Австрія того времени знали даже партію—правда, весьма мало популярную, которая чрезвычайно напоминаетъ нашу національно-прогрессивную партію, это—«партія историческихъ правъ». Эта партія признавала суверенитетъ монарха, относилась съ величайшимъ презрѣніемъ къ писаннымъ конституціямъ, считая ихъ противными народнымъ традиціямъ, и требовала только возстановленія старинныхъ собраній государственныхъ чиновъ, вотировавшихъ налоги и контролировавшихъ мѣстную администрацію. Такимъ образомъ, самобытность государственно-правовыхъ идей московской партіи можно признать только съ весьма и весьма существенными оговорками. Романтическій покровъ славянофильства прикрываетъ самые реальные интересы, общіе однороднымъ соціальнымъ группамъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ въ извѣстные періоды историческаго развитія. И съ этой точки зрѣнія русская національно-прогрессивная партія, несмотря на свой археологическій костюмъ, выражаетъ очень опредѣленныя жизненныя стремленія.

Она рѣшительно выступаетъ противъ полицейско-бюрократическаго строя; она ставитъ своею цѣлью «уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ»; она стремится къ тому, чтобы дѣйствія власти шли въ полномъ согласіи съ «мнѣніемъ» народа. Эти цѣли, взятыя въ отвлеченіи, вовсе не находятся въ противорѣчіи съ цѣлями конституціонной западнической партіи. Разница только въ формѣ достиженія поставленныхъ цѣлей, въ объемѣ политическихъ требованій. Право народнаго представительства на разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ, возбужденіе вопроса объ изданіи новыхъ и измѣненіи старыхъ законовъ, право дѣлать запросы министрамъ, разсматривать государственную роспись и контролировать исполненіе бюджета, всѣ эти права входятъ въ програму всѣхъ конституціонныхъ партій. Національно-прогрессивная партія не придумала въ этихъ требованіяхъ ничего ни новаго, ни самобытнаго. Она повторила все, что говорятъ въ такихъ случаяхъ еретики-конституціоналисты. Поэтому, мы вполнѣ признаемъ справедливость негодованія «Моск. Вѣд.», которыя объявляя себя единственными хранителями принципа «истиннаго», а не «поднадзорнаго» самодержавія, обвиняютъ предводителей въ томъ, что они такіе же конституціоналисты, какъ и тѣ западники, противъ которыхъ они воздвигаютъ крестовый походъ. «Московск. Вѣд.» правы. Національно-прогрессивная партія—конституціонная партія; ея члены—конституціоналисты. Но они не «такіе же» конституціоналисты, какъ либералы, хотя родство этихъ двухъ группъ не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому мы считаемъ глубоко ошибочнымъ добродушное воззваніе, обращенное г. М. П. изъ «С. О.» къ предводителямъ дворянства, въ которомъ авторъ приглашаетъ ихъ сбросить маску, сойти со скользкой платформы оппортунизма и ясно, откровенно пѣть въ униссонъ со всѣми. «Дѣло общее—общимъ долженъ быть и тонъ!»

Къ несчастью или счастью г. М. П., дѣло демократіи, къ которой онъ, повидимому, принадлежитъ, и дѣло національно-прогрессивной пар-

тіи—совсѣмъ не общее дѣло. Національ-прогрессисты, несомнѣнно, конституціоналисты. Наивно-романтическая конструкція «государственнаго земскаго совѣта» не должна обманывать читателей. Всякое народное представительство является ограниченіемъ абсолютной власти, если не юридически, то фактически. Въ противномъ случаѣ, конфликтъ власти и народа разражается съ неустранимою неизбѣжностью. Эта мысль доказана всей европейской исторіей, на убѣжденіе въ ея справедливости русскаго общества положилъ достаточно труда еще Чичеринъ. Государственный земскій совѣтъ эпигоновъ славянофильства ограничиваетъ абсолютную власть; но національно-прогрессивная партія старается скрыть это обстоятельство, не создавая никакихъ правовыхъ, писанныхъ гарантій и, очевидно, возлагая надежды на фактическое, реальное соотношеніе силъ. Она поступаетъ такимъ образомъ, разумѣется, вовсе не для того, чтобы утѣшить тѣни Аксакова и Хомякова; она поступаетъ такъ потому, что именно эта форма народнаго представительства отвѣчаетъ соціально-политическому положенію той группы, которая образовываетъ новую партію.

Газеты опубликовали имена главныхъ дѣятелей національно-прогрессивной партіи. Всѣ они—представители крупнаго и притомъ дворянскаго землевладѣнія, всѣ принадлежатъ къ привилегированному сословію. Къ нимъ, вѣроятно, примкнетъ, хотя пока еще и не примкнула, часть крупной промышленной буржуазіи, «всероссійскаго купечества». Но этотъ классъ не можетъ быть вѣрнымъ союзникомъ привилегированнаго сословія. Для русской буржуазіи въ цѣломъ фактическая конституція не представляетъ никакихъ выгодъ, и она это пойметъ на дѣлѣ, если не окажется достаточно проницательной, чтобы угадать заранѣе.

Фактическая конституція, предполагаемая неославянофилами, выдвигаетъ на политическій олимпъ только «верхнія десять тысячъ» общественной пирамиды. Вліяніе покупается личными и родственными связями, историческимъ именемъ, милліоннымъ капиталомъ. Законосовѣщательное народное представительство превращается, такимъ образомъ, въ законодательное представительство немногихъ привилегированныхъ лицъ изъ привилегированныхъ сословій. И поскольку эпигоны славянофильства, именующіе себя національно-прогрессивной партіей, стремятся къ неписаной конституціи, они желаютъ обезпечить политическое преобладаніе русскаго привилегированнаго сословія—дворянства, слегка открывая дверь, подъ вліяніемъ духа времени, отдѣльнымъ представителямъ крупнаго землевладѣнія и промышленнаго капитала.

Въ этихъ цѣляхъ они отнимаютъ у народа политическія права и въ пятомъ пунктѣ своихъ резолюцій требуютъ представителей не отъ народа, а отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

Таковъ реальный смыслъ новой политической программы. Національно-прогрессивная партія защищаетъ интересы верхней группы имущаго общества и стремится сосредоточить въ ея распоряженіи всю политическую власть. Поскольку она при этомъ вступаетъ въ борьбу съ полицейско-бюрократическимъ строемъ, она стремится къ конституціи, но конституціи не демократической и

даже не либеральной, а къ олигархической. Національно-прогрессивная партія, такимъ образомъ, есть партія олигархической конституціи.

Практическое значеніе ея не можетъ быть признано ничтожнымъ. Несомнѣнно, она неспособна создать сколько-нибудь прочной политической Формы. Жалкій опытъ отсрочить ликвидацію стараго порядка,—програма эпигоновъ славянофильства не выдержитъ критики жизни, какъ она не выдержала на Западѣ. Но въ качествѣ калифа на часъ партія олигархической конституціи можетъ сыграть вредную роль, затемняя и замедляя развитіе народнаго самосознанія. Уже теперь она дѣлаетъ усилія, чтобы рекламировать себя въ качествѣ единственной истинной народной партіи. Принимая во вниманіе, что она не имѣетъ ничего общаго съ широкими народными массами и сознательно оставляетъ ихъ на заднемъ дворѣ политической исторіи,—такія претензіи національно-прогрессивной партіи могутъ вызвать только удивленіе. Но въ политикѣ нельзя ограничиваться выраженіемъ чувствъ; въ политикѣ нужно дѣйствовать.

Неославянофилы понимаютъ это лучше либераловъ. Предводители дворянства призываютъ своихъ сторонниковъ къ борьбѣ съ конституціоналистами-западниками; московскій корреспондентъ «Нов. Врем.», воспѣвая «русскую народную партію», также грозитъ оружіемъ всѣмъ иначе мыслящимъ. Онъ съ негодованіемъ спрашиваетъ: «кто же въ Россіи, кромѣ поклонниковъ западно-европейскаго парламентаризма, мечтаетъ о двухпалатномъ представительствѣ, при которомъ «невѣжественный народъ», «сѣрый русскій мужикъ», сидѣлъ бы въ нижней палатѣ, а въ верхней засѣдали «образованные» всесвѣтные граждане, еврейскіе банкиры, адвокаты, московскіе сверхкупцы, инженеры, желѣзнодорожники и т. п. народные представители?»

Этотъ отрывокъ показываетъ, что національно-прогрессивная партія, не имѣя ничего народнаго, обладаетъ большой дозой демагогіи и умѣетъ учитывать всѣ промахи и грѣхи либеральной мысли. Двухпалатная система, двухстепенные выборы и т. п. «пункты» либеральной программы будутъ, съ появленіемъ новой группы, использованы въ полной мѣрѣ противъ умѣренныхъ либераловъ. Быть можетъ, это обстоятельство послужитъ достаточнымъ предостереженіемъ хотя нѣкоторой части либеральной демократіи, склонной къ оппортунистическому зигзагъ-курсу.

Во всякомъ случаѣ, появленіе партіи олигархической конституціи нельзя ни игнорировать, ни тѣмъ болѣе считать лишнимъ шансомъ для успѣха какого-то «общаго дѣла». У народныхъ массъ появился новый противникъ—вотъ что нужно сказать ясно и открыто въ отвѣтъ на попытку національно прогрессивной партіи монополизировать представительство «истинныхъ» интересовъ народа.

Свѣтлый праздникъ этого года ознаменовался актомъ выдающейся политической важности. Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату провоз-

глашены основныя начала вѣротерпимости, которая, надо надѣяться, явится непосредственной ступенью къ свободѣ совѣсти.

Русская жизнь давно ждала этого акта. Мрачная лѣтопись религіозныхъ преслѣдованій въ послѣдніе годы не разъ развертывала передъ нами страницы, обагренныя кровью и полныя ужаса.

Отобраніе дѣтей у сектантовъ по постановленію, печальной памяти казанскаго миссіонерскаго съѣзда, трагическая исторія духоборовъ, павловское дѣло, раскрытыя г. Пругавинымъ монастырскія «темницы»,—всѣ эти и многіе другіе факты буквально «вопіяли къ небу» и заставляли содрогаться камни.

Насколько тяжелы и ненормальны были до сихъ поръ условія религіозной жизни народа, можно видѣть уже изъ того, что третій пунктъ указа устанавливаетъ такое положеніе: «лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ». Такимъ образомъ, ненормальныя условія, въ которыхъ находилось до сихъ поръ въ Россіи дѣло религіи, дѣло глубоко индивидуальныхъ убѣжденій и настроеній каждаго отдѣльнаго человѣка, приводили къ тому, что церковь, это, по опредѣленію катехизиса, общество вѣрующихъ, обращалось въ общество невѣрующихъ, принудительными и насильственными путями прикрѣпленныхъ къ господствующей религіозной организаціи.

Указъ 17-го апрѣля устраняетъ возможность насильственнаго «причисленія» къ господствующей церкви. Отнынѣ «отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, при чемъ отставшее по достиженіи совершеннолѣтія отъ православія лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало».

Въ болѣе нормальныя условія ставитъ указъ 17 апрѣля также старообрядчество и сектантство. Указъ признаетъ легальность существованія старообрядческаго и сектантскаго духовенства «безъ употребленія, однако православныхъ іерархическихъ наименованій, и разрѣшаетъ имъ «свободное отправленіе духовныхъ требъ какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбранено закономъ». Исходя изъ этого общаго положенія, указъ повелѣваетъ «распечатать всѣ молитвенные дома, закрытые, какъ въ административномъ порядкѣ, не исключая случаевъ, восходившихъ чрезъ комитетъ министровъ до Высочайшаго усмотрѣнія, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ моленъ, закрытіе которыхъ вызвано собственно неисполненіемъ требованій устава строительнаго».

Основныя начала вѣротерпимости, провозглашенныя указомъ 17 апрѣля, имѣютъ, конечно, прежде всего, принципіальное значеніе. Поэтому опубликованныя одновременно Высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ по этому вопросу опредѣляютъ порядокъ проведенія въ жизнь новой реформы.

Министерство юстиціи должно будетъ разработать и безотлагательно внести на уваженіе государственнаго совѣта вопросъ о согласованіи различныхъ статей устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій съ провозглашенными началами вѣротерпимости; министерство народнаго просвѣщенія обязывается выработать законопроектъ о старообрядческихъ и сектантскихъ начальныхъ школахъ и о преподаваніи дѣтямъ старообрядцевъ и сектантовъ правилъ ихъ вѣры.

Послѣдняя задача пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ виду того, что указъ 17 апрѣля устанавливаетъ право преподаванія во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій на природномъ языкѣ учащихся. Министерство внутреннихъ дѣлъ также должно выработать рядъ законопроектовъ по весьма важнымъ вопросамъ о порядкѣ ввоза и распространенія заграничныхъ изданій старообрядческихъ и сектантскихъ книгъ и воспроизведенія ихъ внутри имперіи, объ устройствѣ старообрядческихъ и сектантскихъ скитовъ и обителей, и т. д.

Кромѣ того, на министерство юстиціи возлагается задача принять мѣры къ облегченію участи пострадавшихъ за религіозныя убѣжденія и къ прекращенію тѣхъ судебныхъ дѣлъ, которыя возбуждены по поводу дѣяній, отнынѣ потерявшихъ преступный характеръ.

Такимъ образомъ, полное практическое значеніе новой реформы выяснится съ должною опредѣленностью только тогда, когда можно будетъ подвести итоги обширной законодательной работѣ, возлагаемой на различныя министерства. Но и тогда предъ нами останется общій вопросъ о гарантіяхъ, необходимыхъ для осуществленія всякихъ свободъ. Если вѣротерпимость, давно признанная основными законами, не имѣла мѣста въ дѣйствительности, и ея «укрѣпленіе» вошло въ число очередныхъ задачъ переживаемаго момента, то очевидно, что условія полицейскаго государства не могли обезпечить практическое осуществленіе принциповъ, заимствованныхъ изъ другого уклада политической жизни. И только тогда, когда преобразованіе бюрократическаго строя стало рѣшеннымъ дѣломъ, вопросъ объ укрѣпленіи вѣротерпимости сразу двинулся впередъ; окончательное рѣшеніе его, рѣшеніе въ формѣ полнаго и безповоротнаго признанія свободы совѣсти, неразрывно связано съ окончательнымъ рѣшеніемъ основного вопроса русской жизни: созданія праваго государства.

Теперь же, отмѣчая крупное завоеваніе общественнаго или, точнѣе, народнаго движенія, мы должны указать, что новая реформа, какъ это уже отмѣтила ежедневная печать, ограничивается предѣлами христіанскихъ исповѣданій. Злополучный еврейскій вопросъ, даже какъ вопросъ исключительно религіозный, не затронутъ реформой 17-го апрѣля. Жизнь и здѣсь, какъ повсюду опередила законъ. Современныя условія общественности, стирая національныя и вѣроисповѣдныя грани, все болѣе и болѣе сближаютъ людей и заставляютъ тяготиться искусственными перегородками, оставшимися въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ. Браки между христіанами и иновѣрцами и въ Россіи составляютъ обычное явленіе. Но до сихъ поръ каждый такой союзъ, въ огромномъ

большинствѣ случаевъ, сопровождается тяжелыми страданіями, безсмысленной борьбой съ традиціями и священными для массы чувствами, борьбой, вызванной необходимостью перемѣны религіи. Новая реформа не устраняетъ этого болѣзненнаго явленія, какъ не устраняетъ она и другого сложнаго и труднаго вопроса: о религіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Точная регламентація, въ какихъ случаяхъ и какую религію должны исповѣдывать дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, является источникомъ серьезныхъ семейныхъ разногласій и представляетъ наслѣдіе прошлаго, отражая ту точку зрѣнія, по которой государство имѣло право регулировать даже интимную жизнь гражданъ.

Эти пробѣлы и пережитки стараго времени, неизбѣжные во всякомъ актѣ, носящемъ печать переходнаго историческаго момента, показываютъ путь къ дальнѣйшимъ реформамъ и убѣдительно подчеркиваютъ необходимость цѣльной и всесторонней ликвидаціи отжившаго уклада.

Рабочее движеніе, всколыхнувшее Россію, естественно, заставило предпринимателей обсудить и выяснить свое отношеніе къ различнымъ требованіямъ, выставленнымъ рабочими въ послѣдніе мѣсяцы. Это отношеніе чрезвычайно опредѣленно формулировано въ «резюме работъ коммиссіи по рабочему вопросу», избранной всероссійскимъ съѣздомъ промышленниковъ. Указанный документъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ программа дѣятельности цѣлаго вліятельнаго общественнаго класса. Воспроизводимъ его съ незначительными сокращеніями.

Коммиссія по рабочему вопросу, избранная при московскомъ биржевомъ комитетѣ, имѣла 6 засѣданій—14-го, 18-го, 22-го и 28-го февраля и 4-го и 8-го марта. с.г.

Разсмотрѣвъ рядъ вопросовъ, вытекающихъ какъ изъ предъявляемыхъ рабочими требованій, такъ и изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣднее рабочее движеніе въ Россіи, коммиссія пришла къ убѣжденію, что въ числѣ главныхъ причинъ малоуспѣшности борьбы съ распространившимися повсемѣстно забастовками являлись неясность и несовершенство многихъ законоположеній, касающихся отношеній рабочихъ къ работодателямъ, а равно отсутствіе единодушія между фабрикантами по тѣмъ вопросамъ, по которымъ уступки не могутъ быть сдѣланы, не нарушая нормальнаго теченія промышленной жизни.

Какъ прямой выводъ изъ этихъ двухъ положеній, вытекаетъ, съ одной стороны, необходимость возбужденія передъ правительствомъ ходатайства объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ нѣкоторыхъ статей нашего фабричнаго законодательства и, съ другой, заключенія конвенціи между фабрикантами на предметъ установленія для ея участниковъ перечня тѣхъ требованій, по которымъ уступки не должны быть допускаемы. Къ числу первыхъ были отнесены коммиссіей:

1) измѣненіе законодательства о стачкахъ и забастовкахъ; 2) вопросъ объ уменьшеніи нормы рабочаго времени.

По первому вопросу коммиссія, прежде всего, нашла необходимымъ установить точное понятіе какъ о самой забастовкѣ, такъ и о срокѣ, когда наступаетъ

расторженіе договора о наймѣ. Обращаясь къ современному законоположенію о забастовкахъ, собраніе обратило свое вниманіе на неясность существующей статьи 1358, по которой главнымъ признакомъ забастовки является предварительный уговоръ между рабочими, каковой на практикѣ установить крайне трудно, почему признается необходимымъ установить признаки забастовки въ иной редакціи, а именно: «забастовка есть совмѣстное оставленіе работы однимъ или нѣсколькими отдѣлами фабрики или всею фабрикою, всѣми ли рабочими отдѣла или фабрики, или такимъ числомъ рабочихъ, что дальнѣйшая работа отдѣла или фабрики становится невозможной».

Принявъ такое опредѣленіе, коммиссія признала полезнымъ установить взглядъ на забастовку, какъ на нарушеніе договора, при своемъ мирномъ теченіи, не подлежащее уголовной карѣ.

Тѣмъ важнѣе представляется коммиссіи вопросъ о гражданской отвѣтственности сторонъ: разъ рабочіе оставили работу и тѣмъ нарушили договоръ о наймѣ, то несправедливо возлагать на работодателя какое бы то ни было обязательство о дальнѣйшей платѣ рабочимъ за время забастовки, отъ которой онъ и безъ того несетъ значительные убытки. Забастовка для него является нежелательной, и потому онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ матеріально передъ рабочими за то, что извѣстный отдѣлъ его фабрики забастовалъ и тѣмъ самымъ лишилъ его возможности работать въ другихъ отдѣлахъ; не можетъ предприниматель считаться отвѣтственнымъ и за то, что толпа постороннихъ лицъ заставитъ его рабочихъ прекратить работу. Такимъ образомъ, на самую забастовку нужно установить взглядъ такой, что она является одинаково «форсъ мажоромъ» для предпринимателя и рабочаго, и что ихъ взаимныя обязательства уже фактомъ наступленія забастовки,—будь то по взаимному уговору съ предъявленіемъ требованій или нѣтъ, вслѣдствіе ли посторонняго давленія или нѣтъ,—прекращаются, и самый моментъ наступленія забастовки является поводомъ къ расторженію договора. Происходящія въ настоящее время въ Россіи забастовки носятъ характеръ устрашенія и насилія, и этимъ рабочіе пользуются одинаково какъ противъ работодателя, такъ и противъ своихъ сотоварищей, желающихъ продолжать работу. Эти элементы насилія въ забастовкахъ должны быть безусловно караемы, поэтому желательно, чтобы были наказуемы слѣдующіе виды насилія:

а) предъявленіе требованій скопомъ и большой толпой;

б) всякія угрозы и насилія какъ противъ лицъ заводской администраціи, такъ и противъ владѣльца предпріятія;

в) всякія угрозы и насилія по отношенію лицъ, желающихъ продолжать работу, и лицъ, желающихъ вновь за нее приняться;

г) всякое уничтоженіе и порча заводскаго имущества; къ такой же порчѣ относится и всякая неизбѣжная порча имущества, происходящая отъ внезапности остановки работъ.

По второму вопросу коммиссія, исходя изъ нормы рабочаго времени, принятой почти повсемѣстно во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, въ количествѣ 10 часовъ при 305 рабочихъ дняхъ въ году, пришла къ убѣжденію,

*

что установка 10-часовой нормы у насъ, при огромномъ изобиліи праздниковъ, низводящихъ число рабочихъ дней въ году для центральнаго промышленнаго района Россіи до 275, поставила бы русскую промышленность въ значительно худшія условія сравнительно съ промышленностью запада, такъ какъ къ меньшему числу годовыхъ рабочихъ часовъ присоединилась бы еще несомнѣнно болѣе слабая интенсивность работы русскаго рабочаго. Вслѣдствіе вышеизложеннаго коммиссія полагала бы представить правительству, что пониженіе рабочаго времени ниже 11-часовой нормы вызоветъ очень большое вздорожаніе всего производства фабрикъ и заводовъ, неминуемо ложась косвеннымъ налогомъ на населеніе. Чрезмѣрное число праздниковъ, отмѣна которыхъ не во власти фабриканта, значительно уменьшаетъ общее число годовыхъ рабочихъ часовъ, которые единственно и должны служить исходной точкой для опредѣленія работоспособности рабочаго.

Если же правительство тѣмъ не менѣе желаетъ идти по пути сокращенія рабочаго времени, то такое уменьшеніе должно быть осуществлено постепенно чрезъ сравнительно большіе промежутки времени, дабы дать возможность промышленности приспособиться къ новымъ условіямъ. Конечная наименьшая норма не должна быть ниже 10 часовъ для денныхъ рабочихъ; для смѣнныхъ рабочихъ желательно установить для двухъ смѣнъ 18 часовъ, по 9 часовъ на каждую (могутъ быть допущены въ однѣ сутки 6 час. и 12 часовъ въ другія), какъ для женщинъ и подростковъ (нынѣ дѣйствующій законъ), такъ и для взрослыхъ мужчинъ; непрерывную же работу узаконить въ въ 3 смѣны по 8 часовъ въ каждую.

Примѣчаніе. По этому вопросу Г. А. Крестовниковымъ и Е. Е. Классенъ было сдѣлано заявленіе, что они, не бывъ на засѣданіи, въ которомъ обсуждался данный вопросъ, присоединиться къ сдѣланному постановленію не могутъ и намѣрены внести предложеніе о пересмотрѣ резолюцій, касающихся нормъ 18 часовъ на двѣ смѣны и непрерывной по 8 час. въ три смѣны.

Обращаясь къ вопросу о конвенціи между фабрикантами и заводчиками, коммиссія изъ ряда вопросовъ, предложенныхъ и разсмотрѣнныхъ ею, выдѣлила 7 вопросовъ, а именно:

1) о сокращеніи рабочаго времени,

2) о вознагражденіи за прогульное время въ періодъ забастовокъ,

3) объ участіи рабочихъ при опредѣленіи заработной платы и правилъ внутренняго распорядка,

4) объ участіи рабочихъ въ вопросахъ, касающихся увольненія рабочихъ,

5) о штрафахъ,

6) объ установленіи минимума дневного заработка,

7) объ охранѣ сверхъурочныхъ работъ.

Всѣ эти вопросы возбуждались въ большинствѣ требованій рабочихъ по разнымъ фабрикамъ и заводамъ. По нимъ коммиссія нашла цѣлесообразнымъ предложить слѣдующія рѣшенія:

По 1 вопросу: впредь до урегулированія этого вопроса въ законодательномъ

порядкѣ, что должно состояться въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, въ мартѣ текущаго года, при продолжающихся забастовкахъ не слѣдуетъ дѣлать измѣненія въ рабочемъ времени, а предлагать рабочимъ обождать рѣшенія этого вопроса путемъ законодательнымъ, такъ какъ этотъ вопросъ въ настоящее время, повидимому, не носитъ остраго характера.

По второму вопросу: оплата прогульнаго времени является невозможной, такъ какъ таковая оплата привела бы промышленность въ безвыходное положеніе. При этомъ коммиссія пришла къ заключенію, что возможно не признавать нарушеніемъ конвенціоннаго соглашенія между фабрикантами, если предприниматель, въ виду бѣдственнаго положенія рабочихъ, по окончаніи забастовки, нашелъ бы нужнымъ выдавать авансы подъ работу съ разсрочкой таковыхъ по своему усмотрѣнію; пособія же, въ случаѣ ихъ выдачи наиболѣе бѣднымъ семьямъ, носили бы форму исключительно благотворительности и никоимъ образомъ не носили бы формы хотя бы частичной платы за потерянный заработокъ.

По третьему вопросу: участіе рабочихъ въ опредѣленіи заработной платы и въ вопросахъ внутренняго распорядка фабрики признается невозможнымъ, такъ какъ заработная плата и распорядокъ фабрики являются элементами свободнаго договора между двумя сторонами; одна сторона должна быть совершенно свободной, предлагая свои условія платы и распорядка фабрики, другая сторона должна быть также совершенно свободной, соглашаясь или не соглашаясь на эти условія.

По 4 вопросу: право увольненія рабочихъ должно оставаться за администраціей фабрики, учрежденіе же особой коммиссіи для увольненія рабочихъ, съ участіемъ представителей отъ рабочихъ съ правомъ хотя бы совѣщательнаго голоса, не допустимо.

По 5 вопросу: существованіе взысканій за дурную работу—необходимо въ интересахъ качества фабрикатовъ, замѣна штрафовъ увольненіемъ рабочаго, проявившаго себя дурной работой, повлекла бы къ обостренію отношеній между фабрикантомъ и рабочими.

По 6 вопросу: удовлетвореніе требованій рабочихъ о гарантіи заработной платы для работающихъ по сдѣльнымъ расцѣнкамъ не осуществимо, такъ какъ оно повлекло бы за собой полную дезорганизацію въ работѣ и явилось бы преміей для наиболѣе лѣнивыхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и удорожило бы въ значительной степени продукты производства за счетъ потребителей. Установленіе же минимума въ поденныхъ работахъ не осуществимо въ виду разнообразія въ работоспособности отдѣльныхъ рабочихъ, занятыхъ поденными работами, разнообразія самихъ работъ, мѣстныхъ условій и жизненныхъ удобствъ.

По 7 вопросу: желательно установленіе полуторной платы за необязательныя сверхъурочныя работы, обязательныя же сверхъурочныя работы не поддаются нормировкѣ, въ виду крайне разнообразнаго характера ихъ по родамъ производствъ.

Такимъ образомъ, вышеприведенные 7 вопросовъ могутъ, по мнѣнію ком-

миссіи, всецѣло служить предметомъ конвеціи между фабрикантами и заводчиками. Что же касается вопросовъ о страхованіи рабочихъ, учрежденія больничныхъ кассъ и т. п. то, считая въ принципѣ постановку подобныхъ вопросовъ желательной, коммисія полагаетъ несвоевременнымъ принимать по нимъ какія-либо рѣшенія въ виду того, что въ настоящее время они разрабатываются уже въ законодательномъ порядкѣ.

Въ заключеніе коммисія полагала, что было бы несправедливо и произвело бы дурное впечатлѣніе на рабочихъ, если бы фабриканты, добиваясь извѣстной организаціи для себя, не высказались въ пользу допущенія таковой для рабочихъ, въ виду чего предлагается собранію, не входя въ детальное разсмотрѣніе частностей и не предрѣшая вопроса объ его формѣ, признать организацію фабричныхъ рабочихъ допустимою.

Этотъ документъ, изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорятъ «комментаріи излишни», въ особенности интересенъ «въ наше время, когда»... когда идея всеобщаго «объединенія», идея политическихъ слоеныхъ пироговъ, пользуется величайшею популярностью въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества. Предприниматели, тѣмъ же перомъ подписывающіе и радикальныя «записки», и взаимный договоръ о всероссійской стачкѣ промышленниковъ противъ рабочихъ, представляютъ болѣе чѣмъ убѣдительное доказательство необходимости для каждаго класса самостоятельно защищать свои экономическіе и неразрывно съ ними связанные политическіе интересы.

Высочайшимъ указомъ 30-го марта повелѣно особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности «упразднить, передавъ производившіяся въ немъ дѣла надлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному особому совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія».

— Рескриптомъ 30 марта на имя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Горемыкина образовано особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія. Рескриптъ, указывая, что правительственныя изслѣдованія обнаружили значительное разстройство хозяйственнаго положенія крестьянскаго сословія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ задачи вновь учрежденнаго совѣщанія.

«Признавая необходимымъ незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія, Я нахожу полезнымъ, чтобы, независимо отъ разрабатываемыхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобразованій въ области крестьянскаго управленія, особое вниманіе обращено было на непосредственное упроченіе земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія. Въ сихъ видахъ надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуществленію намѣчаемой задачи, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. При предстоящихъ по сему вопросу работахъ должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользо-

ванія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ связи съ симъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности».

Работы въ особомъ совѣщаніи начинаются на Ѳоминой недѣлѣ. Предположено, прежде всего, собрать статистическія данныя о средней величинѣ крестьянскаго надѣла въ отдѣльныхъ районахъ и губерніяхъ, а также матеріалы о черезполосицѣ.

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско хозяйственной промышелнности, предсѣдателемъ котораго былъ С. Ю. Витте, просуществовало съ небольшимъ три года. Оно учреждено 22-го января 1902 г. и упразднено 30-го марта 1905 г. Въ теченіе своего существованія коммиссія имѣла около шестидесяти засѣданій. Главное наслѣдство, оствшееся отъ нея,—58 томовъ трудовъ уѣздныхъ и губернскихъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Практическихъ послѣдствій сколько нибудь существеннаго значенія дѣятельность коммиссіи не имѣла.

— 10-го апрѣля опубликованъ указъ сенату о мѣрахъ по случаю крестьянскихъ безпорядковъ. Сущность этихъ мѣръ сводится къ тому, что крестьяне, кромѣ уголовной отвѣтственности по суду привлекаются также къ матеріальной отвѣтственности за причиненные безпорядками убытки, «съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ». Потерпѣвшимъ владѣльцамъ усадебъ, торговопромышленныхъ заведеній и движимаго имущества повелѣно оказать «воспособленіе выдачей ссудъ изъ казны», въ тѣхъ случаяхъ, если бы потерпѣвшіе «оказались не въ состояніи собственными средствами немедленно возстановить свои усадьбы или пріобрѣсти необходимый для веденія въ нихъ хозяйства инвентарь».

«Выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ» возлагается на особыя временныя уѣздныя коммиссіи, учреждаемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ и имъ руководимыя путемъ инструкцій и черезъ особо для того командируемыхъ лицъ. Коммиссіи эти, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, составляются изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ, «а также приглашаемыхъ одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія», проживающихъ по близости къ мѣсту безпорядковъ. Что же касается взысканія убытковъ съ виновныхъ и выдачи ссудъ потерпѣвшимъ, то порядокъ соотвѣтственныхъ дѣйствій повелѣно выработать министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи и финансовъ и государственнымъ контролеромъ и представить на Высочайшее утвержденіе черезъ комитетъ министровъ.

Цѣлью предписанныхъ мѣръ не одно только возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ безпорядками, но и «вящшее развитіе въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности».

Интересно отмѣтить, что даже «Новое Время», обсуждая предпринятыя мѣры, должно было признать, что «лучшій воспитатель чувства законности въ населеніи — это законъ и закономѣрно дѣйствующія административныя и судебныя учрежденія, которыхъ нынѣ лишено крестьянство».

Тѣмъ временемъ крестьянскія волненія не успокаиваются. Къ сожалѣнію, печать лишена возможности давать о нихъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Въ газеты проникаютъ только отрывочныя извѣстія. Въ апрѣлѣ огромные безпорядки продолжались въ Горійскомъ уѣздѣ, въ Люблинской губерніи, гдѣ они приняли широкіе размѣры, въ сухумскомъ округѣ, въ Борчалинскомъ уѣздѣ Тифлиской губ., возлѣ Оргѣева, Бессарабской губ., въ Витебской, Тверской, Тамбовской, Самарской, Воронежской и другихъ губерніяхъ.

— 3-го апрѣля Высочайшимъ рескриптомъ повелѣно иркутскому генералъ-губернатору графу Кутайсову приступить къ разработкѣ вопроса о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири.

— Международный рабочій праздникъ 1 мая (по новому стилю) сопровождался серьезнымъ столкновеніями въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи.

Въ «Варш. Дневникѣ» отъ 19-го апрѣля напечатано:

«Вчерашній день (1-го мая по нов. ст.) въ Варшавѣ, начавшійся съ утра не только общей забастовкой фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но и прекращеніемъ работъ во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, а также пріостановкой торговой жизни, прошелъ неблагополучно. Съ 11 часовъ утра начались сборищ а,а затѣмъ и нападенія и стрѣльба изъ револьверовъ въ чиновъ полиціи и солдатъ; былъ также случай бросанія въ патруль взрывчатаго снаряда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ войска вынуждены были прибѣгнуть къ оружію, и въ результатѣ оказались убитые и раненные. Изъ чиновъ полиціи тяжело раненъ городовой и одинъ казакъ; менѣе тяжкія поврежденія нанесены нѣсколькимъ казакамъ и нижнимъ чинамъ».

Въ Лодзи полиціи удалось многократно разсѣять демонстрантовъ, не прибѣгая къ оружію. Сегодня фабрики приступили къ работамъ, трамваи ходятъ по обыкновенію; магазины открыты; оживленное движеніе по всѣмъ улицамъ; городъ принялъ свой обычный видъ (Р).

— Въ Кашинѣ расклеено объявленіе губернатора слѣдующаго содержанія

«Въ виду циркулирующихъ разнообразныхъ, сильно преувеличенныхъ и совершенно несогласныхъ съ истиной толковъ по поводу событій 1-го мая, возбуждающихъ населеніе, считаю должнымъ предупредить, что слухи эти не вѣрны и пускаются злонамѣренными лицами, преслѣдующими цѣль сѣянія смуты.

«Желая избѣжать новыхъ жертвъ, предупреждаю населеніе но вѣрить слухамъ и толкамъ въ защиту демонстрантовъ и въ обвиненіе полиціи. Призываю

населеніе къ спокойному и благоразумному отношенію и правильной, честной и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, памятуя, что пострадали не только, быть можетъ, невинные обыватели отъ безобразій и насилій хулигановъ, но и невинные чины полиціи и полка, исполнявшіе свой долгъ при усмиреніи безпорядковъ».

— Въ Бѣлостокѣ по городу ходили военные патрули.

— Въ Гомелѣ праздникъ рабочихъ ознаменовался манифестаціями.

— Въ Борисовѣ рабочіе не работали на фабрикахъ и въ мастерскихъ.

— Изъ Минска «Сѣв.-Зап. Край» сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія:

«Второй день праздника, какъ извѣстно, совпалъ съ днемъ 18-го апрѣля, когда рабочіе празднуютъ 1-е мая по н. с. По этому случаю, въ этотъ день на фабрикахъ и заводахъ, а также въ мастерскихъ не было занятій. Съ полудня были открыты магазины, но приказчиковъ тамъ почти не было.

«Улицы были весьма оживлены. Рабочіе группами шли по улицамъ, одѣтые по праздничному. Вечеромъ, около 6-ти часовъ, Губернаторская улица, а особенно правая сторона, была положительно запружена народомъ. По тротуарамъ было до того тѣсно, что публика двигалась сплошной массой. По улицѣ ѣздили патрули казаковъ и драгунъ. Первые были вооружены пиками. Полицейскіе посты были также усилены. Къ 7 часамъ вечера тротуары порѣдѣли на нѣкоторое время. Въ это время на Серпуховской улицѣ имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе. Какъ передаютъ, дѣло началось съ того, что мальчишки, стоявшіе у забора сада Парфіяновича, гдѣ происходило народное акробатическое представленіе, стали бросать камнями въ казаковъ. Улицу вскорѣ переполнила огромная толпа народа, увеличившаяся значительной публикой, бывшей на представленіи акробатовъ. Въ толпѣ раздалось нѣсколько анти-правительственныхъ возгласовъ, сопровождавшихся выстрѣлами. Казаки разогнали толпу. На помощь казакамъ прибылъ и отрядъ драгунъ.

«Около половины девятаго вечера произошла манифестація у Александровскаго сквера. Возлѣ Парижской гостиницы, у кондитерской Венгржецкаго въ скверѣ, по аллеѣ, идущей къ театру, собрались толпы народа. Съ тротуара сошелъ какой-то господинъ и выстрѣлилъ въ воздухъ изъ револьвера. Раздались возгласы. Многіе арестованы».

— Въ Казани за городомъ, близъ лагерей, собралась толпа, преимущественно, изъ учащейся молодежи, количествомъ отъ 100 до 150 человѣкъ, чтобы отпраздновать праздникъ рабочихъ. Оттуда около 4-хъ часовъ дня толпа эта двинулась по дамбѣ въ городъ. По входѣ въ городъ, при видѣ явившейся полиціи, толпа разсѣялась.

— Министерство финансовъ извѣстило подвѣдомственные ему органы, что, по надлежащему соглашенію, отмѣняются циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го августа 1897 года, за № 7587, и циркуляръ министерства финансовъ отъ 8-го апрѣля того же года, за № 9677. Содержаніе этихъ циркуляровъ излагается «Торгово-Промышленной Газетой» и «С. О.».

Циркуляръ министра финансовъ за № 9677 не отличается многословіемъ:

въ виду того, что стачки по нашимъ законамъ являются дѣяніемъ уголовно наказуемымъ, фабричной инспекціи предписывалось предлагать стачечникамъ немедленно приступать къ работѣ; и только при исполненіи этого условія и не иначе какъ послѣ возобновленія работъ фабричная инспекція могла входить въ переговоры съ хозяевами предпріятій по поводу требованій, предъявленныхъ стачечниками, т.-е. выступить въ роли посредника и примирителя, которая признавалась первѣйшей обязанностью фабричной инспенкціи.

Такимъ образомъ, получалось своего рода petitio principii: переговоры о перемиріи начинались послѣ того, какъ перемиріе состоялось.

Болѣе сложнымъ являлось содержаніе циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ.

Изложивъ взглядъ министерства внутреннихъ дѣлъ на стачки, какъ на явленія, вызванныя преступной пропагандой социалъ-демократическихъ кружковъ, входящихъ въ сношеніе съ рабочими и эксплоатирующихъ ихъ недовольство бѣдственнымъ положеніемъ на фабрикахъ и заводахъ, циркуляръ предписывалъ губернаторамъ, прежде всего, войти въ ближайшія сношенія съ фабричной и горной инспекціей, съ начальствомъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ прокурорскимъ надзоромъ и проч., и проч., дабы установить живое общеніе этихъ лицъ между собою и для согласованія ихъ дѣйствій въ случаѣ появленія какихъ-либо признаковъ недовольства или волненія въ рабочей средѣ.

Полиціи предписывалось далѣе установить самое строгое за фабрикантами и заводами наблюденіе, равно какъ и за мѣстами разселенія рабочихъ, внимательно слѣдить за всякими проявленіями недовольства среди рабочихъ, выяснять ихъ причины и устранять ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе имѣютъ поводы жаловаться на притѣсненія и несправедливыя дѣйствія фабрикантовъ и фабричной администраціи.

Пунктъ третій циркуляра предписывалъ наблюдать за появленіемъ среди рабочихъ лицъ интеллигенціи и тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ заподозрѣны въ сношеніяхъ съ рабочими или въ распространеніи какихъ-либо изданій, подвергать немедленно аресту и передавать безотлагательно въ распоряженіе чиновъ корпуса жандармовъ для производства разслѣдованія.

Безусловно воспрещались всякія сходки рабочихъ и предписывалось, выяснивъ зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергать послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора о стачкѣ или забастовкѣ.

Въ случаѣ воникновенія стачекъ и забастовокъ предписывалось принимать при посредствѣ соотвѣтствующихъ властей мѣры къ немедленному разъясненію причинъ забастовки и къ миролюбивому соглашенію сторонъ; буде соглашенія не послѣдуютъ, то назначать забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить разсчетъ, а по истеченіи этого срока всѣхъ неставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ, прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законнаго срока, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки, тѣхъ же иногороднихъ рабочихъ, которые забастовали съ нарушеніемъ законныхъ сроковъ найма, удалять по этапу. Заработанныя деньги отсылать

по мѣсту приписки высланныхъ. Объ упорствующихъ статечникахъ-иностранцахъ доводить до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ на «предметъ» высылки ихъ за границу.

Всѣмъ мѣстнымъ рабочимъ предписывалось объявлять, что всякое нарушеніе порядка будетъ немедленно подавляемо и зачинщики и подстрекатели будутъ тотчасъ же пводергаемы аресту и высылкѣ.

О всѣхъ предпринимаемыхъ мѣрахъ должны были вывѣшиваться на фабрикахъ объявленія, и всякая объявленная мѣра должна была приводиться своевременно и немедленно въ исполненіе...

Всѣхъ рабочихъ, которые окажутъ въ какой-либо формѣ сопротивленіе распоряженіямъ администраціи, а также замѣченныхъ въ подстрекательствѣ другихъ рабочихъ къ сопротивленію или противодѣйствію, полиціи подвергать аресту и входить въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ удаленіи изъ даннаго района независимо отъ происхожденія.

Наконецъ, на фабрикахъ, на которыхъ обнаружатся волненія, объявлять, по соглашенію съ фабричной инспекціей и другими властями, что всякій рабочій, замѣченный въ насильственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ рабочимъ съ цѣлью воспрещенія стать на работы или въ возмездіе за послѣдовавшее согласіе стать на работу, будетъ подвергнуть аресту и высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

Циркуляръ выяснялъ и мотивы, которыми министерство внутреннихъ дѣлъ оправдывало во всѣхъ случаяхъ стачекъ и забастовокъ направленіе дѣла преимущественно въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ: «преслѣдованіе стачечниковъ,—говорилось въ заключеніи циркуляра,—не всегда бывало возможно въ виду весьма частаго отсутствія всѣхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1356 улож. о наказ. и слѣд., а также въ виду того, что означенныя статьи закона, налагая на виновныхъ взысканія, не сопряженныя съ ограниченіемъ или лишеніемъ правъ, не обязываютъ судебнаго слѣдователя подвергать обвиняемыхъ содержанію подъ стражей, особенно по окончаніи слѣдственнаго производства, между тѣмъ какъ при тревожномъ настроеніи рабочаго населенія данной мѣстности, освобожденіе наиболѣе энергичныхъ вожаковъ изъ подстрекателей до полнаго успокоенія умовъ представляется часто вреднымъ и влечетъ за собой возобновленіе безпорядковъ».

Отмѣна этого циркуляра, при существованіи положенія объ усиленной охранѣ, не можетъ устранить возможности примѣненія всѣхъ мѣръ, которыя въ немъ были рекомендованы.

КЪ ВВЕДЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРАХОВАНІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Высочайше утвержденнымъ 2-го іюня 1903 года мнѣніемъ государственнаго совѣта министру финансовъ было поручено войти въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1904 года, съ представленіемъ о введеніи «обязательнаго страхованія утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ». Нынѣ объявлено о неотложности введенія государственнаго страхованія рабочихъ, и для составленія законопроекта учреждена коммиссія изъ представителей подлежащихъ вѣдомствъ.

Проектируемая мѣра, какъ и проектируемое сокращеніе максимальнаго рабочаго дня, «тщательная» регулировка сверхъурочнаго труда, обезпеченіе рабочихъ «постоянной» врачебной помощью и пр., какъ видно изъ особаго журнала комитета министровъ, преслѣдуютъ прежде всего *административную* цѣль. Все германское законодательство о страхованіи рабочихъ было создано по иниціативѣ Бисмарка, въ виду развитія «опасной для общественнаго спокойствія» пропаганды крайней лѣвой. Считая уже недостаточными однѣ полицейскія мѣры борьбы, вродѣ извѣстнаго закона противъ соціалистовъ, Бисмаркъ пытался цѣлымъ рядомъ положительныхъ въ интересахъ рабочихъ мѣропріятій доказать имъ, что и «при господствующей формѣ государственнаго устройства возможны существенныя улучшенія участи рабочихъ». Тѣ же соображенія оказываются и у нашихъ государственныхъ людей. Они желаютъ направить рабочее движеніе по «экономическому» руслу. Еще С. Ю. Витте, представляя проектъ правилъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, опредѣленно заявилъ, что законопроектъ этотъ «является лучшимъ оплотомъ противъ развитія пагубныхъ ученій». Журналъ комитета министровъ отъ 28-го и 31-го января текущаго года представляетъ только развитіе этой мысли. Указывая на то, что фабричное законодательство Россіи подвигалось весьма медленно и за двадцатипятилѣтіе со времени его возникновенія выразилось въ весьма немногихъ нормахъ, «упорядочившихъ» лишь «нѣкоторыя изъ отношеній промышленниковъ и рабочихъ», комитетъ не удивляется «неуклонному развитію такихъ сторонъ быта рабочихъ, которыя уже не предусматривались существующимъ закономъ». Его лишь озабочиваетъ одна сторона. «Рабочее наше движеніе,—говоритъ комитетъ,—не будучи удерживаемо въ теченіи своемъ опредѣленными рамками положительнаго закона, уклонилось со свойственнаго ему пути экономическаго характера и подпало подъ вліяніе политической агитаціи и полицейскаго воздѣйствія». Задача, слѣдовательно, въ томъ, чтобы найти, подобно Бисмарку, оружіе для борьбы съ политическими тенденціями пролетаріата и «взять рабочее движеніе въ свои руки» *). Конеч-

*) См. „Извлеченіе изъ особаго журнала комитета министровъ 28 и 31 января 1905 г. по представленію министра финансовъ о постановленіяхъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія промышленниковъ и рабочихъ“ „Русь“ № 49.

но, страхованіе рабочихъ въ ряду этихъ мѣръ дѣло первостепенной важности: въ страхованіи готовы были видѣть рѣшеніе «проклятаго вопроса» не одни администраторы.

Какова бы, однако, ни была цѣль проекта государственнаго страхованія рабочихъ, нельзя не признать, что проектъ имѣетъ глубокое симптоматическое значеніе: наступаетъ моментъ, когда правительство не жалѣетъ уже средствъ, чтобы заручиться симпатіями рабочаго класса, когда оно не прочь уподобиться «желѣзному канцлеру», проводившему свой «государственный соціализмъ» наперекоръ многочисленнымъ еще тогда манчестерцамъ и юнкерамъ.

Даже самое предпочтеніе его по времени тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя выдвинуты на очередь лишь послѣ кровавыхъ событій января, знаменательно. Когда есть основаніе предполагать, что въ организмѣ что-либо неладно, обыкновенно прибѣгаютъ къ термометру: повышеніе температуры и является симптомомъ болѣзненности. Есть свой термометръ и въ экономической жизни: это— процентъ заболѣваемости, несчастныхъ случаевъ, инвалидности среди тѣхъ, «чьи работаютъ грубыя руки»—среди растущей при машинѣ арміи пролетаріата. Процентъ смертности и инвалидности стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ безработицей. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ серьезный промышленный кризисъ потрясаетъ всѣ этажи молодого русскаго капитализма. Еще съ весны 1899 года—въ связи съ извѣстіями о застоѣ и банкротствахъ—шли извѣстія о безработицѣ. Время шло, газеты стали отмѣчать случаи голодной смерти. Явленіе не только не слабѣло, но получало все большую и большую интенсивность, такъ какъ къ ненашедшимъ себѣ приложенія рабочимъ силамъ присоединились крестьяне голодающихъ губерній. Они до такой степени заполнили всѣ переулки и закоулки промышленныхъ центровъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ администрація вынуждена была предоставить имъ особую «льготу»: безплатный проѣздъ на родину. Несчастная затяжная война то же сокрушила не мало столповъ нашего капитализма, а вмѣстѣ съ ними десятки тысячъ рабочихъ. Но что расшатало «благополучіе» даже благополучной части арміи русскаго труда, это тѣ грандіозныя забастовки, которыя въ настоящее время охватили всю Россію, буквально отъ «финскихъ хладныхъ береговъ до пламенной Колхиды». Могли ли мы полгода тому назадъ подумать, что у насъ будутъ всеобщія забастовки? Между тѣмъ, мы видѣли ихъ собственными глазами: *весь* Петербургъ бастовалъ, *вся* Москва, *вся* Рига и пр. Какъ извѣстно, среди причинъ, предрасполагающихъ къ заболѣванію брюшнымъ тифомъ, недостаточное питаніе занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ городскихъ центрахъ это почти исключительно болѣзнь окраинъ. Что же мы видимъ? Заболѣванія брюшнымъ тифомъ рѣзко повышаются. Прежде, напр., число заболѣваній въ Петербургѣ въ недѣлю доходило до 57, послѣднее время оно повысилось до 252 въ недѣлю и на этомъ приблизительно уровнѣ держится. Одновременно повысилась и общая заболѣваемость инфекціонными заболѣваніями съ 300—320 чел. въ недѣлю до 550. Какова была заболѣваемость Петербурга до послѣдняго времени, можно судить по тому, что за десять лѣтъ, съ 1891 до 1901 года, число заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ увеличилось въ три раза въ то время, какъ населеніе го-

рода увеличилось на 30%. Аналогичныя свѣдѣнія приносятъ намъ газеты изъ другихъ фабрично-заводскихъ центровъ. Многіе ли, разъ заболѣвъ, въ состояніи выжить? Едва ли. Вѣдь третьей части рабочихъ не оказывается у насъ никакой врачебной помощи, часть рабочихъ пользуется первоначальной и амбулаторной, и лишь меньшинство—полной больничной помощью. Оффиціальное изслѣдованіе, произведенное въ 1898 году, показало, что изъ всего числа промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ дѣйствію фабричной инспекціи, врачебная помощь въ томъ или иномъ видѣ оказывалась лишь въ 18% всего ихъ числа съ 69,9% рабочихъ. Такимъ образомъ, 15.804 фабрики съ 436.616 рабочими не оказывали послѣднимъ никакой врачебной помощи. То же въ области несчастныхъ случаевъ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ статистика несчастныхъ случаевъ ведется канцелярскимъ путемъ. Но даже такой статистики оказывается достаточно для того, чтобы убѣдиться, насколько поистинѣ колоссальна разница между Россіей и любой страной запада. Какъ извѣстно, въ 1895 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го марта 1894 г. мнѣнія государственнаго совѣта и ст. 40 изданнаго согласно этому закону наказа, чинамъ фабричной инспекціи было предоставлено право требовать отъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, чтобы о каждомъ несчастномъ случаѣ, послѣдствіемъ котораго можетъ быть смерть или тяжкое поврежденіе, сообщалось инспектору не позднѣе слѣдующаго за несчастнымъ случаемъ дня. Подсчетъ ихъ за первые года былъ столь ничтоженъ, что терялъ всякое значеніе, и лишь съ 1901 года свѣдѣнія оказались настолько «многочисленными», что явилась возможность подвергнуть ихъ статистической разработкѣ. Вотъ эта-то статистическая разработка и лежитъ передъ нами *). Что же говорятъ цифры? Прежде чѣмъ заглянуть въ нихъ, напомнимъ читателю, что всѣ металлоплавильные, желѣзодѣлательные и сталедѣлательные заводы, вообще, всѣ заводы первичной обработки ископаемыхъ, отличающіеся наивысшимъ коэффиціэнтомъ опасности среди группъ производства, состоятъ у насъ въ вѣдѣніи горнаго надзора; несчастные случаи этихъ заводовъ въ отчетъ войти не могли. Напротивъ, во всѣхъ безъ исключенія западно-европейскихъ государствахъ всѣ заводы этого рода подчинены законамъ наравнѣ съ прочими фабриками и состоятъ подъ наблюденіемъ фабричной инспекціи; несчастныя случаи ихъ въ общіе отчеты входятъ. И что же? Вопреки той неполнотѣ, какую представляетъ наша статистика,—сферы труда, гдѣ процентъ несчастныхъ случаевъ одинъ изъ самыхъ высокихъ, вовсе отсутствуютъ въ ней,—число смертныхъ случаевъ отъ поврежденій равно у насъ 15,60 на 1.000, смертность въ полтора раза высшая, чѣмъ въ Англіи или Германіи, въ четыре раза высшая, чѣмъ во Франціи или Швейцаріи Въ Англіи аналогичное число—10,69, въ Германіи—10,14, во Франціи—3,83, въ Швейцаріи—4,26. Постоянная полная

---

*) Министерство финансовъ. Отдѣлъ промышленности. „Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1901 годъ“. С.-Петербургъ, 1903 годъ.

потеря трудоспособности у насъ въ три раза высшая, чѣмъ въ Германіи, постоянная частичная потеря трудоспособности—въ два раза.

Эта поразительная разница между Россіей и странами Запада есть прямой результатъ той самой технической отсталости, тѣхъ самыхъ «общихъ» условій, которыя легли въ основу столь затянувшагося у насъ кризиса. Они не только замедляютъ ростъ капитализма, оставляя рабочаго безъ работы, но и на каждомъ шагу устраиваютъ ему западню. При малѣйшей оплошности обыкновенно незнакомаго съ конструкціей машины рабочаго, примитивный, ничѣмъ не защищенный механизмъ захватываетъ платье, отрываетъ пальцы его загрубѣлыхъ рукъ, дробитъ ему черепъ и пр. Опасность, конечно, тѣмъ значительнѣе, что, благодаря машинѣ, трудъ взрослаго работника все болѣе и болѣе замѣняется у насъ женскимъ и дѣтскимъ трудомъ.

При такомъ колоссальномъ процентѣ смертности, инвалидности и пр. было бы, конечно, странно, если бы государственное страхованіе рабочихъ проектировалось совсѣмъ на пустое мѣсто. Нѣтъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ вопросъ сталъ уже предметомъ оффиціальныхъ «коммиссій» и съ тѣхъ поръ не сходилъ съ «очереди». Одно время можно было думать, что будетъ предпринята попытка «широкаго» разрѣшенія вопроса. Дѣйствительно, законъ 2-го іюня 1903 года о «вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности», является однимъ изъ замѣтныхъ актовъ нашего фабричнаго законодательства. Онъ впервые призналъ за увѣчными рабочими вполнѣ опредѣленныя права на вознагражденіе. До тѣхъ поръ чуть не единственнымъ источникомъ являлся такъ называемый общеимперскій капиталъ, который составлялся изъ взысканій, налагаемыхъ на владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ судомъ или губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями, и штрафныхъ капиталовъ закрывшихся промышленныхъ заведеній. Пособія изъ этого капитала были столь же ничтожны, сколько и случайны. Законъ же, которому должно явиться на смѣну государственное страхованіе рабочихъ, будто основанъ на т. н. профессіональномъ рискѣ, согласно которому несчастные случаи неизбѣжны: въ современныхъ условіяхъ производства хозяинъ будто самъ долженъ вознаграждать рабочихъ за потерю трудоспособности—такъ, какъ онъ покрываетъ другія издержки производства. Это шагъ впередъ. Но не надо забывать—въ настоящій моментъ мы идемъ впередъ не шагомъ. То, что вчера казалось шагомъ впередъ, съ точки зрѣнія сегодняшняго дня, можетъ уже быть цѣлыхъ «два шага назадъ». Именно съ этой точки зрѣнія приходится смотрѣть сейчасъ на законъ 2-го іюня. Самая исторія тѣхъ разнообразныхъ измѣненій, которымъ подвергалась редакція правилъ прежде, чѣмъ они увидѣли свѣтъ, уже говоритъ о томъ, какое давленіе оказали заинтересованные круги на содержаніе законопроекта. Прежде всего они достигли того, что размѣръ вознагражденія увѣчнымъ былъ пониженъ до $^2/_3$ полнаго заработка; горнопромышленники юга и Польши предлагали даже понизить его до $^1/_3$ заработка. Затѣмъ, когда предприниматели были привлечены къ его обсужденію въ различныхъ совѣщані-

яхъ, происходившихъ въ 1899—901 гг., статья за статьей стали урѣзаться и урѣзаться до тѣхъ поръ, пока онѣ не оказались по плечу предпринимателямъ. Правила 2-го іюня были распространены лишь на группу фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ; если на рабочихъ казенныхъ предпріятій и частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій эти правила и могутъ быть распространены, то рабочіе ремесленной, кустарной промышленности, строительныхъ промысловъ и вся масса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, даже тѣ изъ нихъ, которые работаютъ въ заведеніяхъ сельскохозяйственной промышленности, изъяты изъ круга дѣйствія закона. Въ статьѣ, опредѣляющей характеръ тѣхъ поврежденій, за которыя полагается вознагражденіе, и рѣчи нѣтъ объ обезпеченіи рабочихъ отъ болѣзни, отъ старости. Вопросъ идетъ только объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ; вся сфера профессіональныхъ заболѣваній осталась совершенно незатронутой. Очевидно, насколько значеніе закона ограничено: число рабочихъ, потерявшихъ трудоспособность отъ болѣзней, неизмѣримо больше числа несчастныхъ случаевъ. Не больше даетъ статья, согласно которой владѣлецъ предпріятія освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая были «злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкой производства работъ». Что значитъ грубая неосторожность? Ради уклоненія или пониженія платежа не трудно все сваливать на злой умыселъ или грубую неосторожность. А размѣръ вознагражденія? Всякій, кому приходилось сталкиваться съ рабочимъ населеніемъ, знаетъ, какъ, въ сущности, ничтожна заработная плата простого рабочаго; не только половина, даже двѣ трети при томъ расчетѣ, какой дѣлаетъ законъ,—средній поденный заработокъ помножается не на 365, а на 260—совершенно не въ состояніи предохранить рабочаго и его семью отъ голода, отъ нужды. При такой неопредѣленности требованій, законъ представляетъ весьма слабую, весьма нерѣшительную попытку «защитить» интересы увѣчныхъ. Онъ можетъ имѣть нѣкоторое примѣненіе, можетъ обезпечить нѣсколькими рублями нѣсколькихъ увѣчныхъ рабочихъ, но сколько хлопотъ, сколько мытарствъ нужно испытать рабочимъ, прежде чѣмъ вырвать въ буквальномъ смыслѣ слова эти нѣсколько рублей изъ рукъ предпринимателя! Кажется, всѣ статьи редактированы такъ, чтобы, по возможности, затормозить осуществленіе столь скромнаго по своимъ требованіямъ закона. А, вѣдь, редактировались онѣ не во имя охраны капитала, а охраны рабочихъ, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ нась составители закона. Законъ 2 іюня имѣетъ значеніе лишь какъ переходная мѣра, которая—согласно высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта—должна уступить мѣсто государственному страхованію рабочихъ, лишь съ *осуществленіемъ* котораго будутъ устранены недостатки, неизбѣжнымъ образомъ сопровождающіе всѣ законы объ индивидуальной отвѣтственности. Въ этомъ смыслѣ думать, что введеніе государственнаго страхованія проектируется на пустое мѣсто, никакъ нельзя: мы видимъ прямую преемственность бюрократическихъ «актовъ», связанныхъ общей идеей «законодательной» охраны тру-

да. Но—одно дѣло преемственность «актовъ», другое дѣло—тѣ жизненныя условія, въ которыхъ вводятся эти акты, условія, имѣющія свою жизненную нить, нерѣдко сводящую на нѣтъ даже нить бюрократическихъ актовъ. Англія и Соединенные Штаты не знали и до сихъ поръ не знаютъ ни одной изъ тѣхъ формъ страхованія, которыя сейчасъ представляются панацеей отъ всѣхъ золъ нашимъ администраторамъ, но никто не станетъ утверждать, что положеніе англійскаго или американскаго рабочаго хуже положенія нѣмецкаго рабочаго. Съ другой стороны, кто можетъ поручиться за то, что государственное страхованіе у насъ—какъ бы «тщательно» ни были редактированы статьи соотвѣтствующаго законопроекта—явится дѣйствительнымъ страхованіемъ рабочихъ, что оно не въ смыслѣ бюрократическаго акта, а конкретнаго жизненнаго начинанія является не на пустое мѣсто?

Отношеніе къ страхованію рабочихъ, въ какихъ бы условіяхъ оно ни существовало, зависитъ отъ пониманія рабочаго вопроса вообще. Кто смотритъ на рабочій классъ, какъ на носителя высшихъ производственныхъ отношеній, для котораго очень трудно улучшить свое экономическое положеніе на почвѣ существующаго строя, тотъ, конечно, будетъ считать страхованіе рабочихъ палліативомъ. Но палліативомъ неизбѣжнымъ. Обезпечить существованіе безработнымъ, инвалидамъ, потерявшимъ способность къ труду, прямая обязанность того самаго общества, на которое они работаютъ, особенно тѣхъ его членовъ, которымъ современный строй приноситъ всѣ выгоды; при чемъ учрежденіе, призванное стоять на стражѣ этой охраны, должно менѣе всего опираться на формализмъ, болѣе всего вытекать изъ организующихъ силъ того самаго класса, улучшеніе условій жизни котораго есть цѣль учрежденія.

Въ сущности, всякій разъ, когда мы говоримъ о государственномъ страхованіи, мы имѣемъ въ виду только страхованіе рабочихъ въ Германіи. Австрійскіе законы объ обезпеченіи увѣчныхъ, вознагражденіи ихъ семействъ, обязательной заботѣ о больныхъ лишь копируютъ германскіе законы. Аналогичное законодательство послѣдняго времени въ другихъ странахъ еще менѣе поучительно по сравненію съ тѣмъ, что уже осуществлено въ Германіи. Государственное страхованіе Германіи, уже исторически сложившееся, многолѣтнимъ опытомъ одобренное, является, по всей справедливости, самымъ замѣчательнымъ, что только было осуществлено въ этой области. Именно на этомъ многолѣтнемъ опытѣ мы видимъ всѣ тѣ недостатки, которые такъ характерны для полумѣръ нашего времени.

II.

Прежде всего государственное страхованіе, какъ оно до сихъ поръ развивалось, исходитъ изъ того предположенія, что рабочій имѣетъ работу. Оно не только не обезпечиваетъ безработнаго, но прямо лишаетъ рабочаго, оставшагося безъ работы и не уплачивающаго больше взносовъ, права на поддержку. Въ области несчастныхъ случаевъ это, конечно, не имѣетъ значенія, такъ какъ рабочій, лишившійся работы, несчастнымъ случаямъ на фабрикѣ не подвер

женъ; но тѣмъ больше нуждается безработный въ страхованіи отъ болѣзни, инвалидности, престарѣлости, такъ какъ именно безработному больше всего угрожаетъ болѣзнь. Это—пробѣлъ очень важный, такъ какъ отъ него зависитъ отчасти правильное функціонированіе всей системы страхованія. Этотъ крупный видъ страхованія даже еще не поставленъ на очередь. Правда, Швейцаріи принадлежитъ иниціатива очень скромнаго общиннаго страхованія отъ безработицы. Въ 1893 году Бернъ ввелъ у себя при городскомъ управленіи добровольное страхованіе на слѣдующихъ основаніяхъ. Каждый рабочій, желающій получить пособіе въ случаѣ безработицы, платитъ 50 сантимовъ въ мѣсяцъ; по прошествіи шести мѣсяцевъ со времени перваго взноса, застрахованный имѣетъ право на субсидію въ полтора франка въ день, если не имѣетъ семьи, и въ два франка, если имѣетъ; касса обязана платить въ теченіи 30 дней; въ случаѣ болѣе продолжительной безработицы дальнѣйшая субсидія зависитъ отъ состоянія кассы. Городъ ежегодно вноситъ въ кассу 7.000 франковъ, предоставляетъ ей помѣщеніе, несетъ расходы по ея управленію. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ доказываетъ лишь одно, насколько нецѣлесообразны подобные опыты. Организаціи могутъ поддерживать два, много три процента безработныхъ, но это капля въ морѣ. Рѣчь можетъ идти лишь объ общегосударственномъ, обязательномъ, а не добровольномъ страхованіи. Конечно, ни одна отрасль страхованія не представляетъ такой сложности, какъ государственное страхованіе отъ безработицы,—отъ индивидуальной безработицы приходится обращаться къ массовой, имѣющей мѣсто, напримѣръ, при стачкахъ,—зато можно быть увѣреннымъ, ни одна отрасль страхованія не имѣетъ столь серіознаго значенія, какъ эта.

Тѣ отрасли, которыя охватываетъ страхованіе рабочихъ Германіи—заболѣваемость рабочихъ, несчастные случаи съ рабочими, престарѣлость или инвалидность,—страдаютъ именно тѣмъ, что нѣмецкая буржуазія и нѣмецкая бюрократія до сихъ поръ не могутъ спокойно смотрѣть на рабочую иниціативу, до сихъ поръ стремятся взять ее «въ свои руки».

Менѣе всего, быть можетъ, принципъ «принужденія» имѣетъ мѣсто въ законѣ страхованія отъ болѣзни, обязывающемъ извѣстную категорію лицъ быть застрахованными, но не принуждающемъ ихъ принадлежать непремѣнно къ опредѣленной страховой кассѣ. Законъ этотъ былъ первой реформой, осуществленной согласно той программѣ, которая была провозглашена въ извѣстномъ имперскомъ посланіи отъ 18-го ноября 1881 г., и ему больше, чѣмъ всѣмъ другимъ страховымъ законамъ, приходилось считаться съ предубѣжденіемъ противъ авторитета. Задача облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что организаціи страхованія отъ болѣзни уже повсюду существовали: въ тысячахъ кассъ рабочіе участвовали въ управленіи, контролировали другъ друга еще до появленія закона. Оставалось лишь «узаконить» дальнѣйшее существованіе этихъ кассъ. Рабочимъ предоставлена была возможность учреждать и вольныя кассы взаимопомощи, принадлежность къ которымъ освобождаетъ отъ обязанности принадлежать къ одной изъ нормированныхъ кассъ. Принудительной является лишь принадлежность къ кассамъ вообще, но нѣтъ обязательной для всѣхъ

кассы. Однако, недовѣріе къ самодѣятельности рабочихъ выражалось въ законѣ весьма опредѣленно. Такъ, рабочій, участвующій въ вольной кассѣ, долженъ платить всю страховую премію, тогда какъ въ другихъ кассахъ треть преміи возложена на предпринимателя; онъ не принадлежитъ къ ней до тѣхъ поръ, пока не потребуетъ, чтобы его освободили отъ взносовъ въ другія кассы. Помимо того, что вольныя кассы (хотя и не получали взносовъ отъ предпринимателей) обязаны были выполнять тѣ же задачи, что и организованныя государствомъ, между прочимъ, онѣ иногда подвергались разнымъ придиркамъ властей. Онѣ обязаны, напр., оказывать теперь своимъ членамъ медицинскую помощь и выдавать лекарства непосредственно, тогда какъ прежде онѣ могли вмѣсто этого выдавать повышенное больничное пособіе. Между тѣмъ, рабочіе, участвующіе въ вольной кассѣ, нерѣдко разсѣяны на большомъ пространствѣ, и такое требованіе должно причинить имъ чувствительный ущербъ. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ затрудненій, число членовъ вольныхъ кассъ постоянно падаетъ.

Если такъ обстоитъ дѣло съ больничными кассами, то тѣмъ болѣе ограничена рабочая иниціатива въ дѣлѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Подъ организаціей страхованія отъ несчастныхъ случаевъ понимается товарищество хозяевъ предпріятій опредѣленной профессіи, по крайней мѣрѣ близкихъ по характеру профессій, имѣющее цѣлью коллективное устройство страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Не полагаясь на благоразуміе отдѣльныхъ предпринимателей, каждое товарищество можетъ издавать обязательныя правила съ цѣлью охраны жизни и здоровья рабочихъ, помимо предписаній закона, слѣдя за исполненіемъ этихъ постановленій посредствомъ особыхъ агентовъ, состоящихъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ фабричной инспекціей и имѣющихъ свободный доступъ на фабрики. Эти постановленія могутъ быть изданы какъ для заведеній, опредѣленной категоріи, такъ и для заведеній цѣлаго ряда категорій; они могутъ предписывать какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ мѣры предосторожности. Если рабочій не исполнитъ касающагося его предписанія, онъ долженъ быть оштрафованъ; если будетъ обнаружено, что въ какомъ-либо промышленномъ заведеніи происходитъ значительное число несчастныхъ случаевъ вслѣдствіе несоблюденія должныхъ мѣръ предпринимателемъ, то для такихъ заведеній устанавливается болѣе высокій коэффиціэнтъ риска, т.-е. повышается размѣръ взносовъ при ежегодной раскладкѣ взносовъ. Кѣмъ же направляется работа? Членами товарищества, какъ мы видѣли, состоятъ исключительно предприниматели, образующіе общее собраніе. Общее собраніе выбираетъ правленіе, которое функціонируетъ подъ тщательнымъ государственнымъ контролемъ. Ни въ секціяхъ, на которыя распадаются общія собранія, ни въ самихъ общихъ собраніяхъ представителямъ рабочихъ нѣтъ мѣста. Имъ предоставлено право голоса лишь въ рѣшеніяхъ третейскихъ судовъ, существующихъ при каждомъ товариществѣ, нерѣдко при отдѣльныхъ секціяхъ, и ставящихъ своей цѣлью установленіе правъ пострадавшихъ, если послѣдніе не удовлетворены постановленіемъ управленія. Конечно, представители рабочихъ участвуютъ и въ изданіи правилъ.

Ту же организацію мы видимъ въ центральномъ учрежденіи, объединяющемъ и регулирующемъ организацію всего страхованія—имперскаго страхового бюро въ Берлинѣ. Оно состоитъ изъ постоянныхъ и временныхъ членовъ. Постоянные назначаются пожизненно императоромъ по представленію союзнаго совѣта; временные члены наполовину тоже назначаются союзнымъ совѣтомъ, наполовину избираются изъ предпринимателей и рабочихъ. Такъ какъ сельскіе рабочіе лишены представительства въ организаціи страхованія отъ несчастныхъ случаевъ,—распредѣленіе сельскаго населенія по группамъ произошло не на основаніи соглашенія между землевладѣльцами, а сверху, по распоряженію бюрократіи,—то представителями ихъ интересовъ въ имперское страховое бюро назначаются союзнымъ совѣтомъ «лица, способныя защищать интересы рабочихъ». Такимъ образомъ, характеръ учрежденія полуадминистративный, полупредпринимательскій.

Наивысшаго выраженія бюрократическое начало получило въ организаціи обезпеченія рабочихъ на случай старости и инвалидности. Страхованіе этого рода въ одномъ отношеніи выдѣляется изъ всей системы государственнаго страхованія Германіи: ни страхованіе отъ болѣзни, ни страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, несмотря на ихъ принудительность, пособіемъ отъ государства не пользуются, страхованіе же отъ старости и инвалидности основано на ассигнованіи изъ государственнаго бюджета средствъ на нужды призрѣнія. Премія платится поровну хозяевами и рабочими, а къ ней государство приплачиваетъ по 50 марокъ въ годъ къ каждой пріобрѣтенной застрахованнымъ пенсіи. И первоначальные расходы на устройство учрежденій производятся мѣстными правительствами, отвѣчающими за обязательства страховыхъ кассъ: если бы у нихъ не хватило средствъ на уплату ренты, мѣстныя правительства или община отвѣтственны передъ застрахованными. Вотъ почему въ то время, какъ въ страхованіи отъ болѣзней отведено соотвѣтствующее мѣсто самоуправленію рабочихъ, а въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ—самоуправленію предпринимателей, выполненіе страхованія отъ инвалидности и престарѣлости почти исключительно сосредоточено въ рукахъ чиновниковъ, назначенныхъ государствомъ для управленія этими учрежденіями. Во главѣ каждаго такого учрежденія стоитъ правленіе, назначаемое мѣстнымъ правительствомъ или общиной; тутъ же правительственный коммиссаръ, пользующійся совѣщательнымъ голосомъ. Отсюда слишкомъ суровая, слишкомъ низкая рента, возбуждающая столько недоразумѣній, запутанный характеръ операцій, совершенно недоступный пониманію большинства затронутыхъ закономъ лицъ. Все это до извѣстной степени ослабляется тѣмъ комитетомъ изъ десяти выборныхъ лицъ, наполовину изъ предпринимателей, наполовину изъ рабочихъ, который обязательно существуетъ при каждомъ страховомъ учрежденіи, но лишь до того предѣла, когда комитетъ долженъ отступить на задній планъ передъ господами положенія.

Таковы недостатки государственнаго страхованія рабочихъ Германіи, гдѣ оно поставлено болѣе удовлетворительно, чѣмъ гдѣ бы то ни было, недо-

статки, затрагивающіе систему по существу. Тѣмъ не менѣе вы видите вполнѣ осязательные результаты: процентъ несчастныхъ случаевъ все уменьшается и уменьшается (увеличивается лишь число мелкихъ увѣчій, большинство которыхъ не вознаграждается), оказывается замѣтное вліяніе на улучшеніе народнаго здравія, сооружаются лѣчебныя заведенія, снабженныя всѣми новѣйшими средствами медицины, климатическія станціи, санаторіи, колоніи. Страхованіе рабочихъ, помимо удовлетворенія своихъ спеціальныхъ нуждъ, становится даже двигателемъ другихъ предпріятій, пытающихся поднять положеніе рабочаго. Что особенно знаменательно—сквозь суровый формализмъ бюрократизма и предпринимательскаго разсчета, пробилось крѣпкое политическое русло, побивающее то здѣсь, то тамъ и этотъ бюрократизмъ, и этотъ разсчетъ. Быть можетъ, тутъ есть нѣкоторое противорѣчіе, но это противорѣчіе, присущее самому порядку вещей, основанному на антагонизмѣ интересовъ. Въ то время, какъ желѣзные канцлеры, убѣленные сѣдинами, пытаются потопить настоящія тенденціи пролетаріата въ туманѣ полуадминистративнаго, полупредпринимательскаго государственнаго страхованія, пролетаріатъ создаетъ себѣ мало-по-малу свое «государственное страхованіе», пробивая себѣ русло вмѣстѣ съ нимъ все далѣе и далѣе.

Наличность вліянія рабочаго класса гарантируетъ ему защиту его интересовъ. Никогда еще въ Германіи рабочее движеніе не выступало такъ побѣдоносно, не завоевывало такъ позицію за позиціей на своемъ торномъ пути. Мы видимъ передъ собой армію, растущую не по днямъ, а по часамъ, становящуюся все сильнѣе и сильнѣе, благодаря своей организаціи, дисциплинѣ, сознательности. Время обмановъ и иллюзій отошло въ область преданія. Въ настоящее время массы сами участвуютъ въ движеніи, сами обсуждаютъ вопросъ о томъ, въ чемъ корень вещей, чего имъ надо добиваться. Что всего важнѣе, германскому рабочему нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ нелегальнымъ средствамъ: онъ гораздо больше успѣваетъ легальными путями, чѣмъ какими-нибудь потрясеніями; недаромъ онъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій воспитывался на идеѣ классового объединенія и солидарности.

Германская рабочая партія, съ ея профессіональнымъ прошлымъ, съ ея дисциплиной, сознательностью, готовностью на объединенную борьбу въ настоящемъ, и является объясненіемъ того, почему правительственныя мѣропріятія,—какими бы формальностями и условностями ихъ ни окружали заинтересованные круги,—на практикѣ оказываются все-таки въ большемъ соотвѣтствіи съ стремленіями рабочихъ массъ, чѣмъ это можно было бы ожидать отъ нихъ по существу. Дѣло въ томъ, что за спиною заинтересованныхъ круговъ, умѣющихъ свести къ нулю всякую «охрану», чувствуется многомилліонная масса, организованная въ цѣлый рядъ разнообразныхъ союзовъ, путемъ долгаго процесса общаго развитія пріученная къ самокритикѣ и самоуправленію. Правъ Іерингъ, говоря, что уважаются только тѣ права, которыя защищаются, что право не есть чистая мысль, а реальная сила.

III.

Если такова судьба государственнаго страхованія рабочихъ Германіи страны высокаго парламентарнаго развитія, то что должно ожидать отъ института, нашедшаго себѣ опору лишь въ единеніи и солидарности рабочихъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ существуетъ, въ условіяхъ русской жизни? Какъ сообщили газеты, работы коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, идутъ столь энергично, что «для облегченія трудовъ» уже даже подготовленъ проектъ государственнаго страхованія *). Конечно, какую форму примутъ, въ концѣ концовъ, намѣренія правительства, пройдя черезъ коммиссію, трудно сказать. Но все же объ общей тенденціи проектъ даетъ представленіе. Страхованіе отъ безработицы исключается. Проектъ касается лишь обезпеченія отъ болѣзни, отъ несчастныхъ случаевъ, отъ лишенія трудоспособности и престарѣлости, т.-е. тѣхъ самихъ видовъ страхованія рабочихъ, которые мы видимъ въ Германіи. Въ противоположность Германіи, государство Россіи никакими средствами въ дѣлѣ но участвуетъ и по существу отвѣтственности не несетъ. Зато завѣдываніе государственнымъ страхованіемъ имперіи возлагается на «учреждаемое *въ составѣ министерства финансовъ*, по особому высочайше утвержденному положенію, главное управленіе»; общее наблюденіе за страхованіемъ рабочихъ при содѣйствіи мѣстныхъ чиновъ фабричной инспекціи и горнаго надзора, «направленіе дѣятельности» мѣстныхъ органовъ согласно указаніямъ закона, установленіе порядка и формъ отчетности по страхованію рабочихъ, сосредоточеніе и разработка статистическихъ данныхъ по страхованію рабочихъ—все, казалось бы, въ рукахъ «главнаго управленія». Но при немъ «состоитъ» совѣтъ—опять-таки изъ «представителей подлежащихъ вѣдомствъ по назначенію главныхъ начальниковъ ихъ» и избранныхъ представителей отъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій и застрахованныхъ лицъ «для разсмотрѣнія и разрѣшенія важнѣйшихъ подвѣдомственныхъ главному управленію дѣлъ». Какова же компетенція того и другого. Какой органъ является рѣшающимъ? Объ этомъ проектъ молчитъ. Въ одномъ можно быть увѣреннымъ: русская бюрократія и русскіе предприниматели, пользующіеся неизмѣнной благосклонностью нашихъ коммиссій, еще менѣе склонны дать себя въ обиду, чѣмъ въ свое время нѣмецкая бюрократія и нѣмецкая крупная буржуазія. Значитъ, для того, чтобы съ проектируемымъ страхованіемъ рабочихъ не случилось у насъ того, что случается съ другими начинаніями въ европейскомъ духѣ, чтобы его основныя положенія не были приспособлены къ цѣлямъ, ничего общаго съ государственнымъ страхованіемъ не имѣющимъ, необходимъ еще болѣе рѣшительный контроль застрахованныхъ силъ, чѣмъ это мы видимъ въ Германіи.

Но возможенъ ли въ русскихъ условіяхъ такой организованный контроль? Русскіе законы жестоко карали и караютъ всякую попытку, дѣлавшуюся и дѣлающуюся въ этомъ направленіи. Правда, съ этимъ тѣсно связаны всѣ сто-

---

*) „Русь“ отъ 28-го марта.

роны жизни фабричнаго рабочаго, и наивно было бы думать, что административныя кары могутъ этотъ контроль парализовать. Такъ, судя по отчетамъ фабричной инспекціи, за $2^1/_2$ года ей пришлось имѣть дѣло съ 321 забастовкой, происходившей въ 236 заведеніяхъ, забастовками, въ которыхъ приняли участіе 82.324 рабочихъ. Почти треть числа забастовокъ продолжалась въ теченіе сутокъ. Стачки, продолжавшіяся до двухъ сутокъ, составляютъ 18,7% (число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ нихъ, равнялось 14,3%). На трехдневныя стачки приходится 16,5%, на остальныя—37,7%. 25 стачекъ продолжались двѣ недѣли, 28 болѣе—до трехъ недѣль. Эти данныя фабричныхъ отчетовъ относятся къ 1902, 1901, отчасти 1900 году. Мы не говоримъ уже о тѣхъ грандіозныхъ стачкахъ, о которыхъ говорили выше. Тѣмъ не менѣе, нельзя указать ни одной мѣры, которая пыталась бы за эти годы легализировать организацію рабочаго класса, ввести эту организацію въ законное русло. Нельзя сказать, чтобы власти вовсе не желали «покровительствовать» соединенію рабочихъ. Законъ 10-го іюня является характерной страничкой въ исторіи нашего фабричнаго «единенія». Убѣдившись, что по даннымъ, получаемымъ путемъ сношеній фабрично-заводской администраціи и фабричной инспекціи съ рабочими, получить истинное представленіе объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ нельзя, что задержки въ удовлетвореніи этихъ желаній и нуждъ возбуждаютъ «глухое неудовольствіе рабочихъ», «взрывъ безпорядковъ», «дѣйствіе безпорядочною толпою, скопомъ», что депутаты рабочихъ, «ходатайствуя за ту иную группу рабочихъ передъ органами правительственной власти, становились въ нелегальное положеніе», министерство финансовъ пыталось создать зачаточную организацію рабочихъ, обусловленную всецѣло усмотрѣніемъ заводоуправленій и присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Рабочіе раздроблялись на разряды, и назначенный управленіемъ предпріятія староста признавался уполномоченнымъ выбравшаго его разряда рабочихъ для заявленія управленію и соотвѣтствующимъ властямъ о нуждахъ и ходатайствахъ всего разряда или отдѣльныхъ рабочихъ по дѣламъ, касающимся исполненія условія найма (измѣненія этихъ условій старосты не имѣютъ права касаться). Онъ обязанъ слѣдить за сохраненіемъ порядка, за тѣмъ, чтобы собранія разряда происходили въ то время и въ томъ мѣстѣ, какія будутъ указаны заводоуправленіемъ, чтобы нѣсколько разрядовъ не собирались сообща и т. д. Словомъ, вмѣсто рабочей организаціи былъ созданъ блюститель порядка, котораго администрація каждую минуту можетъ устранить, передающій рабочимъ разъясненія и распоряженія фабричнаго начальства, фабричному начальству—отчеты о собраніяхъ разрядовъ и пр. Согласно проекту, напр., московской фабрики Авг. Шрадера, староста «обязанъ принимать дѣятельное участіе въ мирныхъ улаживаніяхъ всѣхъ вопросовъ, касающихся рабочихъ, а также охранять интересы предпринимателя при неумѣренныхъ требованіяхъ со стороны рабочихъ».

О томъ, какъ можно у насъ пользоваться этими старостами, яркую картину рисуетъ въ «Русскомъ Дѣлѣ» г. Шараповъ. «Г. Зубатовъ,—пишетъ авторъ,—сталъ не только организовывать по фабрикамъ выборныхъ старостъ и

всякаго рода союзы, но и продѣлывать репетиціи стачекъ и массовыхъ демонстрацій. Такъ были искусственно вызваны безпорядки на фабрикахъ Гужона и Даниловской мануфактуры и устроена огромная демонстрація рабочей толпы въ 50.000 человѣкъ, возложившей вѣнокъ на памятникъ Императору Александру II. Разумѣется, въ средѣ фабрикантовъ, ничего не понимавшихъ въ «высшей политикѣ», всѣ эти затѣи вызывали величайшую тревогу. Зубатовскія репетиціи оказывались чрезвычайно подозрительными... Тактика городской и губернской власти рѣзко раздѣлилась. Въ то время какъ въ Москвѣ охранное отдѣленіе разсылало своихъ эмиссаровъ по фабрикамъ не только Москвы, но и губерніи, и даже сосѣднихъ, устраивать организаціи рабочихъ и репетировать стачки и забастовки, бывшій московскій губернаторъ, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинъ за городской чертой приказывалъ ловить этихъ эмиссаровъ и препровождать ихъ на распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Здѣсь ихъ тотчасъ же освобождали, и они шли на новыя экскурсіи, пока скандалъ сталъ совершенно неприличнымъ и г. Зубатова не убрали изъ Москвы».

Русское законодательство о тѣхъ формахъ самодѣятельности, которыя однѣ должны лечь въ основу успѣха государственнаго страхованія рабочихъ—о союзахъ, собраніяхъ и стачкахъ,—стоитъ въ Россіи точно такъ, какъ оно стояло въ концѣ восемнадцатаго и началѣ девятнадцатаго вѣка въ Англіи, а на континентѣ—до второй половины девятнадцатаго. Статья 116 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій вотъ уже второе столѣтіе гласитъ: «Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинять въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома и согласія правительства». Для того, чтобы нѣсколько рабочихъ могли образовать кассу взаимопомощи или похоронную кассу, нужно пройти такой искусъ, послѣ котораго ни о кассѣ, ни о чемъ другомъ уже не можетъ быть рѣчи. Еще острѣе обстоитъ дѣло со стачкой «съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма», за которую виновные подвергаются: «подстрекавшіе» къ стачкѣ—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, прочіе участники—къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Тождественность интересовъ трудящихся классовъ прямо отрицается этимъ уставомъ. Зато хозяинъ фабрики или завода, произвольно понизившій плату «прежде истеченія условленнаго съ работниками сихъ заведеній времени», подвергается, напротивъ, ничтожному денежному штрафу *). Таковы рамки, въ которыя заключены каждое желаніе, каждое движеніе рабочаго. Въ то время, какъ организаціи предпринимателей въ видѣ синдикатовъ не только разрѣшаются, но поощряются, союзъ рабочихъ является защитой, по выраженію знаменитаго французскаго закона 1791 года, «*мнимой* общности ихъ интересовъ». Рабочіе не могутъ посовѣтоваться между собой объ условіяхъ найма, а въ это время синдикаты не только сговариваются о нихъ, но публикуютъ объ этомъ въ газетахъ. Рабочій безправенъ и на фабрикѣ; полицейская власть передала

*) См. ст. 1359.

свои функціи по искорененію фабричныхъ крамольниковъ хозяевамъ фабрикъ. Фабричная полиція состоитъ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ общей полиціи и не получающихъ отъ казны жалованья; завѣдующій фабрикой и заводомъ не только провѣряетъ паспорта, смотритъ за внѣшнимъ порядкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ выслѣживать настроеніе массъ, составлять соотвѣтственные списки, доводить ихъ до свѣдѣнія высшихъ инстанцій. Власть чисто полицейская: онъ можетъ штрафовать рабочихъ за неисправную работу, увольнять ихъ вслѣдствіе «дерзости» или «дурного поведенія», расторгая безъ разговоровъ заключенный съ рабочимъ договоръ, и это его право не подлежитъ обжалованію. Всякая жалоба рабочаго ставится ему въ вину, и онъ долженъ молчаливо переносить всѣ притѣсненія, всѣ издѣвательства, которыя производятся надъ его личностью.

Мы видимъ, въ какихъ условіяхъ проектируется государственное страхованіе рабочихъ, во что оно должно превратиться послѣ того, какъ перейдетъ изъ разныхъ коммиссій и подкоммиссій въ самыя условія. Государственное страхованіе, какъ таковое, внѣ громаднаго большинства тѣхъ благъ, которыя гарантированы европейскому рабочему законодательствомъ, внѣ тѣхъ общихъ соціально-политическихъ условій, съ которыми эти блага органически связаны, нигдѣ еще не существовало и не можетъ существовать.

Проектируемая мѣра, прежде всего, невозможна безъ рабочихъ союзовъ, безъ свободы собраній и стачекъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать особую мѣру, съ которой, вслѣдъ за отказомъ столичныхъ рабочихъ отъ участія въ коммиссіи г. Шидловскаго, выступаетъ министерство финансовъ: предполагается полная почти отмѣна наказаній за составленіе стачекъ. Ненаказуемость стачекъ предполагается выразить слѣдующими законоположеніями: несоблюденіе договора о наймѣ не можетъ преслѣдоваться уголовно, уголовному наказанію подлежатъ лишь насилія или угрозы во время стачекъ; отвѣтственность, какъ гражданская, такъ и уголовная, должна быть одинакова и для работодателей, и для рабочихъ; самый фактъ прекращенія работы не можетъ почитаться нарушеніемъ порядка общественнаго, за исключеніемъ остановокъ заведеній общественно-необходимыхъ. Такая постановка дѣла была бы безспорно однимъ изъ существеннѣйшихъ измѣненій дѣйствующаго у насъ фабрично-заводскаго законодательства. Но за измѣненіемъ, намѣченнымъ министерствомъ финансовъ, какъ ни важно его симптоматическое значеніе, мы не видимъ еще признанія тѣхъ благъ, которыя обезпечили бы у насъ успѣхъ государственному страхованію рабочихъ, во всей ихъ широтѣ.

Л. Клейнбортъ.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Нѣсколько фактовъ.—Нарождающіяся группы правой. — Есть ли у насъ правая?—Откуда слово „крамола"?—Галлерея портретовъ политическихъ младенцевъ.—Снова губернская „литература".—Настроеніе „простыхъ русскихъ людей".

Еще старинныя изслѣдованія Ровинскаго были достаточно убѣдительны для доказательства, что въ истинно-русской грамматикѣ отъ всякаго существительнаго можно произвести «боевой» глаголъ: «Я тебя «настаканю»—грозитъ, напр., трактирщикъ мальчику, разбившему стаканъ. Теперь же, когда разбиваются не одни стаканы, боевое словопроизводство и тѣмъ болѣе усилилось. И всѣ слова, волнующія нынѣ русское общество или почему-либо интересующія его, можно отнести безъ долгихъ колебаній къ армейской части рѣчи. Можно только жаловаться на недостаточную деталированность боевой грамматики, такъ что если васъ занимаетъ какой-нибудь общественный вопросъ, вы не можете быть увѣрены, какого рода оружіе призвано «рѣшать» вашъ вопросъ. Впрочемъ, неувѣренность является теперь общимъ удѣломъ.

Нѣкоторые, относящіеся сюда матеріалы, какіе опубликованы въ газетахъ, все же могутъ послужить для руководства въ опредѣленіи, къ какого рода оружію относится данное слово.

Въ Минскѣ состоялось 24-го марта публичное засѣданіе минскаго общества врачей. Читался докладъ о необходимыхъ измѣненіяхъ условій народной жизни въ связи съ вопросами народнаго здравія. «Въ залѣ управы,—говоритъ «Рус. Сл.»,—гдѣ происходило засѣданіе, присутствовала полиція. Охранялись всѣ коридоры, входы и выходы. Во дворѣ стояли патрули казаковъ и войска».

Четыре лекціи о холерѣ, прочитанныя въ саратовскомъ городскомъ театрѣ, привлекли до 2.900 слушателей, по сообщенію «Петерб. агентства», кромѣ того, казаковъ и двѣ роты пѣхоты. Въ Минскѣ докладъ окончился благополучно, безъ «инцидентовъ», а въ Саратовѣ было и «очищеніе» театра войсками, и «прегражденіе пути», и т. д.

Эти два прецедента могутъ дать должную увѣренность въ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ народнаго здравія и другихъ...

* * *

Въ Ялтѣ 13-го марта произошелъ погромъ. Начался онъ такъ, по словамъ корреспондента «Сынъ Отеч.», (№ 26). Около 6-ти часовъ вечера «къ запасному нижнему чину-казаку, возвратившемуся раненымъ съ войны, подошелъ полицейскій приставъ г. К. и сдѣлалъ выговоръ за то, что тотъ не отдаетъ ему чести. Запасный отвѣчалъ, что онъ не обязанъ отдавать чести полицейскимъ чиновникамъ, послѣ чего приставъ призвалъ двухъ городовыхъ и приказалъ имъ доставить казака въ кордегардію. Послѣдній сталъ отбиваться, и тогда на помощь двумъ городовымъ призваны были еще два. Совокупными усиліями четырехъ городовыхъ казакъ былъ усаженъ въ извозчичій

экипажъ. По дорогѣ въ кордегардію онъ кричалъ, что его тамъ изобьютъ, и требовалъ освобожденія». Собравшаяся толпа стала тоже настойчиво требовать освобожденія задержаннаго, и когда ей выдали дѣйствительно избитаго казака, она разгромила участокъ, подожгла тюрьму и выпустила 14 арестантовъ и начала громить магазины. «Полиція словно исчезла изъ Ялты!» говоритъ корреспонденція.

Въ виду послѣдняго обстоятельства на слѣдующій день тысячная толпа обывателей подъ предводительствомъ отставного полковника Малиновскаго объявила себя городской полиціей, раздѣлилась затѣмъ на 4 отряда и двинулась охранять различные районы Ялты. Но, не смотря на то, что городская дума единогласно постановила между прочимъ: «Выразить отъ лица городской думы благодарность тѣмъ ялтинскимъ гражданамъ—рабочимъ, ремесленникамъ, служащимъ и интеллигентамъ,—которые, организовавъ защиту города (временную милицію), тѣмъ первые внесли успокоеніе въ взволнованное населеніе»,—несмотря на это, въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ милиція была отвергнута. Точно также снято было съ очереди предложеніе о подчиненіи полиціи городскому управленію. Большинствомъ дума постановила: «возбудить ходатайство передъ правительствомъ о расквартированіи въ Ялтѣ войсковыхъ частей съ непремѣннымъ участіемъ конницы (части крымскаго дивизіона)».

Гласный Усатовъ даже внесъ предложеніе: «просить губернскую администрацію очистить Ялту отъ «нежелательныхъ элементовъ». Но дума сочла подобное ходатайство «неприличнымъ».

Евпаторія тоже было потребовала двѣ роты солдатъ. Но въ отвѣтъ на свое требованіе, столь, казалось бы, соотвѣтствующее духу времени, евпаторійцы получили отъ губернатора телеграмму:

«На основаніи однихъ слуховъ не могу требовать у военнаго вѣдомства воинскихъ командъ. Хочу вѣрить, что жители Евпаторіи не допустятъ безпорядковъ и въ случаѣ нужды окажутъ помощь полиціи. Путемъ общенія лучшихъ людей города съ низшими слоями населенія—указаніемъ преступности и безцѣльности безпорядковъ можно достигнуть успокоенія и при томъ болѣе прочнаго, чѣмъ путемъ военной охраны».

Такой неожиданный репримандъ для обнавляющейся вмѣстѣ со всей Россіей Евпаторіи не долженъ приводить ее въ отчаяніе. Пусть евпаторійцы обратятъ взоры къ Мелитополю, и они увидятъ, что и своими средствами можно развлекаться, не отставая отъ вѣка. Мелитопольская дума рѣшила «немедленно привести въ полный порядокъ и исправность снаряженіе мѣстной пожарной команды, а въ виду малочисленности личнаго ея состава усилить таковой нанятыми людьми или охотниками изъ обывателей, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ не только участвовать въ тушеніи пожаровъ, но и вообще слѣдить за порядкомъ и принимать участіе въ подавленіи возникшихъ безпорядковъ. Заявить водовозамъ о томъ, что они обязаны являться въ случай безпорядковъ, даже если не будетъ пожара, въ мѣстную полицейскую часть, гдѣ и находиться безотлучно до распоряженій полиціи, городского управленія или коммиссіи».

Да спасутъ Мелитополь водовозы такъ же, какъ если бы они не были водовозами!

Гласные города Сѣвска, впопыхахъ и съ испугу выписавъ въ городъ войска, забыли, что воинственная политика требуетъ денегъ и что войска нужно содержать. Этотъ вопросъ вызвалъ оживленные дебаты, судя по отчету «Орлов. Листка».

«Калыгинъ.—Откуда возникло требованье содержать войско на счетъ города? Гдѣ оно? Покажите мнѣ!

«Малаховъ.—Требованіе было на словахъ.

Калыгинъ.—Къ городу должны относиться оффиціально—на бумагѣ, а не на словахъ.

«Крашенинниковъ, П. А. (перебивая).—За то насъ и бьютъ японцы по мордѣ, что мы—бюрократы, все требуемъ на бумагѣ!»

Гражданинъ г. Сѣвска нанесъ, такимъ образомъ, совершенно неожиданный ударъ бюрократіи, мѣшающей ему войти въ свободное общеніе съ войсками. Это своего рода—per aspera ad astra.

Но кому же все-таки платить за содержаніе казаковъ? Гл. Архангельскій попробовалъ было кивнуть на земство;

— Грабители-крестьяне, такъ сказать,—земцы, слѣдовательно, земство должно за нихъ платить.

Но ему объяснили, что крестьне—не земскіе, а государственные. И городу пришлось принять расходы.

Прибыли и въ Н.-Новгородъ двѣ сотни казаковъ и, какъ сообщаетъ «Нижегор. Л.», въ непродолжительномъ времени ожидается прибытіе еще двухъ сотенъ казаковъ. И орловская городская управа получили извѣщеніе о присылкѣ въ Орелъ двухъ сотенъ казаковъ...

* * *

«Рус. Вѣд.» доставленъ слѣдующій документъ, исходящій отъ новой партіи, именующей себя «соединеніемъ единомышленныхъ людей всѣхъ сословій». Приводимъ текстъ обращенія партіи съ призывомъ къ вступленію въ число «участниковъ».

«Въ Москвѣ образовалось соединеніе единомышленныхъ людей всѣхъ сословій, поставившихъ себѣ цѣлью задачи, указанныя въ прилагаемой запискѣ и положеніяхъ. Желательно, чтобы подобныя же собранія образовались по всей Россіи, объединяемыя единствомъ цѣли и дѣятельности съ московскимъ, съ которымъ они должны состоять въ постоянныхъ сношеніяхъ. Въ практическія задачи его входятъ: 1) Обсужденіе вопросовъ, касающихся цѣлей союза. 2) Проведеніе въ жизнь, всѣми законными средствами, выработанныхъ на собраніяхъ вопросовъ (?). Въ первую очередь ставится на обсужденіе вопросъ объ участіи избранныхъ отъ населенія людей въ обсужденіи законодательныхъ предположеній, согласно Высочайшему рескрипту отъ 18-го февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина, о составѣ ихъ и способахъ избранія. Обсужденіе дальнѣйшихъ вопросовъ будетъ вызываться жизнью.

Лица, сочувствующія всему сказанному, могутъ вступить въ число участниковъ лишь по предложенію одного изъ состоящихъ уже участниковъ за его отвѣтственностью, о чемъ и должно быть имъ увѣдомлено письменно по указанному адресу. Вошедшія въ составъ изъявленіемъ своего согласія привлекаютъ въ свою очередь, также за своею отвѣтственностью, новыхъ участниковъ. — Желательно полученіе свѣдѣній о всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, касающихся изложенныхъ цѣлей и требующихъ обсужденія. Личное присутствіе въ московскихъ собраніяхъ болѣе всего желательно; въ случаѣ же невозможности прибыть лично, всѣ соображенія по обсуждаемымъ вопросамъ, объявленнымъ въ повѣсткахъ, могутъ быть сдѣланы письменно. По рѣшеніи (ю?) первоначальныхъ участниковъ, временный адресъ: (слѣдуетъ адресъ).

«На основаніи Высочайшей воли, выразившейся въ манифестѣ, рескриптѣ и указѣ 18-го февраля 1905 года, открывающихъ широкое поле для участія мѣстныхъ силъ въ государственномъ дѣлѣ, необходимо русскимъ людямъ всѣхъ сословій соединиться между собою для постояннаго обмѣна мнѣній по кореннымъ государственнымъ вопросамъ, имѣя въ виду слѣдующія точки отправленія:

«1. Россія и самодержавіе нераздѣлимы.

«2. Содѣйствіе установленію между Престоломъ и народомъ тѣснаго и живаго общенія на возвѣщенныхъ 18-го февраля 1905 года Государемъ Императоромъ основаніяхъ.

«3. Противодѣйствіе всѣми законными средствами теченіямъ, стремящимся навязать Россіи чуждыя ей формы правленія».

«Въ приложенной къ этому обращенію краткой запискѣ,—говорятъ «Рус. Вѣд.» (№ 92),—указывается на преобладаніе въ современныхъ общественныхъ собраніяхъ сторонниковъ созыва свободно избранныхъ *представителей* для участія въ законодательной *власти* и на необходимость противодѣйствія этому теченію со стороны таящихся на святой Руси многочисленныхъ приверженцевъ другихъ взглядовъ, особенно въ настоящій моментъ, когда, по словамъ записки, «въ воздухѣ почувствовались признаки здороваго поворота».

Къ сожалѣнію, записка не указываетъ точнѣе, въ чемъ заключается «здоровый поворотъ». Между тѣмъ, это было бы очень важно знать въ интересахъ новой партіи, дабы не смѣшать ее съ крайними невѣждами вышеобрисованной крайней правой. «Что для русскаго здорово», то, пожалуй, по программѣ «союза единомышленныхъ людей всѣхъ сословій», можетъ оказаться «карачуномъ» не только для «нѣмца», но и для всѣхъ многочисленныхъ русскихъ инородцевъ, а съ незамѣтнымъ переходомъ и для интеллигентовъ и пр? Точно также туманна и третья «точка отправленія» союза. Она сближаетъ и отличаетъ эту партію отъ «боевой организаціи» «Моск. Вѣд.». Сближаетъ потому, что основной цѣлью «соединенія ставитъ «противодѣйствіе... теченіямъ, стремящимся навязать Россіи чуждыя ей формы правленія», т.-е. союзъ опять-таки расчитанъ на существованіе крамолы. Отличаетъ, потому что противодѣйствіе ограничивается «законными средствами». Но, самое важное, умѣетъ ли союзъ отличить законъ отъ циркуляра и «временыхъ правилъ»? Если умѣетъ и все же настаиваетъ на «законныхъ средствахъ», то, прежде всего,

онъ долженъ или распустить, или арестовать себя, какъ незаконное учрежденіе. Но, кромѣ того, вооружаясь, повидимому, противъ самого наименованія народныхъ *представителей*, союзъ становится въ противорѣчіе съ слѣдующимъ извѣщеніемъ комстромского губернскаго предводителя дворянства («Костромской Листокъ», № 39), напечатанымъ на 1-й стр. «Листка».

«Государю Императору 30-го марта сего 1905 года, во время представленія моего Ему въ Царско-Сельскомъ дворцѣ благоугодно было повелѣть сообщить черезъ меня дворянамъ Костромской губерніи слѣдующія Его слова:

«Воля Моя въ дѣлѣ созыва народныхъ представителей непреклонна и министръ внутреннихъ дѣлъ прилагаетъ всѣ усилія къ скорѣйшему выполненію ея».

«Губернскій предводитель дворянства П. Шулепниковъ».

Если же союзъ не особенно тщательно разбирается между закономъ и циркуляромъ, то чего стоятъ его «законныя средства»? И не лучше ли ему прямо примкнуть къ «боевой организаціи»?

Приблизительно подобнаго же типа московская партія назвала себя, по словамъ «Веч. Почты», «политическимъ братствомъ». «Въ составъ учредителей этой партіи входятъ крупные чиновники и знаменемъ выставлена непримиримая борьба съ освободительнымъ движеніемъ».

Сюда же относятся націоналистическіе кружки въ Петербугѣ, состоящіе преимущественно изъ педагоговъ, которые, по словамъ «Нов. Времени», поставили себѣ цѣлью, «прежде всего, бороться съ революціоннымъ движеніемъ и содѣйствовать правительству въ его заботахъ по устроенію народной жизни. Стоя за самыя широкія реформы въ духѣ терпимости и свободы, кружокъ этотъ убѣжденъ, что онѣ могутъ и должны быть проведены при полномъ сохраненіи самодержавія. Въ виду этого, кружокъ высказывается за земскій соборъ и за организацію народнаго представительства въ особое законосовѣщательное учрежденіе съ правомъ законодательной иниціативы и съ правомъ контроля надъ дѣйствіями министровъ. Въ скоромъ времени кружокъ предполагаетъ обнародоватъ свою политическую программу съ мотивировкой тезисовъ и съ указаніемъ условій, при которыхъ онъ считаетъ возможнымъ введеніе въ Россіи народнаго представительства».

Затѣмъ, въ Москвѣ существуетъ еще партія «прогрессивно-націоналистическая». Отчеты о своихъ собраніяхъ партія помѣщаетъ въ «Русскомъ Листкѣ», имѣетъ свой «манифестъ» и на засѣданіи въ домѣ Н. А. Хомякова избрала коммиссію, которой поручило руководить собраніями; въ составъ коммиссіи вошли: С. А. Булочкинъ, А. С. Шмаковъ, Н. Е. фонъ-Вендрихъ, В. И. Герье, Н. А. Найденовъ и Ѳ. Ѳ. Воскресенскій («Веч. Поч.»). По словамъ «Новостей», эта партія «преслѣдуетъ развитіе и укрѣпленіе въ странѣ «началъ свободы, законности и истиннаго просвѣщенія на почвѣ исконныхъ началъ нашей государственности». Они желаютъ оказать противодѣйствіе «космополитической либеральной кликѣ», полной чуждыхъ и враждебныхъ Россіи элементовъ. Въ манифестѣ, между прочимъ, предлагается скорѣшій созывъ земскаго собора.

Одной изъ характеристическихъ чертъ организаціи націоналъ-прогрессивной партіи является допущеніе въ составъ ея «исключительно русскихъ людей». Въ салонѣ дворянина Павлова, говоритъ «Сынъ От.»., сосредоточивается клубъ союза монархистовъ. Сюда входятъ гг. Стишинскій, Штюрмеръ, Зиновьевъ, Гурко и др. при дѣлопроизводителѣ Любимовѣ. «Рус. Сл.» имѣетъ въ виду, вѣроятно, этотъ же союзъ, говоря о собравшихся въ домѣ гр. Толля и перечисляетъ еще слѣдующихъ членовъ: гр. А. Бобринскаго, А. Оболенскаго, Кривскаго, кн. Куракина, Головина и др., всего 42 чел., присоединившихся къ запискѣ губернск. предводителей. Наконецъ, «Веч. Почта» (№ 104) воспроизводитъ еще одну програму формирующейся политической партіи, «основныя вѣрованія» которой «вполнѣ совпадаютъ съ положеніями, высказанными въ запискѣ съѣзда губернскихъ предводителей». Программа гласитъ между прочимъ:

«Рядомъ съ вызваннымъ самою жизнью здоровымъ общественнымъ движеніемъ нашла себѣ мѣсто смута, равнодушное отношеніе въ которой не можетъ быть далѣе оправдываемо. Поэтому вѣрные слуги Царя и преданные отечеству сыны въ настоящіе тяжелые дни испытаній должны, прежде всего, объединиться на сознаніи неотложной необходимости успокоенія взволнованныхъ умовъ.

«Отъ людей законности и порядка отечество ждетъ усиленнаго, спокойнаго и внимательнаго труда, направленнаго какъ въ противовѣсъ смутѣ, такъ и къ выясненію началъ, на почвѣ которыхъ должно послѣдовать обновленіе внутренняго строя государства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ существуютъ различныя политическія теченія, изъ коихъ конституціонное организованное и вооруженное готовыми формулами западно-европейскихъ теорій наиболѣе популярно. Этому теченію, по мнѣнію нашему, надлежитъ особливо противодѣйствовать».

* * *

Записка 22-хъ губернскихъ предводителей, къ которой приближается или съ которой даже сливаются разсмотрѣнныя нами группы правой, какъ извѣстно тоже ставитъ во главу своего проекта слѣдующую отправную точку зрѣнія:

«Вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба.

«Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія.

«Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проведя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія, при народномъ представительствѣ».

А затѣмъ уже слѣдуютъ свобода совѣсти и прочія «свободы» и право контроля надъ бюджетомъ и т. д.

По предлагаемымъ положительнымъ реформамъ записка 22-хъ отстоитъ, конечно, далеко отъ программы крайнихъ правыхъ кружковъ, но это отдаленіе вызвано лишь культурнымъ одѣяніемъ. Всѣ перечисленныя выше политиче-

скія группы правой объединены однимъ и тѣмъ же, до умилительности схожимъ мотивомъ. Это—борьба съ «крамолой», смутой, революціонными теченіями и т. д. Одни проповѣдуютъ просто «бей въ морду», другіе рекомендуютъ оружіе, третьи «законныя средства», четвертые расчитываютъ на «непримиримое» настроеніе, дальше слѣдуетъ земскій соборъ, политическія реформы и т. д., и т. д. Въ средствахъ, конечно, можно расходиться. Но единственнымъ непогрѣшнымъ принципомъ для политическаго объединенія общественныхъ кружковъ можетъ явиться лишь личный или групповой мотивъ участниковъ. На форму партійной организаціи и дѣятельности партійныя средства, кладутъ, конечно, отпечатокъ и собщаютъ ей самый разнообразный колоритъ, но дѣлаютъ самое организацію лишь личные интересы.

Намъ не зачѣмъ углубляться въ детальный анализъ интересовъ и проектовъ группы 22-хъ дворянъ и прочихъ кружковъ, болѣе или менѣе однородныхъ съ дворянскимъ. Для нашей цѣли—систематизаціи элементовъ правой и выясненія ихъ остального признака, какъ онъ уже *теперь* опредѣляется,—достаточно остановиться на общемъ руководящемъ интересѣ всѣхъ этихъ группъ. Этотъ основной признакъ, повторяемъ, борьба со смутой, умиротвореніе страны постольку, поскольку его можно достигнуть однимъ искорененіемъ «крамолы». Кажется, будто всѣ эти градаціи правой существуютъ для крамолы и затѣмъ, что крамола существуетъ. И потому правая, какъ она въ настоящій моментъ образуется, является очень несерьезной политической силой, даже комической, исполняя въ сущности формальную роль «оппозиціи ея величества» крамолы. Что и кого представляетъ правая сегодняшняго дня сама по себѣ, мы не знаемъ. И не можемъ знать. Не можемъ знать, потому, что правой, какъ политически опредѣлившейся группы, еще не существуетъ у насъ. Можетъ быть, истинная правая назрѣваетъ и готова уже заговорить, но ея голосъ будетъ очень отличаться отъ звуковъ, издаваемыхъ нынѣ. Конечно, и грядущая правая будетъ громить «крамолу», возможно, что она воспользуется для этой цѣли всѣми народившимися кружками, какъ подголосками, но прежде всего она будетъ говорить о себѣ и въ свою пользу. Нынѣшніе кружки несомнѣнно сейчасъ же потеряютъ самостоятельное значеніе даже если они его имѣютъ при ея появленіи. Ибо для кого стараются «Моск. Вѣд»., которыя даже въ дворянахъ не нуждаются? Чьи общественныя нужды представляютъ губернскіе предводители, усѣвшіеся между двухъ стульевъ?

Вопросы эти должны остаться безъ отвѣта.

Сегодняшняя правая возникла въ смутѣ и для смуты. Уже по одному этому она могла бы быть ей благодарной и поменьше кричать противъ нея. Впрочемъ, пусть ихъ. Даже и ближайшее будущее не имъ принадлежитъ.

* * *

Что значитъ слово «крамола», которая такъ всѣхъ волнуетъ? Гг. Грибовскій и Сыромятниковъ въ «Словѣ» занялись ученой полемикой по поводу словопроизводства «крамолы». Г. Грибовскій настаиваетъ на томъ, что слово это происходитъ отъ «кремля» и что «крамольникъ» есть въ сущности «кремельникъ». Г-нъ же Сыромятниковъ говоритъ совершенно даже напротивъ,

что «крамола» значитъ «кромѣ—молва», т.-е. «смятеніе извнѣ». Вмѣшалась, наконецъ, вся редакція «Слова», которая сочла нужнымъ напомнить, «что корень «кромъ»,—«крамъ»—сохранился и въ древнемъ и въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ, въ словѣ «Krämer»,—«прятать», «сохранять», «затаивать»,—изъ этого корня и вытекло, вѣроятно, русское современное значеніе «крамола»—въ смыслѣ «тайнаго подспуднаго дѣйствія или замысла».

Послѣ чего, къ великому удовольствію читателей, всѣ согласились «отодвинуть» крамолу въ сѣдую древность и признать ея исконно-русскій характеръ. Что-то теперь будутъ дѣлать всѣ наши «партеи»? Вѣдь, теперь имъ приходится посягать на основное истинно-русское учрежденіе! Имъ приходится подтачивать корни того дуба, плодами котораго онѣ питаются!

Но, «отодвинувъ» отъ себя такъ далеко сей занятный вопросъ, никто изъ диспутантовъ не могъ рѣшить, навѣрное, откуда же самое слово «крамола». «На это, сколько я знаю, никто еще не далъ отвѣта», меланхолически написалъ г. Сыромятниковъ.

Да, надъ этимъ вопросомъ билось много головъ, «головъ съ шапками, украшенными гіероглифами, головъ въ тюрбанахъ и черныхъ беретахъ», головъ съ фуражками чиновника особыхъ порученій въ квантунскомъ вѣдомствѣ и чиновника министерства народнаго просвѣщенія, головъ съ дворянскими фуражками... Бьются и вопрошаютъ: откуда же «крамола»?

* * *

Но что скрыто отъ умныхъ и разумныхъ, то, невѣдомо какъ, открывается совсѣмъ невиннымъ. Не то, что открывается, но они дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы все понимали. Эти политическіе младенцы не задаются никакими вопросами, что есть «крамола», не допытываются, а только... поступаютъ.

Вотъ, напр., первая изъ малыхъ сихъ, потомственная дворянка Екатерина Михайловна Чижъ, живущая въ Кисловодскѣ. 27-го марта она произнесла въ пятигорской народной аудиторіи публичную рѣчь съ цѣлью «противодѣйствовать противоправительственному движенію», какъ значится на афишахъ, расклеенныхъ на столбахъ. «Братцы,—возопила она,—не страшенъ намъ внѣшній врагъ, котораго русская баба 12 штукъ разомъ въ плѣнъ заберетъ (?!). А вотъ есть у насъ внутренній врагъ, который лживыми и льстивыми рѣчами завлекаетъ насъ, ребята, въ свои гнусныя сѣти и ведетъ души наши къ погибели! Этотъ врагъ хитеръ и опасенъ; бойтесь, братцы, его и ненавидьте всей душой! Не читайте газетъ «Русь», «Разсвѣтъ» и «Пятигорскій Листокъ», ибо онѣ подкуплены нашими врагами-японцами, и внутренніе враги, извращая всѣ факты, вводятъ васъ въ заблужденіе. Если увидите, братцы, здѣсь такого врага, берите его подъ-ручки и учтиво, безъ всякаго насилія, ведите его, голубчика, къ какому бы то ни было начальству, и тамъ съ нимъ расправятся!!! Вотъ какъ, братцы, наши внутренніе враги дѣйствовали 9-го января въ Петербургѣ: студенты и интеллигенты переодѣвались въ платье простыхъ рабочихъ, вели нашего брата подъ выстрѣлы, прячась за ихъ спинами, преслѣдуя свои личныя, преступныя цѣли!..»

Сіи съ превеликимъ огнемъ произнесенныя слова возымѣли на слушателей такое нежелательное для г-жи Чижъ дѣйствіе, что занавѣсъ пришлось опустить, а приставъ попросилъ публику разойтись. Редакторъ-издатель «Пятигорскаго Листка» привлекъ г-жу Чижъ къ уголовной отвѣтственности.

Другой политическій младенецъ—Левъ Львовичъ Толстой, сынъ великаго отца. Извѣстенъ тѣмъ, что, начитавшись Смайльса, упорно совершенствуется и съ большой охотой твердитъ о самоусовершенствованіи. Въ смыслѣ собственнаго самоусовершенствованія онъ пока только подаетъ надежды, ибо по натурѣ великій кровопійца. Начинаетъ съ того, что всѣмъ, молъ, необходимо уподотиться Франциску Ассизскому, а затѣмъ идетъ въ «Новое Время» и совершаетъ какое-нибудь звѣрство: японцамъ, напр., объявляетъ войну лѣтъ на двадцать. И при этомъ мечтаетъ о «мирномъ пути»...

Предлагаемъ рѣшить самому Льву Львовичу Толстому, какъ бы къ нему обратился Францискъ Ассизскій: «братъ мой, волкъ!» какъ онъ обратился къ волку, или же, не подумавъ, сказалъ бы: «братъ мой, Левъ!»

И еще одинъ—студентъ харьковскаго университета Клавдій Петровъ, членъ «русскаго кружка» студентовъ, организованнаго харьковскимъ отдѣленіемъ «Русскаго Собранія». Уличенный въ подслушиваніи, онъ стрѣлялъ въ другого студента, но былъ оправданъ. Теперь письмомъ въ «Московскія Вѣдомости» онъ объявляетъ, что политики бросать не намѣренъ. Профессору же Гредескулу онъ, Клавдій Петровъ, сказалъ: «Конституція у насъ не будетъ дана волей Государя, а, въ случаѣ революціи, я одинъ при всей своей незначительности приведу 10 деревень съ кольями и осями». Какъ видимъ, этотъ куда свирѣпѣе Льва Львовича Толстого: о самоусовершенствованіи и не думаетъ, а нравомъ—тигра лютая.

Послѣ этихъ звѣроподобныхъ младенцевъ, Чижа, волка и тигры, весьма пріятно остановиться на отставномъ капитанѣ Красовскомъ. По всей видимости, капитанъ Красовскій окончательно усовершенствовался и у него осталось одно лишь чувствительное сердце и ни одного понятія объ измѣнникахъ.

«Глубокоуважаемый князь Левъ Сергѣевичъ!—обращается онъ къ «извѣстному винодѣлу» кн. Л. С. Голицыну письмомъ въ «Московскія Вѣдомости», —

Позвольте мнѣ, старому борцу за честь отечества на Малаховомъ редутѣ Севастополя, принести вашему сіятельству земной поклонъ, обнять васъ и поцѣловать ваши уста, произнесшія честныя благородныя слова изъ глубины вашего русскаго сердца въ средѣ измѣнниковъ Россіи, собравшихся въ домѣ графа Орлова-Давыдова и въ его присутствіи.

Ваши золотыя слова составятъ лучшую часть русской исторіи начала XX столѣтія и запечатлятся въ сердцахъ русскаго народа и лучшихъ людей дворянскаго сословія.

Ура! Ура! благородному русскому князю, витязю чести, гражданину Москвы.

Отставной капитанъ *Красовскій*.

Врядъ ли «Моск. Вѣд.» попадутъ въ царствіе небесное, ибо они соблазнили одного изъ малыхъ сихъ. Дѣло въ томъ, что въ домѣ гр. Орлова-Давыдова,

проф. А. Мануиловъ читалъ лекцію, на которую допускаются слушатели лишь по именнымъ билетамъ со строгимъ контролемъ. Но, какъ ясно изъ письма проф. Мануилова въ «Рус. Вѣд.», на лекцію пробрался «соглядатай» отъ «Моск. Вѣд.», неразвитой и нетрезвый, и въ своемъ сообщеніи о лекціи все переврал. «Сообщеніе «Моск. Вѣд.» сплошная ложь», утверждаетъ лекторъ. Такимъ образомъ, и «золотыя слова» кн. Голицына могли оказаться далеко не золотыми. Въ изложеніи «Моск. Вѣд.», когда кн. Голицынъ выступилъ въ качествѣ оппонента и «заговорилъ о чести Россіи, шиканье «либеральной» кучки настолько усилилось, что продолжать далѣе бесѣду стало невозможнымъ. Чѣмъ больше стали шикать, тѣмъ сильнѣе и громче князь Голицынъ кричалъ на весь залъ:

— Шикайте!.. Еще шикайте... Шикайте, сколько вамъ угодно... Пожалуйста, еще... еще... Шиканье съ вашей стороны—для меня честь... Знайте только одно, сколько бы васъ ни было, вамъ меня не перекричать... Нѣтъ, земельный передѣлъ невозможенъ, это не пройдетъ...

Кто знаетъ мощную фигуру князя Голицына и его характеръ, то можетъ представить себѣ, какой невообразимый крикъ онъ поднялъ, увидѣвъ (?!) предъ собою русскихъ отщепенцевъ, для которыхъ честь Россіи—ничто...

И дѣйствительно, князя Голицына не перекричали, и бесѣда была прервана»...

Въ виду выяснившихся фактовъ надо полагать, что поцѣлуй двухъ шумныхъ младенцевъ не состоится, тѣмъ болѣе, что «поцѣлуй—первый шагъ къ охлажденью».

Наконецъ, совсѣмъ наивнымъ является нѣкій землевладѣлецъ Ант. Ильинъ. Онъ прислалъ, по словамъ «Придн. Края», въ екатеринославскую уѣздную земскую управу заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Въ противовѣсъ нелегальной литературѣ въ видѣ летучихъ листковъ и прокламацій антиправительственнаго содержанія, уже послужившихъ къ Орловской, Саратовской, Черниговской и Екатеринославской губерніяхъ пружинами возмущенія крестьянъ противъ властей и существующаго порядка, мною составлены и изданы понятные сельскохозяйственные листки слѣдующаго содержанія: «1) Какъ предохранить посѣвы хлѣбныхъ злаковъ отъ головни или зоны, 2) отдѣленіе почвы посѣвовъ и 3) какъ вывести съ полей овсюгъ? Цѣль изданія и распространенія среди крестьянъ такихъ свѣдѣній—поднять урожайность крестьянскихъ полей, увеличить благосостояніе сельскихъ обывателей на счетъ силъ природы, а не на счетъ благосостоянія обывателей, достигшихъ уже извѣстнаго благополучія, и способствовать благоденствію всего государства».

Въ заключеніе объ этой галлереѣ дѣтскихъ портретовъ,—цѣлый выводокъ политическихъ пай-ребятъ. Многимъ изъ сельскихъ учителей Костромской губ., по словамъ «Сѣв. Кр.», учебнымъ начальствомъ разосланы «аттестаты», какъ называютъ учителя полученныя бумаги. Содержаніе аттестатовъ таково:

«Честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь, что предложеніемъ начальства московскаго учебнаго округа отъ (далѣе слѣдуетъ мѣсяцъ, число, годъ и №) выражено вамъ одобреніе за обнаруженныя вами въ теченіе обще-

образовательныхъ курсовъ, бывшихъ лѣтомъ текущаго года въ г. Костромѣ, стойкость и твердость патріотическаго направленія вашего въ виду желанія нѣкоторыхъ учителей внести нежелательное направленіе въ школѣ».

Учителя, сообщаетъ газета, остались очень довольны, «такъ какъ ни подъ какимъ видомъ не показываютъ никому этихъ документовъ, опасаясь, чтобы «не пропечатали» въ газетѣ».

Счастливое дѣтство!

* * *

Кстати о дѣтствѣ. Мы уже имѣли случай коснуться небывало рѣзваго тона разныхъ губернскихъ курантовъ. Будучи по природѣ своей неоффиціальной части невинны, какъ дѣти, «Губернскія Вѣдомости» съ апломбомъ стали трактовать важные государственные вопросы со змѣиной мудростью. Такая ихъ дѣятельность продолжаетъ усиленно развиваться, отнюдь безъ измѣненія въ сторону благонравія. Если мы рѣшились еще разъ упомянуть о нихъ, то исключительно въ виду новыхъ фактовъ, вскрывающихъ подоплеку «губернскаго» направленія.

Такъ, редакція «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ нумерѣ отъ 10-го марта знакомитъ публику съ отношеніемъ къ ней мѣстной интеллигенціи.

«Читатели «Тамбовскихъ Вѣдомостей» могутъ узнать, что почтенный редакторъ этой газеты г. Кишкинъ за то направленіе, которое онъ даетъ ей, удостоился получить предупрежденія объ исключеніи его: изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, изъ членовъ-соревнователей физико-медицинскаго общества, и получаетъ письма съ просьбою не считать въ числѣ своихъ знакомыхъ тѣхъ или иныхъ представителей образованной части мѣстнаго общества» (см. «Рус. Вѣд.» «Письмо въ редакцію»).

Далѣе, въ той же статьѣ, какъ бы въ оправданіе или по крайней мѣрѣ смягчающаго ея вину обстоятельства, упоминается о томъ, что руководителемъ направленія «Тамбовскихъ Вѣдомостей» является *кто-то повыше*.

Болѣе откровенно говоритъ слѣдующая жалоба 70 извѣстныхъ въ г. Уфѣ лицъ, поданная на «Уфимскія Губернскія Вѣдомости» г. министру внутреннихъ дѣлъ. Жалоба составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ «Уфимск. Губ. Вѣдом.» сталъ руководить нынѣшній вице-губернаторъ Богдановичъ, онъ принялъ боевое направленіе противъ земскаго, городского самоуправленія, интеллигентной части общества и иновѣрцевъ. Между тѣмъ, на основаніи 541 ст. 2 т. разд. 2 «Губернскія Вѣдомости» должны помѣщать свѣдѣнія, касающіяся данной губерніи, а перепечатывать имѣютъ право только изъ оффиціальныхъ изданій.

«Мы, нижеподписавшіеся, обращаемся къ вашему высокопревосходительству въ твердой увѣренности, что подобное направленіе «Губ. Вѣд.», клонящееся къ возбужденію одной части населенія противъ другой, спасное въ особенности въ виду переживаемаго теперь тяжелаго времени и въ виду надвигающейся на нашу губернію холеры, встрѣтить съ вашей стороны заслуженное осужденіе, результатомъ чего будетъ прекращеніе этой опасной агитаціи.

«Подобная агитація со стороны администраціи очень вообще предосудительна, въ особенности же въ данномъ случаѣ, потому что съ одной стороны она производится въ тѣхъ слояхъ, среди которыхъ газета эта имѣетъ обязательное распространеніе (волостн. правл. и т. п.), но которые, съ другой стороны, не обладаютъ достаточной способностью критически относиться къ качеству подносимой умственной пищи.

«Мы обращаемся къ вашему высокопревосходительству потому, что не имѣемъ другихъ путей борьбы съ этимъ опаснымъ направленіемъ «Уф. Губ. Вѣд.»...

Вмѣстѣ съ жалобой арестовали желѣзнодорожнаго врача Шефтеля... Всѣ подписавшіеся призываются въ жандармское управленіе для допроса. И хотя прокуратура не находитъ состава преступленія, но дѣло все же ведется и г. Шефтель все же сидитъ по приказанію губернатора.

* * *

Всѣ подобныя нелѣпицы, какими полна губернская «литература», расчитаны на «простыхъ русскихъ людей», но факты текущей жизни говорятъ, что таковыхъ становится все меньше и меньше.

Въ «Полтавщинѣ» сельскій священникъ помѣстилъ письмо, которое посвящено настроенію среди крестьянъ. Внутреннія событія, пишетъ священникъ, «приковали вниманіе всѣхъ крестьянъ и оттѣснили на заднiй планъ даже событія войны. «Яка чутка зъ Петербурга, колы буде земськый соборъ, колы переминять порядкы урядови?»,—обычные вопросы нашихъ обывателей. Въ газетахъ ищутъ прежде всего отвѣта и разрѣшенія вопросовъ внутренней жизни государства, присматриваются къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, прислушиваются къ взглядамъ ихъ и проч. До сего времени это явленіе—небывалое въ селахъ, и раньше не замѣчалось среди крестьянъ такого захватывающаго интереса къ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ»

И жители глухихъ «кутковъ», по увѣренію священника, на первое мѣсто ставятъ «необходимость обезпечить неприкосновенность личности, получить свободу слова, совѣсти» и печати.

Настроеніе, охватывавшее всѣхъ «простыхъ русскихъ людей», настолько опредѣленно и властно, такъ настойчиво требуетъ выраженія, что его не остановить никакимъ благо—или злопопечительнымъ «губернскимъ» листкомъ. Вотъ, маленькій, но чрезвычайно характерный эпизодъ, который разыгрался въ управленіи московско-ярославско-архангельской жел. дор. Дѣло происходило въ залѣ совѣта, гдѣ былъ устроенъ спектакль. Во время дѣйствія (шла «Свадьба» Чехова), «въ тотъ самый моментъ, когда телеграфистъ Ять заявляетъ, что «для полнаго торжества не хватаетъ только электрическаго освѣщанія», изъ публики раздается голосъ, что «намъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, помимо электрическаго освѣщенія не хватаетъ и еще кое-чего многаго», и затѣмъ среди удивленной и смущенной публики тотъ же самый голосъ на всю залу начинаетъ выяснять, чего именно «намъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, не хватаетъ». Разговоръ о «нуждахъ служащихъ» въ столь несвойственной для такого серьезнаго предмета обстановкѣ былъ быстро оста-

новленъ начальникомъ дороги, который, протискавшись сквозь толпу до говорившаго, взялъ его подъ-руку и при помощи подоспѣвшаго на помощь жандармскаго ротмистра быстро «выставилъ» за предѣлы залы. Говорившій оказался старымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, которому далеко за 50 лѣтъ» («Рус. Вѣд.», № 77).

Какое же значеніе для «простыхъ» людей, которые всегда и вездѣ чувствуютъ и знаютъ, чего имъ не хватаетъ, какое значеніе могутъ имѣть даже такіе кроткіе «листки», какіе недавно расклеивались и раздавались въ Дмитровѣ Москов. губ.

«Начальствующіе несутъ на себѣ бремя заботъ, трудовъ и разныхъ безпокойствъ не для чего другаго, какъ для спокойствія и благоденствія подчиненныхъ, а посему подчиненные должны благожелать своимъ начальствующимъ и молить о нихъ Господа Бога, чтобы онъ осѣнилъ ихъ своею Божественною благодатію, послалъ имъ разумъ и благопоспѣшествовалъ имъ въ дѣлахъ служенія» и т. д., и т. д. («Рус. Вѣд.»).

I. Ларскій.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Вопросы Жизни"—апрѣль. — „Русское Дѣло", № 3. — „Вѣстникъ Европы" — апрѣль).

Общественное оживленіе разлившееся широкой волной по всей Россіи и захватившее всѣ слои ея населенія, отодвинуло, естественно, на задній планъ то движеніе, которое извѣстно подъ именемъ «земскаго». Это не значитъ конечно, что земское движеніе замерло,—напротивъ, оно обнаруживаетъ еще небывалую въ его исторіи интенсивность,—это значитъ только, что движеніе въ другихъ слояхъ общества и народа настолько возросло, что интересъ къ нему сталъ проявляться съ несравненно большею силою, чѣмъ интересъ къ движенію земскому. А еще совсѣмъ недалеко то время, когда земство являлось однимъ изъ очень немногихъ очаговъ движенія общественной мысли и привлекало къ себѣ всеобщее вниманіе. Причинъ тому нѣсколько, изъ которыхъ можно отмѣтить двѣ главныя: во-первыхъ, самая *идея* земскаго самоуправленія, какъ бы ни искажалась и ни уродовалась она давленіемъ бюрократическихъ силъ, не могла не быть симпатичной обществу, и, во-вторыхъ, въ силу присущихъ земскому самоуправленію нѣкоторыхъ особенностей, оно, земство, обволакивалось все болѣе и болѣе «третьимъ элементомъ», который, будучи демократическимъ par excellence, придавалъ и земству по преимуществу демократическій колоритъ. Теперь демократическіе принципы, демократическія программы и демократическія настроенія проложили себѣ широкую дорогу во многихъ другихъ сферахъ русской жизни, оттого и интересъ къ собственно земскому дѣлу не могъ не ослабѣть, но земское движеніе, тѣмъ не менѣе, занимаетъ и долго еще будетъ занимать одно изъ крупнѣйшихъ мѣстъ среди другихъ явленій современной русской дѣйствительности. Имѣя въ виду именно

это обстоятельство, мы и прочли съ живѣйшимъ интересомъ помѣщенную въ мартовской книжкѣ журнала «Вопросы Жизни» статью В. С. Голубева «Роль земства въ общественномъ движеніи». Статья г. Голубева весьма интересна какъ по большому знакомству автора съ предметомъ, такъ и по проникающей ее идеѣ.

«Земство и земскіе дѣятели,—пишетъ г. Голубевъ,—въ совершающемся на нашихъ глазахъ широкомъ общественно-политическомъ движеніи уже сыграли и несомнѣнно должны еще сыграть весьма крупную роль. Знаменитое «частное совѣщаніе» въ Петербургѣ 6—9-го ноября послужило началомъ политической кампаніи общественныхъ силъ страны, сформулировавъ, хотя не достаточно опредѣленно, основное требованіе современнаго движенія—необходимость коренной реформы государственнаго строя на началахъ постояннаго участія представителей народа въ законодательствѣ страны. Вслѣдъ затѣмъ очередная сессія губернскихъ земскихъ собраній въ большинствѣ земствъ продолжила и поддержала то, что начато было петербургскимъ совѣщаніемъ... Только что закончившаяся очередная сессія земскихъ собраній, кстати сказать, растянувшаяся съ конца ноября почти до конца марта, несомнѣнно провела глубокій слѣдъ на современномъ бюрократическомъ режимѣ въ смыслѣ его разрушенія».

Эти замѣчанія г. Голубева несомнѣнно вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Какъ бы ни были несовершенны постановленія земскаго совѣщанія 6—9-го ноября, какъ бы ни были они уязвимы для критики со стороны тѣхъ, кто желалъ бы видѣть ихъ идущими гораздо-гораздо дальше, но не можетъ подлежать сомнѣнію то обстоятельство, что впервые, безусловно впервые, въ русской жизни было сформулировано съѣхавшейся со всѣхъ странъ группой общественныхъ дѣятелей требованіе коренной реорганизаціи бюрократическаго режима, ею *подписано* и оглашено во всеобщее свѣдѣніе. Этого не забудетъ исторія.

У всѣхъ еще свѣжо въ памяти впечатлѣніе отъ постановленій земскаго совѣщанія въ широкихъ кругахъ русскаго общества и безпримѣрное бѣшенство реакціонной прессы, очень хорошо понявшей, что совершилось большое дѣло, что начало *новой* формы борьбы съ бюрократическимъ режимомъ положено именно постановленіями совѣщанія земцевъ.

А тутъ подоспѣло 20-ое ноября—день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ Тѣ группы, которыя оказали свое вліяніе и на исходъ совѣщанія земскихъ дѣятелей, предвидѣли и то значеніе, которое должно имѣть въ общественной жизни Россіи надлежащее использованіе общественными силами подоспѣвшаго юбилея. Въ этотъ день во многихъ городахъ состоялись *банкеты*, на которыхъ были приняты и во многихъ мѣстахъ *подписаны* резолюціи, шедшія уже много дальше постановленій земскихъ дѣятелей. Фиговые листики съ нихъ были сорваны, «страшныя слова» произнесеныоткрыто. Новыя,—по терминологіи князя Мещерскаго,—«равашолевскія» газеты стали воспроизводить на своихъ столбцахъ принимаемыя повсюду политическія резолюціи и разносить ихъ по всему лицу земли русской. Возвращеніе изъ Петербурга въ провинціи земцевъ—

участниковъ совѣщанія 6—9-го ноября служило въ свою очередь толчками для устройства въ честь ихъ банкетовъ на мѣстахъ. Волна общественнаго возбужденія росла. Это не могло не подготовить почву для проведенія въ самихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ такихъ постановленій, которыя далеко оставили за собою все то, о чемъ хлопотали эти собранія въ предшествовавшіе сорокъ лѣтъ своего существованія.

Г. Голубевъ дѣлаетъ весьма кстати небольшую экскурсію въ область прошлаго русскихъ земствъ.

«Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ земской дѣятельности,—пишетъ онъ,—земству пришлось столкнуться съ вопросомъ объ участіи его представителей въ законодательной дѣятельности правительства. Закономъ 21-го ноября 1866 года было ограничено право земствъ облагать сборами торговыя и промышленныя заведенія, что крайне стѣсняло земство въ самой важной его функціи обложенія населенія земскими сборами, ограничивало дорогое для самоуправленія право самообложенія. Противъ этого закона протестовали многія земства особенно, конечно, промышленныхъ губерній, но с.-петербургское губернское земское собраніе постановило возбудить предъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы законодательные вопросы обсуждались и разрѣшались «совокупными силами и одновременнымъ трудомъ администраціи и земства». Это постановленіе въ связи съ общимъ характеромъ направленія дѣятельности петербургскаго губернскаго земства послужило причиной распоряженія правительства о пріостановкѣ дѣйствій этого земства и о высылкѣ изъ Петербурга предсѣдателя петербургской губернской управы Крузе и ссылкѣ его въ Оренбургъ, гласнаго графа Шувалова—въ Парижъ, а сенатору Любощинскому приказано было подать въ отставку. Тогда же А. В. Никитенко, отмѣчая несочувственное отношеніе общества къ этому распоряженію правительства, писалъ въ своемъ дневникѣ: «какое странное сопоставленіе нигилизма съ земскими учрежденіями! А между тѣмъ оно сдѣлано, потому что с.-петербургское земское собраніе уничтожено, какъ какое-нибудь тайное нигилистическое общество». Безъ сомнѣнія, с.-петербургское губернское земское собраніе не имѣло ничего общаго съ начавшимся тогда революціонно-террористическимъ направленіемъ, но въ его ходатайствѣ заключалась конституціонная идея, которая, конечно, и послужила причиной кары, постигшей с.-петербургское губернское земство. Правительство и впослѣдствіи не разъ обобщало опасность для себя отъ чисто революціонной дѣятельности и отъ легальной оппозиціи, и если судить объ этомъ съ точки зрѣнія сохраненія даннаго государственнаго строя, то въ этомъ обобщеніи была извѣстная доля истины. Но общественное мнѣніе, а въ частности земство, вслѣдствіе этого, становилось еще въ большую оппозицію правительственной политикѣ.

«Конституціонное содержаніе въ постановленіи с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія было, конечно, очень слабо и подъ нимъ легко могъ бы надписаться любой славянофилъ. Но совпадая съ общимъ недовольствомъ ограничительной политики правительства по отношенію къ общественной самодѣятельности, съ общими протестами земствъ противъ регламентаціи ихъ

дѣятельности на мѣстахъ губернаторскою властью, наконецъ, совпадая съ многочисленными и въ большинствѣ случаевъ неудовлетворенными ходатайствами земствъ по различнымъ вопросамъ земскаго устройства въ смыслѣ расширенія компетенціи земскихъ учрежденій, постановленіе петербурскаго земскаго собранія явилось началомъ развившагося потомъ частью вполнѣ конституціоннаго земскаго движенія, частью менѣе опредѣленнаго, но зато въ болѣе широкихъ размѣрахъ, теченія земской мысли—участія выборныхъ представителей земствъ въ обсужденіи и рѣшеніи законопроектовъ, касающихся вопросовъ мѣстной жизни, теченія, легко переходящаго въ сочувствіе идеѣ земскаго собора съ характеромъ совѣщательнаго органа. Каждый разъ, какъ правительство обращалось къ земскимъ учрежденіямъ съ тѣми или иными вопросами, нуждаясь въ мнѣніяхъ и свѣдѣніяхъ мѣстныхъ людей, оно почти всегда встрѣчало вслѣдъ за этими обращеніями цѣлый рядъ ходатайствъ о необходимости привлеченія выборныхъ земскихъ представителей къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи законопроектовъ по мѣстнымъ вопросамъ. Особенно сильно теченіе это проявилось въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія по поводу обращенія правительства къ земствамъ по вопросу о реформѣ закона 1874 г. о крестьянскихъ учрежденіяхъ въ связи съ общимъ вопросомъ о мѣстномъ управленіи и въ 1903 году по вопросу о земскомъ избирательномъ цензѣ, а также въ связи съ участившимися при фонъ-Плеве вызовами отдѣльныхъ лицъ изъ среды земства и дворянства въ Петербургъ въ различныя совѣщательныя комиссіи».

Идейное вліяніе того постановленія петербургскаго земства, о которомъ говоритъ г. Голубевъ, было несомнѣнно очень значительно, но реально въ тотъ моментъ это вліяніе не сказалось ничѣмъ, и голосъ петербургскаго земства остался одинокимъ. Лишь въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ обнаружилось снова земское движеніе, выразившееся въ той земской политической кампаніи, о которой до сихъ поръ вспоминаетъ со скрежетомъ зубовнымъ реакціонная пресса. Затѣмъ наступили годы «безвременья», и лишь съ новымъ царствованіемъ снова воскресло земское движеніе, нынѣ достигшее столь значительныхъ размѣровъ.

Постановленія «частнаго совѣщанія» земствъ было поддержано большинствомъ губернскихъ земскихъ собраній (21 изъ 34), причемъ нѣкоторыя земства (напр., тверское и саратовское) къ резолюціямъ совѣщанія присоединили также формулу о народномъ представительствѣ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Изъ остальныхъ 13 земствъ относительно трехъ (олонецкаго, пермскаго и псковскаго) свѣдѣній въ печатѣ не было. Въ тамбовскомъ резолюціи не прошли, но для этого, какъ извѣстно изъ печати, противникамъ освободительнаго движенія пришлось пустить ва дѣло тѣ элементы, которые извѣстны подъ именемъ «черной сотни». «Въ земскихъ собраніяхъ Вологодскомъ, Владимірскомъ и Тульскомъ, — пишетъ Голубевъ,—меньшинствомъ, притомъ довольно значительнымъ, были сдѣланы весьма энергичныя заявленія противъ существущаго строя, но эти собранія были прерваны, и мы не знаемъ, на чемъ бы согласилось большинство».

Такимъ образомъ несомнѣнно консервативнымъ оказалось только 4 земства: Петербургское, Пензенское, Казанское и Курское.

Прямымъ толчкомъ ко всей этой кампаніи послужили несомнѣнно постановленія земскаго совѣщанія 6-го—9-го ноября, и въ этомъ несомнѣнно его огромное значеніе.

* * *

Матеріалъ для «журнальнаго» обозрѣнія, какъ это само собою разумѣется, мы черпаемъ всегда изъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ, которые выходятъ обыкновенно ежемѣсячно. На этотъ разъ мы, однако, хотимъ сдѣзать исключеніе и остановить вниманіе читателей на одной любопытной статьѣ, помѣщенной въ одномъ журналѣ, издающемся не ежемѣсячно, а еженедѣльно. По своимъ размѣрамъ статья, о которой мы сейчасъ поведемъ рѣчь, подходитъ вполнѣ подъ статью «журнальную», такъ какъ она растянулась на нѣсколько нумеровъ еженедѣльника, по существу же—было бы жаль, если бы столь интересная статья затерялась въ мало распространенномъ изданіи. Вотъ причины, заставляющія насъ отступить на этотъ разъ отъ заведеннаго порядка.

Мы имѣемъ въ виду напечатанную въ рядѣ нумеровъ еженедѣльнаго журнала «Русское Дѣло» статью, озаглавленную «Какъ устраивали въ Москвѣ «рабочій вопросъ». Въ статьѣ этой вскрывается многое любопытное изъ области такъ называемой «зубатовщины» и она, вѣроятно, прочтется многими съ несомнѣннымъ интересомъ. Обширныя московскія рабочія организаціи, во главѣ которыхъ стоитъ начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія, исторія возникновенія организаціи и ея дальнѣйшія судьбы,—такова тема названной статьи. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности, за недостаткомъ мѣста, остановиться подробно на этой статьѣ, но считаемъ весьма поучительнымъ остановиться на одномъ изъ моментовъ жизни московской организаціи зубастовскихъ рабочихъ, о которомъ подробно повѣствуется въ статьѣ. Рѣчь идетъ о бесѣдѣ, которую велъ въ Москвѣ въ трактирѣ Тѣстова г. Зубатовъ 26-го іюля 1902 года съ московскими фабрикантами. «На этомъ собесѣдованіи,—пишетъ авторъ статьи въ № 4 «Русскаго Дѣла»,—г. Зубатовъ изложилъ свои предположенія и преподалъ свои совѣты, но не могъ убѣдить мѣстныхъ фабрикантовъ въ правильности своихъ теорій. Обсудивъ все слышанное, участники совѣщанія изложили мнѣнія г. Зубатова письменно въ видѣ 16-ти отдѣльныхъ пунктовъ».

Эти пункты авторъ статьи приводитъ далѣе почти полностью. Ихъ-то хотимъ воспроизвести и мы.

«1) Вслѣдствіе, во-первыхъ, неправильной постановки школъ фабричныхъ, въ особенности школъ техническаго общества и школъ воскресныхъ, руководимыхъ неблагонадежными учителями, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати,—явной и подпольной,—россійское торгово-промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное отъ всѣхъ сословій положеніе, такъ что рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотритъ на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ на мошенниковъ.

«2) Кромѣ преступнаго направленія школъ и печати, и само торгово-промышленное сословіе виновно въ томъ, что давало поводы къ утвержденію сказаннаго на него взгляда со стороны рабочаго класса, интеллигенціи и духовенства, допуская, вслѣдствіе лицепріятныхъ покушеній со стороны чиновъ фабричной инспекціи, обиды, штрафы, обмѣры, плохое харчеваніе и иныя дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ эксплоатаціи рабочаго люда. Въ то же время это сословіе, заботясь, по собственному своему побужденію, объ улучшеніи быта рабочихъ, не дѣлало ничего, чтобы предавать возможно широкой гласности все, что дѣлаемо было имъ въ этой области.

«3) Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полицеймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны рабочаго класса и интеллигенціи; но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики начальства, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, какъ это можно было ожидать отъ вѣрноподданныхъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ этимъ начинаніямъ.

«4) Причиною такого поведенія торгово-промышленнаго сословія служатъ ложные слухи, распускаемые французскимъ гражданиномъ Ю. Гужономъ, который въ минувшемъ мартѣ не допустилъ къ себѣ на фабрику агентовъ московскаго оберъ-полицеймейстера, подозрѣвая въ нихъ подстрекателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли приказаніе его превосходительства предупредить готовившуюся на этой фабрикѣ стачку. Не взирая на то, что г. Гужонъ подлежалъ строгой отвѣтственности за таковыя дѣйствія, онъ все-таки не былъ привлеченъ къ оной ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ.

«5) Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію, но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, оказалось безсильнымъ въ своей области, потерявъ въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе, вслѣдствіе разныхъ лицепріятныхъ допущеній, какъ были практикуемы ими въ отношеніи хозяевъ. Поэтому Охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, которая обнимаетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, *но почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмѣ, крестъ* *).

«6) Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, Охранное отдѣленіе, не знакомое со всѣми особенностями фабрично-заводскаго быта, приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы проникнуть въ глубину этихъ новыхъ своихъ обязанностей, и, по изслѣдованіи ихъ, оно пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности, подобные тѣмъ, что произошли минувшей (1902 г.) весной

---

*) Курсивъ вездѣ автора статьи въ „Рус. Д.“.

въ Полтавской и Харьковской губ., является расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, *но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ*, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, представившій недавно законопроектъ о свободѣ стачекъ и о представительствѣ рабочихъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, *внѣзаконномъ, нелегальномъ*.

«7) Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, добровольно выбираемыхъ изъ своей среды рабочими обоего пола. Эти комитеты имѣютъ намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго распорядка. Хозяинъ имѣетъ вѣдаться впредь съ своими рабочими не непосредственно, а чрезъ комитетъ. Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ данной округи состоятъ между собою въ общеніи въ видахъ достиженія однообразія дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами *сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи*, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами.

«8) Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, чтобы грядущія событія не застали ихъ врасплохъ, Охранное отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но и устройствомъ питомника (лабораторіи) для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти учителя и руководители получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проѣздныхъ и наградныхъ.

«9) Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются Обществомъ Взаимопомощи Рабочихъ Механическихъ Мастерскихъ, учрежденнымъ 14-го февраля 1902 г., гдѣ участвуютъ въ качествѣ членовъ тысячи рабочихъ обоего пола и даже подростки. Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, купцовъ и промышленниковъ.

«10) Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, Охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекши къ этому дѣлу Его Высокопреосвященство Московскаго митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ новому дѣлу просвѣщенія фабричныхъ рабочихъ свѣтомъ Христова ученія, произнеся слово на собраніи, бывшемъ въ Политехническомъ музеѣ 10 іюня 1902 года.

«11) Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи управленія народными массами, былъ произведенъ 19-го минувшаго февраля охраннымъ отдѣленіемъ сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи безъ различія сословій къ памятнику Царя-Освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50.000-й толпы, произведенный вопреки закона о рабочемъ времени, вызвалъ глубокое умиленіе Его Император-

скаго Высочества Августѣйшаго Генералъ-Губернатора и его превосходительства г. Московскаго оберъ-полицеймейстера, не предполагавшаго, чтобы такая громада могла остаться спокойною безъ надзора за ней чиновъ полиціи.

«12) Кромѣ лекцій и репетицій сказаннаго свойства, образованіе рабочихъ, подъ руководствомъ опытныхъ людей, происходитъ въ Народныхъ Домахъ и Чайныхъ Московскаго Столичнаго Попечительства о народной трезвости, содержимыхъ на средства, отпускаемыя г. министромъ финансовъ. Рабочіе, посѣщающіе эти собранія, хотя и небрегутъ закономъ о продолжительности рабочаго дня, но со временемъ это явленіе будетъ устранено.

«13) Благодаря такимъ порядкамъ Москва избавлена была нынѣшнею 1902 года весною и лѣтомъ отъ многихъ изъ приготовлявшихся безпорядковъ, кромѣ Гужоновскаго, который, впрочемъ, устроилъ по своему упорству самъ Гужонъ, и Даниловскаго,—имѣвшаго всѣ признаки политическаго, а не экономическаго: тогда какъ въ Петербургѣ безпорядки не прекращались въ теченіе всего лѣта: тамъ дѣйствуютъ нагайки и штыки, а въ Москвѣ прозорливая предусмотрительность попечительнаго начальства.

«14) Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричныхъ рабочихъ, а не законодательному, дано *по соображеніямъ высокой государственной важности*, но и кромѣ того, въ случаѣ утвержденія новыхъ условій бытія въ законодательномъ порядкѣ, какъ этого желаетъ г. министръ финансовъ, и при недостаточной наличности способныхъ и обученныхъ дѣятелей, можно испортить столь благое начинаніе въ самомъ началѣ, что, само собою разумѣется, весьма нежелательно для рабочихъ и въ особенности для хозяевъ.

«15) Всѣми перечисленными мѣропріятіями Охранное отдѣленіе успѣло въ короткій срокъ снискать искреннѣйшее довѣріе къ себѣ рабочихъ, потому что они убѣдились, что *каждый униженный и оскорбленный находитъ себѣ въ Охранномъ отдѣленіи отеческое вниманіе, совѣтъ, поддержку, помощь словомъ и дѣломъ*, такъ что нынѣ даже «Музей труда», учрежденный при Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, повидимому, сталъ терять подъ собою почву.

«16) Представителямъ торгово-промышленнаго сословія, при существующемъ положеніи вещей, остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звѣньями которой являются рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь не только Москвы и Московской губерніи, но и всей Россіи, хотя и внѣзаконнаго, но спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими».

Таковъ былъ планъ «самобытнаго» рѣшенія рабочаго вопроса. Авторъ цитируемой статьи говоритъ, что одно высокопоставленное лицо, ознакомившись съ содержаніемъ приведенныхъ шестнадцати пунктовъ, воскликнуло: «право, Щедринъ не писалъ ничего подобнаго». Но, несмотря, однако, на свой высоко-юмористическій характеръ, «16 пунктовъ» послужили директивою для того огромнаго дѣла въ Москвѣ, которое пыталось стать жизненнымъ, но,

разумѣется, рушилось и рушилось безвозвратно. Додумавшаяся въ концѣ концовъ до чего-то вродѣ полицейскаго соціализма, наша бюрократія пожала полностью плоды собственной мудрости. Изъ всей ея затѣи остался въ настоящее время лишь кое-какой матеріалъ не для обширныхъ рабочихъ организацій, а развѣ-развѣ, что для «черныхъ сотенъ». Но, вѣдь, съ ними далеко не уѣдешь... Расплата за чудовищную нелѣпость «плана» г. Зубатова, за смѣхотворность его «геніальной идеи» наступила быстро, и надо надѣяться, что недалеко уже то время, когда «зубатовщина» предстанетъ на судъ русскаго общества во всей ея наготѣ, со всѣми именами ея «дѣятелей». Журналъ г. Шарапова положилъ начало въ «легальной» литературѣ разоблаченію дѣятельности нашего доподлиннаго «подполья» и на этомъ дѣло, разумѣется, не остановится. Пора, давно пора пролить полный свѣтъ на дѣла тѣхъ маговъ и волшебниковъ бюрократическаго режима, у которыхъ въ попраніи закона, воистину, какъ у некрасовской «нарядной» женщины, «цинизмъ доходилъ до граціи» и которые такъ были увѣрены въ томъ, что они мужи, дѣйствующіе по «соображеніямъ высокой государственной важности»...

* * *

Въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена статья г. Захарьина-Якунина, посвященная воспоминаніямъ о покойной графинѣ А. А. Толстой, родной теткѣ Л. Н. Толстого. Статья г. Захарьина составлена на основаніи личныхъ воспоминаній о покойной, частью на основаніи собственныхъ «Записокъ» покойной, подлинникъ которыхъ хранится въ академіи наукъ. Въ этихъ «Запискахъ» обращаетъ на себя вниманіе разсказъ о томъ, какъ послѣ появленія въ иностранныхъ газетахъ первой статьи Льва Толстого «толстовскаго» направленія (рѣчь идетъ, повидимому, объ «Исповѣди» или «Въ чемъ моя вѣра») тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой хотѣлъ расправиться съ знаменитымъ писателемъ.

«До меня стали доходить слухи,—пишетъ гр. Толстая,—что гр. Д. А. Толстой, по наущенію московскихъ публицистовъ, проектируетъ для Льва Николаевича заключеніе въ Суздальскій монастырь безъ права писать... Я рѣшилась ѣхать прямо къ Дмитрію Андреевичу сама—и все узнать.

«Я застала его дома и въ большомъ, повидимому, недоумѣніи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, недоумѣвающимъ онъ мнѣ представился.

«— Право, не знаю, на что рѣшиться,—сказалъ онъ мнѣ.—Прочтите, вотъ, всѣ эти доносы на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я положилъ подъ сукно; но,—не могу же всю эту исторію скрывать отъ государя.

«— Разумѣется, нѣтъ—отвѣчала я,—но вы должны знать, что государь очень любитъ Льва, et probablement que cela adoucira ses impressions...

«Надо знать, что этому эпизоду предшествовало совершенно случайно одно маленькое обстоятельство, значительно помогшее счастливому исходу дѣла, которое могло окончиться для Льва Николаевича очень печально.

«Всего за нѣсколько дней до моего разговора съ гр. Д. А. Толстымъ, меня

посѣтилъ государь Александръ Александровичъ. Онъ помнилъ и зналъ меня очень давно и—могу съ нескрываемою гордостью сказать—всегда былъ ко мнѣ особенно милостивъ и внимателенъ. Во время этого своего посѣщенія онъ былъ въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа и говорилъ со мной съ большимъ оживленіемъ. Между прочимъ онъ меня спросилъ:

«— Скажите, кого вы находите самыми замѣчательными и популярными людьми въ Россіи? Зная вашу искренность,—добавилъ онъ,—я увѣренъ, что вы скажете мнѣ правду. Меня, конечно, и не думайте называть.

«Я отвѣтила, улыбаясь: и не назову.

«— Кого же именно вы назовете?—Это меня интересуетъ.

«— Во-первыхъ, Льва Толстого, проговорила я.

«— Этого я ожидалъ, замѣтилъ государь,—а далѣе?

«— Я назову вамъ еще одного человѣка,—отвѣчала я, немного подумавши.

«— Но кого же, кого?—сталъ онъ торопить меня.

«— Отца Іонна Кронштадскаго.

«Государь разсмѣялся и отвѣтилъ: мнѣ это не вспомнилось. Но я съ вами согласенъ.

«Вскорѣ онъ отъ меня ушелъ. Я говорю «ушелъ», потому что отъ меня имѣется прямой ходъ въ Зимній дворецъ—по той стеклянной, висящей на воздухѣ, галереѣ, которая соединяетъ дворецъ съ эрмитажемъ.

«И вотъ, когда я узнала и увидѣла, какой опасности можетъ подвергнуться Левъ Николаевичъ отъ доклада Димитрія Андреевича государю и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на дняхъ, я рѣшила употребить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала государю, что мнѣ очень нужно его видѣть и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

«Я была сильно взволнована, ожидая его посѣщенія, и мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ, государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо его утомлено и онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ большую рѣшимость. На вопросъ государя, что я имѣю сказать ему, я отвѣчала прямо:

«— На дняхъ вамъ будетъ сдѣланъ докладъ о заключеніи въ монастырь самаго геніальнаго человѣка въ Россіи.

«Лицо государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

«— Толстого?—коротко спросилъ онъ.

«— Вы угадали, государь,—отвѣчала я.

«— Значитъ, онъ злоумышляетъ на мою жизнь?—спросилъ государь.

«Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что́ только *одно это* (курсивъ подлинника) могло бы склонить государя на утвержденіе доклада Дмитрія Андреевича.

«Я разсказала государю подробно все, что узнала отъ Дмитрія Андреевича о винѣ Льва, и видѣла, къ величайшей моей радости, что его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное кроткое и чрезвычайно ласковое выра-

женіе. Вскорѣ же государь всталъ, чтобы уйти. Я позволила себѣ при прощаніи сказать лишь одно, что *не на графа Дмитрія Андреевича* (курсивъ подлинника), конечно, обрушится всеобщее въ Россіи и за границей негодованіе въ случаѣ утвержденія его доклада.

«Черезъ два дня я узнала, что государь превзошелъ всѣ мои ожиданія, и его доброта и мудрость разрѣшили вопросъ совершенно инымъ образомъ. Прослушавъ донесеніе Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ будто бы возбужденіи публики, государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣчалъ буквально слѣдующее:

«— Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него.

«Я узнала тогда же, что Дмитрій Андреевичъ вернулся изъ Гатчины, изображая изъ себя, по его словамъ, «вполнѣ счастливаго человѣка», такъ какъ, въ случаѣ утвержденія его доклада, и на него, конечно, пало бы не мало нареканій. Онъ это хорошо понималъ и довольно искусно входилъ въ роль «счастливаго»...

Такъ миновала, къ счастью для Россіи, гроза, собравшаяся надъ головою одного изъ ея лучшихъ сыновъ. Эпизодъ высоко поучительный. Графиня Толстая называетъ напечатанную въ заграничныхъ журналахъ статью Льва Николаевича «антиправительственною», прибавляя при этомъ, что статья была напечатана даже безъ вѣдома ея автора. Но послѣднее несущественно. Существенно то, что «антиправительственная статья» могла повлечь за собою утрату Россіей—кого? Льва Толстого! Одинъ этотъ фактъ явится, конечно, достаточнымъ для будущаго историка, чтобы заклеймить бюрократическій режимъ его настоящимъ именемъ...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Марокскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Новый германскій министръ.—Австро-венгерскій кризисъ.—Критское возстаніе.—Македонское движеніе.—Шведско-норвежскій споръ.—Докладъ въ германскомъ колоніальномъ обществѣ.—„Китай для китайцевъ“.—Новое пораженіе министерства Бальфура.—Толки о мирѣ.

«Телеграммы съ уплоченнымъ отвѣтомъ, по адресу Бюлова»—такъ называютъ нѣкоторыя германскія газеты рѣчи Бебеля. Эти рѣчи всегда оказываютъ свое дѣйствіе, и публика рейхстага можетъ наслаждаться словесною дуэлью двухъ парламентскихъ ораторовъ, мечущихъ другъ въ друга заостренныя стрѣлы своего краснорѣчія. На очереди стоитъ теперь марокскій вопросъ, и, конечно, Бебель не могъ не воспользоваться столь удобнымъ случаемъ подвергнуть безпощадной критикѣ политику правительства вообще и своего главнаго противника—канцлера въ частности. Бебель оправдываетъ заботливость правительства о германскихъ интересахъ, но язвительно прибавляетъ, что хотѣлъ бы знать, отчего это Германія вздумала «именно теперь, а не годъ тому назадъ

заявлять свои притязанія въ Морокко? Не потому ли, что у правительства были руки связаны до заключенія новыхъ торговыхъ договоровъ?» Оставляя въ сторонѣ вопросъ о своевременности визита императора Вильгельма въ Танжеръ, Бебель все-таки порицалъ дѣйствія правительства, которое должно было, по его мнѣнію, вступиться за интересы страны тотчасъ же, какъ только было заключено англо-французское соглашеніе относительно Марокко, а не выжидать цѣлый годъ. Затѣмъ онъ не оставилъ безъ вниманія и недавнюю рѣчь императора въ Бременѣ, но выразилъ удовольствіе по поводу того, что въ этой рѣчи не былъ выдвинутъ, противъ обыкновенія, «бронированный кулакъ», и хотя она отличалась библейскимъ тономъ, какъ и всѣ рѣчи императора, властно призывающаго Провидѣніе оказывать покровительство германской расѣ, составляющей «соль земли», но тѣмъ не менѣе она носила гораздо болѣе мирный характеръ. Если такая перемѣна явилась продуктомъ зрѣлаго размышленія, то можно надѣяться, что наконецъ военныя и морскія вооруженія будутъ ограничены, а такую политику правительства соціалъ-демократы, конечно, съ радостью будутъ поддерживать.

Графъ Бюловъ, однако, отвѣчалъ не сейчасъ на рѣчь Бебеля. Говорятъ, что ему было замѣчено съ извѣстной стороны, что онъ всегда «слишкомъ торопится» отвѣчать вождю соціалъ-демократовъ; вѣроятно, поэтому онъ и выпустилъ на этотъ разъ впередъ консервативнаго депутата Кардорфа, который и вступилъ въ полемику съ Бебелемъ, и конечно, обрушился на соціалъ-демократію съ обычными обвиненіями, причемъ зачѣмъ-то даже потревожилъ тѣнь Бисмарка, и напомнилъ, что покойный канцлеръ рѣзко осуждалъ не только прусскую ограниченную избирательную систему, но и вообще избирательное право въ германскомъ рейхстагѣ.

Графъ Бюловъ, выступившій со своею отвѣтною рѣчью послѣ Кардорфа, постарался въ сотый разъ опровергнуть взгляды Бебеля на соціальную политику. Словомъ, это была прежняя сизифова работа, но судя по тому увлеченію, съ которымъ ее всегда совершаетъ Бюловъ, надо думать, что она доставляетъ ему удовольствіе. Такое мнѣніе высказываетъ, между прочимъ, и франкфуртская газета, находящая, что канцлеръ всегда увлекается діалектикой. И теперь, отъ «открытыхъ дверей» въ Марокко онъ перешелъ къ злополучному «Zukunftstaat» соціалистовъ и подвергъ его въ сотый разъ самой безпощадной критикѣ, которую Бебель также не оставилъ безъ отвѣта. «Ну, а какъ же марокскій вопросъ?» спрашиваютъ нѣкоторые изъ депутатовъ, покинувшіе рейхстагъ послѣ этой словесной дуэли все-таки въ полной неизвѣстности относительно положенія дѣлъ. Впрочемъ, какъ извѣстно изъ германскихъ газетъ, германское правительство настаиваетъ на созывѣ международной конференціи по марокскому вопросу, но это не входитъ въ планы французской дипломатіи и вопросъ поэтому остается открытымъ. Марокскій султанъ, впрочемъ, все же склоняется въ сторону Франціи и готовъ выполнить нѣкоторыя ея требованія, несмотря на торжественную встрѣчу и высокопарныя рѣчи, которыя расточались въ Танжрѣ по случаю визита германскаго императора.

Большинство германской печати очень сочувственно отнеслось къ первымъ

шагамъ новаго прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, Бетмана Гольвега, дебютировавшаго въ палатѣ рѣчью, въ которой онъ высказался въ пользу «свободнаго участія всѣхъ круговъ народа въ осуществленіи наиболѣе серьезныхъ задачъ страны». Онъ прибавилъ при этомъ, что считаетъ способными исполнять возложенныя на нихъ обязанности лишь тѣхъ изъ своихъ помощниковъ, которые приступаютъ къ дѣлу съ убѣжденіемъ, что они должны помочь народу подняться и развить свои собственныя силы. «Да, я отимистъ, — прибавилъ онъ,—если только подъ оптимизмомъ мы будемъ понимать не туманную сантиментальность, а довѣріе къ развитію человѣка и народа. Я вѣрю въ это развитіе—иначе я не занялъ бы этого поста!»

Такія слова въ устахъ министра, принадлежащаго къ партіи «свободныхъ консерваторовъ», конечно, должны были произвести впечатлѣніе, такъ что въ печати даже было высказано предположеніе, что онъ намѣренно произнесъ такія слова, съ цѣлью дать понять, что онъ не пойдетъ по стопамъ Гаммерштейна. «Vorwärts» по этому случаю выражаетъ надежду, что дружба русской и германской полиціи прекратится при новомъ министрѣ, и процессы, подобные кёнигсбергскому, уже больше не повторятся. Во всякомъ случаѣ, надо ожидать въ этомъ отношеніи нѣкоторой перемѣны курса, такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ вся либеральная печать Германіи и искренно желаютъ всѣ прогрессивные круги германскаго общества. «Полицейская дружба», какъ были названы русско-германскія отношенія одною изъ прогрессивныхъ газетъ, не разъ давала поводъ къ язвительнымъ замѣчаніямъ по адресу Германіи, даже со стороны союзной печати, австро-венгерской и итальянской. Въ одной изъ венгерскихъ газетъ, напр., былъ напечатанъ слѣдующій разсказъ: во время пріема во дворцѣ императоръ Вильгельмъ подошелъ къ японскому дипломату и сказалъ: «Поздравляю васъ. Вы, японцы, сдѣлались теперь героями дня. Однако, не забывайте все-таки, что всему, что вы знаете, вы научились отъ нѣмцевъ». «Ваше величество,—отвѣчаетъ дипломатъ,—мы никогда не забудемъ, что мы всему научились отъ нѣмцевъ, — всему, за исключеніемъ страха передъ русскими». Комментаріями къ этой маленькой сценкѣ могутъ служить безчисленные факты изъ недавняго прошлаго русско-германскихъ отношеній, прибавляетъ газета. Теперь же, послѣ Мукдена и Портъ-Артура *возможна* и перемѣна курса, такъ какъ оказалось *возможнымъ* объявить марокскаго султана «независимымъ властителемъ» и совѣтовать ему отложить навязываемыя ему Франціей реформы «ради уваженія къ религіознымъ чувствамъ мусульманъ». Очевидно, предчувствуя, что будутъ сдѣланы такія ядовитыя замѣчанія, фракфуртская газета, оправдывая поведеніе германскаго императора и его рѣчи въ Марокко, заключаетъ свою передовую статью о марокскомъ вопросѣ слѣдующими словзми: «Все-таки непріятно сознавать, что *у другихъ* можетъ явиться подозрѣніе, будто мы только вслѣдствіе пораженія Россіи заговорили такъ рѣшительно въ Марокко и подчеркнули свои интересы». Но, какъ ни старается германская печать сгладить это впечатлѣніе, оно все же остается, и остается недоумѣніе, почему это германскій императоръ вдругъ почувствовалъ «великій интересъ къ благополучію и развитію марокскаго царства».

Австро-венгерскій кризисъ все болѣе и болѣе обостряется. Первый актъ великой исторической драмы, которая разыгрывается въ Будапештѣ, закончился полнымъ разрывомъ между двумя конституціонными силами: монархомъ и коализированнымъ парламентскимъ большинствомъ. Это уже не простой министерскій кризисъ, а государственный кризисъ, который можетъ привести къ настоящей катастрофѣ. Событія послѣднихъ лѣтъ ясно указывали, однако, что австро-венгерскій компромиссъ не могъ болѣе держаться въ той формѣ, въ какой онъ былъ установленъ въ 1867 году. Уступки, сдѣланныя австрійскимъ императоромъ національному чувству и самолюбію венгерцевъ, не могли ихъ удовлетворить теперь, и они требовали больше и больше при помощи обструкціи. Нѣтъ сомнѣнія, что идеи сепаратизма сдѣлали большіе успѣхи въ умѣ населенія за послѣдніе годы. Въ вопросѣ о венгерской національной арміи либералы, потерпѣвшіе пораженіе на выборахъ, раздѣляютъ совершенно взгляды непримиримыхъ коммунистовъ. Разногласіе между обѣими партіями заключается лишь въ вопросѣ о своевременности, но цѣль у нихъ одинаковая. Графъ Андраши изо всѣхъ силъ старался убѣдить предводителей коализированныхъ партій, чтобы они отложили до лучшихъ временъ реализацію этой части своей программы, но они и слышать этого не хотѣли и требовали немедленнаго выполненія этихъ требованій, заявляя, что если они откажутся отъ нихъ, то рискуютъ окончательно потерять довѣріе своихъ избирателей. Это существенный пунктъ и отъ него они отступить не могутъ. Разумѣется, послѣ такого категорическаго отказа со стороны коализированныхъ партій принять условія короны, графу Андраши болѣе ничего не оставалось, какъ тоже отказаться отъ своей миссіи образовать кабинетъ, и, такимъ образомъ, кризисъ вступилъ въ новую фазу.

Венгрія остается въ данный моментъ безъ отвѣтственнаго министерства, безъ бюджета и пожалуй останется безъ парламента. Графъ Тисса, вышедшій въ отставку, не хочетъ занимать двусмысленнаго положенія временнаго министра, но до сихъ поръ всѣ попытки образовать кабинетъ успѣха не имѣли. Такое положеніе вещей однако долго продолжиться не можетъ, и безпорядки не заставятъ себя ждать. Въ прежнихъ конфликтахъ, происходившихъ между короной и парламентомъ, императоръ Францъ Іосифъ могъ опираться на большинство аристократіи, защищавшей дуализмъ, но теперь эта опора лишилась своей прочности вслѣдствіе отпаденія многихъ политическихъ дѣятелей аристократовъ, перешедшихъ въ лагерь коммунистовъ. Венгерская оппозиція принимаетъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы парламентская кампанія могла начаться тотчасъ же послѣ пасхальныхъ вакацій и въ адресѣ на имя императора, который выработалъ парламентскую коммиссію, содержатся всѣ требобованія оппозиціи: национализація арміи, самостоятельность въ таможенномъ отношеніи и устройство національнаго банка. Кромѣ того собираются еще внести предложеніе о привлеченіи къ отвѣтственности всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ насильственномъ постановленіи 18-го ноября, начиная отъ министра-президента Тиссы. Въ своемъ парламентскомъ адресѣ венгерцы обѣщаютъ коронѣ существенныя выгоды, если будутъ удовлетворены желанія венгерцовъ;

если же нѣтъ — то поколеблется довѣріе націи къ дѣйствительности ея конституціонныхъ правъ. Словомъ, тутъ заключается предупрежденіе, что дальнѣйшее противодѣйствіе короны желаніямъ націи можетъ повлечь за собою большія бѣды Надо прибавить, что въ адресѣ тщательно избѣгается даже упоминаніе имени Австріи, хотя и говорится о вооруженныхъ силахъ двухъ государствъ.

Партія Кошута признала, между прочимъ и равноправіе женщинъ, единогласно высказалась въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ, опираясь на политическое прошлое венгерскихъ женщинъ. На этомъ основаніи венгерскій феминистскій ферейнъ готовится уже внести въ парламентъ соотвѣтствующее предложеніе, разсчитывая, что оно подвергнется надлежащему и серьезному обсужденію, такъ какъ партія Кошута, стоящая за права женщинъ, является въ настоящее время партіей большинства въ парламентѣ.

Возстаніе на островѣ Критѣ распространяется и столкновенія съ европейскою жандармеріей принимаютъ все болѣе острый характеръ. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что это возстаніе, выставившее своимъ лозунгомъ присоединеніе Крита къ Греціи какъ автономной части, управляющейся конституціоннымъ образомъ, въ дѣйствительности является лишь средствомъ замѣнить существующее абсолютистское правительство парламентскимъ и заставить принца Георга, либо принять парламентаризмъ, уступая давленію, либо уйти. Но судя по воззванію, адресованному принцемъ критянамъ, онъ уступать не намѣренъ. Онъ совѣтуетъ инсургентамъ спокойствіе и заявляетъ, что его глубоко огорчаетъ революціонное движеніе, которое только можетъ повредить дѣлу Крита. Конечно, онъ упоминаетъ при этомъ о руководителяхъ и вождяхъ движенія, сбивающихъ съ толку народъ; достаточно уже много людей подъ ихъ вліяніемъ введены въ заблужденіе и промѣняли свое мирное существованіе на тревожную жизнь инсургентовъ! Однако вожди движенія справедливо замѣчаютъ на это, что критяне имѣютъ полное основаніе быть недовольными своимъ положеніемъ. Народъ отягощенъ налогами, содержаніе чиновниковъ поглощаетъ весь бюджетъ Крита и къ тому же экономическое положеніе острова не только не улучшилось съ 1897 года, но пришло въ еще болѣе плачевное состояніе. Реформы необходимы, но вслѣдствіе установленной системы выборовъ оппозиція въ палатѣ всегда находится въ меньшинствѣ и поэтому въ странѣ существуетъ режимъ абсолютизма, противъ котораго критяне должны бороться. Вожди инсургентовъ открыто выражаютъ надежду, что если они будутъ дѣйствовать рѣшительно, то европейскіе конституціонныя державы не станутъ вмѣшиваться и употреблять какія либо насильственныя мѣры, чтобы мѣшать критянамъ въ ихъ борьбѣ за свое освобожденіе. Критское инсуррекціонное движеніе такимъ образомъ прямо направлено противъ принца Георга и его правительства, обвиняемаго въ абсолютизмѣ. Собраніе инсургентовъ въ Ѳерилѣ объявило себя временнымъ національнымъ собраніемъ и избрало своимъ президентомъ Папаяннокиса, который обратится съ воззваніемъ къ иностраннымъ консуламъ. Выражая благодарность державамъ за ихъ дѣйствія въ прошломъ, онъ проситъ ихъ, во

имя цивилизаціи, не навязывать насильственно и не покровительствовать такому режиму, который явно существуетъ вопреки желаніямъ народа.

Въ Аѳинахъ, само собою разумѣется, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за развитіемъ критскихъ событій. Министръ-президентъ Дельянисъ обратился уже ко всѣмъ редакторамъ газетъ съ просьбою соблюдать самую большую сдержанность въ этомъ вопросѣ. Онъ высказалъ опасеніе, что возстаніе можетъ послужить для европейскихъ державъ предлогомъ къ дальнѣйшему оставленію своихъ отрядовъ на Критѣ. Притомъ въ особенности можно опасаться столкновенія между революціонерами и мѣстными или международными военными силами, что поставило бы греческаго принца въ крайне неловкое и двусмысленное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ: греческій принцъ, приказывающій стрѣлять въ инсургентовъ, добивающихся присоединенія къ Греціи—это была бы большая несообразность, и естественно, что греческое правительство всячески желаетъ избѣжать этого. Порта же, съ своей стороны, уже обратилась къ Европѣ съ просьбою поддержать ея сюзеренныя права въ Критѣ—права, носящія исключительно теоретическій характеръ; командиръ французскихъ отрядовъ, полковникъ Любянскій, уже увѣдомилъ революціонеровъ, что онъ уполномоченъ вступить съ ними въ переговоры, но прибавилъ при этомъ, что державы твердо рѣшили не допускать присоединенія острова къ Греціи и взамѣнъ этого предлагаютъ критянамъ проектъ новыхъ административныхъ реформъ. Однако, врядъ ли всѣ эти бумажные проекты могутъ удовлетворить инсургентовъ, преслѣдующихъ вполнѣ реальныя цѣли, и возможно, что державамъ придется считаться съ совершившимся фактомъ.

Говорятъ, впрочемъ, что и самъ принцъ Георгъ очень тяготится своимъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ верховный коммиссаръ державъ, онъ долженъ употреблять всѣ старанія, чтобы удерживать Критъ отъ соединенія съ Греціей, и въ глазахъ критянъ онъ является, такимъ образомъ, скорѣе уполномоченнымъ европейскихъ державъ, нежели греческимъ принцемъ. Увѣряютъ, что недавно, въ разговорѣ съ однимъ журналистомъ, у него вырвались такія слова: «До сихъ поръ только трехъ человѣкъ вынуждали жить на островѣ, въ такихъ роковыхъ условіяхъ: Наполеона, Дрейфуса и меня!» Очевидно, что злополучный греческій принцъ чувствуетъ себя очень неудобно на томъ стулѣ, на который его посадили европейскія державы.

Европейскій востокъ вообще внушаетъ серьезныя опасенія. Отношенія между Турціей и Болгаріей становятся все болѣе натянутыми, а изъ Македоніи приходятъ тревожныя вѣсти. Во-первыхъ, раздоръ національностей, входящихъ въ составъ ея населенія, все усиливается, а во-вторыхъ, по всѣмъ признакамъ, надо ждать въ недалекомъ будущемъ всеобщаго возстанія въ Македоніи, которому врядъ ли помѣшаютъ разныя полумѣры, придумываемыя европейскими державами для поддержанія деспотическаго государственнаго строя Турціи, ложащагося пятномъ на европейскую цивилизацію. Македонскіе инсургенты постоянно получаютъ подкрѣпленія изъ Болгаріи, да и въ самой Македоніи они встрѣчаютъ дѣятельную поддержку. На это обстоятельство указываютъ и сербскіе, и болгарскіе консулы въ своихъ донесеніяхъ, при-

бавляющіе, что система новыхъ жандармскихъ патрулей, введенная европейскими офицерами, не можетъ помѣшать распространенію движенія. У инсургентовъ много оружія и ручныхъ бомбъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ возстаніе неминуемо состоится въ ближайшемъ будущемъ, какъ только прибудутъ въ Македонію первые вожди, Сарафовъ, Цончевъ, Янковъ, Груевъ и др. Какъ слышно, 1.500 человѣкъ, съ Сарафовымъ во главѣ, готовы перейти границу.

Македонскіе болгары раздражены преслѣдованіемъ турокъ и притомъ совершенно извѣрились во всякія реформы, придуманныя европейскою дипломатіей. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ проекты этихъ реформъ, которыя совмѣстно вырабатывались державами, заинтересованными въ балканскихъ дѣлахъ, ни на іоту не измѣнили положенія въ Македоніи, и настоящая междуусобная война ежеминутно грозитъ разразиться; болгары, сербы, румыны, греки грабятъ и убиваютъ другъ друга, а турецкое правительство потираетъ руки отъ удовольствія, глядя на эти братоубійственныя распри, и посылаетъ для водворенія порядка и спокойствія свои отряды, которые, въ свою очередь, производятъ кровавыя расправы. Словомъ, кровь льется въ Македоніи во всѣхъ углахъ, а въ это время державы предумываютъ новые палліативы въ видѣ какихъ-то финансовыхъ и административныхъ схемъ, но вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія и противоположности своихъ интересовъ не могутъ добиться никакихъ положительныхъ результатовъ, т.-е. дать Македоніи желанную автономію и освободить ее изъ, подъ ига турецкаго деспотизма.

Недавно вышла книга, изданная македонской «внутренней организаціей», подъ заглавіемъ «La Macédoine et le vilayet Andrinople», авторы которой собрали обильный и тщательно провѣренный матеріалъ, характеризующій кровавое развитіе македонскаго вопроса за послѣдніе десять лѣтъ (1893—1903). Картина получается ужасная, и книга представляетъ вопіющій обвинительный актъ противъ турецкаго произвола. Цифры, приводимыя авторами, подтверждаются документами и наглядно указываютъ необходимость радикальнаго разрѣшенія этого наболѣвшаго вопроса. Въ одномъ только 1903 году, напр., 198 христіанскихъ деревень въ 12.211 домовъ были совершенно разрушены, 3.098 женщинъ и дѣвушекъ сдѣлались жертвами гнуснаго насилія, 170 женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ уведены, 70.000 человѣкъ остались безъ крова, 30.000 изгнаны и 1.500 заключены въ тюрьму. Эти цифры говорятъ сами за себя и достаточно ярко обрисовываютъ положеніе дѣлъ въ Македоніи. Далѣе авторы съ полною откровенностью и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія описываютъ дѣятельность македонскихъ революціонеровъ, которая не разъ причиняла туркамъ большія непріятности и вызывала съ своей стороны кровавыя репрессіи. Образованіе «внутренней организаціи» одиннадцать лѣтъ тому назадъ было вызвано, по словамъ авторовъ, именно этимъ нестерпимымъ гнетомъ турецкаго деспотическаго режима, подъ которымъ изнемогало все населеніе. Результатомъ этого явилась организація вооруженнаго протеста противъ турецкаго гнета и стремленіе либо къ полному освобожденію отъ турецкаго ига, либо къ политической автономіи. Исторія сама учитъ македонцевъ не вѣрить правительству, такъ какъ всѣ проектированныя ими реформы

всегда оставались мертвою буквой и всѣ торжественно заявленныя великими державами требованія никогда не бывали приведены въ исполненіе. Авторы указываютъ, что греки, сербы, румыны и болгары, только путемъ вооруженнаго вмѣшательства добились свободы, и Критъ своею относительною автономіей обязанъ только силѣ оружія. Исторія не указываетъ ни одного случая, гдѣ бы турецкіе властители уступали добровольно или вслѣдствіе дипломатическихъ переговоровъ, поэтому и македонцамъ нечего надѣяться, что они добьются чего-нибудь отъ турецкаго правительства мирнымъ путемъ.

Главнѣйшею задачею внутренней революціонной организаціи считается, съ одной стороны, подготовка людей для революціонныхъ дѣйствій и съ другой—терроризированіе противника и немилосердное истребленіе всѣхъ измѣнниковъ. Революціонная организація не дѣлаетъ никакого различія между вѣрованіями или національностями и выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что національная пропаганда съ самаго начала воздвигала серьезныя препятствія революціонной дѣятельности, препятствуя объединенію для общей цѣли, и только постепенно, когда идея свободы проникла въ сознаніе массъ, эти препрепятствія начали исчезать. Однако, они далеко еще не исчезли, какъ это указываютъ распри болгаръ и грековъ въ Македоніи, и авторы книги, пожалуй, черезчуръ оптимистично смотрятъ на это дѣло, полагая, что въ недалекомъ будущемъ всѣ національности Македоніи объединятся для дружнаго отпора турецкому правительству. Во всякомъ случаѣ внутренняя революціонная организація ставитъ своею цѣлью полное освобожденіе всѣхъ македонцевъ, какъ бы они ни назывались, болгарами, сербами, греками, евреями и даже турками безъ различія національностей и вѣры. Это идеальная цѣль, которую можно только привѣтствовать, но организаціи приходится бороться не только съ тѣми затрудненіями, которыя ставятъ ей распри различныхъ народностей въ Македоніи, но и съ другою организаціей подобнаго же рода, дѣйствующей, изъ политическихъ соображеній, въ интересахъ Болгаріи. Въ этой организаціи главную роль играетъ Груевъ и частью Борисъ Сарафовъ. Сербы также имѣютъ свою организацію, во главѣ которой стоитъ нѣкто Мицко. Греки держатся въ сторонѣ отъ этихъ организацій, румынъ въ Македоніи немного.

Македонскіе революціонеры между прочимъ указываютъ, что ни одно изъ ихъ требованій не было принято во вниманіе въ мюрцштегской программѣ и до сихъ поръ вмѣшательство державъ оставалось безрезультатнымъ для Македоніи. Это и заставляетъ организацію усиливать свою революціонную дѣятельность и добиваться удовлетворенія своихъ требованій съ оружіемъ въ рукахъ.

Старинный споръ между Швеціей и Норвегіей, касающійся характера уніи между обѣими странами, настолько обострился, что привлекаетъ уже вниманіе европейской печати. Норвежское министерство Гагерупа подало въ отставку съ заявленіемъ, что если справедливыя требованія Норвегіи не могутъ быть выполнены въ рамкахъ существующаго государственнаго союза, то должны быть найдены другія, болѣе свободныя формы для совмѣстной дѣятельности обоихъ народовъ. Другими, словами это означаетъ, что унія должна быть отмѣнена,

если только Норвегіи не будутъ предоставлены равныя права въ отношеніи внѣшнихъ дѣлъ и сношеній. Норвежская печать съ горячностью обсуждаетъ этотъ вопросъ и настаиваетъ на томъ, что Норвегія должна занимать равное со Швеціей положеніе въ уніи, поддерживая полную законность стремленія Норвегіи къ абсолютной независимости и болѣе или менѣе открыто признавая, что консульскій вопросъ, изъ-за котораго и возникла распря между двумя родственными государствами, въ сущности составляетъ лишь одно изъ средствъ къ достиженію этой независимости. Шведская печать, само собою разумѣется, оспариваетъ эту точку зрѣнія, и на публичныхъ митингахъ, организованныхъ по этому случаю въ Швеціи, ораторы съ особеннымъ жаромъ говорили о необходимости поддержанія уніи въ интересахъ обоихъ государствъ; они доказывали, что въ этихъ видахъ Норвегіи, конечно, должны быть сдѣланы возможныя уступки, совмѣстимыя съ фактомъ существованія общей династіи и единства иностранной политики. Отставка же норвежскаго министерства, разумѣется, не можетъ содѣйствовать успокоенію умовъ и улаженію кризиса. Знаменитый полярный путешественникъ Нансенъ высказывается по этому поводу въ открытомъ письмѣ, которое было напечатано въ трехъ газетахъ, англійской—«Times'ѣ», французской—«Temps» и нѣмецкой—«Kölnische Zeitung». Онъ излагаетъ въ этомъ письмѣ норвежскую точку зрѣнія и говоритъ, что норвежцамъ надоѣло ждать и что они не имѣютъ передъ собою больше никакой другой альтернативы и должны во что бы то ни стало заставить уважать свои права. Въ заключеніе Нансенъ говоритъ, что онъ вѣритъ въ торжество права и справедливости. Во всякомъ случаѣ, лозунгомъ Норвегіи служитъ теперь освобожденіе отъ всякихъ путъ, какъ бы они ни были ничтожны, включая и тѣ, которыя необходимымъ образомъ существуютъ во всякой политической уніи съ другою страной.

Эра конфликтовъ со Швеціей началась въ Норвегіи съ 1872 г., со времени вступленія на престолъ короля Оскара. Національное богатство Норвегіи возросло вмѣстѣ съ развитіемъ морской торговли, и норвежцы мало-по-малу прониклись сознаніемъ своего значенія. Но вначалѣ все вниманіе ихъ было сосредоточено на своихъ внутреннихъ несогласіяхъ, въ особенности тогда, когда въ 1888 году, въ Норвегіи образовалось консервативное правительство Штанга. За годъ передъ этимъ образовалась крайняя лѣвая, съ Бьорнсономъ во главѣ, который, однако, самъ никогда не засѣдалъ въ стортингѣ. Эта партія внесла въ свою платформу всеобщее избирательное право и назначеніе отдѣльныхъ норвежскихъ консуловъ. Затѣмъ, когда консервативное министерство смѣнилось другимъ, въ составъ котораго вошелъ Штенъ, радикалъ, то было, между прочимъ выставлено требованіе учрежденія отдѣльнаго министерства иностранныхъ дѣлъ для Норвегіи и консульской службы. Стортингъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ радикаловъ, вотировалъ законопроектъ, касающійся консульской службы; но король Оскаръ наложилъ на него свое veto. Тогда министерство Штена вышло въ отставку, и Штангъ образовалъ новый консервативный кабинетъ, который, несмотря на много разъ выраженное ему стортингомъ недовѣріе, продолжалъ держаться даже тогда, когда выборы 1894 года

дали радикальное большинство. Этотъ стортингъ постановилъ въ 1896 году исключить изъ норвежскаго флага символъ объединенія со Швеціей, но король Оскаръ опять-таки не согласился санкціонировать этого рѣшенія. Изъ этого конфликта между королемъ и норвежскимъ народнымъ представительствомъ постепенно развилось острое несогласіе между Норвегіей и Швеціей. Стортингъ началъ вотировать кредиты на усиленіе норвежскаго войска, а шведское правительство отвѣчало на это увеличеніемъ кредитовъ «на непредвидѣнные случаи». Въ концѣ концовъ была назначена шведско-норвежская коммиссія, которая и должна была найти рѣшеніе спорнаго вопроса. Шведы требовали, чтобы королю были предоставлены такія же права надъ морскими и сухопутными силами Норвегіи, какими онъ пользуется въ Швеціи; только на этомъ условіи они соглашались сдѣлать уступки Норвегіи въ вопросѣ о ея равноправіи во внѣшнихъ сношеніяхъ. Норвежцы обладаютъ гораздо болѣе широкими правами въ области внутренней политики, нежели шведы, и поэтому соглашеніе оказалось невозможнымъ, такъ какъ норвежцы не хотѣли давать обѣщанія поддерживать силою оружія свободу и независимость Скандинавскаго полуострова, и въ февралѣ этого года, въ совмѣстномъ засѣданіи норвежскихъ и шведскихъ министровъ, при участіи короля и кронпринца, дѣло дошло до окончательнаго разрыва и король ограничился только выраженіемъ надежды, что оба государства, соединившіяся вмѣстѣ уже болѣе полстолѣтія назадъ, постараются сохранить свою унію, несмотря на всѣ разногласія, такъ какъ именно въ уніи заключается самая сильная гарантія независимости, безопасности и благосостоянія обѣихъ націй.

«Чему учитъ насъ восточно-азіатская исторія за послѣдніе 50 лѣтъ?»— такова тема доклада, прочитаннаго недавно въ берлинскомъ колоніальномъ обществѣ, въ присутствіи многочисленной публики. Докладчикъ исходилъ изъ того положенія, что восточно-азіатская исторія послѣднихъ 50-ти лѣтъ представляетъ въ сущности исторію современныхъ отношеній между западомъ и восточною Азіей, развитіе которыхъ шло съ неимовѣрною быстротой, въ особенности со времени 1842 г., когда былъ заключенъ первый договоръ между Англіей и Китаемъ и умные англичане сообразили, что мощное іерократическое государство, съ «сыномъ неба» во главѣ, далеко не составляетъ, въ политическомъ отношеніи, такой сплоченной массы, чтобы нельзя было, безъ особенныхъ затрудненій, отдѣлить отъ него нѣкоторыя частицы. Истекшіе 50 лѣтъ, очень богаты такими событіями, которыя не могутъ пройти безслѣдно для дальнѣйшихъ поколѣній, притомъ же онѣ поучительны и для міровой исторіи. Прежде всего надо имѣть въ виду, какъ говоритъ докладчикъ, что въ основу всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Европой съ Китаемъ, легло коренное недоразумѣніе. Условія этихъ договоровъ указываютъ на основное непониманіе положенія, такъ какъ китайцы были вынуждены силою оружія подписать ихъ, поэтому нечего удивляться, что они ихъ постоянно нарушали при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Но теперь въ Китаѣ возникаетъ болѣе ясное пониманіе положенія вещей. Результаты японской войны заставили китайцевъ обратить вниманіе на тѣ источники, откуда европейцы чер-

паютъ свою силу и вселили у наиболѣе образованныхъ изъ китайцевъ сомнѣніе въ превосходство старины надъ современными идеями и въ достоинствѣ универсализма, заложеннаго въ оставу китайскаго государства, въ которомъ нѣтъ мѣста для развитія истиннаго патріотизма въ духѣ европейскихъ націй. Теперь уже китайцы мало-по-малу проникаются сознаніемъ, что національное ограниченное государство обладаетъ большими преимуществами передъ неограниченнымъ универсальнымъ государствомъ. Быть можетъ это проснувшееся сознаніе, которое поведетъ за собою усиленіе національнаго чувства въ Китаѣ, должно будетъ способствовать и усиленію такъ называемой желтой опасности, но задача культурнаго европейскаго народа именно и должна заключать въ томъ, чтобы привлечь Китай къ себѣ и помочь ему достигнуть равенства культуры, забывъ расовую вражду. Только такимъ путемъ желтая опасность будетъ устранена и будетъ выполнена великая задача культуры.

Въ Китаѣ производится теперь полная реорганизація войска, Японскіе совѣтники добились, черезъ посредство военнаго министерства, единства организаціи и обученія арміи. Во всѣхъ провинціяхъ открываются теперь военныя школы и вездѣ только и говорятъ, что о новыхъ дивизіяхъ и полкахъ, организованныхъ по японскому образцу. Словомъ, всюду идетъ дѣятельная подготовка къ войнѣ и въ особенности въ Печилійской провинціи, на сѣверѣ Китая, замѣчается самая большая дѣятельность въ этомъ направленіи. Въ данный моментъ, однако военная готовность Китая опредѣляется въ 60.000 солдатъ максимумъ, что разумѣется не представляетъ особенно внушительной силы, вслѣдствіе чего Китай и долженъ держаться строгаго нейтралитета. Какъ долго продлится это благоразуміе Китая,—сказать трудно, но по мнѣнію знатоковъ положенія, Китай легко можетъ пренебречь имъ и ринуться въ борьбу. Во всякомъ случаѣ вся работа Китая направлена теперь въ эту сторону и многіе наблюдатели заявляютъ, что съ военной точки зрѣнія въ Китаѣ произошли теперь очень большія перемѣны и тѣ китайскіе отряды, съ которыми придется имѣть дѣло будущему противнику Китая, будутъ совершенно отличаться отъ тѣхъ, съ которыми до сихъ поръ приходилось имѣть дѣло европейскимъ войскамъ

Важная перемѣна заключается, прежде всего въ томъ, что выборъ офицеровъ и солдатъ производится согласно новымъ постановленіямъ: на военную службу берутся уже не подонки общества, какъ прежде, а его лучшіе элементы. Русско-японская война очень способствовала повышенію самосознанія желтой расы, которая оказалась вполнѣ способной, не только противостоять бѣлой расѣ, но и побѣждать ее. Это новый фактъ, который измѣняетъ многое. Впрочемъ европейцамъ пока бояться нечего, такъ какъ Китай сознаетъ что часъ его еще не пробилъ. Таково мнѣніе также серьезныхъ иностранныхъ корреспондентовъ, проживающихъ въ Китаѣ. По ихъ словамъ Китай занятъ въ настоящее время не одной только реорганизаціей своей арміи; онъ медленно, но вѣрно движется по пути реорганизаціи политической и экономической, и въ этомъ отношеніи наставникомъ его является все тотъ же японецъ.

Европейцы не могутъ уже добиться ни одной желѣзнодорожной концессіи

или концессіи на рудники, такъ какъ японцы научили китайское правительство отвѣчать, что копи и желѣзныя дороги отнынѣ будутъ эксплуатироваться исключительно только китайскими синдикатами. Во главѣ этого движенія, лозунгомъ котораго служитъ: «Китай для китайцевъ», находится провинція Хуннамъ, представители которой пользуются при дворѣ большимъ вліяніемъ. Теперь уже во всѣхъ китайскихъ провинціяхъ образованы небольшія министерства горнозаводскихъ и общественныхъ работъ, назначеніе которыхъ заключается въ нахожденіи выгодныхъ для эксплоатаціи предпріятій, причемъ они должны зорко слѣдить, чтобы подъ видомъ китайскихъ синдикатовъ не скрывались бы иностранныя общества. И повсюду, въ качествѣ совѣтниковъ и техническихъ экспертовъ находятся японцы.

Нельзя также обойти молчаніемъ и реорганизацію китайской школьной системы, уже начатую по иниціативѣ вице-короля Чанъ-Чи-Тунга. Каждая провинція въ настоящее время обладаетъ собственнымъ университетомъ, своими собственными средними, элементарными, нормальными и профессіональными школами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются сельскохозяйственныя школы, торгово-промышленныя и особыя учрежденія для безработныхъ. Во всѣхъ этихъ школахъ инструкторами и профессорами служатъ японцы, которые конечно, не упускаютъ случая для пропаганды современныхъ идей и, такимъ образомъ, постепенно преобразовываютъ Китай, подчиняя его въ то же время своему вліянію, и нельзя отрицать, что это вліяніе имѣетъ прогрессивное значеніе и что оно можетъ побѣдить вѣковую косность Китая и превратить его въ цивилизованное государство въ европейскомъ смыслѣ.

Министерство Бальфура пережило поистинѣ критическія минуты, когда сдѣлались извѣстны результаты выборовъ въ Брайтонѣ. Пораженіе консервативной партіи на этихъ выборахъ, гдѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ кандидатъ либераловъ Волье, было очень чувствительнымъ ударомъ для министерства, и еслибъ не изумительная, во всякомъ случаѣ, выносливость Бальфура, желающаго во что бы то ни стало дотянуть до конца, то кабинетъ, разумѣется, не выдержалъ бы натиска оппозиціи и подалъ бы въ отставку. Брайтоновскій округъ считался до сихъ поръ непоколебимымъ оплотомъ консерваторовъ, и они никакъ не ожидали потерпѣть пораженіе именно въ этомъ округѣ, поэтому результатъ выборовъ явился до нѣкоторой степени сюрпризомъ для Бальфура и его сторонниковъ. Въ палатѣ общинъ это вызвало понятное возбужденіе. Засѣданіе въ этотъ день затянулось вслѣдствіе дѣйствій оппозиціи и около полночи группа радикальныхъ депутатовъ въ очень возбужденномъ состояніи явилась въ парламентъ съ возгласомъ: «Валье избранъ!» Въ этотъ моментъ, какъ разъ министръ колоніи Литтльтонъ говоритъ свою рѣчь о развитіи хлопчатобумажнаго производства въ южной Африкѣ. Прерванный на полусловѣ появленіемъ радикальныхъ депутатовъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нихъ, точно не понимая, въ чемъ дѣло. Наконецъ, онъ понялъ, и тогда сдѣлалъ попытку продолжать свою рѣчь о культурѣ хлопка какъ ни въ чемъ не бывало, но ему не дали говорить, такъ какъ раздались оглушительные крики: «Выходите въ отставку! въ отставку!» которыми оппозиція привѣтствовала появленіе

Бальфура, не бывшаго въ парламентѣ въ тотъ моментъ, когда ворвались туда радикальные депутаты съ извѣстіемъ о выборахъ. Сильно покраснѣвъ, Бальфуръ, однако, ничего не сказалъ и, видимо дѣлая усилія, чтобы сохранить спокойствіе, сѣлъ на свое мѣсто, какъ будто ничего не случилось, и углубился въ чтеніе какой-то бумаги. А Литтльтонъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, снова повторилъ свою фразу: «Площадь разведенія хлопка въ южной Африкѣ увеличилась втрое»... Но ему такъ и не удалось досказать ее. Какой-то ирландскій депутатъ крикнулъ, обращаясь къ Бальфуру: «Вы больны. Отправляйтесь-ка въ Брайтонъ, чтобы поправить свое здоровье». Бальфуръ бросилъ на него уничтожающій взглядъ и черезъ нѣсколько минутъ удалился изъ палаты. Засѣданіе кончилось только послѣ часа ночи, но ожидаемой отставки кабинета все-таки не послѣдовало; ничтожное большинство оказалось на его сторонѣ при голосованія, и такъ какъ Бальфуръ твердо рѣшилъ довольствоваться даже такимъ минимальнымъ большинствомъ, то онъ и остался на своемъ посту.

Это упорство Бальфура для многихъ остается загадкой, тѣмъ болѣе, что ему приходится терпѣть и насмѣшки и подчасъ даже оскорбленія. Но онъ остается неуязвимымъ, и оппозиція тщетно старается найти у него ахиллесову пяту, чтобы нанести ему окончательный ударъ. Вѣроятно, ей такъ и не удастся это. Приверженцы Бальфура также отличаются стойкостью, и каждый изъ нихъ всегда старается быть на своемъ посту въ критическую минуту, чтобы дать отпоръ оппозиціи. Разсказываютъ, что консервативный депутатъ Вильямъ Арроль, въ день своей свадьбы, оставилъ свою молодую жену и всѣхъ приглашенныхъ и поспѣшилъ въ Лондонѣ къ моменту голосованія въ палатѣ, чтобы подать свой голосъ за министерство. За такую преданность своимъ депутатскимъ обязанностямъ ему былъ поднесенъ серебряный кубокъ Бальфуромъ и депутатами его партіи.

Въ парламентѣ ожидаютъ горячихъ преній по поводу правительственнаго законопроекта, имѣющаго въ виду ограничить переселеніе въ Англію нежелательныхъ для нея иммигрантовъ. Правда, этотъ законопроектъ сохраняетъ въ неприкосновенности принципъ свободнаго убѣжища для политическихъ иммигрантовъ изъ другихъ странъ, но желая, ограничить конкуренцію иностранныхъ рабочихъ и поселеніе въ Англіи нежелательныхъ малокультурныхъ элементовъ, онъ все же ограничиваетъ прежнее широкое гостепріимство государства. По этой причинѣ законопроектъ вызываетъ сильную оппозицію и либеральная печать въ особенности горячо возстаетъ противъ такого нарушенія принциповъ вѣкового англійскаго гостепріимства, которымъ Англія по праву могла гордиться. Сущность законопроекта, главнымъ образомъ, сводится къ ограниченію числа портовъ, черезъ которые допускается эмиграція, и къ требованію гарантіи со стороны переселенцевъ, что они не будутъ прибѣгать къ общественной благотворительности, и эта благотворительность, съ своей стороны, не будетъ поставлена въ необходимость заботиться о нихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правительство Бальфура внесло этотъ законопроектъ съ затаенною цѣлью снискать популярность среди рабочихъ классовъ населенія, наиболѣе страдающихъ отъ конкуренціи пришлыхъ элементовъ.

Несмотря на всѣ офиціальныя опроверженія, слухи о мирѣ не прекращаются въ иностранной печати и вызываютъ оживленные комментаріи. Любопытенъ въ этомъ отношеніи разговоръ съ барономъ Суематцу, который передаетъ лондонскій корреспондентъ газеты «Matin». Суематцу прямо поставилъ вопросъ: «Какова была бы судьба Японіи, если бы она находилась въ томъ положеніи, въ какомъ теперь очутилась Россія?—и самъ отвѣтилъ на него: «Японія была бы стерта съ лица земли, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія!». Вѣдь въ Петербургѣ открыто заявляли при началѣ войны, какія условія будутъ предъявлены Японіи, прибавилъ Суематцу. Въ побѣдоносномъ исходѣ никто не сомнѣвался и поэтому было тотчасъ же объявлено, что Японія должна будетъ заплатить огромную контрибуцію, подъ тяжестью которой она не въ состояніи будетъ подняться, по крайней мѣрѣ полстолѣтія!».

Возражая тѣмъ лицамъ, которыя полагаютъ, что Японія, какъ побѣдительница, могла бы теперь великодушно предложить Россіи начать переговоры о мирѣ, Суематцу говоритъ, что такая иниціатива непремѣнно была бы сочтена Россіей за актъ слабости. Если бы Японія занимала во мнѣніи Россіи такое положеніе, какъ Германія, Франція или Англія, то разумѣется она могла бы сдѣлать такой шагъ, но принимая во вниманіе тотъ фактъ, что не только Россія, но даже Европа, никогда не считала Японію равной ея врагу, иниціатива переговоровъ о мирѣ не можетъ исходить отъ нея. Притомъ же теперешнія военныя условія слагаются такъ благопріятно для Японіи, что предлагать миръ вовсе не въ ея интересамъ въ данную минуту, хотя она также какъ и всѣ, горячо желаетъ мира. Японія вовсе не имѣетъ намѣренія унизить Россію и даже надѣется, что по окончаніи этого поединка, обѣ пожмутъ другъ другу руки и между ними установится лойяльная дружба. Японія желаетъ только справедливости и далеко не требуетъ всего того, на что она имѣетъ право.

Намекая на распространенное среди нѣкоторыхъ русскихъ мнѣніе, будто тактикой Фабія можно довести японцевъ постепенно до полнаго изнеможенія, Суематцу сказалъ, что Японія можетъ безъ всякихъ особенныхъ затрудненій выставить еще 500.000 или даже милліонъ войска, такъ какъ подготовленіе солдата требуетъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. И это войско съ радостью отправится сражаться за отечество. Что же касается денежнаго вопроса, то, по словамъ барона Суематцу, экономическое положеніе Японіи, менѣе чѣмъ всякой другой страны можетъ пострадать отъ продолженія войны, такъ какъ въ Японіи чрезвычайно развитъ женскій трудъ и притомъ Японскій народъ готовъ на всякія жертвы, чтобы только обезпечить прочный миръ на Дальнемъ Востокѣ. Если русскіе удалятся за Харбинъ и займутся сосредоточеніемъ и реформой своей арміи, то Японія будетъ держать свою армію на военномъ положеніи въ Манчжуріи, что не потребуетъ особенно большихъ расходовъ. А въ этотъ промежутокъ времени, пока Россія будетъ заниматься устройствомъ своего войска, Японія можетъ завладѣть Владивостокомъ и всѣмъ сибирскимъ берегомъ и уже конечно она тогда будетъ имѣть право поставить совсѣмъ иныя условія мира, чѣмъ тѣ, на которыя она могла бы согласиться теперь.

Нѣкоторыя газеты передаютъ взгляды японскихъ руководящихъ круговъ

на дѣло мира. Тамъ полагаютъ, что у Японіи нѣтъ никакихъ оснований добиваться скораго заключенія мира, такъ какъ ея престижъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ все возрастаетъ и будетъ возрастать. Кромѣ того, послѣ взятія Портъ-Артура кредитъ Японіи очень увеличился и даже теперь американскіе финансисты учитываютъ впередъ военную контрибуцію, которую должна будетъ получить Японія. Внутренняя жизнь Японіи нисколько не нарушена войной и поэтому президентъ палаты депутатовъ, закрывая парламентскую сессію въ концѣ февраля, съ полнымъ правомъ могъ указать на огромное различіе, существующее между Россіей и Японіей въ этомъ отношеніи, и, проведя параллель между тою и другою страной, подчеркнуть благопріятныя условія, въ которыхъ находится Японія, какъ страна, имѣющая конституціонныя учрежденія, по сравненію съ Россіей, страдающей отъ внутренняго произвола и неурядицы. Война, прибавилъ президентъ, послужила самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Японія опередила Россію на пути прогресса, потому что она рѣзко обнаружила огромные недочеты русскаго строя.

Японія дѣйствительно не отстаетъ отъ Европы ни въ какомъ отношеніи, это доказываетъ, между прочимъ, и развитіе въ ней феминизма. Во главѣ женскаго движенія стоитъ сама японская императрица, по иниціативѣ которой были открыты высшія школы для дѣвочекъ старше 14 лѣтъ лѣтъ. Кромѣ того, по ея же настоянію, женщинамъ открытъ доступъ въ университетъ и онѣ принимаются на службу въ почтовое и телеграфное вѣдомства. Въ скоромъ времени будутъ открыты для нихъ всѣ либеральныя карьеры, и въ Токіо уже есть женщина-адвокатъ, имѣющая практику. Женскій вопросъ имѣетъ при японскомъ дворѣ много сторонниковъ, такъ что, пожалуй, въ отношеніи прогресса женщинъ Японія опередитъ другія страны, отъ которыхъ она заимствовала всѣ свои реформы.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Мадьярскій и чешскій вопросы и ихъ значеніе для будущей роли Австріи.— Послѣ мукденской катастрофы.—Африканецъ о европейской цивилизаціи въ Африкѣ.—„Маффіа“.—Японскіе солдаты.

Австрійская проблема, съ которою тѣсно связанъ мадьярскій вопросъ, чрезвычайно озабочиваетъ нѣкоторыхъ европейскихъ политиковъ. Одинъ изъ нихъ, обсуждая въ «Fortnightly Review» эту проблему, указываетъ на ея серьезное значеніе, такъ какъ она является послѣдствіемъ группировки различныхъ странъ и народовъ подъ именемъ австро-венгерской монархіи. Въ сущности эта группировка не имѣетъ никакой внутренней связи, которая могла бы обусловить ея прочность. Австро-венгерскія затрудненія являются далеко не единственными, хотя, быть можетъ, будущее имперіи и зависитъ отъ ихъ благополучнаго разрѣшенія. Есть и другіе вопросы, которые являются камнемъ преткновенія для австро-венгерскаго дуализма. Таковъ, напр., чешскій вопросъ, являющійся очень важнымъ факторомъ въ судьбахъ австро-венгерской

чтобы отъ него пахло виномъ, и его соплеменники, ощущая этотъ запахъ, считали бы его цивилизованнымъ человѣкомъ. Алкогольный ядъ медленно, но вѣрно совершаетъ свое разрушительное дѣло и черезъ нѣсколько лѣтъ въ цѣломъ племени уже не найдется ни одного человѣка, который бы могъ противостоять своимъ притѣснителямъ. Мы лишаемся воли, лишаемся способности противодѣйствія и сопротивленія и погибаемъ, а наша земля становится достояніемъ европейцевъ».

Въ заключеніе авторъ обращается къ истиннымъ друзьямъ Африки и человѣчества во всѣхъ странахъ съ просьбою устроить всеобщее совѣщаніе, на которомъ интеллигентные туземцы могли бы высказать свои требованія и представить доказательства справедливости своихъ жалобъ на цивилизаторскую дѣятельность европейцевъ. Многіе изъ миссіонеровъ и путешественниковъ могутъ подтвердить слова туземцевъ въ этомъ отношеніи. Пусть образуется общество друзей Африки съ отдѣленіями въ каждой европейской колоніи въ Африкѣ и пусть оно возьметъ на себя регламентацію отношеній между европейскими колонистами и туземцами и утвержденіе ихъ на началахъ высшей справедливости и человѣческаго равенства.

Что такое Маффіа, это опасное и могущественное тайное общество, которое зачастую терроризируетъ своими злодѣяніями цѣлыя области Италіи и которое до сихъ поръ не могли искоренить никакіе законы и преслѣдованія? Паоло Ломброзо, въ своей статьѣ о Маффіи, помѣщенной въ одномъ изъ итальянскихъ журналовъ, примѣняетъ къ этой ассоціаціи злодѣевъ современное названіе: трёстъ. Это, прежде всего, весьма сильная и сплоченная организація группъ богатыхъ людей, подчиняющая себѣ слабую и неорганизованную массу. Это не простое общество или союзъ, а родъ корпораціи, имѣющей своихъ главарей, своихъ приверженцевъ, свои регламенты и статуты, игнорирующіе законы страны. Не обращая вниманія ни на какія постановленія правительства, ни на какую администрацію, Маффіа дѣйствуетъ такъ, какъ будто не существуетъ ни этого правительства, ни этой администраціи, и считаетъ себя въ правѣ приказывать и требовать безусловнаго повиновенія отъ своихъ членовъ. Въ Сициліи, родинѣ Маффіи, дѣятельность ея встрѣчаетъ особенно благопріятныя условія. У каждаго сицилійца существуетъ врожденное предубѣжденіе противъ всякаго правосудія и онъ считаетъ долгомъ каждаго порядочнаго человѣка мстить за оказанную ему несправедливость и сдѣланное зло и самому раздѣлываться со злодѣемъ, не прибѣгая для этого къ суду. Вслѣдствіе этого, сициліецъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ жалуется въ судъ или даетъ свои показанія полиціи, даже если онъ знаетъ, гдѣ скрывается воръ или убійца. Это, конечно, крайне затрудняетъ розыски виновныхъ. Если совершено убійство, то родственники убитаго берутъ на себя долгъ возмездія, не заботясь о томъ, какъ будутъ дѣйствовать судебныя власти и будутъ ли они разыскивать убійцу. Пострадавшій отъ воровства тоже самъ раздѣлывается съ воромъ, такъ какъ обращеніе во всѣхъ такихъ случаяхъ къ властямъ считается унизительнымъ для личнаго достоинства сицилійца.

Въ маленькихъ деревенскихъ общинахъ представителемъ Маффіи является

очень простая, но очень солидная организація, главные члены которой, стоящіе во главѣ, зачастую бываютъ безграмотны, но это не мѣшаетъ имъ, если они умны, пользоваться огромнымъ вліяніемъ и властью надъ остальными. Обыкновенно такихъ лицъ бываетъ четверо или пятеро и подъ ихъ руководствомъ «работаетъ» цѣлый отрядъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ «Preciotti». Обыкновенно это лишенные всякой воли, слабоумные субъекты, являющіеся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбивыхъ вождей, заставляющихъ ихъ совершать всякія злодѣянія, не останавливаясь передъ убійствомъ, если оно нужно для возвышенія власти и престижа Маффіи и доставленія ей богатства или же если это убійство является актомъ мести. Въ послѣднемъ случаѣ на тайномъ совѣщаніи произносится приговоръ, который и выполняется тѣмъ изъ членовъ, на кого падетъ жребій. Часто бываетъ, что убійца не знаетъ даже въ лицо того, кого онъ долженъ отправить въ лучшій міръ. Ему дается въ самую послѣднюю минуту заряженное ружье и указывается, въ кого онъ долженъ выстрѣлить. Какъ только онъ совершилъ это, то сообщники, разставленные по всей улицѣ, съ быстротою молніи выхватываютъ ружье изъ рукъ убійцы и передаютъ другъ другу, такъ что, прежде чѣмъ полиція успѣетъ явиться на мѣсто преступленія, ружье уже исчезло, а убійца съ самымъ невиннымъ видомъ стоитъ въ толпѣ, которая всегда быстро собирается около убитаго. Но если случается все-таки, что у полиціи явится подозрѣніе и она арестуетъ убійцу, то Маффія пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться освобожденія своего сочлена. Нанимаются лучшіе адвокаты, подкупаются свидѣтели и даже газеты, а судьи и враждебно настроенные присяжные подвергаются запугиванію и угрозамъ.

Благодаря своей огромной власти надъ населеніемъ, особенно въ Сициліи, вожди Маффіи пользуются очень большимъ значеніемъ во время выборовъ и при ихъ посредствѣ не мало политическихъ дѣятелей попали въ палату депутатовъ. Но если депутатъ обязанъ своимъ положеніемъ Маффіи, то, разумѣется, онъ вынужденъ защищать и поддерживать ея членовъ, и, подъ давленіемъ такихъ депутатовъ, правительство не разъ бывало вынуждено смѣщать такихъ чиновниковъ, которые оказывались чрезмѣрно проницательными и неудобными для Маффіи.

Обыкновенно Маффія облагаетъ данью всѣхъ, живущихъ въ ея округѣ крупныхъ помѣщиковъ и богатыхъ людей, которую они вынуждены платить ради своей безопасности и спокойствія. Если бы помѣщикъ отказался выполнить требованіе Маффіи или принять къ себѣ на службу въ качествѣ полевого сторожа того, кого ему рекомендуетъ Маффія, то его сады, поля и виноградники неминуемо подверглись бы разграбленію. Въ видѣ предупрежденія ему на поля насыпаютъ соли и водружаютъ крестъ. Помѣщикъ знаетъ, что это значитъ, но онъ не рискуетъ обращаться къ покровительству власти, такъ какъ тогда за его жизнь уже нельзя будетъ дать ни гроша и онъ непремѣнно будетъ подстрѣленъ гдѣ-нибудь изъ-за угла. Разумѣется, онъ предпочитаетъ уплатить, что требуется Маффіи и жить спокойно, нежели подвергаться ежедневной опасности, отъ которой никакіе полицейскіе не въ состояніи его оградить.

Такъ живетъ и благоденствуетъ Маффія въ Сициліи, являясь, впрочемъ, гораздо болѣе бичомъ для богатыхъ собственниковъ, промышленниковъ, нежели для бѣдняковъ, съ которыхъ, впрочемъ, и поживиться нечѣмъ, потому что крестьяне этой богатой страны изнемогаютъ подъ тяжестью налоговъ и страшно бѣдствуютъ. Такое въ высшей степени неравномѣрное распредѣленіе богатства и тяжелое положеніе земледѣльца-крестьянина именно и создаютъ тѣ благопріятныя условія, въ которыхъ можетъ развиваться и безпрепятственно дѣйствовать ассоціація злодѣевъ.

Въ «Review of Reviews» помѣщены выдержки изъ статьи о японскомъ войскѣ помѣщенной въ «Fry's Magazine». Авторъ этой статьи говоритъ, что японскіе солдаты самые опрятные и самые выдержанные и скромные изъ всѣхъ солдатъ, съ какими когда либо ему приходилось встрѣчаться. Японское войско не сопровождаютъ никакіе поставщики; японскіе солдаты не употребляютъ почти никакихъ спиртныхъ напитковъ, ихъ пища необыкновенно проста и единственная роскошь, которую они позволяютъ себѣ, это куреніе. Существуетъ мнѣніе, что японскіе солдаты-вегетаріанцы, но это не вѣрно. Правда главную пищу ихъ составляетъ рисъ, но къ нему они прибавляютъ сушеную рыбу и немного мясныхъ консервовъ, а также пикули. Говорятъ, что японское правительство очень старалось пріучить солдатъ къ мясной пищѣ, но это оказалось трудно и японецъ употребляетъ мясо лишь въ очень ничтожномъ количествѣ. Японскій солдатъ много упражняется. Въ мирное время ученіе начинается въ 6 часовъ утра и продолжается до одиннадцати, затѣмъ обѣдъ и отдыхъ и послѣ того опять ученіе въ теченіе четырехъ часовъ. Военныя лекціи читаются даже въ военное время, когда люди останавливаются на отдыхъ. Солдатамъ преподаютъ на стоянкахъ санитарныя правила, посвящаютъ ихъ въ тайны военной тактики и кромѣ того читаютъ лекціи о патріотизмѣ. Избѣганіе всякой роскоши, всего лишняго, считается дѣломъ чести для всякаго японскаго офицера. Извѣстно, что генералъ Ноги, которому была поднесена въ подарокъ дорогая шинель, тотчасъ же продалъ ее и деньги пожертвовалъ въ пользу раненыхъ и больныхъ солдатъ, заявивъ при этомъ, что у него много всякой одежды, между тѣмъ какъ солдаты терпятъ нужду въ ней. Вообще въ японской арміи считается предосудительнымъ для офицера брать съ собою въ походъ много всякихъ вещей, одежду и разные предметы роскоши и изысканную пищу. Въ этомъ отношеніи японскіе военные составляютъ прямую противоположность англичанамъ, которые тащутъ за собою огромный обозъ, такъ какъ не могутъ себѣ представить, какъ они будутъ обходиться безъ разныхъ предметовъ домашняго комфорта, къ которымъ они привыкли. Вслѣдствіе этой привычки къ удобствамъ англійскіе военные корреспонденты въ особенности страдали отъ лишеній, которыя имъ приходилось терпѣть на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ то время, когда они находились въ штабѣ арміи Куроки. Авторъ статьи былъ тамъ и говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Мы были гостями японской націи и поэтому должны были пользоваться исключительно только ея гостепріимствомъ. Если бы мы стали сами заботиться о себѣ, то это разумѣется показалось бы обиднымъ нашимъ хозяевамъ. Они

дѣйствительно заботились, чтобы мы ни въ чемъ не нуждались, но вся бѣда заключалась въ томъ, что то, что по понятіямъ японцевъ было роскошью, для насъ было лишеніемъ. Мы всегда ощущали голодъ послѣ такого обѣда, который японцы считали очень обильнымъ. Когда мы прибыли въ Антунгъ, то я устроился во дворѣ храма и въ первый разъ за нѣсколько дней, я сытно поѣлъ, такъ какъ во время похода намъ не удавалось ни разу даже пообѣдать какъ слѣдуетъ. Мой слуга спекъ вкусныя лепешки на сковородкѣ, а я откупорилъ жестянку съ масломъ и мясными консервами и мы устроили пиръ, затѣмъ мы напились чаю, безъ молока и сахара и почувствовали себя вполнѣ удовлетворенными. Я пригласилъ одного японскаго офицера, моего пріятеля, принять участіе въ нашемъ пиршествѣ. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, когда я занимался приготовленіемъ явствъ и наконецъ сказалъ: «Ну какъ вы можете такъ много хлопотать о пищѣ! Посмотрите-ка на мой обѣдъ». Онъ повелъ меня въ комнату рядомъ, которая служила ему жилищемъ и показалъ мнѣ обѣдъ, приготовленный для него его деньщикомъ: небольшое блюдо риса, какія-то водоросли и маленькій котелокъ съ кипяткомъ для чая. Онъ никакъ не могъ понять, что намъ европейцамъ трудно обходиться безъ хлѣба и питаться однимъ только рисомъ. Вообще трудно представить себѣ народъ болѣе умѣренный въ пищѣ, нежели японцы, и обладающій въ то же время такою выносливостью. Очень естественно, что они удивляются прожорливости европейцевъ и находятъ что мы ѣдимъ слишкомъ много и слишкомъ много придаемъ значенія личному комфорту».

Отдавая должное японской расѣ, ея способностямъ и многимъ выдающимся качествамъ, благодаря которымъ японцы могли такъ быстро превратить свое государство въ цивилизованную державу и поставить ее наряду съ прочими европейскими державами, авторъ все же находитъ, что японцамъ надо еще многому серьезно поучиться у Запада. «Но если мы вспомнимъ въ какое короткое время совершилось преобразованіе Японіи и превращеніе ея дикаго феодальнаго строя въ современный,—говоритъ онъ,—то невольно проникаемся уваженіемъ къ этому маленькому народу и его руководителямъ, смѣло шествовавшимъ навстрѣчу духу времени и не остановившимся передъ разрывомъ съ прошлымъ и съ вѣковыми традиціями, чтобы спасти свою родину и поставить ее на путь прогресса».

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Холера. Прорытіе Симплонскаго туннеля.

I.

Ко всѣмъ бѣдамъ, которыя пришлось пережить Россіи въ прошломъ и въ текущемъ году, присоединяется еще новая—въ наши предѣлы уже въ августѣ 1904 г. вошла страшная, хорошо уже намъ знакомая гостья—холера.

Въ предлагаемомъ «Научномъ фельетонѣ» мы и хотимъ познакомить читателя какъ съ болѣзнетворными агентами этой ужасной эпидеміи, такъ и съ способами ея распространенія и раціональной борьбы съ нею.

Нужно отличать азіатскую или индійскую холеру (cholera asiatica, ch. indica) отъ европейской (*cholera nostras*).

Первую называютъ такъ потому, что родинойея является Азія, вѣрнѣе—Индостанъ. Здѣсь, въ особенности въ той части нижней Бенгаліи, гдѣ находятся низовья Ганга и Брамапутры (съ главнмоъ городомъ Калькутой и Дакой) холера существуетъ постоянно (эндемически) и отсюда она распространяется, какъ по остальному полуострову, такъ и за предѣлы его по другимъ частямъ Азіи и нерѣдко посѣщаетъ эпидемчески и Европу, Америку, Африку и пр.

Слово холера одни производятъ отъ греческаго слова χολέρα, означающее—кровельный жолобъ, такъ какъ при холерѣ рвотой и поносомъ извергается жидкость точно изъ кровельнаго жалоба; другіе думаютъ, что эта болѣзнь получила свое названіе отъ другого греческаго слова—χολάς, χολάδες, что значитъ кишки, кишечникъ; третьи же считаютъ, что еврейское choleh-rah въ переводѣ означающее—дурная болѣзнь, и послужило названіемъ этой болѣзни.

Что касается такъ называемой европейской холеры, то, во-первыхъ, она является слѣдствіемъ зараженія организма самыми различными бактеріями, при употребленіи испорченной рыбы, мяса, колбасы и пр.; во-вторыхъ, очень рѣдко проявляется эпидемически, и то на ограниченномъ пространствѣ. Поражаетъ она, главнымъ образомъ, дѣтей во время лѣтнихъ жаровъ, въ особенности грудныхъ или только что отнятыхъ отъ груди. Взрослые рѣдко отъ нея умираютъ. По симптомамъ она сходна съ азіатской холерой, но припадки рѣдко достигаютъ такой силы, какъ при этой послѣдней.

Уже за много столѣтій до Р. Х. въ древнихъ санскритскихъ сочиненіяхъ

упоминается о холерѣ. Изъ европейцевъ—португальцы первые пострадали отъ холеры въ 1543 г., во время пребыванія въ Индіи. До конца XVIII-го столѣтія холера не выходитъ за предѣлы своей родины (Остъ-Индіи), гдѣ средняя годовая температура = 25° — 29° Ц., гдѣ сильная засуха смѣняется наводненіями и проливными дождями. Но и здѣсь холера существуетъ не круглый годъ. Во время разлива Ганга и другихъ рѣкъ въ періодъ проливныхъ дождей, когда огромныя пространства залиты водой, холера исчезаетъ, и появлятся снова, когда вода убываетъ.

Изъ эндемическаго района холера каждый годъ эпидемически направляется или къ сѣверо-западу по долинѣ Ганга—до Пенджаба и границы Афганистана, или къ западу и юго-западу—до рѣки Инда и до Бомбея. Но почти уже цѣлое столѣтіе, какъ холера не только распространяется по Индіи, но свирѣпствуетъ пандемически, т.-е. захватываетъ громадное пространство, нерѣдко почти всѣ страны свѣта.

Всѣхъ пандемій холеры насчитываютъ 5, начиная съ 1817 г.; есть указанія, что пандеміи холеры развивались и въ XVIII-мъ и даже XVII-мъ столѣтіяхъ, но онѣ не удостовѣрены точно.

Въ 1817 г. холера впервые перешла за предѣлы своей родины, охватила всю Остъ-Индію, въ 1820 г. перешла въ Китай, въ 1821 г. въ Персію, Мессопотамію и Малую Азію, въ 1823 г. появилась въ Тифлисѣ и Баку, затѣмъ оттуда ужъ была занесена въ Астрахань, гдѣ держалась сентябрь и часть октября, затѣмъ исчезла, и въ слѣдующемъ году не появлялась. Такимъ образомъ, первая пандемія продолжалась съ 1817 г. по 1823 г.

2-я пандемія холеры (съ 1826—1837 г.) распространилась вверхъ по Гангу, проникла въ Афганистанъ, Хиву, Персію, откуда въ 1829 г. была занесена въ Оренбургъ. Изъ Персіи же была занесена (1830 г.), въ Тифлисъ и Астрахань, отсюда въ 1831 г. распространилась по всей Россіи и проникла въ Петербургъ, въ которомъ унесла 7.000 чел., вызвавъ народный бунтъ 7-го іюня. Изъ Россіи холера была занесена въ Англію, Австрію, Пруссію, а ирландскими эмигрантами и въ Сѣверную Америку, гдѣ она приняла очень большіе размѣры. Затѣмъ эпидемія проникла въ южные штаты и даже въ Мексику. За время этой пандеміи въ европейской Россіи заболѣло 561.128 чел., изъ нихъ умерло 243.117, т.-е. 43,5%.

3-я пандемія (1846—1861 гг.) проникла сначала въ Китай, куда была занесена англійскими войсками изъ Индіи, гдѣ въ 1841 г. свирѣпствовала большая эпидемія холеры. Въ 1846 г. холера появилась въ Персіи въ формѣ тяжелой эпидеміи, а въ 1847 г. была занесена къ берегамъ Каспійскаго моря, откуда распространилась по Европейской Турціи, Европейской Россіи и Сибири. Въ Россію она проникла прямо изъ Константинополя въ 1847 г., охватила весь югъ Россіи, западныя губерніи, Царство Польское, въ маѣ 1848 г. была уже въ Москвѣ (за этотъ годъ въ Московской губерніи заболѣло 59.000, умерло 27.917), а въ іюнѣ въ Петербургѣ (въ Петербургской же губерніи заболѣло 32.326, умерло 27.917). Въ началѣ лѣта 1848 г. изъ Россіи холера перешла въ Германію, оттуда кораблемъ была занесена въ

Англію и Шотландію; одновременно съ этимъ проникла въ Бельгію, Австрію, Францію. Изъ Гавра была занесена въ 1848 г. въ Нью-Іоркъ и Нью-Орлеанъ. Въ 1853 г. эпидемія охватила уже Швецію, Норвегію, Данію, въ 1854 г. изъ Франціи занесена была въ Италію, Швейцарію, въ 1853—55 гг. особенно сильно свирѣпствовала въ Крыму, во время севастопольской войны. За 12 лѣтъ (1847—1859 гг.) въ Европейской Россіи заболѣло 2.589.833 чел., умерло изъ нихъ 1.032.864, т.-е. 39.9% чел.

4-я пандемія (1865—1875 гг.) началась сильнымъ развитіемъ болѣзни въ Нижней Бенгаліи. Съ 1865 г. началось распространеніе холеры внѣ Остъ-Индіи и на этотъ разъ она не пошла своимъ обычнымъ путемъ черезъ Афганистанъ, Персію, Малую Азію, а избрала гораздо болѣе кратчайшій морской путь, который она могла сдѣлать, благодаря прорытію Суэцкаго канала, и появилась прямо на берегахъ Средиземнаго моря въ Александріи, пройдя только Красное море и Суэцкій каналъ. Изъ Александріи холера морскими путями была занесена въ Константинополь, Италію, Австрію, Испанію, Францію. Изъ этой послѣдней въ Англію. Въ Россію же она проникла изъ Константинополя, оттуда она распространилась также и по остальной европейской Турціи, придунайскимъ княжествамъ, Венгріи, Австріи. Въ теченіе 8 лѣтъ холера поразила почти всѣ европейскія государства, она появляясь то тамъ, то здѣсь, перезимовывая въ различныхъ мѣстахъ. Въ эту пандемію особенно пострадали Испанія и Австрія въ 1866—67 гг., Россія же въ 1869—70 гг.

Изъ неевропейскихъ странъ въ эту пандемію холера посѣтила Сѣверную и Южную Америку, Антильскіе острова и многія другія страны.

5-я пандемія (1883—1896) прошла черезъ Аравію, куда была занесена изъ Бомбея пилигримами въ Египетъ, въ Алжиръ, затѣмъ Италію, Испанію, въ послѣдней холера особенно сильно свирѣпствуетъ въ 1885 г., а въ концѣ этого года появляется въ Австріи; въ 1886 г., въ Венгріи, Германіи, Урагваѣ, аргентинской республикѣ, Кореѣ; въ 1887 г.—Чили, Бразилію, Нью-Іоркъ и т. д. Въ Россіи эпидемія начинается въ 1882 г. во Владивостокѣ и затѣмъ появляется то тамъ, то здѣсь. Въ 1892 г. холера появляется ужъ въ 21 странѣ, начиная съ Соединенныхъ Штатовъ, Марокко и пр., но особенно сильно была поражена Россія, гдѣ ею охвачены были 70 губерній и областей. Въ началѣ 1896 г. холера въ Европѣ прекращается, въ Россіи же наблюдались только отдѣльные случаи въ Петербургской губ. и въ Петербургѣ.

Въ 1904 г. холера проникла въ Россію черезъ Персію и обнаружилась въ Баку 15-го августа, затѣмъ, въ Саратовѣ 4-го сентября, въ Астрахани и Самарѣ въ концѣ сентября, но большого распространенія она не имѣла, ограничивалась единичными случаями и, какъ видно, распространялась очень медленно; какимъ путемъ холера была занесена во всѣ эти города, точно установлено не было. Съ другой стороны, въ томъ же 1904 г. холера черезъ Тегеранъ, Астрабадъ, Тавризъ, гдѣ она свирѣпствовала чрезвычайно сильно, проникла въ селенія, расположенныя на персидскомъ берегу Аракса, а оттуда на берегъ Аракса, принадлежащій Россіи, вдоль котораго отъ Улуханлу до Джульфы строилась желѣзная дорога. Число рабочихъ, занятыхъ

на постройкѣ этой желѣзной дороги, равнялось 4 тысячамъ. Среди нихъ-то въ октябрѣ мѣсяцѣ и появилась холера. Вслѣдствіе антисанитарныхъ условій, въ которыхъ находились рабочіе, развилась жестокая холерная эпидемія, и рабочіе въ паникѣ бѣжали во всѣ стороны.

Затѣмъ холера захватила, одинъ за другимъ, сначала уѣзды Эриванской губерніи, а потомъ и городъ Эривань. Эпидемія вездѣ продолжалась не долго, но была очень сильной. Такъ, въ Эриванской губерн. съ г. Эриванью съ октября по декабрь заболѣло всего 4.600, а умерло 3.663 человѣка, т.-е. $79^1/_2\%$.

Въ концѣ декабря въ Эриванской губерніи наступили сильные холода и эпидемія прекратилась, хотя отдѣльные случаи отъ времени до времени появлялись и позже.

Въ 20-хъ числахъ октября холера появилась въ пограничныхъ съ Персіей деревняхъ Елизаветпольской губерніи, расположенныхъ по берегу Аракса, поднялась вверхъ по этой рѣкѣ и ея притоку Акарѣ и распространилась въ уѣздахъ Зангезурскомъ и Джебраильскомъ, затѣмъ Казакскомъ, Дахеванирскомъ, Елисаветпольскомъ, въ городѣ Джебраильскѣ и его уѣздѣ и Зангезурскомъ уѣздѣ. Всего заболѣло 540 чел., умерло 367 чел. (слѣдовательно, 68% смертности).

Съ наступленіемъ холодовъ и въ этой губерніи холера прекратилась. Какъ ужъ было сказано выше, холера въ Баку появилась еще 15-го августа 1904 г. Постепенно усиливаясь, въ сентябрѣ она пріобрѣла особенно сильное развитіе: напр. за одну недѣлю съ 12-го по 18-е сентября заболѣло 125 человѣкъ. Затѣмъ, эпидемія начала ослабѣвать, думаютъ, благодаря закрытію бань и колодцевъ, загрязненныхъ холерными бактеріями. Но въ началѣ ноября эпидемія въ Баку снова вспыхнула вслѣдствіе новаго ея заноса изъ Персіи, но и на этотъ разъ новая вспышка эпидеміи продолжалась недолго.

Въ уѣзды—Бакинскій, Геоктойскій, Джеватскій, Кубинскій, Ленкоранскій, Шемахинскій—холера проникла въ концѣ окрября и въ началѣ ноября, захватила 89 поселковъ въ которыхъ заболѣло 2.131 ч., умерло изъ нихъ 1.517 ч., т.-е. немногимъ больше 71%. Въ городѣ же Баку случаевъ заболѣванія холерой было 527, смертей 276 или $52^1/_2\%$. Какъ видимъ, вездѣ на Кавказѣ въ эту эпидемію холера дала высокій процентъ смертности.

Всего же за эпидемію холеры въ 1904 г. на Кавказѣ переболѣло холерой 7.271 ч., изъ которыхъ умерло 5.547 человѣкъ.

Въ февралѣ 1905 г. холера въ Россіи вездѣ затихла, но по всей вѣроятности окончательно не прекратилась, а осталась зимовать въ различныхъ мѣстахъ и, конечно, съ наступленіемъ тепла проявится снова, причемъ разнесется, по всей вѣроятности, по многимъ новымъ мѣстамъ. Русско-японская война, благодаря которой Россія достигла крайняго обнищанія и не принимала, за неимѣніемъ средствъ, широкихъ общественно-санитарныхъ мѣръ, поспособствуетъ этому. Благодаря же войнѣ, число лицъ медицинскаго персонала, которыя могли бы принять мѣры въ борьбѣ съ холерой, также значительно уменьшилось и наконецъ, благодаря войнѣ же и связанному съ ней передвиженію войскъ, холера можетъ разсѣяться на очень обширномъ про-

странствѣ Россіи. Но, конечно, не будь даже войны, холера въ Россіи всегда можетъ найти благопріятную почву для своего успѣшнаго развитія, чему главнымъ образомъ, какъ это мы увидимъ ниже, чрезвычайно способствуютъ антисанитарныя условія, въ которыхъ живетъ все населеніе ея, и нищета и невѣжество, въ которыхъ держится въ Россіи народъ.

— Разсматривая пути, по которымъ холера распространялась во всѣ пандеміи, бывшія въ XIX столѣтіи, мы видимъ прежде всего что она постоянно, эндемически существуетъ только въ нижней Бенгаліи, у низовьемъ Ганга, откуда и разносится. Къ этому взгляду примыкаютъ всѣ ученые, кромѣ такъ называемыхъ аутохтонистовъ, считающихъ, что, благодаря мѣстнымъ почвеннымъ и атмосфернымъ условіямъ, возможно *самозарожденіе* болѣзнетворнаго агента въ той или другой мѣстности, помимо Бенгаліи.—Въ теченіе XIX столѣтія холера обошла почти весь земной шаръ, за исключеніемъ: Австраліи, восточнаго побережья Африки къ югу отъ Делагосскаго залива, Капландіи, южныхъ и центральныхъ областей Африки до Судана, западнаго побережья Африки вверхъ до Ріо-Гранде, острова св. Елены и Вознесенія; въ южной Америкѣ: Огненной Земли, Патагоніи, Фалкландскихъ островов; въ сѣверной Америкѣ: мѣстъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ 50-го парал. круга и Бермудскихъ островов; въ Европѣ: Исландіи, Лапландіи, островов Фаррейскихъ, Гебридскихъ, Орхнейскихъ, сѣвера Россіи отъ 64-го парал. круга; въ Азіи: сѣверной части Сибири и Камчатки. Кромѣ того, и внутри странъ, пострадавшихъ отъ холеры, наблюдались свободные отъ холеры участки.

Изъ европейскихъ странъ—Россія въ пандемію 1883—1896 гг. (не считая пандеміи, начавшейся въ 1904 г.) пострадала больше всѣхъ. Всего въ Россіи за XIX-ое столѣтіе умерло отъ холеры 2 милліона; но нужно принять во вниманіе, что не за всѣ года имѣются статистическія данныя, а имѣющіяся цифры нельзя считать полными въ виду несовершенной у насъ постановки статистики; такъ что смѣло можно удвоить это число и считать число умершихъ въ Россіи отъ холеры въ XIX-мъ стол.—въ 4 милліона. Изъ всего этого числа 1848 годъ далъ наибольшее количество смертей—690.150 чел., затѣмъ, въ 1831 г. умерло 197.069 и въ 1892 г.—157.547 чел.

Если же разсматривать число смертныхъ случаевъ по губерніямъ за все истекшее столѣтіе, то наибольшей напряженности въ холерные года эпидемія достигала въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, наименьшей въ сѣверныхъ, за исключеніемъ Петербургской губерніи, на которую приходится какъ наибольшее число холерныхъ годовъ, такъ и наибольшее число сильныхъ эпидемій холеры.

Средняя продолжительность холерныхъ эпидемій не вездѣ одинакова; такъ, въ *южной* полосѣ Россіи она=20-ти недѣлямъ, въ *средней*=19-ти нед., а въ *сѣверной*=18-ти нед. Если же раздѣлить европейскую Россію по меридіану, то въ *восточной* полосѣ средняя продолжительность холерныхъ эпидемій =15-ти недѣлямъ, въ *средней*=19-ти нед., а въ *западной*=23 недѣлямъ. Слѣдовательно, на югѣ и на западѣ условія для развитія холеры болѣе благопріятны, чѣмъ на востокѣ и въ сѣверной части Россіи.

Если сравнить смертность отъ холеры со смертностью отъ чахотки, то оказывается, что смертность отъ чахотки въ 5 разъ больше смертности отъ холеры. Такъ, въ среднемъ. ежегодно въ Европейской Россіи умираетъ отъ чахотки 340.000 въ годъ; въ 40 лѣтъ, слѣдовательно, 20 милл., отъ холеры же, какъ мы видѣли, за этотъ періодъ умерло 4 милл. Смертность отъ дифтерита также превышаетъ смертность отъ холеры.

Почему же всѣмъ такъ страшна холера? Главнымъ образомъ потому, что при холерѣ въ *короткій* промежутокъ времени и часто даже на *небольшомъ* пространствѣ наблюдаются *массовыя* заболѣванія, изъ которыхъ *значительное* число *быстро* оканчивается *смертью*. Холера, какъ мы уже видѣли, даже на родинѣ своей, въ нижней Бенгаліи, существуетъ не круглый годъ. Для Европы вторая половина зимы и весна почти всегда свободны отъ холеры; обыкновенно болѣзнь развивается лѣтомъ и своего максимума достигаетъ въ концѣ лѣта или въ началѣ осени, затѣмъ къ концу осени и началу зимы постепенно ослабѣваетъ. Для европейской Россіи максимумъ развитія холерныхъ эпидемій падаетъ на іюль, а для западной Европы на августъ или сентябрь; но вторая половина іюля стараго стиля совпадаетъ съ первой половиной августа новаго стиля, такъ что мы видимъ, что какъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ максимумы иногда совпадаютъ.

До 1883 г. возбудитель холеры извѣстенъ не былъ. Въ этомъ же году, когда холера появилась въ Египтѣ, въ Даміеттѣ, различными государствами были туда посланы ученые для изученія холеры и *Роберту Коху*, извѣстному бактеріологу, открывшему и возбудителя чахотки и проч., удалось найти въ толщѣ стѣнокъ тонкихъ кишекъ и въ ихъ железахъ, въ мѣстахъ, гдѣ кишки особенно бываютъ поражены этой болѣзнью, опредѣленный видъ бактерій, встрѣчающихся исключительно при холерѣ. Бактеріи эти имѣютъ очень часто нѣкоторое сходство по формѣ съ запятыми и потому Кохомъ они были названы *запятовидными палочками*, ихъ называютъ также *холерныя палочки*, *холерные вибріоны*.

Холерная палочка толще бугорчатой, но по длинѣ менѣе этой послѣдней и равняется всего $^2/_3$ и даже $^1/_2$ ея. На одномъ изъ концовъ ея, какъ показалъ Леффлеръ, находится одинъ жгутикъ, раза въ 2 длиннѣе самой палочки, при помощи котораго она и совершаетъ поступательныя и вращательныя движенія. Встрѣчается она въ испражненіяхъ, въ свѣжемъ трупѣ, какъ въ содержимомъ кишечника его, такъ и въ толщѣ стѣнокъ кишечника; въ другихъ органахъ, какъ, напр., въ почкахъ, ее находили очень рѣдко. Въ жизнеспособномъ состояніи холерная палочка *оживленно двигается*, что можно хорошо видѣть при увеличеніи въ 500 разъ. Размножается она дѣленіемъ, причемъ передъ дѣленіемъ нѣсколько удлиняется, посрединѣ ея появляется бороздка, которая, все болѣе углубляясь, раздѣляетъ, наконецъ ее на 2 дочернія клѣточки, которыя сначала меньше материнской, а затѣмъ выростаютъ и достигаютъ одинаковой величины съ этой послѣдней. Споръ у холерныхъ палочекъ до сихъ поръ не найдено. Въ искусственныхъ разводкахъ,

когда питательная среда начинаетъ истощаться, нерѣдко встрѣчаются *винтообразно извитыя* образованія, которыя обыкновенно называются спириллами. Спириллы происходятъ потому, что отдѣльныя запятовидныя палочки послѣ дѣленія не распадаются и разсматриваются, какъ вырождающіяся формы. Спириллы, происшедшія отъ холерной палочки, толще, чѣмъ жизнеспособныя холерныя палочки, а утолщеніе тѣла бактерій является также однимъ изъ признаковъ вырожденія. На ряду съ палочками, имѣющими видъ типичной запятой, всегда можно найти формы, приближающіяся къ прямой палочкѣ.

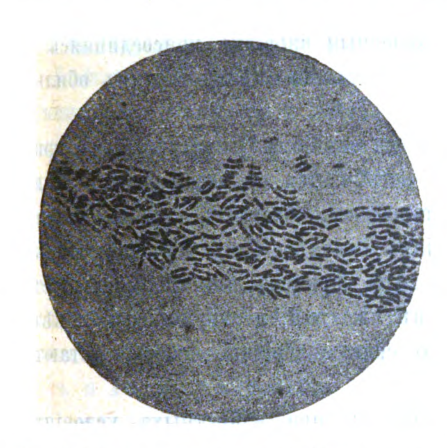


Рис. 1. Вибріоны холеры. (Рѣсничекъ и оболочекъ не видно). Увелич. 1000 : 1.

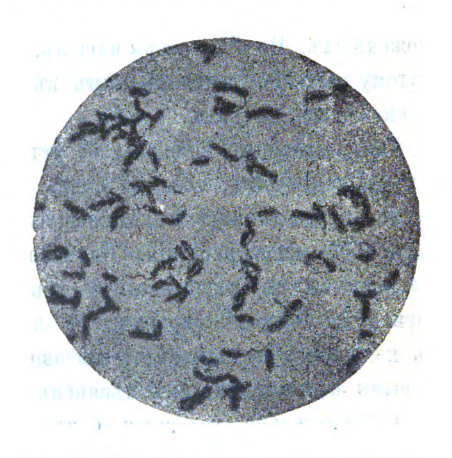


Рис. 2. Вибріоны холеры съ рѣсничками и оболочками. Увелич. 1000 : 1.



Рис. 3. Вырождающіяся формы холерныхъ вибріоновъ (спириллы).

Холерныя палочки растутъ только въ щелочной средѣ и очень чувствительны къ самымъ незначительнымъ количествамъ кислоты, въ особенности минеральной. Поэтому въ желудкѣ онѣ не могутъ размножаться и жить болѣе или менѣе продолжительное время, такъ какъ нормальный желудочный сокъ содержитъ слабую соляную кислоту. Вообще холерныя палочки чувствительны также и ко всѣмъ химическимъ обеззараживающимъ средствамъ, къ высокой температурѣ (темп. въ 50°—60° убиваетъ ихъ) и къ высушиванію, поэтому ихъ всегда легко уничтожить. Водный растворъ сулемы въ разведеніи 1 : 3.000.000 убиваетъ холерныхъ вибріоновъ въ 5 мин., а 1 : 30.000.000 въ 10 мин. Если въ теченіе 3-хъ часовъ ихъ высушивать, то они также погибаютъ. Но зато во влажномъ видѣ, въ искусственныхъ разводкахъ жизнь холерныхъ вибріоновъ можно поддерживать втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Холерные вибріоны развиваются и при комнат-

ной температурѣ, но лучше всего при температурѣ крови. Низкія температуры они переносятъ лучше высокихъ и могутъ выдержать даже температуру въ—29° Ц.

Въ 1884 г. Кохъ нашелъ холерные вибріоны въ *водѣ* одного остъ-индскаго пруда; съ тѣхъ поръ ихъ часто находили въ водѣ, въ особенности съ 1892 г. Но все же бактеріи эти не особенно хорошо растутъ и размножаются въ водѣ, ихъ скоро перерастаютъ и заглушаютъ водяныя бактеріи. По этой-то причинѣ въ гніющей водѣ, изобилующей многочисленными бактеріями, холерный вибріонъ быстро погибаетъ. Въ обезпложенной кипяченіемъ водѣ и въ другихъ обезпложенныхъ жидкостяхъ они развиваются вообще лучше, чѣмъ въ необезпложенныхъ. Но *Гамалѣя* нашелъ, что холерный вибріонъ присоединяясь къ другому растенію, живя съ нимъ въ симбіозѣ, можетъ вмѣстѣ съ нимъ обильно размножаться въ водѣ.

Такъ, холерные вибріоны могутъ жить въ симбіозѣ *) съ лучистымъ грибкомъ *Actinomyces*, который очень часто встрѣчается въ водѣ. Холерный вибріонъ, присоединяясь къ Actinomyces Chromogenes, образуетъ комочки, заключающіе оба вида растенія. По наблюденіямъ Гамалѣя, такіе комочки обильно развиваются въ водопроводной невской водѣ, причемъ ими вырабатывается пигментъ, который окрашиваетъ воду въ желтый и коричневый цвѣтъ. Въ комочкахъ этихъ находятся ядовитые холерные вибріоны, которые остаются живыми втеченіе многихъ мѣсяцевъ.

Слѣдовательно, холерныя бактеріи способны, при извѣстныхъ условіяхъ, къ обильному размноженію въ водѣ.

Такъ какъ грибокъ Actinomyces встрѣчается еще въ большемъ количествѣ въ почвѣ, чѣмъ въ водѣ, то, можетъ быть, онъ даетъ возможность холернымъ вибріонамъ развиваться въ почвѣ. Но до сихъ поръ холерная запятая не была найдена въ почвѣ, а потому и вопросъ, заражается ли вода холерными вибріонами непосредственно отъ холерныхъ испражненій, или же, можетъ быть, въ нее попадаютъ вибріоны изъ почвы, остается открытымъ.

Холерныя бактеріи хорошо растутъ на картофелѣ, бульонѣ, пептонѣ, желатинѣ, на влажномъ бѣльѣ, на свѣжемъ мясѣ, вареныхъ яйцахъ, капустѣ, моркови, въ вымоченномъ хлѣбѣ, молокѣ, маслѣ и пр. На желатинѣ колоніи вибріоновъ имѣютъ характерный видъ битаго стекла. Если взять изъ характерныхъ рисовидныхъ холерныхъ испражненій или изъ содержимаго кишечника комочекъ слизи съ булавочную головку, растереть на покрытомъ стеклѣ, высушить, окрасить, то подъ микроскопомъ можно увидѣть громадное количество вибріоновъ, заключенныхъ въ слизистую массу. Для развитія своего холерный вибріонъ требуетъ присутствія свободнаго кислорода.

Къ холерѣ воспріимчивы всѣ расы и всѣ возрасты, но смертность особенно велика среди дѣтей, стариковъ и истощенныхъ субъектовъ. При всѣхъ видахъ холеры, кромѣ холернаго тифоида, находятъ холернаго вибріона, не-

---

*) Тѣсное сожительство различныхъ видовъ, при чемъ каждый изъ нихъ изъ такой совмѣстной жизни извлекаетъ для себя пользу; примѣръ—лишаи, которые состоятъ изъ тѣсно сплетенныхъ между собой грибовъ и водорослей.

рѣдко въ испражненіяхъ, принявшихъ ужъ нормальный видъ. Его находили даже черезъ 60 дней послѣ начала заболѣванія. Интересно также, что холерныхъ вибріоновъ обнаруживали во время эпидеміи и у здоровыхъ людей.

Зараженіе холерными вибріонами происходитъ, безъ сомнѣнія, черезъ кишечникъ, въ щелочномъ сокѣ котораго они могутъ безпрепятственно развиваться. Извѣстенъ цѣлый рядъ заболѣваній, часто намѣренныхъ, часто нечаянныхъ — случай нечаяннаго зараженія ученика Коха и пр. Но не всѣ поголовно заражаются холерой. Слѣдовательно, не всѣ даже заразившіеся холернымъ вибріономъ заболѣваютъ холерой, что указываетъ на индивидуальную невоспріимчивость къ холерѣ такихъ людей.

Гамалѣя объясняетъ это тѣмъ, что пока эпителій слизистой оболочки кишечника не пропускаетъ холерной запятой въ толщу слизистой оболочки, до тѣхъ поръ не происходитъ заболѣванія холерой *). Поэтому становится понятнымъ, во-первыхъ, почему въ больномъ желудкѣ, когда реакція его сока изъ кислой дѣлается нейтральной или щелочной и когда, слѣдовательно, холерные вибріоны могутъ свободно пройти невредимыми въ кишечникъ, заболѣванія встрѣчаются чаще. Съ другой стороны, и всякаго рода кишечныя разстройства, повреждая эпителій, дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ холерѣ. Этимъ же объясняется и большая воспріимчивость новорожденныхъ животныхъ и дѣтей, у которыхъ, какъ показалъ Берингъ, эпителій не сплошь покрываетъ слизистую оболочку, а имѣетъ перерывы, черезъ которые холерные вибріоны и проникаютъ въ стѣнку кишечника.

Но какъ же объяснить случаи зараженія холерой совершенно здоровыхъ людей, которые не страдаютъ желудочно-кишечными разстройствами, производящими поврежденіе эпителія? Гамалѣя объясняетъ это тѣмъ, что блуждающіе бѣлые кровяные шарики захватываютъ съ поверхности слизистой оболочки бактерій, въ данномъ случаѣ холерныхъ вибріоновъ, и уносятъ ихъ въ глубь стѣнки кишечника, не разрушая ихъ, чѣмъ и производится зараженіе.

Въ 1892 г., въ Мюнхенѣ, гдѣ въ то время холеры не было, извѣстный гигіенистъ *Петтенкоферъ*, желая доказать, что самъ по себѣ холерный вибріонъ не можетъ служить причиной заболѣванія холерой ни въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя сами по себѣ «невоспріимчивы къ холерѣ, ни въ тѣхъ которыя, будучи временами воспріимчивы къ развитію въ нихъ холеры, вее же по временамъ не расположены къ ней», принялъ 1 куб. сант. крѣпкой свѣжей бульонной культуры, приготовленной изъ чистой культуры холернаго вибріона, присланной ему профессоромъ Гаффки изъ Гамбурга, гдѣ въ то время свирѣпствовала эпидемія холеры. Петтенкоферъ считаетъ, что въ 1 к.с. культуры, принятой имъ, былъ, по крайней мѣрѣ, милліардъ этихъ страшныхъ грибковъ и во всякомъ случаѣ во много разъ больше того числа, которое попадаетъ въ желудокъ при прикосновеніи нечистыми руками къ губамъ. Петтенкоферу въ это

*) Извѣстно, что и для заболѣванія воспаленіемъ легкихъ поврежденіе легочнаго эпителія влечетъ за собой, какъ показалъ это Гамалѣя, воспаленіе легкихъ, если въ нихъ находится уже бактерія, вызывающая эту болѣзнь.

время было 74 г., онъ страдалъ сахарною болѣзнью, не имѣлъ ни одного зуба во рту и вообще, по его выраженію, чувствовалъ тягости преклоннаго возраста. «Еслибъ даже опытъ былъ сопряженъ съ опасностью для жизни,—говоритъ Петтенкоферъ,—я спокойно встрѣтилъ бы смерть, такъ какъ, если человѣкъ хочетъ стоять выше животнаго, онъ долженъ быть готовъ жертвовать жизнью и здоровьемъ ради болѣе высокихъ идеальныхъ благъ». Послѣ принятія культуры холерныхъ вибріоновъ Петтенкоферъ продолжалъ обычный образъ жизни, не соблюдалъ никакой діэты, ѣлъ сырые фрукты, зелень и пр. Черезъ два дня у него появился поносъ, который длился 8 дней, но тѣмъ дѣло и кончилось, никакихъ другихъ признаковъ отравленія холерными вибріонами не было.. пульсъ и температура тѣла были все время нормальными, аппетитъ былъ отличный; въ испражненіяхъ вначалѣ находились многочисленные холерные вибріоны. Изъ своего опыта Петтенкоферъ заключаетъ что запятовидная палочка можетъ, дѣйствительно, вызвать поносъ, но отнюдь не азіатскую холеру. Въ Гамбургѣ, по его мнѣнію, экспериментъ кончился бы, можетъ быть, смертью, даже при гораздо меньшемъ количествѣ холерныхъ вибріоновъ, такъ какъ тамъ, какъ онъ выражается, кромѣ нихъ, существовалъ еще одинъ самый главный факторъ для зараженія—временно-мѣстное предрасположеніе. Индивидуальное предрасположеніе Петтенкоферъ не отрицаетъ и считаетъ его 3-мъ факторомъ, необходимымъ для зараженія.

Послѣ Петтенкофера его опытъ былъ продѣланъ другимъ мюнхенскимъ профессоромъ д-ромъ *Эммерихомъ* съ тѣми же результатами.

Противники Петтенкофера, такъ называемые контагіонисты, считаютъ, что отрицательный результатъ этихъ опытовъ не доказателенъ, такъ какъ все же у него и Эммериха была холера, но въ слабой степени, и что до опыта не изслѣдовалась степень ядовитости холерной культуры; извѣстно же, что ядовитость холерныхъ вибріоновъ очень быстро уменьшается, часто даже отъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ. Вообще же, чѣмъ моложе культура, тѣмъ холерные вибріоны ядовитѣе, такъ что даже, напримѣръ, въ одной и той же разводкѣ краевой поясъ, въ которомъ находятся самыя молодыя части разводки, гораздо ядовитѣе, чѣмъ центральная часть, представляющая самую старую часть разводки; фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что, напримѣръ, въ 2-хъ-дневной разводкѣ остается въ живыхъ холерныхъ вибріоновъ не болѣе 10% того количества бактерій, которыя находились въ ядовитой 20-часовой разводкѣ; въ 3-хъ-дневной разводкѣ ихъ находится не болѣе 1%.

Коху и многимъ другимъ ученымъ удалось холерными вибріонами заразить искусственно и животныхъ; изъ нихъ молодыя особи всегда оказывались болѣе воспріимчивыми (молодые кролики, молодыя кошки и пр.).

Чрезвычайно воспріимчивыми къ зараженію холерой оказались морскія свинки, которымъ впрыскивались ядовитые холерные вибріоны въ полость брюшины. Рвоты и поноса у свинокъ при этомъ не происходитъ, но наблюдается слабое и замедленное дыханіе, слабость сердца, паденіе температуры, время отъ времени появляются подергиванія; черезъ 12—16 ч. (иногда позже), послѣ зараженія морская свинка погибаетъ. При вскрытіи у нея находятъ

тѣ же измѣненія въ тонкихъ кишкахъ, что и у человѣка, и большое количество холерныхъ вибріоновъ въ водянистой жидкости, наполняющей кишечникъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что коховская запятовидная палочка есть дѣйствительно специфическій возбудитель холеры, такъ какъ, во-1-хъ, она находится всегда въ испражненіяхъ больныхъ холерой и въ содержимомъ ихъ кишечника. Если нѣкоторые ученые и не находили ее всегда, то это объясняется тѣмъ, что она иногда на нѣсколько дней исчезаетъ изъ испражненій, чтобы затѣмъ снова появиться, и очень можетъ быть, что эти ученые, какъ разъ изслѣдовали испражненія въ моментъ исчезновенія изъ послѣднихъ холерныхъ палочекъ. Во-2-хъ, запятовидная палочка не найдена ни при какихъ другихъ заболѣваніяхъ. Въ-3-хъ, холерный вибріонъ былъ полученъ въ чистой разводкѣ, и, наконецъ, въ-4-хъ, прививка чистой культуры его вызываетъ у животныхъ ту же болѣзнь, что и у человѣка.

Всѣ эти четыре фактора необходимы, чтобы вообще всякую данную бактерію признать причиной данной заразной болѣзни, и всѣ они для запятовидной палочки, какъ возбудителя холеры, имѣются налицо. Но все же доказать, что въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствительно дѣло съ холерой было не такъ легко. Дѣло въ томъ, что есть много *холероподобныхъ* *) вибріоновъ, которые какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по различнымъ реакціямъ, считавшимся раньше характерными только для настоящихъ холерныхъ вибріоновъ, совершенно схожи съ этими послѣдними.

Въ послѣднее время были найдены два новыхъ способа изслѣдованія, благодаря которымъ возможно безошибочное распознаваніе холеры. Способы эти: способъ *Пфейффера* и способъ склеиванія холерныхъ вибріоновъ или, какъ его еще называютъ, способъ агглютинаціи.

Морскія свинки очень воспріимчивы къ введеннымъ искусственно холернымъ вибріонамъ. Пфейфферъ же нашелъ, что, если впрыснуть морской свинкѣ въ брюшную полость небольшое количество кровяной сыворотки человѣка или животнаго, перенесшихъ холеру, то и свинка пріобрѣтаетъ невоспріимчивость къ холерѣ, и холерные вибріоны, впрыснутые ей послѣ сыворотки, не размножаются, какъ это наблюдается у свинокъ обыкновенно, а погибаютъ, теряютъ сначала подвижность, набухаютъ, распадаются на большіе шары, затѣмъ на мелкія зернышки и, наконецъ, мало-по-малу растворяются. Для упрощенія способа, Пфейфферъ сразу впрыскиваетъ нормальнымъ свинкамъ въ брюшную полость сыворотку, взятую отъ перенесшаго холеру, (разбавленную бульономъ) и чистую разводку вибріоновъ, подлежащихъ изслѣдованію. Если произошло распаденіе вибріоновъ на зернышки, то, слѣдовательно, данная разводка состояла изъ настоящихъ холерныхъ вибріоновъ, а не холероподобныхъ. Чтобы узнать распались-ли впрыснутыя бактеріи, время отъ времени достаютъ внутрибрюшинный выпотъ (образующійся послѣ впрыскиванія бактерій) съ помощью волосныхъ трубочекъ и разсматриваютъ его подъ микроскопомъ.

---

*) Мечниковскій вибріонъ, открытый Гамалѣя въ 1888, г. вызывающій у куръ болѣзнь, очень похожую на куриную холеру,—водяные вибріоны, живущіе въ водѣ и пр.

Этотъ способъ Пфейффера былъ еще болѣе упрощенъ *Борде*. Онъ беретъ изслѣдуемые вибріоны, помѣщаетъ ихъ въ сыворотку, взятую отъ холернаго животнаго или человѣка, прибавляетъ туда еще нормальной сыворотки морской свинки и разсматриваетъ подъ микроскопомъ. Если спустя часъ или два, вибріоны превращаются въ шарики, то, слѣдовательно, это холерные вибріоны, въ противномъ же случаѣ вибріоны остаются неизмѣненными.

Но даже и этотъ способъ Пфейффера не всегда можетъ служить для діагноза холеры, такъ какъ оказалось, что *малоядовитые* холерные вибріоны, распадаются даже въ брюшной полости нормальной свинки, которой не была впрыснута даже сыворотка отъ холернаго.

Но у насъ имѣется реакція еще болѣе надежная, абсолютно специфическая даже по отношенію къ совсѣмъ неядовитымъ холернымъ вибріонамъ.

Это—*реакція склеиванія*, которая заключается въ томъ, что холерные вибріоны теряютъ свою подвижность, собираются въ кучки, склеиваются, если ихъ помѣстить въ холерную сыворотку, т.-е. сыворотку взятую отъ животнаго, перенесшаго холеру. Это склеиваніе и образованіе кучекъ можно видѣть не только подъ микроскопомъ, но и простымъ глазомъ. Холерные вибріоны вызываютъ въ пробиркѣ съ холерной сывороткой появленіе осадка, (который состоитъ изъ склееныхъ между собой вибріоновъ) сама же сыворотка остается прозрачной; холероподобные вибріоны вызываютъ только помутнѣніе холерной сыворотки, осадка же не образуется.

Если изслѣдуемые вибріоны—холерные, то при употребленіи холерной сыворотки, въ разведеніи 1 : 1000, положительный результатъ получается черезъ $^1/_2$ часа; если же реакція склеиванія не получается при разведеніи сыворотки 1:50 и послѣ 2-хъ-часовой стоянки пробирки въ термостатѣ *), то результатъ считается отрицательнымъ, т.-е. мы имѣемъ дѣло не съ *холерными* вибріонами.

Какъ же проявляется у человѣка заболѣваніе холерой? Зараженіе организма холерными бактеріями обнаруживается не тотчасъ же, а по истеченіи нѣкотораго времени. Этотъ скрытый или «инкубаціонный» періодъ обыкновенно продолжается 2—3 дня, но можетъ продолжаться всего 12 часовъ или, наоборотъ, длиться 1—2 недѣли. Такая разница зависитъ, какъ отъ силы ядовитости вибріоновъ, такъ и отъ большей или меньшей сопротивляемости даннаго организма.

Какъ и при другихъ заразныхъ болѣзняхъ, холера можетъ проявиться въ слабой или сильной степени; различаютъ три степени интенсивности холернаго заболѣванія. Такъ, она можетъ проявиться или только *холернымъ поносомъ*, или въ видѣ *холерины*, или же, наконецъ, въ видѣ вполнѣ выраженной холеры, такъ называемой *алгидной* или *асфиктической* формы. Само собою разумѣется, что каждая изъ болѣе слабыхъ формъ можетъ перейти въ болѣе сильную.

---

*) Термостатомъ называютъ особый шкафъ, въ которомъ, при помощи спеціальныхъ приспособленій, можно поддерживать постоянную опредѣленную температуру.

Холерный поносъ представляетъ собою самую легкую степень заболѣванія холерой. Онъ начинается съ потери аппетита и тошноты, языкъ становится обложеннымъ,—но можетъ начаться и безъ этихъ предвѣстниковъ, при полномъ здоровьѣ, обыкновенно ночью. При сильномъ урчаніи въ животѣ происходитъ нѣсколько обильныхъ жидкихъ испражненій, большею частью безъ боли, иногда съ непріятнымъ чувствомъ въ животѣ, общимъ недомоганіемъ и легкой лихорадкой. При правильномъ лѣченіи холерный поносъ оканчивается и наступаетъ полное выздоровленіе черезъ 8—12 дней. Въ противномъ случаѣ, изъ поноса можетъ развиться холерина или даже алгидная форма холеры.

Холерина. Рвота съ поносомъ начинается тоже обыкновенно ночью, съ тѣми же предварительными диспептическими явленіями, что и при холерномъ поносѣ.

Рвота и поносъ слѣдуютъ часто, испражненія жидки и обильны и скоро принимаютъ характерный видъ—дѣлаются похожими на рисовый отваръ. Лихорадка при этомъ умѣренная, сильная жажда, мочи выдѣляется очень мало, чрезвычайная мышечная слабость, судороги въ икрахъ, голосъ становится слабымъ, пульсъ малымъ и учащеннымъ, указывающимъ на ослабленіе сердца. Смертные случаи при этой формѣ единичные, если, конечно, холерина не усилится до степени алгидной формы. При благопріятномъ исходѣ холерина продолжается 8—14 дней, но значительныя слабость чувствуется еще многія недѣли.

При *асфиктической* или *алгидной* формѣ поносъ и рвота сразу принимаютъ тяжелый характеръ. Испражненія слѣдуютъ одно за другимъ каждыя 10 мин. и даже чаще; они походятъ на рисовый отваръ, количество ихъ достигаетъ 5 литровъ, количество же рвоты можетъ доходить до 25 литр. въ сутки. Такъ какъ рвотой и поносомъ выводятся громадныя количества жидкости изъ организма, то кровь сгущается, а потому кровеобращеніе затрудняется; тѣло наощупь холодно, не смотря на то, что внутренній жаръ доходитъ до 40° и болѣе. Кожа покрывается клейкимъ потомъ, а вслѣдствіе потери воды долго не разглаживается, если приподнять ее въ складку. Лицо пріобрѣтаетъ своеобразное выраженіе (facies cholerica) и черты лица до того измѣняются, что оно дѣлается неузнаваемо. Носъ заостряется, глаза западаютъ и окаймляются синевато-сѣрыми кругами, остаются обыкновенно полуоткрытыми, вслѣдствіе слабости круговой мышцы вѣка, глазное яблоко высыхаетъ, роговица дѣлается мутной, зрѣніе большею частью сохраняется, но предметы часто кажутся черными, голубыми или красными, скулы рѣзко выступаютъ, щеки дѣлаются свинцово-сѣрыми, уши, носъ, конечности холодѣютъ. На губахъ, рукахъ и особенно на ногтяхъ появляется синюшная окраска, животъ становится плоскимъ или втянутымъ. Голосъ сначала глухой и хриплый, дѣлается затѣмъ высокимъ и, наконецъ, совершенно беззвучнымъ. Пульсъ вскорѣ становится неощутимымъ. Выдѣленіе мочи значительно уменьшается, а затѣмъ и совсѣмъ прекращается. Появляются приступами очень болѣзненныя судороги, чаще всего въ икрахъ, рѣже въ мышцахъ рукъ и челюсти. Общія судороги, во всемъ тѣлѣ сразу, наблюдаются рѣдко, обыкновенно

передъ самой смертью. Судороги наступаютъ каждые $^1/_4$, $^1/_2$ часа, длятся минуты 2 и болѣе и, какъ было сказано, очень болѣзненны. Мучительна также икота, которая является вслѣдствіе судорожнаго сокращенія грудобрюшной преграды. Сознаніе обыкновенно сохраняется до самой смерти, которая часто наступаетъ черезъ 2—4 сутокъ. Но случается, что смерть наступаетъ даже черезъ нѣсколько часовъ (такъ называемая молніеносная холера), когда даже поноса не бываетъ, но при вскрытіи кишки наполнены жидкими массами.

Впрочемъ, и при алгидной формѣ холеры выздоровленіе возможно. Въ такихъ благопріятныхъ случаяхъ сразу наступаетъ поворотъ къ лучшему, такъ называемый *періодъ реакціи*, который продолжается около недѣли, во время котораго всѣ явленія понемногу затихаютъ, силы возстановляются, и больной по истеченіи недѣли можетъ считаться выздоровѣвшимъ.

Часто выздоровленіе не идетъ такъ быстро, а въ $^1/_4$ всѣхъ случаевъ послѣ холернаго приступа наступаетъ *холерный тифоидъ*, т.-е. больной, перенесшій холеру, обыкновенно тяжелую, впадаетъ въ состояніе, наблюдаемое при тяжелой формѣ брюшнаго тифа. Температура повышена, но можетъ быть и ниже нормы, кромѣ того наблюдаются: бредъ, головная боль, сыпь на тѣлѣ, прекращеніе мочеотдѣленія, благодаря чему мочевина иногда можетъ выдѣляться вмѣстѣ съ потомъ и образовывать на кожѣ, по испареніи пота, бѣлый кристаллическій налетъ, судороги, спячка, сознаніе теряется. Холерный тифоидъ можетъ кончиться выздоровленіемъ, но въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ смерти.

Изъ смертельныхъ случаевъ тяжелой холеры около $^2/_3$ оканчиваются смертью при алгидной формѣ и $^1/_3$ при холерномъ тифоидѣ.

Трупъ холернаго больного, умершаго отъ алгидной формы холеры, является высохшимъ, кожа на немъ виситъ вся въ складкахъ. Главныя анатомическія измѣненія наблюдаются въ тонкихъ кишкахъ, которыя наполнены бѣловатой, мутной жидкостью, похожей на рисовый отваръ или мучной супъ; эпителій слизистой оболочки слущенъ почти на всемъ протяженіи. Эта послѣдняя имѣетъ розовый и даже красный цвѣтъ, если алгидный періодъ продолжался довольно долго; мѣстами замѣчаются кровоизліянія; какъ въ кишечномъ содержимомъ, такъ и въ самой толщѣ кишечной стѣнки и внутри железъ находятъ холерныхъ вибріоновъ.

У холерныхъ больныхъ послѣ смерти наблюдается повышеніе температуры, которая можетъ доходить до 42°, охлажденіе тѣла затѣмъ происходитъ медленно.

Въ теченіе первыхъ часовъ послѣ смерти нерѣдко появляются самопроизвольныя сокращенія той или другой группы мышцъ, чѣмъ и вызываются движенія въ конечностяхъ, въ лицѣ и даже перемѣна положенія трупа. Даже черезъ 2—3 часа послѣ смерти мышцы сохраняютъ возбудимость, и поколачиваніемъ, напр., можно вызвать ихъ сокращеніе.

Все это и дало поводъ распространенію слуховъ среди народа, что больныхъ хоронятъ живыми, къ этому нерѣдко присоединялись слухи объ отравленіи колодцевъ и въ связи съ общей паникой, вызываемой холерой, на этой почвѣ и разыгрывались безпорядки, какъ это было въ эпидемію въ 30-хъ

годахъ прошлаго столѣтія, а также и въ 1892 г., когда холерные безпорядки разыгрались въ Астрахани, Саратовѣ и др. мѣстахъ. Въ Астрахани безпорядки въ 1892 г. начались 21-го іюня и продожались 5 дней; больные были взяты изъ больницъ и умирали на улицахъ. Въ Саратовѣ безпорядки начались 10-го іюля. Толпа разнесла полицейскіе участки, домъ полицеймейстера, квартиры врачей, холерные бараки. Были убиты многія частныя лица, больничная прислуга; тогда же былъ убитъ и д-ръ Молчановъ.

Для того, чтобы холера могла изъ нижней Бенгаліи распространиться по другимъ странамъ, необходимы сношенія людей между собой; но она распространяется все же не съ тою быстротою, съ какой могутъ совершаться людскія сношенія, благодаря напр., желѣзнымъ дорогамъ. Существуютъ цѣлыя страны свѣта или ихъ части, которыя оказываются невоспріимчивыми къ холерѣ, и даже есть мѣста, которыя всегда остаются свободными отъ холеры, несмотря на то, что около или кругомъ нихъ свирѣпствуетъ холера. Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ, напр., Ліонъ, Версаль, Петергофъ и пр.

Замѣчено, что холера распространяется, главнымъ образомъ, по рѣкамъ, притомъ не только большимъ, судоходнымъ, но и по незначительнымъ, даже ручьямъ.

Какимъ же образомъ человѣческія сношенія способствуютъ распространенію холеры и какимъ путемъ заражается человѣкъ? Тутъ мы подходимъ къ спору между, такъ называемыми локалистами, представителемъ которыхъ является Петтенкоферъ, а у насъ Эрисманъ, и контагіанистами, во главѣ которыхъ стоитъ Р. Кохъ.

Школа Петтенкофера признаетъ, что холерныя испражненія, а слѣдовательно, и самъ холерный больной, его одежда, въ особенности его бѣлье, замоченное жидкими испражненіями, гдѣ благодаря влажности холерная запятая можетъ долго сохраняться жизнеспособной, затѣмъ разные товары, съѣстные припасы и пр. предметы могутъ быть *посредниками* при переносѣ холеры изъ зараженной мѣстности въ здоровую. Впрочемъ, такими посредниками могутъ служить и совершенно здоровые люди, побывавшіе въ холерной мѣстности и сами не заразившіеся. Но все это— и больные люди, и ихъ испражненія, и здоровые, и вообще всѣ предметы, перевозимые изъ холерной мѣстности, заразительны не сами по себѣ, не непосредственно, а только послѣ того, какъ «холерное начало» съ этихъ предметовъ найдетъ для себя благопріятныя мѣстныя условія, заключающіяся во влажной порозной почвѣ, загрязненной органическими отбросами, и въ извѣстномъ уровнѣ почвенной воды.

Петенкоферъ говоритъ: «Я вовсе не возстаю противъ запятовидной палочки, но я положительно не могу допустить, чтобы она сама по себѣ безъ временно-мѣстныхъ условій могла бы вызвать и обусловить развятіе холерной эпидеміи». По его мнѣнію, тѣ изъ локалистовъ, «которые считаютъ коховскую запятовидную палочку лишь за несущественное, хотя и постоянно сопутствующее холерному процессу явленіе, заходятъ слишкомъ далеко».

Итакъ, по мнѣнію локалистовъ опасенъ не холерный больной самъ по себѣ, а

*

холерная мѣстность, т.-е. такая, въ которой существуютъ благопріятныя условія для созрѣванія, развитія въ ней холернаго начала. Петтенкоферъ и его ученики подтверждаютъ это свое утвержденіе многочисленными примѣрами, на которыхъ останавливаться мы не будемъ. Укажемъ только на одинъ: если холерой не заражена сама мѣстность, въ которой находится больница, то пребываніе въ въ такой больницѣ и ухаживаніе за больными не представляетъ никакой опасности. Если же мѣстность заражена, то будутъ болѣть врачи, сидѣлки, какъ заболѣваютъ и остальные жители этой мѣстности, совсѣмъ не соприкающіеся ни съ больницей, ни съ ея персоналомъ.

Слѣдовательно, по Петтенкоферу, холера находитъ для себя благопріятныя условія въ скважистой, проницаемой для воды и загрязненной органическими отбросами почвѣ. Въ такихъ мѣстностяхъ наиболѣе страдаютъ отъ холеры наиболѣе низко лежащія, сырыя, загрязненныя улицы, то же относится къ домамъ и квартирамъ. Сухая же и каменистая почва неблагопріятна для развитія въ ней холерныхъ вибріоновъ. Полное высыханіе почвы или совершенное затопленіе ея также неблагопріятны для развитія холеры, такъ какъ почва, въ которой холерные вибріоны могутъ развиваться, должна быть только до извѣстной степени влажной. Но Петтенкоферъ не отрицаетъ, что, кромѣ этихъ условій, для заболѣванія холерой необходимо индивидуальное предрасположеніе, усиливаемое грязью, бѣдностью и всякимъ ослабленіемъ выносливости организма.

Контагіонисты, т.-е. школа Коха, въ противоположность локалистамъ, считаютъ, что холерныя испражненія заразительны непосредственно, сами по себѣ, слѣдовательно, и всѣ вещи, на которыя они могли попасть, а оттуда могли бы быть перенесены на губы или введены въ желудокъ съ пищей. Питьевой водѣ контагіонисты придаютъ очень большое значеніе, такъ какъ въ нее, черезъ сточныя трубы или другимъ какимъ-нибудь образомъ, напр., при стиркѣ въ рѣкѣ бѣлья и пр., попадаютъ испражненія холерныхъ больныхъ, и слѣдовательно, холерные вибріоны. Но контагіонисты также признаютъ, что существуетъ индивидуальная невоспріимчивость къ холерѣ.

Этотъ путь зараженія холерой черезъ питьевую воду школа Петтенкофера рѣшительно отвергаетъ. А фактъ преимущественнаго распространенія холеры по рѣкамъ и ручьямъ объясняется локалистами не распространеніемъ холеры посредствомъ рѣчной воды, употребляемой въ питье или для стряпни, а тѣмъ, что водой приносятся холерные вибріоны, которые и развиваются въ благопріятной почвѣ, откуда уже и происходитъ зараженіе людей. Иначе, по мнѣнію локалистовъ необъяснимы такіе факты, какъ распространеніе холеры на одномъ берегу и нераспространеніе ея на другомъ, хотя, конечно, селенія расположенныя на обоихъ берегахъ употребляли одну и ту же воду. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что строеніе одного берега оказалось отличнымъ отъ строенія другого берега и на одномъ берегу почва оказывалась проницаемой для воды и холерныхъ вибріоновъ, въ ней заключающихся, а на другомъ, наоборотъ, непроницаемой.

Но какъ бы сильны не были теоретическія разногласія между локалистами и контагіонистами, они приходятъ въ главномъ къ одинаковымъ практическимъ

выводамъ, что въ сущности для насъ самое важное. По мнѣнію обѣихъ школъ съ холерой можно и должно бороться главнымъ образомъ до появленія холеры. Мѣры эти слѣдующія: канализація, дренажъ, сплавная система удаленія нечистотъ и отведеніе ихъ на такъ называемыя поля орошенія. Но только локалисты требуютъ проведенія этихъ мѣръ для того, чтобы оздоровить и не загрязнять почву и устранить значительныя колебанія влажности поверхностныхъ слоевъ почвы, а контагіонисты видятъ спасеніе въ этихъ мѣрахъ потому, что при соблюденіи ихъ—нечистоты не могли бы просачиваться черезъ почву въ воду или непосредственно загрязнять эту послѣднюю. Но общаго санитарнаго значенія чистой воды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *косвеннаго* благотворнаго вліянія ея на распространеніе холеры не отрицаютъ и локалисты. Поэтому этими послѣдними не отвергается абсолютно употребленіе кипяченой воды во время холеры, такъ какъ и они признаютъ, что кипяченіе все же оздоравляетъ воду. Контагіонисты же, видя главную причину распространенія холеры въ водѣ, ставятъ непремѣннымъ условіемъ во время эпидеміи—кипяченіе воды.

Какъ тѣ, такъ и другіе требуютъ хорошаго мощенія улицъ и дворовъ, чистоты жилищъ, улучшенія экономическаго положенія и культурнаго развитія населенія.

Блестящимъ примѣромъ того, насколько всѣ эти санитарныя мѣры дѣйствительны въ борьбѣ съ холерой, можетъ служить Англія, гдѣ, напр., въ эпидемію 1848—1849 г. отъ холеры пострадали 17 городовъ; въ 1854 же году, когда ужъ начались работы по ассенизаціи, холера поразила только 14 городовъ и то гораздо слабѣе, чѣмъ въ 1848 г. Въ 1866 г. уже во всѣхъ городахъ Англіи была введена сплавная система, канализація, поля орошенія и пр., и холера появилась только въ 6 городахъ и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Съ 1866 г. холера въ Англіи больше не появлялась. То же наблюдается и по отношенію къ нѣмецкимъ городамъ, гдѣ были введены тѣ же санитарныя мѣры, что и въ Англіи.

Что касается карантиновъ, то Петтенкоферъ противъ нихъ, такъ какъ на практикѣ они оказываются безсильными; по его мнѣнію «*только полный перерывъ сообщеній всякаго рода* могъ бы помочь здѣсь, а это было бы бо́льшее несчастіе, чѣмъ сама холера». Большинство контагіонистовъ теперь также противъ карантиновъ, такъ какъ послѣдніе не достигаютъ цѣли. Въ запрещеніи скопленія людей въ холерныхъ мѣстностяхъ, соблюденіи самой щепетильной чистоты по отношенію къ больному, его тѣлу, помѣщенію, чистоты въ отхожихъ мѣстахъ, дворахъ и улицахъ, повсемѣстной организаціи правильной медицинской помощи, правильномъ питаніи населенія, устройствѣ общественныхъ столовыхъ для бѣдныхъ, въ общемъ—даже и о дезинфекціи—мнѣнія контагіонистовъ и локалистовъ сходятся, хотя каждый этого требуетъ опять-таки съ своей точки зрѣнія.

Что касается діэты, то рекомендуется не мѣнять обычнаго пищевого режима, не отказываться отъ зрѣлыхъ фруктъ, ягодъ, зелени, но избѣгать всякихъ излишествъ, которыя могли бы повести за собой разстройство пищева-

ренія. Для бѣднѣйшей же части населенія необходимо устройство столовыхъ, гдѣ выдавали бы горячую пищу или доброкачественные пищевые продукты, такъ какъ не надо забывать, что холерой, главнымъ образомъ, поражается кишечникъ и всякое нарушеніе нормальной функціи его будетъ благопріятствовать развитію холеры.

На вопросъ, какъ и чѣмъ лечить холеру, мы отвѣтимъ что отъ *лекарственныхъ* средствъ ожидать многаго нельзя. Очень хорошее дѣйствіе на больныхъ оказываютъ горячія ванны и въ особенности подкожныя впрыскиванія отъ 1 до $1^1/_2$ литревъ физіологическаго раствора поваренной соли.

Впрыскиванія такихъ большихъ количествъ жидкости дѣлаются въ теченіе $^1/_2$ часа въ 2—3 мѣстахъ. Вливанія эти очень хорошо дѣйствуютъ на больного, что и понятно въ виду чрезвычайнаго обѣднѣнія организма водой, причемъ инымъ путемъ часто, напримѣръ, при алгидной формѣ холеры ввести жидкость въ организмъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она немедленно же извергается рвотой и поносомъ.

Кохъ давно уже предполагалъ, что холерные вибріоны не только поражаютъ кишечникъ, но и отравляютъ весь организмъ выдѣляемыми ими ядами, на что и указываютъ—ослабленіе дѣятельности сердца, судороги, воспаленіе почекъ, измѣненіе крови. Гамалѣя, дѣйствительно, нашелъ ядъ, выдѣляемый холерными вибріонами; этотъ ядъ при введеніи въ кровь кроликовъ вызываетъ у нихъ всю картину холернаго заболѣванія, начиная съ поноса и слущиванія эпителія кишечника и кончая судорогами и помутнѣніемъ роговицы. По наблюденію Гамалѣя (и Прейфера), ядъ этотъ не выдѣляется живыми бактеріями, а накопляется въ ихъ тѣлахъ и поступаетъ наружу только послѣ ихъ разрушенія.

Еще Петтенкоферъ считалъ возможнымъ сдѣлать невоспріимчивой къ холерѣ не только мѣстность путемъ санитарныхъ мѣръ, но и самого человѣка—путемъ предохранительной прививки, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, противъ оспы.

Въ 1881 г. *Пастеръ* показалъ, что можно сдѣлать животное невоспріимчивымъ къ той или другой заразной болѣзни путемъ предохранительныхъ прививокъ, ослабляя культуры микробовъ тѣмъ или инымъ способомъ. Прививки дѣлаютъ животное невоспріимчивымъ къ данной болѣзни, благодаря тому, что въ крови начинаютъ образовываться защитительныя вещества, такія же, какъ въ крови у выздоровѣвшихъ отъ холеры и у животныхъ, искусственно сдѣланныхъ невоспріимчивыми къ холерѣ.

Съ 1893 *Хавкинъ* началъ примѣнять предохранительныя прививки противъ холеры; въ Индіи. Но прежде чѣмъ приступить къ массовымъ прививкамъ людямъ, Хавкинъ показалъ опытами на животныхъ, что, ослабляя холерную разводку выращиваніемъ при 39° Ц., онъ могъ такой разводкой, при двукратномъ впрыскиваніи, предохранить животное отъ послѣдующаго смертельнаго зараженія холерой. По способу Хавкина производятся прививки живыхъ бактерій, но существуетъ еще способъ *Колле*, по которому дѣлаются прививки убитыхъ вибріоновъ. Хавкинъ впрыскиваетъ подъ кожу сначала слабую холерную культуру, а дней черезъ 5 сильно-ядовитую. Свои массовыя при-

вивки Хавкинъ производилъ въ Индіи въ 1893—94 гг. По способу же Колле, *Мурато* дѣлалъ прививки въ 1902 г. въ холерную эпидемію въ Японіи.

Въ 1904 г. въ Персіи, гдѣ въ прошломъ году свирѣпствовала очень сильная эпидемія, *Златогоровъ* производилъ также массовыя прививки или по способу Колле, или же по комбинированному, т.-е 2 раза прививалась мертвая культура, 3-й разъ—живая. Златогоровъ работалъ въ Сѣверной Персіи, главнымъ образомъ въ Тавризѣ, гдѣ смертность доходила до 80%.

Оказалось, что невоспріимчивость къ холерѣ сохраняется послѣ прививокъ около года.

Наблюденія надъ прививками были сдѣланы въ Испаніи, Индіи по *Хавкину*—живыми культурами, по *Колле*—убитыми культурами—въ Японіи, Персіи, и по комбинированному способу въ Персіи. Результаты, по мнѣнію Златогорова, основанному на статистическихъ данныхъ, получились приблизительно одинаково благопріятные отъ всѣхъ способовъ. Результаты эти слѣдующіе. Въ Индіи люди, каторымъ была сдѣлана двукратная прививка, почти не заболѣвали. Невоспріимчивость при всѣхъ способахъ достигается только черезъ 4—5 дней и держится около года. Число какъ заболѣваній (въ 5—15 разъ), такъ и смертей значительно меньше, чѣмъ среди непривитыхъ. Выяснилось также, что предохранительныя прививки совершенно безвредны и не вызываютъ какихъ-либо серьезныхъ явленій, угрожающихъ здоровью. Появляется только незначительная боль на мѣстѣ впрыскиванія, краснота, отекъ, повышеніе температуры на 1°, рѣдко больше; чувствуется также общее недомоганіе; никакихъ разстройствъ кишечника, напоминающихъ холеру не наблюдается.

Противохолерная лимфа приготовляется институтомъ экспериментальной медицины въ Петербургѣ и сохраняется въ запаянныхъ флаконахъ, содержащихъ 10 куб. сант. ея. Такой флаконъ стоитъ 1 р. Противохолерная лимфа—мутная сѣро-бѣлая жидкость—состоитъ изъ убитыхъ жаромъ (при 60° въ теченіе 1 часа) холерныхъ вибріоновъ, разбавленныхъ физіологическимъ растворомъ поваренной соли.

Лучше всего дѣлать прививки 3 раза, но во всякомъ случаѣ не меньше 2-хъ разъ; между каждой прививкой долженъ быть промежутокъ въ 5 дней, если реакція отъ каждой прививки въ этотъ срокъ совершенно проходитъ. Дѣтямъ до 2-хъ лѣтъ и старикамъ старше 60-ти лѣтъ Златогоровымъ и др. въ 1904 г. въ Персіи прививокъ не дѣлалось, а также больнымъ желудочно-кишечными разстройствами. Женщинамъ впрыскивалось на 1/4 меньше, чѣмъ мужчинамъ. Въ 1-ый разъ впрыскивалось взрослымъ отъ 1 до 2 куб. сант. лимфы; дѣтямъ отъ 0,2—до 6,8 куб. сант.; во 2-ой разъ—взрослымъ 1,5—3 куб. сант.; дѣтямъ 0,3—до 1 куб. сант.; 3-ій разъ—взрослымъ отъ 2,5 до 4,0 куб. сант.; дѣтямъ отъ 0,5 до 1,5 куб. сант. Можно въ 3-ій разъ прививать живыя холерныя разводки тамъ, гдѣ есть лабораторіи. Но Златогоровъ напоминаетъ, что

---

*) Съ помощью эфира и тонкихъ иголъ можно достичь безболѣзненности укола.

разныя расы холернаго вибріона вызываютъ различную реакцію, вслѣдствіе различной своей ядовитости, поэтому лимфу необходимо врачу прежде всего, испытать на самомъ себѣ и въ случаѣ большой мѣстной и температурной реакціи, первыя дозы впрыскиваній нѣсколько уменьшить.

Многіе невѣжественные люди, заинтересованные въ томъ, чтобы въ невѣжествѣ находились не только они, но и весь русскій народъ, злословили, доносили и издѣвались надъ пироговскими съѣздами врачей, когда послѣдніе утверждали, что для борьбы съ холерой, какъ и съ другими болѣзнями, прежде всего необходимо избавиться отъ бюрократическаго режима.

Надѣемся, что нашъ читатель теперь вполнѣ сознательно примкнетъ къ мнѣнію, высказанному пироговскими съѣздами и скажетъ: да, уничтожить холеру можно только, уничтоживъ невѣжество, нищету и безправность русскаго народа; до этого всѣ врачебно-полицейскія мѣры будутъ только жалкими палліативами, полезными для медицинскаго департамента, но безполезными для народа и безсильными противъ холеры. А она снова приближается: 25-го апрѣля холероподобныя заболѣванія обнаружены уже въ двухъ мѣстечкахъ Саратовской губерніи.

II *).

Прорытіе Симплонскаго туннеля. Симплонскій туннель самый длинный изъ всѣхъ существующихъ—онъ тянется на 20 килом. (Мон-Сенисскій—12 килом., С.-Готардскій — 15 килом.) и проходитъ очень близко къ подошвѣ горы, благодаря чему при прорытіи его удалось избѣгнуть крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Сѣверный входъ въ него лежитъ на 685 метровъ, а южный на 634 метра надъ уровнемъ моря.

Прорытіе туннелей значительной длины стало доступно техникѣ сравнительно недавно. Туннель Гауенштейна на линіи Базель—Люцернъ длиною въ 2½ килом. былъ въ свое время предметомъ всеобщаго вниманія и удивленія. Въ 1859 г. начались работы по устройству Монъ-Сенисскаго туннеля (12 килом.), предпріятіе это казалось тогда колоссальнымъ. Въ началѣ этого предпріятія приходилось работать исключительно руками, спеціальныя машины были изобрѣтены только во время производства самихъ работъ. Ручная работа не позволяетъ подвигаться болѣе, чѣмъ на 1 метръ ежедневно; такимъ образомъ, потребовалось бы 16½ лѣтъ, чтобъ прорыть М.-Сенисъ, работая съ двухъ концовъ одновременно. Изобрѣтеніе первыхъ механическихъ буравовъ дало возможность сократить срокъ этотъ до 11 лѣтъ. Въ С.-Готардѣ усовершенствованіе машинъ позволило подвигаться впередъ ежедневно на 2,6 метра, и туннель въ 15 килом. былъ оконченъ въ 8 лѣтъ.

---

*) При составленіи этой замѣтки мы воспользовались статьей главнаго руководителя работами при прорытія Симплонскаго туннеля—инженера Зальцеръ-Циглера, помѣщенной въ № 6 (30 марта) журнала „Revue générale des Sciences pures et appliquées“.

Для прорытія Симплонскаго туннеля рѣшено было прибѣгнуть къ системѣ гидравлическихъ насосовъ Бранта, при этомъ расчитывали подвигаться ежедневно на $5^1/_2$ метровъ и закончить туннель въ $5^1/_2$ лѣтъ. Затѣмъ вставалъ другой важный вопросъ о *вентиляціи*.

Когда начинали работы въ Монъ-Сенисѣ, то наивно думали, что достаточно будетъ естественной вентиляціи, какъ въ короткихъ туннеляхъ. Примѣненіе сжатаго воздуха при работахъ буравами, содѣйствующее до извѣстной степени очисткѣ воздуха, считалось уже большимъ шагомъ впередъ; это полагали достаточнымъ и для прорытія С.-Готардскаго туннеля. Сжатый воздухъ въ моментъ выхода изъ трубы, дѣйствительно, очищалъ окружающій воздухъ, но свѣжаго воздуха едва хватало рабочимъ, приставленнымъ къ буравамъ; на долю другихъ ничего не оставалось. Бывало иногда, что въ минуту получалось не болѣе 90 куб. мет. чистаго воздуха на 400 чел. рабочихъ, между тѣмъ какъ нужно его было вдвое болѣе. Слѣдствіемъ отсутствія хорошей вентиляціи и вообще сносныхъ гигіеническихъ условій было плохое состояніе здоровья рабочихъ и высокая смертность. Только введеніе особой системы вентиляціи, выработанной инженеромъ *Зульцемъ-Циглеромъ* и производившейся посредствомъ трубъ, наполненныхъ сжатымъ воздухомъ, улучшило гигіеническія условія и отчасти благодаря этому удалось окончить Арльбергскій туннель годомъ раньше назначеннаго срока.

Что же касается Симплона, то вопросъ о вентиляціи оказался болѣе сложнымъ, здѣсь мы наталкиваемся на длину вдвое большую, на большее количество рабочихъ и, что всего непріятнѣе, на высокую температуру. Исходя изъ того принципа, что человѣкъ не можетъ выносить высокой температуры при неподвижномъ воздухѣ, но переноситъ ее сравнительно легко, если воздухъ находится въ движеніи, разсчитали, что каждому рабочему необходимо доставлять ежеминутно по 3 куб. мет. воздуха или 1.500 куб. мет. для смѣны въ 500 чел. Но доставка такого количества воздуха вызвала бы устройство громадныхъ трубъ и расхода значительной силы. Разсчитали, что болѣе удобно и выгодно будетъ вести одновременно съ туннелемъ вторую, параллельную галлерею. Эта вторая галлерея играетъ роль большой вентилирующей трубы и не мѣшаетъ нисколько работамъ въ главной галлереѣ; впослѣдствіи она представила большія удобства и для передвиженія и для отвода воды. Оставался еще вопросъ о *температурѣ*. Высокая температура сыграла очень печальную роль при прорытіи С.-Готарда, между тѣмъ, тамъ она не поднималась выше 31°. На Симплонѣ же надо было ожидать 38°, 40° и до 42° С. При посредствѣ одной вентиляціи невозможно достигнуть значительнаго пониженія температуры, такъ какъ стѣны туннеля выдѣляютъ громадное количество тепла; единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ, какъ показали предварительные разсчеты, могло бы быть примѣненіе холодной воды. И дѣйствительно, это простое средство привело къ прекраснымъ результатамъ. Затѣмъ всталъ вопросъ о доставкѣ энергіи: вычисленія показали, что различныя работы и освѣщеніе потребуютъ отъ 1.700 до 2.200 лош. силъ; для полученія этой энергіи рѣшено было утилизировать водяную силу Роны (съ сѣверной стороны туннеля) и силу Диверіи (съ южной).

Разсмотримъ теперь подробнѣе, какъ были выполнены различныя части этого грандіознаго предпріятія. Ширина одноколейнаго туннеля около—4½—5 метровъ, вышина—6 мет. Это отверстіе пробивается не сразу во всемъ его сѣченіи; начинаютъ съ небольшого углубленія—галлереи—въ 2 мет. вышины и 2½—4 мет. ширины; размѣры эти даютъ возможность человѣку стоять во весь ростъ и передвигать вагоны. Устройство галлереи—дѣло бурава или сверла, съ помощью ихъ работа идетъ значительно быстрѣе. Галлереи можно устраивать по желанію въ томъ или иномъ мѣстѣ общаго разрѣза туннеля.

Отличіе Симплонскаго туннеля отъ другихъ альпійскихъ заключается только въ томъ, что сразу начали работать двумя нижнями галлереями на разстояніи 17 метровъ другъ отъ друга; работы въ нихъ велись совершенно одинаково—при посредствѣ гидравлическихъ буравовъ Брандта. Машины эти основаны не на силѣ удара, а на силѣ давленія. Трубчатый буравъ съ тремя зубцами прикладывается къ камню съ такой силой (10—1.200 килогр.), что зубцы входятъ въ него на нѣсколько милиметровъ; затѣмъ буравъ медленно поворачивается, отламывая небольшіе куски; каждый буравъ развиваетъ около 25 лош. силъ; съ сѣвернаго конца работали 3-мя, а съ южнаго 3-мя или 4-мя машинами такого рода; аппаратъ помѣщается на подвижной платформѣ или телѣжкѣ. (Рис. 4).

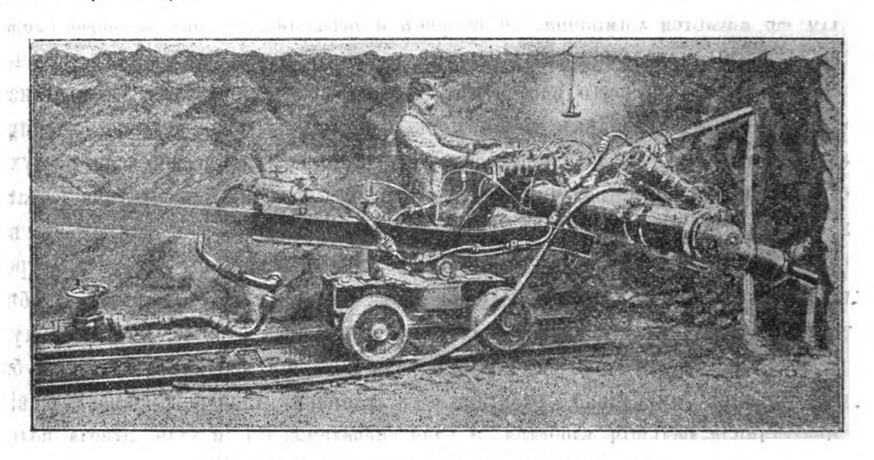


Рис. 4. Гидравлическій буравъ Брандта.

Буравъ при каждомъ поворотѣ долженъ подвигаться впередъ, по крайней мѣрѣ, на 1 сантиметръ. Если же этого нѣтъ, то необходимо передвинуть его на другое мѣсто. Очень плотныя горныя породы часто требуютъ такой перестановки, иногда приходится дѣлать отъ 120 до 150 поворотовъ, пока не получишь достаточное углубленіе, чтобы можно было заложить динамитный патронъ. Случается, что и съ самой лучшей сталью невозможно подвинуться глубже 10—15 сантиметровъ. Продолжительность работы надъ однимъ углубленіемъ—отъ 40 м. до 1-го часу, при исключительныхъ случаяхъ до 3-хъ часовъ. За день можно сдѣлать 4—7 взрывовъ, и при каждомъ взорвать 1—1½ метра земли. Итакъ, смотря по степени твердости почвъ, въ день подвига-

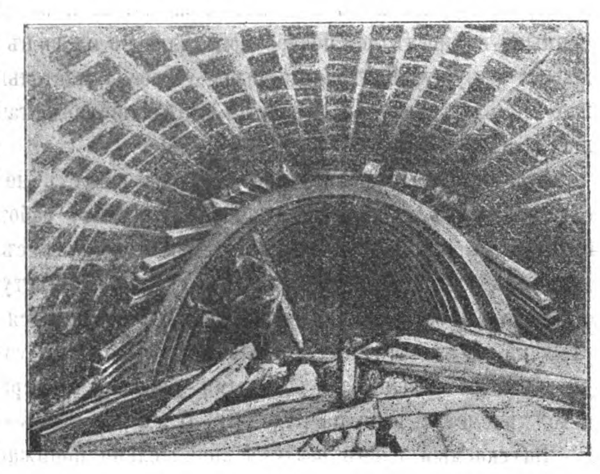
лись впередъ на 4—7 мет. Вода, двигавшая бурава, накачивалась въ трубы насосами, приводимыми въ движеніе турбинами, подъ давленіемъ 80—120 атмосферъ; чтобъ избѣжать потери силы отъ тренія, трубы были весьма значительнаго діаметра.

Со стороны сѣвера ежедневно подвигались впередъ на 5,52 метра или на 5,92, если вычесть потерянннные дни, съ юга—значительно медленнѣе.

Начиная съ 1898 года работа продолжалась день и ночь впродолженіи всего года, за исключеніемъ двухъ дней большихъ праздниковъ и двухъ дней для провѣрки оси туннеля.

Перейдемъ теперь къ работамъ по расширенію галлереи въ туннель. Здѣсь поступаютъ различнымъ образомъ. При наличности нижней галлереи идутъ вверхъ старымъ ручнымъ способомъ, а затѣмъ впередъ и назадъ. Эти работы—расширенія галлереи производятся не машинами, а руками, что обходится дешевле. Затѣмъ для уширенія подвигаются вверхъ и внизъ по поперечному разрѣзу, и верхнія галлереи сходятся.

Черезъ каждые 200 метровъ туннель соединяютъ со 2-й галлереей поперечнымъ корридоромъ. Соединенія эти служатъ и для вентиляціи, и для сообщенія. Такой способъ работы позволяетъ употреблять въ дѣло сразу большое количество рабочихъ; въ Симплонѣ работало до 500 человѣкъ одновременно. Обшивка туннеля дѣлается по всему его протяженію, не потому, чтобъ это требовалось для поддержанія почвы, но потому, что вслѣдствіе взрывовъ могли расшататься, но не упасть, части скалъ, и паденіе ихъ можетъ совершиться позднѣе.


Рис. 5. Обшивка сводовъ туннеля желѣзными стропилами.

Тамъ, гдѣ горныя породы плотны, обшивка дѣлается кирпичная, довольно тонкая, но, во всякомъ случаѣ, не тоньше 35 сантим. Тамъ же, гдѣ грунтъ менѣе надеженъ или гдѣ можно опасаться давленія, обшивка дѣлается гораздо толще. На первыхъ километрахъ съ юга и съ сѣвера обшивка довольна тонка, но къ серединѣ туннеля пришлось помимо камня примѣнить и желѣзныя стропила (рис. 5).

Вопросъ о подвозѣ матеріала представлялъ также большія трудности. Если принять за среднее, что въ день при прорытіи Симплонскаго туннеля подвигались на 7 метр., то, значитъ, ежедневно надо было вывезти до 210 куб. метр. земли, а съ другой стороны подвезти массу строительнаго матеріала. Неудивительно поэтому, что съ каждой стороны туннеля имѣлось

до 300 служебныхъ вагоновъ, а среднимъ числомъ входило и выходило изъ туннеля до 560 вагоновъ. Отъ входа въ туннель до конечной его точки (въ данный моментъ работы) вагоны приводились въ движеніе шестнадцатитонными паровыми локомотивами, снабженными большимъ количествомъ горячей воды и пара для того, чтобы производить какъ можно меньше дыма, другіе же паровозы приводились въ движеніе сжатымъ воздухомъ (80 атмос.). Электрической тяги примѣнять нельзя вслѣдствіе сильной влажности воздуха и сырости грунта.

Вторая, параллельная первой—галлерея служитъ, какъ мы уже упоминали, для притока свѣжаго воздуха. Воздухъ доставлялся въ эту галлерею двумя центробѣжными вентиляторами, дающими въ секунду около 30 куб. мет. воздуха при давленіи 270 милим.; вентиляторы приводились въ движеніе турбинами въ 250 лош. силъ.; работали они попеременно по 24 часа каждый; но въ случаѣ необходимости можно было пустить въ ходъ оба одновременно.

Изъ вентиляторовъ воздухъ направлялся во вторую галерею. Чтобъ воспрепятствовать воздуху сейчасъ же по боковымъ галлереямъ пройти въ туннель и оттуда ближайшимъ путемъ выйти наружу, устроены ворота съ небольшими отверстіями, необходимыми для стока воды изъ туннеля въ галлерею. Такимъ образомъ, воздухъ изъ вентиляторовъ почти весь цѣликомъ идетъ до конца галлереи, гдѣ въ немъ особенно нуждаются, и затѣмъ, уже порядочно испорченный, по послѣдней поперечной галлереѣ идетъ въ туннель и по нему возвращается наружу. Вентиляція была устроена настолько хорошо, что не произошло ни одного случая несчастія вслѣдствіе недостатка воздуха или испорченности его.

Изъ послѣдней поперечной галлереи воздухъ не могъ, конечно, проникнуть самъ собою въ туннель къ конечному пункту работъ, и здѣсь пришлось прибѣгнуть къ старинному способу: свѣжій воздухъ съ помощью трубъ и мѣховъ вдуваютъ изъ второй галлереи въ туннель къ мѣсту работы.

Войдя во вторую галлерею, воздухъ измѣняется и по температурѣ и по степени влажности. Почти на всемъ протяженіи сочится вода, и потому воздухъ быстро насыщается водяными парами. Температура галлерей, начиная съ 6-го километра поднялась до 40° Ц., а на 8-омъ—до 55° Ц.

Впускаемый извнѣ воздухъ значительно понижаетъ температуру, напр., на 7-омъ километрѣ первоначальная температура въ 48° въ апрѣлѣ 1902 г. въ мартѣ 1903 г. спустилась до 28° Ц.

До 1902 года достаточно было одной вентиляціи, чтобъ поддерживать сносную температуру; но когда послѣдняя поднялась выше 27°, то замѣтили, что работоспособность людей сильно уменьшилась. Пришлось прибѣгнуть къ охлажденію съ помощью воды и приступить къ устройству аппарата, могущаго доставить 80 метровъ воды въ секунду. Холодная вода проходитъ по трубѣ съ діаметромъ въ 25 сантиметровъ и доходитъ до мѣста примѣненія ея съ давленіемъ въ 10—15 атмосферъ; сила эта вполнѣ достаточна для мелкой пульверизаціи, что составляетъ необходимое условіе для быстраго поглощенія теплоты.

Чтобы поддержать свѣжей температуру воды, надо изолировать трубу отъ

вліянія теплоты окружающаго воздуха на разстояніи почти 10 километровъ. Лучшимъ изоляторомъ оказался древесный уголь въ порошкѣ, въ видѣ слоя въ 5 сантиметровъ, покрытаго сверху толемъ. За весь этотъ путь въ 10 километровъ температура воды поднималась только на 5°, такъ что лѣтомъ можно было получать воду въ 15°, а зимою въ 5° или 6°.

Водой этой пользовались слѣдующимъ образомъ: въ томъ мѣстѣ туннеля, гдѣ вагоны не ѣздятъ, ставятъ нѣсколько пульверизаторовъ, направленныхъ вверхъ; мелко распыленная вода заполняетъ весь просвѣтъ туннеля; сквозь водяныя брызги пропускаютъ воздухъ, температура котораго вслѣдствіе этого понижается на нѣсколько градусовъ, напр., съ 28° до 15°. Кромѣ того, воздухъ теряетъ часть своей влаги, и нагрѣваясь затѣмъ отъ соприкосновенія со стѣнами туннеля, становится сравнительно сухимъ; послѣднее очень важно для рабочихъ, такъ какъ облегчаетъ транспирацію кожи. Эта холодная вода оказала и другую услугу: омывая стѣны галлерей и воздухоносныя трубы, она понижаетъ ихъ температуру.

При устройствѣ Симплонскаго туннеля и выборѣ того или иного метода работы обращали большое вниманіе на то, чтобы облегчить трудъ рабочихъ, впрочемъ, не столько изъ альтруистическихъ соображеній, сколько для того, чтобы поддержать ихъ работоспособность.

Продолжительность рабочаго дня была въ 8 часовъ, работали день и ночь въ три смѣны; во избѣжаніе излишняго утомленія рабочихъ подвозили на спеціальныхъ поѣздахъ, пѣшкомъ приходилось дѣлать небольшіе концы. При выходѣ изъ туннеля были устроены особыя помѣщенія, гдѣ рабочіе могли снять свое мокрое платье, взять ванну или просто вымыться и переодѣться во все сухое. Благодаря такимъ предосторожностямъ здоровье рабочихъ не страдало.

Среди непредвидѣнныхъ затрудненій, встрѣченныхъ при прорытіи Симплонскаго туннеля, нужно, прежде всего, указать на геологическое строеніе, которое оказалось инымъ, чѣмъ то предполагали раньше, и въ большинствѣ случаевъ къ невыгодѣ предпріятія. Съ южной стороны вмѣсто наклонныхъ подъ большимъ угломъ слоевъ, пришлось имѣть дѣло съ пластами горизонтально лежащими, что сильно затрудняетъ прорытіе и требуетъ постоянныхъ значительныхъ подпорокъ. Во всей средней части предполагали только гнейсъ и одинъ пластъ известняка, на самомъ же дѣлѣ слои известняка встрѣчались очень часто, а вмѣстѣ съ ними и значительныя количества воды то горячей, то холодной. Вторымъ непріятнымъ сюрпризомъ были ручьи воды между 4-мъ и 5-мъ километрами съ южной стороны, потоки эти давали до 150 литровъ воды въ секунду въ лѣтнее время. Они не изсякли и до сихъ поръ, давая зимою около 800, а лѣтомъ около 1.200 литровъ въ секунду.

Серьезное затрудненіе было встрѣчено также въ такъ называемыхъ занахъ давленія. Нѣкоторыя мѣста оказывали такое давленіе, что невозможно было бороться съ нимъ никакими до сихъ извѣстными средствами. Самыя толстыя бревна ломались, какъ спички; въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ бронѣ изъ двойныхъ желѣзныхъ столбовъ толщиною въ 40 санти-

метровъ и имѣющихъ форму Т; на протяженіи 44 метровъ такіе столбы поставлены сплошнымъ рядомъ. Давленіе такъ сильно, что многіе изъ нихъ все же ломались; шесть мѣсяцевъ ушло на прорытіе этихъ 44 метровъ. Обшивка этого участка представляла громадныя затрудненія; пришлось употребить подпорки толщиною въ 1,80 метра и устроить своды мощностью въ 1,60 метра; работа длилась два года.

Неожиданностью была также высокая температура, доходившая до 55°, между тѣмъ какъ предполагали, что максимумъ не превысить 42° Ц. Съ этимъ неудобствомъ, какъ мы уже указывали, удалось справиться благодаря сдѣланнымъ приспособленіямъ; даже лѣтомъ температура не поднималась выше 25°—27° и рабочіе не очень страдали отъ нея. Самый трагическій моментъ былъ, когда температура поднялась до 55°, и по аналогіи можно было ожидать дальнѣйшаго повышенія ея до 65° Ц; можно было опасаться пріостановки работъ на долгое время—для устройства новыхъ аппаратовъ охлажденія. Къ счастью, температура стала понижаться; причины такого страннаго явленія до сихъ поръ не выяснены. Наконецъ, послѣднимъ очень важнымъ затрудненіемъ было присутствіе источниковъ горячей воды, на которую натолкнулись въ августѣ и декабрѣ 1903 г. съ сѣверной стороны.

Присутствіе горячей воды создало громадныя затрудненія, когда прошли черезъ высшую точку туннеля и стали работать на противоположномъ склонѣ. Воду выкачали и устранили возможность вторичнаго наводненія; но встрѣтились новые источники горячей воды, всѣ попытки бороться съ ними оказались недостаточными и 18 мая 1904 г. пришлось оставить работы по прорытію съ сѣверной стороны на 18,38 килом.

Въ это время прорытіе со стороны юга продолжались вполнѣ успѣшно, пока въ сентябрѣ 1904 г. не натолкнулись и здѣсь на источникъ горячей воды (46°), дающій до 100 лит. въ секунду. Потребовалась масса энергіи и терпѣнія, чтобы одолѣть это препятствіе, и 24 февраля 1905 года работающіе съ двухъ сторонъ, наконецъ, встрѣтились и открылось сквозное сообщеніе.

Осталось только отдѣлать туннель. Со стороны сѣвера обшивка вполнѣ закончена на протяженіи 10 килом. съ юга на 8,5 килом. Вѣроятно 1-го октября можно будетъ пустить первый поѣздъ.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Май. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы, критика и исторія искусства. — Юридическія науки. — Финансы и статистика. — Философія. — Исторія и географія.—Естествознаніе и земледѣліе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Владиміръ Бернштамъ. „За право!"—*С. Г. Фругъ*. Полное собраніе сочиненій. Т. III.—Стихотворенія Н. П. Огарева.—Альманахъ К—ва „Грифъ". — *Торъ Гедбергъ*. „Гергардъ Гримъ".

Владиміръ Бернштамъ. «За право!» Ц. 75 коп. Изданіе «Библіотеки для всѣхъ». Спб. 1905 г. Очерки изъ жизни рабочихъ Петербурга и ссыльныхъ Якутской области, отрывочныя замѣтки, публицистическія статьи, разсказы и даже одна статья спеціальнаго характера («Диффамація по русскимъ законамъ»)—таково разнообразное содержаніе сборника. Лишенный формальнаго единства, онъ является, однако, строго выдержаннымъ по содержанію, которое удачно формулировалъ самъ авторъ, давшій сборнику своихъ статей общее названіе: «За право!». И въ самомъ дѣлѣ, нарушенное право, попранное человѣческое достоинство—вотъ тема, которая красной нитью проходитъ черезъ весь сборникъ, объединяя и связывая въ одно неразрывное цѣлое пестрый по формѣ составъ книжки.

Очерки изъ жизни рабочихъ, которыхъ авторъ имѣлъ возможность наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ адвоката, правдиво и ярко рисуютъ фабрично-заводскую среду въ тяжелыхъ условіяхъ непосильнаго труда и борьбы «за право». Съ одной стороны, сплоченный и организованный предприниматель, хорошо вооруженный капиталомъ и судомъ, имъ же избраннымъ, и услужливой администраціей, съ другой—рабочій, безпомощный, одинокій—два непріятельскихъ стана, между которыми возможны перемирія, но нѣтъ мира. Въ темной и неорганизованной, а потому и постоянно побѣждаемой средѣ рабочихъ авторъ отмѣчаетъ и просвѣты, черезъ которые уже и теперь мощной струею льется въ нее и воздухъ, и солнечный свѣтъ. Чувство собственнаго человѣческаго достоинства, сознаніе общности интересовъ все глубже и глубже проникаютъ въ среду рабочихъ, и въ книжкѣ г. Бернштама читатель съ удовольствіемъ остановится на нѣкоторыхъ набраскахъ, рисующихъ рабочихъ этого новаго типа.

Очеркъ, посвященный административной ссылкѣ, рисуетъ картину жизни подневольныхъ жителей Якутской области—«этой громадной тюрьмы безъ желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ, безъ запертыхъ дверей, безъ высокаго каменнаго забора, безъ перекликающихся часовыхъ, все же молчаливо-угрюмой, недоступной, страшной келейностью тюрьмы»... Каковы условія жизни въ «этой громадной тюрьмѣ», въ которую люди попадаютъ безъ слѣдствія, безъ

суда, часто по однимъ лишь необоснованнымъ подозрѣніямъ жандармовъ, краснорѣчиво говоритъ хотя бы слѣдующій эпизодъ, разсказанный г. Бернштамомъ. Административный ссыльный за вооруженный протестъ противъ незаконныхъ дѣйствій мѣстной администраціи приговаривается судомъ къ каторгѣ на 12 лѣтъ. Его уговариваютъ подать апелляціонный отзывъ, но онъ рѣшительно отказывается, отказывается «по личнымъ соображеніямъ». «Видите ли...—объясняетъ онъ:—каторга мнѣ гораздо выгоднѣе административной ссылки... Я былъ предназначенъ къ отправкѣ въ Верхоянскъ на 10 лѣтъ. Въ Верхоянскѣ я не имѣлъ бы заработка, жилъ бы впроголодь, питаясь одной рыбой, одиноко, отрѣзанный отъ всего внѣшняго міра, лишенный писемъ! Меня поселили бы въ темной юртѣ со льдиной вмѣсто окна, я былъ бы въ обществѣ однихъ и тѣхъ же двухъ-трехъ товарищей. Лишенный медицинской помощи, книгъ, толеграфа, я задыхался бы отъ мороза! А въ каторжной тюрьмѣ, хотя бы Александровской,—у меня будетъ камера, пусть и съ желѣзной рѣшеткой, за то со стекломъ въ окнѣ, меня накормятъ и притомъ хлѣбомъ, письма будутъ доходить скоро, кругомъ будетъ общество товарищей, русскихъ, а не якутовъ, я буду имѣть заработокъ, со мною будутъ поступать по закону... Ну, а до «поселенія» хотя бы и тамъ, въ Якутской области,—черезчуръ далеко... Нѣтъ, каторга лучше такой ссылки!..»

Рекомендуя читателю непремѣнно познакомится съ интересной и содержательной книжкой г. Бернштама, мы должны предупредить, однако, что, обращаясь къ сборнику, авторъ не долженъ искать въ немъ удовлетворенія своимъ эстетическимъ запросамъ. Г. Бернштамъ—не художникъ. Онъ умный, наблюдательный и очень интересный разсказчикъ, но и только. Все, что онъ видѣлъ, все, что онъ пережилъ самъ, онъ можетъ передать въ яркихъ красочныхъ образахъ, но претворить эти образы, возвести ихъ на степень широкаго художественнаго обобщенія онъ не въ силахъ. И зная предѣлы своихъ силъ, онъ —и это мы ставитъ ему въ особую заслугу—не пытается перескочить черезъ нихъ. Напротивъ, очень часто, раззадоривъ читателя и вызвавъ въ немъ напряженный интересъ къ тому или иному герою своего повѣствованія, г. Бернштамъ вдругъ неожиданно обрываетъ разсказъ. «А дальше, дальше-то какъ?—спрашиваетъ заинтересованный читатель «А дальше никакъ, — отвѣчаетъ разсказчикъ:—дальше «Дмитріевъ неожиданно долженъ былъ уѣхать на родину» (стр. 23), или: «что было съ нимъ дальше, не знаю» (стр. 46) и т. д.

Сила г. Бернштама какъ разказчика, и слабость его какъ художника съ особенной рельефностью обрисовывается въ разсказѣ его «Ахиллесова пята». Герой—въ одиночномъ заключеніи. Тишина, вынужденное молчаніе, полные однообразія дни вызываютъ въ немъ жгучую потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь. Съ кѣмъ-же?—Конечно, съ тюремнымъ надзирателемъ,—иной собесѣдникъ въ одиночной камерѣ немыслимъ. Но, вѣдь, и этого единственно возможнаго собесѣдника не легко заставить и на самомъ дѣлѣ сдѣлаться таковымъ,—для этого необходимо какъ-нибудь расположить его, подкупить, наконецъ И вотъ одинокій узникъ въ теченіе длиннаго ряда дней выслѣживаетъ слабыя стороы своего тюремщика, стараясь использовать ихъ для подкупа. Но увы!—всѣ попытки подкупа разбиваются передъ суровой непреклонностью строго дисциплинированнаго служаки. И вотъ однажды, когда надзиратель явился въ камеру нашего узника съ чернорабочимъ-арестантомъ для промывки окна, узникъ воспользовался случаемъ и нарушилъ опостылѣвшее ему молчальничество. Онъ заговорилъ, начавъ разсказывать старую быль о «панѣ надъ панами», графѣ Болеславѣ. Надзиратель дѣлалъ видъ, что исторія его ни мало не занимаетъ, и не дождавшись конца ея, вышелъ изъ камеры, какъ только окно было промыто. Прошелъ томительно день, наступилъ вечеръ, и вдругъ, совершенно неожиданно для узника, форточка въ дверяхъ

медленно отворяется, и черезъ открытое отверстіе суровый надзиратель упрашиваетъ узника досказать начатую утромъ исторію. «И у насъ,—заканчиваетъ авторъ,—завязывается бесѣда, такая тихая, что ее не слышатъ и тюремныя стѣны, застывшія въ своемъ ночномъ унылымъ молчаніи»...

Въ передачѣ автора мы познакомились съ занимательнымъ тюремнымъ эпизодомъ, который онъ, какъ талантливый разсказчикъ, изложилъ умѣло и красиво. Но отсутствіе въ разсказѣ какого бы то ни было художественнаго обобщенія, которое здѣсь, между тѣмъ, само собою напрашивается на бумагу, оставляетъ читатель неудовлетвореннымъ. *Вл. Кр—дъ.*

С. Г. Фругъ. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Эскизы и сказки. Т. IV. Встрѣчи и впечатлѣнія. Изд. журнала «Еврейская жизнь». Спб. 1905 г. Стр. 365. Цѣна ? Странная и грустная судьба у поэзіи г. Фруга: крупный нѣкогда талантъ, общепризнанный печальникъ и выразитель вѣкового горя еврейскаго, онъ какъ поэтъ замолкъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ; яркія, страстныя краски его поэзіи потускнѣли и именно въ послѣдніе годы подъема еврейской общественной мысли онъ потерялъ любовь и вліяніе, почти исчезъ съ горизонта. Поэтъ пережилъ свою извѣстность.

Первые два тома его стиховъ, именно тѣ, которые доставили ему эту извѣстность, посвящены преимущественно, но далеко не исключительно горю горячо любимаго имъ родного народа; поэту не только не были чужды общечеловѣческіе мотивы, но и въ обработкѣ національныхъ темъ его занимала, быть можетъ, безсознательно—именно общечеловѣческая сторона ихъ—горе безправія, нищеты, угнетенности, темноты народной—словомъ, то, что роднитъ его поэзію съ русской мыслью, русской душой. Онъ первый и онъ одинъ подвергъ поэтической обработкѣ множество библейскихъ мотивовъ съ ихъ удивительнымъ ароматомъ свѣжести и вѣчной юности. Правда, его пѣсни о горѣ народа страдали часто излишней покорностью судьбѣ и людямъ и вмѣсто кипучей ненависти дышали безсильной, расплывчатой грустью или мольбой; правда и то, что a la longue эти пѣсни и библейскіе мотивы были иногда слишкомъ длинны и утомительны въ своемъ однообразіи; нельзя не признать, наконецъ, что автору не хватало часто широты взгляда, всесторонней отзывчивости, отражающей жизнь полноты, но это былъ—да, *былъ*—истинный поэтъ, крупный, искренній, не шутившій стихомъ, а болѣвшій въ немъ. И можно, конечно, порадоваться этому новому итогу его работы—полному собранію его сочиненій; очень жаль только, что оно такъ плохо издается—на скверной, тонкой бумагѣ; очень мелкая печать и очень плохая брошюровка прямо затрудняютъ чтеніе книги.

Настоящіе два тома «Собранія сочиненій» представляютъ собой сводку прозаическихъ эскизовъ изъ тѣхъ, которые авторъ печаталъ въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ—покойномъ «Разсвѣтѣ», «Восходѣ» и др. Далеко не всѣ эти эскизы стоило собирать изъ старыхъ журналовъ: нѣкоторые изъ нихъ, вполнѣ умѣстные какъ фельетоны, не удовлетворяютъ въ сборникѣ, гдѣ къ разсказу предъявляешь гораздо большія требованія; другіе же, помимо фельетоннаго характера, носятъ слишкомъ спеціальный, еврейскій колоритъ, изобилуютъ не всѣмъ понятными и необъясненными подробностями еврейскаго быта, еврейскими словами и оборотами. Но и здѣсь сказывается мѣстами очень ярко—вдумчивый и страстный поэтъ, мягкій и тонкій, чисто-еврейскій «Galgenhumor».

Темой разсказовъ служатъ самыя разнообразныя стороны родного автору быта: здѣсь и «меламедъ» черты осѣдлости, и старый философъ-сапожникъ, и постройка синагоги въ мѣстечкѣ, и переживаемые ребенкомъ еврейскіе праздники, и грустно-шутливыя объясненія смысла этихъ праздниковъ, и пѣвецъ изъ синагогальнаго хора, и евреи-колонисты юга Россіи. Помимо большого

этнографическаго интереса эскизы не лишены, мы повторяемъ, мягкой красоты и грустнаго юмора. *Л. В.*

Стихотворенія Н. П. Огарева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. М. 1904 г. 2 т. Цѣна 3 р. 50 к. Стихотворенія Огарева стали появляться на страницахъ «Отечеств. Записокъ» съ 1840 г., но особеннаго успѣха не имѣли ни среди обыкновенныхъ читателей, ни среди тонкихъ цѣнителей поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній нравились Бѣлинскому, а пьеса «Деревенскій сторожъ» привела великаго критика даже въ восхищеніе. Но, въ общемъ, стихотворенія Огарева были встрѣчены Бѣлинскимъ несравненно холоднѣе, чѣмъ даже первые поэтическіе опыты Тургенева. Въ обзорѣ русской литературы 1841 г. упоминается, что стихотворенія Огарева отличаются особенною внутреннею меланхолическою музыкальностью, что всѣ они почерпнуты изъ глубокаго, хотя тихаго чувства и, «не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами онѣ только какъ бы невольные отзывы, выброшенные переполнившимся волненіемъ». И послѣ 1841 г. продолжали появляться въ «Отеч. Запискахъ» стихотворенія Огарева, но Бѣлинскій уже не считалъ нужнымъ даже упоминать о нихъ. А въ одномъ изъ писемъ къ Боткину Бѣлинскій прямо заявилъ: «когда случится пробѣжать стихотвореніе Фета или Огарева, я говорю: оно хорошо, но какъ же не стыдно тратить времени и чернилъ на такіе вздоры? «Дѣло дошло до того, что, какъ мы знаемъ изъ писемъ Некрасова къ Тургеневу, Бѣлинскій не хотѣлъ печатать въ «Современникѣ» одно изъ лучшихъ стихотвореній Огарева, его «Монологи».

Послѣ смерти Бѣлинскаго уровень русской критики рѣзко понизился, и стихотворенія Огарева нашли восторженныхъ цѣнителей въ лицѣ Василія Боткина и Аполлона Григорьева. Первый изъ нихъ въ статьѣ 1850 г. отводитъ Огареву даже «первое мѣсто между всѣми пишущими теперь стихи», то-есть онъ былъ поставленъ выше Некрасова, Майкова, Полонскаго, Фета и др. Аполлонъ Григорьевъ, съ своей стороны, въ обзорѣ русской литературы 1852 г. восторгается глубокой искренностью всѣхъ мотивовъ, затронутыхъ въ лирикѣ Огарева, называетъ его «поэтомъ сердечной тоски» и признаетъ «неотразимое обаяніе» его стихотвореній, въ которыхъ критика видитъ «самыя искреннія пѣсни эпохи». Правда, и Боткинъ, и Григорьевъ указывали на крайне неудовлетворительную технику многихъ стихотвореній Огарева, а также на однообразіе ихъ тона и содержанія, но эти внѣшніе и внутренніе недостатки не помѣшали обоимъ критикамъ высказать пожеланіе, чтобы стихотворенія Огарева появились отдѣльнымъ изданіемъ. Такое же пожеланіе высказалъ въ 1856 г. и Дружининъ, хотя онъ еще сильнѣе подчеркнулъ внутренніе недостатки поэзіи Огарева, указавъ въ ней преобладаніе «унылаго, недовольнаго, грустно-лѣниваго элемента», налагающаго «печать однообразія и, что еще хуже, *безсилія*» (курсивъ Дружинина).

Въ томъ же году стихотворенія Огарева вышли отдѣльнымъ изданіемъ. которое было встрѣчено довольно сочувственно и читателями и критиками Между прочимъ, стихотвореніямъ Огарева посвятилъ очень сочувственную рецензію Чернышевскій, который, не входя въ разборъ ихъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ, раскрылъ передъ поэтомъ самыя блестящія перспективы. «Огаревъ,—по мнѣнію Чернышевскаго,—имѣетъ право занимать одну изъ самыхъ блестящихъ и чистыхъ страницъ въ исторіи нашей литературы», потому что на его стихотвореніяхъ лежитъ отпечатокъ той «школы, въ которой воспитался его талантъ», то-есть школы Герцена, имя котораго въ рецензіи не называется, но готово слетѣть съ пера чуть не въ каждой фразѣ.

Прежде, чѣмъ начало исполняться предсказаніе Чернышевскаго, изданіе 1856 г. было повторено въ 1859 и 1863 годахъ, но безъ всякихъ дополненій, несмотря на то, что въ Лондонѣ въ 1858 г. вышло болѣе полное

собраніе стихотвореній Огарева. Послѣ 1863 г. перепечатка этого коротенькаго сборника прекратилась, скорѣе всего въ силу цензурныхъ соображеній, и стихотворенія Огарева стали появляться въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ только послѣ смерти поэта (въ 1877 г.), главнымъ образомъ, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Перепечатка изъ заграничныхъ изданій старыхъ произведеній Огарева и извлеченіе изъ рукописей неизвѣстныхъ дотолѣ его пьесъ—все это было результатомъ несомнѣнно усилившагося интереса къ личности поэта, какъ близкаго друга и сотрудника Герцена. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы новыя попытки взглянуть на поэзію Огарева независимо отъ ея историческаго значенія, указаннаго Чернышевскимъ. Такъ, недавно умершая писательница Некрасова въ своей общирной статьѣ о личности и поэзіи Огарева («Починъ» 1895 г.) главное значеніе его стихотвореній видитъ въ ихъ автобіографическомъ характерѣ. Всѣ стихотворенія Огарева, по ея заявленію, «такъ тѣсно связаны съ его личностью, что по нимъ можно читать его жизнь». Въ сборникѣ г. Перцова «Философскія теченія русской поэзіи» Огаревъ называется «разочарованнымъ матеріалистомъ» и «самымъ мрачнымъ изъ русскихъ поэтовъ», а «основной стихіей» его поэзіи признается «скука жизни», обусловленная стремленіемъ ограниченнаго и временнаго существа къ абсолютному и вѣчному счастію. Редакторъ новаго изданія стихотвореній Огарева называетъ его пѣвцомъ «желанія» и «основнымъ сюжетомъ» его поэзіи считаетъ «жажду полноты чувства, коренящуюся въ тоскѣ по гармоніи жизни». Наконецъ, г. Венгеровъ (въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Арсеньева и Петрушевскаго) также считаетъ основнымъ тономъ поэзіи Огарева грусть и тоску, но думаетъ, что эта грусть и тоска «почти безпричинная» и только отчасти является результатомъ личныхъ несчастій поэта. Итакъ, вопросъ о характерѣ и причинахъ огаревской тоски и грусти остается открытымъ, а отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ и самая оцѣнка поэзіи Огарева—признаніе за нею только временнаго или же «вѣчнаго» значенія.

Но если даже признавать за поэзіей Огарева только историческое и автобіографическое значеніе, и тогда нельзя не привѣтствовать новое изданіе его стихотвореній, какъ дорогой подарокъ русскому обществу. Можно только пожалѣть о неполнотѣ изданія, вызванной частью цензурными соображеніями, частью личнымъ усмотрѣніемъ редактора. Въ новомъ изданіи помѣщены такія пьесы Огарева, которыя никогда раньше не были въ печати, но зато пропущено болѣе шестидесяти бывшихъ уже въ печати стихотвореній, изъ которыхъ только семь не могли быть напечатаны по своей нецензурности, а остальныя 55 забракованы редакторомъ, какъ «вполнѣ неудачныя». Но если въ новомъ изданіи могли появиться нѣкоторыя неотдѣланныя и неоконченныя пьесы Огарева, то не было достаточныхъ основаній для исключенія и всѣхъ остальныхъ его произведеній, бывшихъ въ печати.

Болѣе важнымъ недостаткомъ новаго изданія надо признать существенные пропуски въ нѣкоторыхъ пьесахъ, вызванные, какъ кажется, излишней осторожностью редактора. Неужели въ стихотвореніи «Отступницѣ» нельзя было напечатать строфу:

„Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Ихъ прахъ казненный, но святой“?

Еще менѣе основанія было въ томъ же стихотвореніи калѣчить стихи:

„Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслухъ
И русскую хвалили музу
За *подлый складъ, за рабскій духъ*“.

*

(Напечатанное курсивомъ замѣнено точками).

Едва ли также были серьезныя основанія для пропуска тридцати стиховъ въ шестой главѣ поэмы «Ночь», гдѣ дается хотя и мрачное, но сдѣлавшееся уже достояніемъ исторіи изображеніе крѣпостной Россіи. Вотъ эти стихи:

„Какъ ихъ безбрежныя поля,
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья,
Молчитъ запуганный мужикъ
Подъ розгой маленькихъ владыкъ;
Его чиновникъ грабитъ смѣло;
Въ трудѣ проходитъ жизнь его
И не приноситъ ничего,
Проходитъ тускло... Послѣ тѣло
Кладутъ какъ ветошь въ темный гробъ,
Надъ нимъ бормочетъ пьяный попъ,
Да бабы вопятъ... Жизнь безцвѣтна,
Безрадостна и непривѣтна,
Смерть равнодушна и дика,
И скорбь на сердцѣ велика!
И тотъ изъ насъ, кому наука
Раздвинула границы думъ,
На привязи свой держитъ умъ,
Снѣдаемъ праздностью и скукой.
Кругомъ помѣщики глупцы,
Рабы, нахалы, подлецы“ и т. д.

Даже изъ тѣхъ семи стихотвореній, которыя признаны совершенно нецензурными, можно было бы кое-что напечатать, судя по приведеннымъ въ статьѣ Некрасовой отрывкамъ изъ стихотворенія «Искандеру», гдѣ поются гимны свободѣ по поводу слуховъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Что же можетъ быть нецензурнаго въ такой, напримѣръ, строфѣ:

„Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода! Свобода!“

Съ внѣшней стороны стихотворенія Огарева изданы очень хорошо и снабжены библіографическими и автобіографическими примѣчаніями.

С. Ашевскій.

Альманахъ К—ва «Грифъ». Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 30 к. Этотъ третій по счету «Альманахъ Грифъ» открывается стихотвореніемъ К. Бальмонта «Фата Моргана», которое служитъ не то введеніемъ въ сборникъ, не то эпиграфомъ.

„Фата Моргана,—
Замки, узоры, цвѣты и цвѣта,
Сказка, гдѣ каждая краска, черта
Съ каждой секундой—не то“.

Фата Моргана свѣтитъ лишь тому, кто глянетъ на море, «съ блескомъ во взорѣ, къ солнцу спиной».

„Правда ль тутъ будетъ, неправда ль обмана,
Только роскошной цвѣтной пеленой
Быстро возникнетъ предъ нимъ надъ волной
Фата Моргана“.

Послѣ такого звучнаго и блестящаго введенія естественно ожидать въ

дальнѣйшемъ «роскошной, цвѣтной пелены» Фаты-Морганы. И мы приготовились, все равно, къ правдѣ или неправдѣ обмана, лишь бы все это переливало цвѣтами волшебнаго зрѣлища. Дѣйствительно, мы нашли въ «Альманахѣ» и замки, и цвѣты (три стихотворенія г. Бориса Попова), и цвѣта (семнадцать стихотвореній г. Бальмонта), и сказки, и т. д. Г. Миропольскій сочинилъ страшную исторію борьбы «большого лба» священника-чернокнижника съ его же душой («Къ свѣту!»). Г-жа Нина Петровская въ «Снахъ октябрьскихъ ночей» лихорадочно разсказываетъ объ убійствѣ, совершенномъ дружеской рукой только потому, что убитый не могъ рѣшиться на самоубійство и попросилъ объ услугѣ. У г. Сергѣя Кречетова герой «Иной жизни» придумалъ для себя таинственный средневѣковый романъ и такъ натурально жилъ въ придуманной обстановкѣ, что умеръ и въ этой и въ той жизни только съ незначительной разницей во времени. Г. Кондратьевъ помѣстилъ стихи изъ древне-ассирійскихъ миѳовъ и прозаическій отрывокъ изъ миѳологическаго романа греческаго пастушка и нимфы. И много еще заманчиваго и невиданнаго есть въ другихъ большихъ и малыхъ произведеніяхъ, составляющихъ «Альманахъ Грифъ». Но, въ общемъ, все это до того сѣро и скучно, такъ одноцвѣтно, что ни о какой Фата Морганѣ не можетъ идти рѣчи.

Стихотворное предисловіе г. Бальмонта, кажется намъ, слѣдуетъ понимать иначе. Оно предваряетъ не о грядущихъ воздушныхъ образахъ, а о тѣхъ, кто «съ блескомъ во взорѣ» старается увидѣть фантастическую картину. И, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ сотрудниковъ «Альманаха» вы видите въ странныхъ позахъ: и «къ солнцу спиной», и къ разсудку спиной вящше изломанныя фигуры пытаются увѣрить и себя и другихъ, что видятъ быстро возникающую Фата Моргану. Зрѣлище странное и воистину, съ позволенія сказать, фатовато-морганистое!

Естественнѣе всѣхъ держится г. Андрей Бѣлый и хотя онъ по временамъ тоже пытается стать въ позицію рядомъ со своими фатовато-морганистыми товарищами, но продѣлываетъ это безъ нарочитаго блеска во взорѣ. Среди его одиннадцати стихотвореній, составляющихъ циклъ «Тоска о волѣ», есть хорошія, оригинальныя строфы, онъ можетъ одной строчкой создать ясную картину. Но въ его тоскѣ о волѣ недостаетъ самой тоски: слишкомъ разсудительный поэтъ г. Андрей Бѣлый. Самое же волю онъ рисуетъ риторически пустыми и холодными словами:

Здравствуй, желанная,
Воля
Свободная,
Воля
Побѣдная,
Даль—осіянная,
Холодная,
Блѣдная.

Блѣднымъ эпитетамъ воли г. Андрей Бѣлый придаетъ особенное значеніе, помѣстивъ каждый въ особую строку. И то хорошо. Всѣ прочіе возвеличиваютъ свои слова тѣмъ, что почтительно пишутъ ихъ съ большой буквы.

Л. Б.

Торъ Гедбергъ. «Гергардъ Гримъ». Драмат. поэма въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. со шведскаго А. Ганзенъ. Ц. 50 к. Изданіе Скирмунта. Москва. 1905. «Гергардъ Гримъ» одно изъ интереснѣйшихъ произведеній шведскаго поэта, до сихъ поръ мало извѣстнаго русской публикѣ. (Изъ другихъ его драмъ можно указать пользовавшіяся большимъ успѣхомъ «Hin ondes gafva», «Bröllopet på Ulfåsa», «Stolts Elisif» и др.). По содержанію и по формѣ «Гергардъ Гримъ» поэма типа «Фауста» и «Манфреда», трагедія могучаго человѣ-

ческаго духа. Герой ея, даровитый, иногда близкій къ геніальности мыслитель, богатая и сильная натура, погибаетъ вслѣдствіе высокомѣрной попытки стать выше человѣчества, построить на себѣ одномъ все зданіе своей духовной жизни, пользуясь чужою индивидуальностью лишь какъ пассивнымъ оружіемъ. Личности, становящіяся жертвою этого духовнаго насилія—возлюбленная Грима и его пріемный сынъ—пробуютъ освободиться отъ его власти, но гибнутъ въ неравной борьбѣ съ его деспотическою внутреннею мощью. Гибнетъ и самъ Гримъ, не находящій въ себѣ силы быть одинокимъ и лишившійся вѣры въ дѣло своей жизни.

Таковъ *сжатый остовъ основной философской подкладки драмы*, отличающейся такимъ исключительнымъ идейнымъ богатствомъ, что сколько-нибудь подробная характеристика ея въ этомъ направленіи невозможна въ краткой критической замѣткѣ. Не менѣе поразительно *художественное* богатство произведенія. Мастерская обрисовка всѣхъ дѣйствующихъ лицъ—титанической фигуры Грима, сильной, прекрасной, но искалѣченной жизнью натуры Сагниль, типичнаго стараго угрюмаго добряка Петра, воплощенія культурной пошлости въ лицѣ Сильвестра и, наконецъ, прелестнаго юношескаго образа Артуса—овладѣваетъ сразу же духомъ читателя. Въ соединеніи съ рѣдкими поэтическими красотами поэмы, указанныя свойства завоевали ей прочное мѣсто среди лучшихъ созданій всемірной литературы.

Переводъ г-жи Ганзенъ (впервые напечатанный въ журналѣ «Начало» и теперь вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ, съ нѣкоторыми поправками) вполнѣ достоинъ подлинника. Помимо точности и тщательности, которую уже научилась цѣнить русская публика у даровитой переводчицы Ибсена, слѣдуетъ отмѣтить глубокое проникновеніе духомъ оригинала, позволявшее г-жѣ Ганзенъ необыкновенно удачно передавать своеобразную силу и гармоническую прелесть поэзіи Гедберга. Переводъ производитъ впечатлѣніе такой законченности и легкости творчества, что можетъ съ перваго взгляда вызвать подозрѣніе въ излишней независимости отъ оригинала. При сличеніи съ послѣднимъ, однако, оказывается обратное: легкость и свобода происходятъ отъ того, что переводчицѣ посчастливилось вполнѣ сжиться съ творчествомъ автора и перевоплотить его созданіе въ переводѣ. *С.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Николай Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина". — *Стечькинъ.* Максимъ Горькій.—*Гуго Риманъ.* „Музыкальный Словарь".

Николай Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга девятнадцатая. Спб. 1905. Стр. XI+499. Цѣна 2 р. 50 к. Новая книга г. Барсукова, посвященная почти исключительно событіямъ 1862 года, очень часто заставляетъ читателя переноситься отъ минувшаго прошлаго къ переживаемому настоящему. Въ Москвѣ шумныя и бурныя засѣданія дворянства, часть котораго требуетъ созыва депутатовъ со всей Россіи, свободы слова, словеснаго суда и т. д. Среди духовенства толки объ освобожденіи церкви отъ «крѣпостного состоянія».

Вся Россія была тогда наводнена заграничными изданіями и подпольными листками и прокламаціями самаго зажигательнаго свойства. Даже въ императорскихъ дворцахъ находили воззванія о перемѣнѣ правленія, и «въ пасхальную ночь толпы народа стояли у Зимняго дворца и ожидали бунта» (стр. 120). Въ Петербургѣ страшные пожары, и виновниками ихъ объявляются студенты и

журналисты. Этому обвиненію вѣритъ не только простой народъ и полиція, но даже люди, мнящіе себя образованными. «Настоящіе совратители молодежи, отъ которыхъ идетъ поджигательство, это журналисты: ихъ рѣзкій тонъ возбудилъ молодыя души, какъ мнѣ удалось это наблюдать» (стр. 129—130). Такія строки начерталъ Погодину не кто иной, какъ Куникъ, членъ академіи наукъ.

Отсюда недалеко и до организаціи «черной сотни». Въ такомъ именно смыслѣ и высказался другой корреспондентъ Погодина, извѣстный священникъ Белюстинъ. «Дать бы имъ имъ,—говоритъ онъ,—всю свободу, чтобы они выставились повиднѣе, да и указать бы народу: вотъ они, которые хотятъ наругаться надъ вашими храмами и сѣсть вамъ на шею; распорядись съ ними, какъ знаешь. И головой,—чего головой? Вѣчнымъ спасеніемъ я поручился бы, что народъ и на секунду не задумался бы разорвать ихъ по клочкамъ» (стр. 122). Между тѣмъ с.-петербургскій университетъ закрытъ, попытка учредить «вольный университетъ» терпитъ неудачу, а профессора единогласно постановляютъ, что нормальный ходъ занятій немыслимъ до изданія новаго устава. Но не одни профессора и студенты занимаются вольнодумствомъ. «Этимъ ядомъ заражены и школы духовныя, и школы гражданскія, и школы военныя и наконецъ, школы воскресныя» (стр. 144). Въ духовныхъ семинаріяхъ читаютъ сочиненія Фейербаха, гимназисты совершаютъ кощунства (см. стр. 154), офицеры возмущаютъ крестьянъ и солдатъ. Тѣмъ временемъ въ Польшѣ готовится революціонный взрывъ, а пока раздаются выстрѣлы противъ высшихъ представителей власти; въ Петербургѣ одновременно съ толками о свободѣ печати пріостанавливаютъ «Современникъ», «Русское Слово» и «День» Аксакова, а также лишаютъ свободы Чернышевскаго и Писарева.

Всѣ, вообще, недовольны и жаждутъ перемѣнъ. Даже такіе благонадежные люди, какъ Никитенко и Еленевъ, разсуждаютъ о конституціи и признаютъ ея необходимость и неизбѣжность. Надобно только, по ихъ мнѣнію, сначала заложить прочный фундаментъ, а тамъ уже и «воздвигать зданіе». По мнѣнію Еленева, для заложенія этого фундамента нужно всего «десять какихъ-нибудь лѣтъ, чтобы успѣло осмыслиться и укрѣпиться земство, чтобы вышло изъ ничтожества городское сословіе (стр. 23). Даже такой важный государственный актъ, какъ утвержденіе основныхъ началъ преобразованія судебной части, не вноситъ особеннаго успокоенія, потому что не удовлетворяетъ «ультрапрогрессистовъ» и не нравится консерваторамъ. Чичеринъ, напримѣръ, печатно заявилъ, что «публичность суда для насъ якорь спасенія», но къ независимости и несмѣняемости судей, а также къ суду присяжныхъ отнесся довольно скептически. Кошелевъ, только что издавшій за границей брошюру о необходимости земскаго собора, встрѣтилъ основныя начала судебной реформы недостойнымъ глумленіемъ. «Право—славно,—писалъ онъ Погодину:—у насъ будутъ, по щучьему велѣнью и по нашему прошенью, и адвокаты и предсѣдатели, способные вести судныя дѣла и пренія такъ, какъ того требуютъ наука и практика. Знаете, безъ смѣха нельзя читать этого прекраснаго сочиненія: хорошо, очень хорошо, а никуда не годится!» Кошелевъ имѣлъ даже смѣлость заявить, что «проектъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ останется in spe (въ надеждѣ) и никогда не приведется въ исполненіе» (стр. 475). Не удивительно, если Шевыревъ писалъ Погодину: «не думаю, чтобъ могла у насъ приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго» (стр. 476). Еще менѣе удивительно, что директоръ департамента полиціи, гр. Д. Н. Толстой, признавъ самыя основы судебной реформы «ошибочными», силился убѣдить министра внутреннихъ дѣлъ Валуева въ несвоевременности и опасности задуманныхъ преообразованій. Но замѣчанія гр. Толстого, по его собственному

выраженію, «были брошены, какъ пустой хламъ». Правительство, болѣе чѣмъ когда-либо популярное въ массѣ только что освобожденнаго народа, видѣло главное средство для успокоенія общества въ коренныхъ преобразованіяхъ и потому не медлило ни съ судебной, ни съ земской реформой. Не всѣ, правда, были удовлетворены этими реформами, но зато многіе успокоились, а «постепеновцы» вродѣ Никитенка даже умилились передъ «невѣроятными успѣхами» Россіи на поприщѣ прогресса».

Кромѣ указанныхъ вопросовъ, событій и фактовъ, новая книга г. Барсукова говоритъ еще о цѣломъ рядѣ интересныхъ явленій русской жизни за 1862 годъ. Тутъ и дѣло тверскихъ помѣщиковъ, попавшихъ въ крѣпость за протестъ противъ положенія 19-го февраля 1861 года; и полемика объ уничтоженіи дворянскаго сословія, поднятая Ив. Аксаковымъ; и толки объ усиленіи роли православнаго духовенства, между прочимъ, о назначеніи архіереевъ въ государственный совѣтъ, чему воспротивился и оберъ-прокуроръ синода, и московскій митрополитъ Филаретъ. Тутъ и появленіе въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей» Тургенева, и ссора Герцена съ Тургеневымъ, и полемика Каткова съ Герценомъ, и празднованіе тысячелѣтія Россіи, и основаніе «Голоса» и преобразованіе «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и записка кн. Барятинскаго о возстановленіи независимой Польши и о перенесеніи столицы въ Кіевъ. На ряду съ важнымъ и интереснымъ много въ книгѣ и мелочей, напримѣръ, вступленіе на каѳедру проф. Юркевича, выходъ въ свѣтъ «Неизданныхъ сочиненій и переписки Карамзина», переселеніе кн. Одоевскаго въ Москву и пр. Многіе изъ вопросовъ, затронутыхъ г. Барсуковомъ, преимущественно изъ области цензуры и журналистики, болѣе основательно и безпристрастно разсмотрѣны въ книгѣ г. Лемке «Эпоха цензурныхъ реформъ» и въ статьяхъ г. Батуринскаго, вошедшихъ въ книгу «Герценъ, его друзья и знакомые». Иключительно по однимъ этимъ статьямъ написаны цѣлыя главы въ новой книгѣ г. Барсукова. Что касается книги г. Лемке, то біографъ Погодина не могъ или не счелъ нужнымъ воспользоваться собраннымъ въ ней богатымъ матеріаломъ. Вообще, безпристрастіе по отношенію къ несимпатичнымъ личностямъ и явленіямъ не принадлежитъ къ числу добродѣтелей г Барсукова. Хотя онъ и выражаетъ желаніе слѣдовать народной мудрости: «говорить по волку, говорить и на волка», но далеко не всегда придерживается этого золотого правила, такъ необходимаго для историка, и тѣмъ паче для лѣтописца. Такъ, напримѣръ, арестъ Чернышевскаго вызвалъ, какъ извѣстно, сильное возбужденіе даже и среди нерадикальныхъ круговъ, а г. Барсуковъ ограничился по этому поводу сообщеніемъ только ругани на несчастнаго писателя съ придачей разныхъ сплетенъ (см. стр. 387).

Что касается Погодина, то, несмотря на все его желаніе погрузиться въ исторію древней Руси и найти тамъ отдыхъ и успокоеніе «отъ нелѣпостей ежедневныхъ», онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подаетъ свой голосъ, хотя не всегда удачно и умѣстно. По поводу дворянскихъ дебатовъ онъ пишетъ крѣпостнику Безобразову, что всякое возвращеніе назадъ «и дерзко, и опасно», что «дворянская грамота износилась и обветшала» и должна быть замѣнена «всероссійской грамотой» (стр. 10—12). Подъ вліяніемъ волненій среди учащейся молодежи онъ даетъ министру народнаго просвѣщенія совѣты не полагаться на одни циркуляры и призвать на помощь общество (стр. 157). Сдѣлавъ путешествіе на Уралъ для осмотра собственнаго завода (вскорѣ лопнувшаго и поглотившаго весь его капиталъ), Погодинъ пишетъ замѣтки о русскихъ заводахъ, о дорожныхъ порядкахъ и т. д. Не забываетъ Погодинъ и своего излюбленнаго вопроса о свободѣ печати. «Въ настоящемъ нашемъ положеніи,—писалъ онъ Новикову,—всего нужнѣе свободная искренняя рѣчь; съ языка должно намъ снять всѣ типуны, насѣвшіе и насаженные на него

съ незапамятныхъ временъ. Только при этомъ условіи, можетъ быть, договоримся мы до чего-нибудь истинно путнаго, полезнаго и для насъ нужнаго» (стр. 16). «Безъ этой свободы печати,—доказывалъ Погодинъ министру народнаго просвѣщенія,—начальникъ какой-нибудь пермской или оренбургской, архангельской губерніи, не только сибирскій, кавказскій, есть такой деспотъ, какимъ никогда и не думалъ быть императоръ Николай Павловичъ, и злоупотребленій, даже нелѣпостей его, правительство иногда не узнаетъ до второго пришествія. Свободною печатью обуздается непремѣнно произволъ, и свободная печать принесетъ правительству въ этомъ отношеніи пользы гораздо больше тайной полиціи, которая до сихъ поръ ничего не узнавала (стр. 420).

Но рядомъ съ здравыми и дѣльными мыслями и разсужденіями въ погодинскихъ писаніяхъ 1862 года встрѣчаются разнаго рода нелѣпости и курьезы. По поводу петербургскихъ пожаровъ онъ написалъ статью, въ которой не задумался, подобно Лѣскову, обвинить въ поджогахъ студентовъ. Раздумавшись о судьбахъ русскаго народа, онъ изрекъ нижеслѣдующее глубокомысленное слово: «Не предоставлять народъ самому себѣ, а воспитывать его, разумѣется, не такъ, какъ онъ воспитывался прежде,—вотъ что намъ нужно, а какъ воспитывать, это мы узнаемъ, какъ сами воспитаемся» (стр. 370). Коснувшись вопроса о томъ, что сибирякамъ нужно «правильное ученіе», Погодинъ не забылъ прибавить: «Оборони ихъ Богъ отъ критики Бѣлинскаго, христоматій Галахова и диссертацій Чернышевскаго, отъ всей этой дребедени, которая завладѣла... почти всѣми гимназіями по сю сторону Урала» (стр. 370). Вообще, Погодинъ и въ новой книгѣ его біографіи очень часто является въ комическомъ свѣтѣ. Смѣшонъ онъ, когда вообразилъ, что Герценъ, прочитавъ ругань Каткова, «того и гляди махнетъ къ намъ сюда, да еще прямо въ Соловки» (стр. 194). Смѣшонъ онъ, когда, явившись въ бородѣ на придворный балъ, «отъ царя спрятался, потому что бородъ (было) мало» (стр. 483). Нельзя не улыбнуться, читая и такую запись въ дневникѣ Погодина: «Опять нужда. Деньги подбираются. Не знаю, что и дѣлать? Не вступить ли въ службу, но министерствомъ управлять не зовутъ!» (стр. 289). А сколько комизма въ дорожномъ дневникѣ и въ дорожныхъ замѣткахъ Погодина! Посѣтивъ въ Сарапулѣ тюрьму, онъ обращается къ татарамъ-конокрадамъ съ назидательнымъ словомъ. Пострадавъ во время путешествія отъ клоповъ, онъ предлагаетъ фельетонистамъ «растолковать добрымъ людямъ, что клопы водятся отъ нечистоты, что ихъ надо искоренить и что это нужно прежде многаго другого» (стр. 331). Можно сказать, что по отношенію къ своему герою г. Барсуковъ безпристрастенъ вполнѣ. Жаль только, что нѣкоторые факты изъ біографіи Погодина не вполнѣ выяснены. Интересно бы знать, напримѣръ, было ли послано имъ къ Головнину письмо, оканчивающееся словами: «нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете своего положенія и совершенно не годитесь быть министромъ просвѣщенія» (стр. 422).

Въ числѣ вновь опубликованныхъ писемъ къ Погодину въ XIX томѣ нѣтъ особенно цѣнныхъ и выдающихся, но нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, напримѣръ, письма Ивана Аксакова, Белюстина, Бестужева-Рюмина, Еленева, Кошелева, Краевскаго, Крузе, Куника, Мельникова и др. Интересно отношеніе Ив. Аксакова къ полемикѣ Каткова съ Герценомъ. «Катковъ, по мнѣнію Аксакова, не правъ во многомъ относительно Герцена: все-таки это благороднѣйшее и симпатичное лицо; Катковъ грубъ и дерзокъ донельзя. Но во многомъ онъ и правъ: такъ выходитъ, и потому статья для Герцена убійственна. На мѣстѣ Каткова слѣдовало бы, однако-жъ, нападая на Герцена, дать туза два-три правительству, чтобы оно не слишкомъ радовалось низверженію своего обличителя» (стр. 190). Неодобрительно отзывается о Катковѣ и «благодѣтельный цензоръ» Крузе, находя, что «тонъ его изданія становится

высокомѣренъ до крайности и потому часто неприличенъ и оскорбляетъ самаго безпристрастнаго читателя» (стр. 457). А въ это время Катковъ не издавалъ еще «Московскихъ Вѣдомостей»! Заслуживаетъ вниманія и ненапечатанная въ свое время статья Аксакова о тысячелѣтіи Россіи, извлеченная г. Барсуковымъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Характерны для Аксакова такія заявленія въ этой статьѣ: «Намъ нечѣмъ превозноситься и радоваться. Итогъ нашего тысячелѣтія скуденъ благими даяніями человѣчеству... На таланты наши, обильно отпущенные намъ отъ Бога, не принесли мы ни единаго таланта, и едва ли не зарыли ихъ въ землю. Съ уваженіемъ должны мы взглянуть на западные народы, которымъ дано едва ли не менѣе, чѣмъ намъ, непосредственныхъ даровъ духа, но которые врученные имъ таланты умножили сторицею, подвизаясь въ непрерывной работѣ» (стр. 284).

С. Ашевскій.

Н. Я. Стечькинъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. Названная брошюра лишь по недоразумѣнію можетъ быть сочтена за литературный очеркъ: авторъ, прикрываясь будто бы литературными цѣлями, просто «учиняетъ искъ» противъ знаменитаго писателя, почти что ставя ему въ укоръ даже распространенность его произведеній. Заканчиваетъ г. Стечькинъ форменнымъ обвинительнымъ актомъ, съ соблюденіемъ стиля прокурорскаго акта: «Я смѣло, какъ гражданинъ земли русской, какъ членъ русскаго общества, какъ вѣрноподанный русскаго Царя, какъ православный христіанинъ,—обвиняю Алексѣя Максимовича Пѣшкова, печатающаго свои сочиненія подъ именемъ «Максима Горькаго», въ томъ, что, злоупотребляя талантомъ писателя, ему отъ Бога даннымъ, онъ въ рядѣ сочиненій, *по заранѣе обдуманному плану, лично, или по порученію и подговору другихъ лицъ* (курсивъ нашъ), послѣдовательно развращалъ читателей. Въ томъ, что отребье общества, горючій матеріалъ возможнаго общаго бунта, онъ возвелъ въ идеалъ и требуетъ образованія и признанія особеннаго класса босяковъ. Въ томъ, что, подрываясь подъ основы нравственности, религіи» и т. д., и т. д. слѣдуютъ полторы страницы обвинительныхъ пунктовъ. Критикъ-прокуроръ не останавливается даже передъ обвиненіемъ въ томъ, что авторъ прибѣгаетъ къ «противоставленію грязной внѣшности, кровавыхъ намѣреній съ возвышеннымъ порывомъ» (Емельянъ Пиляй), хотя снисходительно признаетъ, что «какъ бы низко ни палъ человѣкъ, онъ свойствъ человѣческихъ никогда не лишается вполнѣ. Это всѣ знаютъ» (69). Знаетъ это и г. Стечькинъ и тѣмъ не менѣе негодуетъ, что «Горькій партію выигралъ» (70), выставляя такіе случаи, и читатели могутъ принять «бутафорію за чистую монету».

Вопросъ не только въ пріемахъ композиціи (достоинства и недостатки произведеній М. Горькаго съ чисто художественной стороны не разъ были указаны, и г. Стечькинъ ничего новаго въ ихъ оцѣнкѣ не внесъ), а именно, какъ сознается авторъ, въ изобличеніи, причемъ онъ въ грубо-откровенной формѣ заявляетъ, что въ Максимѣ Горькомъ онъ видитъ «дѣятеля съ стремленіями не лучшими, чѣмъ стремленія бѣглаго каторжника Емельки Пугачева» (259). Это уже совсѣмъ неожиданно: какъ ни какъ, рѣчь до сихъ поръ шла о *писателѣ*, а теперь уже вмѣсто писателя подставляется *дѣятель*, которому приписываются монархическія стремленія съ цѣлью узурпаціи правъ на династію... Изобличенія критика-прокурора невольно вызываютъ въ памяти разсказъ Чехова объ унтерѣ Пришибеевѣ, который оскорбилъ «словами и дѣйствіями» (до дѣйствій, впрочемъ, г. Стечькинъ, кажется, еще не доходилъ) урядника, волостного старшину, сотскаго, понятыхъ и нѣсколькихъ крестьянъ «изъ-за, царство ему небесное, мертваго трупа». «Стоитъ на берегу куча разнаго народа людей. По какому полному праву тутъ народъ собрался?» И

дальше: «Гдѣ это въ законѣ написано, чтобъ народу волю давать? Я не могу дозволять-съ?». И Пришибеевъ не дозволялъ и даже урядника побилъ «по причинѣ неблагонадежнаго поведенія». Вотъ и г. Стечькинъ не желаетъ дозволить писателю имѣть свою точку зрѣнія, хотя бы то, въ чемъ онъ обвиняетъ Максима Горькаго, роднило послѣдняго со многими независимыми художниками-мыслителями, съ Викторомъ Гюго и съ Шиллеромъ, и съ Байрономъ, и др., независимо отъ объема и степени обработки таланта, и что, вообще, къ писателю нужно подходить, прежде всего, съ критеріемъ литературной критики, а не въ качествѣ прокурора, ошибочно смѣшивая свободную область духа, выражающагося въ произведеніяхъ художественнаго творчества и самодовлѣющей мысли, съ «политическими словами», за которыя унтеръ Пришибеевъ хотѣлъ привлечь урядника къ «уголовной и гражданской» отвѣтственности. Пришибеевъ, въ своемъ усердіи, запрещалъ и пѣсни пѣть, ибо, по его мнѣнію, «что хорошаго въ пѣсняхъ-то? Вмѣсто того, чтобы дѣломъ какимъ заняться, они пѣсни... А еще тоже моду взяли вечера съ огнемъ сидѣть. Нужно спать ложиться, а у нихъ разговоры да смѣхи. У меня записано-съ!» У г-на Стечькина, повидимому, тоже «записано-съ»... *Ѳ. Б.*

Гуго Риманъ. Музыкальный Словарь. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія Б. Юргенсона, дополненный русскомъ отдѣломъ, составленнымъ при сотрудничествѣ П. Веймарна, В. Преображенскаго, Н. Финдейзена, Ю. Энгеля. Б. Юргенсона и др. Переводъ и всѣ дополненія подъ редакціей Ю. Энгеля. Изд. Юргенсона. Москва. 1904 г. Цѣна 8 р. (въ переплетѣ). 1531 страница убористой печати въ 2 столбца. Словарь Римана является очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ не только для лицъ, занимающихся спеціально музыкой, но и для каждаго любителя. Этотъ словарь содержитъ въ себѣ объясненіе всѣхъ музыкальныхъ терминовъ и основныхъ музыкальныхъ понятій; важнѣйшія свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ теоріи музыки; біографіи и характеристики почти всѣхъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей, и подробную библіографію. Съ 1882 года этотъ словарь имѣлъ на нѣмецкомъ языкѣ уже 5 изданій, теперь выходитъ шестое, и переведенъ на англійскій, французскій и датскій языки. Особое значеніе имѣетъ этотъ словарь въ русской музыкальной литературѣ, потому что въ ней онъ является единственнымъ не только по объему, но и по содержанію. Наши маленькіе словари (Гарроса, Перепелицына) по своей неполнотѣ и исключительно біографическому характеру ни въ какой степени не идутъ въ сравненіе со словаремъ Римана. Достоинство и значеніе этого словаря съ точки зрѣнія помѣщенныхъ въ немъ теоретическихъ свѣдѣній гарантируются именемъ автора, который извѣстенъ въ музыкальной литературѣ многими самостоятельными и цѣнными трудами по теоріи и исторіи музыки.

Риманъ родился въ 1849 году, общее образованіе получилъ въ германскихъ университетахъ (право, философія, исторія), музыкальное образованіе въ лейпцигской консерваторіи; читаетъ лекціи по исторіи музыки въ лейпцигскомъ университетѣ. Нѣсколько музыкальныхъ композицій Римана не имѣютъ значенія.

Для насъ въ русскомъ изданіи словаря особенно цѣнны статьи, касающіяся русской музыки. Именно этотъ отдѣлъ, наиболѣе слабый въ подлинникѣ, очень дополненъ, или, вѣрнѣе, вновь составленъ и притомъ довольно полно въ русскомъ переводѣ, и это является крупной заслугой редактора. Можно упрекнуть, пожалуй, составителей статей въ нѣкоторомъ пристрастіи къ мелочамъ, неинтереснымъ въ словарѣ, и только напрасно увеличившимъ объемъ книги и ея стоимость (на 2 р. дороже подлинника), но это была бы уже придирка.

Викторъ Вальтеръ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи.—*Еллинекъ.* Декларація правъ человѣка и гражданина.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Переводъ дополненный по 6 англійскому изданію О. В. Полторацкой. Подъ редакціей П. Г. Виноградова. Москва. 1905 г. Ц. 2 р. Стр. 658. Въ наше время знакомство съ основами конституціоннаго права рѣшительно становится насущною необходимостью для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Поэтому книга Дайси, одна изъ наилучшихъ работъ по англійской конституціи, навѣрное можетъ разсчитывать на весьма сочувственный пріемъ, тѣмъ болѣе, что является въ хорошемъ переводѣ и съ весьма интересною вводною статьею проф. П. Г. Виноградова. Проф. Виноградовъ правильно отмѣчаетъ въ своей статьѣ, что напрасно было бы пытаться пріурочить міровоззрѣніе Дайси къ исповѣданію какой-либо опредѣленной партіи, хотя, прежде всего, онъ убѣжденный сторонникъ широкой демократизаціи общества. «Иногда мы наталкиваемся на мысли, которыя внушены, повидимому, самымъ явнымъ радикализмомъ. Такъ, Дайси развиваетъ мысль, что великимъ несчастіемъ для всякой страны является искусственное подавленіе ея революціонныхъ движеній постороннею силою. Вмѣсто того, чтобы высказаться вполнѣ и разрѣшить такъ или иначе свои споры, противныя стороны подавляются извнѣ и въ то же время остаются въ постоянномъ противорѣчіи и раздраженіи другъ противъ друга, изъ котораго вытекаетъ, разумѣется, безпорядокъ и общее недовольство. Но рядомъ съ этимъ являются мнѣнія, отъ которыхъ многіе либералы сочтутъ долгомъ отстраниться». Дайси оригиналенъ, тонокъ, остроуменъ, поражаетъ блескомъ изложенія, независимостью сужденій и строжайшимъ анализомъ. Конечно, онъ прежде всего и больше всего юристъ, или, вѣрнѣе, юридическій критикъ, а не историкъ, и поэтому читать его книгу сплошь, не отрываясь, нѣсколько трудно, ибо читатель постоянно долженъ связывать всѣ мысли автора, предъ нимъ развертывающіяся, съ отправною точкою, съ тѣмъ общимъ юридическимъ воззрѣніемъ, которое служитъ автору пробнымъ камнемъ при анализѣ тѣхъ или иныхъ доктринъ.

Дайси не задается цѣлью сдѣлать то, что сдѣлалъ хотя бы, напримѣръ, Бэджготъ, давшій систематическое истолкованіе функцій и органовъ англійскаго парламента въ своей небольшой, но интересной книгѣ («The english constitution»), или что еще лучше сдѣлалъ Франкевиль въ своемъ трехтомномъ трудѣ о британскомъ правительствѣ. Дайси задался другою, болѣе сложною, болѣе философски-обобщительною цѣлью: онъ захотѣлъ уловить внутренній смыслъ, *душу* англійскаго государственнаго права, указать на то особенное, самобытное, что такъ рѣзко отличаетъ англійскую «неписанную» конституцію отъ континентальныхъ конституцій, приведенныхъ въ стройныя системы, разбитыхъ на параграфы, изложенныхъ классически-правильною прозою. Ибо уже съ того начинается разительное отличіе, что англійской конституціи, какъ особаго документа, особаго основного закона, вовсе *не существуетъ.* Но внутренній смыслъ, *философія* англійскаго государственнаго устройства, вскрывается Дайси такъ ярко, что его книга, оставаясь произведеніемъ юриста, можетъ дать нѣкоторыя указанія даже человѣку, не знакомому ни съ Стэбсомъ, ни съ Галламомъ, ни съ Гардинеромъ, ни съ Маколеемъ, въ чемъ именно коренная разница между историческимъ процессомъ, прожитымъ Англіею, и историческимъ ходомъ событій въ другихъ странахъ Европы, хотя, конечно, только чтеніе историковъ вполнѣ разносторонне эту разницу выяснитъ.

Изъ указываемыхъ Дайси основныхъ принциповъ англійскаго государствен-

наго строя остановимся на двухъ: верховенствѣ парламента и универсальномъ господствѣ правового начала въ англійской государственной жизни. Дайси настаиваетъ на томъ, что, въ противоположность другимъ парламентамъ, великобританскій парламентъ имѣетъ совершенно ничѣмъ неограниченную законную власть надъ всѣми безъ исключенія учрежденіями и законами страны и можетъ ихъ измѣнять, уничтожать и создавать по собственному желанію, посредствомъ законныхъ формъ своего волеизъявленія. «Онъ можетъ сдѣлать все, что не невозможно физически». «Такъ какъ парламентъ есть верховный судъ, который не можетъ подлежать никакой отвѣтственности, то если бы какимъ-нибудь образомъ онъ сталъ дурно управлять, подданые королевства не имѣли бы противъ этого никакихъ средствъ защиты». «Основной принципъ англійскихъ юристовъ состоитъ въ томъ, что парламентъ можетъ все сдѣлать: онъ не можетъ только превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину».

Эти взгляды юристовъ, по мнѣнію Дайси, на самомъ дѣлѣ правильно резюмируютъ фактическія отношенія, существующія въ Англіи. Наиболѣе же характерный признакъ верховенства парламента заключается въ томъ, что англійское государственное право не знаетъ никакой разницы между законами, касающимися конституціоннаго устройства, и законами обыкновенными. Никакихъ «основныхъ» законовъ англійскій строй не признаетъ и нигдѣ о нихъ не говорится, слѣдовательно, англійскій парламентъ, если ему угодно, можетъ своими постановленіями совершенно измѣнить всѣ правила и порядки англійской конституціи.

Въ этомъ рѣшительное различіе между Англіей, съ одной стороны, и Франціей, Соединенными Штатами, Бельгіей и т. д. съ другой стороны. «Неподатливыя» конституціи (rigid constitutions) этихъ странъ тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ законовъ, что ихъ *нельзя* измѣнить въ общемъ законодательномъ порядкѣ, а требуются особыя формы, особая процедура со спеціальными формальностями, особыя требованія относительно того, что считать законнымъ большинствомъ голосовъ; въ Англіи же обыкновенный вотумъ парламента, состоявшійся въ обыденныхъ формахъ и вошедшій въ законную силу, пройдя чрезъ обыденную парламентскую процедуру, можетъ кореннымъ образомъ измѣнить самыя старыя, самыя крупныя части англійской конституціи, напр., можетъ уничтожить палату лордовъ съ такою же безпрепятственностью, какъ ввести новый налогъ на спички. Въ этомъ едва ли не наиболѣе характерный признакъ суверенитета англійскаго парламента. Всякій актъ парламента законенъ, т.-е. пользуется судебною защитою, и никакому англійскому суду въ голову не придетъ оспаривать законность парламентскихъ актовъ, тогда какъ, напр., въ Америкѣ, судъ является верховною и окончательною инстанціею при вопросахъ о законности или незаконности актовъ законодательства, о согласіи или несогласіи ихъ съ конституціей. Возможность для парламента, дѣйствующаго обычнымъ путемъ, въ любой моментъ измѣнить, отмѣнить или создать *всякій* законъ, чего бы онъ ни касался, отсутствіе права у какого бы то ни было учрежденія оспаривать законность парламентскихъ актовъ,— все это самодержавное верховенство парламента и составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей англійскаго государственнаго строя.

Другая особенность, которая развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ проявляется въ подобныхъ размѣрахъ,—это господство права. Вотъ какого рода значеніе придаетъ Дайси этому термину. Прежде всего, въ Англіи «никто не можетъ быть наказанъ и поплатиться лично или своимъ состояніемъ иначе, какъ за опредѣленное нарушеніе закона, доказанное обычнымъ законнымъ способомъ передъ обыкновенными судами страны. Въ этомъ смыслѣ господство права представляетъ контрастъ со всякой правительственной системой, основанной на примѣненіи правительственными лицами широкой

и произвольной принудительной власти». Далѣе, въ Англіи «нѣтъ никого, кто былъ бы выше закона», и всякій человѣкъ, «каково бы ни было его званіе и положеніе, подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ». Наконецъ, самая характерная для Англіи черта господства права заключается въ томъ, что наиболѣе драгоцѣнныя права англійскихъ гражданъ покоятся на судебной ихъ защитѣ отъ всякихъ посягательствъ, причемъ доступъ къ суду легокъ рѣшительно для всякаго, кто чувствуетъ свое право нарушеннымъ любою властью. Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ правъ (напр., право свободы личности или право митинговъ) «являются въ Англіи результатомъ судебныхъ рѣшеній, опредѣляющихъ права частныхъ лицъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ представляемыхъ на рѣшеніе судовъ».

Иностранныя конституціи часто и торжественно провозглашали общіе принципы установляли общіе принципы, объявляли ихъ нерушимыми во вѣкивѣковъ, но весьма недостаточно заботились о способахъ, какъ любой гражданинъ могъ бы осуществить эти свои права, какъ облегчить судебную защиту этихъ правъ, какъ отрѣзать большимъ и малымъ н асильникамъ путькъ уклоненію отъ законной отвѣтственности? Англійскіе же законы именно обо всемъ этомъ и заботились; вотъ почему прочное господство права такъ ярко характеризуетъ Англію, такъ рѣшительно внѣдрилось въ общественное сознаніе. Блестящее сравненіе законовъ о свободѣ печати въ континентальной Европѣ съ *отсутствіемъ* такихъ законовъ въ Англіи удивительно отчетливо иллюстрируетъ эти мысли Дайси: господство общаго права, лучше всего обезпечивающее политическую свободу, выступаетъ здѣсь вполнѣ ясно.

Отсылая нашихъ читателей къ этому высоко-талантливому и живо написанному труду, соединяющему глубину содержанія съ блескомъ и остроуміемъ изложенія, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать лишь одну оговорку. Названіе, данное своему труду самимъ Дайси, точнѣе, нежели то, которое усвоено русскимъ переводомъ. Книга Дайси—огромное и высоко-полезное *введеніе* въ изученіе конституціи, она даетъ прочный базисъ для пониманія духа англійскаго государственнаго права, но останавливается именно въ преддверіи,—предъ изученіемъ основъ парламентской жизни и дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ уже упомянутая нами содержательная (хотя и далеко не такая глубокая и блестящая, какъ Дайси) работа Бэджгота могла бы съ большимъ основаніемъ претендовать на названіе книги объ основахъ государственнаго права Англіи. Если по прочтеніи Дайси наши читатели перейдутъ хотя бы къ Бэджготу,— тогда, по прочтеніи этихъ *обѣихъ* книгъ, они, дѣйствительно, ознакомятся съ *основами* англійской государственности. Конечно, не всѣ вопросы, которые у нихъ возникнутъ при этомъ чтеніи, будутъ названными дувмя авторами удовлетворены. Ни Дайси, ни Бэджготъ и не претендуетъ, напримѣръ, на историческій, ретроспективный обзоръ англійскихъ конституціонныхъ законовъ и соглашеній; но менѣе, нежели гдѣ-либо, тутъ можно обойтись безъ исторіи, а поэтому естественная дорога, пролагаемая даже среднею любознательностью читателя, поведетъ его отъ конституціоналистовъ - юристовъ, къ историкамъ англійскаго парламента и англійскаго законодательства. Да не смутится поэтому читатель нѣсколько какъ бы излишне-легкимъ и хлесткимъ тономъ, который считаетъ умѣстнымъ допустить Дайси, когда говоритъ объ увлеченіи историзмомъ при изученіи конституціи (ср., напр., стр. 15, 16, 17, 18, 19). Безъ Стэбса и Фримэна, о которыхъ онъ говоритъ съ такой веселой ироніей (сдабривая ее, впрочемъ, комплиментами), безъ ихъ предшественниковъ и преемниковъ едва ли читатели Дайси могли бы удовлетворить своей естественной любознательности, возбуждаемой чтеніемъ его превосходной книги,— а быть можетъ едва ли и онъ самъ могъ бы такъ удачно выполнить свою работу.

Е. Т.

Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. Э. Вормса. Москва. 1905. Стр. 81. Цѣна 40 коп. Книжка Еллинека—одно изъ полезныхъ пособій для изученія вопроса о литературныхъ источникахъ знаменитой французской деклараціи 1789 г. Еллинекъ держится того мнѣнія, что эти источники въ деклараціяхъ отдѣльныхъ собраній Штатовъ, составившихъ великую сѣверо-американскую республику. Это мнѣніе имѣетъ за себя многое и подкрѣпляется весьма убѣдительными сличеніями текстовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибочно поступитъ тотъ читатель, который, ознакомившись съ книжкою Еллинека, этимъ и ограничится и сочтетъ это достаточнымъ для пониманія историческаго смысла названнаго документа. Во-первыхъ, основныя исторіософическія воззрѣнія Еллинека въ достаточной мѣрѣ архаичны. «Современный французскій парламентъ англійскаго происхожденія, и все же онъ весьма отличенъ отъ своего прообраза. Но какъ достовѣрно, что, не будь парламента въ Англіи, не было бы парламентарной Франціи, то столь же достовѣрно, что, не будь американскихъ bills of rights, французы не прозгласили бы правъ человѣка и гражданина». Все это читаемъ на стр. 33. Эти сослагательныя наклоненія (на тему—что было бы, если бы того-то не было) уже сами по себѣ неисторичны и никогда ничего не вносятъ, кромѣ бóльшаго или меньшаго затемнѣнія вопроса; но говорить еще при этихъ гаданіяхъ о «достовѣрности», звучитъ уже совершеннымъ курьезомъ. Тутъ же, вдобавокъ, еще и мысль проведена—прямо удивительная и непонятная подъ перомъ такого серьезнаго ученаго: выходитъ, что не французскія историческія условія создали «парламентарную Францію», а... существованіе англійскаго парламента, идея коего была французами лишь «примѣнена къ своимъ національнымъ особенностямъ».

Подобно Дайси, Еллинекъ слишкомъ юристъ и историческое мышленіе у него подавлено юридическими «привычками мысли». А эти «habits of thought», привычки мысли—вещь довольно опасная именно въ силу односторонности. Еще, напр., у глубокаго и блестящаго Дайси это незамѣтно и выкупается свѣжестью и оригинальностью воззрѣній, а у Еллинека, котораго никто относительно этихъ качествъ съ Дайси сравнивать не возьмется, отсутствіе ясной исторической перспективы довольно сильно бросается въ глаза. Онъ все время какъ будто съ нѣкимъ торжествомъ «ловитъ», такъ сказать, Учредительное Собраніе 1789 г. на «плагіатѣ» и такъ увлекается этимъ занятіемъ, что историческая обстановка, при которой прошла декларація правъ—исчезаетъ почти вовсе изъ читательскаго кругозора. Не воздержался также гейдельбергскій ученый и отъ того, чтобы не почтить упоминаніемъ «древне-германское воззрѣніе на государство», и именно тамъ, гдѣ это совершенно не относилось къ дѣлу. Англійскіе юристы всегда признавали юридическое верховенство парламента Англіи *во всѣхъ* вопросахъ государственнаго бытія, отношенія личности къ государству и т. д. Это—одинъ изъ догматовъ англійскаго государственнаго права. Еллинекъ, конечно, это знаетъ, но вотъ что онъ изъ этого дѣлаетъ: «Несмотря на *формальное всемогущество* государства, *въ самыхъ важныхъ и основныхъ законахъ признается и устанавливается граница, которой оно не должно* нарушать. Въ этихъ положеніяхъ, *правда, лишенныхъ юридическаго значенія,* проявляется древне-германское воззрѣніе на государство, за которымъ признается только ограниченная власть». Въ этой запутанной и явно противорѣчивой фразѣ (просимъ хотя бы сопоставить подчеркнутыя нами слова) Еллинекъ желаетъ и отъ категорически подтвержденнаго факта (безграничнаго de jure суверенитета парламента) не уклониться, и какъ-то притянуть сюда «древне-германское воззрѣніе», почему и получается какая-то «граница, которую государство *не должно* нарушать», но

лишенная «юридической силы»... Еллинекъ пишетъ всегда ясно, когда ему не нужно стараться согласовать несогласуемое.

Все это тѣмъ болѣе излишне, что то тамъ, то сямъ авторъ бросаетъ сентенціи правильныя, напр. что «какой бы отвлеченной ни казалась теорія, нельзя допустить, чтобы она развивалась внѣ связи съ историческими условіями» и т. д. Жаль только, что на практикѣ онъ забываетъ иногда примѣнить эти сентенціи къ дѣлу. Оларъ, Жоресъ, чтобы назвать лишь новѣйшія общія работы по исторіи революціи, даютъ гораздо болѣе цѣльное и научно-разносторонее понятіе о «Деклараціи» и ея происхожденіи, нежели Еллинекъ, несмотря на всѣ достоинства книжки послѣдняго. А достоинства эти—несомнѣнны: во первыхъ, повторяемъ, хотя и слишкомъ рискованно отброшены прочь соображенія о вліяніи французской политической литературы XVIII вѣка, чего не случилось бы, если бы авторъ ставилъ вопросъ не только о томъ, *какая именно* статья американскихъ декларацій взята французами, но и *почему* она взята ими и *почему* всѣ онѣ взяты ими); вовторыхъ,—и это самая цѣнная, самая полезная часть работы,—подчеркнуто огромное значеніе идей англійскаго реформаціонно-революціоннаго XVIII-го столѣтія для развитія освободительнаго умственнаго движенія и въ Америкѣ, и въ Европѣ въ XVIII-мъ столѣтіи. Еллинекъ весьма удачно, въ сжатой и ясной формѣ передаетъ сущность этихъ идей XVII-го вѣка и излагаетъ факты, относящіеся къ ихъ исторіи. Эти страницы восполняютъ тотъ пробѣлъ, который слишкомъ часто допускается историками революціонной эпохи во Франціи и освободительнаго умственнаго движенія въ Европѣ XVIII-го вѣка. *Т.*

ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА.

П. П. Мигулинъ. „Война и наши финансы".—„Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза".

П. П. Мигулинъ. Война и наши финансы. Харьковъ, 1905 Читающая публика знаетъ хорошо, какую позицію въ этомъ жгучемъ вопросѣ занимаетъ г. Мигулинъ: можно съ увѣренностью сказать, что извѣстность харьковскаго профессора создана не столько его многотомнымъ сочиненіемъ о русскомъ государственномъ кредитѣ, сколько газетными статьями, рисующими передъ нашей обездоленной родиной блестящія завоевательныя перспективы. Конечно, «витійство» г. Мигулина не осталось безъ отвѣтовъ, и подчасъ весьма ѣдкихъ; чтобы поразить враговъ въ самое сердце, профессоръ рѣшилъ собрать воедино свои замѣтки и выпустить толстой книжкой. «Все существенное въ книгѣ оставлено совершенно безъ измѣненій, какъ было напечатано первоначально, сдѣланы только нѣкоторыя, вызванныя ходомъ событій, дополненія (преимущественно) прибавимъ отъ себя, по части междометій—увы!), да многое рѣзче и прямѣе отмѣчено, что неудобно было отмѣтить въ газетѣ» (стр. IV).

Авторъ — горячій «патріотъ»: онъ съ содраганіемъ говоритъ о «сотняхъ милліоновъ рублей денегъ и десяткахъ тысячъ человѣческихъ жизней», погибшихъ на Дальнемъ Востокѣ; но, содрагаясь и признавая нищету русскаго народа, онъ требуетъ отъ него мужества, дабы были выполнены «историческія задачи государства». Охъ ужъ этотъ «духъ исторіи» и ея законы! Чего-чего нельзя напичкать въ эту пустую, безсодержательную формулу... Такъ нѣтъ же: предъ духовными очами профессора носятся картины иного характера: «укрѣпленіе Россіи на побережьяхъ Тихаго Океана, достиженіе выхода

къ Индійскому Океану, установленіе твердой естественной границы съ Китаемъ» (стр. IV).

Россіи нуженъ земельный фондъ для «избытучествующаго» населенія европейскихъ губерній, такъ какъ-де намъ еще долго суждено вести экстенсивное земледѣліе для держанія хлѣбныхъ цѣнъ на низкомъ уровнѣ и возможности сплава хлѣба за границу. Что населеніе у насъ, въ извѣстномъ смыслѣ, «избытучествуетъ», это—вѣрно, но что земельный фондъ надо искать у монголовъ, съ этимъ врядъ ли можетъ согласиться человѣкъ, мыслящій реалистически, а не витающій въ области политическихъ фантасмагорій. Земельную нужду крестьянства придется все равно лечить на мѣстѣ и, кто знаетъ, можетъ быть, найдется и «достаточный земельный фондъ» для этой цѣли. А если центръ тяжести русской экономической политики рѣшительно перемѣстится въ сторону охраны интересовъ труда, то, съ Божьей помощью, мы и станемъ на путь нормальнаго экономическаго развитія. Но у г. Мигулина «широкая» душа: въ своей книжкѣ онъ преподаетъ на благо родины уроки международной политики, указываетъ, какъ мы можемъ мѣтко сразить коварнаго англичанина, двинувъ войска къ Персіи и Афганистану... Положительно становится жаль, что такой политическій талантъ гибнетъ втуне; будемъ надѣяться, что благодарные россіяне современемъ оцѣнятъ «гражданское мужество» почтеннаго профессора и поручатъ ему руководительство внѣшней политикой. Мы позволяемъ себѣ такъ высоко цѣнить заслуги г. Мигулина, что онъ и самъ, несмотря на присущую ему скромность, не прочь принять титулъ «россійскаго Чемберлена». «Авторъ за высказанныя имъ идеи довольно единодушно названъ «имперіалистомъ», создателемъ нарождающейся у насъ партіи имперіализма, подобно англійскому и германскому. Попутно не могли не побранить слегка Чемберлена, императора Вильгельма II и Рузвельта. Для автора слишкомъ много чести. Но, вѣдь, съ имперіализмомъ надо считаться какъ съ фактомъ». (VI),.. Мы, пожалуй, также склонны думать, что профессору Мигулину воздается слишкомъ много чести: можно было бы указать изрядное количество именъ весьма сановитыхъ лицъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія имперіализма (конечно, россійскаго), но, очевидно, авторъ считаетъ себя далеко не послѣднимъ въ ихъ спискѣ.

Можетъ быть, однако читатель подумаетъ, что авторъ—врагъ «внутреннихъ реформъ», которыхъ требуетъ Россія; нѣтъ, онъ—горячій ихъ сторонникъ и убѣжденъ, что только проектируемый имъ имперіализмъ даетъ прочную почву для ихъ проведенія. Аргументація автора настолько интересна и своеобразна, что мы позволимъ себѣ привести ее цѣликомъ (вообще, профессоръ очень обидчивъ и настойчиво, во имя свободы слова, требуетъ *уваженія* къ своему мнѣнію; также довольно любопытная игра словами): «Авторъ... глубоко убѣжденъ, что радикальныя реформы будутъ осуществлены только въ случаѣ доведенія борьбы за побережья Тихаго Океана и наши естественныя (!) границы—*до конца*. Если мы бросимъ борьбу на серединѣ и заключимъ позорный миръ, мы будемъ разорены, въ обществѣ установится недовѣріе къ своимъ силамъ, восторжествуютъ идеи милитаризма, ибо мы будемъ готовиться къ реваншу, и наступитъ неизбѣжная реакція. Только огромный подъемъ духа, вызванный побѣдой и ея *блестящими результатами* (безрезультатная побѣда—то же, что и пораженіе), можетъ подвинуть народъ и къ внутреннему обновленію, какъ это всегда и всюду въ исторіи наблюдается» (VII). Логика, кажется, достаточно ясно говоритъ, что гораздо болѣе шансовъ на уничтоженіе коренныхъ дефектовъ общественной жизни въ томъ случаѣ, если они выпукло обнаружились въ рядѣ крупныхъ событій, чѣмъ тогда, когда старая система, цѣною вырожденія и обнищанія кореннаго населенія, доводитъ свои затѣи «до конца»... Примите во вниманіе только взрывъ шовинистическаго энтузіазма, душу раз-

дирающіе звуки хора «русскихъ патріотовъ», которые не замедлили бы выступить въ качествѣ выразителей общественнаго настроенія. Да и что исправлять, если система ведетъ къ *блестящимъ* результатамъ? Но пусть авторъ думаетъ иначе, не столь ужъ большая вина; а вотъ что недопустимо въ профессорской книжкѣ: онъ серьезно думаетъ, что идеи милитаризма получатъ торжество лишь въ случаѣ пораженія Россіи. Какъ, развѣ имперіализмъ насквозь не проникнутъ милитаристическимъ духомъ, да еще въ высшей степени аггресивнымъ?

Какъ же г. Мигулинъ думаетъ завоевать Персію, Восточный Туркестанъ, Монголію? Допустимъ, что дипломатическія хитросплетенія много помогаютъ въ этой завоевательной политикѣ, но, вѣдь,—ultima ratio—разговоръ пушекъ! И какъ это не присмотрѣлся профессоръ къ тактикѣ Чемберлена, Рузвельта и Вильгельма II, которымъ онъ такъ близокъ по духу! Что касается идеи реванша, то, вѣдь, допустимость ея всецѣло основана, съ одной стороны, на увѣренности, что русскій народъ воинствененъ и жаждетъ мірового господства, а съ другой—на предположеніи, что въ комбинаціи общественно-политическихъ силъ у насъ не произойдетъ никакой перемѣны и, буде народъ не пожелаетъ воевать, его заставятъ это дѣлать могучіе индивиды—воплотители «историческаго духа націи».

Первая глава книги, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ смыслѣ настоятельной рекомендаціи включенія ея въ учебники исторіи для низшихъ и среднихъ школъ: въ ней блестяще доказывается историческая необходимость для Россіи агрессивной политики и связь таковой съ внутренними преобразованіями. «Народъ нашъ никогда не боялся завоеваній и расширенія занимаемой имъ территоріи». «Онъ понималъ инстинктомъ то, чему учитъ насъ міровая исторія,—что расширеніе территоріи *всегда и вездѣ* служило источникомъ обогащенія государствъ, а не ихъ истощенія» (стр. 9)... Правда, изъ разныхъ нерекомендованныхъ руководствъ по исторіи мы знаемъ, что не только этотъ благодѣтельный инстинктъ завоеванія двигалъ русскій народъ на колонизацію, а кое-что и посущественнѣе... но стоитъ ли упоминать объ этомъ невыносимомъ гнетѣ московщины, о прелестяхъ крѣпостной зависимости и пр.? Извѣстно также, что сокращеніе территоріи Англіи послѣ отпаденія отъ нея нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ въ конечномъ итогѣ послужило экономическому преуспѣянію метрополіи, но что останавливаться на такихъ пустякахъ? Да у автора есть притомъ очень сильный аргументъ противъ всякихъ, несогласныхъ съ его идеями, фактическихъ указаній: значитъ, такъ случилось бы и безъ соотвѣтствующихъ прецедентовъ. Напр., мы до сихъ поръ думали, что Крымская война воочію показала язвы нашей жизни и дала могучій толчокъ къ ликвидаціи части стараго режима; это, по мнѣнію проф. Мигулина, сущій вздоръ: «Реформы 1860 годовъ послѣдовали бы безразлично, независимо отъ исхода войны и безъ самой войны: ихъ требовала жизнь, и часть ихъ (освобожденіе крестьянъ) была намѣчена даже въ предыдущее царствованіе» (стр. 45). Опроверженіе весьма убѣдительное, и мы склоняемся передъ стальной логикой русскаго имперіалиста.

Что касается нынѣшней несчастной войны, то авторъ становится на сторону того мнѣнія, что «дѣло наше въ Манджуріи было поставлено съ самаго начала безусловно неправильно... нельзя было тратить деньги, и при томъ громадныя, особенно при страшной нашей бѣдности, въ *чужой* странѣ, безъ всякой возможности когда-либо въ будущемъ получить ихъ обратно» (стр. 19), но, разъ война началась, надо идти до конца, ничѣмъ не смущаясь, т.-е. хотя бы продолженіе ея было верхомъ нелѣпости.

Какъ и подобаетъ имперіалисту, г. Мигулинъ благословляетъ завоеватель-

ную политику Россіи и приходитъ въ негодованіе отъ аггрессивныхъ стремленій Японіи: какъ смѣетъ эта страна имѣть виды на материкъ Азіи. Профессоръ, отнеситесь же *съ уваженіемъ* къ чужому, хотя бы японскому, мнѣнію: можетъ быть, японцы полагаютъ, что у ихъ народа тоже есть завоевательные инстинкты и историческіе законы, аналогичные русскимъ!

Въ небольшой реценціи нельзя даже и мимоходомъ остановиться на всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ г. Мигулинымъ въ его фельетонахъ: для этого необходима цѣлая журнальная статья, появленіе которой, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать.

Признавая, что необходимымъ условіемъ выясненія истины является девизъ «audiatur et altera pars», мы рекомендуемъ публикѣ внимательнѣе отнестись къ продуктамъ творчества харьковскаго профессора.

М. Бернацкій.

Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза. Изд. Отдѣла промышленности М. Ф. Спб. 1904. Данныя министерства финансовъ касаются предпріятій, подчиненныхъ фабричной инспекціи: это исключаетъ горозаводскую промышленность и концентрируетъ вниманіе все же на болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ мелкія предпріятія, съ числомъ рабочихъ ниже 16, надзору фабричной инспекціи подчинены сравнительно рѣдко. Служащіе, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣлятся на низшихъ—мастеровъ и ихъ помощниковъ, и высшихъ—директоровъ и управляющихъ какъ цѣлыми предпріятіями, такъ и спеціальными отдѣленіями ихъ,—ткацкими, красильными и т. п.; къ этой же группѣ причислены и владѣльцы предпріятій въ тѣхъ случаяхъ, когда они непосредственно ведутъ дѣло.

Оказывается прежде всего, что только половина служащихъ (56,5%) прошла какую-либо школу; 1,1% не знаютъ даже грамоты; остальные получили такъ называемое домашнее образованіе; несомнѣнно, что среди послѣднихъ есть и такіе, которые, по словамъ введенія, достигли самостоятельно даже высокой степени образованія не только общаго, но и техническаго; но еще болѣе несомнѣнно, что такія исключенія очень рѣдки. На долю средняго образованія приходится 11,5% и на высшее—всего 8,6% всѣхъ служащихъ.

Еще интереснѣе распредѣленіе по образовательному цензу отдѣльно для высшихъ и низшихъ служащихъ. Управляющихъ съ высшимъ образованіемъ 11,9% мастеровъ—5,4%; со среднимъ первыхъ 15,4%, вторыхъ—7,8%; неграмотныхъ въ первой категоріи 0,6% (т.-е. одинъ на 200 человѣкъ), среди мастеровъ—1,5%. Въ общемъ разница между высшимъ въ низшимъ персоналомъ не такъ ужъ значительна; и если для мастеровъ и подмастеровъ высшее образованіе можетъ быть названо роскошью, то для отвѣтственныхъ постовъ, управляющихъ цѣлыми предпріятіями и отдѣленіями, % получившихъ высшее образованіе долженъ быть признанъ чрезвычайно низкимъ.

Но если извѣстная степень развитія нужна вообще, то спеціальная, техническая подготовка для людей, занятыхъ спеціальнымъ дѣломъ, еще болѣе необходима. Между тѣмъ, техническое образованіе получили только 15,9% управляющихъ и 16,2% мастеровъ, въ томъ числѣ высшее 9,2% первыхъ и 4,6% вторыхъ; среднее техническое образованіе имѣютъ 3,0% высшихъ служащихъ и 2,8% низшихъ, остальное падаетъ на низшія техническія школы. Изъ этихъ же цифръ слѣдуетъ, что если взять и управляющихъ и мастеровъ вмѣстѣ и распредѣлить ихъ на всѣ промышленныя предпріятія, то *изъ трехъ предпріятій только на одномъ найдется одинъ человѣкъ съ какой бы то ни было технической подготовкой.*

Правда, есть отрасли промышленности, гдѣ количество техниковъ значительно выше средняго, напр., въ химическихъ производствахъ, гдѣ съ технической подготовкой мы имѣемъ 38,2% управляющихъ и 22,3% низшихъ

служащихъ, причемъ на высшее образованіе падаетъ сравнительно очень большой процентъ: 29,4$^0/_0$ и 16,9$^0/_0$. Но зато, напр., въ обработкѣ шелка, въ обработкѣ животныхъ продуктовъ технически подготовленный персоналъ не подымается выше 6$^0/_0$.

Таковы печальныя цифры,—печальныя даже для химическихъ производствъ, идущихъ впереди всѣхъ другихъ по спеціальной подготовкѣ служащихъ. Можно ли послѣ этого удивляться косности русской промышленности и техники: кому ее двигать впередъ? Если напр., нѣмецкая химическая промышленность удивляла міръ на парижской выставкѣ, то это потому, что чуть ли не на каждомъ заводѣ есть лабораторія, а на большихъ заводахъ десятки химиковъ работаютъ на пользу науки и... нѣмецкой промышленности; у насъ же изъ трехъ химическихъ заводовъ на одномъ только имѣется химикъ съ высшимъ образованіемъ—будь то управляющій или мастеръ,—а съ *высшимъ техническимъ* образованіемъ—*одинъ на четыре завода.* Къ сожалѣнію, въ изданіи министерства финансовъ данныя объ образовательномъ цензѣ служащихъ не поставлены въ связь съ величиной предпріятій; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подготовленный технически и вообще грамотный персоналъ служащихъ сосредоточенъ на крупныхъ предпріятіяхъ, и что на долю среднихъ и мелкихъ остаются величины, близкія къ нулю.

Изъ управляющихъ русскихъ подданныхъ только 8$^0/_0$ получили высшее техническое образованіе, 2,2$^0/_0$—среднее и 3,3$^0/_0$—низшее техническое образованіе; получили лишь общее образованіе и то очень жалкое: высшее 2,7$^0/_0$, среднее 11,2 и низшее—26,9$^0/_0$; дальше уже идутъ люди съ «домашнимъ» образованіемъ и безграмотные. Среди масторовъ-русскихъ на высшее техническое образованіе пападаетъ 4,4$^0/_0$, на среднее—1,9$^0/_0$ и на низшее 7,4$^0/_0$. Результаты прямо плачевные, если не вспомнить еще, что и общимъ образованіемъ похвалиться могутъ очень немногіе.

Гдѣ учились всѣ эти техники-русскіе? Изъ управляющихъ русскихъ подданныхъ, имѣющихъ техническій дипломъ, $^1/_4$ училась за границей; иностранные же подданные, изъ которыхъ многіе, какъ говорится, во введеніи къ работѣ министерства, нѣсколько поколѣній живутъ въ Россіи, сохраняя лишь иностранное подданство, въ Россіи училось всего 1,7$^0/_0$, остальные же 48,3$^0/_0$—за границей; точно то же и для мастеровъ. «Отсюда слѣдуетъ,—говоритъ авторъ введенія, что не только иностранцы, проживающіе въ Россіи, предпочитаютъ пріобрѣтать техническое образованіе за границей, но и довольно значительное количество русскихъ подданныхъ учится тамъ же. Число мастеровъ русскихъ подданныхъ, пріобрѣвшихъ техническое образованіе за границей, составляетъ 396 изъ 1.959, обладающихъ техническимъ образованіемъ, т.-е. 20,2$^0/_0$, среди же управляющихъ оно достигаетъ крупной цифры 634 изъ 2.053, т.-е. 30,9$^0/_0$».

И гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, прикажете учиться? Вотъ въ нынѣшнемъ году въ петербургскій технологическій институтъ подано было 1.389 прошеній, а принято всего 236 чел. И такъ было и въ прошломъ, и въ позапрошломъ году. Точно такая же картина получается въ провинціальныхъ институтахъ, точно то же получается и въ другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Что же касается среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, то ихъ легко пересчитать на пальцахъ: на всю Россію около двухъ десятковъ среднихъ и не больше 300 низшихъ, вмѣстѣ съ сельскохозяйственными. А гдѣ же у насъ курсы для рабочихъ? *В. Шарый.*

ФИЛОСОФІЯ.

Гансъ Корнеліусъ. „Введеніе въ философію“.

Гансъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціею и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Москва. Изданіе Д. П. Ефимова. 1905 г. Цѣна 2 р. Отъ позитивизма до философіи—этими немногими словами можно охарактеризовать настоящую работу Г. Корнеліуса. Исходя изъ позитивистической точки зрѣнія, изъ позитивистическаго пониманія задачъ философіи, словомъ, изъ «позитивной философіи», авторъ, логически развивая эту точку зрѣнія, съ неумолимою послѣдовательностью ведетъ читателя за ея предѣлы — въ сферу міросозерцанія, по отношенію къ которому уже въ большей степени оправдывается эпитетъ «философское».

Изъ всего многообразія бытія непосредственно даны намъ, думаетъ онъ какъ истый позитивистъ, лишь наши переживанія, протекающія во времени, и быстро смѣняющіяся явленія нашей психической жизни. Наше познаніе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ описаніи этихъ переживаній,—не въ голомъ описаніи: таковое, пожалуй, было бы даже невозможно, а въ упрощающемъ, обобщающемъ описаніи данныхъ нашего опыта, въ связномъ изложеніи большого ряда ихъ съ одной общей точки зрѣнія. Такое стремленіе къ упрощенію и обобщенію всѣхъ явленій представляетъ собою принципъ, господствующій во всемъ нашемъ мышленіи,—его можно назвать принципомъ экономіи мышленія. Въ этомъ процессѣ упрощенія и обобщенія явленій, наряду съ другими науками, остается мѣсто и философіи, «истинно позитивной» философіи. Всякая частная наука, занимаясь обобщеніемъ явленій въ своей области, совершенно оставляетъ въ сторонѣ свою связь съ другими науками, наше же познаніе, стремленіе къ ясности, требуетъ объединенія всѣхъ наукъ, ихъ результатовъ въ единое, законченное цѣлое, оно требуетъ единаго и цѣльнаго міросозерцанія, которое охватило бы всю совокупность явленій вселенной. Эту задачу и должна взять на себя философія; она не должна только пользоваться въ этихъ цѣляхъ элементами, чуждыми опыту, и гипостазировать ихъ, какъ поступала она въ метафизическую фазу своего развитія. Однако, помимо сводки результатовъ наукъ въ одно гармоничное цѣлое, философія имѣетъ еще другую, болѣе важную задачу. Дѣло въ томъ, что наше познаніе при своихъ обобщеніяхъ пользуется логическимъ матеріаломъ, не обладающимъ достаточною ясностью. Цѣлый рядъ понятій, какъ-то: причинность, объективный міръ и др., которыя оно употребляетъ безъ критики, какъ само собою понятныя, не требующія объясненія и въ сведеніи къ которымъ всего прочаго для нашего мышленія и состоитъ объясненіе, на дѣлѣ усвоены нами по привычкѣ и требуютъ своей провѣрки. Постановка и разрѣшеніе проблемъ, которыя, касаясь значенія и правильности этихъ послѣднихъ предпосылокъ опытнаго познанія, выходятъ за его предѣлы, и должны составить теоретико-познавательную задачу философіи. Выполнить ее, не привнося при этомъ никакихъ новыхъ необоснованныхъ предпосылокъ, философія можетъ лишь путемъ возсозданія тѣхъ процессовъ, съ помощью которыхъ въ ходѣ развитія обобщенія и систематизаціи данныхъ опыта создались еще въ донаучную эру такія предпосылки. всякаго научнаго познанія, т.-е. путемъ психологическаго анализа механизма процесса обобщенія, индукціи, или, такъ какъ результатомъ всякаго обобщенія является понятіе, механизма образованія понятій. Уже Юмъ ясно видѣлъ эту теоретико-познавательную задачу философіи и также прекрасно понималъ, что разрѣшить ее, доказать и выяснить основныя понятія наукъ возможно лишь на психологическомъ пути, при помощи анализа непосредственно данныхъ пере-

живаній. Если же его попытка въ этомъ отношеніи не увѣнчалась успѣхомъ и онъ пришелъ къ скептицизму, то этимъ онъ обязанъ лишь своему атомистическому взгляду на психическую жизнь, допущенію, что послѣдняя строится изъ изолированныхъ частей. Исходя изъ противоположнаго пониманія психической жизни, изъ того, что намъ въ качествѣ психическихъ фактовъ непосредственно даны не только отдѣльныя переживанія, но и факторы, дѣлающіе возможною ихъ связь, современная философія, думаетъ авторъ, въ состояніи путемъ изученія психическаго развитія понять механизмъ образованія понятій, т.-е. процессъ познанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть тѣ формы мышленія, которыя лежатъ въ его основѣ и дѣлаютъ возможнымъ познаніе. Словомъ, она въ состояніи выяснить и обосновать послѣднія предпосылки всякаго опытнаго познанія. Хотя она не будетъ приписывать имъ реальности, независимой отъ нашихъ переживаній, какъ это дѣлала метафизика, но она будетъ въ силахъ защитить ихъ отъ скептицизма и релятивизма. Отъ скептицизма—указаніемъ на то, что эти предпосылки дѣлаютъ возможными связи нашихъ переживаній, наблюдаемыя въ дѣйствительности. Отъ релятивизма—ссылкою на то, что утвержденіе, будто въ ходѣ психическаго развитія онѣ смѣняются безпрестанно новыми и имѣютъ, слѣдовательно, временное значеніе, неизбѣжно ведетъ къ признанію безпрерывной ломки и безпрерывнаго преобразованія и переустройства всего нашего научнаго зданія и, такимъ образомъ, къ отрицанію дѣйствительной возможности цѣльнаго познанія, охватывающаго съ теченіемъ времени все бóльшую и бóльшую сферу явленій. Однимъ словомъ, по мнѣнію автора, философія должна приписать этимъ предпосылкамъ опытнаго знанія обсолютную значимость для опыта, à prior'ность въ кантовскомъ смыслѣ: кто стремится къ дѣйствительному познанію, долженъ признать ихъ. И не только ихъ: она должна, въ согласіи съ общимъ научнымъ убѣжденіемъ, въ цѣляхъ достиженія монистическаго познанія приписать абсолютную и вѣчную значимость опытнымъ понятіямъ, обозначающимъ дѣйствительные факты опыта, и опытнымъ законамъ. Возможность же этого авторъ обосновываетъ путемъ открытія среди категорій такихъ, которыя позволяютъ каждый претиворѣчащій прежнимъ законамъ фактъ вводить въ контекстъ опыта посредствомъ подведенія его подъ болѣе общій законъ, охватывающій прежній законъ, а отнюдь не уничтожающій его. Выполнивъ свою теоретико-познавательную задачу на указанномъ пути, философія, продолжаетъ авторъ, будетъ въ силахъ дать намъ единое объясненіе мірового цѣлаго изъ общихъ принциповъ, которые, въ свою очередь, уже не будутъ нуждаться въ дальнѣйшемъ объясненіи. Міросозерцаніе, построенное на такихъ основахъ, по его мнѣнію, можно назвать теоретико-познавательнымъ эмпиризмомъ—телеологическомъ идеализмомъ, сказали бы мы. Ибо, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, авторъ въ существенныхъ пунктахъ вполнѣ примыкаетъ къ представителямъ этого идеализма, Виндельбанду и Риккерту. Вмѣстѣ съ ними онъ рѣзко выступаетъ противъ всякой метафизики, утверждая, что категоріи и законы природы не обладаютъ реальностью, независимою отъ опыта, а лишь значимостью для опыта; противъ позитивизма, приписывая имъ не временную, относительную, а вѣчную, абсолютную значимость для опыта. Вмѣстѣ съ ними онъ пытается обоснонать категоріи, доказать ихъ значимость, исходя изъ абсолютной цѣнности познанія, истины, т.-е. строитъ теорію познанія телеологически. Если, притомъ онъ все же утверждаетъ, что его теорія познанія покоится всецѣло на психологіи, то на дѣлѣ онъ поступаетъ совершенно иначе: онъ пользуется психологическимъ анализомъ лишь какъ вспомогательнымъ средствомъ для своего телеологическаго метода. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ миѳологическихъ, метафизическихъ и другихъ формъ мышленія авторъ выдвигаетъ лишь нѣкоторыя, какъ необходимыя для познанія; это же ему удается сдѣлать лишь

путемъ превращенія принципа экономіи мышленія, провозглашеннаго имъ первоначально въ качествѣ закона психической жизни, въ норму, которую мы должны выполнять, если хотимъ достигнуть познанія. Что же касается разногласій Г. Корнеліуса съ указанными выше представителями телеологическаго идеализма, то они или несущественны, или обусловлены тѣмъ, что автору не удалось еще впитать въ плоть и кровь ту точку зрѣнія, къ которой неизбѣжно привелъ его логическій ходъ мыслей.

Такимъ образомъ, исходя изъ позитивистической точки зрѣнія, авторъ приводитъ читателя къ телеологическому идеализму, къ точкѣ зрѣнія, во всякомъ случаѣ, уже философской. Развивать далѣе эту послѣднюю, показать, что она есть лишь переходная ступень къ болѣе высшей, не входитъ въ наши задачи. Также мы не намѣрены болѣе детально изслѣдовать воззрѣнія Г. Корнеліуса: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ достаточно, если намъ удалось показать, что въ трудѣ Г. Корнеліуса нашелъ выраженіе и разрѣшеніе переживаемый нынѣ позитивизмомъ кризисъ; и мы не можемъ не рекомендовать читателю его книжку.

Что же касается перевода Котляра, то въ этотъ разъ переводчикъ удачно справился съ своею задачею. Вслѣдствіе дословности перевода, встрѣчаются довольно часто стиллистическіе промахи. Также попадаются и терминологическія погрѣшности, напр., «Begrifflich» переводится словомъ «логическій»; «Begriffsbildung» мѣстами передается выраженіемъ «понятіе» (стр. 225, 226 и д.), что въ значительной степени затемнило смыслъ текста. «Gefühlwirkung» переводится то «эмоціональныя вліянія», то «дѣйствія на наши чувства», то, наконецъ, «дѣйствія, вызывающія опредѣленныя чувствованія»; «die Inhalte einer Gruppe» передано на стр. 208 выраженіемъ «группа содержаній» и др. Въ общемъ же переводъ можно назвать вполнѣ удовлетворительнымъ.

N. N.

ИСТОРІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

И. Забѣлинъ. Исторія „города Москвы“.—*Г. И. Ивановъ.* „Начальный курсъ географіи“.—*Сергѣй Рунинъ.* „Въ Манджуріи“.—*Э. Реклю.* „Земля и люди“.

Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. Второе изданіе (автора) исправленное и дополненное съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. М. 1905 г. in 8-vo. Стр. XXVI + 652. Ц. 4 руб. Ив. Евг. Забѣлинъ—писатель своеобразный и рѣдкій въ нашей исторической литературѣ; занимаетъ онъ здѣсь совершенно особое мѣсто и по характеру своей эрудиціи, и по пріемамъ своего изложенія... Когда говоришь о г. Забѣлинѣ, то нельзя миновать одного соображенія, обыкновенно неумѣстнаго при критическомъ анализѣ ученой исторической работы. Г. Забѣлинъ—далеко не безстрастный изобразитель прошлаго, онъ преисполненъ опредѣленнаго «чувства и настроенія», страстной любви къ русскому прошлому; въ его созерцаніи родная старина живетъ дѣятельною жизнью, онъ увлеченъ реставраціей этой старины, какъ таковой и независимо отъ достиженія какихъ-либо теоретическихъ цѣлей; онъ влагаетъ въ свои работы много нравственныхъ эмоцій и смотритъ на старину глазами патріота, который дорожитъ прежде всего правдой. У г. Забѣлина нѣтъ тенденціозно-фальшивой реабилитаціи и вмѣстѣ ему не чуждъ опытъ развѣнчиванія скользкихъ преданій, какъ-то видно изъ его книги «Mининъ и Пожарскій—прямые и кривые въ смутное время». Въ книжкѣ «Русское искусство—черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ» г. Забѣлинъ возвышается до удиви-

тельно яркаго и сочнаго представленія стараго стиля, а въ «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ»—до чрезвычайно широкаго и порой соблазнительнаго апоѳеоза незапамятныхъ временъ въ русской исторіи. Кто не знаетъ затѣмъ колоссальной работы г. Забѣлина (при наличности цѣлаго ряда другихъ сочиненій) «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст.», гдѣ онъ обнаруживаетъ рѣдкое знакомство съ деталями русскаго быта и въ этомъ смыслѣ оспариваетъ въ русской исторической литературѣ классическое мѣсто. Обладай г. Забѣлинъ учеными свойствами нѣмца, не отличайся чувствами исторической страсти, онъ написалъ бы такіе Russische Alterthümer, которые далеко оставили бы за собой многія знаменитости изъ работъ такого типа. Почти исключительно г. Забѣлинъ изучалъ Русь до эпохи петровскихъ преобразованій, извѣстное вниманіе посвятилъ послѣдней и всегда археологическіе интересы предпочиталъ критикѣ, для которой у него нѣтъ недостатка въ благородной ядовитости (сравните его извѣстные «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи»), Литературной дѣятельности г. Забѣлина протекло *полстолѣтія*, онъ не только не бросаетъ своего историческаго пера, а продолжаетъ работать съ удивительной энергіей, застраховавъ себя отъ всякихъ увлеченій современными вопросами и всецѣло, безъ конца и до конца отдавшись прошлому. За послѣднюю *четверть столѣтія*, помимо переработки своихъ прежнихъ сочиненій, г. Забѣлинъ успѣлъ издать «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы» (въ двухъ частяхъ) и недавно вышедшую вторымъ изданіемъ первую часть «Исторіи города Москвы». Первое изданіе этого послѣдняго сочиненія появилось въ 1902 г., разошлось немедленно и почти не попало за предѣлы Москвы, такъ что второе изданіе «Исторіи города Москвы» является до нѣкоторой степени новостью. Исторіей Москвы авторъ началъ интересоваться очень давно и, если хотите, большинство его сочиненій имѣетъ прямое или косвенное къ ней отношеніе. Предложеніе городской думы взять на себя «полное описаніе» Москвы, «подробное во всѣхъ отношеніяхъ—историческомъ, топографическомъ, статистическомъ», заставило г. Забѣлина окончательно погрузиться въ археологическо-бытовое прошлое города Москвы; онъ намѣтилъ широчайшую программу такого описанія, которая подъ заголовкомъ «предполагаемыя задачи историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы» и напечатана въ предисловіи. Эта программа невыполнима для одного лица не только по той причинѣ, что она безгранична, но и потому, что ея выполненіе требуетъ людей различныхъ спеціальностей; она вообще даетъ значительный просторъ для критическихъ нападокъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ въ этой программѣ, что надо составить «всѣ дробныя исторіи каждаго городского мѣста-урочища, каждаго храма, въ смыслѣ основы поселенія, каждой площади, улицы, переулка, по возможности каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго двора и дома, съ показаніемъ происходившихъ перемѣнъ въ расположеніи и устройствѣ заселеннаго пространства». По такому масштабу и составлена первая часть исторіи города Москвы, а этотъ масштабъ—лишь одинъ крошечный абзацъ въ программѣ г. Забѣлина, примѣненъ только къ старому Кремлю и далъ въ результатѣ чуть не 700 страницъ убористой печати! Введеніемъ въ книгу служатъ очерки «Первобытное время» (стр. 1—21) и «Сказанія о началѣ Москвы-города» (стр. 22—59), а затѣмъ идетъ описаніе «стараго города Кремля» въ формѣ историческаго обзора его мѣстностей, раздѣленнаго на двѣ части: «общій обзоръ» (стр. 60—180) и «мѣстный обзоръ» (стр. 181—652). Главную основу книги составляетъ этотъ мѣстный обзоръ, направляемый авторомъ строго топографически: «историческій обзоръ мѣстностей древняго города Москвы, говоритъ онъ, мы начнемъ отъ Спасскихъ воротъ и будемъ слѣдовать по древнимъ

улицамъ Кремля отъ его воротъ, направляясь къ его серединной мѣстности, т.-е. къ Соборной площади». При такомъ построеніи всего труда знакомить детальнѣе съ его содержаніемъ не приходится и нельзя утверждать, чтобы *всѣ* читатели съ одинаковымъ интересомъ прочитали *всѣ* части перваго тома. Удивительный знатокъ первоисточниковъ, авторъ порою прибѣгаетъ къ цѣннымъ для изслѣдователя, но не для обычнаго читателя, перечисленіямъ по нимъ или прямо выдержкамъ. Знаетъ авторъ до мелочей и печатную литературу вопроса, не исключая новѣйшей. Перебираясь отъ храма къ храму, отъ двора къ двору, авторъ останавливаетъ вниманіе читателя передъ «патріаршимъ домомъ» (стр. 478—604). Какъ бы вспомнивъ свою прежнюю работу о домашнемъ бытѣ царей и царицъ въ XVI и XVII ст., г. Забѣлинъ не ограничивается простымъ «обзоромъ зданій», но предлагаетъ читателямъ и рядъ цѣнныхъ критическихъ замѣчаній, и опытъ характеристики патріаршаго быта по первоисточникамъ. Сильно достается здѣсь одному «новѣйшему изслѣдователю» Н. Писареву, который написалъ недавно книгу «Домашній бытъ русскихъ патріарховъ» (Казань. 1904). Г. Забѣлинъ, въ сущности, доказываетъ, что эта книга, повидимому, написана по книгѣ самого г. Забѣлина, которую мы теперь читаемъ во второмъ изданіи. Кто интересуется «новѣйшими изслѣдователями» и пріемами ихъ артистической работы, тотъ да заглянетъ на стр. 483—486 первой части «Исторіи города Москвы». Вслѣдъ за историческимъ обозрѣніемъ зданій патріаршаго дома г. Забѣлинъ, хотя это и находится внѣ всякой непосредственной связи съ его темой, переходитъ къ обзору домашней обстановки патріаршаго быта (стр. 533 и слѣд.), патріаршихъ одежды, пріемовъ, славильщиковъ, столоваго обихода, выходовъ и похоронъ... Все это нынѣ пріобрѣтаетъ и особенный интересъ при возникновеніи поэтическихъ мечтаній о реставраціи въ XX вѣкѣ покойнаго института патріаршества.

Книга г. Забѣлина полна большого историческаго интереса, представляетъ собою надежный матеріалъ не для одной научно-популярной работы и прежде всего заставляетъ высказать горячее пожеланіе, чтобы авторъ подарилъ насъ возможно скорѣе второй частью своей «Исторіи города Москвы». Никто въ наши дни не знаетъ лучше него археологической Москвы и ни у кого нѣтъ къ ней, именно къ этой археологической Москвѣ, такой страстной любви, какъ у г. Забѣлина. И самъ онъ, коротающій долгіе дни за неустанной исторической работой въ стѣнахъ Московскаго историческаго музея, наблюдающій за новой жизнью лишь изъ его оконъ, выступающихъ на Красную и Воскресенскую площади (мѣста историческія!), представляетъ теперь явленіе достопримѣчательное. И теперь, именно теперь, когда недалекъ день нашего возрожденія на совершенно новыхъ началахъ, когда ядовитый газъ недавняго застоя скоро испарится въ безвоздушномъ пространствѣ, намъ особенно пріятно выразить живой привѣтъ «Исторіи города Москвы» Ив. Ег. Забѣлина, памятуя крѣпкую связь съ прошлымъ и направляя всѣ наши взоры въ лучшее будущее.

В. Сторожевъ.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи, Изд. третье, исправленное и дополненное. Стр. 155. Ц. 60 к. Спб. 1904. По выходѣ въ свѣтъ 2 изд. учебника г. Иванова мы имѣли случай отозваться о немъ на страницахъ «Міра Божія», какъ о лучшемъ въ настоящее время начальномъ курсѣ географіи. Въ 3 изд. учебника болѣе подробно разработанъ переходъ отъ плана къ картѣ, и самая карта напечатана въ краскахъ. Этотъ методическій пріемъ значительно облегчитъ трудъ начинающихъ, у которыхъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ возрастомъ, еще такъ узка сфера болѣе или менѣе отвлеченныхъ представленій. Количество собственныхъ географическихъ именъ въ 3 изд. увеличено: авторъ полагаетъ, что учащіеся лучше и отчетливѣе представятъ себѣ

физико-географическія явленія на примѣрахъ изъ Россіи. По нашему мнѣнію, еще лучшихъ результатовъ можно было бы ожидать отъ каждаго отдѣльнаго преподавателя, который бы выяснялъ упомянутыя явленія на окружающихъ географическихъ фактахъ, несомнѣнно, вполнѣ доступныхъ учащимся той или другой мѣстности. Руссо въ своемъ «Эмилѣ» именно такъ и рекомендуетъ начинать изученіе географіи, съ родиновѣдѣнія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Объемъ книги увеличился (съ 106 до 155 стр.), впрочемъ, не только вслѣдствіе расширенія номенклатуры, но и прибавленія географическихъ разсказовъ (34 вмѣсто 23 второго изданія), расширеніемъ «краткихъ объясненій словъ» и прибавленіемъ нѣкоторыхъ чертежей, рисунковъ и картъ въ текстѣ. Въ заключеніе мы должны предостеречь г. Иванова отъ излишняго увлеченія указаніями оффиціальныхъ рецензентовъ, которые такъ склонны, въ силу соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой, «націонализировать» даже учебники общей географіи которые, такимъ образомъ, превращаются въ географическія описанія одной только Россіи: вѣдь, невозможно думать, чтобы Россія заключала въ своихъ предѣлахъ все типичное въ географическомъ смыслѣ на земномъ шарѣ. Опасно смѣшивать географію земного шара съ географіей Россіи. *П. Г—въ.*

Сергѣй Рупинъ. Въ Маньчжуріи. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Стр. 170. Ц. 1 р. Русско-японская война вызвала на свѣтъ Божій такихъ авторовъ, которые безъ нея ограничились бы, конечно, устными разсказами роднымъ и знакомымъ о свѣтѣ маньчжурскихъ впечатлѣніяхъ. Къ числу такихъ авторовъ относиться и г. Рупинъ, очевидно, туристъ безъ солидной подготовки, не вдумчивый и мало наблюдательный. Достаточно было г. Рупину встрѣтиться съ какимъ-нибудь маньчжурскимъ торговцемъ или инженеромъ и ихъ точка зрѣнія становиться обязательной былъ, г. Рупина; онъ добросовѣстно передаетъ ихъ длинныя разсужденія, вполнѣ очевидно, соглашаясь съ ними. Поэтому тѣ главы книжки, которыя должны были бы явиться особенно интересными (напр., III—«русская культура въ Маньчжуріи», V—«Главнѣйшіе русскіе центры въ Маньчжуріи», XI—«Русская торговля въ Маньчжуріи»), оказались не только весьма слабыми, мало содержательными, то и съ совершенно невѣрными выводами и датъ фактично. Г. Рупинъ вполнѣ увѣренъ, что русская культура пустила глубокіе и пробные плутни въ Маньчжуріи, что китайцы склонны къ быстрой ассимиляціи съ русскими, что «желѣзная дорога покорила Россію Маньчжурію» и что послѣдняя вообще «благодатная страна». Если русская торговля въ Маньчжуріи тогда, то это, по мнѣнію г. Купина, зависитъ не оттого, что для ея развитію тамъ вообще не было почвы, и лишь отъ отсутствія крупныхъ капиталовъ. Фабричное заведѣнія произведенія не оттого не идутъ сюда изъ Россіи, что поддержка транспорта почти превышаютъ цѣнность самихъ товаровъ, и вслѣдствіе «смертности» русскихъ предпринимателей. Иногда самъ авторъ, по наивности, раскрываетъ все убожество русской колонизаціи въ Маньчжуріи. Считая напр., Харбинъ «однимъ изъ центровъ русскаго духа», онъ перечисляетъ, какъ торговая спеціальность распредѣлились тамъ по національностямъ—тамъ есть и греки, и татары, и японцы—нѣтъ только однихъ русскихъ. Это же они дѣлаютъ? Но это долженъ быть данъ одинъ только отвѣтъ: они служатъ въ казенныхъ учрежденіяхъ. Ту не выдерживающую никакой критики безтолочь, происшедшую вслѣдствіе смѣшенія русской и китайской власти въ Маньчжуріи, г. Рупинъ считаетъ «мудрымъ устройствомъ». Авторъ утверждаетъ что, въ Харбинѣ и Портъ-Артурѣ русскихъ было больше, чѣмъ инородцевъ; данныя послѣднихъ мѣстныхъ переписей совершенно не подтвержданной этого. Вообще книжка г. Рупина, написанная неумѣло, тускло, не художественно, не сообщающая читателю пра-

вильныхъ и обоснованныхъ взглядовъ, снабженная нѣсколькими плохо исполненными рисунками, производятъ впечатлѣніе безполезной и непутной, бѣллисти на книжномъ рынкѣ, и разочаруетъ тѣхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ нею, соблазнившись ея заглавіемъ. *П. Г—въ.*

Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе Э. Реклю. Выпускъ VII. Германія. Перев. съ французскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 430—86. Съ 82 иллюстраціями и картой Германіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. Этотъ трудъ знаменитаго географа, столь счастливо сочетавшаго огромную друдицію съ замѣчательной рѣдкостью, очень часто поэтической картинностью изложенія, конечно, не нуждается въ рекомендаціи, тѣмъ болѣе, что русская публика уже давно знакомила съ географическими трудами Э. Реклю. Слѣдуетъ только замѣтить, что двѣ послѣднія главы, трактующія объ общемъ состояніи Германіи, ея правительство и администрація въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣли и нуждались бы въ переработкѣ. Реклю, напр., мало говоритъ о политическихъ партіяхъ Германіи, и особенно о соціалъ-демократической, очень выдвинувшійся въ послѣднее время. Статистическія свѣдѣнія, особенно о различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности, движенія судовъ въ германскихъ портахъ и т. п., устарѣли т. к. относятся къ 80-мъ и даже 70-мъ годамъ. Въ приложеніяхъ помѣщенъ интересный очеркъ г. Касливскаго «мѣстное управленіе въ Германіи» и библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Германіи. Списокъ представляетъ нѣкоторые промахи а также грѣшатъ нѣкоторой устарѣлостью. Въ отдѣлѣ исторіи пропущены, напр., труды Бауэра, Петрова, ни упомянуты уже совсѣмъ устарѣвшій Циммерманъ, не упомянуто тѣ исторіи нѣмецкой литературѣ, начатой подъ редакціей Кирша, въ отдѣлѣ водъ экономической, умственной и общественной жизни пропущена недавно вышедшая книга г. Іоллоса; пропущены также интересныя брошюры Бюхера объ исторіи экономической и промышленной и хозяйственной жизни страны. Вообще этотъ отдѣлъ слѣдовало бы составить съ большой осмотрительностью и подробнѣе. Политическая карта Германіи исполнена въ краскахъ. *П. Г—въ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Г. Г. Якобсонъ „Жуки Россіи и Западной Европы“.—*Г. В. Коннъ.* „Невидимые богатыри“.—*А. П. Нечаевъ.* „Почва и ея исторія“. *Онъ же.* „Картины родины“. *П. А. Костычевъ.* „Почва, ея обработка и удобреніе. *Онъ же.* „О борьбѣ съ засухами“. *Е. И. Поповъ.* „Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе“.

Г. Г. Якобсонъ. Жуки Россіи и Западной Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ. Изд. Девріена. Вып. I. Обѣщанное авторомъ содержаніе этой книги очень обширно; въ нее войдутъ, кромѣ введенія, о коемъ ниже, опредѣлитель всѣхъ родовъ жуковъ Россіи и Западной Европы, полный списокъ относящихся къ нимъ видовъ (свыше 25.000), съ ссылками на тѣ сочиненія, гдѣ можно почерпнуть ихъ описанія или характеристики, и, наконецъ, 83 таблицы, исполненныя хромолитографическимъ способомъ, на коихъ будутъ даны изображенія не только общераспространенныхъ формъ, но, что особенно важно и цѣнно, и 1.300 видовъ жуковъ русской фауны, не бывшихъ еще до сихъ поръ никогда изображенными. Если обѣщаніе это будетъ выполнено добросовѣстно, то колеоптерологовъ, не только начинающихъ, но и вполнѣ знающихъ свой предметъ, можно будетъ поздравить съ выходомъ настольной книги огромнаго практическаго значенія.

Первый выпускъ состоитъ изъ 80 страницъ текста и 11 таблицъ съ 297

фигурами въ краскахъ. Текстъ заключаетъ только часть введенія, посвященнаго объясненіямъ наружнаго строенія жуковъ и внутренней организаціи ихъ, полового диморфизма и проч., причемъ авторъ для облегченія пользованія иностранной литературой во всѣхъ почти случаяхъ сопровождаетъ русскіе термины переводомъ ихъ на латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій языки, что представляется дѣйствительно необходимымъ въ виду недостаточно еще твердо установившейся русской терминологіи; непонятно, однако, для чего понадобилось ему переводить на латинскій языкъ также и такія общеизвѣстныя выраженія какъ «приборы и орудія ловли, умерщвленія, препарированія и сохраненія»—«utensilia sive requisita entomologica»,—вѣдь, такая тенденція, кромѣ увеличенія,—безъ нужды, объема текста, другихъ результатовъ имѣть не можетъ. Вообще излишняя растянутость текста это—это тотъ упрекъ, который мы готовы поставить автору, очевидно упустившему изъ виду, что справочная настольная книга должна отличаться возможно меньшимъ объемомъ. Съ этой точки зрѣнія, а равно имѣя въ виду цѣль книги—служить руководствомъ для опредѣленія жуковъ,—мнѣ кажутся излишними слѣдующіе параграфы введенія: «О насѣкомыхъ вообще», «Перечисленіе главнѣйшихъ мѣстонахожденій жуковъ» и «Ловля и умерщвленіе жуковъ»; пожалуй, даже безъ ущерба для цѣли книги могли бы быть выпущены: «Образъ жизни жуковъ» и все, что относится до ихъ нервной мускульной, кровеносной и пищеварительной системъ. Огромная книга въ 800 стр. сократилась бы тогда страницъ на 100, и это было бы ужъ очень хорошо. Что же касается до помянутыхъ параграфовъ, то ихъ мѣсто не въ опредѣлителѣ, а въ сочиненіяхъ подъ другими названіями. Другой упрекъ автору—это, мѣстами, очень тяжелый языкъ, производящій впечатлѣнія плохого перевода. Наконецъ, нельзя также не указать на не всегда удачный переводъ съ латинскаго цвѣтовыхъ терминовъ, при опредѣленіи насѣкомыхъ, играющихъ часто весьма существенную роль; такъ; «fuliginosus» значитъ вовсе не черный какъ сажа, а темнобурый съ красноватымъ оттѣнкомъ (темный каштановый), «anthracinus»—густой черный съ блескомъ, а не съ голубоватымъ отливомъ; для послѣдняго существуетъ особое обозначеніе—«coroinus»—густой черный съ синеватымъ или зеленоватымъ отливомъ; «aeneus» служитъ для обозначенія цвѣта темной бронзы, а не латуни; наконецъ, едва-ли кому будетъ ясно, если я скажу, что «testaceus» есть цвѣтъ буро-желтый, какъ обожженный англійскій кирпичъ.

Что касается таблицъ, исполненныхъ съ оригиналовъ «невиданнаго до сихъ поръ совершенства», *что безусловно вѣрно* *), то мнѣ хотѣлось бы видѣть ихъ лучше сработанными. Безусловно не удавшимися въ цвѣтовомъ отношеніи считаю Tetracha euphratica, Cicindela lacteola, Calosoma elegans, отчасти Anthia mannerheimi, Cic. galathea и нѣкот. друг.

Въ общемъ, однако, это новое изданіе Девріена производитъ очень хорошее впечатлѣніе, и я смѣло рекомендую его вниманію любителей колеоптерологіи, которыхъ не должна смущать высокая подписная цѣна—18 р. за 10 выпусковъ; при значительномъ, приложенномъ къ нему, художественно исполненномъ матеріалѣ она и не можетъ быть меньшей, да и то, надо думать, издатель оправдаетъ свои расходы въ одномъ только случаѣ, когда книга получитъ очень широкое распространеніе, чему да поможетъ настоящая замѣтка.

Н. Грумъ-Гржимайло.

Г. В. Коннъ. «Невидимые богатыри». Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. Съ 36 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Я. Л. Спб. Научная дешевая библіотека А. С. Суворина. Стр. IV+212. 1905 г. Ц. 1 р. — к. Книга Г. В. Конна съ достаточной полнотой и ясностью излагаетъ главнѣйшія добы-

*) Авторъ настоящей замѣтки имѣлъ случай любоваться этими оригиналами.

тыя наукой свѣдѣнія о жизни и значеніи бактерій. Кромѣ основныхъ свѣдѣній объ ихъ морфологіи, способахъ размноженія и классификаціи, книга даетъ также очеркъ роли бактерій въ различныхъ производствахъ, въ молочномъ хозяйствѣ и въ экономіи природы; укажемъ здѣсь же, что главу «О бактеріяхъ въ процессахъ природы» было бы умѣстнѣе помѣстить вслѣдъ за первой главой «бактеріи какъ растенія», а не относить ее почти къ концу книги. Послѣднія двѣ главы разсматриваютъ болѣзнетворныя бактеріи и способы борьбы съ этими послѣдними. Въ общемъ, авторъ вполнѣ справился съ своей задачей—дать обстоятельный популярно-научный очеркъ о бактеріяхъ; вполнѣ законны также его старанія «реабилитировать» репутацію бактерій: настойчиво, въ различныхъ мѣстахъ книги доказываетъ онъ, что, кромѣ огромнаго числа видовъ бактерій, въ отношеніи къ здоровью безразличныхъ, существуетъ значительное число и такихъ видовъ, которые приносятъ громадную, неизмѣримую пользу, и что предубѣжденіе широкой публики противъ бактерій вообще основано на недоразумѣніи. Языкъ книжки вполнѣ литературный; рисунки хорошо поясняютъ текстъ и сносно сдѣланы. Нѣсколько мелкихъ замѣчаній мы считаемъ все же не лишними. На стр. 140 сказано: «при отравленіи крови... *все тѣло одновременно* заполняется извѣстными видами болѣзнотворныхъ бактерій»; слѣдуетъ избѣгать такихъ неопредѣленныхъ и уже по одному этому ненаучныхъ выраженій. Говоря о путяхъ зараженія микробными болѣзнями, авторъ (стр. 148) не упоминаетъ почему-то о зараженіи половымъ путемъ. Говоря о бугорчаткѣ и ея заразительности (стр. 150 и дальше), авторъ не упоминаетъ о высыханіи и распыленіи мокроты, содержащей коховскія палочки, и вообще не говоритъ о пыли, какъ о передатчикѣ заразы. Еще два слова: переводчикъ въ выноскахъ даетъ ненужныя объясненія терминовъ, взятыхъ изъ греческаго языка, а объяснять смыслъ словъ, дѣйствительно могущихъ быть непонятыми, почему-то не считаетъ нужнымъ. Того читателя, на котораго разсчитана книжка, можетъ затруднить, напр., стр. 57—объ отношеніи молочной кислоты къ поляризованному свѣту и о вращеніи плоски паляризаціи. Неясными могутъ остаться также помѣщенныя въ текстѣ химическія формулы.

Врачъ *Л. В—ій.*

А. П. Нечаевъ. Картины родины 150 стр. 62 рис. 1905 г. Цѣна 1 р. Онъ же. Почва и ея исторія. 74 стр. 30 рис. 1905 г. Цѣна 60 к. А. П. Нечаевъ—одинъ изъ талантливыхъ нашихъ популяризаторовъ для «большой публики» и для юношества; его книга «Между огнемъ и льдомъ» пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью. Двѣ новыя составленныя имъ книжечки, заглавіе которыхъ мы выписали выше, вполнѣ подтверждаютъ данную характеристику.

«Картины родины»—это «типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ». Для того, чтобы составить такую книжку нужно было много поработать по первоисточникамъ, многое и самому повидать. Вполнѣ естественно «Картины родины» распадаются на двѣ части. Первая—введеніе—даетъ общее понятіе о ландшафтѣ и о причинахъ, его созидающихъ, т.-е. представляетъ собою краткій очеркъ геологіи, набросанный преимущественно на почвѣ нашей родины.

Вторая часть посвящена спеціально ландшафтамъ Европейской Россіи, соединеннымъ въ нѣсколько большихъ группъ. Здѣсь проходятъ передъ вами типичные моренные ландшафты Валдайскихъ горъ, западныхъ окраинъ Бѣлорусско-Литовской гряды, гранито-гнейсовый ландшафтъ финляндско-олонецкаго массива съ яркими и характерными отпечатками ледниковой эпохи, и описанія водопадовъ—Иматры, Кивача, Поръ-Порога, и Галицко-Подольская возвышенность съ ея размытыми Кременецкими и Медоборскими горами и типичными для нихъ зубчатыми фантастическими «толтрами»; толтры смѣняются лёссовыми ландшафтами южной

Россіи съ ея черноземомъ и оврагами, затѣмъ идутъ ландшафты карстоваго характера—крымскіе, уральскіе, приволжскіе, олонецкіе и прибалтійскіе— грандіозныя пещеры, обвалы, провальныя озера, подземныя рѣки. Очерчены крупными штрихами и картины рѣчныхъ поймъ—ильмени, воложки, ерики, старицы, рѣчныя террасы, наконецъ, дельтовые и дюнные ландшафты.

Объясненія, главнымъ образомъ, въ первой части—просты и ясны, описанія—второй—опредѣленны и порой картинны. Мы раздѣляемъ мнѣніе автора, что «Картины родины» будутъ полезны не только юношеству и лицамъ, преслѣдующимъ цѣли самообразованія, но и художникамъ-пейзажистамъ, «для которыхъ истолкованіе типичныхъ ландшафтовъ нашей страны представляетъ несомнѣнное значеніе».

Цѣнность «Картинъ родины» увеличивается еще тѣмъ, что текстъ сопровождается большимъ количествомъ рисунковъ, часто оригинальныхъ и впервые увидѣвшихъ свѣтъ.

Вторая книжечка А. П. Нечаева—«Почва и ея исторія» представляетъ собою живое, популярное изложеніе взглядовъ почвовѣдовъ «докучаевской школы» на образованіе почвъ и ихъ географическое, такъ называемое—зональное распространеніе на всемъ земномъ шарѣ. Въ зависимости отъ этой основной точки зрѣнія находится и распредѣленіе матеріала: большая половина книжки посвящена вопросамъ вывѣтриванія и жизнедѣятельности животныхъ и растеній, какъ почвообразователей.

Принадлежа самъ къ «докучаевцамъ» и признавая громадное научное и педагогическое значеніе за работами этой школы, я въ популярной книжкѣ все же не сталъ бы выдавать зональную теорію, по крайней мѣрѣ въ ея современномъ видѣ, за нѣчто уже вполнѣ установленное; кромѣ того, мнѣ казалось бы необходимымъ для большей полноты книжки, посвященной спеціально почвѣ, удѣлить нѣсколько больше мѣста физическимъ свойствамъ почвы, чѣмъ то сдѣлалъ авторъ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ появилась эта книжечка, она представляетъ, по нашему мнѣнію, большой интересъ для широкой публики и, конечно, найдетъ своего читателя. Также, какъ «Картины родины», «Почва и ея исторія» украшена многими рисунками и портретами нашихъ выдающихся почвовѣдовъ (Рупрехта, Докучаева, Костычева, Сибирцева); среди послѣднихъ мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ остановились на портретѣ проф. Мушкетова: покойный ученый имѣлъ къ почвовѣдѣнію очень малое касательство.

В. Агафоновъ.

Проф. П. А. Костычевъ. «Почва, ея обработка и удобреніе. (Практическое руководство). Съ предисловіемъ проф. Д. Н. Прянишникова. 316 стр. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Цѣна 1 р. Онъ же. О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. 80 стр. Изд. 3-е. Москва. Цѣна 20 к. В. Докучаевъ и П. Костычевъ были безспорно самыми крупными русскими почвовѣдами, два антипода, два врага—они взаимно дополняли другъ друга. Первый создалъ новую отрасль естествознанія—геологическое и географическое почвовѣдѣніе, создалъ, такъ сказать, «своимъ умомъ», на своихъ родныхъ русскихъ почвахъ и провелъ основныя, мощныя борозды этой науки, откидывая и сознательно игнорируя детали и частности, докучно противорѣчившія иногда его геніальной схемѣ; другой, выученикъ западно-европейской науки, эрудитъ, экспериментаторъ и агрономъ, ставившій себѣ цѣлью не широкія обобщенія, а точно поставленный опытъ и непосредственно ближайшія практическія цѣли, не далъ ничего существенно новаго, не создалъ и школы, но зато, съ одной стороны, оставилъ послѣ себя рядъ точныхъ опытныхъ работъ, съ другой—оказалъ громадное вліяніе на развитіе агрономіи въ Россіи. Одной изъ этихъ заслугъ является выясненіе имъ вопроса о способахъ борьбы съ засухами въ черноземной полосѣ Россіи, при

помощи особой обработки почвы, благодаря которой усиливалось бы накопленіе воды въ почвѣ зимою, поддерживалась бы проницаемость почвы для воды съ тою цѣлью, чтобы дождевая и снѣговая вода проникала бы по возможности вся въ почву, и, наконецъ, прекращалось бы волосное движеніе воды въ почвѣ до самой поверхности ея, чѣмъ ослаблялось бы высыханіе почвы.

Означенная выше брошюра и посвящена была покойнымъ профессоромъ пропагандѣ и популяризаціи идей его по этому практическому, колоссальной важности вопросу. Самый фактъ появленія третьяго изданія показываетъ на то, что работа теоретика-агронома была оцѣнена практиками.

Другая книга—«Почва, ея обработка и удобреніе»—лебединая пѣсня П. Костычева, она напечатана уже послѣ смерти его, съ оставленной имъ неполной рукописи, которую проф. Прянишникову пришлось дополнять на основаніи другихъ работъ покойнаго ученаго. Въ этомъ видѣ книга состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) общее почвовѣдѣніе, 2) ученіе объ обработкѣ почвъ и 3) ученіе объ удобреніи почвъ. Въ этомъ сочиненіи долженъ былъ быть еще 4-й отдѣлъ, посвященный «кореннымъ улучшеніямъ» почвы, но онъ такъ и остался ненаписаннымъ. Впрочемъ, и въ такомъ неоконченномъ видѣ сочиненіе П. Костычева является наиболѣе полнымъ и оригинальнымъ изъ всѣхъ болѣе или менѣе доступныхъ для неспеціалистовъ руководствомъ по агрономіи: въ ней вся физика и химія почвы и вся теорія ея обработки и удобренія.

Изданы эти книги вполнѣ удовлетворительно, особенно принимая во вниманіе низкую цѣну изданія.

Намъ приходилось просматривать и нѣкоторыя другія изданія этой серіи—«Деревенское хозяйство и деревенская жизнь» (изд. Горбунова-Посадова)—самаго разнообразнаго содержанія («Общедоступный часовщикъ», «О правильномъ уходѣ за лошадьми», «Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе», и др.) и всѣ они производили самое благопріятное впечатлѣніе какъ содержательностью и общедоступностью изложенія, такъ и внѣшностью. *В. Аг.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го марта по 15-е апрѣля 1905 г.).

М. Гонецкая. Очерки изъ жизни. 7 разсказовъ. Москва. 1905. Ц. 75 к.

Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга I. Спб. 1905. Изд. «Содружества». Ц. 1 р. 50 к.

Н. Г. Чернышевскій. «Что дѣлать?» Романъ. Спб. 1905. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Всевол. Буславскій. Просвѣтъ. Драматич. сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Евгенія Де-Турже-Туржанская. Разсказы и очерки. Смоленскъ. 1905. Ц. 75 к.

Н. Смирновъ. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Алекс. Килландъ. Новеллы. Спб. 1905. Соврем. научн. обр. библ. Ц. 10 к.

Сер... Сир... Ночныя бабочки. Разсказы и очерки. Москва. 1905 г. Ц. 50 к.

В. І. Дмитріева. На скалѣ. Очеркъ. Харьковъ. 1905. Изд. Раппъ и Потапова. Ц. 10 к.

Н. Темный. Обыскъ. Харьковъ. 1905. Изд. то же. Ц. 3.

Л. Н. Толстой. Тяжелое бремя. Изд. то же. Ц. 3 к.

Д. Айзманъ. Въ чужой сторонѣ. Изд. то же. Ц. 7 к.

А. Бибикъ. Пріятели. Изд. то же. Ц. 7 к.

А. О. Киселевъ. Погибшій городъ. Оренбургъ. 1905. Ц. 20 к.

Русскій. Думы и пѣсни. Посвящаются молодому поколѣнію. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Мруза. Теплое слово. Памфлеты и эскизы. Самаркандъ. 1905. Изд. «Самарканда». Ц.

В. Лункевичъ. Чудеса общежитія. Спб. 1905. Изд. Павленкова. Ц. 20 к.

«Библ. Юнаго Читателя». Страна долгой ночи. Перев. съ англ. М. Готовцевой. Спб. 1904. Ц. — Небесныя свѣтила. Сост. В. Вахтеровъ. Спб. 1905. 2-ое изд. Ц. 30 к. Юные австралійцы. Пов. Этель Тэрнеръ въ перераб. Н. Шишкова. Спб. 1904. Ц. 50 к. Англичане и ихъ страна. Сост. Э. Пименова. Спб. 1905. Ц. 30 к.

П. Дружбинъ. Объ умѣ и нравахъ собакъ. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 20 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ кошекъ. Изд. то же. Ц. 15 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ слоновъ. Изд. то же. Ц. 15 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ львовъ. Изд. то же. Ц. 10 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Поэма. Спб. 1904. Ц. 5 к.

Мальтатули. Богъ хочетъ милости, а не жертвы. Перев. съ нѣм. В. Л. Изд. «Юн. Читателя». Ц. 5 к.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Матросы корабля «Надежда». Разсказъ. Спб. 1905. Изд. Н. Глаголева. Ц. 20 к.

Библ. Горбунова-Посадова. Сестра Бѣленькая и другіе разск. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Георгъ Зиммель. Кантъ и современная эстетика.

К. Фонъ Келлесъ-Краузъ. Музыка и экономія. «Современ. библіотека», № 22. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Якушкинъ. Сперанскій и Аркачеевъ. Спб. 1905. Изд. «Всеоб. Библ.», Г. Львовича. Ц. 15 к.

Ив. Ив. Ивановъ. Ф. Шиллеръ. Біографич. очеркъ. Безплатн. прилож. къ журн. «Дѣтское Чтеніе». Спб. 1905.

О писателяхъ. Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. Собраны и запис. Ал. Мошинымъ. Спб. 1905. Изд. «Помощь». Ц.

К. М. Федоровъ. Жизнь русск. великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Изд. ред. «Закасп. Обозрѣнія». Асхабадъ. 1904. Ц. 50 к.

Л. Фейербахъ, его жизнь и ученіе. Фр. Іодля. Перев. съ нѣм. Е. Максимовой. Спб. 1905. Изд. т-ва «Общ. Польза». Ц. 50 к.

Иммануилъ Кантъ его жизнь и ученіе. Фр. Паульсена. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго. Спб 1905. Изд. 2-ое «Образованія». Ц. 1 р.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія 1861—1902 гг. Изд. ред. журн. «Вѣстникъ Воспит.». М. 1905. Ц. 1 р.

Памяти профессора Ивана Ник. Миклашевскаго. Сборникъ рѣчей, некрол. и т. д. Харьковъ. 1905. Изд. Ист. Фил. О-ва при Х. универс. Ц. 50 к.

Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сборникъ статей, некралоговъ, воспоминаній. Харьмовъ. 1905. Изд. тоже. Ц. 1 р. 30 к.

В. Бузескулъ. Проф. М. М. Лунинъ. «Харьковскій Грановскій. Спб. 1905. Ц.

I. Малиновскій. Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Лекція, чит. въ Томск. Ун-тѣ. Москва. 1904. Ц. 25.

Его же. Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Докладъ, чит. въ засѣд. Том. Юрид. О-ва. Томскъ. 1905. Ц. 75 к.

Японская конституція. Д-ръ юридическихъ наукъ Брукъ. Пер. съ нѣм. Н. И. Секерина. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Э. Вандервельдъ. Экономическ. факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народы. Спб. 1905. Изд. «Совр. Библ.» Ц. 10 к.

Рихардъ Кальверъ. Міровое хозяйство къ началу XX вѣка. Пер. съ нѣм. Ш. Гермера. Спб. 1905. «Совр. Библ.» Ц. 10 к.

Проф. В. Зомбартъ. О значеніи политической экономіи для каждаго. Пер. Д. Марголина. Кіевъ. 1905. Изд. книжн. магаз. Иванова. Ц. 15 к.

Современная Библіотека. 1) Женщина къ началу XX вѣка. Шцезингеръ-Экштейна. Пер. съ нѣм. С. Штернъ. Спб. 1905. Ц. 20 к. 2) Проституція начала XX вѣка. Д-ръ А. Блашко. Спб. 1905. Ц. 10 к. 3) Соціологія къ началу XX вѣка. Казиміръ фонъ Келлесъ-Краузъ. Пер. съ нѣм. Эдельмана и Малыхъ. Ц. 20 к.

Клара Цеткина. Женщина и ея экономическое положеніе. Пер. съ нѣм. Одесса. 1905. Книгоиздат. «Молотъ». Ц. 10 к.

В. Эйгесъ. Крит. феноменализма. Брянскъ. 1905. Ц. 85 к.

В. Колобаевъ. Забастовки и заработная плата. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

А. Лоріа. Рабочее движеніе. Происхожденіе—формы—развитіе. Изд. С. Коренева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Спб. 1905. Изд. «Всеоб. Библ.» Г. Львовича. Ц. 1 р.

Б. Уэббъ. Кооперативное движеніе въ Англіи. Пер. съ англ. К. и С. Алексѣевыхъ. Спб. 1905. Изданіе И. Балашова. Ц. 1 р.

Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи Карла Каутскаго. Одесса. 1905. Книгоиздат. «Молотъ» Ц. 75 к.

Л. Кольдмерштейнъ. Война и очередныя задачи нашей жел.-дор. политики. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Н. Карѣевъ. Выборъ факультета. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Его же. Общій взглядъ на истор. запад. Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Веньяминъ Экдрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ. Пер. съ англ. Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905. Книгоиздат. Пирожкова. Ц. 2 р. 50 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Ист. О-ва при Спб. Ун—тѣ. подъ ред. Н. Карѣева. Т. 14-й. Спб. 1905. Ц.

Т. Цигенъ. Мозгъ и душа. Пер. С. Чулока. Спб. Ц. 10 к.

В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. I. Спб. 1903. Изданіе Брокгаузъ и Ефронъ. Ц.

F. Auerbach. Царица міра и ея тѣнь. Общедост. излож. основ. ученія объ энергіи и энтропіи. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

П. Бахметьевъ. Завѣщаніе миллiардера. Методъ разработки естествен. наукъ въ будущемъ. Москва. 1905. Ц.

Д. Е. Лаппо. Общественное управленіе минусинскихъ инородцевъ. Томскъ. 1904. Ц.

П. А. Несторовскій. Бессарабскіе русины Ист.-этногр. очеркъ. Варшава. 1905. Ц. 1 р.

Ал. Калантаръ. Судьба табаководства на черноморск. побережьѣ. Тифлисъ, 1905. Ц.

Труды Студенческаго Кружка для изслѣдованія русской природы. Книжка II. Под. ред. Вл. С. Доктуровскаго. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Извѣстія Вост.-Сиб. Отдѣла Им. Рус. Геогр. О-ва. Иркутскъ. 1904. Ц.

Р. Келлеръ. Правдивое слово властямъ обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава.

Общее положеніе о крестьянахъ. Общедоступный сборникъ основн. крестьянскихъ законовъ. Сост. подъ ред. И. М. Тютрюмова. Спб. 1905. Изд. ред. журн. «Юристъ». Ц. 1 р. 50 к.

Реформа средняго образованія. Проф. А. П. Павловъ. Москва. 1905. Ц. 25 к.

М. Клочковъ. Земскіе соборы въ старину. Спб. 1905. Изд. «Об. Пользы». Ц. 15 к.

Л. Сокальскій. Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошл. вѣка. Кіевъ. 1905. Ц.

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учрежд. Россіи и народное представительство. Спб. 1905. Изд. то же. Ц. 60 к.

Крестьянскій строй. Т. I. Сборникъ статей А. Корнилова и другихъ. Спб. 1905. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Ц. 2 р. 50 к.

Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. I. Ред.-изд. Холчевъ. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Докладъ о результатахъ разслѣдованія по поводу обвиненія газетою «Русь» гимназіи Имп. Человѣколюб. О-ва. Спб. 1905.

Г. С. Михайлов-Мучкин. Совершенствованіе русской грамоты и правописанія въ теоретическ. обоснов. и практич. рѣшеніи вопроса. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

Учебникъ русской этимологіи съ «приложеніемъ» для разбора и другихъ упражненій. Составилъ Ис. Терлинъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Техн. П. Федоровъ. Постройка дома. Справочная книга и руководство. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Указатель русской медицинской литературы. Книжный магазинъ К. Л. Риккера. Спб. 1905.

Указатель технической литературы. Книжный магазинъ К. Л. Риккера. Спб. 1905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Les Plantes dans l'antiquité et au moyen-âge». Première partie. Les Plantes dans l'Orient classique. Tome II. Par Charles Joret, membre de l'Institut. (*Librairie Emile Bouillon*). (*Растенія въ древности и въ средніе вѣка*). Первый томъ этого большого труда вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и посвященъ былъ растительности древнихъ странъ, Египту, Халдеѣ, Ассиріи, Іудеи и Финикіи. Новый томъ касается только Ирана и Индіи, причемъ растенія разсматриваются съ различныхъ точекъ зрѣнія и указывается ихъ роль въ питаніи и промышленности, въ поэзіи и искусствѣ, въ религіозныхъ легендахъ и въ культѣ, въ магіи и медицинѣ и т. д. Изучая флору Индіи, авторъ попутно рисуетъ намъ исторію цивилизаціи этой обширной страны.

(Journal des Débats).

«Die Lebenswunder», von Ernst Haeckel. (*Verlag von Alfred Kröner*). *Stuttgart.* (*Чудо жизни*). Предшествующій трудъ маститаго ученаго, «Міровая загадка», вызвалъ массу разсужденій въ печати, за и противъ его взглядовъ и къ нему обращались съ безчисленнымъ множествомъ вопросовъ. Не имѣя возможности отвѣчать на нихъ отдѣльно и въ виду того, что у него накопился огромный матеріалъ, который могъ послужить къ разъясненію или опроверженію многихъ, заключающихся въ его первомъ трудѣ, толкованій, Геккель рѣшилъ издать, какъ дополненіе къ этому труду, названную книгу, въ которой онъ отвѣчаетъ на обращенные къ нему многочисленные вопросы и подробно излагаетъ монистическую философію.

Berl. Tag.).

«Die bildende Kunst und das Jenseits», von Rudolf Kautzsch. (*Eugen Diederichs*). (*Творческое искусство и вѣчная жизнь*). Исторія искусства въ узкомъ смыслѣ этого слова требуетъ для своего дополненія исторіи культуры. Эстетическій анализъ художественнаго творчества и способовъ его проявленія оставляетъ нетронутой, при разъясненіи художественныхъ произведеній, такую область, которая подлежитъ изслѣдованію только историка культуры. Авторъ именно и исходитъ отъ такого положенія и посвящаетъ свой трудъ изслѣдованію отношеній, существующихъ между творческимъ искусствомъ и представленіями о загробной жизни.

(Frankfurt. Ziet.).

«The Story of an Irishman», by Justin Mc Carthy. London. (*Chatto and Windus*). *12 s.* (*Исторія одного ирландца*). Очень интересная книга, въ которой заключается много свѣдѣній, касающихся современной политической исторіи Ирландіи. Авторъ былъ лидеромъ ирландской расы и принималъ участіе въ парламентской жизни, работая, кромѣ того, въ журналистикѣ, на поприщѣ которой онъ выступилъ тотчасъ же послѣ великаго ирландскаго голода. Проработавъ въ лондонскихъ газетахъ, гдѣ онъ находился въ близкомъ соприкосновеніи съ Брайтомъ и Кобденомъ, онъ отправился въ Соединенные Штаты, откуда, послѣ трехлѣтняго пребыванія, вернулся въ Лондонъ и былъ выбранъ депутатомъ въ палату общинъ. Эта талантливо написанная книга можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, интересующихся парламентскою жизнью вообще и ирландскимъ вопросомъ въ частности.

(Daily News).

«The Balkan Question», by various Writers. Edited by Luigi Villari (*Murray*). *10 s. 6 d.* (*Балканскій вопросъ*). Это сборникъ статей различныхъ авторовъ, излагающихъ свои взгляды на современное положеніе балканскаго вопроса и на отвѣтственность европейскихъ государствъ, въ частности по отношенію къ македонскому вопросу.

(Times).

«Slavery», by Bart Kennedy. (*Anthony Treherne*). (*Рабство*). Авторъ облекаетъ въ беллетристическую форму могучій протестъ противъ существующаго соціальнаго порядка и неравенства положенія «имущихъ» и «неимущихъ». Онъ описываетъ далѣе дѣтей рабочихъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ идущихъ на фабрику и становящихся тоже рабочими, но на половинной платѣ. Авторъ самъ, въ юности, былъ такимъ именно рабочимъ и потому ему хорошо извѣстенъ

бытъ этихъ бѣдняковъ. Послѣдняя глава называется «Логика революцій» и написана особенно сильно и съ характерною для автора рѣзкостью.

(Bookseller).

«*Esquise Psychologique des Peuples Européens*», *par Alfred Fouillée. Bibliotheque de la Philosophie conteporaine.* (*Felix Alcan*). (*Психологическій эскизъ европейскихъ народовъ*). Князь Бисмаркъ однажды сказалъ, что изученіе характера народовъ гораздо важнѣе знанія ихъ матеріальныхъ интересовъ. Авторъ, повидимому, раздѣляетъ этотъ взглядъ и поэтому онъ изучаетъ въ своей книгѣ характеръ европейскихъ народовъ, слагая его изъ различныхъ моментовъ, а именно: изъ отношенія народа къ собственной исторіи, къ землѣ, къ религіи, къ наукѣ, къ искусствамъ, изъ его соціальной и политической организаціи, изъ его политическихъ и экономическихъ стремленій и т. д. Такъ, напр., въ той части своей книги, которая посвящена Германіи, онъ говоритъ: о расахъ и климатѣ; о древнихъ германцахъ, о характерѣ германцевъ, о германскомъ духѣ и германскомъ языкѣ, религіи, поэтическомъ творчествѣ, философіи, исторіи, философіи права; нѣмецкомъ характерѣ и нѣмецкой исторіи, о нѣмецкомъ духѣ и теоріи великихъ людей; о развитіи научной промышленности; о народномъ движеніи и ростѣ городовъ; объ общественномъ воспитаніи, милитаризмѣ, капитализмѣ и соціализмѣ. Авторъ постарался освѣтить свою тему съ разныхъ сторонъ и представить матеріалъ богатый не только цифрами и датами, но и психологическими данными, изреченіями государственныхъ дѣятелей, ученыхъ и поэтовъ. Точно также авторъ изучаетъ въ своей книгѣ и другіе народы, старую и новую Грецію, Римъ и Италію, испанцевъ, англичанъ, русскихъ, французовъ, новую латинскую и англосаксонскую расу. Нѣмцевъ онъ рисуетъ только со словъ ихъ же собственныхъ авторовъ, очевидно опасаясь, чтобы его не упрекнули въ партійности и пристрастіи.

(Journal des Débats).

«*Ernst Haeckel*», *von Wilhelm Bölsche.* (*Steemam Nachfalger*). *Berlin—Leipzig.* (*Эрнстъ Геккель*). Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, великій германскій ученый продолжаетъ съ юношескимъ пыломъ борьбу съ открытыми и скрытыми противниками безграничной свободы научнаго изслѣдованія природы. Кого интересуетъ личность этого неутомимаго маститаго борца, тотъ пусть прочтетъ эту книгу, авторъ которой съ любовью и талантомъ описываетъ его жизнь и дѣятельность.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Le Rêve d'un siècle*», *par Joseph Baruzzi* (*Calman Lévy*). (*Мечта вѣка*). Авторъ, молодой философъ, повидимому, послѣдователь Карлейля, такъ какъ его идеи сквозятъ въ каждой строкѣ книгѣ. Но, во всякомъ случаѣ эта, книга указываетъ важное значеніе идеалистическаго направленія, которое воодушевляетъ новыя поколѣнія и которыми вдохновился ея авторъ.

(Journal des Débats).

«*A Modern Utopia*», *by H. G. Wells. London* (*Chapman and Hall*). *1905. 7 s. 6 d.* (*Современная утопія*). Авторъ облекаетъ серьезныя соціальныя идеи въ беллетрическую форму, такъ какъ въ этой формѣ онѣ легче усваиваются болѣе широкимъ кругомъ читателей. Это новое произведеніе автора можетъ быть также названо соціологическою фантазіей, подъ видомъ которой онъ распространяетъ свои оригинальные и передовые взгляды на соціальныя проблемы.

(Saturday Review).

«*Maners of Modern History*», *Napoleon III, Cavour, Bismarck. By the Hon. Edward Cadogon.* (*Murray*). *8 s.* (*Творцы современной исторіи*). Авторъ проводитъ параллель между Наполеономъ III, Кавуромъ и Бисмаркомъ, сыгравшими такую важную роль въ европейской исторіи XIX вѣка, и опредѣляетъ вліяніе каждаго изъ нихъ на ходъ историческихъ событій. Книга написана очень живо и интересно.

(Saturday Review).

Lhassa and its mysteries». *A record of the expedition 1903—1904. By L. A. Waddell. With 200 illustrations.* (*Murray*). *25 s.* (*Лхасса и ея тайны*). Это описаніе послѣдней экспедиціи въ Тибетъ изобилуетъ новыми и подробными свѣдѣніями объ этой странѣ, ея жителяхъ, нравахъ и обычаяхъ и т. д. Книга читается съ большимъ интересомъ.

(Saturday Review).

«*La vraie religion selon Pascal*», *par Sully Prudhomme.* (*Alcan*). (*Истинная религія по Паскалю*). Авторъ разъясняетъ, то, что можетъ казаться загадочнымъ съ перваго взгляда въ нравственной жизни Паскаля. Онъ разсказываетъ о его происхожденіи, о его необыкновенной энергіи. объ антагонизмѣ, существовавшемъ между его склонностями и врожденными способностями и описываетъ различную среду, которая благопріятствовала ихъ развитію и вліяніе на нихъ его собственнаго болѣзненнаго состоянія и мышленія. Паскаль родился съ такими умственными способностями, которыя противодѣйствовали его елигіознымъ склонностямъ, но въ то же

время въ немъ былъ заложенъ религіозный мистицизмъ, наслѣдственный и болѣе сильный, чѣмъ у его отца, который, несмотря на свою ученость, вѣрилъ въ сверхъестественность. Такимъ образомъ, авторъ, изслѣдуя подробно жизнь и обстановку Паскаля, старается возстановить его нравственный образъ и объяснить тѣ противорѣчія, которыя такъ занимали всѣхъ религіозныхъ и антирелигіозныхъ мыслителей, изучавшихъ Паскаля.

(La Revue).

«La cité Jardin», par Georges Benoit Lévy. (*Городъ-садъ*). Вдохновленные ученіемъ Рёскина англійскіе фабриканты, между прочимъ Ливеръ изъ Ливерпуля и шоколадный фабрикантъ Кэдбюри изъ Бурневилля, основали прекрасныя поселенія, среди садовъ, гдѣ живутъ ихъ рабочіе. Каждый домикъ въ этихъ городахъ окруженъ деревьями и лужайками, и смертность среди жителей такихъ рабочихъ поселеній понизились съ 21% до 9%. Теперь эти самые промышленники, соединившись съ другими и образовавъ общество, купили въ 50 километрахъ отъ Лондона участокъ въ 1.500 гектаровъ и собираются устроить на немъ «городъ-садъ», который могъ бы вмѣстить 82.000 жителей. Авторъ названной книги описываетъ уже существующіе города подобнаго рода и дополняетъ свои описанія многочисленными снимками съ этихъ рабочихъ поселеній.

(La Revue).

«La Societé Française sous la troisième république» (d'après les romanciers contemporains), par Marius Ary Leblond. (*Alcan*). (*Французское общество во времена третьей республики*). Эта книга не столько представляетъ исторію или описаніе современнаго общества, сколько критику романической литературы, которая какъ бы служитъ изображеніемъ этого общества. По этой литературѣ можно судить о томъ представленіи, которое имѣютъ авторы о своихъ современникахъ. Тутъ затрагивается проблема взаимодѣйствія литературы на жизнь и жизни на литературу. Изслѣдуя ее, авторъ обнаруживаетъ способность психологическаго анализа и большую эрудицію.

(La Revue).

«Recollections of troubled Times in Irish Politics», by T. D. Sullevan. (*Sealy, Bryers, Walker*). (*Воспоминанія о смутныхъ временахъ ирландской политики*). Воспоминанія ирландскаго журналиста, проработавшаго 45 лѣтъ въ ирландской газетѣ и принимавшаго активное участіе въ ирландской политикѣ, разумѣется, представляютъ интересъ, такъ какъ эта политика, за послѣднія полстолѣтія, отличалась большою возбужденностью. Притомъ же авторъ умѣетъ занимательно разсказывать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживаетъ большую долю юмора. Конечно, онъ держится ирландской точки зрѣнія, но она не мѣшаетъ ему все-таки безпристрастно относиться ко многимъ фактамъ и осуждать внутреннія распри и взаимное недовѣріе, помѣшавшія реализаціи ирландскихъ національныхъ стремленій.

(Bookseller).

«Tales of Old Fiji» by Lorimer Fison. (*Alex. Moring*). (*Фиджійскія легенды*). Читатели, интересующіеся Фольклоромъ, найдутъ въ этой книгѣ богатый матеріалъ, такъ какъ фиджійцы занимаютъ довольно высокое мѣсто на соціальной лѣстницѣ и задолго до посѣщенія Фиджи бѣлыми, жители этихъ острововъ уже достигли значительнаго развитія, поэтому и легенды ихъ заслуживаютъ вниманія. Кромѣ легендъ, въ книгѣ находятся отдѣльные очерки, указывающіе на превосходное знакомство автора съ архипелагомъ и его населеніемъ.

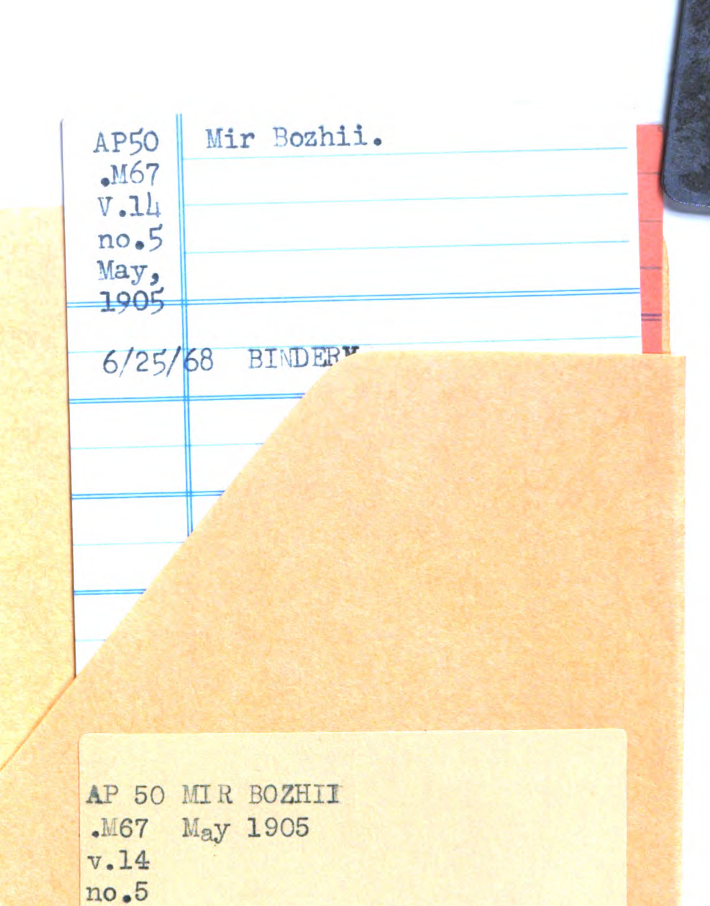
(Bookseller).

«New Forces in Old China», by Arthur Judson Brown. (*Fleming H. Revell*). (*Новыя силы въ старомъ Китаѣ*). Цѣль этой книги— представить дѣятельность трехъ великихъ преобразовательныхъ силъ современнаго міра: западной торговли, западной политики и западной религіи, совмѣстно работающихъ и подчиняющихъ старый консервативный Китай своему вліянію. Въ предисловіи авторъ говоритъ о старомъ Китаѣ и его населеніи; затѣмъ идутъ главы: «Коммерческое вліяніе и экономическая революція»; «Политическое вліяніе національный протестъ»; «Миссіонерская сила и китайская церковь»; заканчивающіяся разсужденіями о будущности Китая, о желтой опасности и объ обязанностяхъ христіанскаго міра по отношенію къ Китаю. Книга написана очень безпристрастно, съ большимъ знаніемъ дѣла и вдумчивостью. Къ ней приложена карта Китая и нѣсколько прекрасно исполненныхъ иллюстрацій, какъ бы дополняющихъ текстъ.

(Bookseller).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.




AP50 Mir Bozhii.
.M67
V.14
no.5
May,
1905
6/25/68 BINDERY
AP 50 MIR BOZHII
.M67 May 1905
v.14
no.5
THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY


BOUND BY


U of Chicago
55015100